

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X (Print)

ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 12, выпуск 8, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 8, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 8, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
	Языкознание	
География авторов выпуска	Волгоград	Санкт-Петербург
	Екатеринбург	Севастополь
	Кемерово	Стерлитамак
	Москва	Тобольск
	Нальчик	Тюмень
	Нижний Новгород	Челябинск
	Новосибирск	Элиста
	Пенза	Якутск
	Пермь	
Авторы, имеющие ученую степень	83 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 27.10.2023

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 8, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel'nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal's web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика**

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Казев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алексеева Л. М., Мишланова С. Л.</i> Мобильность современной терминологии	9
<i>Алексеева М. Л., Сало В. Э.</i> Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»)	28
<i>Бармина Е. А., Скидан О. Г.</i> Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода	47
<i>Виноградов С. Н., Фокина В. О.</i> Ориентирующая функция термина в аспекте его научно-популярной концептуализации	65
<i>Голев Н. Д.</i> Макромоделирование языковой вариативности : к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов)	86
<i>Горбань О. А.</i> Рапорт в документной коммуникации на юге России первой половины XVIII века	126
<i>Иоанесян Е. Р.</i> Иллокутивные показатели : сравнительно-типологический аспект ...	143
<i>Краснопеева Е. С., Краева С. С.</i> Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия)	156
<i>Круглова А. В.</i> Перцептивная оценка глубины просодического членения в звучащем стихе (на материале «Евгения Онегина» А. С. Пушкина)	179
<i>Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.</i> Библиейские фразеологизмы и паремии в современном социокультурном контексте : к концепции словарной репрезентации	193
<i>Рябцева Н. К.</i> Межязыковые соответствия и актуальные проблемы терминографии	211

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Баженова Е. А., Ширинкина М. А.</i> Медиакоммуникации исполнительной власти : оценка эффективности	229
<i>Бочкарев А. И.</i> Бесплезность как основная утилитарная антиценность современного комического дискурса англоязычной лингвокультуры	245
<i>Сорокин Д. А.</i> Полиязычие как феномен общественного телерадиовещания (по материалам македонского холдинга MRT)	262

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Киселева И. А., Поташова К. А.</i> М. Ю. Лермонтов и А. А. Вельяминов : история взаимоотношений и взгляд на кавказский вопрос	277

Константинова Н. В. Специфика авторской стратегии в женских травелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Сverbеевой)	293
Львова С. Д. Тропы в олонхо : устойчивость и вариативность.....	311
Ожигова М. М. Концепция Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском и ее влияние на эстетический диалог двух рассказов М. Горького	329

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агафонова А. Б. Городская повседневность и электрификация в условиях топливных кризисов первой четверти XX века / А. Б. Агафонова // Научный диалог. — 2023. —	348
Аксарин В. В., Садыкова Э. Ф. Города Западной Сибири в 1930-е годы : социально-экономические показатели	372
Антошкин А. В. Государственное регулирование торговли в Башкирии в 1945—1953 годах	395
Баканов С. А. Социальная инфраструктура советских предприятий в 1950—1980-е годы : источники и механизмы финансирования (на примере Челябинского тракторного завода)	413
Нестерова Т. П. Эфиопия и великие державы на завершающем этапе итало-эфиопской войны (март — май 1936 года)	438
Очиров Б. В. Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века	455
Сулейманов А. А. Якутские комплексные экспедиции Академии наук СССР и исследование арктических районов Якутии в 1950-е годы	472
Татаров А. А. Газета «Газават» и проблема Северного Кавказа в пропаганде нацистской Германии в 1943—1944 годах.....	491
Якупова Д. В. Пензенские «Агит-окна» в культурном наследии Великой Отечественной войны	509
АВТОРАМ.....	529
CONTENTS.....	535

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Анастасия Владимировна Круглова (Москва)
Валерий Михайлович Мокиенко, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Виктория Олеговна Фокина, аспирант (Нижний Новгород)
Виктория Эдуардовна Сало, ассистент (Тюмень)
Евгения Александровна Бармина, канд. филол. наук (Севастополь)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Екатерина Сергеевна Краснопеева, канд. филол. наук (Челябинск)
Лариса Михайловна Алексеева, д-р филол. наук (Пермь)
Мария Леонардовна Алексеева, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Надежда Константиновна Рябцева, д-р филол. наук (Москва)
Николай Данилович Голев, д-р филол. наук (Кемерово)
Оксана Анатольевна Горбань, д-р филол. наук (Волгоград)
Ольга Геннадьевна Скидан, канд. филол. наук (Севастополь)
Светлана Леонидовна Мишланова, д-р филол. наук (Пермь)
Светлана Сергеевна Краева, канд. филол. наук (Челябинск)
Сергей Николаевич Виноградов, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Информация для цитирования:

Алексеева Л. М. Мобильность современной терминологии / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-9-27.

Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2023). Mobility of Contemporary Terminology. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-9-27

Мобильность современной терминологии

Алексеева Лариса Михайловна *

orcid.org/0000-0001-7336-1067

доктор филологических наук,
профессор кафедры лингводидактики,

** корреспондирующий автор*

larissapsu@gmail.com

Мишланова Светлана Леонидовна

orcid.org/0000-0003-3332-9753

доктор филологических наук,
заведующая кафедрой лингводидактики

mishlanovas@mail.ru

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

Mobility of Contemporary Terminology

Larisa M. Alekseeva *

orcid.org/0000-0001-7336-1067

Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguodidactics,

** Corresponding author*

larissapsu@gmail.com

Svetlana L. Mishlanova

orcid.org/0000-0003-3332-9753

Doctor of Philology, Head
of the Department of Linguodidactics

mishlanovas@mail.ru

Perm State University
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования является обоснование категории «мобильность термина». Поднимается вопрос о необходимости изучения подвижности терминологии, ранее не подвергавшегося анализу. Авторы останавливаются на характеристике мобильности терминологии с опорой на теоретические предпосылки, связанные с представлением о трансфере знания и динамической природе термина. Авторы рассматривают мобильность как сложный эволюционный процесс, который, в отличие от динамики, сопоставимой с движением или простым замещением языковых единиц, оказывается источником обновления терминологии в языке. Выполнен обзор современных терминоведческих исследований с целью выявления теоретических основ и предпосылок формирования нового понятия «мобильность терминологии». Большая роль отводится дискурсу и социальным (экстралингвистическим) факторам. Мы видим своеобразный цикл мобильности термина, начинающийся с идентификации термина как языкового знака и заканчивающийся метатермином. Утверждается, что мобильность терминологии проходит пять этапов развития. Многоэтапная структура мобильности терминологии проявляется в переходе ко все более сложной сфере (домену) функционирования: от единицы специального знания, через специальную форму их организации — терминосистему, через специальный текст, коммуникативную ситуацию, профессиональную деятельность к задачам и потребностям социума.

Ключевые слова:

терминоведение; динамика термина; мобильность терминологии; трансфер знания; профессиональная коммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of this research is the justification of the category of “terminology mobility”. The question arises about the need to study the mobility of terminology, which has not been previously analyzed. The authors focus on the characteristics of terminology mobility based on theoretical assumptions related to the concept of knowledge transfer and the dynamic nature of terminology. The authors consider mobility as a complex evolutionary process, which, unlike dynamics comparable to movement or simple replacement of linguistic units, serves as a source of terminology renewal in language. A review of modern terminological studies is carried out in order to identify the theoretical foundations and prerequisites for the formation of the new concept of “terminology mobility”. A significant role is given to discourse and social (extralinguistic) factors. We see a unique cycle of terminology mobility, starting with the identification of a term as a linguistic sign and ending with a metaterm. It is asserted that terminology mobility goes through five stages of development. The multi-stage structure of terminology mobility is manifested in the transition to a more complex sphere (domain) of functioning: from a unit of specialized knowledge, through a specialized form of their organization — a terminological system, through a specialized text, communicative situation, professional activity to the tasks and needs of society.

Key words:

terminology; terminology dynamics; terminology mobility; knowledge transfer; professional communication.

Мобильность современной терминологии

© Алексеева Л. М., Мишланова С. Л., 2023

1. Введение = Introduction

В данной статье мы рассматриваем одно из малоизученных свойств современной терминологии — мобильность, ассоциирующееся у нас со сложным процессом, начинающимся с этапов стандартизации и унификации терминологии и имеющим продолжение в виде ее современных трансформаций [Авербух, 2004; Алексеева и др., 2002; Алексеева и др., 2021; Гринев-Гриневич, 2008; Лейчик, 2003, 2007 и др.].

XXI век назван веком мобильности, характеризующейся неравномерностью, а также разной скоростью и интенсивностью проявления. В результате понятие мобильности стало ключевым для многих социальных и гуманитарных наук, стремящихся выявить новые области применения данного понятия, новые аспекты методологии и методы его исследования, способствующие пониманию характера современного развития знания.

Известно, что с развитием науки непрерывно растет количество понятий, концепций и теорий. Однако это не приводит к экспонентному росту терминов, обозначающих новые понятия и явления. Очевидно, что специальный язык «обходится» без растущего количества новых названий. Можно предположить, что это происходит благодаря сущностным свойствам самих терминов, в число которых входит *мобильность*.

Мы видим в этом пересечение двух тенденций, первая из которых связана с изменениями в научной исследовательской парадигме, нацеливающей исследователей гуманитарных наук на преодоление статических и поэтому ограниченных концепций языка и речевой деятельности. Так, первоначальные взгляды на термин были связаны с представлением об однозначности термина. В более поздних исследованиях специального языка (ЯСП) и термина отмечается невозможность исключительно логического обоснования природы термина и рассматривается зависимость термина от конкретной терминологической системы [Лейчик, 2003; Гринев-Гриневич, 2008], от текста [Лейчик, 2007; Мурзин 1984] или теории [Лейчик, 2007; Налимов, 2003].

Особенно интересные результаты получены современными исследователями, трактующими терминологию как совокупность единиц профессио-

нальной коммуникации, кодирующих целостные познавательные ситуации, которые в социальном смысле не пересекаются [Temmerman et al., 2014 и др.].

Исследования мобильности во многом мотивированы парадигмой постмодернизма, в рамках которой изучаются потоки и движение людей, вещей в контексте как миграции, так и трансфера в целом. В этом смысле значение «мобильности» соотносится с новыми формами человеческого взаимодействия на фоне кардинальных изменений способности людей двигаться и думать быстро [Mobilities paradigm ..., 2016; Merriman, 2014; Sheller et al., 2006 и др.].

Вторая тенденция, определяющая значимость понятия мобильности, соотносится, в нашем понимании, с когнитивным потенциалом, заложенным в многочисленных практиках, и в частности в терминологической деятельности. Знание, получаемое в ходе практик, является результатом динамики и диалектики знания. Развитие науки и технологий сопровождается появлением терминологии, и поэтому закономерности развития науки отражаются в структуре и характере терминологии. С учетом этого терминология исследуется нами как объект мобильности.

В качестве одного из первых шагов по исследованию мобильности термина можно рассматривать труды П. А. Флоренского по философии термина начала XX века, в которых исследователь впервые обратил внимание на такое свойство термина, как «культурное наслоение», выраженное в бесконечности выполняемого термином описания объекта [Флоренский, 1998, с. 223].

Получила известность метафорическая модель термина, сравнивающая термин с восхождением на вершину горы, перемежающимся «стоянками мысли», символизирующими не просто перерывы в движении, а, напротив, обогащение опыта путника и «усиление пути» [Там же, с. 198]. Как только мысль тронется дальше, термин теряет устойчивое, закреплённое значение и полностью подчиняется субъективному ритму движения.

Данная модель имеет для нашего исследования большой смысл, поскольку в ней заложена идея мобильности термина (его изменчивости) и одновременно связи с деятельностью человека, то есть социальными практиками, соотносящимися с восхождением на вершину. Таким образом, мобильность термина — это сложный процесс, связанный с миром реальной действительности и ее отражением в человеческом сознании.

Модель бесконечного поиска нового знания нашла подтверждение в исследованиях известного математика К. Геделя, доказавшего «нефинитность» математических решений [Налимов, 2003, с. 78]. Исследователь доказал, что обычно используемые непротиворечивые логические системы оказываются неполными. Известный российский математик В. В. Налимов назвал данную ситуацию «геделевской трудностью», приписывая

коммуникации (а значит, и термину как ее основной единице) логический характер и одновременно творческий потенциал мышления человека, поскольку оно, несомненно, более богато и разнообразно, чем простая логика [Там же, с. 79]. Концепция мобильности терминологии служит одним из решений данной проблемы.

В рамках научной статьи сложно характеризовать длинный путь, пройденный терминологическими школами в области формирования и адаптации понятия мобильности для терминоведения.

В первоначальных исследованиях мобильности теоретические основы формировались с опорой на социологию, географию и антропологию. Сошлемся лишь на ряд работ, опубликованных в начале XXI века. В 2000-х годах исследователи работали над теоретическими основами парадигмы, получившей название «новой мобильности» ('new mobilities paradigm'), которая, в свою очередь, привела к формированию нового аспекта исследования, названного «поворотом к мобильности» ('mobilities turn') и применяемого в социальных науках и за их пределами [Mobilities paradigm, 2016; Sheller, Urry, 2006; Salazar, Jayaram, 2016; Sheller, 2017; The Routledge handbook ..., 2017 и др.].

В исследовании [Mobilities paradigm ..., 2016] характеризуются современные представления о мобильности в аспектах академического и неакадемического дискурса. Работа двух ведущих социологов [Sheller et al., 2006] считается основополагающим трудом по мобильности в широком смысле. Книга [The Routledge handbook ..., 2017] является своеобразной междисциплинарной энциклопедией современных исследований мобильности.

Обзор приведенных работ позволил заключить, что понятие мобильности в самом общем виде определяется как ключевая категория в социальной науке, лежащая в основе представления о пространственном повороте внутри социологии как результате появления «социологии мобильности».

Поскольку исследования мобильности охватывают широкий спектр областей специализации, теоретических интересов и методологических подходов, то, что именно представляет собой исследование мобильности, может означать разные вещи для разных исследователей в разных дисциплинах. В этой статье мы исследуем *мобильность терминологии* с учетом ее когнитивных характеристик, выявляемых в дискурсе как вербально опосредованной специальной деятельности, см. наши предшествующие работы: [Алексеева и др., 2002 и др.].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Одна из задач проводимого исследования — выявление понятия мобильности с учетом вариаций значения соответствующего термина. Широ-

кое значение термина *мобильность*, соотносящееся с социокультурными процессами, происходящими в обществе, позволяет сформировать узкое, то есть более специальное значение во многих лингвистических направлениях, включая терминоведение.

Решаемая проблема может быть сформулирована следующим образом: терминологии в целом свойственны множественность и вариативность, создающие основу ее мобильности, несмотря на то, что термину соответствует конкретная логически упорядоченная дефиниция.

Данная проблема нашла отражение в исследованиях известного российского терминоведа С. В. Гринева-Гриневича, утверждавшего, что научное знание развивается путем последовательной замены понятий. При этом каждое изменение концептуальной парадигмы отражается в соответствующем формальном или содержательном изменении терминологии [Гринева-Гриневич, 2008, с. 214].

Проблемы замены и развития понятий решаются в российском терминоведении в 1990-х годах в рамках дериватологического направления, получившего определение в работах одного из его основателей Л. Н. Мурзина [Мурзин, 1983; Мурзин, 1984 и др.].

Занимаясь вопросами динамики термина, исследователи данного направления изучали онтологическую и гносеологическую сущности данной языковой единицы, то есть его внутренний механизм [Алексеева и др., 2002 и др.].

Таким образом, в рамках дериватологии были заложены основы понятия мобильности термина с учетом его динамики, соотносимой с отказом от традиционно накладываемых на него ограничений.

Идея о влиянии динамики на язык для специальных целей обнуживается в зарубежных исследованиях. Так, в работе [Dynamics and Terminology ..., 2014] показано, что знание оказывается результатом непрерывной динамики понимания и соотносится с изучением когнитивного потенциала естественного языка и, в частности, с терминологией специальных областей. Исследователи связывают динамику познания с творческим потенциалом языка как хранилища прошлого и настоящего социального опыта [Mobilities paradigm ..., 2016].

Остановимся на предпосылках решения поставленных нами задач. Прежде всего это суждение о том, что традиционные теории термина развивались медленно [Алексеева и др., 2021]. На период жизни одного исследователя, как правило, приходилась одна теория. В современном терминоведении развитие теории значительно ускорилось. Один исследователь имеет дело с рядом теорий. При этом множество терминов, отражающих различные понятия, сосуществуют во времени, поэтому в профессиональ-

ной деятельности перед экспертами часто стоит выбор адекватной терминологии.

Анализ различных отраслевых терминологий показывает, насколько категория мобильности специального знания изменяет историческое представление о ее сущности. По сути, мы реставрируем процесс терминологизации, трактуемый как развитие специального языкового знака. В этом случае наиболее продуктивным методом исследования терминологии оказывается диахронический метод, раскрывающий процесс формирования новых терминологических значений конкретного термина.

В качестве примера, иллюстрирующего данное суждение, можно привести историю мобильности широко известного термина *железная дорога*, отражающего понятие рельсового пути.

Кратко охарактеризуем основные исторические события, повлиявшие на мобильность данного термина. Первая железная дорога в России появилась в 1837 году. До этого времени существовали только *чугунки*, используемые внутри территорий крупных заводов. Мотивация возникновения данного термина связана с использованием в то время чугунных шпал. Данный термин мы находим в публицистике. Так, А. С. Пушкин писал в журнале «Современник»: «Я просил князя Козловского дать мне статьи о теории паровых машин, теперь, когда Герстнер заканчивает свою чугунную дорогу между столицей и Царским Селом, всем нам нужно понять и усвоить великое изобретение, которому принадлежит будущее» [Наука и жизнь, 2019]. Приведем результаты реставрации мобильности термина *железная дорога* (табл. 1).

Таблица 1

Реставрация мобильности термина *железная дорога*

Год появления термина	1830	1837	1960	1973	2009
<i>железная дорога</i>	чугунная дорога	железная дорога	электрическая дорога	скоростная магистраль	высокоскоростная магистраль (ВСМ)

Очевидно, что мобильность данного термина проявила себя в «движении» через пять периодов с указанной в таблице датировкой (в хронологическом порядке). Термин *железная дорога* связан с характеристикой материала рельсов, а шпалы в тот период изготавливались из дерева и пропитывались креозотом. Замещение данного термина на *электрическая дорога* объясняется сменой источника питания локомотивов. Термин *скоростная*

магистраль указывает на то, что локомотивы, двигаясь по путям, развивают высокую скорость — 140 км/ч и более. Скорость *высокоскоростного локомотива* — выше 200 км/ч.

Анализ данных, представленных в таблице, показывает, что период функционирования термина *железная дорога* составляет 123 года, в то время как период функционирования термина *электрическая дорога* — 49 лет, то есть он вполтину короче. Это приводит нас к мысли об ускорении мобильности термина.

Существует большое количество подобных примеров, связанных с современными представлениями о компьютере, начиная с того, что компьютеры первоначально связывались только с функцией вычисления, то есть считались вычислительными машинами, и кончая современными компьютерами, выполняющую функцию атрибута внешнего вида (*wearable computer* — «надеваемые компьютеры»), например, компьютер в виде кулона, браслета, очков, авторучки и др.

Выбор методов исследования мобильности термина обоснован двумя факторами: природой динамической единицы языка, носящей недетерминированный и субъективный характер, и ролью общества в выборе номинативной единицы профессионального знания. Вновь созданные единицы порождаются в тексте и, таким образом, зависят от его структуры [Мурзин, 1984, с. 11]. Это предопределяет использование таких методов, как анализ текста и последующая реконструкция динамической цепочки терминологического понятия, или отслеживание (*tracing*), основанное на принципе социального использования терминологической единицы (по Л. Н. Мурзину, «общественного замещения» [Там же, с. 17]). Иными словами, мы концентрируемся на описании события, которое мобильно воплощено в социальной практике «в настоящем», с помощью метода картирования, выполняющего задачи описания и прогнозирования развития науки, технологий и отдельных прикладных областей [Акоев, 2014].

Помимо данного метода мы используем сопоставительный метод с целью выявления нового специального значения термина путем постоянного сравнения с предыдущими. На этой основе мы делаем выводы о том, создается ли новое значение или автор под влиянием определенных социальных условий приспособливает старый смысл к новой познавательной ситуации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Теоретические основы исследования динамики термина

В качестве основных теоретических понятий, способствующих раскрытию понятия мобильности терминологии, используются такие категории, как динамика языка в целом, динамика термина, а также понятие

профессионального домена и его способности к мобильности [Современные тенденции ..., 2009; Kageura, 2002; The Routledge handbook ..., 2017; Sheller, 2017; Salazar, 2016 и др.].

Термин *мобильность* не принадлежит собственно теории языка, поскольку используется преимущественно в естественных науках, физике, механике. В социологии мобильность понимается как подвижность, способность к быстрому изменению состояния или положения. При этом мобильность реализуется как диалектическое единство двунаправленных тенденций — статичности и стабильности, с одной стороны, и динамики, с другой [Антошкин, 2016].

В теории специального языка идея о мобильности терминологии соотносится с понятиями преодоления формально-логических границ термина, с представлением о богатстве естественного языка и креативности создателей терминов.

Под *мобильностью* термина мы подразумеваем не просто развитие семантики или структуры данной единицы, но и его полную зависимость от потребностей общества. Поскольку термин сопровождает научное и профессиональное знание, то характер формирования и развития специального знания находит выражение в свойствах термина.

Понятие мобильности термина рассматривается нами в двух аспектах: 1) с точки зрения эволюции видов текста, в которых используется специальная лексика, 2) как развитие понятия и соответствующего термина.

В традиционном терминоведении четко различались виды текстов, в которых использовались термины: терминоиспользующие тексты, содержащие уже известную терминологию, терминофиксирующие тексты, в которых приводятся дефиниции и толкования терминов, и терминосоздающие тексты, впервые репрезентирующие новые термины, порождаемые вместе с новыми идеями и понятиями [Лейчик, 2007, с. 146—147]. Подвижность термина соотносилась с идеей о его переходе из текста, в котором излагалась новая теория, к словарю, закрепляющему новое значение.

Предпосылки исследования мобильности термина были сформированы В. М. Лейчиком с опорой на когнитивный подход к термину, позволяющий «полнее, чем предшествующие подходы, раскрыть динамические характеристики термина в процессах его функционирования, то есть в тексте, показывая по-новому реальные взаимосвязи термина как средства фиксации знания (с его стереотипностью, устойчивостью) и как средства выражения результатов познания (с его вариантностью, субституциями, изменением формы и содержания и т. д.)» [Лейчик, 2002, с. 29].

Во втором аспекте термин рассматривается как компонент динамической модели языка, сочетающей признаки знаковой системы и свойство ее

постоянного переосмысления. При этом мы особо отмечаем «готовность» термина как языкового знака к изменению.

В связи с этим «терминология — это в действительности лишь одна из актуализированных частей целостного творческого процесса в области науки, где присутствуют объективное и субъективное начала, консерватизм и новизна открытия» [Алексеева и др., 2002, с. 15].

3.2. Динамика профессионального домена

Формирование понятия профессионального домена (professional domain) соотносится с исследованиями скандинавской терминологической школы, представленной ее основателями Й. Микингом, К. Лауреном и Г. Пихтом, выражавшими тревогу по поводу вероятности ограничения социального общения на родном языке (domain loss) ввиду больших изменений в профессиональном языке за счет глобализации [Laurén et al., 2007, p. 25]. В их представлении понятие профессионального домена соотносится с комплексом, включающим более простые структуры — терминологию, специальное отраслевое знание и профессиональную коммуникацию. Таким образом, профессиональный домен — специальная область употребления языка, имеющего в своем распоряжении необходимые средства выражения [Ibid., p. 25]. При этом специальная область принадлежит сфере науки или практической деятельности.

Известный шведский исследователь в области специального языка и профессиональной коммуникации Г. Р. Сэнден выявил ряд отличительных признаков специального домена, соотносящих его с различными сферами: областью использования языка, областью специального знания, с профессиональной сферой, с типом ситуации, экологическими условиями, а также с когнио-социо- лингвистической областью [Sanden, 2020a, с. 512].

Понятие профессионального домена изучалось в аспекте развития и возможных трансформаций, что соответствовало исследованию динамики домена, первоначально анализируемой с помощью количественных характеристик, в соответствии с которыми на первый план выходил процесс «сужения домена» (domain loss, букв. «потери в домене») [Haberland, 2005, Kageura, 2002].

Последующие исследования показали, что домену свойственны не только количественные изменения, но и более сложные процессы [Laurén et al., 2002; Sanden, 2020a; Sanden, 2020b и др.]. Большой заслугой скандинавских терминологов К. Лаурена, Й. Микинга и Г. Пихта является то, что они, помимо линейных процессов динамики домена, впервые отметили такие динамические процессы, как *domain renouncement* (отрицания домена), *domain conquest* (привилегии домена), *domain reconquest* (утрата привилегий домена), *domain expansion* (расширение домена), *domain cultivation* (культивация домена) [Laurén et al., 2002, p. 24].

В российском терминоведении идеи динамики профессионального знания рассматривались в рамках такого терминоведческого направления, как вариология, в основе которой лежала фундаментальная идея о динамической природе термина [Авербух, 2004; Алексеева и др., 2023 и др.].

Известно, что формирование понятий в науке проходит три этапа; математизацию, аксиоматизацию и построение правил интерпретации [Налимов, 2003, с. 158]. Эти же этапы прошла терминология, в развитии которой математизация связана с процессами стандартизации и упорядочения терминов, аксиоматизация выразилась в создании требований, предъявляемых к термину (логичности, краткости и однозначности). Третий этап развития терминологии предполагает создание правил интерпретации, возникающих в ходе использования терминов в конкретной практике для описания отдельных экспериментов или результатов индивидуального познания. В этих ситуациях исследователи приспособливают терминологию для конкретного описания, придавая ей свойства вариативности и мобильности.

Таким образом, принимая во внимание то, что терминология используется для описания конкретных ситуаций познания, мы выдвигаем идею о ее мета-терминологическом характере, то есть с помощью терминологии ведутся описания познаваемых объектов или явлений реальной действительности.

3.3. Диалектика мобильности термина

Обоснования диалектики мобильности термина видятся, прежде всего, в двойственном существовании самого языка, о котором П. А. Флоренский писал следующее: «Язык антиномичен. Ему присущи два взаимоисключающих уклона, два противоположных стремления. Однако эти две живущие в нем души — не просто две, а — пара, пребывающая в сопряжении, сизигия, они, своим противоречием, язык осуществляют; вне их — нет и языка» [Флоренский, 1998, с. 193]. Остается лишь продолжить: вне противоречий нет и термина.

Достоверность наших рассуждений в отношении мобильности терминологии возрастает с учетом противоречий и диалектики развития терминологии, связанных с тем, что постоянно развиваемое знание нуждается в новых формах выражения и одновременно абсолютно пригодных, логичных и понятных для участников коммуникации языковых единиц. Диалектика обосновывается, на наш взгляд, двумя факторами — этимологическим и циклическим характерами развития. Рассмотрим первый фактор.

Как пишет П. А. Флоренский, слово *термин* восходит к корню *ter*, означающему «перешагивать», «достигать цели, которая по ту сторону» [Флоренский, 1998, с. 210]. В древние времена граница имела вещественное воплощение в виде пограничного столба или камня. Таким образом, *тер-*

мин первоначально имел сакральный и символический смысл, означавший неприкосновенность личного владения. Первоначальный смысл термина закрепился в терминоведении, а термин, трактуемый как предел или «межа мысли», сам получил предельное значение [Там же, с. 217]. По П. А. Флоренскому, термин определяет природу конкретной вещи, одновременно отграничивая ее от природы другого объекта. Противоречие термина П. А. Флоренский видит в том, что «неподвижно стоящий перед мыслью, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности» [Там же, с. 218]. Исследователь объясняет противоречие термина с помощью метафорической аналогии с агатом, наслоения которого сравниваются с усилиями мысли, которые после концентрации приобретают новую силу и новую свободу [Там же, с. 219]. Для П. А. Флоренского термин оказывается воплощением устойчивости, неподвижности и одновременно «биением мысли и бесконечностью» [Там же, с. 222].

Второй фактор обоснования диалектики мобильности термина связан с возможностью представления динамики развития терминологического понятия в виде циклической модели. В чем заключается ее диалектика? В единстве двух противоположных процессов — терминопорождения и демизации (от англ. *demise* «появление» и «кончина»).

В иных терминах диалектику можно сформулировать как связь языкового планирования (language planning) и субъективного выбора языковых средств (language choice). Данная проблема рассматривается в работе М. Пинниса, решавшего проблему использования терминологии машинного перевода путем адаптационных практик профессионального домена. Исследуя возможность генерирования вариативных форм терминов при помощи корпусных методов и методов морфологического синтеза, ученый отмечает, что в современной индустрии локализации заказчики перевода часто настаивают на использовании в переводе собственных, то есть корпоративных терминов с целью обеспечения правильного использования терминологии [Pinnis, 2015].

Проблема корпоративной терминологии обоснована природой термина [Налимов, 2003; Sanden, 2020]. Как полагает известный исследователь языка науки В. В. Налимов, специфические языки в целом обладают сленговым характером и организованы по принципу жаргона [Налимов, 2003, с. 138]. Это предполагает ситуацию, в которой терминология оказывается абсолютно понятной только ограниченной группе пользователей, посвященных в круг решений конкретных проблем. С этой целью они используют специально созданный ими язык, кодирующий вырабатываемое данной группой людей новое знание. Разработанный отдельной группой людей язык не фиксируется в толковых или отраслевых словарях, поэтому

его понимание требует особых компетенций, связанных с социальными условиями создания специального знания.

Данная проблема порождает еще одну трудность. Дело в том, что применение авторских корпоративных терминологий исключает возможность применения программ машинного перевода, построенных на универсальных системных языковых отношениях и кодифицированной специальной лексике. Думается, что ключом решения отмеченных проблем служит учет свойства мобильности терминологии, в основе которой лежит конкретный опыт отдельной корпорации.

Таким образом, мы приходим к выводу, что исходное понятие термина связанное с установлением определенных границ, нарушать которые запрещено, можно изменить с помощью понятия мобильности термина, нарушающей ограничения единицы специального языка. Наше представление о мобильности термина мы обобщили в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Схема мобильности терминологии

Этапы мобильности термина	Направление мобильности	Механизм мобильности
I этап мобильности термина	От единицы естественного языка к единице языка для специальных целей	Терминологизация
II этап мобильности термина	От термина к терминосистеме	Семантическая деривация
III этап мобильности термина	От термина к тексту	Синтаксическая деривация
IV этап мобильности термина	От коммуникативной ситуации к профессиональной деятельности	Дискурс
V этап мобильности термина	От профессиональной деятельности к потребностям социума	Метатерминологизация

Мы видим своеобразный цикл мобильности термина, начинающийся с идентификации термина как языкового знака и заканчивающийся метатермином. Мобильность терминологии проходит пять этапов развития. Многоэтапная структура мобильности терминологии проявляется в своеобразном прогрессе понятия мобильности, то есть в переходе ко все более сложной сфере (домену) функционирования: от единицы специального знания, через специальную форму их организации — терминосистему, через специальный текст, коммуникативную ситуацию, профессиональную

деятельность к задачам и потребностям социума. Наиболее ярко мобильность выражена в трансформации ее механизмов. На первом этапе формирования мобильности большую роль в ее развитии играет терминологизация. Постепенно по мере прогресса мобильности сложность механизма усиливается. Выявленные процессы получают новые воплощения в современной терминологии и заслуживают дальнейшего изучения.

Представленные в таблице данные позволяют сформулировать суждение о том, что, с одной стороны, в целях эффективного профессионального общения должны совершенствоваться построения дефиниций, то есть логические операции. Этому способствует применение компьютерных технологий и машинных программ, организованных на основе формализации знания при сохранении системных принципов организации терминологии. С другой стороны, образуется иной язык описания познаваемых ситуаций, отличающийся от детерминированного логического языка, ориентирующийся на саму социальную практику, предполагающую множественность и многогранность описания. Это объясняет появление метатерминов как результата процесса метатерминологизации. В подобной ситуации возникает необходимость в создании современных специальных единиц, отвечающих запросам общества и удовлетворяющих потребности профессиональной коммуникации. В этой связи терминология начинает развиваться строго в соответствии с новыми потребностями общества, а не только языка для специальных целей. Подобную социальную трансформацию терминологии мы называем *метатерминологизацией*.

Речь идет не о простом объединении языковых, когнитивных и коммуникативных свойств терминологии в социокультурном взаимодействии, а о приоритете социального над языковым началом.

Так, В. В. Налимов описывает изменения значений термина *статистика* от первоначального «статус, политическое состояние», через значение, связанное с обработкой количественно представленных данных, к современному широкому значению термина *статистика* как метанаука [Налимов, 2003, с. 133].

Решение проблемы диалектики мобильности термина мы находим в дискурсивном аспекте [Алексеева и др., 2002 и др.]. Социокультурная детерминированность речевой деятельности позволяет определить в качестве источника дискурса коммуникативно-познавательную потребность человека, формирующую первую фазу речевой деятельности, ее мотив.

4. Заключение = Conclusions

Динамизм термина позволяет определить его как производное многих практик: текстовых, коммуникативных и когнитивных. Из этого следует,

что в природе самого термина заложена не аксиоматичность, строгость или предельность, а совершенно противоположные характеристики: вариативность, мобильность и неопределенность.

В статье мы попытались осветить вопрос о том, влияет ли мобильность на структуру главного понятия специального языка — термина. Мы показали, что выдвинутая нами гипотеза о мобильности терминологии не противоречит нашему анализу и наблюдениям над развитием современной терминологии.

Какие способы мобильности в социокультурном пространстве включает новая парадигма развития знания? Во-первых, изучение домена в динамике и связями с социальными практиками. Виды мобильности — корпоративные действия людей, физическая замена объектов оперирования, образное и виртуальное путешествие.

Одним из дискуссионных вопросов остается следующая дилемма. Мобильность, носящая социальный характер, готовит нас к коммуникации, осуществляемой с помощью вновь создаваемых единиц. Однако зафиксированная дефиниция термина достаточно условна и может порою расходиться с реальной практикой. При этом может возникать новый смысл, который вне социальной действительности не обнаруживается.

В исследовании мы попытались выявить новые междисциплинарные пространства между социологией, историей, антропологией и профессиональной коммуникацией. Формированию этих исследовательских пространств отчасти способствовал недостаточный уровень исследования категории мобильности терминологии в отдельных областях на фоне неподвижности в фиксации терминологии.

Во многих отношениях исследование общего понятия мобильности перекликается с «мобильностью терминологии», которая подразумевает движение и распространение терминологии в обществе. Исследование мобильности учитывает движение термина в социальной среде, обращая внимание на своеобразные «циклы термина», подразумевающие не простое перемещение термина в профессиональной сфере, а моменты вхождения, жизни и ухода из обращения. Мы делаем вывод о том, что мобильность — это источник обновления терминологии языка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина / К. Я. Авербух. — Иваново : Ивановского государственного университета, 2004. — 251 с.
2. *Акоев М. А.* Картирование науки и технологии, прогноз развития / М. А. Акоев // *Руководство по наукометрии : индикаторы развития науки и технологии.* — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. — С. 164—197. — ISBN 978-5-7996-1352-5.
3. *Алексеева Л. М.* Вековой путь российского терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // *Научный диалог.* — 2021. — № 9. — С. 9—34. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-9-34>.
4. *Алексеева Л. М.* Когнитивная трансформация терминоведения / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова // *Когнитивные исследования языка.* — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2023. — С. 122—128.
5. *Алексеева Л. М.* Медицинский дискурс : теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. — Пермь : Изд-во Пермского университета, 2002. — 200 с. — ISBN 5-8241-0302-X.
6. *Антошкин В. Н.* Социология / В. Н. Антошкин. — Москва : Национальный Открытый Университет ИНТУИТ, 2016. — 337 с.
7. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.
8. *Лейчик В. М.* Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В. М. Лейчик // *Вопросы филологии.* — 2003. — № 2. — С. 20—30.
9. *Лейчик В. М.* Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 256 с. — ISBN 978-5-382-00211-8.
10. *Лейчик В. М.* Элементы терминоведческой теории текста / В. М. Лейчик // *Текст : восприятие, информация, интерпретация / Пленарное заседание. Текст как явление культуры. Информационно-аналитическая обработка текста : сборник докладов I Междунар. науч. конф. Рос. нового ун-та.* — Москва : Либроком, 2002. — С. 27—47. — ISBN 978-5-397-03118-9.
11. *Мурзин Л. Н.* О динамической природе языка / Л. Н. Мурзин // *Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика.* — Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1983. — С. 61—68.
12. *Мурзин Л. Н.* Основы дериватологии / Л. Н. Мурзин. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1984. — 56 с.
13. *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка : о соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. — Томск-Москва : Водолей Publishers, 2003. — 368 с.
14. *Наука и жизнь* [Электронный ресурс]. — 2019. — № 4. — Режим доступа : <https://www.nkj.ru/archive/articles/35883> (дата обращения 05.05.2023).
15. *Современные тенденции* в лексикологии, терминоведении и теории LSP : сб. науч. тр. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. — Москва : Изд-во МГОУ, 2009. — 384 с. — ISBN 978-5-7017-1500-2.
16. *Флоренский П. А.* Имена : Сочинения / П. А. Флоренский. — Москва : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Изд-во Фолио, 1998. — 912 с. — ISBN 5-04-001315-9.
17. *Dynamics and Terminology* An interdisciplinary perspective on monolingual and multilingual culture-bound communication. (Eds) Rita Temmerman, Marc Van Campenhoudt. — John Benjamins. — 2014. — 305 p.

18. *Haberland H.* Domains and domain loss / H. Haberland // Bent Preisler, Anne Fabricius, Hartmut Haberland, Susanne Kjærbeck and Karen Risager (eds.), *The consequences of mobility*. — Roskilde : Roskilde Universitet, 2005. — Pp. 227—37. — ISBN 87-7349-651-0.
19. *Kageura K.* The Dynamics of Terminology : A descriptive theory of term formation and terminological growth (Terminology and Lexicography Research and Practice) / K. Kageura. — John Benjamins, 2002. — 330 p.
20. *Laurén C.* Languages and domains : a proposal for a domain dynamics taxonomy / C. Laurén, J. Mykin, H. Picht // *LSP and professional communication*. — 2002. — № 2 (2). — Pp. 23—30.
21. *Merriman P.* Rethinking mobile methods / P. Merriman // *Mobilities*. — 2014. — Iss. 9 (2). — Pp. 167—187.
22. *Mobilities* paradigm : Discourses and ideologies / M. Endres, K. Manderscheid, Ch. Mincke (eds.). — Abingdon, UK : Routledge, 2016. — 248 p. — ISBN 9781315555515.
23. *Pinnis M.* Dynamic Terminology Integration Methods in Statistical Machine Translation / M. Pinnis. — In: *Proceedings of the 18th Annual Conference of the European Association for Machine Translation (EAMT)*, 2015, Antalya, Turkey, May 11–13. — 2015. — Pp. 89–96.
24. *Salazar N. K.* Keywords of Mobility : Critical Engagements / N. K. Salazar. — Oxford : Berghahn, 2016. — 196 p.
25. *Sanden G. R.* Domain loss theory revisited : From multinational corporations to multicorporate nations / G. R. Sanden // *International Journal of Applied Linguistics*. — 2020a. — Iss. 30. — Pp. 510—529.
26. *Sanden G. R.* Ten reasons why corporate language policies can create more problems than they solve / G. R. Sanden // *Current Issues in Language Planning*. — 2020b. — Iss. 21 (1). — Pp. 22—44.
27. *Sheller M.* From spatial turn to mobilities turn / M. Sheller // *Current Sociology*. — 2017. — Pp. 1—17.
28. *Sheller M.* The new mobilities paradigm / M. Sheller, J. Urry // *Environment and Planning A*. — 2006. — Vol. 38. — Pp. 207—226.
29. *Temmerman R.* Dynamics and terminology : An interdisciplinary perspective on monolingual — and multilingual culture-bound communication / R. Temmerman, M. Van Campenhoutd (Eds.) // *Dynamics and Terminology : An interdisciplinary perspective on monolingual and multilingual culture-bound communication*. — 2014. — Pp. 1—14.
30. *The Chambers Dictionary*. Chambers Harrap Publishers Ltd. — Edinburgh : Chambers, 2008. — 1871 p. — ISBN 9780550102898.
31. *The Routledge handbook of mobilities* / P. Adey, D. Bissell, K. Hannam, P. Merriman, M. Sheller, eds. Abingdon. — UK : Routledge, 2017. — 624 p. — ISBN 9781138071445.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

References

- Akoev, M. A. (2014). Mapping of science and technology, forecast of development. In: *Guide to scientometry: indicators of the development of science and technology*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 164—197. ISBN 978-5-7996-1352-5. (In Russ.).

- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2002). *Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis*. Perm: Publishing House of Perm University. 200 p. ISBN 5-8241-0302-X. (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2021). Age-Old Path of Russian Terminology. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—34. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-9-34> (In Russ.).
- Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L. (2023). Cognitive transformation of terminology. In: *Cognitive studies of language*. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 122—128. (In Russ.).
- Antoshkin, V. N. (2016). *Sociology*. Moscow: National Open University INTUIT. 337 p. (In Russ.).
- Averbukh, K. Ya. (2004). *General theory of the term*. Ivanovo: Ivanovo State University. 251 p. (In Russ.).
- Dynamics and Terminology An interdisciplinary perspective on monolingual and multilingual culture-bound communication*. (2014). John Benjamins. 305 p.
- Floresky, P. A. (1998). *Names: Essays*. Moscow: ZAO Publishing House EKSMO-Press; Kharkiv: Folio Publishing House. 912 p. ISBN 5-04-001315-9. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminology*. Moscow: Academy. 304 p. ISBN 978-5-7695-4951-9. (In Russ.).
- Haberland, H. (2005). *Domains and domain loss*. Roskilde: Roskilde Universitet. 227—37. ISBN 87-7349-651-0.
- Kageura, K. (2002). *The Dynamics of Terminology: A descriptive theory of term formation and terminological growth (Terminology and Lexicography Research and Practice)*. John Benjamins. 330 p.
- Laurén, C., Mykin, J., Picht, H. (2002). Languages and domains: a proposal for a domain dynamics taxonomy. *LSP and professional communication*, 2 (2): 23—30.
- Leychik, V. M. (2002). Elements of the terminological theory of the text. In: *Text: perception, information, interpretation*. Moscow: Librocom. 27—47. ISBN 978-5-397-03118-9. (In Russ.).
- Leychik, V. M. (2003). Problems of Russian terminology at the end of the twentieth century. *Questions of Philology*, 2: 20—30. (In Russ.).
- Leychik, V. M. (2007). *Terminology: subject, methods, structure*. Moscow: LKI Publishing House. 256 p. ISBN 978-5-382-00211-8. (In Russ.).
- Merriman, P. (2014). Rethinking mobile methods. *Mobilities*, 9 (2): 167—187.
- Mobilities paradigm: Discourses and ideologies*. (2016). Abingdon, UK: Routledge. 248 p. ISBN 9781315555515.
- Modern trends in lexicology, terminology and LSP theory: collection of scientific tr. Dedicated to the 80th anniversary of Vladimir Moiseevich Leychik*. (2009). Moscow: Publishing House of Moscow State University. 384 p. ISBN 978-5-7017-1500-2. (In Russ.).
- Murzin, L. N. (1984). *Fundamentals of derivatology*. Perm: Publishing House of Perm. un-t. 56 p. (In Russ.).
- Murzin, L. N. (1983). On the dynamic nature of language. In: *Controversial issues of Russian linguistics. Theory and practice*. Leningrad: Leningrad State University. 61—68. (In Russ.).
- Nalimov, V. V. (2003). *Probabilistic model of language: on the ratio of natural and artificial languages*. Tomsk-Moscow: Aquarius Publishers. 368 p. (In Russ.).
- Pinnis, M. (2015). Dynamic Terminology Integration Methods in Statistical Machine Translation. In: *Proceedings of the 18th Annual Conference of the European As-*

- sociation for Machine Translation (EAMT)*, 2015, Antalya, Turkey, May 11–13. Pp. 89–96.
- Salazar, N. K. (2016). *Keywords of Mobility: Critical Engagements*. Oxford: Berghahn. 196 p.
- Sanden, G. R. (2020a). Domain loss theory revisited: From multinational corporations to multicorporate nations. *International Journal of Applied Linguistics*, 30: 510–529.
- Sanden, G. R. (2020b). Ten reasons why corporate language policies can create more problems than they solve. *Current Issues in Language Planning*, 21 (1): 22–44.
- Science and Life*, 4. (2019). Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/35883> (accessed 05.05.2023). (In Russ.).
- Sheller, M. (2017). From spatial turn to mobilities turn. *Current Sociology*. 1–17.
- Sheller, M., Urry, J. (2006). The new mobilities paradigm. *Environment and Planning A*, 38: 207–226.
- Temmerman, R. (2014). Dynamics and terminology: An interdisciplinary perspective on monolingual — and multilingual culture-bound communication. *Dynamics and Terminology: An interdisciplinary perspective on monolingual and multilingual culture-bound communication*. 1–14.
- The Chambers Dictionary*. Chambers Harrap Publishers Ltd. (2008). Edibburgh: Chambers. 1871 p. ISBN 9780550102898.
- The Routledge handbook of mobilities*. (2017). UK: Routledge. 624 p. ISBN 9781138071445.

*The article was submitted 24.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

Информация для цитирования:

Алексеева М. Л. Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 28—46. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46.

Alekseyeva, M. L., Salo, V. E. (2023). Typology of Metaphor Transfer Techniques (German Translation of A. I. Solzhenitsyn's 'The Gulag Archipelago'). *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 28-46. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-28-46

Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»)

Алексеева Мария Леонардовна¹

orcid.org/0000-0001-6416-0618

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра романо-германской филологии
maria.alekseyeva@gmail.com

Сало Виктория Эдуардовна^{2*}

orcid.org/0000-0002-1661-7190

ассистент,

центр иностранных языков
и коммуникативных технологий,

* *корреспондирующий автор*
salka20_02@mail.ru

¹ Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

² Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Typology of Metaphor Transfer Techniques (German Translation of A. I. Solzhenitsyn's 'The Gulag Archipelago')

Maria L. Alekseyeva¹

orcid.org/0000-0001-6416-0618

Doctor of Philology, Professor,
Department of Romano-Germanic
Philology

maria.alekseyeva@gmail.com

Victoria E. Salo^{2*}

orcid.org/0000-0002-1661-7190

assistant,
Center for Foreign Languages and
Communication Technologies,

* *Corresponding author*
salka20_02@mail.ru

¹ Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

² University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В данной статье предлагается авторская типология приёмов передачи метафор, разработанная на основе анализа опыта отечественных и зарубежных теоретиков перевода. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра существующих классификаций приёмов, унификации терминологии, выявления принципов систематизации, уточнения объема и содержания переводческих операций. Новизна исследования заключается в описании новой разработанной типологии, структурирующей приёмы по типам с опорой на принцип сохранения оригинальной образной основы и подтипам в зависимости от способа передачи формы и содержания и воспроизведения экстралингвистических компонентов. Методологическую основу исследования составляет метод классификации, а также сопоставительный анализ оригинальных метафор и их переводов, проводимый с опорой на дефиниционный анализ метафорически употреблённых лексических единиц, контекстуальный и компонентный виды анализа. Апробация типологии на немецком переводе произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (А. Петурниг, 1974), сопровождаемая переводческими комментариями, показала, что все рассмотренные приёмы обладают потенциалом обеспечения высокой степени адекватности перевода, стержнем которой является воспроизведение прагматического эффекта и успешная реализация коммуникативного задания.

Ключевые слова:

переводоведение; структурная метафора; типология приёмов перевода метафор; принципы систематизации переводческих операций.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

In this article, we propose an original typology of metaphor transfer techniques based on the analysis of domestic and foreign translation theorists' experience. The relevance of the study lies in the need to review existing classifications of techniques, unify terminology, identify principles of systematization, and clarify the scope and content of translation operations. The novelty of the research lies in the description of a new developed typology, which structures techniques according to types based on the principle of preserving the original figurative basis, and subtypes depending on the method of transferring form and content, as well as reproducing extralinguistic components. The methodological basis of the study is classification, as well as a comparative analysis of original metaphors and their translations, conducted with the support of a definitional analysis of metaphorically used lexical units, contextual and component types of analysis. The application of the typology on the German translation of A. I. Solzhenitsyn's 'The Gulag Archipelago' (A. Peturnig, 1974), accompanied by translation commentaries, has shown that all examined techniques have the potential to ensure a high degree of adequacy in translation, with the core being the reproduction of pragmatic effect and successful implementation of communicative tasks.

Key words:

translation studies; structural metaphor; typology of metaphor transfer techniques; principles of systematization of translation operations.

Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»)

© Алексеева М. Л., Сало В. Э., 2023

1. Введение = Introduction

Метафора как инструмент прагматического воздействия является актуальным объектом исследования в современном переводоведении [Гаврилов, 2015, Веред, 2021, Дегтяренко и др., 2018, Шалимова и др., 2020, Шевченко, 2018, Шенкал, 2016]. Развивая мысль И. М. Кобозевой о природе метафоры, мы рассматриваем ее как перенос когнитивной структуры, имеющей прототипическую связь с определённым языковым выражением, из исконной содержательной области в новую [Кобозева, 2002], осуществляемый в рамках языкового коллектива с общим языком, территорией, культурой. В связи с этим можно утверждать, что механизм порождения метафор национально-специфичен. Специфика механизма метафорообразования указывает на присущую метафорической единице многослойность значений и эмоций, обусловленную наличием вторичного смысла, заложенного на периферии лексического понятия [Вовк, 1986, с. 130]. Являясь сложным конструктом, метафора требует особого внимания при переходе от одного языка к другому. Элементы метафорического значения, включающие наряду со смысловым содержанием коннотативные компоненты, закреплённые за конкретным образом, подлежат максимальной транспортировке в принимающую лингвокультуру. С этой целью отечественные и зарубежные переводоведы предлагают применять различные переводческие операции, позволяющие сохранить эмоционально-выразительную силу метафорических единиц [Комиссаров, 1990; Латышев и др., 2003; Ньюмарк, 1988; Рецкер, 1982].

Ранние классификации приёмов перевода метафор И. Я. Рецкера (1982) и В. Н. Комиссарова (1990) представляют собой первый опыт систематизации переводческих операций, применяемых при передаче конвенциональных метафор. В связи с этим целесообразно обратиться к традиционному разграничению метафор на конвенциональные (языковые, традиционные) и креативные (речевые, художественные) [Балли, 2001; Баранов, 1994; Кобозева, 2002], где критерием соотнесённости является тип содержания

(коллективно закреплённый или авторский), закреплённый за метафорой в результате семантического сдвига. Стоит отметить, что граница между конвенциональной и креативной метафорами является подвижной [Кобозева, 2002; Борковец, 2002], поэтому в рамках данного исследования подобное разграничение не носит принципиального характера.

Классификация зарубежного переводоведа П. Ньюмарка является более подробной и содержит перечень приёмов, используемых при передаче метафор с разной степенью конвенциональности с указанием типичности применения рассматриваемого приёма в отношении конкретного типа метафоры. Она получила дальнейшую разработку в переводоведческих исследованиях [Алексеева и др., 2023, с. 111—112]. Ценность подобных научных изысканий заключается в том, что они систематизируют альтернативные пути поиска в переводящем языке (ПЯ) средств выражения метафорических единиц исходного языка (ИЯ) и выявляют способы обеспечить высокую степень прагматического воздействия текста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования являются концептуальные структурные метафоры в аспекте перевода. Под структурными метафорами понимаются ментальные операции, которые используют потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы, при этом с целью отображения несмежных предметов / явлений, обычно новых и плохо знакомых, проецирование свойств и признаков осуществляется из иного, знакомого, понятийного поля [Чудинов, 2001, с. 37]. Анализ особенностей передачи 104 концептуальных структурных метафор, выявленных в немецком переводе произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (выполненном Анной Петурниг) [Peturnig, 1974], показал, что для описания специфики техники передачи метафор в научном исследовании необходим пересмотр существующих классификаций, а также унификация терминологии, выявление принципов систематизации, уточнение объема и содержания переводческих операций.

Методологическую основу исследования составляет метод классификации, а также сопоставительный анализ оригинальных метафор и их переводов, проводимый с опорой на дефиниционный анализ метафорически употреблённых лексических единиц, контекстуальный и компонентный виды анализа.

В нашей работе мы обратимся к исследованиям отечественного переводоведа Л. К. Латышева и его коллег. В своих трудах Л. К. Латышев не предлагает систематизированную классификацию приёмов передачи метафор, однако представленная подробная характеристика системы под-

становок и трансформаций позволяет выделить конкретные приёмы, используемые для перевода метафорических единиц [Латышев и др., 2003, с. 122—150]. В перечень данных приёмов входят следующие способы: *подбор лексически неадекватного переводческого соответствия, функционально-адекватная замена, деметафоризация, калькирование*. Рассмотрим суть данных переводческих операций.

Подбор лексически неадекватного переводческого соответствия — переводческая операция, в которой в качестве взаимозэквивалентных элементов исходного текста и переводного текста выступают слова, не являющиеся системными (парадигматическими) эквивалентами. В данном случае происходит замена образа, которая обусловлена наличием зафиксированной в словаре сигнификативно-коннотативной симметричности и тождественности языковых знаков, которые на первый взгляд не кажутся взаимозэквивалентными в силу различной денотативной соотнесенности. Рассматриваемая операция является разновидностью позиционно обусловленной подстановки. В связи с тем, что термин *неадекватный* в контексте нашего исследования носит исключительно оценочный характер, считаем целесообразным заменить название данного приёма на название аналогичного по сути приёма *перевод вариантным соответствием* (по терминологии И. Я. Рецкера).

Функционально-адекватные замены — преобразование фрагмента высказывания, при котором часть исходного содержания заменяется иным содержанием, способным выполнять в данном контексте те же речевые функции. В этом случае замена образа инициирована переводчиком с целью передачи сигнификативно-коннотативного потенциала слова оригинала и формирования запланированной реакции реципиента. Зачастую данная трансформация обусловлена расхождением преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ [Латышев и др., 2003, с. 145]. В процессе перевода преобразование содержания может происходить с опорой на приём ситуативно-семантической трансформации. Данный вид преобразования видоизменяет и перераспределяет состав и структуру ситуации действительности. Смена выбора составляющих ситуации, используемых для её описания, может иметь разные комбинации заменяемых и замещающих признаков ситуации, например: состояние — действие, субъект — объект, условия ситуации — конечный результат и т. д.

Деметафоризация является разновидностью приёма выпрямления содержания (преобразование, при котором косвенное высказывание преобразуется в прямое), приём направлен на поиск формы, более чётко очерчивающей обстоятельства, и представляет собой замену метафорического способа выражения мысли прямым.

Калькирование представляет собой переводческую операцию, при которой метафорически употребленная лексическая единица переводится буквальным соответствием ПЯ.

Сопоставительный анализ механизма рассмотренных переводческих приёмов показал, что классификации Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова, Л. К. Латышева и П. Ньюмарк содержат схожие переводческие операции (подробнее см. [Алексеева и др., 2023, с. 109—115], отличающиеся распределением по классам и терминологией. Взаимная соотнесенность приёмов данных классификаций представлена в таблице (табл. 1) и носит условный характер.

Таблица 1

Взаимная соотнесенность приёмов передачи метафор
в контексте различных классификаций

И. Я. Рецкер	В. Н. Комиссаров	П. Ньюмарк	Л. К. Латышев
Эквивалентное соответствие (зафиксировано в словаре)	Перевод с идентичным образом (зафиксировано в словаре)	Сохранение образа	
Калька	Дословный перевод		Калькирование
Вариантное соответствие	Перевод с иным схожим образом	Замена образа	Подбор лексически неадекватного переводческого соответствия
Трансформация		Замена образа. Сохранение образа с экспликацией смысла. Передача метафоры сравнением. Передача метафоры сравнением с экспликацией смысла.	Функционально-адекватная замена
		Неметафорическое объяснение	Передача смысла без образа
		Отказ от метафоры и её смысловой экспликации	

Таким образом, мы видим, что в концепциях разных переводоведов наименования и суть некоторых приёмов полностью совпадают, другие

приёмы получают различное наименование при сохранении сути операции, третьи уникальны для концепции того или иного исследователя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Разновидности приемов калькирования при переводе метафор

Анализ практического материала выявил, что при переводе метафорических единиц приём калькирования требует уточнения, а именно возможно провести более подробную дифференциацию переводческих операций этого типа, выделив принципы и стержень классификации. При уточнении названия приемов, традиционно связанных с приёмами калькирования и дословного перевода и, соответственно, позволяющих сохранить образ, мы руководствовались следующей логикой. Не за всеми метафорически употребленными словами закреплены в толковом словаре переносные, соответственно, узуальные значения. При этом при наличии таковых не у всех слов ИЯ с прямым и переносным узуальным значениями имеется аналогичный (полный) эквивалент в ПЯ. В условиях осуществления переводческой деятельности переход от ИЯ к ПЯ можно условно свести к 4 вариантам:

- 1) слово в прямом значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ);
- 2) слово в прямом значении (ИЯ) (→ слово в прямом значении (ПЯ)) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ);
- 3) слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ);
- 4) слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ).

Таким образом, при переводе возможны 4 траектории перехода единиц ИЯ к единицам ПЯ, которые лягут в основу уточнения названий рассматриваемого подтипа приёмов.

В случае отсутствия у лексем ИЯ и ПЯ переносного узуального значения реализуется переход по траектории: слово в прямом значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ) (вариант 1). Подобную переводческую операцию мы обозначим как *калькирование прямого значения*. В случае отсутствия у лексемы ИЯ переносного узуального значения теоретически возможен переход по траектории: слово в прямом значении (ИЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ) (вариант 2). В подобном переходе прямое значение лексической единицы ПЯ выступает промежуточным звеном, а актуализация переносного узуального значения лексемы ПЯ происходит только за счёт апелляции к денотату слова (ПЯ) в прямом значении. По сути данный переход можно схематически представить следующим образом: слово в прямом значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ). Актуализация пере-

носного значения в переводящем языке при этом носит случайный характер, поэтому данная переводческая операция также будет рассматриваться как **калькирование прямого значения**.

Если у лексемы ПЯ отсутствует переносное узуальное значение, но в свою очередь оно имеется и актуализируется в оригинале у слова в ИЯ, реализуется переход по траектории слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ) (вариант 3). В результате дословного перевода в ПЯ появляется окказиональная метафора. Данный приём будет обозначен как **калькирование переносного значения**.

В случае наличия у лексических единиц ИЯ и ПЯ схожих переносных узуальных значений реализуется переход по траектории слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ) (вариант 4). В данном случае имеет место переводческая операция, которую можно охарактеризовать как подстановка, а именно: **подстановка переносного значения**.

Таким образом, мы уточнили названия приёмов, в основе которых лежит принцип калькирования: **калькирование прямого значения**, **калькирование переносного значения**, направленные на создание нового тропа в ПЯ, и **подстановка переносного значения**. Данная группа приёмов будет объединена в тип приёмов, обеспечивающих сохранение оригинальной образной основы.

3.2. Новая расширенная типология приемов перевода метафор

При систематизации приёмов в первую очередь мы будем руководствоваться принципом сохранения оригинальной образной основы (сохранена, трансформирована, нейтрализована). При выделении подтипов целесообразно ориентироваться на принцип, предложенный Х. Шмидт: языковые отношения (формальные и семантические), типизирующие возможные языковые отношения между элементами текста оригинала и перевода и коммуникативно эквивалентные в рамках данного текста и контекста (Schmidt, 1991, S. 24) [Цит. по: Алексеева, 2007, с. 69]. В зависимости от способа передачи формы и содержания и сохранения или стирания экстралингвистических компонентов можно выделить 2 крупных подтипа:

1) приёмы создания нового тропа, основой которых является создание метафоры по модели языка источника с помощью языковых средств языка перевода, что помогает сохранить форму, при этом раскрытию содержательной стороны способствует контекст;

2) уподобляющие приёмы, включающие замены различного рода, в том числе и родовидовые, которые зачастую приводят к замене образа при сохранении образной основы; в данный подтип мы включаем перевод вариантным соответствием и функционально-адекватные замены;

Проведённый нами анализ техники перевода выявленных структурных метафор на материале немецкого и английского переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» [Алексеева и др., 2023; Курбанов и др., 2018] и сопоставительный анализ классификаций приёмов перевода метафор (табл. 1) свидетельствуют о целесообразности включения в расширенную классификацию двух приёмов из классификации П. Ньюмарка: **замена метафоры сравнением**, который мы включаем в тип приёмов, позволяющих сохранить оригинальную образную основу, и отказ от метафоры и её смысловой экспликации (в переводоведении этот приём известен как **опущение метафоры**), который мы отнесём в тип нейтрализующих приёмов. Анализ практического материала также показал необходимость введения нового приёма: **замена метафоры фразеологизмом**, которая подразумевает трансформацию образа в связи с необходимостью соблюдения речевых или узуальных норм.

Таким образом, систематизируя отобранные приёмы по типам и подтипам, мы получаем типологию со следующей структурой.

Типология приёмов перевода структурных метафор:

1. Сохранение образа
 - 1.1. Подстановка переносного значения
 - 1.2. Создание нового тропа
 - 1.2.1. Калькирование прямого значения
 - 1.2.2. Калькирование переносного значения
 - 1.3. Замена метафоры сравнением (трансформация тропа)
2. Замена образа
 - 2.1. Уподобляющие приёмы
 - 2.1.1. Перевод вариантным соответствием (подстановка)
 - 2.1.2. Функционально-адекватная замена
 - 2.2. Замена метафоры фразеологизмом (трансформация тропа)
3. Нейтрализация образа
 - 3.1. Деметафоризация
 - 3.2. Опущение

Спектр данных приёмов помогает переводчикам преодолеть трудности, определяя пути поиска переводческих решений, способствующих адекватной передаче метафорических единиц.

3.3. Апробация типологии на примере перевода метафор на немецкий язык

Построенная типология апробирована на практическом материале. Представим результаты нашего исследования. Отметим, что описанные

типы и подтипы переводческих операций будут проиллюстрированы фрагментами из перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУ-ЛАГ» на немецкий язык, выполненного в 1974 году Анной Петурниг.

При определении приёма передачи на немецкий язык метафоры и их варианты перевода будут даны в минимальном контексте (в рамках одного предложения в тексте). Каждый пример будет сопровождаться переводческим комментарием, поясняющим эффективность рассматриваемого приёма в данном контексте с целью обеспечения высокой степени адекватности.

1. Сохранение образа

1.1. Приём подстановки переносного значения:

То <...> было совершено не одним злодеем, не в одном потаенном месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв [Солженицын, 2011, с. 105].

— *<...> das wurde <...> nicht von einem einzelnen Bösewicht, nicht an einem einzelnen verborgenen Ort, sondern von Zehntausenden darauf gedrillten Menschenbestien an wehrlosen Millionen von Opfern* [Peturnig, 1974, S. 98].

В анализируемом примере негативный образ представителей органов власти реализуется с помощью метафорически употреблённого родового наименования *зверь* (перен. ‘о чрезвычайно жестоком, бессердечном, грубом человеке’) [БАС, т. 6, с. 679]. В языке оригинала общие наименования *зверь* и *животное* уже несут в себе негативную оценку. В русском языковом сознании образ зверя / животного метафорически маркирует признак жестокости и агрессивности [Чудинов, 2001, с. 136]. В немецком языке наименование *die Bestie* относится к пейоративной лексике и продуктивно используется в качестве вторичной номинации, на что указывает значение *die Bestie* — ‘j-d, der sehr **grausam** oder **unmenschlich** ist’ / (fig.) ‘roher grausamer brutaler Mensch’ [Wahrig, 1994] / ‘жестокая или бесчеловечная личность’ / перен. ‘жестокий, грубый, безжалостный человек’ (перевод наш. — В. С.). Такие дифференциальные семы личности, как жестокость (*roh*) и грубость (*grausam*), получают отражение в переводе.

1.2. Создание нового тропа

1.2.1. Калькирование прямого значения:

Может быть только в 20 веке, если верить рассказам, застоявшаяся их сытость привела к моральной изжоге [Солженицын, 2011, с. 272].

*Vielleicht daß ihre abgestandene Sattheit, wenn man den Erzählungen glauben darf, erst im 20. Jahrhundert zum **moralischen Sodbrennen** geführt hat* [Peturnig, 1974, S. 266].

Согласно композиционной структуре рассматриваемого произведения ОРГАНЫ ВЛАСТИ — это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ, чья болезнь проявля-

ется различными симптомами. При этом не все наименования симптомов болезней имеют узуальные вторичные смыслы: *изжога* — *болезненное ощущение жжения в пищеводе* [БАС, т. 7, с. 126]. Что касается определения *моральный*, входящего в состав метафорического выражения, оно употребляется в прямом номинативном значении. А. Петурниг подбирает эквивалентное соответствие *das Sodbrennen* ‘изжога’ (‘ein unangenehmes, brennendes Gefühl in der Brust und im Hals, das vom Magen kommt’ [Langenscheidts, 1993] / ‘неприятное жгучее ощущение в области груди и горла, исходит из желудка’ (перевод наш. — В. С.)), которое позволяет сохранить как оригинальный образ, так и экспрессивность в сочетании с отрицательной оценочностью, поэтому можно говорить о потенциале формирования необходимой реакции у читателя.

1.2.2. Калькирование переносного значения:

Волчьим смехом расхохоталось собрание, и со всеми шестью своими ртами пошел новый орденосеиц в ссылку [Солженицын, 2011, с. 88].

Wölfisches Gelächter schlug ihm entgegen, und es wanderte der neue Ordensträger samt seinen sechs Mäulern in die Verbannung [Peturnig, 1974, S. 81].

Прототипом данного окказионального варианта послужило устойчивое словосочетание *волчий законы* (‘беззаконие, основанное на грубом насилии’ [БАС, т. 3, с. 105]). В связи с тем, что в лексикографическом источнике за прилагательным *волчий* закреплено значение ‘свойственный волку, такой как у волка’ [БАС, т. 3, с. 105], целесообразно рассмотреть коннотативные семы денотата *волк*. В русской лингвокультуре доминантными характеристиками восприятия образа волка и проекции их на человека являются: *злой (злбный), опасный хищник, вечно голодный, привыкший к борьбе за выживание, недоверчивый, живущий по своим, волчьим законам* [Устуньер, 2004, с. 28]. Примечательно, что в русской политической метафорологии *волк* — это типичный образ агрессивности, безжалостности и жадности [Чудинов, 2001, с. 137]. Анализ словарной статьи показывает отсутствие у рассматриваемой лексики *wölfisch* ‘волчий’ узуального переносного значения: ‘wie ein Wolf’ [Wahrig, 1994] / ‘как волк’ (перевод наш. — В. С.), однако зоосимвол *der Wolf* является потенциальным носителем необходимых сигнификативных признаков ‘злой’ и ‘опасный’, подтверждением чему является устойчивое выражение *ein Wolf im Schafspelz* — ‘jemand, der einen harmlosen Eindruck macht, aber trotzdem böse oder gefährlich ist’ [Wahrig, 1994] / *волк в овечьей шкуре* — ‘человек, производящий впечатление безобидной личности, но всё же являющийся злым и опасным’ (перевод наш. — В. С.).

1.3. Замена метафоры сравнением:

Он так привык к податливости материи, к своему крепкому **кабанье-му** бегу по земле! [Солженицын, 2011, с. 199].

*Er konnte es sich nicht mehr anders vorstellen, als daß jede Materie ihm nachgab, als daß er **wie** ein kräftiger **Eber** übers Land galoppierte!* [Peturnig, 1974, S. 196].

Кабаний — ‘свойственный кабану; такой, как у кабана’ [БАС, т. 7, с. 513]. В русском языке наряду с прямым значением лексема **кабан** имеет переносное (‘о грубом толстом мужчине’ [Там же]), в немецком языке лексема **der Eber** ‘кабан’ имеет только прямое значение (‘ein männliches Schwein’ [Wahrig, 1994] / ‘самец свиньи’ (перевод наш. — В. С.)). В силу различий в интерпретации схожих денотатов лексических единиц **кабан** и **der Eber** русское имплицитное сравнение требует экспликации в переводе. Также требует комментария присутствующая в примере категориально-морфологическая трансформация, которая заключается в замене частей речи (прилагательное — существительное). Подобные трансформации узусально обусловлены и не являются объектом нашего исследования в силу их «индифферентности» в содержательном плане, то есть по причине их минимального влияния на чистоту трансляции исходного содержания [Латышев и др., 2003, с. 134].

2. Замена образа

2.1. Уподобляющие приемы

2.1.1. Перевод вариантным соответствием:

*И вот они тоже потянулись заявить о себе, о своем грозном опыте; что они — тоже частицы России и хотят влиять на ее будущее, а не быть **игрушкой** чужих ошибок. Но еще горше посмеялась над ними судьба, еще худшими пешками они стали* [Солженицын, 2011, с. 263].

*Und so gingen auch sie ihre düstere Erfahrung anmelden: Hier sind wir, ein Teilchen von Rußland und fortan gewillt, sein Schicksal mitzubestimmen, nicht bloß **ein Spielball** fremder Fehler zu sein. Das Schicksal aber spielte ihnen noch bitterer mit, zu noch jämmerlicheren Schachfiguren waren sie geworden* [Peturnig, 1974, S. 256].

Структурная метафора **игрушка** (перен. ‘послушное орудие чужой воли; то, чем распоряжаются по своей прихоти или произволу’ [БАС, т. 3, с. 36]) реализует сигнификативный признак манипулирования гражданами. Таким образом, А. И. Солженицын при помощи метафоры указывает, что послушный гражданин является объектом манипуляций, или игрушкой. С целью актуализации сем податливости и контролируемости А. Петурниг апеллирует к образу мяча, присутствующему в семантической структуре вариантного соответствия **der Spielball** ‘мяч, шар; перен. игрушка’ (‘eine Person oder eine Sache, die von anderen völlig abhängig ist’ [Langenscheidts,

1993] / ‘человек либо обстоятельство, которое в полной мере зависит от других’ (перевод наш. — В. С.)). Данный приём способствует корректному воспроизведению прагматики высказывания.

2.1.2. Функционально-адекватная замена:

*Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через **чумную черту** протянул мне руку (вольному, он никогда ее мне не протягивал!) <...> [Солженицын, 2011, с. 35].*

*Noch muß er sich besudelt, noch brüskiert gefühlt haben, denn er erhob sich (niemals in jenem früheren Leben war er aufgestanden wegen mir!), streckte mir über **die Pestwehr** hinweg die Hand entgegen (niemals hatte er mir, solange ich frei war, die Hand gereicht!) <...> [Peturnig, 1974, S. 28—29].*

При метафорическом моделировании событийного сюжета ареста автор проводит ассоциацию с неизлечимой страшной болезнью — *чумой* (‘острая заразная эпидемическая болезнь’ [MAC, т. 4, с. 693]). А. Петурниг трансформирует метафору. Метафорически употреблённое существительное *Pest* ‘чума’ актуализирует не только целевую сему ‘заразность’, но и сему ‘смерть’ (*Schwarzer Tod* [Wahrig, 1994] / *черная смерть* (перевод наш. — В. С.)). Функционально-адекватная замена приводит к появлению артефактной метафоры *Wehr* ‘плотина’ (‘eine Art Mauer, mit der das Wasser in einem Bach oder Fluss gestaut wird, besonders um den Wasserstand zu regeln’ [Langenscheidts, 1993] / ‘разновидность стены, предназначенная для удержания воды в водоёме или реке, в особенности с целью регулирования уровня воды’ (перевод наш. — В. С.)), что вызывает в сознании у носителей немецкого языка дополнительный образ и усиливает коннотативную сему опасности. В данном контексте подобное видоизменение образа допустимо, так как не противоречит коммуникативному намерению автора.

2.2. Замена метафоры фразеологизмом:

*Отчего они все такую рьяной **упряжкой** включились в эту гонку не за истиной, а за ЦИФРАМИ обработанных и осужденных?* [Солженицын, 2011, с. 152].

*Warum haben sie **sich** alle bloß so wild **ins Zeug gelegt**, nicht die Wahrheit, sondern die Ziffern der Verarbeiteten und Verurteilten zu erzielen?* [Peturnig, 1974, S. 146]

Представители органов власти объединены общей целью выполнить план, то есть они находятся в одной *упряжке* (‘несколько лошадей, собак, оленей, запряженных одной упряжью’ [MAC, т. 4, с. 509]). Переосмыслив подтекст зооморфной метафоры, переводчица делает выбор в пользу разговорного фразеологического оборота *sich ins Zeug legen* / разг. ‘взяться за дело’ (‘sich viel Mühe geben und alles tun, um etwas zu erreichen’ [Wahrig,

1994] / ‘прилагать большие усилия и делать всё, чтоб достичь цели’ (перевод наш. — В. С.)), в котором денотат *das Zeug* апеллирует к референту *снаряжение, оснащение / оборудование*. Несмотря на элиминацию оригинального образа животного в переводящем языке приём трансформации тропа, в основу которого легла замена метафорического выражения на фразеологическое, позволяет сохранить смысловое содержание и образность, что помогает эффективно реализовать коммуникативную интенцию и добиться адекватного перевода.

3. Нейтрализация образа

3.1. Деметафоризация:

<...> *от политики разгрома старой технической интеллигенции — к политике привлечения и заботы о ней* [Солженицын, 2011, с. 63].

<...> *von der Politik der Vernichtung der alten technischen Intelligenz zur Politik der Heranziehung derselben und zur Obsorge für sie* [Peturnig, 1974, S. 56].

Милитарная метафора *разгром* (действие по знач. глг. *разгромить* (‘нанести поражение, разбить, уничтожить в бою, в результате борьбы, состязания’; перен. ‘нанести идейное поражение’ [БАС, т. 22, с. 282]) заменяется на менее экспрессивную лексическую единицу *der Vernichtung* ‘уничтожение, истребление’ (‘völlige Zerstörung’ [Wahrig, 1994] / ‘полное разрушение’ (перевод наш. — В. С.)), которая актуализирует лишь смысловой инвариант, снимая «военную» образность. Подобные потери оправдываются необходимостью соблюдать речевые и узуальные нормы переводящего языка.

3.2. Приём опущения используется в следующем примере:

Кролик прочувствовался — *значит, его страхи были напрасны* [Солженицын, 2011, с. 26].

Also waren seine Ängste grundlos [Peturnig, 1974, S. 19].

В произведении граждане предстают в кроличьем образе. Несмотря на то, что русскоязычный лексикографический источник фиксирует только дифференциальные признаки данного животного (*кролик* — ‘небольшое животное семейства зайцев’ [БАС, т. 22, с. 669]), стоит отметить, что в русском языке данный зооморфизм несёт в себе скрытый смысл. Денотат *кролик* генерирует в русской лингвокультуре следующее прагматическое значение: ‘послушное существо, которое нетрудно запугать; представитель дискриминированных слоев населения, бесправный человек, объект для различных социальных, правовых и юридических экспериментов’. В своём произведении А. И. Солженицын часто обращается к данному образу. В переводе зооморфный образ воспроизводится преимущественно при помощи приёма калькирования прямого значения. Отказ от перевода метафо-

ры в рассматриваемом примере объясняется её избыточностью в данном контексте в языке перевода.

4. Заключение = Conclusions

В данной статье предпринята попытка уточнить типологию приёмов передачи структурных метафор. Анализ разработанных классификаций приёмов перевода метафорических единиц показал, что существуют общие типы переводческих операций, в рамках которых можно выделить несколько подтипов. Практика перевода выявила, что практикующие переводчики используют весь спектр приёмов. На основании частотности их применения можно сделать вывод о стратегии, выбранной тем или иным переводчиком.

Характер используемого приёма при переводе конкретной метафоры зачастую указывает на факт сходства или различия метафорических систем взаимодействующих языков. Так, сохранение образа (60 %) преимущественно возможно в случае концептуального совпадения метафор. Возможность использования в языковой паре приёма подстановки переносного значения (22 %) свидетельствует о сходстве систем концептуализации рассматриваемых сфер-мишеней. Эффективное использование приёмов калькирования прямого значения (26 %) и переносного значения (8 %) указывает на наличие потенциальной способности ПЯ к порождению симметричных скрытых смыслов. В свою очередь необходимость использования калькирования переносного значения говорит о различиях в системе концептуализации сфер-мишеней в силу того, что на момент перевода денотат языковой единицы не имеет аналогичного метафорического переосмысления в принимающей культуре. Перевод сравнением (4 %) при этом направлен на компенсацию излишней имплицитности, которая может быть упущена реципиентом перевода, при сохранении образной основы.

Замена образа (30 %) говорит о более ощутимых различиях в процессе метафоризации. При этом если использование вариантного соответствия (2 %) продиктовано системными расхождениями в языковой паре, то использование функционального аналога (24 %) и фразеологического оборота (4 %) зачастую обусловлены необходимостью соблюдения речевых и узуальных норм.

В случае концептуально обусловленной невозможности транслирования образа переводчик вынужден «нейтрализовать» метафорическую единицу, воспроизводя смысловое содержание с помощью приёма деметафоризации (9 %), либо полностью отказаться от экспликации. Здесь стоит отметить, что приём опущения (1 %) не исключает принципа адекватности, которая достижима благодаря компенсаторному эффекту контекста.

Все рассмотренные приёмы дают возможность успешно реализовать коммуникативное задание путём использования различных лингвистических средств, имеющих в своей основе разные функциональные доминанты.

Обобщение переводческих операций в работах отечественных и зарубежных теоретиков, уточнение терминологии, описание общей структуры и принципов классификации, а также анализ применения различных типов приемов на конкретном практическом материале позволили нам разработать новую типологию приемов передачи метафор, которая описана в данной статье.

Заявленный вклад авторов: Алексеева М. Л. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста. Сало В. Э. — написание текста; развитие методологии; переводческий анализ; итоговые выводы. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Maria L. Alekseyeva — scientific management; research concept; follow-on revision of the text. Victoria E. Salo — writing the draft; methodology development; interpreter's analysis; final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БАС — *Большой академический словарь русского языка*. — Москва, Санкт-Петербург : НАУКА, 2004—2021. — Т. 1—27.
2. МАС — *Малый академический словарь*. — Москва : Русский язык, 1999. — Т. 1—4.
3. *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956 : опыт художественного исследования / А. И. Солженицын. — Москва : ПРОЗАиК, 2011. — 592 с. — ISBN 978-5-91631-026-9.
4. *Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. — Москва : Издательство Март, 1993. — 1248 с. — ISBN 5-89531-023-0.
5. Peturnig — *Solschenizyn A. I.* Der Archipel GULAG / A. I. Solschenizyn ; Übersetzung von Anna Peturnig. — Bern, München : Scherz Verlag, 1974. — 621 S.
6. *Wahrig Deutsches Wörterbuch*. — Gütersloh : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994. — 1420 S.

Литература

1. *Алексеева М. Л.* Приёмы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф. М. Достоевского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. Л. Алексеева. — Екатеринбург, 2007. — 215 с.
2. *Алексеева М. Л.* Способы передачи концептуальных метафор в переводе произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на немецкий язык / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало // *Политическая лингвистика*. — 2023. — № 2 (98). — С. 109—115. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_12.
3. *Балли Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.
4. *Баранов А. Н.* Словарь русской политической метафоры / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Помовский и партнеры, 1994. — 330 с.

5. *Борковец Н. И.* Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы XX века и её переводов на русский язык) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. И. Борковец. — Екатеринбург, 2002. — 204 с.
6. *Веред В. Т.* Сохранение метафорического образа в переводе (на материале романов Ф. С. Фицджеральда и их переводов на русский язык) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / В. Т. Веред. — Москва, 2021. — 152 с.
7. *Вовк В. Н.* Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В. Н. Вовк. — Киев : Наукова думка, 1986. — 143 с.
8. *Гаврилов Л. А.* Метафоры образа России : проблемы перевода / Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов, Е. Г. Торсуков // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. — 2015. — № 4. — С. 75—80.
9. *Дегтяренко К. А.* Функционирование метафоры в военном дискурсе и способы ее перевода на русский язык (на материале англоязычных периодических изданий) / К. А. Дегтяренко, Е. В. Курицкая // Научный диалог. — 2018. — № 5. — С. 71—82. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-71-82.
10. *Кобозева И. М.* К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Москва : Наука, 2002. — С. 188—196.
11. *Курбанов А. И.* Стилистическая адекватность переводов метафорических единиц на примере произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и его переводов на английский (Т. Уитни, 1974) и немецкий (А. Петурниг, 1974) языки / А. И. Курбанов, В. Э. Сало // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2018. — № 1 (43). — С. 119—124. — DOI: <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2018-1-119-124>.
12. *Латышев Л. К.* Перевод : теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. — Москва : Академия, 2003. — 192 с. — ISBN 5769512725.
13. *Устуньер И.* Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. Устуньер. — Екатеринбург, 2004. — 172 с.
14. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Издательство УрГПУ, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.
15. *Шалимова Д. В.* Переводческие приемы Питера Ньюмарка на материале переводов метафор в произведениях Стивена Кинга / Д. В. Шалимова, И. В. Шалимова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — Т. 22. — № 1. — С. 278—287. — DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287.
16. *Шевченко О. Г.* Стилистические трансформации как средство достижения адекватности в художественном переводе (на материале рассказа Мюриэл Спарк «Портобелло Роуд») / О. Г. Шевченко // Научный диалог. — 2018. — № 10. — С. 224—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-10-224-241.
17. *Шенкал Г.* Образная лексика и фразеология русского языка в аспекте межъязыковой и межкультурной эквивалентности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.20 / Г. Шенкал. — Томск, 2017. — 186 с.

*Статья поступила в редакцию 04.08.2023,
одобрена после рецензирования 12.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.*

Material resources

- BAS — *A large academic dictionary of the Russian language, 1—27*. (2004—2021). Moscow, St. Petersburg : NAUKA, 2004-2021. — Vol. 1-27. (In Russ.).
- Langenscheidts *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. (1993). Moscow: Publishing House March. 1248 S. ISBN 5-89531-023-0. (In Germ.).
- Peturnig — Solschenizyn, A. I. (1974). *Der Archipel GULAG*. Bern, München: Scherz Verlag. 621 S. (In Germ.).
- MAS — *Small Academic Dictionary, 1—4*. (1999). Moscow: Russian Language. (In Russ.).
- Solzhenitsyn, A. I. (2011). *GULAG Archipelago. 1918—1956: the experience of artistic research*. Moscow: PROZAIK. 592 p. ISBN 978-5-91631-026-9. (In Russ.).
- Wahrig *Deutsches Wörterbuch*. (1994). Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag. 1420 s. (In Germ.).

References

- Alekseeva, M. L. (2007). *Techniques of transmitting Russian realities in German translations of F. M. Dostoevsky's novels*. PhD Diss. Yekaterinburg. 215 p. (In Russ.).
- Alekseeva, M. L., Salo, V. E. (2023). Ways of transmitting conceptual metaphors in the translation of A. I. Solzhenitsyn's work "Gulag Archipelago" into German. *Political Linguistics*, 2 (98): 109—115. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_12. (In Russ.).
- Bally, Sh. (2001). *French stylistics*. Moscow: Editorial URSS. 392 p. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1994). *Dictionary of Russian political metaphor*. Moscow: Pomovsky and Partners. 330 p. (In Russ.).
- Borkovets, N. I. (2002). *Technical metaphor in the artistic picture of the world (based on the material of German prose of the XX century and its translations into Russian)*. PhD Diss. Yekaterinburg. 204 p. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. (2001). *Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive study of Political Metaphor (1991—2000)*. Yekaterinburg: USPU Publishing House. 238 p. ISBN 5-7186-0277-8. (In Russ.).
- Degtyarenko, K. A., Kuritskaya, E. V. (2018). Metaphor Functioning in Military Discourse and Ways of Its Translation into Russian (on Material of English-language Periodicals). *Nauchnyi dialog*, 5: 71—82. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-5-71-82> (In Russ.).
- Gavrilov, L. A., Zaripov, R. I., Torsukov, E. G. (2015). Metaphors of the image of Russia: problems of translation. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 22. Theory of translation*, 4: 75—80. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2002). To the formal representation of metaphors within the cognitive approach. In: *Computational linguistics and intellectual technologies*. Moscow: Nauka. 188—196. (In Russ.).
- Kurbanov, A. I., Salo, V. E. (2018). Stylistic adequacy of translations of metaphorical units on the example of the work of A. I. Solzhenitsyn "Gulag Archipelago" and its translations into English (T. Whitney, 1974) and German (A. Peturnig, 1974) languages. *Vector of Science of Togliatti State University*, 1 (43): 119—124. DOI: <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2018-1-119-124>. (In Russ.).
- Latyshev, L. K., Semenov, A. L. (2003). *Translation: theory, practice and teaching methods*. Moscow: Academy. 192 p. ISBN 5769512725. (In Russ.).
- Shalimova, D. V., Shalimova, I. V. (2020). Peter Newmark's translation techniques based on translations of metaphors in the works of Stephen King. *Bulletin of Kemerovo*

- State University*, 22 (1): 278—287. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-278-287. (In Russ.).
- Shenkal, G. (2017). *Figurative vocabulary and phraseology of the Russian language in the aspect of interlanguage and intercultural equivalence*. PhD Diss. Tomsk. 186 p. (In Russ.).
- Shevchenko, O. G. (2018). Stylistic Transformations as Means of Achieving Adequacy of Literary Translation (on Material of Muriel Spark's Story "Portobello Road"). *Nauchnyi dialog*, 10: 224—241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-10-224-241> (In Russ.).
- Ustunier, I. (2004). *Zoomorphic metaphor characterizing a person in Russian and Turkish*. PhD Diss. Yekaterinburg. 172 p. (In Russ.).
- Vered, V. T. (2021). *Preservation of the metaphorical image in translation (based on the material of F. S. Fitzgerald's novels and their translations into Russian)*. PhD Diss. Moscow. 152 p. (In Russ.).
- Vovk, V. N. (1986). *Linguistic metaphor in artistic speech. The nature of the secondary nomination*. Kiev: Naukova dumka. 143 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.08.2023;
approved after reviewing 12.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

Информация для цитирования:

Бармина Е. А. Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода / Е. А. Бармина, О. Г. Скидан // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 47—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64.

Barmina, E. A., Skidan, O. G. (2023). Speech Portrait of a Mentally Unhealthy Character as a Translation Problem. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 47-64. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-47-64

Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода

Бармина Евгения Александровна

orcid.org/0000-0002-8255-401X

кандидат филологических наук,

доцент кафедры

«Теория и практика перевода»

mar.indigo@mail.ru

Скидан Ольга Геннадьевна *

orcid.org/0000-0003-3231-1965

кандидат филологических наук,

доцент кафедры

«Теория и практика перевода»,

* *корреспондирующий автор*

skidan_ua@mail.ru

Севастопольский
государственный университет
(Севастополь, Россия)

Speech Portrait of a Mentally Unhealthy Character as a Translation Problem

Evgeniia A. Barmina

orcid.org/0000-0002-8255-401X

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Theory and

Practice of Translation

mar.indigo@mail.ru

Olga G. Skidan *

orcid.org/0000-0003-3231-1965

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Theory and

Practice of Translation

* *Corresponding author*

skidan_ua@mail.ru

Sevastopol State University
(Sevastopol, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель данной статьи — описать механизм определения ключевых параметров речевого портрета психически нездорового персонажа художественного текста в аспекте достижения прагматической адекватности перевода. В качестве материала выступили роман «Цветы для Элджернона» Дэниеля Киза, рассказ «Тот, кто хочет выжить» Стивена Кинга и роман «Американский психопат» Брета Истона Эллиса. В качестве инструмента используется предложенный авторами алгоритм предпереводческого анализа. Установлено, что при создании речевого портрета в художественных текстах используются определенные лингвистические маркеры, наблюдаемые по одному или нескольким параметрам. При этом используемые лингвистические маркеры достоверно характеризуют реально существующие факты измененного языкового сознания при психических расстройствах. Составляющими речевого портрета персонажа могут быть речевая агрессия (обсценная лексика), метафоры, определенное членение предложений, вербализация имиджа грандиозности и др. Авторы приходят к выводу, что предложенный алгоритм с применением данных психолингвистики позволяет проследить особенности отбора выразительных средств в оригинале и выявить релевантные маркеры речевого портрета психически нездорового персонажа для последующей репрезентации этих характеристик как функциональных доминант в переводе. Это поможет избежать сдвигов при реализации образа персонажа в переводе.

Ключевые слова:

речевой портрет; переводоведение; речь психически нездорового персонажа; перевод; прагматика высказывания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this article is to describe the mechanism of determining the key parameters of the speech portrait of a mentally unhealthy character in a literary text in terms of achieving pragmatic adequacy in translation. The material used for analysis includes the novel 'Flowers for Algernon' by Daniel Keyes, the short story 'Survivor Type' by Stephen King, and the novel 'American Psycho' by Bret Easton Ellis. The authors utilize a proposed algorithm of pre-translation analysis as a tool. It has been established that specific linguistic markers are employed in creating the speech portrait in literary texts, observed through one or multiple parameters. These linguistic markers accurately characterize the existing facts of altered language consciousness in mental disorders. Components of the character's speech portrait may include verbal aggression (obscene language), metaphors, specific sentence structures, verbalization of grandiosity, etc. The authors conclude that the proposed algorithm, with the application of psycholinguistics data, allows for tracing the peculiarities of selecting expressive means in the original text and identifying relevant markers of the speech portrait of a mentally unhealthy character for subsequent representation of these characteristics as functional dominants in translation. This will help avoid shifts in realizing the character's image in translation.

Key words:

speech portrait; translation studies; speech of a mentally unhealthy character; translation; pragmatics of speech.

Речевой портрет психически нездорового персонажа как проблема перевода

© Бармина Е. А., Скидан О. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Проблема психического здоровья, все чаще поднимаемая в современной литературе, вызывает интерес у исследователей различных направлений: медицины, социологии, лингвистики. Если в прошлом данная тема являлась табуированной, образ психически нездорового человека часто отождествлялся со зверем или сверхъестественным существом, то со временем отношение к данному явлению изменилось. На сегодняшний день наблюдается смещение фокуса интерпретации: многие психические отклонения рассматриваются как продукт современного высокоразвитого индустриального общества. Живой интерес у исследователей вызывают особенности репрезентации психологических расстройств личности в произведениях массовой культуры, например, в телевизионных сериалах [Lopera-Mármol et al., 2022, p. 133], а также в продукции с использованием технологии виртуальной реальности, обеспечивающей полное погружение в измененные состояния психики для их более подробного изучения и дестигматизации людей, страдающих от подобных отклонений [Bakk, 2023].

Исследования в области психиатрической лингвистики подтверждают, что психические расстройства сопровождаются изменениями языкового сознания [Шпильная, 2020, с. 142]. Как известно, продуктом языкового сознания выступает речь, соответственно, именно речь (устная либо в форме дневниковых записей) предоставляет критически важную информацию о психическом здоровье человека. Такие речевые маркеры, как изменение тональности, темпа, наличие пауз, алогия, связность, содержательность, различные структурно-семантические, когнитивные и прагматические особенности патологических текстов, используются специалистами при оценке психического состояния пациента [Пашковский и др., 2015, с. 48—58; Low et al., 2020, p. 96—116]. При выявлении шизофрении, например, опираются на эмоциональное содержание высказывания, его сложность, связность и синтаксическую структуру [Corcoran et al., 2020, p. 72—75]. При этом исследования метафорики автобиографических нарративов людей с патологией психики не только проливают свет на особенности их

мышления, сознания и самопонимания, но и позволяют выявить закономерности развития эмпатии в обществе [Stanger Elran, 2019, p. 118]. Психологи отмечают преимущественно предвзятое отношение к людям с различными отклонениями [Robb et al., 2016, p. 5—10], что во многом объясняется тем фактом, что репрезентация психического здоровья в литературе и искусстве носит в основном стереотипный характер [Kimmerle et al., 2013, p. 935—940]. Текстовое воплощение данной темы в художественных текстах варьируется от описания страданий персонажа, вызванных расстройством психики, до методов борьбы с ним. В центре подобного повествования находится образ психически нездорового человека, в поведении и речи которого прослеживаются девиантные характеристики.

В самом широком понимании девиантным (лат. *deviatio* — отклонение) считается такое поведение, которое не укладывается в социальные нормы, например, нанесение ущерба собственной личности или обществу, социальная дезадаптация [Змановская, 2008, с. 14], а также любые действия, вызывающие в обществе осуждение. Что касается девиантного речевого поведения, то диагностирование его форм относится к одной из острых лингвоэтических проблем [Дускаева, 2014, с. 10]. Исследователи медийного речевого поведения относят к девиантным формам не только речевые ошибки, но и формы речевой агрессии (клевету, оскорбления) [Там же], интонационно-грамматические девиации [Куприянова, 2021, с. 441].

В фокусе настоящей статьи находится исследование средств, формирующих речевой портрет психически нездорового человека в произведениях популярных американских писателей, в контексте их воссоздания в переводе на русский язык. При оценке качества перевода (определении его эквивалентности и адекватности), на наш взгляд, приоритет принадлежит именно прагматической эквивалентности, то есть ориентации на достижение равенства реакции получателя оригинала и перевода. Таким образом, принимается во внимание не только значение слов, предложений и дискурсивных структур, но и их символический характер, то есть вызываемые ими ассоциации. Актуализация импликационала происходит за счет опоры на определенные ассоциации носителей того или иного языка, что позволяет реализовать прагматический потенциал высказывания в переводе. В качестве такой опоры, или некоего *tertium comparationis* — отправного общего момента сравнения — могут выступать реальные речевые маркеры психических отклонений, полученные на основе исследований в области психолингвистики.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения вопроса отбора языковых средств в тексте художественного произведения для достоверной репрезентации образа персонажа, а также

анализа переводческих приемов, способствующих воссозданию художественного образа в переводе.

Новизна исследования заключается в разработке алгоритма предпереводческого анализа речевого портрета как маркера психического состояния для полноценного воссоздания образа девиантной личности в переводе.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель данной статьи — описать механизм определения ключевых параметров речевого портрета психически нездорового персонажа художественного текста в аспекте достижения прагматической адекватности перевода. В качестве **материала** для исследования мы выбрали роман «Цветы для Эдгернона» Дэниеля Киза, рассказ «Тот, кто хочет выжить» Стивена Кинга и роман «Американский психопат» Брета Истона Эллиса, в которых преобладает «внутренняя фокализация» в терминах Жерара Жеттета [Жеттет, 1998, с. 205], при которой фокальный персонаж сам является нарратором.

Объектом исследования выступает речевой портрет психически нездорового человека как междисциплинарный феномен, **предметом** — маркеры речевого поведения психически нездорового персонажа в художественном тексте в аспекте адекватности их воссоздания в переводе.

Методом сплошной выборки для анализа были отобраны те текстовые фрагменты, в которых актуализированы особенности речевого поведения персонажа в периоды проявления симптомов болезни. Для выявления механизмов концептуализации феномена психического нездоровья и идентификации средств создания речевого портрета девиантной личности используются дефиниционный, контекстуальный, лингвостилистический, функционально-стилистический, а также интерпретативный анализ текстовых фрагментов; сопоставительный переводческий анализ позволяет оценить степень воссоздания речевого портрета в контексте эквивалентности и адекватности.

Важность достоверной речевой характеристики для создания образа психически больного персонажа отмечается рядом исследователей [Горбачева и др., 2020, с. 60—61; Зеленева, 2015, с. 45; Сайтбатталова, 2019, с. 227; Фомина и др., 2022, с. 297]. Известно, что для гиперболизированной детализации психического состояния своих героев Ф. М. Достоевский использовал даже соответствующую медицинскую литературу своего лечащего врача. В речи Ивана Карамазова прослеживается столкновение иррациональных и рациональных структур сознания, что является примером выраженного психоза. В нарративе Барбары О'Брайен «Operators and Things: The Inner Life of a Schizophrenic» представлена речевая харак-

теристика пациента, больного параноидной шизофренией. Таким людям свойственна постоянная умственная активность и оживленный внутренний диалог либо с самим собой, либо с другими личностями внутри себя. Поэтому речь пациента грамотная, структурированная, а также наполнена сложными грамматическими конструкциями. Такой пример вербализации психического заболевания является довольно нетипичным, но именно такая речь сигнализирует о наличии заболевания. Не менее популярной в художественной литературе и среди исследователей является и тема «множественной личности». Персонаж с расстройством множественной личности репрезентируется автором в произведении через «мотив маски», который является неотъемлемой частью лица героя: в зависимости от точки зрения лицо может восприниматься как маска, а маска как лицо.

Исследование речевого портрета персонажа уходит корнями в философско-эстетическую концепцию М. М. Бахтина, в которой он рассуждает «о моментах, примыкающих к наружности и восполняющих в словесном творчестве неполноту живописного портрета» [Бахтин, 2000, с. 17]. Исследователи отмечают, что «лингвистические исследования в области речевого портретирования последних лет свидетельствуют о существенном усложнении и дифференциации понятийного содержания термина в сравнении с первоначальной трактовкой» [Макеева, 2014, с. 79]. В исследовательской среде сосуществуют терминологические единицы, характеризующиеся схожестью семантики, например, *коммуникативный портрет*, *языковой портрет*, *лингвокультурный типаж*, *речевая характеристика*, *речевое поведение*. В нашем исследовании мы оперируем понятием «речевой портрет», под которым вслед за Т. Н. Колокольцевой понимаем «совокупность вербальных и изобразительно-выразительных средств текста, интерпретация которых позволяет раскрыть характер персонажа, сформировать представление о психологическом складе его личности, интеллектуальном и культурном уровне» [Колокольцева, 2015, с. 88].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Реконструкция речевого портрета требует фиксации речевых особенностей на всех языковых уровнях: фонографическом, лексико-грамматическом, синтаксическом и прагматическом. На каждом из уровней речевые характеристики выражают индивидуальные особенности персонажа, образуя в конвергенции целостный речевой портрет. Важным дополнением в контексте проблематики данного исследования считаем тезис о том, что при выборе стратегии перевода переводчик должен опираться на «яркие диагностирующие пятна» [Николаева, 1991, с. 73], поскольку «на представление читателя о речевом портрете того или иного персонажа влияет

зачастую не восприятие всего корпуса художественных диалогов и монологов произведения, а отдельные фрагменты общей картины, наиболее впечатляющие живописные мазки» [Колокольцева, 2015, с. 88], в контексте нашего исследования — речевые маркеры психических отклонений.

Чтобы убедить читателя в том, что актуализируемые в тексте персонажи — это реальные живые люди, необходимо осуществить стилизацию речи на таком уровне, который бы оставлял у читателя впечатление абсолютной естественности. Предпереводческий анализ речевого портрета персонажа поможет переводчику в принятии соответствующих решений для сохранения и репрезентации образа нездорового человека в переводе (сохранения прагматики оригинала). Полноценная репрезентация образа персонажа в переводе требует сохранения его речевого портрета как маркера психического состояния. Выделение релевантных характеристик речевого портрета возможно на основе исследования частотности тех или иных средств различных уровней, используемых автором оригинала для речевой характеристики персонажа.

Задача переводчика заключается в сохранении лингвистических маркеров речевого портрета персонажа, чему способствует комплексный предпереводческий анализ. При разработке алгоритма такого анализа мы опирались на трехступенчатую модель анализа речевого портрета, предложенную М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская и др., 1995, с. 10], в которой предлагается исследование лексикона, тезауруса и прагматикона языковой личности. Первый этап анализа выявляет степень владения персонажем лексико-грамматическим фондом языка, второй дает представление о его языковой картине мира, третий воплощает собой систему его коммуникативных намерений.

Применительно к анализу речевого портрета психически нездорового персонажа в переводческом аспекте эту модель можно применить для построения алгоритма, подразумевающего прохождение трех этапов:

1. Методом сплошной выборки выделяются все лингвистические средства, используемые данным персонажем. При этом анализируются степень владения персонажем основными закономерностями языка, то, что мы называем нормами, грамматической и стилистической правильностью речи, богатство словарного запаса, характер используемых выразительных средств.

2. Выявляются наиболее частотные лингвистические маркеры, по которым можно судить об узнаваемости данного персонажа как носителя того или иного психологического расстройства. Например, характеристиками, свидетельствующими о нестабильности психики персонажа, могут служить перепады акцентуированности речи, ее гротескность, наделение голоса персонажа нечеловеческими качествами.

3. Определяются коммуникативные цели персонажа, а также соответствие лингвистических средств этим коммуникативным целям; например, проявление безразличия к чувствам и переживаниям других людей, приоритет собственного «Я».

3.1. Речевой портрет Чарли Гордона

Уровень интеллекта — один из ключевых факторов, определяющих параметры устной и письменной речи. Речь умственно отсталого человека, как правило, характеризуется алекситимией, аграмматизмом, алогией, отсутствием эмоциональных маркеров в речи, грамматическими и орфографическими ошибками. В романе «Цветы для Элджернона» речевой портрет Чарли Гордона, персонажа, который страдает фенилкетонурией, вызывающей умственную отсталость, наиболее ярко представлен на уровне лексикона. Он проступает уже на первом этапе предпереводческого осмысления образа, подразумевающим анализ степени владения персонажем лексико-грамматическим фондом языка. В тексте романа речевой портрет Чарли Гордона создается с помощью графона, графо-стилистического приема, призванного отобразить в тексте особенности произношения персонажа с учетом его физиологических особенностей и эмоционального состояния.

Для передачи симптоматики болезни в романе задействованы различные типы графона (окаzionaliальные, рекуррентные, интериорные, контактные), графически отображающие орфографические искажения и нарушения грамматической нормы в речи персонажа. Наиболее часто используются графоны интериорные, отражающие на письме преобразования слов, основанные на элизии гласного звука, например, «pictures» (pictures), «agan» (again), «sed» (said), «thot» (thought), «thru» (through) или удвоенного согласного: «progris» (progress), «reely» (really). Не менее частотное такое нарушение орфографической нормы, как удвоение согласного, например, «tollld» (told). В представленном фрагменте присутствуют окаzionaliальные графоны («exited», «hardley», «argament» «frist», «testid», «rekemmed», «retarted»), которые проявляются в речи в момент эмоционального напряжения персонажа, и рекуррентные («rite», «tollld»), присутствующие в речи персонажа на протяжении всего повествования.

«Im so exited I can hardley rite it down. But then Prof Nemur and Dr Strauss had a argament about it frist. I was sitting in Prof Nemurs office when Dr Strauss and Burt Selden came in. Prof Nemur was worried about using me but Dr Strauss tollld him I looked like the best one they testid so far. Burt tollld him Miss Kinnian rekemmed me the best from all the people who she was teaching at the center for retarted adults. Where I go» [Keyes, 2004, p. 9].

«Я так волнуясь што едва могу записать все это. Но с начала проф Немур и док Штраус не много паспорили. Я сидел в кабинете у профа Не-

мура когда вошли док Штраус и Барт Селдон. Проф Немур почемуто би-спаконился наиот меня но док Штраус сказал я выгляжу лутшие всех ково они видали. Барт сказал мис Кинниан рикамендавала меня ис всех ково она учит в школе для умствено атсталых. Куда я хожу» [Киз, 2016, с. 17].

Ошибки, допускаемые главным героем, чаще связаны с написанием по принципу фонетического письма. При переводе важно сохранить этот принцип, чтобы воссоздать речевой портрет хоть и умственно отсталого, но взрослого человека. В русскоязычном варианте можно проследить пример компенсации за счет использования того же принципа фонетического письма, только с учетом особенностей русского языка. Перевод точно передает стилистическую специфику текста и эмоциональное состояние главного героя: переводчик Сергей Шаров использовал простые конструкции, выдержал определенное количество графонов в речи главного героя, используя в основном синтаксическое уподобление и компенсацию. Созданные им эрративы позволили сохранить патологический эффект текста и воссоздать речевой портрет умственно отсталого человека, удовлетворяющий критерию прагматической эквивалентности.

Важно добавить, что столь подробное языковое оформление речевого портрета не только реализует экспрессивную и информативную функцию при создании образа, но и способствует передаче основной идеи произведения: «невозможности комфортного существования личностей с девиациями в социуме, не готовом принять в свои ряды “чужого”, непохожего на остальных» [Çelikel, 2020, p. 89].

3.2. Речевой портрет Ричарда Пайна

В центре сюжета, раскрываемого с помощью дневниковых записей, — хирург-наркоторговец, оказавшийся в результате кораблекрушения на небольшом куске суши посреди океана. Голод и употребление наркотиков приводят к развитию у персонажа галлюциноза и аутосаркофагии.

Анализ речевого портрета на первом этапе дает общее представление о языковой личности Ричарда Пайна, его социальном статусе, профессии, внутреннем облике и образе жизни. Несмотря на текстовое воплощение образа циничного беспринципного хирурга, которому не присущи морально-этические нормы, его речь до проявления симптоматики психического расстройства свидетельствует о развитом уровне интеллекта, признаками которого являются самоирония и употребление медицинской терминологии. Персонаж находится в условиях изоляции, следовательно, уровень прагматики (соответствия языковых средств коммуникативным намерениям личности) для анализа речевого портрета нерелевантен.

Переводческий интерес вызывает стадия перехода здорового языкового сознания в измененное состояние. Актуализация измененного состояния

персонажа, стремящегося выжить любой ценой, даже поедая самого себя, мастерски создается С. Кингом за счет конвергенции лингвистических приемов и средств: парцелляции (обрывочные воспоминания рекламного джингла компании Макдональдс), лексических повторов, эллиптических конструкций, графических средств (капитализация), графона:

«You ... deserve ... a break today ... sooo... get up and get away ... to McDonald's ... two all-beef patties ... special sauce... lettuce... pickles... onions... on a ... sesame seed bun ... Dee... deede... dundadee ... <...>

They say you are what you eat and if so I HAVEN'T CHANGED A BIT! Dear God shock-trauma shock-trauma THERE IS NO SUCH THING AS SHOCK-TRAUMA HA» [King, 2022, p. 567];

«Ты... заслуживаешь... перерыв... сегодня... скорооо... встанешь и пойдешь... в «Макдональдс»... две отбивных... соус... салат... соленые огурцы... лук... на... булочке... с кунжутными семенами... <...>

Говорят, что человек — это то, что он ест. Ну что ж, если так, то я НИКОЛЬКО НЕ ИЗМЕНИЛСЯ! Боже мой травматический шок травматический шок НИКАКОГО ТРАВМАТИЧЕСКОГО ШОКА НЕ СУЩЕСТВУЕТ ХА» [Кинг, 2010, с. 31].

В переводе наблюдаем сохранение парцеллированной конструкции, что передает интонационную экспрессию и отрывистость произнесения. Однако буквальный перевод фразы не позволил сохранить отсылку к известному рекламному джинглу и передать эффект «заезженной пластинки», ведь персонажу все труднее удерживать ясность сознания, мысли о еде перерастают в обсессивно-компульсивное расстройство и безумие. Актуализация в тексте происходит за счет стилевой диффузии (соседства библейских аллюзий и детских считалок), эрративных конструкций (нарушения синтаксической структуры предложения), лексических повторов, междометий, подразумевающих смеховую реакцию:

«left hand washes the right don't let your left hand know what your right hands doing one potato two potato three potato four we got a refrigerator with a store-more door hahaha. Who cares, this hand or that. good food good meat good God let's eat. lady fingers they taste just like lady fingers» [King, 2022, p. 568];

«левая рука моет правую и пусть твоя левая рука не знает о том что делает правая раз два три четыре пять вышел зайчик погулять хахаха. Какая разница. одна рука или другая. мясо хорошее хорошая еда спасибо тебе Боже ты добр к нам всегда. у пальцев вкус пальцев ничего особенного» [Кинг, 2010, с. 32].

Последнее предложение свидетельствует об окончательной потере здравомыслия, размытии границ реальности; персонаж не понимает, что

с ним происходит, он ест собственные пальцы, пытаясь убедить себя, что это бисквитное печенье «дамские пальчики». Перевод этого фрагмента не отвечает критерию прагматической адекватности, поскольку создается картина осознанных действий персонажа, который уже пробовал пальцы на вкус. Таким образом, в переводе происходит сдвиг: в оригинале персонаж вызывает больше сочувствия, ведь при всем своем цинизме он — продукт той среды, в которой выживает только сильнейший (что отражено и в названии произведения), в переводе — скорее страх и неприязнь. Возможно, такое переводческое решение было принято осознанно как проявление точки зрения переводчика на данный образ. Ведь художественный перевод — так или иначе творческая интерпретация. Но при этом нельзя не отметить, что в результате такой интерпретации произошли сдвиги в репрезентации образа героя в сторону его еще большей дегуманизации.

3.3. Речевой портрет Патрика Бэйтмена

В романе «Американский психопат» нарциссизм, благоприятные условия для которого создает имидж успеха любой ценой, представлен как социальное явление. Поэтому функциональной доминантой данного произведения является речевой портрет Бэйтмена как собирательного образа человека с нарциссически расстройством личности. Его речевой портрет складывается при последовательном анализе лингвистических средств, используемых автором для достоверного описания этого деструктивного расстройства.

При анализе словарного запаса и владения разнообразными грамматическими структурами необходимо отметить высокий уровень интеллекта персонажа, что находит отражение и в переводе. Интерес представляет анализ речевого портрета Бэйтмена с точки зрения проявления его девиантного поведения. Тут необходимо отметить возведенное в абсолют стремление к внешнему совершенству и превосходству (так называемый имидж грандиозности) [Короленко и др., 2011, с. 84—87], что находит отражение в подробном (вплоть до деталей) описании предметов гардероба и интерьера, их цветовой палитры, использовании названий брендов. При этом женщина оценивается как еще один атрибут образа, а также сексуальный объект, что свидетельствует об отсутствии эмпатии к переживаниям других людей:

«Scott Montgomery walks over to our booth wearing a double-breasted navy blue blazer with mock-tortoiseshell buttons, a prewashed wrinkled-cotton striped dress shirt with red accent stitching, a red, white and blue fireworks-print silk tie by Hugo Boss and plum washed-wool trousers with a quadruple-pleated front and slashed pockets by Lazo. He's holding a glass of champagne and hands it to the girl he's with — definite model type, thin, okay tits, no ass, high heels — and she's wearing a wool-crepe skirt and a wool and cashmere

velour jacket and draped over her arm is a wool and cashmere velour coat all by Louis Dell'Olio» [Ellis, 2003, p. 37];

«К нашему столу приближается Скотт Монтгомери. На нем — темно синий двубортный блейзер с пуговицами из искусственного черепахового панциря, мягая, застиранная хлопчатобумажная рубашка в поло-ску, с красной вышивкой, шелковый галстук с красно бело синим рисунком в виде фейерверков (от Hugo Boss) и фиолетовые шерстяные брюки от Lazo (косые карманы; спереди — четыре складки). В руках у него стакан с шампанским, который он передает своей спутнице. Она — определенно модель: стройная, с неплохой грудью, задница отсутствует, высокие каблуки. На ней креповая юбка, велюровый жакет (шерсть с кашемиром), через руку перекинута велюровое пальто, все от Louis Dell'Olio. Туфли на каблуках от Susan Bennis Warren Edwards. Темные очки от Alan Mikli. Кожаная сумка с тиснением от Hermès» [Эллис, 2015, с. 30].

В переводе патологическая заикленность героя на идеальном внешнем виде отражена при помощи сохранения подробного описания предметов гардероба (их цвета, фактуры, рисунка и т. д.). При этом несколько выбивается из общей картины определение «застиранная» для рубашки человека, одетого модно и дорого. Скорее всего, под «*prewashed*» здесь подразумевается специально созданный эффект помятости (поношенности) ткани, которого добиваются намеренно. Удачным представляется решение вынесения части уточняющей информации в скобки. Такой подход способствует облегчению восприятия фрагмента, перегруженного деталями, без потери функциональной доминанты. Этой же цели служит членение последнего предложения. Каждому предмету гардероба описание в переводе дается в новом предложении, что также работает на репрезентацию образа героя в переводе, для которого брендовая одежда оцениваемой им женщины важнее ее чувств. Названия брендов одежды без перевода латиницей, что может выполнять функцию ориентации на языковую моду. Так, данная функция выражает своего рода «престиж» заимствованной лексики, а главный герой как раз старается выбирать все модное и престижное.

Стремление к внешнему совершенству, гиперчувствительность по отношению ко всему, что может разрушить имидж грандиозности, приводит к болезненной реакции на превосходство других людей:

«*A brief spasm of jealousy courses through me when I notice the elegance of the color and the classy type*» [Ellis, 2003, p. 39];

«Цвета такие элегантные, шрифт просто великолепенный, и меня охватывает короткая судорога зависти» [Эллис, 2015, с. 32].

В переводе нужный эффект достигается за счет полной грамматической трансформации и перестановки для сохранения тема-рематических

отношений, а также добавления («такие», «просто»), которое позволяет показать степень эмоционального потрясения героя. Болезненная реакция на превосходство других людей представлена в таких маркерах, как «*brief spasm of jealousy*», что реализовано в переводе при помощи модуляции («*короткая судорога зависти*»), которая помогает провести параллель между душевным состоянием и его физическим проявлением («*spasm*» — «*судорога*»).

Показательным является и следующий фрагмент: «*Suddenly the restaurant seems far away, hushed, the noise distant, a meaningless hum, compared to this card...*» [Ellis, 2003, p. 40]; «*Внезапно мне кажется, что ресторан затих и отодвинулся от нас. В сравнении с этой визиткой музыка превратилась в бессмысленный шум...*» [Эллис, 2015, с. 32]. Его прагматический потенциал реализован в переводе при помощи метафоры («ресторан... отодвинулся от нас», «музыка превратилась в бессмысленный шум»). Нужный акцент также достигается за счет членения предложения, таким образом, информативная нагрузка снова на болезненности восприятия героем превосходства над ним другого человека.

Бэйтмен не переносит успеха других людей, ненавидит их, старается причинить им вред вплоть до уничтожения, что находит проявление в речевой агрессии (особенно к женщинам), маркерами которой являются единицы, принадлежащие к обсценной лексике:

«*You are a f...ing ugly bitch I want to stab to death and play around with your blood, 'but I'm smiling*» [Ellis, 2003, p. 53].

«...с улыбкой говорю:

— *Е...ная уродская сука, как бы я хотел забить тебя до смерти и насладиться твоей кровью*» [Эллис, 2015, с. 43].

Речевая агрессия является важной составляющей речевого портрета Бэйтмена, поэтому создаваемый в оригинале за счет использования вульгаризмов эмоциональный эффект должен быть реализован в переводе. Чтобы продемонстрировать одержимость героя влечениями, которые проявляются через половые извращения, а также через жестокие издевательства, переводчик прибегает к экспрессивной конкретизации («*play around*» — «насладиться»), а также к дисфемизации, что позволяет использовать больший по сравнению с английским языком экспрессивный потенциал русскоязычной обсценной лексики.

Анализируемые лингвистические средства, а также их несоответствие выражению лица персонажа («*but I'm smiling*» — «...с улыбкой говорю»), свидетельствуют о целеустановках Бэйтмена, несмотря на то, что собеседники не понимают его истинных коммуникативных намерений. Герой выбирает коммуникативные роли (помогающие ему функционировать в за-

данных условиях), балансируя на грани безумия, которое является метафорой ухода в альтернативный вымышленный мир. Таким образом, агрессия выступает как реакция на пороки общества, желание разрушить этот мир через насилие.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам и заключениям.

1. Тема безумия, или (в терминах психолингвистики) различных расстройств личности, широко представлена не только в научно-популярном, но и в массмедийном и художественном дискурсах ввиду ее острой социальной проблематики. При этом художественное воплощение образа психически нездорового человека позволяет осмыслить данную проблематику при помощи эстетического воздействия, что в свою очередь способствует более глубокому осознанию проблемы и развитию эмпатии у получателя.

2. Описание психических расстройств в художественной литературе часто носит метафорический характер: безумие как реакция на несовершенство общества, попытка ухода в иллюзорный мир или, как крайнее проявление, стремление разрушить этот порочный мир.

3. При создании речевого портрета в зависимости от формы описываемого психического отклонения авторы художественных текстов используют определенные лингвистические маркеры, наблюдаемые по одному или нескольким параметрам. К таким маркерам можно отнести, например, графическое отображение различных орфографических искажений и нарушений грамматической нормы в речи персонажа, парцелированные и эллиптические конструкции, вербализацию имиджа грандиозности, речевую агрессию. При этом, как показало проведенное исследование, используемые лингвистические маркеры достоверно характеризуют реально существующие факты измененного языкового сознания при психических расстройствах. Таким образом, использование данных психолингвистики в качестве некоего *tertium comparationis* могут служить опорой при переводе в поиске соответствий для конвергенции лингвистических приемов и средств, используемых в оригинале.

4. Последовательный предпереводческий анализ на основе предложенного алгоритма с применением данных психолингвистики позволяет проследить особенности отбора автором выразительных средств и выявить релевантные маркеры речевого портрета психически нездорового персонажа для последующей репрезентации этих характеристик как функциональных доминант в переводе. Таким образом, это поможет избежать сдвигов при реализации образа персонажа в переводе.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Киз Д. Цветы для Элджернона : роман / Д. Киз ; пер. с англ. С. Шарова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-699-81423-7.
2. Кинг С. Тот, кто хочет выжить / С. Кинг // Тот, кто хочет выжить (сборник) ; пер. с англ. И. Гуровой. — Москва : АСТ, 2010. — С. 3—32.
3. Эллис Б. И. Американский психопат / Б. И. Эллис ; пер. с англ. В. Ярцева, Т. Покидаевой. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-389-09832-9.
4. Ellis B. E. American Psycho / B. E. Ellis // Knopf Doubleday Publishing Group, 2010. — 416 p. — ISBN 0307756432, 9780307756435.
5. Keyes D. Flowers for Algernon / D. Keyes. — Orlando, USA : A Harvest Book-Harcourt, Inc., 2004. — 311 p. — ISBN 015603008X.
6. King S. Survivor Type / S. King // Skeleton Crew. — London, England : Hodder & Stoughton, 2022. — Pp. 538—568. — ISBN 9781444723205.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой : К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — Санкт Петербург : Азбука, 2000. — 336 с.
2. Горбачева И. А. Графон как средство репрезентации патологической речи литературных героев / И. А. Горбачева, М. В. Григорян // Современные исследования социальных проблем. — 2020. — Т. 12. — № 4. — С. 58—65. — DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-58-65
3. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России : лингвопраксиологическая доминанта / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика. — 2014. — № 1 (4). — С. 5—15.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Фигуры. — Москва : Издательство им. Сабашниковых. — 1998. — Т. 2. — С. 60—281.
5. Зеленияева А. А. Стилизация речи героев художественного произведения : когнитивный аспект / А. А. Зеленияева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2015. — № 19 (730). — С. 45—53.
6. Змановская Е. В. Девиантология / Е. В. Змановская. — Москва : Академия, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-7695-4921-2.
7. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Наука, 1995. — 128 с.
8. Колокольцева Т. Н. Речевой портрет персонажа : синтаксический аспект / Т. Н. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (97). — С. 88—94.
9. Короленко Ц. П. Смешанная форма погранично-нарцисстического личностного расстройства у женщин / Ц. П. Короленко, Т. А. Шпикс // Сибирское медицинское обозрение. — 2011. — № 71 (5). — С. 84—87.
10. Куприянова А. И. Интонационно-грамматические девиации современной медиаречи / А. И. Куприянова // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 438—460. — DOI: 10.21638/spbu22.2021.409.

11. *Макеева С. О.* Речевой портрет в круге смежных понятий / С. О. Макеева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. — 2014. — № 3. — С. 79—85.
12. *Николаева Т. М.* «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность : проблемы и перспективы развития русистики : доклады Всесоюзной научной конференции. — Москва : ИРЯЗ, 1991. — Ч. 2. — С. 73—75.
13. *Пашковский В. З.* Психиатрическая лингвистика / В. З. Пашковский, В. Р. Пиотровская, Р. Г. Пиотровский. — Москва : URSS, 2015. — 168 с. — ISBN 978-5-9710-2313-5.
14. *Сковородников А. П.* Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Медиалингвистика. — 2017. — № 4 (19). — С. 70—79.
15. *Шпильная Н. Н.* Особенности измененного языкового сознания при психических расстройствах / Н. Н. Шпильная // Филология и человек. — 2020. — № 4. — С. 135—144. — DOI: 10.14258/filichel(2020)4-10.
16. *Фомина Е. М.* Особенности репрезентации девиантной личности в художественном мире Дэниела Киза (на материале романов «Цветы для Эдджернона», «Пятая Салли», «Множественные умы Билли Миллигана») / Е. М. Фомина, А. А. Кирсанова // Новый филологический вестник. — 2022. — № 4 (63). — С. 296—306. — DOI: 10.54770/20729316-2022-34-296.
17. *Bakk Á. K.* Representing mental disorders with virtual reality applications : Designing for multimodality and complex participation / Á. K. Bakk // Frontiers in Virtual Reality. — 2023. — Volume 3. — DOI: 10.3389/frvir.2022.881766.
18. *Çelikel M. A.* Mental health and being smart in Daniel Keyes' Flowers for Algernon / M. A. Çelikel // The Literacy Trek. — 2020. — № 6 (2). — Pp. 81—90. — DOI: 10.47216/literacytrek.672319.
19. *Corcoran C. M.* Using language processing and speech analysis for the identification of psychosis and other disorders / C. M. Corcoran, G. A. Cecchi // Biological Psychiatry : Cognitive Neuroscience and Neuroimaging. — 2020. — T. 5. — № 8. — Pp. 770—779.
20. *Kimmerle J.* The effects of TV and film exposure on knowledge about and attitudes toward mental disorders / J. Kimmerle, U. Cress // Community Psychology. — 2013. — № 41. — Pp. 931—943. — DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.21581>.
21. *Lopera-Mármol M.* Aesthetic Representation of Antisocial Personality Disorder in British Coming-of-Age TV Series / M. Lopera-Mármol, M. Jiménez-Morales, M. Jiménez-Morales // Social Sciences. — 2022. — № 11 (3). — P. 133. — DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci11030133>.
22. *Low D. M.* Automated assessment of psychiatric disorders using speech : A systematic review / D. M. Low, K. H. Bentley, S. S. Ghosh // Laryngoscope Investigative Otolaryngology. — 2020. — № 5. — Pp. 96—116. — DOI: <https://doi.org/10.1002/lio2.354>.
23. *Robb J.* Implicit bias toward people with mental illness : A systematic literature review / J. Robb, J. Stone // Journal of Rehabilitation. — 2016. — № 82 (4). — Pp. 3—13.
24. *Stanger Elran R.* A Mind Trying to Right/Write Itself : Metaphors in Madness Narratives / R. Stanger Elran // Humanities. — 2019. — № 8 (2). — P. 118. — DOI: <https://doi.org/10.3390/h8020118>.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

- Ellis, B. E. (2010). *American Psycho*. Knopf Doubleday Publishing Group. 416 p. ISBN 0307756432, 9780307756435.
- Ellis, B. I. (2015). *American psychopath*. Moscow: The foreigner, ABC-Atticus. 480 p. ISBN 978-5-389-09832-9. (In Russ.).
- Keyes, D. (2004). *Flowers for Algernon*. Orlando, USA: A Harvest Book-Harcourt, Inc. 311 p. ISBN 015603008X.
- Keyes, D. (2016). *Flowers for Algernon: a novel*. Moscow: Publishing House “E”. 320 p. ISBN 978-5-699-81423-7. (In Russ.).
- King, S. (2022). Survivor Type. In: *Skeleton Crew*. London, England: Hodder & Stoughton. 538—568. ISBN 9781444723205.
- King, S. (2010). The one who wants to survive. In: *The one who wants to survive (collection)*. Moscow: AST. 3—32. (In Russ.).

References

- Bakhtin, M. M. (2000). *Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities*. St. Petersburg: Azbuka. 336 p. (In Russ.).
- Bakk, Á. K. (2023). Representing mental disorders with virtual reality applications: Designing for multimodality and complex participation. *Frontiers in Virtual Reality*, 3. DOI: 10.3389/frvir.2022.881766.
- Çelikel, M. A. (2020). Mental health and being smart in Daniel Keyes’ *Flowers for Algernon*. *The Literacy Trek*, 6 (2): 81—90. DOI: 10.47216/literacytrek.672319.
- Corcoran, C. M., Cecchi, G. A. (2020). Using language processing and speech analysis for the identification of psychosis and other disorders. *Biological Psychiatry: Cognitive Neuroscience and Neuroimaging*, 5 (8): 770—779.
- Duskaeva, L. R. (2014). Media linguistics in Russia: linguopraxiological dominant. *Media linguistics*, 1 (4): 5—15. (In Russ.).
- Fomina, E. M., Kirsanova, A. A. (2022). Features of the representation of a deviant personality in the artistic world of Daniel Keyes (based on the novels “*Flowers for Algernon*”, “*The Fifth Sally*”, “*Billy Milligan’s Multiple Minds*”). *New Philological Bulletin*, 4 (63): 296—306. DOI: 10.54770/20729316-2022-34-296. (In Russ.).
- Genette, J. (1998). Narrative discourse. In: *Figures*, 2. Moscow: Publishing House. Sabashnikov. 60—281. (In Russ.).
- Gorbacheva, I. A., Grigoryan, M. V. (2020). Graphon as a means of representing the pathological speech of literary heroes. *Modern studies of social problems*, 12 (4): 58—65. DOI: 10.12731/2077-1770-2020-4-58-65. (In Russ.).
- Kimmerle, J., Cress, U. (2013). The effects of TV and film exposure on knowledge about and attitudes toward mental disorders. *Community Psychology*, 41: 931—943. DOI: <https://doi.org/10.1002/jcop.21581>.
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1995). *Russian speech portrait. Phonohrestomatia*. Moscow: Nauka. 128 p. (In Russ.).
- Kolokoltseva, T. N. (2015). Speech portrait of a character: syntactic aspect. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (97): 88—94. (In Russ.).
- Korolenko, Ts. P., Shpiks, T. A. (2011). Mixed form of borderline narcissistic personality disorder in women. *Siberian Medical Review*, 71 (5): 84—87. (In Russ.).
- Kupriyanova, A. I. (2021). Intonation-grammatical deviations of modern media speech. *Media linguistics*, 8 (4): 438—460. DOI: 10.21638/spbu22.2021.409. (In Russ.).

- Lopera-Mármol, M., Jiménez-Morales, M. (2022). Aesthetic Representation of Antisocial Personality Disorder in British Coming-of-Age TV Series. *Social Sciences*, 11 (3): P. 133. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci11030133>.
- Low, D. M., Bentley, K. H., Ghosh, S. S. (2020). Automated assessment of psychiatric disorders using speech: A systematic review. *Laryngoscope Investigative Otolaryngology*, 5: 96—116. DOI: <https://doi.org/10.1002/lio2.354>.
- Makeeva, S. O. (2014). Speech portrait in the circle of related concepts. *Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian studies*, 3: 79—85. (In Russ.).
- Nikolaeva, T. M. (1991). “Sociolinguistic portrait” and methods of its description. In: *Russian language and modernity. Problems and prospects of the development of Russian studies. Reports of the All-Union Scientific Conference*, 2. Moscow: IRYaz. 73—75. (In Russ.).
- Pashkovsky, V. Z., Piotrovskaya, V. R., Piotrovsky, R. G. (2015). *Psychiatric linguistics*. Moscow: URSS. 168 p. ISBN 978-5-9710-2313-5. (In Russ.).
- Robb, J., Stone J. (2016). Implicit bias toward people with mental illness: A systematic literature review. *Journal of Rehabilitation*, 82 (4): 3—13.
- Shpilnaya, N. N. (2020). Features of altered linguistic consciousness in mental disorders. *Philology and man*, 4: 135—144. DOI: 10.14258/filichel(2020)4-10. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2017). Language trauma as a linguoecological concept and problem (based on the material of modern Russian media). *Media linguistics*, 4 (19): 70—79. (In Russ.).
- Stanger Elran, R. (2019). A Mind Trying to Right/Write Itself: Metaphors in Madness Narratives. *Humanities*, 8 (2): P. 118. DOI: <https://doi.org/10.3390/h8020118>.
- Zelenyaeva, A. A. (2015). Stylization of the speech of the heroes of a work of art: cognitive aspect. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 19 (730): 45—53. (In Russ.).
- Zmanovskaya, E. V. (2008). *Deviantology*. Moscow: Academy. 288 p. ISBN 978-5-7695-4921-2. (In Russ.).

*The article was submitted 10.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

Информация для цитирования:

Виноградов С. Н. Ориентирующая функция термина в аспекте его научно-популярной концептуализации / С. Н. Виноградов, В. О. Фокина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 65—85. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-65-85.

Vinogradov, S. N., Fokina, V. O. (2023). Orienting Role of Terminology in Context of Its Scientific-Popular Conceptualization. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 65-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-65-85. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-65-85

Ориентирующая функция термина в аспекте его научно-популярной концептуализации

Виноградов Сергей Николаевич *

orcid.org/0000-0001-5321-4932

доктор филологических наук,
профессор
кафедры современного русского языка
и общего языкознания,

Институт филологии и журналистики,

*** корреспондирующий автор**

vinogradov54@mail.ru

Фокина Виктория Олеговна

orcid.org/0009-0007-4333-5416

аспирант кафедры
современного русского языка
и общего языкознания,

Институт филологии и журналистики

v.bolshakova@list.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Orienting Role of Terminology in Context of Its Scientific-Popular Conceptualization

Sergey N. Vinogradov *

orcid.org/0000-0001-5321-4932

Doctor of Philology, Professor,
Department of Modern Russian Language
and General Linguistics
Institute of Philology and Journalism,

*** Corresponding author**

vinogradov54@mail.ru

Victoria O. Fokina

orcid.org/0009-0007-4333-5416

post-graduate student,
Department of Modern Russian Language
and General Linguistics
Institute of Philology and Journalism
v.bolshakova@list.ru

National Research Lobachevsky
State University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются структурно-функциональные свойства терминов в научно-популярном дискурсе. Авторы ставят цель — охарактеризовать ориентацию термина как совокупность его языковых и функциональных свойств, характеризующих выражаемое термином понятие, его связи с другими понятиями и место данного термина в терминосистеме. Объектом исследования являются языковые и речевые единицы научно-популярного текста, предметом исследования — средства выражения ориентирующих свойств терминов в научно-популярном дискурсе. Новизна исследования видится в том, что на базе языковых и речевых свойств терминов изучаются их ориентирующие свойства в научно-популярном стиле, даётся классификация этих свойств по объёму и содержанию выражаемых понятий. Актуальность исследования обусловлена важной ролью указанных свойств термина в процессах формирования специальных понятий, в понимании научного, научно-популярного, учебного дискурсов, в решении практических задач терминопользования. Авторы останавливаются на ориентирующей функции термина, осуществляемой языковыми и речевыми средствами, из которых наиболее активными являются логические определения, текстовые пояснения, межкатегоральные связи, выражаемые элементами словообразовательной и морфолого-синтаксической систем. Авторы делают вывод о существенной роли ориентирующих свойств терминов при терминологической концептуализации (формировании специальных понятий).

Ключевые слова:

ориентирующая функция термина; научно-популярный дискурс; концептуализация; категоризация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the structural and functional properties of terms in popular scientific discourse. The authors aim to characterize the orientation of a term as a combination of its linguistic and functional properties, which define the concept expressed by the term, its connections with other concepts, and its place within the terminological system. The object of the study is linguistic and speech units in popular scientific texts, while the subject is the means of expressing orienting properties of terms in popular scientific discourse. The novelty of the research lies in studying the orienting properties of terms in popular scientific style based on their linguistic and speech properties, and providing a classification of these properties according to the scope and content of the expressed concepts. The relevance of the study is determined by the important role of these properties in the process of forming specialized concepts, understanding scientific, popular scientific, and educational discourses, and solving practical problems related to terminology use. The authors focus on the orienting function of a term, which is carried out through linguistic and speech means, with logical definitions, textual explanations, intercategory connections expressed by elements of word formation and morpho-syntactic systems being the most active ones. The authors conclude that orienting properties of terms play a significant role in terminological conceptualization (formation of specialized concepts).

Key words:

orienting function of a term; popular scientific discourse; conceptualization; categorization.

Ориентирующая функция термина в аспекте его научно-популярной концептуализации

© Виноградов С. Н., Фокина В. О., 2023

1. Введение = Introduction

При описании и определении научного термина общепринятой является констатация его связи с понятием. Нас будет интересовать роль термина в формировании понятия, которая отражена в определении, данном Б. Н. Головиным: термин — это слово или подчинительное словосочетание, имеющее профессиональное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие [Головин, 1972, с. 49—52; Березин и др., 1979, с. 264]. Такая дефиниция термина функциональна и предполагает его участие в некотором когнитивном процессе в качестве орудия (средства) деятельности. Характер этой деятельности может быть различным: научно-исследовательским, учебным, научно-популярным. Различны и дискурсы, в которых используется термин. Очевидно, участие термина в формировании понятия — одно из проявлений когнитивной функции языка. Формирование понятия следует рассматривать как разновидность или стадию процесса концептуализации (формирования концепта, соотнесённого с данным термином). К концептуализации и категоризации примыкают когнитивные процессы и их результаты, получившие название *ориентация термина*.

Понятия «ориентация термина», «ориентирующие свойства термина» вызваны к жизни определёнными теоретическими и практическими задачами изучения функционирования терминологических единиц. Понимание термина как единицы, занимающей определённое положение в терминосистеме, приводит к следующим вопросам: как представлено (выражено, эксплицировано) место термина в системе терминов и понятий? как создатель или пользователь термина видит его системные отношения? Метафорически место термина в системе можно сравнить с ориентировкой в некоторой пространственной области. Актуальность изучения ориентирующих свойств термина обусловлена тем, что понятие ориентации соответствует актуальной в современной лингвистике пространственной парадигме знаний и обусловлено важной ролью ориентирующих свойств термина в процессах концептуализации, в понимании научного, научно-популярного, учебного дискурсов. Термины «задают направление мысли-

тельной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и ориентиром деятельности» [Голованова, 2011, с. 78].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служат тексты заметок, интервью и статей, опубликованные на сайте научно-популярного интернет-издания N+1, всего исследовано 2258 текстов. Тексты предназначены для широкой аудитории неспециалистов — читателей разного возраста, с разным уровнем образования, которых объединяет интерес к достижениям науки и техники и отсутствие профессионального опыта в науке. Цель таких текстов — формирование научной картины мира читателя, повышение научной грамотности, стимулирование интереса к самообразованию. «Н.-п.п. (научно-популярный подстиль. — С. В., В. Ф.) сохраняет основные специфические особенности научного стиля: в научно-популярной литературе излагаются научные знания; экстралингвистические факторы, которые определяют закономерности функционирования языковых средств в Н.-п.п., те же, что и в собственно научном стиле» [Баженова и др., 2014, с. 328—329]. Поэтому процессы категоризации свойственны и научному, и научно-популярному дискурсу.

Исследуемые тексты относятся к научно-популярному подстилю и имеют объем от 500 до 2500 словоупотреблений. Пример исследуемого текста:

В СВЧ-диапазоне предсказали существование волн-убийц

Ученые из нижегородского Института прикладной физики РАН теоретически показали возможность создания так называемых волн-убийц в мощных источниках СВЧ-излучения, известных как гиротроны. Работа опубликована в журнале Physical Review Letters.

Волнами-убийцами называют всплески необычно высокой амплитуды, неожиданно возникающие на фоне относительно небольшого волнения. Впервые волны-убийцы наблюдались на поверхности воды в открытом океане, а свое название они получили из-за существенного ущерба, который они могут нанести судну или одиноко стоящей нефтедобывающей платформе.

...Группа, работающая в Институте прикладной физики РАН в Нижнем Новгороде, специализируется на физике СВЧ-генераторов. Главным объектом их исследования являются гиротроны — мощные СВЧ-излучатели, способные создавать микроволновые импульсы мощностью до нескольких мегаватт. Одно из главных назначений гиротронов — нагрев плазмы в установках термоядерного синтеза. Ученые решили посмотреть, нельзя ли пронаблюдать волны-убийцы и в СВЧ-диапазоне [AA].

В процессе исследования нами были использованы общенаучные и общелингвистические методы наблюдения и описания, дискурсивный метод (исследовались свойства научно-популярного дискурса), когнитивный метод (исследуемый материал рассматривается в аспекте когнитивных процессов концептуализации и категоризации), стилистический метод (исследуются стилеобразующие свойства терминов в научно-популярной разновидности научного стиля), методика внеязыкового соотнесения (исследуемые термины рассматриваются в соотношении с номинируемыми объектами научного исследования).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ориентирующие свойства термина как фактор его функционирования

Формулировка *ориентация* требует уточнения роли термина в данном процессе — является ли он объектом ориентации или сам осуществляет ориентацию. Поэтому далее мы будем использовать формулировки *ориентированность термина*, *ориентирующие свойства термина*, *ориентирующая функция термина*.

Ориентирующая функция термина — одно из частных проявлений функционирования термина в целом. Е. И. Голованова так объясняет ориентирующую сущность терминологии: «Номинатор сознательно задаёт внутренней формой термина направление мысли специалиста..., а затем, в процессе коммуникации, внутренняя форма термина позволяет... правильно ориентироваться в понятийно-профессиональной области...» [Голованова, 2011, с. 79]. В этих пояснениях подчёркивается важность внутренней формы термина при реализации его ориентирующей функции. Но ориентирующая функция термина не сводится к наличию у него внутренней формы. О. Л. Арискина замечает, что словообразовательная производность (мотивированность) может указать лишь на производящую основу и словообразовательное средство и недостаточна для выражения научного понятия в его целостности [Арискина, 2011, с. 150]. Поэтому для понимания ориентирующей функции термина надо рассматривать и другие его атрибуты. О. Л. Арискина даёт следующее определение: «**Ориентация** — явление, обусловленное психическими и социальными факторами, дающее специалисту (а иногда и неспециалисту), не знающему терминологической дефиниции, возможность определить закреплённое за термином понятие или место данной единицы в терминосистеме по экспоненту» [Арискина, 2011, с. 159]. Из этих пояснений и определений следует, что результатом реализации ориентирующей функции термина должно быть как можно более точное определение места термина в тех системах,

элементами которых он является, — в системах терминов, понятий, профессиональных знаний.

Практика показывает, что степень точности отношений в указанных системах варьируется в широких пределах и в значительной степени обусловлена фундаментальными свойствами языкового знака — «размытым», нежёстким характером системных отношений. «Сущностью языка является человеческая деятельность — деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого» [Есперсен, 1958, с. 15]. В полной мере такой взгляд на язык проявляется в функциональной концепции, характерной для пражской лингвистической школы [Пражский лингвистический..., 1967, с. 17—41]. Асимметрия между сторонами языкового знака (С. О. Карцевский), потенциальность (статические колебания, неустойчивость) языковых явлений (В. Матезиус) обнаруживаются и в функционировании терминов, и в свойствах выражаемых ими понятий. Так, А. В. Лемов рассматривает термин как единицу с нестабильным значением и динамикой понятийных характеристик [Лемов, 2000]. С. Н. Виноградов характеризует понятие как гипотетический объект, о содержании которого высказываются разные суждения [Виноградов, 2005, с. 75—82]. Учёные, занимающиеся проблемой ориентационных свойств термина, пишут о присущей ему различной степени ориентации. Так, О. Л. Арискина выделяет термины разной степени ориентации (полностью ориентирующие, частично ориентирующие и нейтральные) и разной правильности ориентации (термины, полностью правильно ориентирующие, частично правильно ориентирующие, полностью ложно ориентирующие, частично ложно ориентирующие, а также термины нейтральные) [Арискина, 2011, с. 161—162]. И. А. Рёбрушкина считает, что «термин принципиально не может ориентировать полностью, поскольку научное понятие, обозначаемое термином, — это, с точки зрения информативности, чрезвычайно насыщенная сущность, к тому же не статичная, а динамичная, способная меняться с развитием данной области знания, в которой термин функционирует» [Рёбрушкина, 2005, с. 7]. Заслуживает внимания следующее замечание: «выявить собственно неориентирующие термины не так просто по причинам не только объективным..., но и субъективным, психологическим, поскольку разная степень языковой эрудиции, разный уровень образования позволяет разным носителям языка по-разному членить тот или иной термин» [Рёбрушкина, 2005, с. 12]. Таким образом, ориентирующие свойства термина в значительной степени зависят от особенностей частного дискурса, в котором этот термин функционирует.

Исходя из вышеприведённого обсуждения, сформулируем следующее рабочее определение: ориентированность термина — это совокупность его

языковых и дискурсивных свойств, которые дают возможность носителю языка достичь оптимальной степени точности при определении закреплённого за термином понятия и/или места данного термина в терминосистеме.

3.2. Ориентированность термина по объёму выражаемого понятия

Ключевая функция научно-популярных текстов — достоверно, точно и без искажений донести суть научных открытий до аудитории неспециалистов. И. И. Баранова называет их своеобразными посредниками между профессиональным научным сообществом и широким кругом читателей, не обладающих специальным знанием [Баранова, 1995, с. 50]. «Основной целью научно-популярного стиля является популяризация научных знаний, привлечение внимания к научным достижениям. В отличие от строго научного стиля здесь можно наблюдать эмоциональные и мотивирующие элементы высказывания, субъективность, иллюстративность и наглядность» [Клименко, 2019, с. 31]. Т. Г. Клименко, анализируя типичный научно-популярный текст на основе учебного пособия по психологии [Roger, 1995], пишет о цели научно-популярного стиля: «...Автор (Хок Роджер. — С. В.) намеренно ставит перед собой задачу “оживить” нейтральный научный текст и наполнить его духом творческого поиска» [Клименко, 2019, с. 33].

Так же, как и всем текстам научного стиля, научно-популярным текстам свойственно такое коммуникативное качество речи, как точность, которое обеспечивается за счет использования специальной терминологии. Г. Я. Солганик и Т. С. Дроняева, говоря об особенностях научно-популярных текстов, пишут, что в таких текстах терминологическая лексика вводится в ограниченных количествах, причем нередко с опорой на бытовое сознание читателей и их практический опыт [Солганик и др., 2008, с. 14]. Возможно, именно поэтому в текстах научно-популярного стиля может использоваться широкий арсенал средств выразительности, характерных для текстов публицистического стиля. Как считают А. С. Ковлер и Т. В. Морозова, это необходимо для того, чтобы сократить дистанцию между научным знанием и среднестатистическим читателем [Ковлер и др., 2017, с. 43]. Как отмечает А. Н. Васильева, научный стиль речи необходим для речевого оформления добытого нового знания для того, чтобы сообщить его обществу [Васильева, 1976, с. 8]. В таком случае, термины выступают в качестве некоторого инструмента, с помощью которого автор строит идеальную модель объекта в речевой форме, раскрывая через нее реальный объект. Иными словами, в научном тексте термины выполняют ориентирующую функцию — дают представление о сущности нового знания и его местоположении в теории. При написании текста автор ориентируется на уровень знаний адресата сообщений, поэтому содержание работы может быть представлено как в более или менее сжатой форме (то есть с опорой

на принятую в определенной сфере науки терминосистему), так и в относительно свободной, популярной форме. А. Н. Васильева пишет о том, что во втором случае, когда в тексте присутствуют популяризирующие элементы, речевая модель научного объекта отклоняется от реальной модели [Васильева, 1976, с. 182—183]. Можно предположить, что в научно-популярных текстах ориентирующая функция терминов проявляется менее точно, более «размыто» по сравнению с научными текстами из-за того, что автор научно-популярных текстов ограниченно вводит специализированную лексику, уделяя больше внимания «понятности» текста.

Рассмотрим несколько разновидностей проявления ориентирующей функции термина в научно-популярном тексте.

При изучении исследованных текстов обнаруживаются следующие факты. Ориентирующие свойства термина можно разделить на 2 группы: ориентированность по объему выражаемого понятия и ориентированность по содержанию выражаемого понятия. Под объемом понятия принято понимать класс предметов, подходящих под это определение, а под содержанием — совокупность наиболее важных, существенных признаков понятия [Степанов, 1997, с. 42]. Проанализировав публикации интернет-издания N+1 о физике, мы можем выделить следующие виды ориентированности по объему выражаемого термином понятия:

- А) Определение через родовое понятие и видовое отличие;
- Б) Категоризация с помощью пояснений;
- В) Использование рядоположных терминов;
- Г) Связь терминов на базе их деривационных отношений;
- Д) Образование терминологических словосочетаний.

В этих видах ориентированности участвуют различные соотношения объемов понятий (пересечение и вложение объемов понятий, а также объемы понятий, не имеющие общих элементов).

Рассмотрим каждый из них более подробно. В широком смысле под определением понятия понимается логическая операция, в процессе которой раскрывается содержание понятия, то есть совокупность отличительных признаков понятия, ядром которого являются существенные признаки. Результатом этой логической операции является дефиниция. Научное определение, или дефиниция, устанавливает точные границы термина, выражающего специальное понятие, и тем самым выделяет его из словарного состава языка [Гринев-Гриневич, 2008, с. 27]. В узком смысле под определением принято понимать результат мыслительной и языковой деятельности, который представляет собой своеобразную структуру из двух частей: левой, определяемой, и правой, определяющей. Между этими частями есть связь, которая указывает, что они являются эквивалентами друг

друга в коммуникативном акте. Д. П. Горский называет определение средством «спецификации отдельных предметов (реальных и абстрактных), множеств, соответствующих им свойств и отношений, а также систем объектов» [Горский, 1987, с. 141]. Иными словами, определение термина помогает раскрыть его местоположение в терминосистеме, а также зафиксировать свойства, отличающие выражаемое понятие от других понятий, с которыми оно соотносится.

Наиболее распространенным видом определений является *определение через родовое понятие (род) и видовое отличие*. Под родом подразумевается область, множество предметов, из числа которых надо выделить множество определяемых предметов. Это делается за счет указания на специфические свойства определяемого понятия, то есть на видовое отличие. Часто такие определения называют классификационными, так как на их основе можно составить классификацию. Например: *Высотные атмосферные разряды — электрические разряды, бьющие вверх над грозами или кучево-дождевыми облаками* [АА]. В этом определении родовым понятием является термин *электрические разряды*, который охватывает такие природные явления, как северное сияние, молния, высотные атмосферные разряды. Видовое отличие в данном определении заключается в том, что характеризуемые электрические разряды направлены вверх, что и отражено в определении. Задача определений — установить связь с родовым понятием, иными словами, отнести определяемый термин к какой-либо категории, то есть ко множеству, концептуальному объединению каких-либо объектов, обладающих общими признаками и характеристиками [Болдырев, 2014, с. 56]. Процесс распределения знаний по рубрикам опыта, то есть определенным категориям, получил название категоризация [Болдырев, 2014, с. 38].

С точки зрения синтаксического построения определение представляет собой полное двусоставное предложение. Можно выделить следующие традиционные модели таких предложений:

(1) Двусоставное предложение с подлежащим и сказуемым, выраженными существительными. В таком предложении определяемый термин, находящийся в позиции подлежащего, выражает видовое понятие, а термин, выступающий в качестве сказуемого, выражает родовое понятие. Второстепенные члены предложения отражают видовые отличия определяемого понятия. Например: *электрический диполь — это система двух зарядов, равных по модулю, противоположных по знаку и отдаленных друг от друга на небольшое расстояние* [АА]. Здесь обособленные члены предложения выражают признаки, которыми указанная система зарядов отличается от других подобных систем.

(2) Предложение с подлежащим, выраженным существительным, и сказуемым, выраженным глаголом. В таких предложениях в качестве подлежащего выступает определяемый термин (выражающий видовое понятие), а сказуемым является сочетание глагола *представлять* с местоимением *собой*. Дополнение выражает родовое понятие, а другие второстепенные члены предложения (чаще всего в форме причастного оборота) указывают на видовое отличие. Например: *Ионосфера представляет собой верхний слой атмосферы Земли, ионизированный преимущественно излучением Солнца* [Там же]. Иногда в таких определениях в качестве сказуемого выступает глагол *называть*. В таком случае, родовое слово и видовое наименование являются дополнениями: *Искусственным атомом называют любую квантовую систему... если она связывается с модами излучения в волноводе или резонаторе* [Там же].

Родовая категория, к которой относится термин, может указываться с помощью пояснения (мы назвали этот процесс **категоризацией с помощью пояснения**). Автор научно-популярного текста использует такие синтаксические средства, как обособленное и необособленное приложение, вводные и вставные конструкции, чтобы установить связь термина, выражающего видовое понятие, с более широким, родовым понятием. Можно предположить, что категоризация с помощью пояснения нужна не только для установления родовидовых отношений между терминами, но и для обозначения определенных свойств и характеристик понятия, которые присущи всей категории. Например, в сочетании *ферми-газ, или вырожденный газ* термин *ферми-газ* выражает видовое понятие, а термин *вырожденный газ* — является родовой категорией, для которой характерен такой признак, как температура и определенное расстояние между молекулами. Однако в научно-популярных текстах часто наблюдается обратная ситуация, когда в первую очередь указывается родовая категория, а в качестве пояснения выступает видовое понятие: *в термоядерных установках, например, в токамаках; источников очень мощного излучения — лазеров; из поверхностных волн, а именно волн Рэлея и Лява* [АА]. Можно предположить, что автор научно-популярного текста использует такой порядок слов потому, что массовому читателю родовая категория может быть более знакома, чем видовое понятие. Таким образом, автор как бы стремится дополнить уже имеющиеся у читателя знания новой информацией.

Ориентирование по объему понятия происходит не только за счет установления отношений с более общим, родовым, понятием, но и с **использованием рядоположных понятий**. В этом случае термин входит в группу однородных членов предложения — терминов, которые являются частью той же терминосистемы, входят в ту же категорию и находятся с иссле-

двумя терминами на одном иерархическом уровне. При этом в научно-популярном тексте возможно использование рядоположных понятий как с обобщающим словом, выражающим родовое понятие: *известные примеры топологических дефектов — это вихри и антивихри*, так и без него: *фаза также портится, проходя через атмосферу, ионосферу, тропосферу Земли* [АА]. Также рядоположные термины могут приводиться в качестве пояснения к родовому понятию: *реакторы с магнитным удержанием плазмы (токамаки и стеллараторы)* [Там же]. Иногда в научно-популярных текстах в качестве родовой категории встречаются и метафоры, указывающие на характерный для этой группы понятий признак, например, *«молнии вверх» — спрайты, эльфы, гномы* [Там же]. Однородные члены предложения, представляющие собой рядоположные термины, всегда соотнесены по содержанию с термином, выражающим более широкое понятие, причём этот термин может присутствовать в речевой конструкции, а может только подразумеваться.

Термины как единицы определенной терминосистемы в той или иной мере обладают деривационной способностью, то есть могут образовывать производные терминологические единицы. ***Связь терминов на базе их деривационных отношений*** помогает более четко определить положение лексических единиц в терминосистеме конкретной науки. По мнению С. В. Гринева-Гриневи́ча, термину свойственно такое качество, как систематичность, которое исследователь представляет как наиболее полное выражение мотивированности термина [Гринева-Гриневи́ч, 2008, с. 34]. Он определяет систематичность термина как «возможность отражения в структуре термина связей называемого понятия с другими понятиями и места этого понятия в данной понятийной системе». Одним из проявлений систематичности термина С. В. Гринева-Гриневи́ч называет категориальность, под которой понимается наличие в форме термина признаков отнесенности обозначаемого понятия к определенной логической категории понятий. При этом выражаемое понятие может быть связано с понятиями, относящимися к другим категориям, на что, по мнению исследователя, указывает совпадение грамматических основ или отдельных слов терминологических сочетаний (например: *фермион — фермионный газ, атом — антиатом*). Ссылаясь на В. М. Лейчика, С. В. Калинина и Л. В. Коцюбинская выделяют семантическую (образную) и морфологическую мотивированность [Калинина и др., 2021, с. 33]. Под последней они понимают свойство термина указывать своей языковой формой на принадлежность понятия к той или иной категории. Свообразными маркерами принадлежности к определенной категории являются суффиксы, приставки, корневые форманты, которые позволяют выделить следующие виды

межкатегориальных связей и отношений между понятиями в терминосистеме на примере научно-популярных текстов.

Предмет — признак данного предмета. Наиболее часто в научно-популярных текстах встречаются относительные прилагательные, образованные от терминов-существительных с помощью суффиксов *-н* и *-онн / -енн*. Можем предположить, что суффиксы придают прилагательному одно из трех значений. Первое из них указывает на субстанцию, из которой состоит предмет, характеризующийся с помощью прилагательного. Например, *фермионный газ* (газ, состоящий из фермионов), *плазменный шнур* (некое образование в виде шнура, состоящего из плазмы), *гетероструктурная батарея* (батарея, важными составными элементами которой являются гетероструктуры). Второе значение указывает на месторасположение объекта, характеризующегося с помощью прилагательного. Например, *ионосферная неоднородность* — неоднородность, которая находится в ионосфере, *волноводный канал* — канал, располагающийся в волноводе. Третье значение указывает на то, за счет чего работает предмет, характеризующийся с помощью прилагательного. Например: *лазерная хирургия* — хирургия, где в качестве инструмента используется лазер, *инжекционный комплекс* — комплекс, в основе которого лежит механизм инъекции.

В научно-популярных текстах встречаются прилагательные, образованные от терминов с помощью суффикса *-ическ*, который обозначает сферу существования предмета. Например: *литографический метод* — метод, использующийся в сфере такого научного направления, как литография; *радиоастрономическая обсерватория* — обсерватория, которая относится к радиоастрономии.

Предмет — процесс, связанный с этим предметом. С помощью суффикса *-изаци(я)* от терминов-существительных, обозначающих предмет, образуются существительные, обозначающие процесс. Объект, обозначаемый исходным термином, может являться результатом этого процесса. Например, *димеризация* — это процесс образования нового вещества путем соединения двух молекул в комплекс-димер, иными словами, процесс образования димеров. Также термин, образованный с помощью этого суффикса, может обозначать процесс приобретения свойств того предмета, который обозначается исходным термином. Например: *фермионизация* — это процесс, в результате которого частицы-бозоны приобретают свойства фермионов (частиц с противоположными свойствами).

Процесс — средство осуществления процесса. В научно-популярных текстах встречаются существительные, образованные от терминов-существительных, обозначающих какой-либо процесс, с помощью суффикса *-ор*. Существительные с этим суффиксом обозначают орудия, инструмент,

с помощью которого производится действие. Например, термин *инжекция* обозначает процесс, в ходе которого энергия потока веществ передается в определенный аппарат, а термин *инжектор* обозначает аппарат, в котором происходит процесс инъекции.

Процесс — результат. В исследуемых текстах встречаются термины-существительные с суффиксом *-ат*, образованные от существительных с суффиксом *-аци(я)*, как правило, обозначающих процесс. Существительные, образованные с помощью суффикса *-ат*, часто встречаются в научных текстах по химии в названии химических соединений — солей (например, *хлорат*, *сульфат*, *карбонат*). В научно-популярных текстах по физике встречается название субстанций, полученных в ходе определенного физического процесса, например, *бозе-конденсация* — *бозе-конденсат*. Здесь суффикс *-ат* в существительном передает значение результата процесса конденсации.

Родовидовые отношения. Эти отношения не являются межкатегориальными, но могут выражаться словообразовательными средствами. В текстах часто встречаются термины-существительные с приставками *нано-*, *микро-*, *супер-*, *анти-*, с помощью которых образуются термины, называющие разновидности какого-либо явления или предмета, например: *континуум* — *суперконтинуум*, *фотоника* — *нанопотоника*, *лазер* — *микроразер*, *фермион* — *антифермион*.

В процессе категоризации может принимать участие **образование терминологического словосочетания**. Многие научные понятия выражаются не отдельными словами, а терминологическими словосочетаниями (составными терминами) [Бекишева, 1992, с. 8]. В зависимости от структуры составного термина выделяют простые словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, и сложные, в которых зависимые слова закрепляют разные аспекты значения стержневого [Головин и др., 1987, с. 72]. Одним из таких аспектов могут быть разновидности родового понятия. Это наиболее ярко проявляется в субстантивных терминологических словосочетаниях, в которых главное слово-существительное обозначает родовое понятие, а зависимое слово (прилагательное или причастие) — видовое отличие. Рассмотрим терминологические словосочетания на примере термина *гетероструктура*. Проанализировав терминологические словосочетания на базе термина *гетероструктура*, встречающиеся в научно-популярных текстах, мы можем составить классификацию этих объектов по нескольким признакам, например по количеству слоев: *двухслойные гетероструктуры*, *трехслойные гетероструктуры*; по объему: *одномерные гетероструктуры*, *двумерные гетероструктуры*; по составу: *перовскитные гетероструктуры*, *тонкопленочные гетероструктуры* и т. д. Каж-

дое из этих сочетаний обозначает вид гетероструктуры и ее характерное отличие от других разновидностей. На наличие разновидностей понятия указывают не только словосочетания с согласовательной связью, но и словосочетания с управлением. Как правило, такие терминологические словосочетания представляют собой сочетание двух существительных, одно из которых может иметь в подчинении прилагательное или числительное: например, *волновод гребенчатого типа, лазер накачки, гетероструктура с двумя переходами*.

Ориентированность по объему понятия указывает на местоположение исследуемого термина в системе понятий определенной науки. Термин может выражать подкласс более широкого понятия, на которое указывают структура дефиниции или пояснение, а также может употребляться в одном предложении с другими рядоположными терминами или выражать родовое понятие для более узких классов. Термин, относящийся к определенной категории, может быть связан с другими категориями (например, обозначающими признак предмета, процесс, инструмент или результат действия). Термины, относящиеся к разным категориям, выражают объёмы понятий (классы), не имеющие общих элементов.

3.3. Ориентированность термина по содержанию выражаемого понятия

Данный вид ориентированности связан с указанием на наиболее существенные признаки понятия. В научно-популярном тексте встречаются следующие две разновидности ориентированности по содержанию: 1) определение через указание на функциональные свойства объекта или явления и 2) сочетание с другими терминами.

Один из видов логических определений, которые выделяет Д. П. Горский, — это семантические определения. Их задача — определить значения знаковых выражений через описание обозначаемого ими объекта [Горский, 1987, с. 142]. Иными словами, термин при семантическом определении характеризует научное понятие с помощью описания характеристик и свойств обозначаемого предмета и явления. Одной из разновидностей таких определений являются интенционально-семантические определения, которые выполняют функцию ориентирования по содержанию выражаемого понятия. Как правило, такие определения указывают на возможную сферу применения объекта или на действия, которые можно совершить с его помощью, то есть указывают на функциональную сторону объекта. Поэтому такие определения могут быть названы функциональными. В отличие от классических родовидовых определений, задача которых — отнести определяемый объект к свойственной ему категории, в функциональных определениях подчеркиваются признаки

определяемого объекта, которые позволяют соотнести его с другой категорией в метафорическом плане. Например, в научно-популярных текстах встречается следующее родовидовое определение: *реликтовое излучение — электромагнитное излучение, появившееся во Вселенной всего через 400 000 после Большого Взрыва* [АА]. Здесь указывается родовое понятие — электромагнитное излучение (к которому можно отнести и радиоволны, и видимый свет) — и видовое отличие — время возникновения такого излучения. Сравним это определение с функциональным определением, также встречающимся в научно-популярных текстах: *реликтовое излучение — один из самых надежных источников информации о ранних годах нашей Вселенной* [Там же]. Здесь реликтовое излучение относится к категории источников информации (так же, как, например, письменные источники и интервью). С помощью функциональных определений происходит перекатегоризация определяемого объекта на основе выполняемых им функций.

Словосочетания с общенаучными и специализированными терминами также ориентируют по содержанию понятия, выражаемого исследуемым термином. По мнению В. Г. Гака, чтобы составить правильное словосочетание, два слова должны иметь одну общую сему. Исследователь называет это основным законом семантического сочетания [Гак, 1972, с. 375]. Б. А. Плотников отмечает, что «в конкретном словосочетании за внешней формой грамматического подчинения прилагательного существительному легко обнаруживается несложная семантическая операция, заключающаяся в том, что с помощью этого прилагательного как бы выводится наружу одно из семантических свойств, потенциально присущее значению данного существительного» [Плотников, 1989, с. 107]. С. Н. Виноградов делает вывод, что зависимое слово в словосочетании выражает наличие свойств предмета или признаков понятия [Виноградов, 2005, с. 57]. В анализируемых текстах используются сочетания существительного и прилагательного, в которых последнее обозначает не разновидность, а свойство, присущее определяемому объекту. Например, термин *слоистые гетероструктуры* служит обозначением некоторого понятия, которое можно описать посредством следующего определения: гетероструктура — это структура, состоящая из слоев различных материалов. То есть, если исходить из определения гетероструктуры, то уже можно заключить, что она обладает свойством слоистости. Подобным же образом концептуализируется словосочетание *когерентный лазер*. Под лазером принято понимать устройство, которое преобразует энергию накачки (например, электрическую) в энергию когерентного (то есть согласованного) узконаправленного потока излучения. Принцип работы лазера основан на свойстве когерентности. В обо-

их примерах прилагательное обозначает признак, без которого объект не может существовать (гетероструктура не может быть неслоистой, а лазер не может быть некогерентным), поэтому в таких словосочетаниях присутствует смысловая избыточность. Можно предположить, что автор научно-популярного текста использует плеонастические словосочетания для того, чтобы сократить определение термина и, используя минимум лингвистических средств, передать информацию о важных признаках малознамого читателю объекта.

Свойства предмета и признаки понятия выражаются не только атрибутивными словосочетаниями, но и словосочетаниями с зависимыми словами-существительными, причём зависимые слова являются общенаучными или специализированными терминами. Словосочетания с зависимыми словами-существительными можно условно разделить на 2 группы.

Первая из них имеет следующую семантическую структуру. Зависимый элемент словосочетания выражает характеризующий объект, главный элемент указывает на параметры, которыми обладает характеризующий объект: *диаметр апертуры, темп конвекции, спин куперовской пары, длина волны лазера, температура плазмы*. Как правило, эти параметры задаются в процессе исследования или измеряются с помощью определенных инструментов. Главный элемент словосочетания может представлять собой существительное с суффиксом *-ость*, указывающее на то, что объект обладает качеством, названным прилагательным, от которого образовано слово: *устойчивость димеров, прозрачность плазмы, металличность родительской звезды, проводимость ионосферы*.

Во вторую группу можно объединить словосочетания, в которых главный элемент обозначает процесс: *интерференция волнового пакета, синтез гетероструктур, фильтрация суперконтинуума, ионизация ионосферы*. Термин, обозначающий процесс, может указывать как на способ получения объекта (например, *синтез гетероструктур*), так и на действия, которые могут быть совершены над объектом (*ионизация ионосферы*).

Ориентирование по содержанию понятия дает представление о существенных признаках предмета или явления, которые играют важную роль при осмыслении объекта. Понятие представляет собой рациональный, логически осмысленный концепт [Болдырев, 2014, с. 40] и возникает на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений, то есть в результате теоретического познания. Можно предположить, что проявление ориентирующих свойств термина способствует структурированию знаний об обозначаемом объекте и возникновению новых концептуальных единиц. Такова связь ориентированности по содержанию понятия с процессом концептуализации.

4. Заключение = Conclusions

Термин, функционирующий в научно-популярном дискурсе, имеет целую систему языковых и функциональных свойств, относительно точно характеризующих выраженное термином понятие, его связи с другими понятиями и место данного термина в терминосистеме. В терминоведении эти свойства получили название *ориентирующих*.

Анализ терминов в научно-популярном дискурсе показывает, что им свойственна ориентированность по объёму и по содержанию выражаемых понятий. По объёму выражаемых понятий выделяются следующие проявления ориентированности: логические определения, категоризация с помощью пояснений, использование рядоположных терминов, связь терминов на базе их деривационных отношений, терминологические словосочетания. Ориентированность по объёму понятий позволяет выделить следующие системные отношения: иерархия родовых и видовых терминов, отношение термина к некоторой категории, отношения между категориями, отношения между смежными классами (рядоположными понятиями), принадлежащими к одной категории.

По содержанию понятий выделяются следующие проявления ориентированности: 1) определение через указание на функции номинируемых объектов и 2) терминологические словосочетания. Элементами содержания понятий являются их признаки, выражаемые языковыми средствами.

Ориентация терминов обнаруживается в результате наблюдения структурно-функциональных особенностей текста, к которым относятся морфолого-синтаксические структуры (виды предложений и члены предложений в определениях, обособленные члены предложения, вводные и вставные конструкции в пояснениях, морфолого-синтаксическая структура словосочетаний при выражении смысловых признаков), словообразовательные единицы и категории (деривационные отношения между терминами, выражающие различные смысловые категории, словообразовательные средства выражения общих сем у соотносимых терминов).

Описанные ориентирующие свойства терминов отражают их концептуализацию. По-видимому, в научно-популярном стиле имеет место концептуализация «в онтогенезе», когда понятие концептуализируется в сознании читателя научно-популярной литературы, в процессе приобретения им научно-технических знаний. Ориентированность термина не может быть абсолютно точной и полной в силу нечёткости, «размытости» отношений в языковой системе. Исследование концептуализации термина и, в частности, его ориентирующих свойств необходимо для решения практических задач обучения и информационной деятельности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

Литература

1. Арискина О. Л. История возникновения и развития русской лингвистической мысли : эволюция учения о морфемике и словообразовании (XVI—XVIII вв.) : монография / О. Л. Арискина. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. — 244 с. — ISBN 978-5-7103-2394-6.
2. Баженова Е. А. Научно-популярный подстиль / Е. А. Баженова, Н. В. Кириченко // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 328—329.
3. Баранова И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов (на материале подязыка физики) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. И. Баранова. — Москва, 1995. — 183 с.
4. Бекишева Е. В. Специфика процессов образования производных терминов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Бекишева. — Саратов, 1992. — 15 с.
5. Березин Ф. М. Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. — Москва : Просвещение, 1979. — 416 с.
6. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4, испр. и доп. / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с. — ISBN 978-5-89016-938-9.
7. Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1976. — 192 с.
8. Виноградов С. Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии) : монография / С. Н. Виноградов. — Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета им Н. И. Лобачевского, 2005. — 229 с. — ISBN 5-85746-855-8.
9. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. 1971. — Москва : Наука, 1972. — С. 367—395.
10. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учебное пособие / Е. И. Голованова. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-9765-1046-3.
11. Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов / Б. Н. Головин // Вестник МГУ. Серия Х. Филология. — 1972. — № 5. — С. 49—59.
12. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — Москва : Высшая школа, 1987. — 104 с.
13. Горский Д. П. Определения, их виды и правила / Д. П. Горский // Логика научного познания. Актуальные проблемы. — Москва : Наука, 1987. — С. 140—158.
14. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.

15. Гришечкина Г. Ю. Научно-популярная лингвистическая литература : аспекты изучения в русле функциональной стилистики / Г. Ю. Гришечкина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2010. — № 4. — С. 130—136.
16. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1958. — 404 с.
17. Калинина С. В. Особенности мотивированности англоязычных терминов нефтеперерабатывающей промышленности 60—70-х годов XX века / С. В. Калинина, Л. В. Коцюбинская // Вестник САФУ. Лингвистика. — 2021. — № 4. — Т. 21. — С. 31—39. — DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V115>.
18. Клименко Т. Г. Особенности научно-популярного текста (на основе работы Роджера Хока «40 исследований, которые потрясли психологию») / Т. Г. Клименко // Филологические чтения: человек, текст, дискурс : материалы конференции. — Ярославль : Ярославский государственный университет, 2019. — С. 30—33.
19. Ковлер А. С. Лексико-грамматические особенности научно-популярных англоязычных текстов / А. С. Ковлер, Т. В. Морозова // TERRA LINGUAЕ. — Казань : Издательство ТАИ, 2017. — С. 43—46.
20. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии) / А. В. Лемов. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. — 192 с. — ISBN 5-7103-0498-0.
21. Плотников Б. А. О форме и содержании в языке / Б. А. Плотников. — Минск : Вышэйшая школа, 1989. — 254 с. — ISBN 5-339-00249-7.
22. Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. — Москва : Прогресс, 1967. — 559 с.
23. Рёбрушкина И. А. Ориентирующие свойства терминов (на материале русской лингвистической терминологии) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. А. Рёбрушкина. — Нижний Новгород, 2005. — 18 с.
24. Солганик Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. — Москва : Издательский центр «Академия», 2008. — 256 с. — ISBN 978-5-7695-3640-3.
25. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Изд. 2-е / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический проект, 1997. — 824 с. — ISBN 5-8291-0007-X.
26. N+1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://nplus1.ru/> (дата обращения 01.08.2023).
27. Roger H. 40 Studies that Changed Psychology / H. Roger. — Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1995. — 311 p.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023,
одобрена после рецензирования 12.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

AA — Authors archive. (In Russ.).

References

Ariskina, O. L. (2011). *The history of the emergence and development of Russian linguistic thought: the evolution of the doctrine of morphemics and word formation (XVI—*

- XVIII centuries): monograph.* Saransk: Publishing House of Mordovians. un-ta. 244 p. ISBN 978-5-7103-2394-6. (In Russ.).
- Baranova, I. I. (1995). *Functional features of popular science texts (based on the sublanguage of physics)*. PhD Diss. Moscow. 183 p. (In Russ.).
- Bazhenova, E. A., Kirichenko, N. V. (2014). Popular science podstyle. In: *Effective speech communication (basic competencies). Dictionary-reference*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 328—329. (In Russ.).
- Bekisheva, E. V. (1992). *Specifics of the processes of formation of derived terms*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 15 p. (In Russ.).
- Berezin, F. M., Golovin, B. N. (1979). *General linguistics*. Moscow: Prosveshchenie. 416 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2014). *Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures. Ed. 4, ispr. and add.* Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 236 p. ISBN 978-5-89016-938-9. (In Russ.).
- Espersen, O. (1958). *Philosophy of grammar*. Moscow: Publishing House of Foreign Lit. 404 p. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1972). To the problem of semantic syntagmatics. In: *Problems of structural Linguistics. 1971*. Moscow: Nauka. 367—395. (In Russ.).
- Golovanova, E. I. (2011). *Introduction to cognitive terminology: textbook*. Moscow: FLINT: Nauka. 224 p. ISBN 978-5-9765-1046-3. (In Russ.).
- Golovin, B. N. (1972). On some problems of studying terms. *Bulletin of Moscow State University. Series X. Philology*, 5: 49—59. (In Russ.).
- Golovin, B. N., Kobrin, R. Y. (1987). *Linguistic foundations of the doctrine of terms: Textbook for philology. spec. universities*. Moscow: Higher School. 104 p. (In Russ.).
- Gorsky, D. P. (1987). Definitions, their types and rules. In: *Logic of scientific cognition. Actual problems*. Moscow: Nauka. 140—158. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminology*. Moscow: Publishing Center "Academy". 304 p. ISBN 978-5-7695-4951-9. (In Russ.).
- Grishechkina, G. Yu. (2010). Popular scientific linguistic literature: aspects of studying in line with functional stylistics. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 130—136. (In Russ.).
- Kalinina, S. V., Kotsyubinskaya, L. V. (2021). Features of motivation of English-language terms of the oil refining industry of the 60—70s of the XX century. *Bulletin of SAFU. Linguistics*, 4 (21): 31—39. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V115>. (In Russ.).
- Klimenko, T. G. (2019). Features of the popular science text (based on the work of Roger Hawke "40 studies that shook psychology"). In: *Philological readings: man, text, discourse: conference materials*. Yaroslavl: Yaroslavl State University. 30—33. (In Russ.).
- Kovler, A. S., Morozova, T. V. (2017). Lexico-grammatical features of popular scientific English texts. In: *TERRA LINGUAE*. Kazan: Publishing House of TAI. 43—46. (In Russ.).
- Lemov, A. V. (2000). *System, structure and functioning of a scientific term (based on the material of Russian linguistic terminology)*. Saransk: Publishing House of Mordovians. un-ta. 192 p. ISBN 5-7103-0498-0. (In Russ.).
- N+I. Available at: <https://nplus1.ru/> (accessed 01.08.2023). (In Russ.).
- Plotnikov, B. A. (1989). *On form and content in language*. Minsk: Higher School. 254 p. ISBN 5-339-00249-7. (In Russ.).

- Prague Linguistic Circle. Collection of articles.* (1967). Moscow: Progress. 559 p. (In Russ.).
- Rebrushkina, I. A. (2005). *Orienting properties of terms (based on the material of Russian linguistic terminology)*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 18 p. (In Russ.).
- Roger, H. (1995). *40 Studies that Changed Psychology*. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. 311 p.
- Solganik, G. Ya., Dronyaeva, T. S. (2008). *Stylistics of the modern Russian language and culture of speech*. Moscow: Publishing Center "Academy". 256 p. ISBN 978-5-7695-3640-3. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants: Dictionary of Russian Culture. 2nd edition*. Moscow: Academic Project. 824 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).
- Vasilyeva, A. N. (1976). *Course of lectures on the stylistics of the Russian language. Scientific style*. Moscow: Russian Language. 192 p. (In Russ.).
- Vinogradov, S. N. (2005). *Term as a means and object of description (based on the material of Russian linguistic terminology): monograph*. Nizhny Novgorod: Publishing House of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 229 p. ISBN 5-85746-855-8. (In Russ.).

*The article was submitted 29.08.2023;
approved after reviewing 12.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Голев Н. Д. Макромоделирование языковой вариативности : к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов) / Н. Д. Голев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 86—125. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125.

Golev, N. D. (2023). Macro-Modeling Linguistic Variability: Expanding the Boundaries of Linguistic Variation Studies (A Comprehensive Review of Russian Linguists' Works). *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 86-125. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-86-125

Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов)

Голев Николай Данилович
orcid.org/0000-0002-0559-3007
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русского языка и литературы
ngolevd@mail.ru

Кемеровский
государственный университет
(Кемерово, Россия)

Macro-Modeling Linguistic Variability: Expanding the Boundaries of Linguistic Variation Studies (A Comprehensive Review of Russian Linguists' Works) \\

Nikolay D. Golev
orcid.org/0000-0002-0559-3007
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian and Literature
ngolevd@mail.ru

Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

© Голев Н. Д., 2023

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен аспектуализированный обзор современных работ российских лингвистов по проблемам вариантологии. Целевая установка обзора — выявление универсальных оснований систематизации разнообразных проявлений данной идеи в языке / речи и их отражения в лингвистике. В обзоре основной акцент делается на двух параметрах макро моделирования языковой вариативности: структурно-уровневом и функционально-речевом. Первый связан с «укрупнением» предмета вариантологии: от фонемы до текста; второй параметр связан с рассмотрением в аспекте вариативности различных феноменов речевой деятельности: языкового сознания, языковой личности и форматов речевой деятельности (целевых установок, дискурсов, речевых жанров и др.). Актуальность исследования определяется контекстом становления вариантологии как универсального направления в изучении языка. Мониторинг лингвистических работ по вариативности показывает, что лингвистика в данном аспекте развивается по линии ее глобализации. Материалом исследования послужили публикации с 2000 по 2023 годы с сайта Elibrary.ru. В основном привлекались работы, в которых само название фиксировало понятия, отражающие разнообразие онтологических проявлений языковой вариативности и гносеологическую тенденцию к их металингвистической глобализации.

Ключевые слова:

языковой вариант; инвариант; вариантология; макро моделирование, гипер моделирование, экстра моделирование, транслятивная лингвистика; контактная вариантология.

REVIEW ARTICLES

Abstract:

This paper presents a comprehensive review of contemporary works by Russian linguists on the topic of linguistic variation. The aim of the review is to identify universal foundations for systematizing the diverse manifestations of this concept in language and speech, as reflected in linguistics. The main focus of the review is on two parameters of macro-modeling linguistic variability: structural-level and functional-discursive. The first is associated with “enlarging” the subject of variation studies from phonemes to texts, while the second parameter is related to considering various phenomena of speech activity in terms of variation, such as language consciousness, language personality, and formats of speech activity (goals, discourses, speech genres, etc.). The relevance of this research is determined by the context of the emergence of variation studies as a universal direction in language research. A monitoring of linguistic works on variation shows that linguistics in this aspect is developing along the lines of globalization. The material for this study was collected from publications on Elibrary.ru from 2000 to 2023. The focus was primarily on works that explicitly mentioned concepts related to the ontological manifestations of linguistic variation and the epistemological trend towards their metalinguistic globalization.

Key words:

linguistic variation; invariant; variation studies; macro-modeling; hyper-modeling; extramodification; translative linguistics; contact variation studies.

Макромоделирование языковой вариативности: к расширению границ лингвистической вариантологии (аспектуализированный обзор работ российских лингвистов)

© Голев Н. Д., 2023

1. Введение = Introduction

Постановка проблемы макромоделирования вариативности. Настоящая статья является продолжением другого нашего исследования [Голев и др., 2009 а], в котором мы обозначили увеличение разнообразия предметов вариантологии и наличие тенденции расширения ее границ. В статье отмечалось движение данной отрасли лингвистики в структурно-уровневом плане в сторону укрупнения (в частности, закономерное появление в вариантологии такого предмета, как текст) и в функционально-деятельностном плане — фиксации такого предмета вариантологии, как интерпретация, которая осуществляется в вариативных форматах процесса и разных вариантах результата, зависящих от многих факторов, как объективных (текстовых), так и субъективных. Впоследствии идея расширения границ лингвистической вариантологии получила новые импульсы развития в отечественной лингвистике, где она обогатилась новыми объектами, планами и форматами бытия языка, обнаруживающими потенциал вариативности. Возникла потребность оформления универсальной типологии языковой вариативности, которая охватывала бы если не все, то многие ее проявления. В идеале она была бы логическим следствием тезиса — любая языковая единица обладает потенциалом вариативности: функционального, смыслового (семантического) и материального. Ф. Тютчев заметил в свое время: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Применительно к высказанному нами тезису можно утверждать: любое наше слово (звук, фраза, текст), будучи введенным в пространство адресатов, воспринимающих и интерпретирующих «наше слово», и адресантов, подхватывающих, осмысляющих и так или иначе повторяющих его (слово, звук, высказывание), не остается таким же, каким было изначально у автора в исходном речевом произведении. Тем самым подтверждается, что оно (слово в широком смысле) содержит в себе потенциал вариативности и — как следствие — речевой эволюции; сначала — ситуативно-речевой, затем — при определенных условиях — нормативной и системно-языковой.

Онтология проблемы. Общеизвестно, что конкуренция вариантов — основной механизм развития любых языковых единиц (см., например, иллюстрацию действия данного механизма в сфере русской морфологии: [Болтовская, 2022]). Считаем уместным прибегнуть к метафоре, обозначившей вариативную сферу языка как расширяющуюся вселенную [Качинская, 2013, с. 77]; в данной работе И. Б. Качинская в каждой словарной статье предлагает помимо семантических вариантов фиксировать также фонетические / фонематические варианты, отмеченные грамматические формы и представлять другие параметры вариативности. Корректность приведенной метафоры подчеркивает то обстоятельство, что диапазон языкового варьирования не лимитирован пределами одного языка. Вариативная сфера языка легко перешагивает языковые границы, вступая в сферу межязыкового варьирования, которое проявляется на уровне фонем, звуковых оболочек слов, лексической семантики, грамматических категорий и других элементов языка. Таким образом, движение вширь вариативного функционирования языковых единиц отражает центробежные тенденции языка на всех уровнях языковой системы от фонемы и буквы до текста, речевого материала в его многочисленных проявлениях и во многих проявлениях речевой деятельности. Центrostремительные тенденции отражаются в обратном направлении: от стихии речевой деятельности и речевого материала — к норме и далее — языковой системе; от вариантов к инвариантам.

Гносеология проблемы. Дополнительный стимул обращения к теме макро моделирования мы находим в том обстоятельстве, что в настоящее время заметен контраст, с одной стороны, между глобальностью категорий «вариант» и «вариативность» и единством их устройства и функционирования и, с другой стороны, — отсутствием у вариантологии статуса полноценной научной дисциплины. В настоящее время идея оформления глобальной вариантологии как самостоятельной отрасли научного лингвистического знания только начинается актуализироваться в лингвистике. Свидетельством начального этапа ее формирования является малая употребительность в российском языкознании самого термина *вариантология*. Термин *вариантология* (в широком понимании) отсутствует в лингвистических словарях. На уровне заголовков монографий и докторских диссертаций он зафиксирован в диссертационных исследованиях З. М. Богословской [Богословская, 2006] и Т. Г. Рабенко [Рабенко, 2018]. Считаем важным отметить роль работ названных лингвистов в становлении общей вариантологии. З. М. Богословская, используя термин *вариантология*, придает ему более широкое содержание, чем это было принято в лингвистической традиции. Это не осталось незамеченным коллегами, ср.: «Необхо-

димось в обобщённом представлении вариативности диктуется <...> выдвинутым на ведущие позиции в науке эволюционной парадигмы» [Цит. по: Васильев и др., 2015, с. 220]. Универсальный характер вариантологии отмечает и Т. Г. Рабенко, ср.: «Значительные объяснительные возможности вариантологии позволяют включить в орбиту научного исследования новую для этой отрасли науки единицу — речевой жанр» [Рабенко, 2017, с. 26]; важным достижением данного ученого считаем включение речевого жанра в отмеченную выше «эволюционную парадигму». Т. Г. Рабенко предметно рассматривает взаимодействие речевых жанров друг с другом как механизм образования различий, которые, усиливаясь, трансформируются в самостоятельные речевые жанры. В этом демонстрируется общий закон диалектики: раздвоение целого и обретение частями самостоятельности (ср. [Блох, 2019]). В синхронной парадигме это означает формирование полевых образований с ядром и размытой периферией. Именно такие поля возникают на границах речевых жанров; они являются основным предметом исследований во многих исследованиях Т. Г. Рабенко.

Подобный характер варьирований отмечается и при взаимодействии различных языков, направление его изучения получило название *контактной вариантологии*, оно представлено во многих работах российских и зарубежных лингвистов, см., например, [Прошина, 2017]. В плане частотности термин *вариантология* доминирует применительно к этому — специализированному — смыслу. В заявленной нами парадигме вариантологии актуализацию плана вариативности целых языковых систем предлагаем обозначить термином *гипермоделирование*, а выход за пределы языковых единиц и их объединений в языковые системы — термином *экстремоделирование*.

Так, на уровне названий статей (кроме публикаций названных авторов) поисковик в Elibrary по запросу на слово «вариантология» дает 7 небольших статей, докладов или тезисов доклада. Преобладают в этом списке работы с узким пониманием вариантологии — как контактной вариантологии, связанной с изучением результатов взаимодействия разных языков [Прошина, 2017]. Тем не менее в ряде работ сформулирована возможность глобализации термина *вариантология* и соответствующего понятия, то есть их выхода за пределы описаний контактирования языков [Загряжская, 2015].

Таким образом, контекст универсального представления предмета вариантологии в российской лингвистике следует квалифицировать как начальный.

Логика решения проблемы в статье. Реализация названных идей стала сюжетообразующим параметром для предлагаемого далее обзора современных вариантологических исследований российских авторов. Пер-

вые разделы статьи представляют вариантологические идеи системноцентрической лингвистики, завершающий раздел (3.9) показывает перспективы вхождения вариантологии в антропоцентрическую парадигму.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель настоящей статьи — обзор отечественных лингвистических работ, касающихся проблем языковой вариативности, отражающих разнообразие ее структурных и функциональных разновидностей. В первую очередь нас интересовали новые уровни и планы языковой вариативности, еще недостаточно представленные в литературе. Тем самым мы стремимся дополнить вариантологическую картину русского языка и ввести вариантологию в сферу междисциплинарных исследований. Непосредственным предметом описания послужили публикации российских лингвистов с 2000 по 2023 годы с сайта Elibrary.ru, а также труды из электронной библиотеки и электронного каталога Российской государственной библиотеки. В основном привлекались работы, в которых само название фиксировало понятия, отражающие разнообразие проявлений языковой вариативности и тенденцию к их металингвистической глобализации. Используемые методы исследования: сущностная классификация — использование оснований классификации, способных выполнить по отношению к ней объяснительную функцию [Розова, 1986]; в нашем случае это уровневое и плановое (прилагательное *плановый* от термина *план*: *план содержания*, *план выражения*, *план языковой личности* (ЯЛ), *языкового сознания* и т. п.) основания классификации как онтологических проявлений вариативности в языке, так и их отражения в гносеологии — лингвистических исследованиях. Применялись также библиометрический анализ для статистического исследования массива научной информации в вариантологических исследованиях, публикационный метод для оценивания лингвистической специфики вариантологии на разных этапах ее развития.

Наш проект метамоделирования языковой вариативности мы намерены конструировать, отталкиваясь от известной аспектуальной формулы языковых явлений, предложенной Л. В. Щербой в его известной статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», в которой он разделяет следующие аспекты: языковая система, языковой материал и речевая деятельность [Щерба, 1974]. Во многих последующих работах термин *языковой материал* часто заменялся термином *речевой материал*. В нашей статье мы намерены реализовать интерпретационный вариант выделения аспектов, предложенных Л. В. Щербой. Согласно концепции Л. В. Щербы, языковая система через речевую деятельность воплощается в языковом материале [Щерба, 1974]. Единство данных аспек-

тов является антиномическим (антиномии возможного и действительного, виртуального и актуального, потенциального и реального, абстрактного и конкретного, процесса и результата). Настоящая статья в первой части строится как вариантологическое представление первой линии, связанной с моделированием вариативности языковой системы, проявляющейся в языковом материале. Формулу такой линии представляет тезис: «В лингвистике конца 20 в. обозначались контуры общей теории вариативности как универсального свойства языковой системы» [Глинкина, 1995, с. 128]. В завершающем фрагменте нашей статьи акцент делается на деятельностном и лингвоперсонологическом аспектах вариативности, реализующихся в таких проявлениях деятельности, как интерпретация, ЯЛ, языковая картина мира и других. Проведенное моделирование мы обозначаем далее термином *экстрамоделирование*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Уровневое макро моделирование языковой вариативности. Фонема, морфема, слово, предложение, текст

В статье, предметом изучения в которой является расширение границ вариантологии, наблюдаемое в последние три десятилетия, нет необходимости представлять фонологическую, морфематическую и лексическую вариативность — эти ее уровневые разновидности давно и интенсивно изучались и изучаются в мировой и отечественной лингвистике, их результаты представлены во многих работах, в том числе обзорных (см., например, обзор исследований по лексической вариативности в [Алимов, 2021; Богословская, 2005; Нефедова, 2008]). Отметим здесь еще один план расширения: лексическая вариантология была дополнена О. И. Блиновой и ее учениками введением нового аспекта — варьирования внутренней формы слова (шире — номинативных единиц), ср.: [Блинова 1986; Блинова, 1997; Золотухина, 2004; Ким, 2011; Тубалова, 1994].

В рамках уровневых ярусов вариантологии разработаны фундаментальные ее основания, многие из которых носят универсальный характер. Так, все варианты рассматриваются как частные проявления глобальной антиномии тождества и различия (ср. [Шумилова, 2009]), в ее рамках вариантные единицы трактуются как промежуточные феномены между тождественными и различными единицами. На этой основе в вариантологии были выработаны базовые положения, согласно которым пределом смыслового варьирования единиц является образование омонимов, пределом формального варьирования — синонимия [Иванова, 2006]. Существенные результаты получены в поиске критериев разграничения лексико(морфо)-семантических вариантов (еще тождество) и омонимов, формальных ва-

риантов, паронимов и синонимов. Важно отметить, что системный статус вариантов получил функциональное измерение при подключении к нему понятий речевой реализации, в частности — сильной и слабой позиции реализованного в речи варианта. Фундаментальное значение для метамоделирования языковой вариативности имеет оппозиция вариантов и инварианта; последний трактуется как своеобразная «надинвариантная сущность», в духе платоновского эйдоса: согласно Платону, «диалектическое искусство предполагает умение, “охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее... разрозненные повсюду явления”» [цит. по: Мочалова, 2007, с. 74]. Идея инварианта вкупе с эмическими единицами (фонемой, морфемой, лексемой и т. п.) олицетворяет центростремительные тенденции в функционировании языка (например, см. [Альбеков, 2007; Атакулова, 2009; Голев, 1998; Гуляйкина, 2007; Мусаева, 2016]). Идея варианта репрезентирует центробежные тенденции, которые язык стремится преодолеть, вырабатывая в сфере вариантов тенденции к типизации отношений между вариантами, создавая тем самым системные значимости и наделяя их регулярной воспроизводимостью. Критический анализ употребления термина *инвариант* содержится в статье [Грязнова, 2009]. В речевой деятельности, на наш взгляд, инвариантные и эмические сущности являются опорными элементами осуществления идентифицирующей функции; они позволяют воспринимающему речь субъекту отождествить («узнать») речевые алло-единицы и варианты и подвести их к единому коду.

Расширение границ вариантологии в сторону более крупных единиц осуществляется в отечественной лингвистике в замедленном темпе. Так, на синтаксическом уровне (предложение, высказывание) в русистике имеется немного системных вариантологических исследований. Поиск в Elibrary публикаций с тематикой «синтаксическая полисемия» дает на выходе всего две небольшие работы, в названии которых входит указанный термин [Григорьян, 2009]. Несколько шире представлены в российской лингвистической литературе термины *синтаксическая омонимия*, *синтаксическая омофония* и *синтаксическая синонимия* (ср., например, [Геккина, 2019; Помогаева, 2011]). Однако и здесь нет оснований заявлять о наличии критериев, по которым названные этими терминами явления четко и теоретически обусловленно выделяются в вариативном пространстве русского синтаксиса. Проведенное нами исследование [Голев, 2001] позволяет заключить, что в этой области много нерешенных вопросов, скажем, знаменитый пример О. Эсперсена (*He moved astonishingly fast*. «Он двигался удивительно быстро». *He moved with astonishing rapidity*. «Он двигался с удивительной быстротой». *His movements were astonishingly rapid*. «Его движения были удивительно быстрыми». *His rapid movements*

astonished us и т. п.) не находит определенного вариантологического ответа в отечественной лингвистике — имеем ли мы дело в подобных случаях с синонимией или с вариантами? Столь же неопределенно отношение к интонационному варьированию синтаксических единиц: *Ты был в пять часов в этом спортзале?* **Ты** был в пять часов в спортзале? Ты был в пять часов **в спортзале?** Ты был в пять часов в **этом** спортзале? Неработанной остается и структурная шкала, например, не решено, каково распределение на данной шкале полных и неполных предложений в обмене репликами. — *Ты был вчера в кино?* — Да, был (я, в кино); — *Ты когда был в кино?* — Вчера (был в кино). Анализ синтаксической омофонии и омографии содержится в исследовании [Голев, 2001]. Нет теоретических исследований, обосновывающих участие в письменном синтаксическом варьировании такого феномена, как пунктуация. Неясно, например, реальное участие пунктуации в семантизации предложений; обоснование этого участия через предложения типа *казнить нельзя помиловать* весьма неубедительно. Наименее разработана в синтаксисе семасиологическая градуальная шкала варьирования с «градусами»: оттенки — синтактико-смысловые варианты — омонимы.

3.2. Уровневое макро моделирование языковой вариативности.

Текст

Еще в меньшей степени вариантология представлена на собственно текстовом уровне. Нам известна одна собственно лингвистическая работа [Котцова, 2015], в которой ставится вопрос о необходимости и возможности эволюции вариантологии в эту сторону, однако эта идея в данной работе не получила достаточной определенности, и специфика текстовой вариативности не обрела в ней теоретического освещения. Попытки найти в Elibrary другие работы показали недостаточное внимание русскоязычных лингвистов к проблемам текстовой вариантности: термин *текстовая полисемия* в заглавиях работ отсутствует, термин *текстовая синонимия* представлен в заголовке студенческой работы [Кузнецова, 2016]; больше «повезло» синтаксической омонимии: разработкой этого понятия основательно занималась О. А. Лаптева [Лаптева, 1999].

Широкомасштабное вхождение вариантологии в текстологию происходит другим путем — через изучение вариативности функциональных текстовых единиц. Особенно значимо для истории вариантологии текста изучение вариантов фольклорных и художественных жанров (см., например, [Стекольников, 2007]). Это направление имеет давнюю и мощную филологическую традицию. Описание и осмысление вариантов сказок, песен, загадок и т. п. освящено именами известных фольклористов (см. в этом плане современную работу [Липатова, 2019]). Широко представле-

но изучение рукописных вариантов летописей, черновых (и не только) вариантов произведений писателей и поэтов в литературоведении, большое внимание оказано вариантам их перевода.

В развитии собственно лингвистической вариантологии текста большую роль сыграло речевое жанроведение: [Матяшевская, 2017; Рабенко, 2018; Рабенко, 2020]. Подробнее см. 3.3.

3.3. Функционально-уровневое макро моделирование языковой вариативности. Речевой жанр

Подобно всем другим единицам языка, речевой жанр — это функциональная единица языка, захватывающая языковой и речевой уровень, она одновременно структурная и функциональная единица, выделенная в языковом материале. Речевой жанр, как все языковые единицы, обладает свойством вариативности, обусловленным действием, во-первых, универсальных закономерностей изменчивости таковых единиц. Во-вторых, они проявляются в специфических, обусловленных взаимодействием детерминантных признаков непосредственно речевого жанра и его функциональной включенностью в ситуативно коммуникативный, событийный и речевой контекст. Экстраполяция принципа вариативности как фундаментального свойства языка в область речевого жанроведения позволяет представить первичные и соотносимые с ними вторичные речевые жанры как жанровые варианты определенного инварианта жанра. Появление жанровых вариантов обуславливается модификацией жанровых признаков, к примеру, изменением субстрата — носителя информации (например, рукописный дневник и интернет-дневник), адресата (ср. личное письмо, письмо в редакцию, открытое письмо), референтной соотнесенности и функционально-целевого параметра текста (ср. рукописный дневник реального автора и дневник как часть повествовательной структуры текста).

Вопрос о речежанровой вариативности текста включается в решение проблемы тождества речевого жанра. Последняя в свою очередь вливается в контекст важнейшей теоретико-методологической проблемы соотношения формы и содержания (Гумбольдт, Потебня, Карцевский). Является ли жанровое имя (формальный признак жанра) достаточным признаком для жанровой идентификации текста? Иными словами, разные речевые произведения, названные одним и тем же жанровым именем, можно рассматривать как разные варианты одного речевого жанра? Или это жанры-омонимы? К примеру, под жанровым именем *интернет-дневник* (иначе *онлайн-дневник*, *веб-дневник*, *блог*) во Всемирной сети выступают разнородные речевые произведения: жанровые реализации одного и того же жанра (варианты жанра) и жанры-омонимы. Имя речевого жанра выполняет роль фактора стабилизации, удерживающего речевые произведения в пределах

одного и того же жанра при обнаружении признаков (графико-пространственных, тематико-содержательных и др.) других жанровых образований, которые, в свою очередь, увлекают речевые произведения за границы жанра [Лебедева и др., 2018]. Таким образом, имя жанра выступает фактором центристремительной тенденции в вариативном жанровом пространстве (об инвариантообразующей функции имени (см. также: [Новикова, 1985]). Пределом жанрового варьирования речевого произведения является сохранение его иллюкутивно-интенционального содержания, композиционной, тематической и стилистической типизированности.

3.4. Функциональное макро моделирование. Вариантология и дериватология

Важным направлением в расширении границ лингвистической вариантологии является подключение к нему дериватологии в широком смысле [Мурзин, 1984] и текстодериватологии [Голев и др., 2001]. Рассмотрение вторичного текста как производного варианта первичного текста естественно для вариантологии, так как варианты нередко располагаются на оси первичности / вторичности как в диахронном (хронологическом) смысле, так и в смысле синхронном, в котором вторичность трактуется как осложненность, маркированность. Имеются попытки обосновать первичность как инвариант, а вторичность как вариант: ср.: «...“единой сущностью”, т. е. инвариантом, применительно к трансляционному тексту, может служить только текст оригинала, ибо именно он является “ядром” различных вариаций, построенных соблюдением семантических, функциональных, стилистических и других правил, необходимых для сохранения конечного базиса, заложенного автором в инварианте» [Альбеков, 2007, с. 116—117]. В данном направлении в российском языкознании проведено немало исследований, выявивших различные закономерности деривационного плана вариативности языковых единиц, в первую очередь текстовых, например: [Голев, 1994; Киркинская, 2004; Семенова и др., 2013; Шифрон-Борейко, 2022]. Особенно активна деривационная вариантология при изучении фольклорных и литературных текстов [Вагнер, 2011; Маряскина и др., 2021; Чалкова, 2012].

В лингвистике дериватологический аспект варьирования разрабатывается применительно к переводу, лингводидактике [Голев и др., 2001; Киркинская, 2004; Сайкова, 2002; Сайкова и др., 2006].

3.5. Функциональное макро моделирование. Вариантология и переводоведение

Отдельного рассмотрения заслуживает деривационная вариантология в плане изучения переводов [Голев и др., 2001]. Перевод нередко трактуется как вариант исходного текста [Альбеков, 2007]. В результате такой трактов-

ки возникает переводческая вариативность [Янь, 2019] и, как следствие, — вариантологический аспект транслятивной лингвистики [Голев, 2022].

Включенность перевода в парадигму вариантологии актуализирует тезис: переводный текст (слово, фраза) является вариантом переводимого текста (слова, фразы); то обстоятельство, что эти единицы разноязычны, для базовых понятий вариантологии не столь существенно. В диалектологии, например, как варианты квалифицируются разнодиалектные единицы — от фонемы до синтаксических конструкций. Важно отметить, что в рамках транслятивной лингвистики, для которой перевод выступает как метод исследования языка, варианты перевода давно и успешно используются при исследовании самых разнообразных единиц и их особенностей в различных изучаемых языках, например, глаголов движения в русском и эстонском языках [Голубев, 2013], нефтегазовой терминологии [Попова и др., 2023], терминов цветообозначения [Иркова, 2022; Сидорова, 2016] единиц словообразования [Голев, 1994], фразеологических единиц в романе А. С. Пушкина [Тун Цзин, 2017], свойств грамматики [Асадова, 2020; Дьяконова, 2020; Островская, 2016; Страусов, 2005], различных текстовых категорий [Вьюнова и др., 2016].

Переводы исходных единиц продуцируют их вторичные варианты и дают возможность изучать вариантообразующий потенциал исходных единиц естественного языка с точки зрения их переводимости с дальнейшей проекцией результатов такого изучения на свойства вариантов и их типологию, на взаимоотношения членов вариантных рядов, в том числе с точки зрения предела их варьирования, который возникает в случае перехода вариантных единиц в статус единиц самостоятельных (разных).

Степень переводимости коррелирует с шириной и глубиной изменений во вторичном варианте. Степень изменения позволяет измерить диапазон вариативности сравниваемых единиц, в частности степень семантического расстояния между вариантами. Последнее измерение на уровне текстов помогают осуществить программы сравнения текстов на схожесть, измеряющие степень тождества / различия текстов в процентах [Иркова, 2022].

3.6. Гипермоделирование. Вариативность языковых систем

Гипермоделирование представляет наиболее высокий уровень представления языковой вариативности в системоцентрической лингвистике. В качестве вариантов на этом уровне выступают сами системы национальных языков. Транслятивный план вариантологии как проявление межъязыкового взаимодействия является переходным направлением между вариативностью отдельных единиц языковой системы (в том числе текстов) и вариативностью языковых систем. Антиномии «тождество и различие», «единичное, особенное и всеобщее» пронизывают генезис

любого национального языка. Большинство из национальных языков прошли через этап преобразования от наличия небольших территориальных особенностей в речи к формированию диалектов как частных подсистем, перерастающих в самостоятельные языковые системно-структурные образования. В этом процессе возникают промежуточные состояния, квалификация которых представляет собой сложную лингвистическую (вариантологическую) проблему, освещаемую во многих работах (см., например, [Мусорин, 2001]). Вполне возможно, что дальнейшая вариантологическая разработка приведет к формированию понятий типа «межязыковая синонимия и паронимия», «транслятивная полисемия, омонимия или омофония (омография)», «инварианты» и «варианты», элементы которых будут представлять национальные языки. Начало разработки этого направления находим в работах А. Н. Рудякова, в первую очередь в монографии «Георусистика: русский язык в глобальном мире». Ср.: «В центре внимания георусистики оказывается активно взаимодействующий с собратьями русский языковой мир, составными частями которого являются российский русский <...>, а также другие разнообразные, «разнокалиберные», разноосознанные — функционально тождественные — **варианты русского языка** (выделено нами. — Н. Г.)» [Рудяков, 2016, с. 10—11]. На фоне «лингвосистемного» формата вариантообразования особый интерес представляют разнообразные функциональные видоизменения систем национальных языков, которые, оставаясь в пределах тождества, тем не менее обретают особые свойства.

3.7. Гипермоделирование. Контактная вариантология

Включение контактной вариантологии в общую вариантологию существенно расширяет границы вариантологии; в этом случае в терминах *варианты* и / или *вариантообразование* трактуется взаимодействие языков, многообразие таких функциональных вариантов представляет А. Мустайоки в статье [Мустайоки, 2013], ср.: [Баканова и др., 2020; Загряжская, 2015; Кабанова, 2018]. Так, М. Я. Блох рассматривает функциональное варьирование в деривационной терминологии: по мнению автора, язык народа фактически существует в двух воплощениях: в первичном, в языке обиходного употребления, и во вторичном, в языке художественного, эстетического употребления [Блох, 2019].

Термин *контактная вариантология*, несомненно, является начальным пунктом узализации термина *вариантология* в широком смысле, предполагающем его использование вне ограничений различными конкретизирующими определениями; он получил широкое распространение в лингвистической литературе. Поиск в Elibrary по запросу «контактная вариантология» дает на выходе 250 русскоязычных работ. Статья [Бёрнз, 2011]

своим названием дает повод вновь вернуться к метафоре расширяющейся вселенной, имея в виду металингвистический смысл расширения. Этот смысл естественным образом проецируется и в эпистемологию языковой вариативности, поскольку роль межъязыковых контактов и возникающих вследствие них вариантов языка во всеобщей эволюции человеческого языка несомненна. Многие из промежуточных состояний эволюции систем и подсистем национальных языков возникают в результате межъязыкового контактирования носителей языков в смежных (в том числе приграничных) зонах. Полагаем, что в контексте контактной вариантологии стихийный перевод в зоне взаимодействия носителей языка предстает как один из видов естественной речевой деятельности. Переход вариативности языков в область их типологии рассматривается в работе [Дорофеев, 2016].

Рассмотрение результатов контактирования языков, межъязыковой коммуникации вообще и перевода в частности имеет давнюю традицию в транслатологии и контрастивной лингвистике, например: [Абакумова, 2016; Асадова, 2020; Голубев, 2013; Дьяконова, 2020; Карасев, 2016; Поварницына, 2021; Разлогова, 2017 и мн. др.]. Отдельно отметим опыт построения модели варьирования фонем в межъязыковом пространстве, осуществленный А. Н. Рудяковым, назвавшим такую модель термином «*Геофонология*»; ср.: «Нам, как представляется, давно пора приступить к созданию русской геофонологии, которая призвана дать научное описание объективно существующих в мире русского слова вариантов наших — русских — фонем во “внероссийских” реализациях “русского языка вообще”» [Рудяков, 2021, с. 9].

3.8. Контактная вариантология, транслятивная лингвистика и интерферентология

Включение перевода в сферу вариантологии имеет важные теоретические следствия. В аспекте тенденции к расширению ее границ важно отметить возможность расширительной трактовки акцента: затруднения (помехи) в однозначной транслятивной передаче плана выражения и плана содержания единиц чужого языка и их преодоление путем приспособления (интерференции) к привычным стереотипам родного языка. Транслятивный акцент — проявление устойчивых затруднений и помех в стихийной переводческой ситуации при естественном контактировании носителей разных языков. Устойчивые помехи при контактировании являются дополнительным стимулом для образования вариантов одного языка: пиджинов, креольских языков, языков-паллиативов, маргинальных языков. Обычно это длительный языковой процесс, состоящий из множества контактов, каждый из которых представляет собой единичный речевой акт. Переводческий акт — формат такого контакта.

Транслятивная интерференция касается не только устной, но и письменной речи, не только фонетического уровня, но и других уровней языка, не только плана выражения, но и плана содержания, в том числе в его когнитивном проявлении (картине мира). Все это дает основания для расширительного толкования термина *акцент*. Так, в статье Е. О. Кондратьевой [Кондратьева, 2018] приводится материал, демонстрирующий влияние канонов русской пунктуации на пунктуацию, предлагаемую русскими переводчиками английского текста; такая пунктуационная интерференция, на наш взгляд, тоже представляет собой проявление своеобразной акцентности. Поддержку широкому пониманию акцента находим в статье Т. Г. Шишкиной «“Русский акцент” в английской письменной речи» [Шишкина, 2015]. Автор высказывает, на наш взгляд, справедливое суждение: «Хотя акцент часто ассоциируется с фонетикой, на это явление можно взглянуть немного шире. Акцент — это сложное явление, под которым понимается **любое** значимое отклонение от норм литературного языка. Таким образом, акцент — это совокупность ошибок в речи человека, говорящего или пишущего на неродном языке, которые обусловлены влиянием системы его родного языка (сравните, например, выражения “иноязычный акцент”, “немецкий акцент”, “русский акцент”)» [Шишкина, 2015, с. 127]). В иной (прикладной) плоскости идею формирования акцента в письменной речи выдвигают авторы статьи [Катышев и др., 2021], которые рассматривают межъязыковую интерференцию на основе анализа свойств письменной речи в рамках автороведческой экспертизы. На материале 7 языков авторы выделили диагностические маркеры, которые демонстрируют тот факт, что русский язык для лица, написавшего текст, не является родным, так как он не владеет типологическими особенностями русского языка; такой анализ, по мнению авторов статьи, позволяет определить источник интерферентного влияния. На возможность понимания акцента и интерференции в широком смысле указывает Н. Н. Рогозная, согласно которой интерференция может быть определена как «тормозящее воздействие навыков, при котором уже сложившиеся навыки затрудняют образование новых либо снижают их эффективность» [Рогозная, 2003, с. 89]. По Н. Н. Рогозной, интерференты — «типичные устойчивые нарушения в речи учащегося при освоении иностранного языка» [Рогозная, 2003, с. 89]. З. И. Резанова и О. В. Рыжова [Резанова и др., 2022] трактуют интерференцию как речевое явление — речевой акт.

3.9. Экстрамакромоделирование. Вариантология в плане речевой деятельности, языковой личности и языкового сознания

Системный выход вариантологии в сферу речевой деятельности подготовлен имеющимися исследованиями особенностей варьирования и ти-

пологии в плане речевого мышления, языкового сознания и языковой личности. Однако такой выход находится на начальном этапе.

В данном аспекте в первую очередь нужно отметить симбиоз вариатологии с лингвоперсонологией, в рамках которого осуществляется изучение вариантности механизмов и результатов *интерпретации*, соотносимых с вариантами и типами интерпретирующих языковых личностей: национальных [Голев и др., 2009 б; Голев и др., 2014 а]; ментально-психологических [Голев, 2014; Голев и др., 2009 а; Голев и др., 2014 б; Замилова, 2012; Ким 2016; Ким, 2022]; гендерных [Асмус, 2017; Гаранович, 2019; Токарева, 2006], территориальных [Тубалова, 1994]. Ряд исследований, посвященных вариативности хода и результатов интерпретационной деятельности, направлен на изучение ее частных проявлений, то есть посвящен восприятию, пониманию концепта [Демочкин, 2018], толкованию слов и их внутренней формы [Майкова, 2015; Тубалова, 1994], перлокутивному эффекту, манипуляции, репрезентации события, словотворческим играм [Валько, 2018; Голев, 1994; Голев, 1998; Гуляйкина, 2007; Кулакова, 2020; Миронова, 2006; Новгородова, 2021; Савельева, 2015; Свистун, 1989; Солодова, 2006], философской рефлексии [Евпак, 2016]. Весьма популярна в российской лингвоконцептологии тема «Варьирование символов, концептов, образов как с точки зрения их содержаний, так и способов репрезентации» [Авдеенко, 2020; Дремова, 2014; Мячин, 2020; Смирнова, 2016]. Вариативность интерпретации художественных текстов носителями русского языка школьного возраста на материале лингвистических экспериментов исследуется в диссертационных работах С. А. Максимовой [Максимова, 2011] и О. В. Тваржинской [Тваржинская, 2013]. Вариативность орфографического проявления языковой способности анализируется в работах [Татаринцева, 2006; Татаринцева, 2010]; синтаксические проявления рассматриваются О. С. Панкрашовой [Панкрашова, 2008].

Особого внимания заслуживает представление метаязыкового (в варианте металингвистического) плана вариативности интерпретации [Бороздина, 2009; Голев, 2012; Голев и др., 2002], в котором варианты интерпретации выступают проявлениями плюрализма научного (лингвистического) познания и экспертной деятельности.

Лингвоперсонологическая вариативность языка на его глобальном уровне рассматривается в статье [Голев, 2004], в данной статье впервые высказана гипотеза о влиянии вариативности языковых личностей на системное устройство языка в целом и изоморфизме внешнего персонального пространства и языка как системно-структурного образования. Предлагается трактовка такого изоформизма как взаимообусловленного единства двух сторон: языковая системность — следствие вариативности языковых

личностей, и разная степень актуализации элементов языковой системности выступает как причина разнообразия языковых личностей, отдающих предпочтение тем или иным элементам — членам языковых оппозиций.

Лингвоперсонологическая вариативность ярко иллюстрирует расширение границ лингвистической вариантологии: от персоны-индивидуума к типу языковых личностей и далее к национальной ЯЛ, понимаемой как вариант общечеловеческого инварианта. Такой инвариант проявляется в двух парадигмах: прачеловеческой (язык животных — язык человека) и постчеловеческой (естественный человеческий язык и язык, являющийся продуктом искусственного интеллекта).

4. Перспективы исследования. Обзор российских вариантологических исследований показывает, что в них отмечены потенциально перспективные направления.

Одна из перспектив развития вариантологии связана не с укрупнением, а — напротив — с движением ко все более частным проявлениям вариативности. Скажем, линию от текста — к жанрам речи продолжает линия приближения к поджанрам или его частным сторонам (например, [Жигалев и др., 2018; Иванова, 2009; Полевая, 2020]). От общечеловеческой и национальной ЯЛ к ее социальным, психологическим вариантам, далее — подвариантам — вплоть до индивидуальной ЯЛ с ее речевым идиостилем.

Нуждается в завершении и вариантологическая линия «обогащения» нижних уровней единиц языка и речи. Так, фонологический уровень имеет продолжение в письменной речи, реализуемое в вариативности букв: печатные и рукописные, строчные и прописные, каллиграфические (прописи) и беглые варианты, в истории русского языка — кириллические и глаголические варианты и т. п. Продолжение этой линии приводит к индивидуальным особенностям написания букв и текстов (почеркам). В целом вариативность букв и более крупных письменных знаков подчиняется общим закономерностям варьирования единиц языка. Представляется необоснованным, что этот план функционирования языка практически не освоен лингвистикой, в частности, почерковедение явно не причисляется к разделам языкознания.

Тезис о конкуренции вариантов как основном механизме языковой эволюции предполагает декларацию высокой значимости историко-диалектного аспекта изучения вариантов. Наше исследование показывает, что историческая вариантология на новейшем этапе в существенной мере деактуализирована, в этой лингвистической области наличествуют лишь единичные работы (см., например, [Островская, 2016]). Полагаем, что фиксация изменения вариантов и его научное объяснение — важная перспектива вариантологии; например, такая фиксация осуществлена

в 1976 году авторами частотно-стилистического словаря вариантов, в котором количественно зафиксировано состояние конкуренции словообразовательных, морфологических и синтаксических вариантов в русской речи 1970-х годов [Граудина и др., 1976]. Проведение на данном материале аналогичных исследований в современную эпоху дало бы возможность диахронического сопоставления и позволило бы выявить важнейшие тенденции развития русского языка.

Вариантология и прикладная лингвистика. Изучение языковой вариативности в прикладных направлениях лингвистики только намечается, но уже есть первые результаты, свидетельствующие о перспективности этого направления вариантологии. В первую очередь это касается преподавания иностранных языков [Баканова и др., 2020; Матенов, 2020; Серова и др., 2022; Шифрон-Борейко, 2022], русского языка [Острикова, 2016]; лексикографических выходов вариантологии [Граудина и др., 1976; Качинская, 2013; Лавошникова 2015; Песина, 2021; Савчук, 2021; Середина, 2021], юрислингвистики [Голев и др., 2002; Зуга, 2016; Катышев, 2021; Кишина, 2019]. Новые импульсы развития вариантология получает в интернет-лингвистике, отмечены исследования вариантов ЯЛ, представленных на разных интернет-ресурсах, в том числе разноязычных [Виймаранта, 2020; Резанова, 2013], вариантов интернет-жанров [Рабенко, 2021], дискурсов [Горина, 2014].

Полагаем, что новые перспективы в прикладной лингвистике открывают возможности компьютерных технологий, в частности, программы для сравнения текстов на схожесть [Иркова, 2022], машинные переводчики, программы проверки и корректировки текстов [Лавошникова, 2015], корпусные форматы [Савчук, 2021].

4. Заключение = Conclusions

В статье выявлены и описаны основания мета моделирования языковой вариативности. Рассмотрены ее уровневые и плановые основания и тенденции вариантологии в данном аспекте, в котором рассмотрены тенденции к глобализации и расширению диапазона языковой вариативности. В эволюционном плане лингвистики наблюдается, во-первых, развитие вариантологии от единиц разного уровня языковой системы (на первом этапе — фонетических) к вариативности языковой системы в целом, во-вторых, — от вариативности как внутрисистемного феномена к вариативности экстрасистемного плана — речевой деятельности, ЯЛ и языкового сознания. Показаны фонематические истоки вариантологии, ее базовые принципы изначально были разработаны в фонологии, где были выявлены понятия позиции и ее влияние на формирование вариантов фонемы, взаи-

модельное действие парадигматики и синтагматики, языка и речи, на этой основе показаны принципы развития языковых систем. Такие понятия, категории и принципы обнаруживают себя на разных уровнях языка, а также на языковом и речевом планах речевой деятельности.

Металингвистический выход исследования: в статье показано становление дисциплины, в частности, проиллюстрирована узусуализация термина *вариантология*, продемонстрирован генезис вариантологии в сторону дисциплины общего и частного языкознания. Такой генезис проявился в развитии вариантологии от фонемного уровня к текстовому, от частного смысла (контактная вариантология, рассматривающая варианты языков, которые возникают в ходе их взаимодействия) к другим планам вариативности языка и его единиц и далее — к универсальному смыслу понятия «вариантология».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. *Абакумова И. А.* Ахроматические цвета в английских фразеологизмах и варианты их перевода / И. А. Абакумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12—3 (66). — С. 69—72.
2. *Авдеенко И. А.* Актуализация инвариантной семантики символа звезда в текстах русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 24—39. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39.
3. *Алимов Т. Э.* Лексическая вариантность как объект лингвистических учений / Т. Э. Алимов, Ф. Б. Юлбарсов // Вестник науки и образования. — 2021. — № 3—2 (106). — С. 33—35.
4. *Альбеков Н. Н.* Инвариант как первичная форма образования вариантов превращенной формы текста / Н. Н. Альбеков // Lingua-Universum. — 2007. — № 1. — С. 116—118.
5. *Асадова Р. Т. К.* Варианты перевода придаточного времени с английского языка на азербайджанский язык / Р. Т. К. Асадова // Национальная Ассоциация Ученых. — 2020. — № 59—1 (59). — С. 39—42.
6. *Асмус Н. Г.* Вариативность нормы в виртуальном коммуникативном пространстве (на примере женских и мужских блогов) / Н. Г. Асмус // Актуальные вопросы филологии и переводоведения в свете современных исследований : сб. науч. ст. по материалам XIV Международной научно-практической конференции. (Чебоксары, 20 октября 2017 г.) / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. — Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. — С. 3—8.
7. *Атакулова М. А.* Роль дихотомии «вариантность / инвариантность» в интерпретации языковых единиц / М. А. Атакулова // Наука и новые технологии. — 2009. — № 4. — С. 253—257.
8. *Баканова М. В.* Роль контактной вариантологии в подготовке специалистов в кросс-культурном пространстве / М. В. Баканова, Н. В. Щенникова // Тенденции раз-

вития науки и образования. — 2020. — № 64—4. — С. 22—25. — DOI: 10.18411/lj-08-2020-122.

9. *Белоногова А. А.* Синонимия «текстов-компактов» как фактор адекватности понимания текста в условиях межкультурной коммуникации : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. А. Белоногова. — Уфа, 2003. — 122 с.

10. *Бёрнз М.* Расширяя границы «расширяющегося круга» : в каком направлении нам двигаться дальше в контактной вариантологии английского языка (world englishes)? / М. Бёрнз // Личность. Культура. Общество. — 2011. — Т. 13. — № 4 (67—68). — С. 166—177.

11. *Блинова О. И.* Вариативность как предел варьирования внутренней формы слова / О. И. Блинова // Явление вариативности в языке : материалы Всероссийской конференции. (Кемерово, 13—15 декабря 1994 г.) / отв. ред. Л. А. Араева. — Кемерово : КемГУ, 1997. — С. 16—24. — ISBN 5-202-00251-3.

12. *Блинова О. И.* Множественность мотивации и варьирование внутренней формы слова / О. И. Блинова // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке : межвузовский сб. науч. ст. / ответственный за выпуск Н. Д. Голев. — Барнаул : АлтГУ, 1986. — С. 22—30.

13. *Блох М. Я.* Язык и его коренное функциональное раздвоение / М. Я. Блох // Магия ИННО : интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. трудов конференции. (Москва, 22—23 марта 2019 г.) / под ред. Д. Н. Новикова. — Москва : МГИМО—Университет, 2019. — Т. 1. — С. 27—34. — ISBN 978-5-9228-2156-8.

14. *Богословская З. М.* О разных уровнях и ступенях анализа формальных вариантов слова / З. М. Богословская // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 296. — С. 21—23.

15. *Богословская З. М.* Диалектная вариантология / З. М. Богословская. — Томск : ТПУ, 2005. — 271 с.

16. *Богословская З. М.* Диалектная вариантология (лексикологический и лексикографический аспекты) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / З. М. Богословская. — Томск, 2006. — 401 с.

17. *Болтовская Е. А.* Конкуренция кратких форм прилагательных мужского рода на -ен / -енен / Е. А. Болтовская // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации : сб. науч. ст. — Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2022. — Ч. 1. — С. 153—159. — ISBN 978-985-582-535-8.

18. *Броздина И. С.* Вариативность исследовательских подходов к изучению предложной семантики : история вопроса / И. С. Броздина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2009. — № 2 (10). — С. 83—92.

19. *Вагнер И. А.* Деривационные отношения между первичным и вторичным текстом (на материале современных рассказов-анекдотов) / И. А. Вагнер // Актуальные проблемы современного словообразования : сб. науч. ст. по итогам работы IV Международной научной конференции. (Кемерово, 4—6 июля 2011 г.) / под общ. ред. Л. А. Араевой. — Кемерово : Офсет ; КемГУ, 2011. — Выпуск 4. — С. 301—306. — ISBN 978-5-8353-1205-4.

20. *Валько О. В.* Адаптивная вариативность когнитивного моделирования лексической семантики / О. В. Валько // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 21—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-21-42.

21. *Васильев В. П.* О серии монографических работ З. М. Богословской, посвящённых вариантологии / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2—4 (62). — С. 239—241.

22. Виймаранта Й. Многоязычные практики в интернет-дискурсе социальной сети facebook (на материале письменной речи русскоговорящих женщин в Финляндии) / Й. Виймаранта, А. А. Маслова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 32—44. — DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44.

23. Вьюнова Е. К. Вариативность передачи комического при устном переводе англоязычного политического дискурса / Е. К. Вьюнова, Е. С. Петрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9—3 (63). — С. 75—80.

24. Гаранович М. В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка / М. В. Гаранович // Когнитивные исследования языка. — 2019. — № 37. — С. 897—903.

25. Геккина Е. Н. Синтаксическая омонимия в деловом дискурсе : опыт типологии под углом зрения экспертных задач / Е. Н. Геккина // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2019. — Т. 1. — № 15. — С. 130—142. — DOI: 10.30842/alp2306573715106.

26. Глинка Л. А. Вариативность как научный объект в русском языкознании / Л. А. Глинка // Лингвистика на исходе XX века : итоги и перспективы : тезисы международной конференции. (Москва, 1—3 июня 1995 г.). — Москва : Русская филология, 1995. — С. 126—128. — ISBN 5-7552-0070-X.

27. Голев Н. Д. Вариативность метаязыкового сознания студентов-филологов и научный плюрализм / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. — Кемерово : КеМГУ, 2012. — Ч. IV. — С. 306—331. — ISBN 978-5-8353-1304-4.

28. Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации : инварианты и варианты / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка / отв. ред. Н. Д. Голев. — Барнаул : АлтГУ, 1998. — С. 65—84.

30. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. — 2004. — № 4 (34). — С. 41—45.

31. Голев Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства) / Н. Д. Голев // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / отв. ред. Н. Н. Шпильная. — Москва : Ленанд, 2014. — Выпуск 1. — С. 10—33. — ISBN 978-5-9710-0814-9.

32. Голев Н. Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 3. Синтаксические омофоны и омографы / Н. Д. Голев // Известия Алтайского государственного университета. — 2001. — № 4 (22). — С. 39—45.

33. Голев Н. Д. Социальные факторы лексикографирования терминов : научный плюрализм, узуализация, авторское право в монографии С. В. Лесникова «Метаязык лингвистики» / Н. Д. Голев // Говор : альманах. — 2022. — № 9. — С. 806—812. — DOI: 10.48612/govor/padu-bv6h-2bfp.

34. Голев Н. Д. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) / Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика-3 : проблемы юрислингвистической экспертизы : межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул : АлтГУ, 2002. — С. 29—42. — ISBN 5-7904-0238-0.

35. Голев Н. Д. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким //

Вестник Челябинского государственного университета. — 2009а. — № 27 (165). — Выпуск 34. — С. 12—21.

36. *Голев Н. Д.* Вариативность интерпретации речевого произведения и особенности русского языкового мышления (холистизм vs. элементаризм) / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Система языка и языковое мышление / отв. ред. Е. Ф. Киров ; ред.-сост. Г. М. Богомазов. — Москва : Либроком, 2009б. — С. 51—66. — ISBN 978-5-397-00301-8.

37. *Голев Н. Д.* Лингвоперсонология и обыденное метаязыковое сознание (варианты и инварианты интерпретирующей языковой личности рядового носителя русского языка) / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / отв. ред. Н. Н. Шпиляная. — Москва : Ленанд, 2014а. — Выпуск 1. — С. 81—94. — ISBN 978-5-9710-0814-9.

38. *Голев Н. Д.* Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное — имплицитное», «проявленное — ожидаемое») / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции международной конференции "Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse". (Екатеринбург — Цюрих, 19—22 октября 2013 г.) / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева. — Екатеринбург : УрГПУ ; Цюрих : Цюрихский университет, 2014б. — С. 47—70. — ISBN 978-5-7186-0601-0.

39. *Голев Н. Д.* Изложение, пародия, перевод... к основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты / под общ. ред. В. А. Пищальной. — Барнаул : ААЭП, 2001. — Выпуск 3. — С. 20—27. — ISBN 5-8349-0018-6.

40. *Голубев Р. А.* Эстонские и русские глаголы движения : средства выражения направленности и варианты перевода / Р. А. Голубев // Труды СПбГТУ. — 2013. — № 515. — С. 136—140.

41. *Горина Е. В.* Вариативность подачи информации в дискурсе Интернета / Е. В. Горина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2014. — Т. 129. — № 3. — С. 62—68.

42. *Граудина Л. К.* Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов) / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, А. П. Катлинская. — Москва : Наука, 1976. — 452 с.

43. *Григорьян Е. Л.* О характере синтаксической полисемии / Е. Л. Григорьян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). — Москва : РГГУ, 2009. — С. 75—79. — ISBN 978-5-7281-1102-3.

44. *Грязнова В. М.* Инвариант в лингвистике : фантом или реальность? / В. М. Грязнова // Lingua-Universum. — 2009. — № 3. — С. 3—8.

45. *Гуляйкина С. О.* Вариативность / инвариантность в речевых манипуляциях персонажей сказок (на материале английского и русского языков) : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / С. О. Гуляйкина. — Ульяновск, 2007. — 20 с.

46. *Демочкин В. В.* Вариативность понимания концепта в современной лингвистике / В. В. Демочкин, С. Н. Дубровина // Основные направления развития научного потенциала в свете современных исследований : теория и практика : материалы двенадцатой международной заочной научной конференции. (Ставрополь, 2—9 апреля 2018 г.) / редкол. : Л. М. Митрофаненко, И. И. Лизенко. — Ставрополь : СКФУ, 2018. — С. 37—40.

47. Денико Р. В. Варьирование сетевой терминологии в русском интернет-дискурсе / Р. В. Денико, О. Г. Щитова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2016. — № 3 (168). — С. 20—23.

48. Дорофеев Ю. В. Функциональная типология вариативности языка (на материале номинативных единиц славянских, германских и романских языков) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.20 / Ю. В. Дорофеев. — Симферополь, 2016. — 22 с.

49. Дремова Т. Г. Вариативность концепта в норме и диалектной форме существования языка / Т. Г. Дремова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : Лингвистика и педагогика. — 2014. — № 1. — С. 7—11.

50. Дьяконова С. А. Варианты перевода инфинитива в функции определения с английского языка на русский язык : на материале журналов The Economist и Wco News / С. А. Дьяконова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 9. — С. 297—303. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.55.

51. Евпак Е. В. Лингвоперсонологическая вариативность философских текстов русских эмигрантов Н. О. Лосского и Л. П. Карсавина / Е. В. Евпак // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. — Москва : Ленанд, 2016. — Выпуск 2. — С. 262—270. — ISBN 978-5-9710-2659-4.

52. Жигалев Б. А. Вариативность ассимилятивных процессов в текстах с различной стилистической окраской / Б. А. Жигалев, К. Э. Безукладников, Б. А. Крузе // Язык и культура. — 2018. — № 41. — С. 72—86. — DOI: 10.17223/19996195/41/5.

53. Загрязкина Т. Ю. Вариантология как направление в изучении языков, культур и регионов / Т. Ю. Загрязкина // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 3. — С. 22—48.

54. Замилова А. В. К вопросу о системной типологии языковой личности (ментально-психологический аспект) / А. В. Замилова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 4—3 (52). — С. 194—197.

55. Золотухина О. В. Явление варьирования внутренней формы слова в системе диалекта : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.00 / О. В. Золотухина. — Томск, 2004. — 175 с.

56. Зуга О. В. О статусе слова «бестолочь» в русском языке и его интерпретации в лингвистике и юриспруденции / О. В. Зуга // Юрислингвистика. — 2016. — № 5. — С. 190—199.

57. Иванова Г. А. Синонимия и вариантность терминов : проблема разграничения / Г. А. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Филология. — 2006. — № 1. — С. 28—32.

58. Иванова И. С. Просодическая вариантность русских фамилий / И. С. Иванова // Сб. науч. трудов по материалам международной научно-практической конференции. — 2009. — Т. 14. — № 3. — С. 4—5.

59. Иркова А. В. К вопросу о построении транслятивной типологии славянских языков / А. В. Иркова // Полилингвальность современной культуры : сб. ст. Международной научной конференции. (Кемерово, 28—29 сентября 2022 г.) / отв. ред. А. Г. Фомин. — Кемерово : КемГУ, 2022. — С. 218—231. — ISBN 978-5-8353-3008-9.

60. Исаева Э. М. Лексическое варьирование в русских и английских дискурсах (на материале переводов на русский язык рассказов Г. К. Честертона об отце Брауне) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Э. М. Исаева. — Москва, 2004. — 185 с.

61. *Кабанова И. Н.* Актуальные направления контактной вариантологии : английский язык в Восточной Азии / И. Н. Кабанова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2018. — № 41. — С. 227—231.
62. *Карасев Н. А.* Понятие «тайна» в становлении христианской мистики : варианты перевода и интерпретации / Н. А. Карасев // Успехи современной науки. — 2016. — Т. 4. — № 8. — С. 183—188.
63. *Катышев П. А.* Диагностика межъязыковой интерференции в рамках автороведческого исследования / П. А. Катышев, Н. А. Боженкова, И. В. Огорелков, П. К. Иванов // Российский журнал исследований билингвизма. — 2021. — № 3. — С. 9—15.
64. *Качинская И. Б.* Словарь терминов родства в архангельских говорах : расширяющаяся вселенная / И. Б. Качинская // Язык — текст — дискурс : картина мира в свете разных подходов : сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. А. Илюхиной. — Самара : Самарский государственный университет, 2013. — С. 73—85. — ISBN 978-5-86465-544-3.
65. *Ким Л. Г.* Внутренняя форма слова как источник смысловой вариативности текста (на материале лингвистического эксперимента) / Л. Г. Ким // Актуальные проблемы современного словообразования : сб. науч. статей по итогам работы IV Международной научной конференции. (Кемерово, 4—6 июля 2011 г.) / под общ. ред. Л. А. Араевой. — Кемерово : Офсет ; КемГУ, 2011. — Выпуск 4. — С. 70—75. — ISBN 978-5-8353-1205-4.
66. *Ким Л. Г.* Объективные и субъективные факторы вариативности интерпретаций текста закона в специальной юридической литературе и в быденном сознании носителей языка / Л. Г. Ким // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 2. — С. 298—311.
67. *Ким Л. Г.* Типология интерпретирующих языковых личностей в аспекте адресатоцентричной модели языковой деятельности / Л. Г. Ким // Языковая личность : моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / отв. ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. — Москва : Ленанд, 2016. — Выпуск 2. — С. 68—76. — ISBN 978-5-9710-2659-4.
68. *Киркинская Т. И.* Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. И. Киркинская. — Барнаул, 2004. — 176 с.
69. *Кишина Е. В.* Вариативность интерпретации судебной лингвистической экспертизы / Е. В. Кишина // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы : сб. науч. работ по итогам Международной научной конференции. (Москва, 1—2 октября 2019 г.) / редкол. : С. В. Ионова, П. А. Катышев, А. В. Горбачева. — Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019. — С. 62—72. — ISBN 978-5-98269-214-6.
70. *Кондратьева Е. О.* Моделирование процесса перевода : слово о пунктуации / Е. О. Кондратьева // Известия Бурятского государственного университета. — 2018. — № 4. — С. 120—128. — DOI: 10.25586/RNU.V925X.18.04.P.120.
71. *Котцова Е. Е.* От лексических парадигм к парадигмам текстовым : источники и условия расширения границ синонимии, антонимии и гипонимии в речи / Е. Е. Котцова // Язык как система, деятельность и пространство мысли / сост. и отв. ред. Л. Ю. Щипцина, Т. А. Сидорова. — Архангельск : КИРА, 2015. — С. 56—70. — ISBN 978-5-98450-400-3.
72. *Кошкарева Н. Б.* О полисемии синтаксических единиц / Н. Б. Кошкарева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2012. — Т. 11. — № 9. — С. 164—171.

73. Кузнецова А. С. Проблема текстовой синонимии / А. С. Кузнецова // Молодежь и XXI век — 2016 : материалы VI Международной молодежной научной конференции. (Курск, 25—26 февраля 2016 г.) / отв. ред. А. А. Горохов. — Курск : Университетская книга, 2016. — Т. 2. — С. 209—212. — ISBN 978-5-9907948-6-3.

74. Кулакова Н. В. Потенциальная вариативность словотворческих игр / Н. В. Кулакова // Уральский филологический вестник. Серия : Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. — 2020. — № 2. — С. 187—198. — DOI: 10.26170/ufv20-02-17.

75. Лавицкий А. А. Пространственное варьирование языка : говор, диалект, регионалект / А. А. Лавицкий // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук : сборник статей X Международной научно-методической конференции. (Москва, 16 марта 2018 г.). — Москва : РУДН, 2018. — С. 377—385. — ISBN 978-5-209-09093-9.

76. Лавошникова Э. К. Компьютерная коррекция орфографии и разночтения в словарях : возможны варианты? / Э. К. Лавошникова // Филоlogos. — 2015. — № 24 (1). — С. 49—54.

77. Лаптева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии / О. А. Лаптева. — Москва : Икар, 1999. — 416 с. — ISBN 5-7974-0025-1.

78. Лебедева Н. Б. Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра (на материале жанра дневника) / Н. Б. Лебедева, Т. Г. Рабенко // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 437. — С. 29—35. — DOI: 10.17223/15617793/437/4.

79. Лебедева Н. Б. Речевая личность в структуре коммуникативной ситуации (на примере образов рассказа И. С. Тургенева «певцы») / Н. Б. Лебедева // Лингвоперсонология : типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. — Барнаул-Кемерово : БГПУ, 2006. — С. 215—222. — ISBN 5-88210-360-6.

80. Липатова А. П. Вариативность легенды / А. П. Липатова. — Москва : РГГУ, 2019. — 224 с. — ISBN 978-5-7281-2560-0.

81. Майкова О. В. Лингвоперсонологическая детерминированность вариативности обыденных толкований слов (на материале данных лингвистического эксперимента) / О. В. Майкова // Аспирант. — 2015. — № 2 (7). — С. 128—131.

82. Максимова С. А. Типы обыденной интерпретации художественных текстов рядовыми носителями русского языка подросткового возраста (на материале интерпретирующих высказываний) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.00 / С. А. Максимова. — Кемерово, 2011. — 164 с.

83. Маряскина Е. А. Вторичные тексты как вариант «перекодировки» классики / Е. А. Маряскина, И. В. Некрасова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23. — № 80. — С. 86—90. — DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-86-90.

84. Матенов Р. Б. Обучение навыкам употребления вариантных синтаксических единиц русского языка как неродного в неязыковых вузах / Р. Б. Матенов // Иностранные языки в Узбекистане. — 2020. — № 5 (34). — С. 127—140. — DOI: 10.36078/1612030427.

85. Матяшевская А. И. Вариантность и вариативность устного научно-популярного жанра / А. И. Матяшевская // Жанры речи. — 2017. — № 2 (16). — С. 220—225. — DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-220-225.

86. Миронова Е. А. Вариативность перлокутивного эффекта косвенной иллюзии «вынуждение к сочувствию» (на материале бытовых диалогов англоговорящих и русскоговорящих коммуникантов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Миронова. — Ростов-на-Дону, 2006. — 21 с.

87. Мочалова И. Н. К вопросу о становлении философской терминологии : идея и эйдос в философии Платона / И. Н. Мочалова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2007. — Т. 8. — № 2. — С. 73—80.

88. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Конспект лекций / Л. Н. Мурзин. — Пермь : Перм. ун-т, 1984. — 56 с.

89. Мусаева Т. С. Лингвистические основы понятий «вариантность», «вариант» и «инвариант» / Т. С. Мусаева // Проблемы современной науки и образования. — 2016. — № 25 (67). — С. 41—44.

90. Мусорин А. Ю. Что такое отдельный язык? / А. Ю. Мусорин // Сибирский лингвистический семинар. — 2001. — № 1. — С. 12—16.

91. Мустайоки А. Разновидности русского языка : анализ и классификация / А. Мустайоки // Вопросы языкознания. — 2013. — № 5. — С. 3—27.

92. Мячин К. А. Вариативно-инвариантный состав и типовые свойства концепта метому в составе концептуальной категории / К. А. Мячин // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2020. — № 5 (211). — С. 103—113. — DOI: 10.23951/1609-624X-2020-5-103-113.

93. Нефедова Е. А. Лексико-семантическое варьирование в пространстве диалекта : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Нефедова. — Москва, 2008. — 432 с.

94. Новгородова Е. В. Вариативность репрезентации события в социальных сетях / Е. В. Новгородова, В. Н. Юхневич // Социальные сети : комплексный лингвистический анализ. — Кемерово : КемГУ, 2021. — Т. 2. — С. 183—202. — ISBN 978-5-8353-2777-5.

95. Новикова Н. С. Инвариантное значение имени поля и внутренняя структура ядра / Н. С. Новикова // Филологические науки. — 1985. — № 4. — С. 73—78.

96. Острикова Т. А. Фразовый дидактический материал и фразовые диктанты в свете лингвометодической вариантности / Т. А. Острикова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2016. — № 15. — С. 121—125.

97. Островская Н. В. Историческая вариантность глагольных префиксов как показатель эволюционного развития видо-временной системы (на примере церковнославянского языка) / Н. В. Островская // V Селищевские чтения : международный сборник научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева / отв. ред. Т. М. Свиридова. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2016. — С. 81—88. — ISBN 978-5-94809-837-1.

98. Панкрашова О. С. Лингвоперсонологический аспект функционирования вводных конструкций / О. С. Панкрашова // Культура и текст. — 2008. — № 11. — С. 357—368.

99. Песина С. А. Инвариантный подход к осмыслению структуры словаря / С. А. Песина // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе : материалы IV Международной научно-практической конференции. (Екатеринбург, 25 мая 2021 г.) / отв. ред. Л. Г. Юсупова, Ю. М. Мясникова. — Екатеринбург : УГГУ, 2021. — С. 146—151. — ISBN 978-5-8019-0520-4.

100. Поварницына Е. Д. Лексическая вариативность во французских переводах «Слова о полку Игореве» / Е. Д. Поварницына // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 142—158. — DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-1-142-158.

101. Полевая О. В. Вариативность языковых способов выражения директивных речевых актов (на материале французского языка) / О. В. Полевая // Филологические

науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 95—99. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.20.

102. *Помогаева Н. С.* Синтаксическая синонимия как источник стилистической выразительности речи / Н. С. Помогаева // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2011. — № 2. — С. 49—51.

103. *Попова Е. П.* Вариативность судебной терминологии : особенности обращения к субъектам урегулирования споров (на материале терминосистем Англии и России) / Е. П. Попова, К. С. Попова // Успехи гуманитарных наук. — 2023. — № 1. — С. 190—195.

104. *Прошина З. Г.* Варианты английского языка и расширяющийся круг качеру / З. Г. Прошина, С. Л. Нельсон // Russian Journal of Linguistics. — 2020. — Т. 24. — № 3. — С. 523—550. — DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550.

105. *Прошина З. Г.* Контактная вариантология английского языка : проблемы теории = World Englishes Paradigm : учебное пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 208 с.

106. *Рабенко Т. Г.* Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : 10.02.01 : диссертация ... доктора филологических наук / Т. Г. Рабенко. — Кемерово, 2018. — 356 с.

107. *Рабенко Т. Г.* Инвариантные и вариантные признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») / Т. Г. Рабенко // Жанры речи. — 2020. — № 1 (25). — С. 6—14. — DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14.

108. *Рабенко Т. Г.* Интернет-дневник в аспекте вариантологической модели речевого жанра / Т. Г. Рабенко // Социальные сети : комплексный лингвистический анализ. — Кемерово : КемГУ, 2021. — Т. 1. — С. 312—334. — ISBN 978-5-8353-2776-8.

109. *Рабенко Т. Г.* Письмо в редакцию : инвариантные и вариативные признаки жанра / Т. Г. Рабенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 2—1 (80). — С. 136—139.

110. *Рабенко Т. Г.* Речевой жанр с позиций лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личное письмо») / Т. Г. Рабенко // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 189—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-189-199.

111. *Рабенко Т. Г.* Русский речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра «личный дневник») / Т. Г. Рабенко ; под ред. Н. Б. Лебедевой. — Кемерово : КемГУ, 2018. — 171 с. — ISBN 978-5-8353-2240-4.

112. *Разлогова Е. Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода / Е. Э. Разлогова // Вопросы языкознания. — 2017. — № 4. — С. 52—73. — DOI: 10.31857/s0373658x0001021-2.

113. *Резанова З. И.* Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации : жанровые формы и дискурсивные стратегии / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 375. — С. 33—41.

114. *Резанова З. И.* Лексическая интерференция как речевое явление : обусловленность типом языковой ситуации и дискурсивной практики (на материале записей русской речи шорско-русских билингвов) / З. И. Резанова, О. В. Рыжова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — Т. 24. — № 2. — С. 177—185. — DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185.

115. *Рогозная Н. Н.* Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Рогозная. — Москва, 2003. — 381 с.

116. *Розова С. С.* Классификационная проблема в современной науке / С. С. Розова. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1986. — 223 с.
117. *Рудяков А. Н.* Георусистика : русский язык в глобальном мире / А. Н. Рудяков. — Москва : Лекрус, 2016. — 392 с. — ISBN 978-5-905532-30-6.
118. *Рудяков А. Н.* Георусистика и геофонология / А. Н. Рудяков // Социофонетика и фоностистика : От теории к практике. Материалы IV Межрегиональной научной конференции / под редакцией А. Д. Петренко. — Симферополь : [б. и.], 2021. — С. 7—9.
119. *Савельева И. В.* Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения : лингвоперсоналогический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев) / И. В. Савельева. — Кемерово : КемГУ, 2015. — 220 с. — ISBN 978-5-8353-1836-0.
120. *Савчук С. О.* Электронный словарь вариантов на основе корпуса текстов / С. О. Савчук // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов Международного симпозиума. (Томск, 24—25 сентября 2021 г.). — Томск : ТГУ, 2021. — С. 361—363. — ISBN 978-5-907442-19-1.
121. *Сайкова Н. В.* Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.00 / Н. В. Сайкова. — Барнаул, 2002. — 144 с.
122. *Сайкова Н. В.* Деривационная вариативность текста в лингвоперсоналогическом аспекте / Н. В. Сайкова, С. Д. Седова // Языковая картина мира : лингвистический и культурологический аспекты : материалы III Международной научно-практической конференции (Бийск, 30 ноября — 1 декабря 2006 г.) / отв. ред. Н. И. Доронина. — Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. — С. 352—355. — ISBN 5-85127-369-0.
123. *Семенова К. А.* Типы связи деривационных вариантов текста (на материале интернет-комментариев) / К. А. Семенова, Н. Н. Шпильная // Наука. Технологии. Инновации : материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых. (Новосибирск, 21—24 ноября 2013 г.). — Новосибирск : НГТУ, 2013. — Ч. 10. — С. 127—128. — ISBN 978-5-7782-2348-6.
124. *Середина Т. Н.* Структура словарной статьи словаря формальных вариантов новых иноязычных слов русского языка / Т. Н. Середина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3 (292). — С. 150—156. — DOI: 10.47438/2309-7078_2021_3_150.
125. *Серова Т. С.* Вариативность выражения в тексте перевода инвариантного смыслового содержания исходного текста при обучении письменному переводу / Т. С. Серова, Э. М. Булатова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2022. — № 3. — С. 110—129. — DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.10.
126. *Сидорова Л. И.* Типология лакун в системе цветообозначений современного русского языка (в сопоставлении с английским) и варианты перевода / Л. И. Сидорова // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т ; Просвещение-Юг, 2016. — Книга 9. — С. 212—216. — ISBN 978-5-93491-704-4.
127. *Сидорова М. Ю.* Интернет-лингвистика : русский язык. Межличностное общение / М. Ю. Сидорова. — Москва : 1989.ру, 2006. — 193 с. — ISBN 5-98789-006-3.
128. *Смирнова Е. Е.* Правда и истина в русском языковом сознании : корреляция концептов в аспекте дискурсивного варьирования / Е. Е. Смирнова // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со

дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам Международной научной конференции. (Нижний Новгород, 28—30 сентября 2016 г.) / отв. ред. Т. Б. Радбиль. — Нижний Новгород : Деком, 2016. — С. 446—450. — ISBN 978-5-89533-364-8.

129. *Соколова И. Н.* Вариативность восприятия медиа-текстов как репрезентация многообразия отношений в коммуникативной системе «человек — социум» (экспериментальное исследование) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. Н. Соколова. — Ульяновск, 2006. — 175 с.

130. *Солнцев В. М.* Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. — 1984. — № 2. — С. 31—42.

131. *Стекольников Н. В.* Сопоставление вариантов фольклорных текстов и лингвистическое обоснование их тождества / Н. В. Стекольников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 2—2. — С. 93—97.

132. *Степанов Г. В.* Об особенностях языковой вариативности / Г. В. Степанов // Теория языка. Англистика. Кельтология / отв. ред. М. П. Алексеев. — Москва : Наука, 1976. — С. 125—133.

133. *Страусов В. Н.* О понятиях «инвариантное значение», «пол», «мотивация», «сигнификативная функция» в рамках грамматической категории рода / В. Н. Страусов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2005. — № 2—2. — С. 106—112.

134. *Татаринцева Е. Н.* Вариативность орфографической языковой способности как лингвоперсонологическая категория / Е. Н. Татаринцева // Лингвоперсонология : типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. — Барнаул-Кемерово : БГПУ, 2006. — С. 28—37. — ISBN 5-88210-360-6.

135. *Татаринцева Е. М.* Об изучении вариативности языковой личности в свете некоторых системно-языковых антиномий / Е. Н. Татаринцева // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 3 (22). — С. 69—73.

136. *Тваржинская О. В.* Обыденная герменевтика поэтического текста лингвоперсонологический аспект : на материале интерпретации стихотворений А. А. Фета рядовыми носителями русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Тваржинская. — Кемерово, 2013. — 201 с.

137. *Токарева И. Е.* Лексико-стилистическая вариативность языка : социальный и гендерный аспекты (на материале произведений Джона Фаулза) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. Е. Токарева. — Ростов-на-Дону, 2006. — 182 с.

138. *Тубалова И. В.* Варьирование внутренней формы слова по данным показаний языкового сознания / И. В. Тубалова // Культура отчества : прошлое, настоящее, будущее : сб. тезисов докладов III Духовно-исторических чтений. (Томск, 14—18 мая 1993 г.). — Томск : [б. и.], 1994. — Выпуск 2. — С. 134—137.

139. *Тун Цзин.* Фразеологические единицы в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» : китайские варианты перевода и комментарии / Тун Цзин // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 81—97. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-81-97.

140. *Уварова Ю. П.* Эволюция понятия «контактные варианты слов» в чешском и словацком языках / Ю. П. Уварова // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. — 2022. — № 5. — С. 84—91.

141. *Чалкова Т. Ф.* Повесть о царице и львице : вторичные варианты и редакции / Т. Ф. Чалкова // Сибирский филологический журнал. — 2012. — № 2. — С. 27—35.

142. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата / Т. В. Чернышова. — Барнаул : АлтГУ, 2005. — 293 с. — ISBN 5-7904-0423-5.

143. Шифрон-Борейко И. Вариативный потенциал метакогнитивных и компенсаторных стратегий иностранцев при репродуцировании русской речи на разных этапах формирования коммуникативной компетенции / И. Шифрон-Борейко // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов Международной научной конференции, посвященной памяти профессора Л. А. Араевой. (Москва, 3—4 февраля 2022 г.) / отв. ред. Э. М. Афанасьева. — Москва : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. — С. 115—120. — ISBN 978-5-98269-279-5.

144. Шишкина Т. Г. «Русский акцент» в английской письменной речи / Т. Г. Шишкина // Магия ИННО : новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй научно-практической конференции. (Москва, 24—25 апреля 2015 г.) / отв. ред. Д. А. Крячков. — Москва : МГИМО—Университет, 2015. — Т. 1. — С. 126—130. — ISBN 978-5-9228-1397-6.

145. Шумилова А. А. Категория «тождество-различие» как основа развития языка и ее место в исследовании синонимии / А. А. Шумилова // Лингвистика как форма жизни : сб. науч. трудов, посвященный юбилею Людмилы Алексеевны Араевой / под ред. П. А. Катышева, С. В. Оленева, Ю. С. Паули. — Москва : Ленанд, 2009. — Выпуск 2. — С. 191—195. — ISBN 978-5-9710-0287-1.

146. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — С. 24—39.

147. Янь С. Проблема перевода китайской лингвистической терминологии в аспекте переводческой вариативности / С. Янь // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — № 12. — С. 188—190.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 23.10.2023.

References

- Abakumova, I. A. (2016). Achromatic colors in English phraseological units and their translation variants. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12—3 (66): 69—72. (In Russ.).
- Albekov, N. N. (2007). Invariant as the primary form of formation of variants of the transformed form of the text. *Lingua-Universum*, 1: 116—118. (In Russ.).
- Alimov, T. E., Yulbarsov, F. B. (2021). Lexical variation as an object of linguistic teachings. *Bulletin of Science and Education*, 3—2 (106): 33—35. (In Russ.).
- Asadova, R. T. K. (2020). Variants of translation of subordinate tense from English into Azerbaijani. *National Association of Scientists*, 59—1 (59): 39—42. (In Russ.).
- Asmus, N. G. (2017). Variability of the norm in the virtual communicative space (on the example of women's and men's blogs). In: *Topical issues of philology and translation studies in the light of modern research: collection of scientific articles based on the materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. (Cheboksary, October 20, 2017)*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. un-t. 3—8. (In Russ.).

- Atakulova, M. A. (2009). The role of the “variant / invariance” dichotomy in the interpretation of linguistic units. *Science and new technologies*, 4: 253—257. (In Russ.).
- Avdeenko, I. A. (2020). Actualization of the Invariant Semantics of the STAR Symbol in Texts of Russian Rock Poetry. *Nauchnyi dialog*, 7: 24—39. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39. (In Russ.).
- Bakanova, M. V., Schennikova, N. V. (2020). The role of contact variantology in the training of specialists in the cross-cultural space. *Trends in the development of science and education*, 64—4: 22—25. DOI: 10.18411/lj-08-2020-122. (In Russ.).
- Belonogova, A. A. (2003). *Synonymy of “compact texts” as a factor of adequacy of understanding of the text in the conditions of intercultural communication*. PhD Diss. Ufa. 122 p. (In Russ.).
- Blinova, O. I. (1986). Multiplicity of motivation and variation of the internal form of the word. In: *Problems of lexical and word-formation motivation in the Russian language: interuniversity collection of scientific articles*. Barnaul: AltSU. 22—30. (In Russ.).
- Blinova, O. I. (1997). Variability as the limit of variation of the inner form of a word. In: *The phenomenon of variability in language: materials of the All-Russian Conference. (Kemerovo, December 13—15, 1994)*. Kemerovo: KemSU. 16—24. ISBN 5-202-00251-3. (In Russ.).
- Bloch, M. Ya. (2019). Language and its root functional bifurcation. In: *Magic INNO: integrative trends in linguistics and linguodidactics: collection of scientific proceedings of the conference. (Moscow, March 22—23, 2019), 1*. Moscow: MGIMO University. 27—34. ISBN 978-5-9228-2156-8. (In Russ.).
- Bogoslovskaya, Z. M. (2006). *Dialect variantology (lexicological and lexicographic aspects)*. Doct. Diss. Tomsk. 401 p. (In Russ.).
- Bogoslovskaya, Z. M. (2005). *Dialect variantology*. Tomsk: TPU. 271 p. (In Russ.).
- Bogoslovskaya, Z. M. (2007). On different levels and stages of analysis of formal variants of the word. *Bulletin of Tomsk State University*, 296: 21—23. (In Russ.).
- Boltovskaya, E. A. (2022). Competition of short forms of masculine adjectives on -en / -enen. In: *Slavic world and national speech culture in modern communication: collection of scientific articles, 1*. Grodno: GrSU im. Yanki Kupala. 153—159. ISBN 978-985-582-535-8. (In Russ.).
- Borozdina, I. S. (2009). Variability of research approaches to the study of prepositional semantics: a history of the issue. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*, 2 (10): 83—92. (In Russ.).
- Burns, M. (2011). Expanding the boundaries of the “expanding circle”: in which direction should we move further in the contact variant of the English language (world englishes)? *Personality. Culture. Society*, 13 / 4 (67—68): 166—177. (In Russ.).
- Chalkova, T. F. (2012). The Tale of the Queen and the Lioness: secondary versions and editions. *Siberian Philological Journal*, 2: 27—35. (In Russ.).
- Chernyshova, T. V. (2005). *Media texts in the mirror of the addressee’s linguistic consciousness*. Barnaul: AltSU. 293 p. ISBN 5-7904-0423-5. (In Russ.).
- Demochkin, V. V., Dubrovina, S. N. (2018). Variability of concept understanding in modern linguistics. In: *Main directions of scientific potential development in the light of modern research: theory and practice: materials of the twelfth international correspondence scientific conference. (Stavropol, April 2—9, 2018)*. Stavropol: NCFU. 37—40. (In Russ.).

- Deniko, R. V., Shchitova, O. G. (2016). Variation of network terminology in Russian Internet discourse. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 3 (168): 20—23. (In Russ.).
- Diakonova, S. A. (2020). Variants of translation of the infinitive in the definition function from English into Russian: based on the material of The Economist and Wco News magazines. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 13 (9): 297—303. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.55. (In Russ.).
- Dorofeev, Yu. V. (2016). *Functional typology of language variability (based on the material of nominative units of Slavic, Germanic and Romance languages)*. Author's abstract of Doct. Diss. Simferopol. 22 p. (In Russ.).
- Dremova, T. G. (2014). Variability of the concept in the norm and dialect form of language existence. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 1: 7—11. (In Russ.).
- Evpak, E. V. (2016). Linguopersonological variability of philosophical texts of Russian emigrants N. O. Lossky and L. P. Karsavin. In: *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology*, 2. Moscow: Lenand. 262—270. ISBN 978-5-9710-2659-4. (In Russ.).
- Garanovich, M. V. (2019). Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language. *Cognitive studies of language*, 37: 897—903. (In Russ.).
- Gekkina, E. N. (2019). Syntactic homonymy in business discourse: the experience of typology from the point of view of expert tasks. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 1 (15): 130—142. DOI: 10.30842/alp2306573715106. (In Russ.).
- Glinkina, L. A. (1995). Variability as a scientific object in Russian linguistics. In: *Linguistics at the end of the XX century: results and prospects: theses of the international conference. (Moscow, June 1—3, 1995)*. Moscow: Russian Philology. 126—128. ISBN 5-7552-0070-X. (In Russ.).
- Golev, N. D. (1998). Derivation and motivation as forms of linguistically determined determination: invariants and variants. In: *Essays on linguistic determinology and derivatology of the Russian language*. Barnaul: AltSU. 65—84. (In Russ.).
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2014b). Everyday political Internet comments as a manifestation of variability of interpretation (opposition “explicit — implicit”, “manifested — expected”). In: *Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse: materials of the Russian section of the international conference “Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse”. (Yekaterinburg — Zurich, October 19—22, 2013)*. Yekaterinburg: USPU; Zurich: University of Zurich. 47—70. ISBN 978-5-7186-0601-0. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2001). Homophonic and homographic funds of the modern Russian language. Part 3. Syntactic homophones and homographs. *Proceedings of the Altai State University*, 4 (22): 39—45. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2004). Linguopersonological variability of the language. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (34): 41—45. (In Russ.).
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2014a). Linguopersonology and everyday metalanguage consciousness (variants and invariants of the interpreting linguistic personality of an ordinary native speaker of the Russian language). In: *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology*, 1. Moscow: Lenand. 81—94. ISBN 978-5-9710-0814-9. (In Russ.).

- Golev, N. D. (2014). Mental and psychological aspects of the typology of a linguistic personality (to the problem of the relationship between linguistic and personal space). In: *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology, 1*. Moscow: Lenand. 10—33. ISBN 978-5-9710-0814-9. (In Russ.).
- Golev, N. D., Saikova, N. V. (2001). Presentation, parody, translation... on the foundations of the derivational interpretation of secondary texts. In: *Linguistic existence of a person and an ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects, 3*. Barnaul: AAEP. 20—27. ISBN 5-8349-0018-6. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2022). Social factors of lexicography of terms: scientific pluralism, usualization, copyright in S. V. Lesnikov's monograph "Metalanguage of linguistics". *Govor: almanac, 9*: 806—812. DOI: 10.48612/govor/padu-bv6h-2bfp. (In Russ.).
- Golev, N. D., Lebedeva, N. B. (2002). Three linguistic expertise in one case (on the question of the variability of presumptions of experts). In: *Juristics-3: problems of legal linguistic expertise: interuniversity collection of scientific. Works*. Barnaul: AltSU. 29—42. ISBN 5-7904-0238-0. (In Russ.).
- Golev, N. D. (2012). Variability of metalanguage consciousness of philology students and scientific pluralism. In: *Everyday metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects, IV*. Kemerovo: KemSU. 306—331. ISBN 978-5-8353-1304-4. (In Russ.).
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2009a). Variative-interpretative functioning of the text (on the issue of expanding the boundaries of linguistic variantology). *Bulletin of Chelyabinsk State University, 27 (165) / 34*: 12—21. (In Russ.).
- Golubev, R. A. (2013). Estonian and Russian verbs of movement: means of expression of orientation and translation options. *Proceedings of SPbSTU, 515*: 136—140. (In Russ.).
- Gorina, E. V. (2014). Variability of information presentation in Internet discourse. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture, 129 (3)*: 62—68. (In Russ.).
- Graudina, L. K., Itskovich, V. A., Katlinskaya, A. P. (1976). *Grammatical correctness of Russian speech (experience of a frequency-stylistic dictionary of variants)*. Moscow: Nauka. 452 p. (In Russ.).
- Grigoryan, E. L. (2009). On the nature of syntactic polysemy. In: *Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the annual International Conference "Dialog 2009". (Bekasovo, May 27—31, 2009)*. Moscow: RSUH. 75—79. ISBN 978-5-7281-1102-3. (In Russ.).
- Gryaznova, V. M. (2009). Invariant in Linguistics: phantom or reality? *Lingua-Universum, 3*: 3—8. (In Russ.).
- Gulyakina, S. O. (2007). *Variability / invariance in the speech manipulations of fairy tale characters (based on the material of English and Russian languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Ulyanovsk. 20 p. (In Russ.).
- Irkova, A. V. (2022). On the question of the construction of translational typology of Slavic languages. In: *Polylinguality of modern culture: collection of articles of the International Scientific Conference. (Kemerovo, September 28—29, 2022)*. Kemerovo: KemSU. 218—231. ISBN 978-5-8353-3008-9. (In Russ.).
- Isaeva, E. M. (2004). *Russian and English discourses (based on the material of translations into Russian of G. K. Chesterton's stories about Father Brown)*. PhD Diss. Moscow. 185 p. (In Russ.).

- Ivanova, G. A. (2006). Synonymy and variation of terms: the problem of differentiation. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Philology*, 1: 28—32. (In Russ.).
- Ivanova, I. S. (2009). Prosodic variation of Russian surnames. *Collection of scientific works based on the materials of the international scientific and practical conference*, 14 (3): 4—5. (In Russ.).
- Kabanova, I. N. (2018). Actual directions of contact variantology: English in East Asia. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 41: 227—231. (In Russ.).
- Kachinskaya, I. B. (2013). Dictionary of kinship terms in Arkhangelsk dialects: the expanding universe. In: *Language — text — discourse: a picture of the world in the light of different approaches: collection of scientific articles*. Samara: Samara State University. 73—85. ISBN 978-5-86465-544-3. (In Russ.).
- Karasev, N. A. (2016). The concept of “mystery” in the formation of Christian mysticism: variants of translation and interpretation. *Successes of modern science*, 4 (8): 183—188. (In Russ.).
- Katyshev, P. A., Bozhenkova, N. A., Ogorelkov, I. V., Ivanov, P. K. (2021). Diagnostics of interlanguage interference in the framework of an author’s research. *Russian Journal of Bilingualism Studies*, 3: 9—15. (In Russ.).
- Kim, L. G. (2022). Objective and subjective factors of variability of interpretations of the text of the law in the special legal literature and in the everyday consciousness of native speakers. *Siberian Philological Journal*, 2: 298—311. (In Russ.).
- Kim, L. G. (2011). The inner form of the word as a source of semantic variability of the text (based on the material of linguistic experiment). In: *Actual problems of modern word formation: collection of scientific articles on the results of the IV International Scientific Conference. (Kemerovo, July 4—6, 2011)*, 4. Kemerovo: Offset; KemSU. 70—75. ISBN 978-5-8353-1205-4. (In Russ.).
- Kim, L. G. (2016). Typology of interpreting linguistic personalities in the aspect of the addressee-centric model of language activity. In: *Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology*, 2. Moscow: Lenand. 68—76. ISBN 978-5-9710-2659-4. (In Russ.).
- Kirkinskaya, T. I. (2004). *Variability of Russian reproduced texts (system-functional and linguopersonological aspects)*. PhD Diss. Barnaul. 176 p. (In Russ.).
- Kishina, E. V. (2019). Variability of interpretation of forensic linguistic expertise. In: *Modern theoretical linguistics and problems of forensic examination: collection of scientific papers based on the results of an International scientific conference. (Moscow, October 1—2, 2019)*. Moscow: State. IRYA named after A. S. Pushkin. 62—72. ISBN 978-5-98269-214-6. (In Russ.).
- Kondratieva, E. O. (2018). Modeling of the translation process: a word about punctuation. *News of the Buryat State University*, 4: 120—128. DOI: 10.25586/RNU.V925X.18.04.P120. (In Russ.).
- Koshkareva, N. B. (2012). On the polysemy of syntactic units. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 11 (9): 164—171. (In Russ.).
- Kottsova, E. E. (2015). From lexical paradigms to textual paradigms: sources and conditions for expanding the boundaries of synonymy, antonymy and hyponymy in speech. In: *Language as a system, activity and space of thought*. Arkhangelsk: KIRA. 56—70. ISBN 978-5-98450-400-3. (In Russ.).

- Kulakova, N. V. (2020). Potential variability of word-making games. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2: 187—198. DOI: 10.26170/ufv20-02-17. (In Russ.).
- Kuznetsova, A. S. (2016). The problem of textual synonymy. In: *Youth and the XXI century — 2016: materials of the VI International Youth Scientific Conference. (Kursk, February 25—26, 2016)*, 2. Kursk: University Book. 209—212. ISBN 978-5-9907948-6-3. (In Russ.).
- Lapteva, O. A. (1999). *Speech possibilities of textual homonymy*. Moscow: Ikar. 416 p. ISBN 5-7974-0025-1. (In Russ.).
- Lavitsky, A. A. (2018). Spatial variation of language: dialect, dialect, regionalect. In: *Actual problems of modern linguistics and humanities: collection of articles of the X International Scientific and Methodological Conference. (Moscow, March 16, 2018)*. Moscow: RUDN. 377—385. ISBN 978-5-209-09093-9. (In Russ.).
- Lavoshnikova, E. K. (2015). Computer correction of spelling and discrepancies in dictionaries: possible options? *Philologos*, 24 (1): 49—54. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B., Rabenko, T. G. (2018). Genre name as a factor of stabilization of the speech genre (based on the material of the diary genre). *Bulletin of Tomsk State University*, 437: 29—35. DOI: 10.17223/15617793/437/4. (In Russ.).
- Lebedeva, N. B. (2006). Speech personality in the structure of a communicative situation (on the example of the images of the story of I. S. Turgenev “singers”). In: *Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning*. Barnaul-Kemerovo: BSPU. 215—222. ISBN 5-88210-360-6. (In Russ.).
- Lipatova, A. P. (2019). *Variability of legend*. Moscow: RSUH. 224 p. ISBN 978-5-7281-2560-0. (In Russ.).
- Maikova, O. V. (2015). Linguopersonological determinism of the variability of everyday interpretations of words (based on the data of a linguistic experiment). *Postgraduate student*, 2 (7): 128—131. (In Russ.).
- Maksimova, S. A. (2011). *Types of everyday interpretation of literary texts by ordinary native speakers of the Russian language of adolescence (based on the material of interpretive statements)*. PhD Diss. Kemerovo. 164 p. (In Russ.).
- Maryaskina, E. A., Nekrasova, I. V. (2021). Secondary texts as a variant of the “recoding” of classics. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*, 23 (80): 86—90. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-86-90. (In Russ.).
- Matenov, R. B. (2020). Teaching skills of using variant syntactic units of the Russian language as a non-native in non-linguistic universities. *Foreign languages in Uzbekistan*, 5 (34): 127—140. DOI: 10.36078/1612030427. (In Russ.).
- Matyashevskaya, A. I. (2017). Variation and variability of the oral popular science genre. *Genres of speech*, 2 (16): 220—225. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-220-225. (In Russ.).
- Mironova, E. A. (2006). *Variability of the perlocutionary effect of indirect illocution “compulsion to empathy” (based on the material of everyday dialogues of English-speaking and Russian-speaking communicants)*. Author’s abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 21 p. (In Russ.).
- Mochalova, I. N. (2007). On the question of the formation of philosophical terminology: idea and eidos in Plato’s philosophy. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 8 (2): 73—80. (In Russ.).

- Murzin, L. N. (1984). *Fundamentals of derivatology. Lecture notes*. Perm: Perm. un-t. 56 p. (In Russ.).
- Musayeva, T. S. (2016). Linguistic foundations of the concepts of “variant”, “variant” and “invariant”. *Problems of modern science and education*, 25 (67): 41—44. (In Russ.).
- Musorin, A. Yu. (2001). What is a separate language? *Siberian Linguistic seminar*, 1: 12—16. (In Russ.).
- Mustajoki, A. (2013). Varieties of the Russian language: analysis and classification. *Questions of linguistics*, 5: 3—27. (In Russ.).
- Myachin, K. A. (2020). Variative-invariant composition and typical properties of the memory concept as part of a conceptual category. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 5 (211): 103—113. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-5-103-113. (In Russ.).
- Nefedova, E. A. (2008). *Lexico-semantic variation in the dialect space*. Doct. Diss. Moscow. 432 p. (In Russ.).
- Novgorodova, E. V., Yukhnevich, V. N. (2021). Variability of event representation in social networks. In: *Social networks: complex linguistic analysis*, 2. Kemerovo: KemSU. 183—202. ISBN 978-5-8353-2777-5. (In Russ.).
- Novikova, N. S. (1985). The invariant meaning of the field name and the internal structure of the core. *Philological Sciences*, 4: 73—78. (In Russ.).
- Ostrikova, T. A. (2016). Phrasal didactic material and phrasal dictation in the light of linguometodic variation. *Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University*, 15: 121—125. (In Russ.).
- Ostrovskaya, N. V. (2016). Historical variation of verbal prefixes as an indicator of the evolutionary development of the species-time system (on the example of the Church Slavonic language). In: *V. Selishchev readings: an international collection of scientific papers dedicated to the 130th anniversary of the birth of Afanasy Matveevich Selishchev*. Yelets: I. A. Bunin YSU. 81—88. ISBN 978-5-94809-837-1. (In Russ.).
- Pankrashova, O. S. (2008). Linguopersonological aspect of the functioning of introductory constructions. *Culture and text*, 11: 357—368. (In Russ.).
- Pesina, S. A. (2021). Invariant approach to understanding the structure of the dictionary. In: *Topical issues of linguistics, intercultural communication and methods of teaching foreign languages at the university: materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. (Yekaterinburg, May 25, 2021). Yekaterinburg: UGSU. 146—151. ISBN 978-5-8019-0520-4. (In Russ.).
- Polevaya, O. V. (2020). Variability of linguistic ways of expressing directive speech acts (based on the material of the French language). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 13 (4): 95—99. DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.20. (In Russ.).
- Pollutkina, T. Y. (2015). Variantology as a direction in the study of languages, cultures and regions. *Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, 3: 22—48. (In Russ.).
- Pomogaeva, N. S. (2011). Syntactic synonymy as a source of stylistic expressiveness of speech. *International Postgraduate Bulletin. Russian language abroad*, 2: 49—51. (In Russ.).
- Popova, E. P., Popova, K. S. (2023). Variability of judicial terminology: peculiarities of addressing the subjects of dispute settlement (based on the terminology systems of England and Russia). *Successes of the Humanities*, 1: 190—195. (In Russ.).
- Povarnitsyna, E. D. (2021). Lexical variability in French translations of “Words about Igor’s regiment”. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Inter-*

- cultural Communication*, 19 (1): 142—158. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-1-142-158. (In Russ.).
- Proshina, Z. G. (2017). *Contact variantology of the English language: problems of theory = World Englishes Paradigm: textbook*. Moscow: Flint: Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Proshina, Z. G. (2020). Variants of the English language and the expanding circle of Kachru. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (3): 523—550. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2018). *Genres of natural written Russian speech in the variantological aspect*. Doct. Diss. Kemerovo. 356 p. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2021). Internet diary in the aspect of a variant model of the speech genre. In: *Social networks: complex linguistic analysis, 1*. Kemerovo: KemSU. 312—334. ISBN 978-5-8353-2776-8. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2020). Invariant and variant signs of genres of natural written speech (based on the material of genres “personal diary”, “personal letter”, “personal note”). *Genres of speech*, 1 (25): 6—14. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2018). Letter to the editor: invariant and variable signs of the genre. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 2—1 (80): 136—139. (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2017). Speech Genre in Linguistic Variantology (on Material of Speech Genre “Personal Letter”). *Nauchnyi dialog*, 12: 189—199. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-12-189-199> (In Russ.).
- Rabenko, T. G. (2018). *The Russian speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the material of the speech genre “personal diary”)*. Kemerovo: KemSU. 171 p. ISBN 978-5-8353-2240-4. (In Russ.).
- Razlogova, E. E. (2017). Standard and non-standard translation options. *Questions of linguistics*, 4: 52—73. DOI: 10.31857/s0373658x0001021-2. (In Russ.).
- Rezanova, Z. I. (2013). Institutional and personal presentation of national and cultural identity in Internet communication: genre forms and discursive strategies. *Bulletin of Tomsk State University*, 375: 33—41. (In Russ.).
- Rezanova, Z. I., Ryzhova, O. V. (2022). Lexical interference as a speech phenomenon: the conditionality of the type of language situation and discursive practice (based on recordings of Russian speech by Shorsko-Russian bilinguals). *Bulletin of Kemerovo State University*, 24 (2): 177—185. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-177-185. (In Russ.).
- Rogoznaya, N. N. (2003). *Typology of linguistic interference in the Russian speech of foreigners (based on the material of different structured languages)*. Doct. Diss. Moscow. 381 p. (In Russ.).
- Rozova, S. S. (1986). *Classification problem in modern science*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. 223 p. (In Russ.).
- Rudyakov, A. N. (2021). *Georustistics and geophonology*. In: *Sociophonetics and phonostilistics: From theory to practice. Materials of the IV Interregional Scientific Conference*. Simferopol: [B. I.]. 7—9. (In Russ.).
- Rudyakov, A. N. (2016). *Georustistika: the Russian language in the global world*. Moscow: Lekrus. 392 p. ISBN 978-5-905532-30-6. (In Russ.).
- Saikova, N. V., Sedova, S. D. (2006). Derivational variability of the text in the linguoper-sonological aspect. In: *Linguistic picture of the world: linguistic and cultural aspects: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Biysk, November 30 — December 1, 2006)*. Biysk: BPSU named after V. M. Shukshin. 352—355. ISBN 5-85127-369-0. (In Russ.).

- Saikova, N. V. (2002). *Interaction of word and text in the derivational aspect (based on the material of secondary texts of different types)*. PhD Diss. Barnaul. 144 p. (In Russ.).
- Savchuk, S. O. (2021). Electronic dictionary of variants based on the corpus of texts. In: *Lexicography of the digital age: collection of materials of the International Symposium. (Tomsk, September 24—25, 2021)*. Tomsk: TSU. 361—363. ISBN 978-5-907442-19-1. (In Russ.).
- Savelyeva, I. V. (2015). *Variability of strategies of text perception and text generation: linguopersonological aspect (based on the material of texts of political Internet comments)*. Kemerovo: KemSU. 220 p. ISBN 978-5-8353-1836-0. (In Russ.).
- Semenova, K. A. (2013). Types of communication of derivational variants of the text (based on the material of Internet comments). In: *The science. Technologies. Innovations: materials of the All-Russian Scientific Conference of Young Scientists. (Novosibirsk, November 21—24, 2013), 10*. Novosibirsk: NSTU. 127—128. ISBN 978-5-7782-2348-6. (In Russ.).
- Seredina, T. N. (2021). Structure of the dictionary entry of the dictionary of formal variants of new foreign words of the Russian language. *Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University, 3 (292)*: 150—156. DOI: 10.47438/2309-7078_2021_3_150. (In Russ.).
- Serova, T. S., Bulatova, E. M. (2022). Variability of expression in the translation text of the invariant semantic content of the source text when teaching written translation. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy, 3*: 110—129. DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.10. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1974). About the threefold aspect of linguistic phenomena and about the experiment in linguistics. In: *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie. 24—39. (In Russ.).
- Shifron-Boreyko, I. (2022). The variable potential of metacognitive and compensatory strategies of foreigners in the reproduction of Russian speech at different stages of the formation of communicative competence. In: *Actual problems of linguistics and literary studies: collection of materials of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor L. A. Araeva. (Moscow, February 3—4, 2022)*. Moscow: State. IRYA named after A. S. Pushkin. 115—120. ISBN 978-5-98269-279-5. (In Russ.).
- Shishkina, T. G. (@015). “Russian accent” in English written speech. In: *The magic of INNO: new in the study of language and the methodology of its teaching: materials of the Second scientific and practical conference. (Moscow, April 24—25, 2015), 1*. Moscow: MGIMO University. 126—130. ISBN 978-5-9228-1397-6. (In Russ.).
- Shumilova, A. A. (2009). The category “identity-difference” as the basis of language development and its place in the study of synonymy. In: *Linguistics as a form of life: collection of scientific works dedicated to the anniversary of Lyudmila Alekseevna Araeva, 2*. Moscow: Lenand. 191—195. ISBN 978-5-9710-0287-1. (In Russ.).
- Sidorova, L. I. (2016). Typology of lacunae in the system of color designations of the modern Russian language (in comparison with English) and translation options. In: *Interdisciplinary aspects of linguistic research: Collection of scientific tr., 9*. Krasnodar: Kuban State University; Enlightenment-South. 212—216. ISBN 978-5-93491-704-4. (In Russ.).
- Sidorova, M. Yu. (2006). *Internet linguistics: Russian language. Interpersonal communication*. Moscow: <url>. 193 p. ISBN 5-98789-006-3. (In Russ.).

- Smirnova, E. E. (2016). Truth and truth in the Russian language consciousness: correlation of concepts in the aspect of discursive variation. In: *Scientific heritage of B. N. Golovin in the light of actual problems of modern linguistics (to the 100th anniversary of the birth of B. N. Golovin): collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference. (Nizhny Novgorod, September 28—30, 2016)*. Nizhny Novgorod: Decom. 446—450. ISBN 978-5-89533-364-8. (In Russ.).
- Sokolova, I. N. (2006). *Variability of perception of media texts as a representation of the diversity of relations in the communicative system “man — society” (experimental study)*. PhD Diss. Ulyanovsk. 175 p. (In Russ.).
- Solntsev, V. M. (1994). Variability as a general property of the language system. *Questions of linguistics*, 2: 31—42. (In Russ.).
- Stekolnikova, N. V. (2007). Comparison of variants of folklore texts and linguistic substantiation of their identity. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2—2: 93—97. (In Russ.).
- Stepanov, G. V. (1976). About the peculiarities of linguistic variability. In: *Theory of language. Anglistics. Celtology*. Moscow: Nauka. 125—133. (In Russ.).
- Strausov, V. N. (2005). On the concepts of “invariant meaning”, “gender”, “motivation”, “significant function” within the grammatical category of gender. *Izvestiya of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, 2: 106—112. (In Russ.).
- Tatarintseva, E. M. (2010). On the study of the variability of linguistic personality in the light of some systemic linguistic antinomies. *The world of science, culture, education*, 3 (22): 69—73. (In Russ.).
- Tatarintseva, E. N. (2006). Variability of spelling language ability as a linguopersonological category. In: *Linguopersonology: types of linguistic personalities and personality-oriented learning*. Barnaul-Kemerovo: BSPU. 28—37. ISBN 5-88210-360-6. (In Russ.).
- Tokareva, I. E. (2006). *Lexico-stylistic variability of language: social and gender aspects (based on the works of John Fowles)*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 182 p. (In Russ.).
- Tong, J. (2017). Phraseological Units in “The Captain’s Daughter” by Alexander Pushkin: Chinese Translations and Comments. *Nauchnyi dialog*, 10: 81—97. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-10-81-97> (In Russ.).
- Tubalova, I. V. (1994). Variation of the inner form of the word according to the testimony of linguistic consciousness. In: *Culture of the Fatherland: past, present, future: collection of abstracts of the III Spiritual and historical readings. (Tomsk, May 14—18, 1993)*, 2. Tomsk: [B. I.]. 134—137. (In Russ.).
- Tvarzhinskaya, O. V. (2013). *Everyday hermeneutics of a poetic text linguistic and phonological aspect: based on the interpretation of A. A. Fet’s poems by ordinary native speakers of the Russian language*. PhD Diss. Kemerovo. 201 p. (In Russ.).
- Uvarova, Yu. P. (2022). The evolution of the concept of “contact variants of words” in the Czech and Slovak languages. *Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology*, 5: 84—91. (In Russ.).
- Valko, O. V. (2018). Adaptive Variability of Cognitive Modelling of Lexical Semantics. *Nauchnyi dialog*, 4: 21—42. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-4-21-42>. (In Russ.).
- Vasiliev, V. P., Vasilyeva, V. P. (2015). About a series of monographic works by Z. M. Bogoslovskaya devoted to variantology. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2—4 (62): 239—241. (In Russ.).

- Viimaranta, Y., Maslova, A. A. (2020). Multilingual practices in the Internet discourse of the facebook social network (based on the written speech of Russian-speaking women in Finland). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 18 (4): 32—44. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-4-32-44. (In Russ.).
- Vyunova, E. K., Petrova, E. S. (2016). Variation of comic transmission in the interpretation of English-language political discourse. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9—3 (63): 75—80. (In Russ.).
- Wagner, I. A. (2011). Derivational relations between primary and secondary text (based on the material of modern stories-anecdotes). In: *Actual problems of modern word formation: collection of scientific articles based on the results of the IV International Scientific Conference. (Kemerovo, July 4—6, 2011)*, 4. Kemerovo: Offset; KemSU. 301—306. ISBN 978-5-8353-1205-4. (In Russ.).
- Yan, S. (2019). The problem of translation of Chinese linguistic terminology in the aspect of translation variability. In: *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 12: 188—190. (In Russ.).
- Zamilova, A. V. (2012). On the question of the systemic typology of linguistic personality (mental and psychological aspect). *Bulletin of Kemerovo State University*, 4—3 (52): 194—197. (In Russ.).
- Zhigalyov, B. A., Bezukladnikov, K. E., Kruse, B. A. (2018). Variability of assimilative processes in texts with different stylistic coloring. *Language and culture*, 41: 72—86. DOI: 10.17223/19996195/41/5. (In Russ.).
- Zolotukhina, O. V. (2004). *The phenomenon of variation of the internal form of a word in the dialect system*. PhD Diss. Tomsk. 175 p. (In Russ.).
- Zuga, O. V. (2016). On the status of the word “muddle” in the Russian language and its interpretation in linguistics and jurisprudence. *Jurislinguistics*, 5: 190—199. (In Russ.).

*The article was submitted 23.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 23.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Горбань О. А. Рапорт в документной коммуникации на юге России первой половины XVIII века / О. А. Горбань // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 126—142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142.

Gorban, O. A. (2023). Report in Documentary Communication in Southern Region of Russia during First Half of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 126-142. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-126-142

Рапорт в документной коммуникации на юге России первой половины XVIII века

Горбань Оксана Анатольевна
orcid.org/0000-0002-2345-3673
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русской филологии
и журналистики
oa_gorban@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Report in Documentary Communication in Southern Region of Russia during First Half of 18th Century

Oksana A. Gorban
orcid.org/0000-0002-2345-3673
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Philology
and Journalism
oa_gorban@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

© Горбань О. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается рапорт как новый вид документа в системе деловой письменности первой половины XVIII века; цель — выявить общее и особенное в рапортах из различных учреждений юга России. Материалом являются документы, созданные в Войске Донском (ГАВО) и в Астраханской губернии (НАРК). Проведенный впервые сопоставительный анализ содержания, функций и речевой организации текстов показал, что все рапорты направлялись от нижестоящих субъектов вышестоящим; выполняли информационную, реже — просительную функции, могли выступать как сопроводительные документы; имели сходный формуляр («адресат», «адресант», «название», «основной текст», «дата», «место создания») при вариативности расположения реквизитов, наименования документа, формул адресанта. Выявлены следующие различия: в документации Войска рапорты более многочисленны, активнее употреблялись в роли сопроводительных документов; астраханские же часто содержали финансовые отчеты. Адресант в донских рапортах назывался в конечной формуле «о сем репортует», в то время как астраханские содержали только имя (или подпись). Сделан вывод, что рапорты все более входили в официальную коммуникацию, закрепляясь за военной сферой, унифицировалась их форма, что отражало выработку общих правил делопроизводства.

Ключевые слова:

рапорт; функции документа; речевая организация текста; деловая письменность; жанры официально-делового стиля; жанроведение; генристика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the report as a new type of document in the business writing system of the first half of the 18th century. The aim is to identify common and distinctive features of reports from various institutions in the southern region of Russia. The materials used for this study are documents from the Don Army (State Archive of the Volgograd Region) and the Astrakhan Province (National Archive of the Republic of Kalmykia). Through a comparative analysis of their content, functions, and speech organization, it is revealed that all reports were submitted from subordinate subjects to superiors, served informative purposes, and occasionally served as accompanying documents. They shared a similar form (addressee, addresser, title, main text, date, place of creation), although there were variations in the placement of requisites, document titles, and addresser formulas. Differences were also identified, such as the larger number of reports in the documentation of the Don Army and their frequent use as accompanying documents, while Astrakhan reports often contained financial reports. In Don reports, the addresser was referred to in the final formula as “about this report,” while Astrakhan reports only included their name (or signature). It can be concluded that reports were increasingly integrated into official communication, becoming firmly established in the military sphere, and their form became more standardized, reflecting the development of common rules for document management.

Key words:

Report; document functions; speech organization of the text; business writing; genres of official-business style; Genre studies.

Рапорт в документной коммуникации на юге России первой половины XVIII века

© Горбань О. А., 2023

1. Введение = Introduction

Как известно, Петровские реформы привели к глубоким преобразованиям в системе управления Российского государства, что отразилось в структуре учреждений, делопроизводстве и документации. Корпус документных текстов этой эпохи представляет собой одну из важнейших сфер реализации складывающейся новой парадигмы русского литературного языка [Виноградов, 1982, с. 72; Vlasto, 1988, p. 286—287]. В. М. Живов подчеркивал, что деловая речь, в первую очередь законодательных памятников, стала ярким выражением и проводником языковой политики Петра: «По существу, они (памятники. — О. Г.) создают нормативный словарь нового государственного дельца» [Живов, 2017, т. 2, с. 987]. Через указы, уставы и прочие документные тексты новые слова и понятия внедрялись в речевую структуру документов учреждений разных уровней управления и в целом в практику официальной коммуникации во всем государстве. Этот процесс, в котором происходило взаимодействие различных культурно-языковых традиций, дополняемое региональным варьированием, находится в центре внимания многих современных лингвистов. Деловые памятники вызывают интерес с точки зрения их жанрово-видовых особенностей (функции, структуры текста, словесного выражения элементов композиции) и с точки зрения собственно языковой. Важным представляется изучение не только документов центральных учреждений, но и многочисленных памятников региональной письменности, отражающих противоречивые тенденции в названных процессах. Учеными обосновывается необходимость привлечения таких источников (например, в [Биктимирова, 2014]), а объектом анализа являются архивные собрания различных регионов — Забайкалья, Западной Сибири, Урала, Нижней Волги и Дона, Калмыкии и др. [Быкова, 2012; Выхрыстюк и др., 2016; Гедеева, 2022; Документы..., 2020; Косова, 2020; Майоров, 2014; Тупикова и др., 2011; Шептухина и др., 2021].

Актуальным является вопрос о формировании в петровское время и дальнейшем развитии новой системы документных жанров, а в связи с этим

и делопроизводственной терминологии. При этом учеными отмечаются сосуществование и конкуренция старых и новых форм документов, что выражается в первую очередь в дублетных наименованиях — традиционных (преимущественно русских) и новых (как правило, европейских заимствований), постепенная их систематизация. Так, показаны активное использование заимствованных наименований документов наряду с исконными, полиномия в сфере административной терминологии (*протокол* — *записка* — *регистратура*, *рапорт* — *доношение* — *ведомость*, *паспорт* — *пропуск* — *покормежная* и др.) [Шамшин, 1998, с. 13—14, 17; Шамшин, 2007]; конкуренция иноязычных названий документов, наряду с дублированием терминов возможность их дальнейшей дифференциации и т. д. [Майоров, 2019]. С привлечением памятников деловой письменности Забайкалья описано взаимодействие сходных по функции документов, имеющих различные названия, и их эволюция на протяжении XVIII века; охарактеризованы типы отношений между наименованиями жанров, функционирующими в центральных и региональных документах [Русанова, 2012; 2015; 2021б]. Представляется актуальным подобное сопоставление документов, имеющих дублетные названия, созданных в учреждениях разных регионов и / или административно-территориальных образований, с тем чтобы выявить общее и особенное в их бытовании на всей территории государства.

В центре нашего внимания находится деловая письменность юга России. В XVIII веке здесь наблюдалось сложное взаимодействие центральной российской власти с южными губерниями, Войском Донским, Яицким казачьим войском, Калмыцким ханством, а также с соседними государствами и народами. Регулирование этих отношений осуществлялось в процессе официальной коммуникации и обеспечивалось общегосударственной системой документации, в которой определенное место занимали доношения и рапорты.

Доношение и рапорт как виды (жанры) документа в сопоставлении или, чаще, по отдельности неоднократно становились объектами описания в работах по источниковедению, историческому языкознанию, посвященных их функциям в церковном делопроизводстве [Спичак, 2016], элементам композиции и их речевому выражению [Майоров, 2009; Сафонова, 2017], эволюции жанра [Русанова, 2021а].

Нами ранее были рассмотрены доношения и рапорты, созданные в канцеляриях Войска Донского, с точки зрения их содержания, функции, структуры и речевой организации; выявлены сходство в речевой структуре документов, а также сходство и различия в их содержании и назначении: в войсковой коммуникации оба вида документов направлялись от нижестоящего субъекта к вышестоящему (рапорты — только между лицами, имеющими воинские звания, доношения — между гражданскими и военными),

выполняли преимущественно информативную функцию, однако доношения чаще могли иметь и просительный характер, тогда как среди рапортов такие единичны; рапорты выступали также в качестве сопроводительных документов и в целом количественно преобладали над доношениями [Горбань, 2019].

Объектом анализа в данной статье является рапорт как документ, использовавшийся в официальной коммуникации на юге России в первой половине XVIII века: его содержание, функции, композиция и формуляр, речевая репрезентация структурных элементов текста (реквизитов).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются скорописные документы первой половины XVIII века, отложившиеся в Государственном архиве Волгоградской области (относились к Войску Донскому) и Национальном архиве Республики Калмыкия (обращались в Астраханской губернии при калмыцкой комиссии Коллегии иностранных дел в бытность астраханским губернатором и главой комиссии В. Н. Татищева); условно назовем их донскими и астраханскими.

В ГАВО представлены черновики и копии (отпуски) рапортов, исходящих из канцелярии Михайловской станицы Войска Донского. НАРК содержит оригиналы и копии рапортов, направленных в различные учреждения и пересланных астраханскому губернатору, а также копии в книге входящих документов на имя губернатора В. Н. Татищева.

С использованием методов и приемов контент-анализа, формулярного, структурно-композиционного и дискурс-анализа, а также с опорой на разработанную ранее модель жанра документа (см.: [Документы..., 2020, с. 81—83]) рассматриваются содержание рапортов, их функции; определяется характер адресанта и адресата и статусных отношений между ними в процессе коммуникации; выявляется структура текстов и связанный с нею формуляр (состав и последовательность реквизитов); выделяются типовые речевые средства, представляющие реквизиты и являющиеся признаками жанра. Проводится также сопоставление документов разных учреждений по названным параметрам с целью выявить общие черты и особенности в построении текста и функционировании рапортов, отражающие тенденции формирования данного жанра документа.

Как отмечалось выше, объектом исследования становились рапорты из архивных собраний Забайкалья и Западной Сибири. Отмечены жанровая близость рапорта с другими документами (отписка) в плане отдельных элементов формуляра, сочетания книжных и разговорных языковых единиц [Майоров, 2009]; на основе анализа формуляра рапортов показано

регламентирующее воздействие со стороны центральных органов на церковно-приходское делопроизводство [Спичак, 2016].

Источники из фондов НАРК, связанные с деятельностью В. Н. Татищева в Астраханской губернии, в том числе написанные от его имени и за его подписью, рассматривались в ряде работ с точки зрения их содержания и языкового своеобразия. Обоснована их значимость для исследования делового языка XVIII века в соотношении с жанрами документов [Сусеева, 2014]. Авторами монографии [Сусеева и др., 2019] раскрыта деятельность В. Н. Татищева как губернатора и главы Калмыцкой комиссии, охарактеризованы лексические, словообразовательные, грамматические черты его писем, свойственные общерусскому деловому языку данной эпохи и специфичные для языка региона. Однако в поле зрения ученых находились документы иных жанров, тогда как комплексный анализ текстов и сопоставительное описание рапортов из учреждений разной административно-территориальной и ведомственной принадлежности не проводились.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Содержание и функции рапортов

Рапорт (в источниках XVIII века также *репорт*) являлся одним из важнейших документов, при помощи которых осуществлялась официальная коммуникация. Будучи официально введенным в «Генеральном регламенте», он стал активно использоваться в петровское время наряду с доношением, наблюдалось и параллельное использование слов *репорт* / *рапорт* и *доношение*: «кто под каким-нибудь предлогом неправдиво учинит рапортъ (или доношение)» [ПСЗ, с. 158]. В «Толковании иностранных речей...», помещенном в конце «Генерального регламента», *репорт* пояснялся как «ведомость» [ПСЗ, с. 160], что означало «весть; известие, сообщение» [СРЯ, с. 48], «всякое известие, т. е. письменное или словесное уведомление о чем-либо» [САР, стб. 971], а также «список, роспись; ведомость» [СРЯ, с. 48], «перечень или краткое начертание известного рода дел или вещей, подаваемое начальникам» [САР, стб. 971]. И. Нордстет толкует *рапорт* через «доношение, объявление» [Нордстет, 1782, с. 700].

Соответственно, как и доношения, рапорты выполняли информирующую функцию и направлялись от нижестоящего субъекта вышестоящему, представляя собой часто отчеты о выполнении дел. Кроме того, рапорты сближались, как мы отметили, с ведомостями в роли, которая позднее закрепилась за теми в финансовой, отчетной документации, содержащей перечни лиц, вещей и т. д. О сходстве рапорта с названными документами свидетельствуют помимо «Генерального регламента» другие законодательные акты. Так, в «Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи» об обязанностях

тех или иных должностных лиц говорится: «Должен иметь *ведомости* от каждого мастера о числе дерев и прочих материялов...» [ПСЗ, с. 582]; «... понеделньо брать *рапорты* от всех мастеров, что приняли, и что из того сделали, и что из материялов осталось...» [ПСЗ, с. 581]; и др.

Рассмотренные нами донские и астраханские рапорты направлялись в учреждение или должностному лицу, то есть адресат рапорта мог быть коллективным и единичным. Адресанты астраханских документов — единичные (это должностные лица), тогда как у донских рапортов могли быть единичные и коллективные. Специфика документов Войска Донского заключается в том, что коллективными субъектами коммуникации часто выступали атаман и казаки: рапорты составлялись от имени станичного атамана и казаков и адресовались войсковому атаману и всему войску. Это обусловлено традициями казачьего самоуправления.

Во всех случаях рапорты направлялись от нижестоящего субъекта вышестоящему.

Донские документы адресованы от станичного атамана и казаков войсковому атаману и казакам, войсковому старшине, бывшему войсковому дьяку; от станичного старшины — войсковому атаману и казакам; от бывшего войкового дьяка — в войсковую канцелярию.

По содержанию это сообщения о проведении следственных действий, о принадлежности к казакам, о высылке беспаспортных людей, краже имущества и высылке вора, о падеже скота и др., то есть рапорты выполняли информирующую функцию. Большинство из них сообщали о высылке при этом рапорте к Войску казака / казаков, об отсылке при рапорте выданного казаку / казакам паспорта или расписки о доставке беглых и т. д., выступая своеобразными сопроводительными документами при отправляемых лицах, высылаемых документах, например: *сеи пошпортъ к вашему высокогородию и Воиску Донскому при сем покорнейшем репорте послан* [ГАВО, д. 8, л. 32 об.]. Единичные рапорты наряду с передачей сведений содержат также просьбу о чем-либо и носят просительный характер, например: *для высылки означенных козаков соблаговолите ваше благородие ко оному старшине Юдину предложить воисковой грамотой* [ГАВО, д. 9, л. 19].

Рапорты среди астраханских документов немногочисленны. Они адресованы из Царицына от полковника Л. В. Боборыкина в основном тайному советнику астраханскому губернатору В. Н. Татищеву, реже — в Астраханскую губернскую канцелярию, Государственную военную коллегию, Государственную коллегию иностранных дел; от иных служащих — В. Н. Татищеву, генерал-лейтенанту А. И. Тарakanову, царицынскому коменданту бригадиру П. Ф. Кольцову. Все адресанты имели воинское звание и состояли на службе.

Астраханские рапорты содержат, как правило, краткие сообщения о наличии в продаже годных к службе лошадей, о передаче денег, вещей, лошадей, о встречах и иных делах с калмыцкими владельцами и др., о получении указа; в одном из них — подробное объяснение поручика Веревкина по поводу истории с калмыцкой девушкой. Отмечены единичные рапорты просительного характера, например о замене служащих в связи с возрастом: *того ради вашего превосходительства прошу на место оных определить других во объявленную роту* [НАРК, д. 145, л. 5 об.]; и сопроводительного: *и данная мне от вашего превосходительства на калмыцком языке две присяги и два манифеста при сем вашему превосходительству для рассмотрения прилагаю* [НАРК, д. 145, л. 130 об.]. Некоторые документы представляют собой подробные отчеты в табличной форме о распоряжении казенными деньгами за год, наличии в остатке денег и вещей и т. д.

3.2. Формуляр рапортов: речевой шаблон

Формуляр рапорта содержит такие компоненты (реквизиты), как адресат, адресант, наименование документа, основная часть (изложение обстоятельств дела, определение по существу дела), дата составления документа; в отдельных источниках после даты имеются сведения о месте создания документа. Реквизиты в тексте репрезентируются определенными устойчивыми, или стереотипными [Зиновьева, 2023], формулами, а также речевыми оборотами, построенными по единым моделям. Ниже приведены два документа, показывающие, что в разных учреждениях рапорты могли составляться по общим образцам, имели сходство композиции, сходство и различия стереотипных формул.

Высокородному и высокопочтенному господину Воиска Данскаго воисковому наказному атаману Степану Даниловичу и всему Воиску Данскому покорнейши репортъ Сего июля 29го дня получили мы низайшые от вашего высокородия и Воиска Данскаго выданной пошпортъ разных станицъ сказашным казакам в котором нашей станицы двум Алексею Кабылину	Высокородному и высокопревосходителнейшему господину тайному советнику астраханьскому губернатору Василью Никитичю Татищеву покорнейшей репортъ Сего 743го году февраля 23го дня в присланном ея императорскаго величества указе из Астрахани от калмыцкихъ дель в Черноярскую канцелярию написано понеже де по приходящимъ от киргисъ касакъ

Петру Абрамеву кои гоняли воисковой лесъ в Черкаской и отпущены в дома их по прежнему и по прибыти их в станицы велено у них взять сеи пошпорть и прислат к Воиску Данскому в Черкаской при станищном репорте немедленно :/ котораи при сем нашем покорнейшем репорте к вашему высокородию и Воиску Донскому посланъ о семъ покорнейши репортуяют Михайловской станицы станишнии атаман Григорей Пековъ старики и всеи станицы казаки :/ Июля 30го дня 1753 году [ГАВО, д. 8, л. 50].	партиемъ и другимъ обстоятельствомъ весьма нужно казаковъ и чтобъ 5го апреля ис черноморскихъ казаковъ определенныхъ в Калмыцкую комисию в Астрахань выслать и на оное вашему высокопревосходительству покорнейше доношу по силе оного ея императорскаго величества указу исполнять должень. Примирь майоръ Василии Беловъ Февраля 24го дня 1743 году [НАРК, д. 163, л. 393].

Из примеров видно, что тексты рапортов внешне структурированы: реквизиты выделены из текста и имеют определенное расположение на листе. Последовательность реквизитов, однако, может варьироваться, неодинакова также их речевая репрезентация, при этом информирующие, просительные и сопроводительные рапорты различаются только в основной части.

Адресат рапорта всегда выражен в начальных формулах, построенных по моделям <имя собственное с указанием чина, должности, прибавлением этикетных определений в дат. пад.>, <наименование учреждения в конструкции «в + вин. пад.»>. В донских документах наряду с атаманом упоминается также Войско Донское в дат. пад.

Формулы адресата: *высокоблагородному и высокопочтенному господину Воиска Донскаго воисковому (наказному) атаману [имя] и всему Воиску Донскому; высокородному господину тайному советнику и астраханскому губернатору [имя]; высокопревосходительнейшему господину генералъ лейтнанту и ковалеру [имя]; Воиска Донскаго в канцелярию воисковых дел; в Государственную коллегию иностранных дел;* и под.

Адресант может быть представлен в начальной формуле именем собственным, наименованием коллективного субъекта в род. пад. или в конструкции «от + род. пад.» и следует после адресата. Например: *старишины*

Петра Лащилина; Михайловской станицы от станичного атамана [имя] стариков и казаков; Псковскаго драгунского полку от поручика Веревкина; от полковника Бабарыкина. Начальный протокол рапорта в таких случаях выглядел следующим образом:

Высокоблагородному и высокопочтенному господину Воиска Донскаго войсковому атаману Степану Даниловичу и всему Воиску Донскому	В государственную военную коллегию
старшины Петра Лащилина	от полковника Бабарыкина
покорнейший репортъ	покорнейши репортъ
[ГАВО, д. 9, л. 25].	[НАРК, д. 145, л. 27 об.].

Однако чаще адресант в начале документа не указывается.

Адресант всегда называется в конце документа, после основного текста. В донских рапортах он вводится конечной формулой *о сем (покорнейше) репортуем (репортуем)* [имя]; изредка просто указано имя адресанта и его чин в именительном падеже. В астраханских документах используется только второй вариант (это, как правило, подпись): *поручик Степан Посевьев* [НАРК, д. 149, л. 47 об.] и под.

Схожее варьирование в представлении адресанта рапортов отмечает также в источниках из других регионов, в частности Забайкалья, где, однако, наблюдается предпочтительное включение адресанта в начальный протокол документов и возможное, но не обязательное использование конечных формул [Майоров, 2009].

Название (самоназвание) документа в донских рапортах регулярно представлено словосочетанием *покорнейший репортъ*, в единичных случаях — словом *репорт*. В астраханских, напротив, преобладает *репорт*, редко пишется *покорнейший репорт*, в единичном случае — *во всеиужайшей рабской покорности репортъ* (от поручика Ефима Веревкина, стремящегося доказать свою невиновность в истории с задержанием калмыцкой девушки) [НАРК, д. 146, л. 148]; в единичных случаях после названия кратко формулируется содержание рапорта: *Въ государственную коллегию иностранных делъ репортъ о получении указа* [НАРК, д. 145, л. 135 об.].

Особенности в оформлении заголовка отмечаются в астраханских отчетных рапортах по расходу денег и т. д. Он включает в себя формулы

адресата, адресанта, название документа и краткое описание его содержания, которые не отделены друг от друга, например: *Высокородному и почтеннейшему господину таинному советнику и астраханскому губернатору Василию Никитичу Татищеву от полковника Бабарыкина репортъ коликое число имелось от 741го году къ 742му году в остатке денег и вещей по ценам и с того числа въ 742м году в расходе ...* [НАРК, д. 146, л. 19 об.].

Основной текст рапорта внешне не структурирован. Он часто начинается с упоминания документа (он мог быть получен ранее от адресата рапорта или из другой инстанции), который являлся иницилирующим для осуществления адресантом тех или иных действий, пересказывается его содержание. Такая ссылка вводится стереотипными формулами: *сего [дата] получили мы [название документа в Вин. п.]; сего [дата] по силе [название документа в Род. п.]; по вашего высокопревосходительства [название документа в Дат. п.]* и под. Например: *Сего августа 15го дня по силе насланного к нам от вашего благородия предложения ... на полном нашем станищном зборе мы справлялис [ГАВО, д. 9, л. 9]; Сего октября 21го числа получил я от господина генерала порутчика и ковалера Алексея Ивановича Тораканова чрез нарочно присланного от его превосходительства капитана Кутузова ... ордер...* [НАРК, д. 145, л. 124].

Затем следует изложение фактов по существу: о проведенных следственных действиях, о тех или иных обстоятельствах, положении дел и т. д.

В просительных документах основная часть завершается просьбой с использованием этикетных формул *всепокорнейше просим, соблаговолите* и под. В сопроводительных рапортах констатируется факт выполнения требования; информация вводится при помощи формул *при сем, при сем репорте, при сем покорнейшем репорте (послан, влагаю* и под.) в конце основной части текста.

Некоторые из сопроводительных документов содержат лишь лаконичную ссылку на требование и сообщение о его выполнении. Астраханские рапорты Татищеву от Боборыкина, независимо от содержания, обычно достаточно лаконичны.

Сведения о деньгах и вещах в отчетных рапортах представлены в табличной форме; таблица содержит столбцы с заголовками и подзаголовками *[денегъ] ([рубли], [копейки]); [вещей и товаров по цене] ([рубли], [копейки])*. Иногда после таблицы кратко сообщается о целях некоторых расходов, например: *заисангу обретающемуся при намеснике ханства Дундукъ Даши Бордону подарено камлоту десет аршин ценою в сем рублевъ...* [НАРК, д. 145, л. 151] и под.

Дата создания документа ставится под основным текстом; здесь же в редких случаях называется **место** создания в им. пад.: *Иловлинская ста-*

ница и под. В рапортах полковника Боборыкина, как правило, указывается, с кем послан документ адресату; хотя, поскольку данные рапорты сохранились как копии в книге входящих документов, можно предположить, что подобные приписки сделаны уже получателем.

В целом в войсковой документации рапорты представлены более широко, нежели в документации Астраханской губернской канцелярии.

4. Заключение = Conclusions

Рапорты в различных учреждениях юга России имели как сходство, так и различия в функционировании и речевой организации текстов. Они играли важную роль в документной коммуникации между инстанциями, занимающими разное положение в управленческой иерархии.

Сходство наблюдается в характере отношений между адресатом и адресантом документа: все рапорты направлялись от нижестоящего субъекта к вышестоящему, при этом адресат мог быть как индивидуальным (должностное лицо), так и коллективным (учреждение). В документах Войска Донского коллективными могли быть и адресат, и адресант — само Войско, все казаки станицы, что связано с традициями управления в казачьей среде.

Основная функция рапортов — информационная, при этом они могли сообщать о посылке тех или иных лиц, отсылке документов к адресату и сопровождать этих лиц, документы и т. д. Наряду с информационной рапорты иногда выполняли просительную функцию.

Различия проявляются в активности использования рапортов вообще и в той или иной функции в частности. В документации Войска Донского рапорты более многочисленны, чем в астраханской, где существенно преобладают доношения. Донские рапорты употребительнее астраханских в роли сопроводительных документов. В свою очередь астраханские источники часто содержат отчеты об имеющихся в наличии деньгах и вещах, сближаясь с ведомостями как финансовыми документами, что не отмечено в донских. Возможно, это было обусловлено сферой официальной коммуникации и по-разному проявлявшейся конкуренцией между видами документов: складывалась традиция использования рапортов именно в военной среде, тогда как в гражданской в подобной функции утверждались доношения (донесения).

Рассмотренные рапорты имеют сходный формуляр, включая такие реквизиты, как адресат, адресант, название, основной текст, дата и (редко) место создания. И в донских, и в астраханских источниках наблюдается варьирование последовательности расположения реквизитов в тексте (например, наличие или отсутствие указания на адресанта в начале документа).

Общее и вариативное наблюдается также в речевых средствах выражения реквизитов: при стандартности представления адресата варьируются формулы адресанта (род. пад. с предлогом или без), наименование самого документа в заголовке. Донские рапорты в конце документа называют адресанта в устойчивой формуле *о сем рапортуем*, астраханские содержат только имя (или собственно подпись) в им. пад.; донские предпочитают использование этикетного эпитета *покорнейший* при наименовании документа, астраханские — его отсутствие.

Анализ материала показал, что при всей текстовой вариативности рапортов они все больше входили в официальную коммуникацию уже в первой половине XVIII века, закрепляясь за определенной сферой государственного управления, происходила специализация их функции и унификация формы, что свидетельствует о складывавшихся в рассматриваемый период общих правилах делопроизводства.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАВО — Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332 (Михайловский станичный атаман). Ф. 332. Оп. 1. (При цитировании документов в статье указываются только номер дела и лист).
2. НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 36 (Состоящий при калмыцких делах, при Астраханском губернаторе, г. Астрахань). Ф. 36. Оп. 1. (При цитировании документов в статье указываются только номер дела и лист).
3. Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь / И. Нордстет. — Санкт-Петербург : Тип. И. К. Шнора, 1782. — Ч. 2. — 886 с.
4. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1. 1720—1722. — Санкт-Петербург : В Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 6. — 815 с.
5. САР — Словарь Академии Российской : в 6 т. — Санкт-Петербург : При Императ. Акад. наук, 1789. — Т. 1: А-Г. — 1150 стб.
6. СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. — Москва : Наука, 1975. — Выпуск 2. — 319 с.

Литература

1. Биктимирова Ю. В. Проблемы включения в научный оборот скорописных памятников делопроизводства XVII—XVIII вв. / Ю. В. Биктимирова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — № 10 (4). — С. 106—110.
2. Быкова Т. В. Жанрово-стилистические особенности и структура деловых документов учреждений просвещения г. Тобольска второй половины XVIII в. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Быкова. — Челябинск, 2012. — 20 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — Москва : Высшая школа, 1982. — 528 с.

4. *Выхрыстюк М. С.* Скорописные тексты делопроизводства Тобольского губернского правления конца XVIII в. как лингвистический источник / М. С. Выхрыстюк, Т. Н. Коваленко // Современные научные исследования : актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. — Пенза : Наука и Просвещение, 2016. — С. 79—81.
5. *Гедеева Д. Б.* О жанровом составе калмыцкой деловой письменности XVII—XIX вв. / Д. Б. Гедеева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2022. — № 3. — С. 10—15. — DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455>.
6. *Горбань О. А.* Доношения и рапорты донских казаков в середине XVIII в. : историко-ведический анализ / О. А. Горбань // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 45—59. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>.
7. *Документы Войска Донского XVIII века* : лингвистическое описание и тексты / О. А. Горбань, М. В. Косова, Е. М. Шептухина, Е. Г. Дмитриева, И. А. Сафонова. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-9669-2058-6.
8. *Живов В. М.* История языка русской письменности : в 2 т. / В. М. Живов. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — Т. 2. — 480 с. — ISBN 978-5-91244-185-1.
9. *Зиновьева Е. И.* Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XV—XVII веков (систематизирующий подход) / Е. И. Зиновьева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 9—26. — DOI: [10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26).
10. *Косова М. В.* Промемория как вид документа в делопроизводстве Войска Донского : система жанровых параметров / М. В. Косова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 16—21. — DOI: [10.14529/ling200303](https://doi.org/10.14529/ling200303).
11. *Майоров А. П.* Письменные памятники как источник «Словаря русского языка XVIII в. : Восточная Сибирь. Забайкалье» / А. П. Майоров // Язык в различных сферах коммуникации : материалы международной научной конференции / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : ЗабГУ, 2014. — С. 156—159.
12. *Майоров А. П.* Рапорты (репорты) как памятники истории русского языка XVIII века / А. П. Майоров // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. — 2009. — № 3 (26). — С. 131—133.
13. *Майоров А. П.* Эволюция делопроизводственной терминологии в XVIII в. : наименования регистрационных и других документов / А. П. Майоров // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. — 2019. — № 6 (74). — С. 115—122. — DOI: [10.25587/SVFU.2019.74.44575](https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.74.44575).
14. *Русанова С. В.* Доношение как просительный документ в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века / С. В. Русанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 1. — С. 6—16. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>. (2021a)
15. *Русанова С. В.* Наименования документов в законодательных актах и региональной деловой письменности XVIII века / С. В. Русанова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43. — № 5. — С. 58—65. — DOI: [10.15393/uchz.art.2021.637](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.637). (2021b)

16. Русанова С. В. О функциональной дивергенции жанра промемории XVIII в., конкуренции терминов и региональных внутрижанровых преобразованиях / С. В. Русанова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2015. — № 3. — С. 405—411.
17. Сафонова И. А. Структурные и речевые особенности доношений XVIII века (на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман») / И. А. Сафонова // Документ как текст культуры : сборник научных трудов. — Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2017. — Выпуск 9. — С. 48—52.
18. Спичак А. В. Доношения и рапорты как отчетные документы Тобольской епархии в XVIII — начале XX вв. / А. В. Спичак // Достижения вузовской науки. — 2016. — № 23. — С. 13—18.
19. Сусеева Д. А. К вопросу об исследовании языка документов первой половины XVIII в., хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия / Д. А. Сусеева // Вестник Калмыцкого университета. — 2014. — № 4 (24). — С. 57—62.
20. Сусеева Д. А. Русский язык XVIII века на окраинах России : переписка В. Н. Татищева с царицынским комендантом и другими лицами (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) / Д. А. Сусеева, Е. В. Брысина, В. И. Супрун. — Волгоград : Фортекс, 2019. — 196 с. — ISBN 978-5-903705-24-5.
21. Тупикова Н. А. Структурно-функциональные свойства документов в составе архивного фонда Царицынского городского магистрата / Н. А. Тупикова, С. А. Преферансов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 28 (243). — С. 106—108.
22. Шамшин И. В. Административная лексика в памятниках деловой письменности XVIII века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. В. Шамшин. — Москва, 1998. — 21 с.
23. Шамшин И. В. Иноязычные наименования документов в русской административной лексике XVIII века / И. В. Шамшин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». — 2007. — № 1. — С. 154—157.
24. Шептухина Е. М. Деловое письмо в системе региональных документов середины XVIII века / Е. М. Шептухина, Н. И. Тихонова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2021. — № 4. — С. 5—14.
25. Vlasto A. P. A linguistic history of Russia to the end of the eighteenth century / A. P. Vlasto. — Oxford : Clarendon Press, 1988. — 408 p. — ISBN 0-19-815662-6.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 21.10.2023.

Material resources

- GAVO — *State Archive of the Volgograd region. F. 332 (Mikhailovsky stanichny ataman). F. 332. Op. 1. (When quoting documents, only the case number and sheet are indicated in the article).* (In Russ.).
- NARC — *National Archive of the Republic of Kalmykia. F. 36 (Consisting of the Kalmyk affairs, under the Astrakhan Governor, Astrakhan). F. 36. Op. 1. (When quoting documents, only the case number and sheet are indicated in the article).* (In Russ.).
- Nordstet, I. (1782). *Russian, with German and French translations, dictionary*, 2. St. Petersburg: I. K. Shnora Type. 886 p. (In Russ.).

- PSZ — *The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649. Collection 1. 1720—1722*, 6. (1830). St. Petersburg: In the Type of the 2nd Department of its Own E. I. V. Chancellery. 815 p. (In Russ.).
- SAR — *Dictionary of the Academy of the Russian Federation: in 6 vols., 1: A-G*. (1789). St. Petersburg: Under the Emperor. Academy of Sciences. 1150 stb. (In Russ.).
- SRYA — *Dictionary of the Russian language of the XI—XVII centuries*, 2. (1975). Moscow: Nauka. 319 p. (In Russ.).

References

- Biktimirova, Yu. V. (2014). Problems of inclusion in scientific circulation of cursive monuments of office work of the XVII—XVIII centuries. *Bulletin of the Buryat State University*, 10 (4): 106—110. (In Russ.).
- Bykova, T. V. (2012). *Genre-stylistic features and structure of business documents of educational institutions of Tobolsk in the second half of the XVIII century*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 20 p. (In Russ.).
- Documents of the Don Army of the XVIII century: linguistic description and texts*. (2020). Volgograd: Publishing House of the Volga. 464 p. ISBN 978-5-9669-2058-6. (In Russ.).
- Gedeeva, D. B. (2022). On the genre composition of Kalmyk business writing of the XVII—XIX centuries. *Bulletin of the Buryat State University. Philology*, 3: 10—15. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1446-1455>. (In Russ.).
- Gorban, O. A. (2019). Denunciations and reports of the Don Cossacks in the middle of the XVIII century: source analysis. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relations*, 24 (4): 45—59. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.4>. (In Russ.).
- Kosova, M. V. (2020). Promoria as a type of document in the office work of the Don Army: a system of genre parameters. *Bulletin of SUSU. The series "Linguistics"*, 17 (3): 16—21. DOI: [10.14529/ling200303](https://doi.org/10.14529/ling200303). (In Russ.).
- Majorov, A. P. (2009). Reports (reports) as monuments of the history of the Russian language of the XVIII century. *Scientific notes of the N. G. Chernyshevsky Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University*, 3 (26): 131—133. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2019). Evolution of clerical terminology in the XVIII century: names of registration and other documents. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 6 (74): 115—122. DOI: [10.25587/SVFU.2019.74.44575](https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.74.44575). (In Russ.).
- Mayorov, A. P. (2014). Written monuments as a source of the "Dictionary of the Russian language of the XVIII century: Eastern Siberia. Transbaikalia". In: *Language in various spheres of communication: materials of the international scientific conference*. Chita: ZabGU. 156—159. (In Russ.).
- Rusanova, S. V. (2021). Denunciation as a petitioning document in legislative acts and regional business writing of the XVIII century. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20 (1): 6—16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.1>. (2021a). (In Russ.).
- Rusanova, S. V. (2021). Names of documents in legislative acts and regional business writing of the XVIII century. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 43 (5): 58—65. DOI: [10.15393/uchz.art.2021.637](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.637). (2021b). (In Russ.).
- Rusanova, S. V. (2015). On the functional divergence of the 18th-century promory genre, the competition of terms and regional intra-genre transformations. *Problems of History, philology, culture*, 3: 405—411. (In Russ.).

- Safonova, I. A. (2017). Structural and speech features of the XVIII century denunciations (based on the material of the archive fund “Mikhailovsky stanichny ataman”). In: *Document as a text of culture: a collection of scientific papers*, 9. Tula: Tula Production Printing Association. 48—52. (In Russ.).
- Shamshin, I. V. (1998). *Administrative vocabulary in the monuments of business writing of the XVIII century*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 21 p. (In Russ.).
- Shamshin, I. V. (2007). Foreign language names of documents in the Russian administrative vocabulary of the XVIII century. *Bulletin of the Moscow State Regional University. The series “Russian Philology”, 1*: 154—157. (In Russ.).
- Sheptukhina, E. M., Tikhonova, N. I. (2021). Business letter in the system of regional documents of the middle of the XVIII century. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 4: 5—14. (In Russ.).
- Spichak, A. V. (2016). Denunciations and reports as accounting documents of the Tobolsk diocese in the XVIII — early XX centuries. *Achievements of university science*, 23: 13—18. (In Russ.).
- Suseeva, D. A. (2014). On the issue of the study of the language of documents of the first half of the XVIII century, stored in the National Archive of the Republic of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk University*, 4 (24): 57—62. (In Russ.).
- Suseeva, D. A., Brysina, E. V., Suprun, V. I. (2019). *The Russian language of the XVIII century on the outskirts of Russia: V. N. Tatishchev’s correspondence with the Tsaritsyn commandant and other persons (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)*. Volgograd: Fortress. 196 p. ISBN 978-5-903705-24-5. (In Russ.).
- Tupikova, N. A., Preferences, S. A. (2011). Structural and functional properties of documents as part of the archival fund of the Tsaritsyn city magistrate. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 28 (243): 106—108. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1982). *Essays on the history of the Russian literary language of the XVII—XIX centuries*. 3rd ed. Moscow: Higher School. 528 p. (In Russ.).
- Vlasto, A. P. (1988). *A linguistic history of Russia to the end of the eighteenth century*. Oxford: Clarendon Press. 408 p. ISBN 0-19-815662-6.
- Vykhristyuk, M. S., Kovalenko, T. N. (2016). Cursive texts of the office work of the Tobolsk provincial government of the end of the XVIII century. as a linguistic source. In: *Modern scientific research: topical issues, achievements and innovations: a collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Education. 79—81. (In Russ.).
- Zhivov, V. M. (2017). *History of the language of Russian writing: in 2 volumes*, 2. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 480 p. ISBN 978-5-91244-185-1. (In Russ.).
- Zinovyeva, E. I. (2023). Stereotypic Formulas of Business Documents and Monuments of Common Language of Moscow Rus’ in 16th and 17th Centuries (Systematizing Approach). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 9—26. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26> (In Russ.).

*The article was submitted 24.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 21.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Иоанесян Е. Р. Иллокутивные показатели : сравнительно-типологический аспект / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 143—155. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-143-155.

Ioanesyan, E. R. (2023). Illocutionary Indicators: A Comparative-Typological Perspective. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 143-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-143-155. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-143-155

Иллокутивные показатели: сравнительно- типологический аспект

Иоанесян Евгения Рафаэлевна

orcid.org/0000-0002-4950-6315

доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник
сектора романских языков
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Illocutionary Indicators: A Comparative-Typological Perspective

Evgeniya R. Ioanesyan

orcid.org/0000-0002-4950-6315

Doctor of Philology,
Leading Researcher,
Sector of Romance Languages
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование находится в русле работ по речевым актам. Объектом описания являются иллокутивные единицы. Актуальность исследования обусловлена тем, что иллокутивные маркеры играют большую роль в процессах устной коммуникации. Интерес к рассматриваемым единицам определяется также тем, что отдельные иллокутивные конструкции с течением времени превращаются в метатекстовые показатели, дискурсивы. Основным значением иллокутивных единиц является выражение запрета, запрета и неодобрения, запрета и угрозы, неодобрения, несогласия, несогласия и возражения, отказа, согласия, требования прекращения действия, разрешения, угрозы, упрека, удивления, восхищения. Целью данной статьи является представление механизмов образования недескриптивного использования языковых единиц в иллокутивной функции. Выявляются модели образования иллокутивных идиом. Выделены классы единиц, способных выступать в качестве иллокутивных маркеров. Особенное внимание уделено иллокутивным выражениям с пропозициональными глаголами. Представлены также иллокутивные маркеры, образованные от глаголов физических действий, от глаголов, обозначающих движение, от глаголов, обозначающих физическое воздействие на объект. На большом количестве примеров из художественной литературы проведено сравнительно-сопоставительное исследование иллокутивов в разных языках: русском, белорусском, украинском, польском, английском, испанском, итальянском, немецком, португальском. Представлены лингвоспецифичные формулы.

Ключевые слова:

семантика; речевые акты; иллокутивные маркеры; лингвоспецифичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study is part of the research on speech acts. The object of description is illocutionary units. The relevance of the study is determined by the fact that illocutionary markers play a significant role in oral communication processes. The interest in the examined units is also determined by the fact that certain illocutionary constructions over time transform into metatextual indicators, discourse markers. The main meaning of illocutionary units is the expression of prohibition, prohibition and disapproval, prohibition and threat, disapproval, disagreement, disagreement and objection, refusal, agreement, demand for cessation of action, permission, threat, reproach, surprise, admiration. The aim of this article is to present the mechanisms of formation of non-descriptive use of linguistic units in illocutionary function. The models of formation of illocutionary idioms are identified. Classes of units capable of serving as illocutionary markers are distinguished. Special attention is paid to illocutionary expressions with propositional verbs. Illocutionary markers formed from verbs denoting physical actions, verbs denoting movement, and verbs denoting physical impact on an object are also presented. A comparative study of illocutionary markers in different languages — Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, English, Spanish, Italian, German, Portuguese — is conducted using a large number of examples from literary works. Linguistically specific formulas are presented.

Key words:

semantic; speech acts; illocutionary markers; linguistic specificity.

Иллокутивные показатели: сравнительно-типологический аспект

© Иоанесян Е. Р., 2023

1. Введение = Introduction

Исследование находится в русле работ по речевым актам, которым посвящено много глубоких, интересных не только лингвистических, но и философских работ, см., например, [Грайс, 1985; Серль, 1986; Green, 2000; Holtgraves et al., 2001]. Объектом описания выступают иллокутивные единицы, основными значениями которых является выражение запрета, запрета и неодобрения, запрета и угрозы, неодобрения, несогласия, несогласия и возражения, отказа, согласия, требования прекращения действия, разрешения, угрозы, упрека, удивления, восхищения, например: *Валяй; Давай; Даже не думай!; Даже не мечтай!; Забудь!; И думать забудь!; И не говори!; И не спрашивай!; Как знать; Как знаешь; Не скажи; Ну, знаешь!; Ну, ты даешь!; Ну, ты скажешь!; Обойдешься!; Подумаешь!; Поговори у меня!; Размечтался!; Смотри (у меня)!; Ты меня еще вспомнишь!; Ты подумай!* и др.

Целью данной статьи является представление механизмов, моделей образования иллокутивных идиом, анализ функционирования языковых единиц в функциях иллокутивов. Особенное внимание было уделено иллокутивным выражениям с пропозициональными глаголами, то есть глаголами, управляющими пропозициональным дополнением, рус. *думать, забывать, знать, мечтать, считать, говорить* и их аналогами в других языках. Это обусловлено тем, что, как отмечено в работе Г. И. Кустовой, пропозициональные предикаты являются одними из самых продуктивных «поставщиков» иллокутивов [Кустова, 2012, с. 357].

Новизна нашего исследования заключается в том, что было проведено сравнительно-сопоставительное исследование иллокутивных конструкций в разных языках — русском, белорусском, украинском, польском, английском, испанском, итальянском, немецком, португальском, были представлены лингвоспецифичные формулы.

Изучению иллокутивов посвящено много глубоких лингвистических исследований [Кустова, 2012; Романов и др., 2013; Серль, 1986; Хохлова, 2004; Чирнов, 2016; Green, 2000 и др.]. Интерес к этим единицам обусловлен также тем, что, как отмечено в работе Г. И. Кустовой, часто следую-

щим этапом семантического развития иллокутивов является образование дискурсивов [Кустова, 2012, с. 363]; см., например, нашу статью о дискурсивных единицах [Иоанесян, 2022].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования были использованы данные электронных языковых ресурсов и корпусов, одноязычных и двуязычных словарей, толковых словарей [АРФС; АСР; ИРФС; НБАРС; НРФС; СУМ; ФРФС; DCLF; DECF и др.]. Методологической базой послужили исследования наших отечественных ученых [Кустова, 2012; Романов и др., 2013; Хохлова, 2004; Чиронов, 2016], а также специалистов других стран, например, [Вежбицкая, 1978; Cowi, 2001; Green, 2000; Holtgraves, 2001; Iordanskaja et al., 2011; Kahloul, 2013; Kimps et al., 2008; Ohara, 2013; Onodera, 2011; Salgueiro 2010].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантика иллокутивных выражений

Как отмечается в работах по этой теме, основными значениями иллокутивов являются выражения 1. Согласия, например, *идет*; 2. Разрешения, например, *давай*; 3. Запрета — *и не пытайся*; 4. Угрозы, например, *смотри у меня*; 5. Запрета и угрозы, например, *только попробуй!*; *поговори у меня!*; 6. отказа, например, *обойдешься*; 7. Упрека, например, *стыдно!*; 8. Удивления, например, *ты подумай!*; 9. Удивления и восхищения, например, ну, *ты даешь!*

3.2. Модели образования иллокутивов

Мы выделили следующие основные модели образования иллокутивных выражений: 1. Образование иллокутивов от пропозициональных предикатов. 2. Образование иллокутивов от глаголов, обозначающих физическое воздействие. 3. Образование иллокутивов от глаголов движения. Существует также целый ряд иллокутивов, в том числе лингвоспецифичных, производных от единиц самых разных классов.

Необходимо отметить, что существуют формы, функционирующие не только в функции иллокутивов, но и в функции дискурсивов, например, рус. *брось*, *иди ты*, *не говори*, *погоди*, *постой*, см. [Кустова, 2012, с. 364]. Приведем для иллюстрации пример использования формы русского выражения *Иди ты!* в функции дискурсива и иллокутива: (а) «*Он теперь депутат*». «*Иди ты!*» «*Серьезно*» (Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016) [НКРЯ], дискурсив, выражение удивления; (б) — *Давай потом поговорим. — Да иди ты! Девушка-воин гордо развернулась и ушла в самую глубь нижегородских джунглей* (Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)) [Там же], иллокутив, выражение отказа.

3.2.1. Образование иллокутивных формул от пропозициональных предикатов

Как отмечено в работе Г. И. Кустовой [Кустова, 2012, с. 357], особенно продуктивными «поставщиками» иллокутивов являются пропозициональные глаголы, то есть глаголы, управляющие пропозициональным дополнением, например, рус. *видеть, говорить, думать, забывать, знать, мечтать, считать*, и их аналоги в других языках: франц. *Croire* — ‘думать’, ‘верить’, *dire* — ‘говорить’, *penser* — ‘думать’, *parler* — ‘говорить’, *regarder* — ‘смотреть’, *rêver* — ‘мечтать’; англ. *forget* — ‘забывать’, *look* — ‘смотреть’, *mind* — ‘остерегаться, беречься, обращать внимание’, *see* — ‘видеть’, *think* — ‘думать’, *watch* — ‘смотреть’; исп. *creer* — ‘считать, полагать’, *decir, hablar* — ‘говорить’, *ver* — ‘видеть’; ит. *credere* — ‘считать’, ‘верить’, *dire, parlare* — ‘говорить’, нем. *sehen* — ‘видеть’, *glauben* — ‘думать’, *zweifeln* — ‘сомневаться’; порт. *dizer* — ‘говорить’, *pensar* — ‘думать’ и др. Приведем несколько примеров:

(1) Франц. *rêver* — ‘мечтать’. *Le voilà qui rêve* ≈ ‘вот мечтатель-то’; букв. ‘вот кто мечтает’. *Автомобили, деньги, женщины... — Смотри-ка, размечтался!* — *вставила Маруся* (Сергей Довлатов. Иностранка, 1986). *Les voitures, l'argent, les femmes...* — *Regardez-le, le voilà qui rêve*, glissa Maroussia [НКРЯ]. Ср. рус. *размечтался!* (2) Исп. *creer* — ‘считать, полагать’. *Ya lo creo* — ‘я так считаю’: — *¿La del Burelo, el de los clavos?* — *Ésa; sí, señor: — Ésa está muy bien, ¿eh?* — *Ya lo creo, ésa casó muy bien* (Camilo José Cela. La Colmena, 1951). — Жена Бурело, того, что гвоздями торгует? — Она самая, точно. — Хорошо живет, наверно. *Я думаю!* Замуж она вышла очень удачно [Там же]. (3) Англ. *see* — ‘видеть, смотреть’. — *Пошли качаться, у меня билет есть. Ты не трусишь?* — *Сказал, — засмеялась девчонка. — Смотри, как бы ты сам не трусил* (Радий Погодин. Мы сказали клятву, 1960). “Come on, let’s have a go. I have a spare ticket. You aren’t scared, are you?” “Scared?” the girl laughed confidently. “See that you don’t get scared yourself” [Там же]. (4) Англ. *forget* — ‘забывать’. *Она девушка хорошая, хозяйственная, многие на неё заглядываются, и это не удивительно... Не знаю, как ты к ней, но что бы я тебе посоветовал? Брось ты все эти глупости, не для тебя они* (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Обитаемый остров, 1971). *She’s an attractive, practical girl and has many admirers. I don’t know how you feel about her, but let me give you a piece of advice. Forget all this nonsense, It’s not for you* [Там же]. (5) Англ. *Think* — ‘думать’. “*They set up with her all night, Miss Mary Jane said, and they don’t think she’ll last many hours. “Only think of that, now!”* (Mark Twain. The Adventures of Huckleberry Finn, 1884). Мисс Мэри Джейн говорила, что родные сидели около нее всю ночь, — боялся, что она и дня не проживет. — Подумать

только! [Там же]. (6) Нем. *Glauben* — ‘думать’. »*Mensch, Willy, ich wollte, ich wäre wie du! «sage ich dann. «Das glaube ich», schmunzelt er* (Erich Maria Remarque. *Der Weg zurück*, 1931). — Эх, брат, хотел бы я быть таким, как ты! — говорю я. — Ну еще бы! — Он ухмыляется [Там же]. (7) Белор. *хацець* — ‘хотеть’. — *Ану-ка, гані пару кілбас!* — Ого, чаго захацелі!! *З ката я іх вам нараблю?* (Васіль Быкаў. Сотнікаў (1970)). — Тогда гони пару колбас! — Еще чего захотели! Из кошки я их вам наделаю? (Васіль Быкаў. Сотнікаў, 1970) [Там же].

Приведем примеры лингвоспецифичных иллокутивных формул с позиционными предикатами:

Формулы несогласия, возражения, неодобрения и запрета, отказа.

1. Франц. *Croire* — ‘верить’; ‘думать’. *T’as qu’à croire* — ‘тебе остается только верить’: «*T’as qu’à croire. Ne te fie pas aux impressions, c’est loin d’être sûr*» [RC, 244], ‘не доверяй впечатлениям, это далеко не так’, ≈ ‘брось’.
2. Франц. *Penser* — ‘думать’; *vous n’y pensez pas* — ‘вы об этом не думаете’. *À vingt et une heures quarante-cinq, alors que le jour n’était plus qu’un halo flottant au-dessus de la ligne d’horizon, Rodik demanda à Pratt d’interrompre les recherches pour la nuit. — Interrompre les recherches? protesta Pratt. Vous n’y pensez pas. Imaginez qu’elle soit quelque part, juste là, encore vivante, à attendre des secours* (Joël Dicker. *La Vérité sur l’Affaire Harry Quebert*, 2012). В двадцать один час сорок пять минут, когда от солнца остался лишь зыбкий ореол над линией горизонта, Родик предложил Пратту на ночь приостановить поиски. — Приостановить поиски? — возразил Пратт. — Даже не думайте. Представьте, что она где-то здесь, еще живая, ждет помощи [НКРЯ].
3. Франц. *Parler* — ‘говорить’; *tu parles* — ‘ты говоришь’. «А: *Tu devrais téléphoner à Marie*. В: *Tu parles! Après ça qu’elle à dit de moi!*» [DECF IV, 338]; ‘А: Тебе нужно бы позвонить Мари. В: Еще чего! после всего того, что она наговорила обо мне!’. 4. Франц. *reparler* ≈ ‘еще раз поговорить’. *On en reparlera*, букв. мы еще об этом поговорим’. «Посмотрим: *J’ai l’impression que tu as pris une bonne correction — On en reparlera. Je ne me tiens pas pour battu!*» [ГрГр, 521], ‘мне кажется, тебе здорово досталось. — Еще посмотрим! Я не считаю, что проиграл!’. 5. Исп. *Hablar* — ‘говорить’. *¡Ni hablar!* — букв. ‘не говорить’; «*¡ni hablar!* И речи быть не может» [ИРФС, с. 311]; — *Usted se va ahora mismo a la cama, Fermín, por el amor de Dios - dijo mi padre, horrorizado. — Ni hablar* (Carlos Ruiz Zafón. *La sombra del viento*, 2001). — Фермин, ради всего святого, немедленно в постель, — в ужасе произнес отец. — И не подумаю [НКРЯ]. 6. Ит. *Dire* — ‘говорить’. *Puoi dirlo!* — ‘можешь сказать так’: «*Puoi dirlo! Sicuramente*» [SCD], ‘конечно, безусловно’. 7. Ит. *parlare* — ‘говорить’; *tu parli bene* — ‘ты хорошо говоришь’. — *Scappando dalla bocca del Pesce-cane e gettandosi a nuoto in*

mare. — *Tu parli bene; ma io, caro Pinocchio, non so nuotare* (Carlo Collodi. Pinocchio, 1883). Мы должны пробраться через пасть Акулы и выпрыгнуть в море. — Это легко сказать, мой милый Пинокио. Дело в том, что я не умею плавать [НКРЯ]. 8. Франц. *Voir* — ‘видеть’. *Voyons!*; *voyons* — повел., мн. *Уж не спать ли вы собираетесь?* — спрашивала она, строго поглядев ему попеременно в один глаз, потом в другой. — *Что вы!* — живо возразил Обломов. — *Спать днем! Мне просто скучно* (И. А. Гончаров. Обломов, 1848—1859). *Vous vous préparez à dormir!* dit-elle, fixant d’abord un de ses yeux, puis l’autre. — *Voyons!* répondit vivement Oblomov, dormir dans l’après-midi! Non, je m’ennuie, tout simplement [Там же].

Формула согласия. 1. Франц. *Tu l’as dit* — ‘ты это сказал’: «*Tu l’as dit* marque l’approbation» [DCLF I, p. 83], ‘*Tu l’as dit* выражает согласие’. 2. Франц. *Je ne te/vous le fais pas dire* — ‘я не заставлял тебя/вас это говорить’: «Вот именно, так и есть» [ГрГр, с. 225]. «*Je ne vous le fais pas dire*. Vous venez de m’apporter un argument sans que je le sollicite» [RC, p. 284], ‘Вы сами, без моей просьбы, представили аргумент в доказательство этого’. «*Félix. Je suis stupide! Edith. Je ne vous le fais pas dire* (J. Cocteau / L’aigle à deux têtes). Феликс. Я болван! Эдит. Не смею возражать» [ФРФС, с. 354]. 3. Англ. *Don’t ask*. “*Mom’s birthday party. He laughed. “Sounded like you were having a real good time there.” “Don’t ask.”* (Tess Gerritsen. The Apprentice, 2002). — День рождения у моей матери. Он рассмеялся: — Судя по вашему голосу, время вы там провели просто здорово. — И не говорите [НКРЯ]. 4. Англ. *Don’t talk about it*. “*You’ve made a new one there, I said to her. “Don’t talk about it. Poor chap.”* (Ernest Hemingway. The Sun Also Rises, 1926). — Еще одна жертва, — сказал я ей. — И не говорите. Бедный мальчик [Там же]. В английском языке использован глагол *talk*, не являющийся пропозициональным предикатом. 4. Англ. *I should say so*. “*I’m awfully hungry. “Why, Eureka, “said Dorothy, reproachfully, “what a cruel question! It would be dreadful to eat these dear little things. “I should say so! “grunted another of the piglets, looking uneasily at the kitten; “cats are cruel things. ”* (L. Frank Baum. Dorothy and the Wizard in Oz, 1908). — Я ужасно голоден. — Что ты, Эврика, — укоризненно сказала Дороти, — о чем ты просишь! Съесть этих милых крошек?! Ни в коем случае! — Нельзя, никак нельзя! — хрюкнул другой поросенок, встревоженно оглядываясь на кота [Там же]. 5. Нем. *Daran ist nicht (mehr) zu zweifeln* — ‘в этом можно (больше) не сомневаться’. “*Впрочем, мы друга понять не можем; я, по крайней мере, не имею чести вас понимать. “Еще бы!* — воскликнул Базаров. — *Человек все в состоянии понять — и как трепещет эфир, и что на солнце происходит; а как другой человек может иначе сморкаться, чем он сам сморкается, этого он понять не в состоянии.*” (И. С. Тургенев. Отцы и дети, 1860—1861). “Übrigens werden wir

uns nie verständigen. Ich wenigstens habe nicht die Ehre, Sie zu begreifen.” “Ich zweifle nicht daran, — rief Bazaroff. — Der Mensch kann alles begreifen: die Schwingungen des Äthers und die Veränderungen, die in der Sonne vorgehen; aber er wird nie begreifen, daß man sich anders schneuzen könne, als er es tut.” [Там же]. 6. Ит. *Lo credo bene!* Тут я и сумления моего решил, потому его грех, как есть...» — *Еще бы!...* — проговорил Зосимов (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 5—8), 1873—1877). Allora, mi sono liberato del mio dubbio, perché è chiaro che il peccato l’ha commesso lui...». «*Lo credo bene!...*» disse Zòsimov [Там же]. «*Credere* — верить, считать истинным; *credo bene!* — охотно верю!; ещё бы!» [ИРС, с. 213].

Формула запрета и угрозы. 1. Нем. *Du hast hier nichts zu sagen!* »*Wir können ihn nicht einfach so tragen wie die anderen.*« »*Du hast hier nichts zu sagen!*« (Erich Maria Remarque. Der Funke Leben, 1952). — Неудобно его просто так тащить, как всех прочих. — Поговори у меня еще! Пока что мы здесь приказываем! [НКРЯ]. 2. Ит. *Ripetilo ancora.* — ‘повтори еще раз’. Живодер! — Отвори! — крикнул Андрей Ефимыч, дрожа всем телом. — Я требую! — Поговори еще! — ответил за дверью Никита (А. П. Чехов. Палата № 6, 1892). «Scorticare!» «Aprì!» gridò Andrèj Efîmyč, tremando in tutto il corpo. «Lo esigo!» «*Ripetilo ancora!*» rispose dietro la porta Nikíta; *ripetilo ancora!* — ‘повтори это еще раз’ [Там же]. 3. Англ. ‘*You are an after-school special, Elody says. The warning kind.*’ ‘*You should talk, slutsky*’ (Lauren Oliver. Before I fall, 2010). — Ты и есть шишка, — соглашается Элоди, — опасная для общества. — Поговори мне тут, шлюшка! [Там же].

3.2.2. Образование иллокутивных формул от предикативных единиц других классов

Другой класс предикатов, от которых образуются иллокутивы, представлен глаголами физических действий, движения, например: 1. Рус. *валять*: «Говорящий разрешает человеку А1 сделать что-л. или побуждает человека А1 сделать что-л.» [АСР, т. 2, с. 15]. — *Теперь мы будем за тобой наблюдать.* — Валийте! — разрешил я [НКРЯ]. 2. — *А вы кто?* — спросила Дашкова. — *Я, с вашего позволения, директор.* — *Вот вы и должны бежать за пивом, а не Спиваков.* — *Щас!* — съязвил директор. — Разбежался! [Там же]. 3. Чеш. *Nechat* — ‘бросать’/ *Какого Жухрая? Я ничего не знаю. Мало ли чего мне пришьют. Но Долинник, улыбаясь, подвинулся к нему ближе:* — *Брось, дружок, передо мной не запирайся. Я больше твоего знаю* (Николай Островский. Как закалялась сталь (ч. 1), 1930—1934). “*Jakého Žuchraje, já o ničem nevím. Copak je toho málo, co mně už hodili na krk?*” Ale Dolinník se usmíval a přisunul se k němu blíže. “*Nech toho, přítelíčku, mně to nemusíš zapírat Vím víc než ty*” [Там же]. 4. Франц. *Aller* — ‘идти’. *Allons donc* (букв. ‘пойдем же’): «*Sert à nier, à contredire*» [DCLF I, p. 226], ‘используется для

возражения'. *Va donc* (букв. 'иди же'): «Et tu voudrais que je te cède ma place? Va donc!» [ГрГр, с. 610], 'и ты хотел бы, чтобы я уступил тебе свое место? Разбежался!'. 5. Франц. *Et allez donc*: «Exclamation ironique, à l'égard de ce qui «у va un peu fort» [RC, p. 17], 'ироничное высказывание в ответ на то, что слишком громко сказано'. 5. Нем. *Gehen* — 'идти'. *Es geht*: «Es geht! хорошо!, ладно!, идет!» [НРФС, с. 278].

Примеры лингвоспецифичных иллокутивных формул: 1. Укр. формулы с глаголом *катати* — 'катать': «для выраження енергійної, швидкої дії, спонукання до дії [Овчаренко:] Вибачте, я трохи затягнув лекцію. Я пропускаю кілька сторінок. [Голоси з місць:] «Нічого, нічого!»^ «Катай, катай усе...і^ (Корн., II, 1955, 321)» [СУМ, т. 4, с. 116], 'для выражения энергичного, быстрого действия, для побуждения к действию'. — Как же так, пане хорунжий, а ежели по доброму согласию? <...> — Ну, конечно, если по доброму согласию, валяйте (Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1), 1930—1934). — Як же це так, пане хорунжий, а коли по добрій згоді? <...> — Та, звичайно, коли по добрій згоді, катайте. 2. Укр. формулы с глаголом *шкварити*: 'жарить' [СУМ, т. 11, с. 472]. — *Химия дает более интересную линию прически, как будто она раскидана ветром. Мне вдруг захотелось, чтобы у меня прическа была раскидана ветром. — Валяйте свою химию, — сказала я (И. Грекова. Дамский мастер (1963)). — Хімія дає цікавішу лінію зачіски, наче вона розкидана вітром. Мені раптом захотілося, аби в мене була зачіска, розкидана вітром. — Шкварте свою хімію, — сказала я [НКРЯ]. 3. Англ. *Come, come!*: «Полноте!, ну, ну!; да что вы!, право же!» [АРФС, с. 164]. *You went from me to — oh! Come, come, Scarlett! Don't play the deceived wife* (Margaret Mitchell. *Gone with the Wind*, Part 2 (1936)). — Значит, прямо от меня вы направились... о-о! — Полно, полно, Скарлетт! Нечего разыгрывать обманутую жену [НКРЯ]. 4. Англ. *Go ahead*: «Вперед!» [НБАРС, т. II, с. 49]. *When I said I'd call the cops, the boy snorted. "Go ahead."* (Emma Cline. *The Girls*, 2016). Когда я сказала, что вызову полицию, мальчик фыркнул: — Валяй [Там же]. 5. Англ. *Go along/ go on with you*: «Go along (или on) with you хватит! *Stella*. Let me powder your nose... *Maurice*. Go on with you (*W. S. Maugham, 'The Sacred Flame', act I*). Стелла. Давай я напудрю тебе нос. Морис. Хватит нести чепуху, Стелла!» [АРФС, с. 317]. 6. Франц. *N'en jetez plus* (букв. 'больше не бросайте это'): «Хватит, довольно!» [ГрГр, с. 326]. *Jeter* — 'бросать'. 7. франц. *Viens*-у: «(Выражает вызов) попробуй-ка» [Там же, с. 617]. *Venir* — 'приходить'; *viens*-у — букв. 'приходи сюда'.*

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование посвящено иллокутивным показателям, недескриптивному использованию языковых единиц в иллокутивной

функции, в функции выражения запрета, неодобрения, отказа, разрешения, несогласия, несогласия и возражения, согласия, угрозы, упрека, удивления, восхищения. Были выделены классы единиц, способных выступать в указанной функции, представлены модели образования иллокутивных маркеров:

1. Образование иллокутивов от пропозициональных предикатов — глаголов, управляющих пропозициональным дополнением, например, рус. *видеть, говорить, думать, забывать, знать, мечтать, считать* и их аналогов в других языках.

2. Образование иллокутивов от предикатов других классов: 1) от глаголов, обозначающих физическое действие или воздействие, например, рус. *валить, бросать* и их аналогов в других языках. 2) от глаголов движения, например, рус. *идти* и его аналогов в других языках.

Новизна нашего исследования видится в том, что на большом количестве примеров из художественной литературы было проведено сравнительно-сопоставительное исследование иллокутивных конструкций в разных языках — русском, белорусском, украинском, польском, английском, испанском, итальянском, немецком, португальском; были представлены лингвоспецифичные формулы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что иллокутивные маркеры играют огромную роль в процессах устной коммуникации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АРФС — *Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. — Москва : Русский язык, 1984. — 944 с.
2. АСР — *Активный* словарь русского языка / В. Ю. Апресян и др. ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — Т. 2 : В—Г. — 736 с. — ISBN 978-5-9906039-2-9.
3. ИРФС — *Испанско-русский* фразеологический словарь : 30000 фразеологических единиц / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая ; Под ред. Э. И. Левинтовой. — Москва : Рус. яз., 1985. — 1080 с.
4. НБАРС — *Новый* большой англо-русский словарь : в 3-х т. — Москва : Русский язык, 1993—1994. — 832 с.
5. НРФС — *Немецко-русский* фразеологический словарь / Составитель Л. Э. Бинович. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. — 904 с.
6. СУМ — *Словник української мови*. В 11 т. [Электронный ресурс]. — Київ : Наукова думка, 1970—1980. — Т. 4. — Режим доступа : https://archive.org/details/bilodid_slovnyk. (дата обращения 04.09.2023).

7. СУМ — *Словник української мови*. В 11 т. [Электронный ресурс]. — Київ : Наукова думка, 1970—1980. — Т. 11. — Режим доступа : https://archive.org/details/bilodid_slovnyk. (дата обращения 04.09.2023).
8. ФРФС — *Французско-русский фразеологический словарь* / под ред. Я. И. Рецкера. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. — 1112 с.
9. DCLF I — *Le Dictionnaire culturel en langue française* // Sous la direction d'Alain Rey. — Paris : Dictionnaires Le Robert, 2000. — Т. I. — 2356 p.
10. DECF IV — *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV*. — Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 1999. — 348 p.
11. RC — *Rey A. Dictionnaire des expressions et locutions* / A. Rey, S. Chantreau. — Paris : Dictionnaires LE ROBERT, 2003. — 888 p. — ISBN 2850362743.
12. SCD — *Il Sabatini-Coletti* : Dizionario della lingua italiana [Electronic resource]. — Milano : Rizzoli Larousse, 2007. — Access mode : <http://dizionari.corriere.it>. (accessed 04.09.2023).

Литература

1. Вежбицкая А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. — 1978. — Выпуск 8. — С. 402—421.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. — 1985. — Выпуск 16. — С. 217—237.
3. Иоанесян Е. Р. Дискурсивные формулы, производные от пропозициональных предикатов / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 24—39. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39>.
4. Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии / Г. И. Кустова // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — С. 349—366.
5. Романов А. А. Иллокутивные действия и условия их осуществления в дискурсе [Электронный ресурс] / А. А. Романов, Н. А. Белоус // Мир лингвистики и коммуникации. — 2013. — № 3 (32). — Режим доступа : http://tverlingua.ru/archive/032/content_032e.htm (дата обращения 04.09.2023).
6. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. — 1986. — Выпуск 17. — С. 170—194.
7. Хохлова Н. В. Способы выражения речевого акта угрозы в английском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. В. Хохлова. — Волгоград, 2004. — 24 с.
8. Чиронов С. В. Иллокутивные глаголы порицания в японском языке / С. В. Чиронов // Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, Филологический аспект. — 2016. — № 5 (13). — С. 73—81.
9. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе речи (материалы к транспозиционной грамматике русского языка) / В. В. Шигуров. — Москва : Academia, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-87444-342-9.
10. Cowie A. P. Speech formulae in English : problems of analysis and dictionary treatment / A. P. Cowie. — Groningen : Center for language and Cognition, 2001. — Pp. 1—12.
11. Green M. Illocutionary Force And Semantic Content / M. Green // Linguistics and Philosophy. — 2000. — № 23 (5). — Pp. 435—473.
12. Holtgraves T. Comprehending illocution-ary force / T. Holtgraves, A. Ashley // Memory & Cognition. — 2001. — № 29 (1). — Pp. 83—90.

13. Iordanskaja L. Illocutive parenthetical verbs in Russian / L. Iordanskaja, I. Mel'čuk Igor // Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory. — Barcelona : [b. i.], September 8—9, 2011. — Pp. 120—133. — ISBN 978-84-615-1.
14. Kahloul M. *Vas-y* marqueur d'attitude énonciative : du mouvement au mouvement d'humeur / M. Kahloul // Langue française. — 2013. — № 4 (&180). — Pp. 65—80.
15. Kimps D. Illocutionary force and conduciveness in imperative constant polarity tag questions : A typology / D. Kimps, K. Davidse // Text & Talk — An Interdisciplinary Journal of Language Discourse Communication Studies. — December 2008. — Pp. 699—722.
16. Ohara K. H. Toward Constructicon Building for Japanese in Japanese FrameNet / K. H. Ohara // Veredas — Revista de Estudos Linguísticos. — 2013. — V. 17. — N. 1. — Pp. 11—28.
17. Onodera N. O. The grammaticalization of discourse markers / N. O. Onodera // The Oxford handbook of grammaticalization. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2011. — Pp. 614—624.
18. Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory / A. B. Salgueiro // Pragmatics. — 2010. — № 20. — Pp. 213—228.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

- ARFS — Kunin, A. V. (1984). *A LARGE English-Russian phraseological dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk. 944 p. (In Russ.).
- ASR — Apresyan, Yu. D. (ed.). (2014). *Active dictionary of the Russian language*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 736 p. (In Russ.).
- DCLF I — Le Dictionnaire culturel en langue française. In: *Sous la direction d'Alain Rey, I.* (2000). Paris: Dictionnaires Le Robert. 2356 p. (In French).
- DECF IV — *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexico-sémantiques IV.* (1999). Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal. 348 p. (In French).
- FRFS — *French-Russian phraseological dictionary*. (1963). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1112 p. (In Russ.).
- IRFS — *Spanish-Russian Phraseological dictionary: 30,000 phraseological units.* (1985). Moscow: Russkiy yazyk. 1080 p. (In Russ.).
- NBARS II — *A new large English-Russian dictionary: in 3 volumes.* (1993—1994). Moscow: Russian language. 832 p. (In Russ.).
- NRFS — *German-Russian phraseological dictionary.* (1955). Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 904 p. (In Russ.).
- RC — Rey, A., Chantreau, S. (2003). *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris: Dictionnaires LE ROBERT. 888 p. ISBN 2850362743. (In French).
- SCD — *Il Sabatini-Coletti: Dizionario della lingua italiana.* (2007). Milano: Rizzoli Larousse. Available at: <http://dizionari.corriere.it>. (accessed 04.09.2023). (In Ital.).
- SUM 11 — *Dictionary of Ukrainian. In 11 vols., 11.* (1970—1980). Kiev: Naukova Dumka. Available at: https://archive.org/details/bilodid_slovnyk (accessed 04.09.2023). (In Ukrain.).
- SUM 4 — *Dictionary of Ukrainian. In 11 vols., 4.* (1970—1980). Kiev: Naukova Dumka. Available at: https://archive.org/details/bilodid_slovnyk (accessed 04.09.2023). (In Ukrain.).

References

- Chironov, S. V. (2016). Illocutionary verbs of censure in the Japanese language. *Languages of the peoples of foreign countries of Europe, Asia, Africa, Philological aspect*, 5 (13): 73—81. (In Russ.).
- Cowie, A. P. (2001). *Speech formulae in English: problems of analysis and dictionary treatment*. Groningen: Center for language and Cognition. 1—12.
- Green, M. (2000). Illocutionary Force And Semantic Content. *Linguistics and Philosophy*, 23 (5): 435—473.
- Grice, G. P. (1985). Logic and speech communication. New in foreign linguistics. *Linguistic pragmatics*, 16: 217—237. (In Russ.).
- Holtgraves, T., Ashley, A. (2001). Comprehending illocution-ary force. *Memory & Cognition*, 29 (1): 83—90.
- Ioanesyan, E. R. (2022). Discursive Formulas Derived from Propositional Predicates. *Nauchnyi dialog*, 11 (8): 24—39. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-24-39. (In Russ.).
- Iordanskaja, L., Mel'čuk Igor, I. (2011). Illocutive parenthetical verbs in Russian. In: *Proceedings of the 5th International Conference on Meaning-Text Theory*. Barcelona: [b. i.]. 120—133. ISBN 978-84-615-1.
- Kahloul, M. (2013). Vas-y marqueur d'attitude énonciative: du mouvement au mouvement d'humeur. *Langue française*, 4 (&180): 65—80. (In French).
- Khokhlova, N. V. (2004). *Ways of expressing the speech act of threat in English*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 24 p. (In Russ.).
- Kimps, D., Davidse, K. (2008). Illocutionary force and conduciveness in imperative constant polarity tag questions: A typology. *Text & Talk — An Interdisciplinary Journal of Language Discourse Communication Studies*. December: 699—722.
- Kustova, G. I. (2012). About illocutionary phraseology. In: *Meanings, texts and other exciting plots. Collection of articles in honor of the 80th anniversary of I. A. Melchuk*. Moscow: Languages of Slavic culture. 349—366. (In Russ.).
- Ohara, K. H. (2013). Toward Constructicon Building for Japanese in Japanese FrameNet. *Veredas — Revista de Estudos Linguísticos*, 17 (1): 11—28.
- Onodera, N. O. (2011). The grammaticalization of discourse markers. In: *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press. 614—624.
- Romanov, A. A., Belous, N. A. (2013). Illocutionary actions and conditions for their implementation in discourse. *The world of linguistics and communication*, 3 (32). Available at: // http://tverlingua.ru/archive/032/content_032e.htm (accessed 04.09.2023). (In Russ.).
- Salgueiro, A. B. (2010). Promises, threats, and the foundations of speech act theory. *Pragmatics*, 20: 213—228.
- Serl, J. R. (1986). Classification of illocutionary acts. New in foreign linguistics. *Theory of speech acts*, 17: 170—194. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2009). *Interjection as a type of stepwise transposition of linguistic units in the speech system (materials for the transpositional grammar of the Russian language)*. Moscow: Academia. 464 p. ISBN 978-5-87444-342-9. (In Russ.).
- Vezhbtskaya, A. (1978). Metatext in the text. New in foreign linguistics. *Linguistics of the text*, 8: 402—421. (In Russ.).

*The article was submitted 04.09.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

Информация для цитирования:

Краснопеева Е. С. Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 156—178. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178.

Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S. (2023). Network Nature of Translation Constellations: Translation Department at a Regional Commercial Enterprise. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 156-178. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178

Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия)

Краснопеева Екатерина Сергеевна*

orcid.org/0000-0002-3503-1849

Researcher ID O-9138-2018

кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории

и практики перевода;

старший научный сотрудник,

***корреспондирующий автор**

krasnopeyeva@gmail.com

Краева Светлана Сергеевна

orcid.org/0000-0002-2039-4022

Researcher ID S-2254-2017

кандидат филологических наук,

доцент кафедры теории

и практики перевода

kraeva.svetlana@gmail.com

Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта
Российского научного фонда № 23-28-10218,
<https://rscf.ru/project/23-28-10218/>,
и Челябинской области в Челябинском
государственном университете

Network Nature of Translation Constellations: Translation Department at a Regional Commercial Enterprise

Ekaterina S. Krasnopeyeva *

orcid.org/0000-0002-3503-1849

Researcher ID O-9138-2018

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Theory and

Practice of Translation;

Senior Researcher,

***Corresponding author**

krasnopeyeva@gmail.com

Svetlana S. Kraeva

orcid.org/0000-0002-2039-4022

Researcher ID S-2254-2017

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Theory and

Practice of Translation

kraeva.svetlana@gmail.com

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

This study was funded by the Russian Science
Foundation, Grant № 23-28-10218,
<https://rscf.ru/en/project/23-28-10218/>,
and the Chelyabinsk Region of the Russian
Federation, and was conducted
at Chelyabinsk State University

© Краснопеева Е. С., Краева С. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поисковое исследование выполнено с применением функционального и социокогнитивного подходов в русле «поворота к материальному» в переводоведении. Приводится обзор исследований, применяющих положения акторно-сетевой теории (АСТ) и концепции распределённой когниции для изучения переводческой деятельности. Рассматривается потенциал методов и приёмов сбора, обработки и визуализации данных, разработанных для изучения деятельности в гибридных средах, сочетающих очное и опосредованное взаимодействие. Обсуждается возможность представить артефакты в схеме взаимодействующих субъектов в ситуации перевода с опорой на некоторые положения АСТ, визуально-сетевой анализа и категорию переводческой констелляции М. Я. Цвиллинга. Цель работы — апробировать комплексную методику, позволяющую наиболее реалистично представить условия работы переводчика и особенности его сетевого взаимодействия. Исследование выполнено на материале полуструктурированного интервью с представителем отдела переводов одного из коммерческих предприятий г. Челябинска (120 мин). Показано, как в распределённой когнитивной сети решаются конкретные задачи, какое место занимают артефакты, среди которых серверное решение, терминологическая база, электронная почта; как целевая установка инициатора перевода может быть распространена в сети взаимодействующих субъектов.

Ключевые слова:

когниция переводчика; межкультурная коммуникация; социокогнитивный подход; технологически опосредованное взаимодействие; цифровой перевод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents an exploratory study conducted using functional and sociocognitive approaches in light of the “material turn” in Translation Studies. It provides a review of works that apply actor-network theory (ANT) and the concept of distributed cognition to the study of translation activities. It also explores the possibility of adopting in translation research the data collection, processing and visualization techniques developed to describe activities in hybrid environments combining face-to-face and mediated interaction. The authors discuss a way of including the artifacts in the translation situation model, following the positions of ANT, visual network analysis, and M. Zwilling’s concept of a translational constellation. The objective of the paper is to evaluate a complex methodology aimed at describing translators’ workplace conditions and their network interactions in a realistic way. The study is based on a semi-structured interview (120 min) with a representative of the translation department at a commercial enterprise in Chelyabinsk, Russia. It shows how specific tasks are performed in a distributed cognitive network, what role is played by such artifacts as a server solution, a terminology database, and email; and how the translation commissioners’ intention can be distributed in a network of interconnected entities.

Key words:

translator cognition; interlanguage communication; sociocognitive approach; technology mediated interaction; digital translation.

Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия)

© Краснопеева Е. С., Краева С. С., 2023

1. Введение = Introduction

В современном мире большая часть персональной и институциональной коммуникации происходит в медиапространствах или гибридных средах, в которых опосредованное взаимодействие в динамике сосуществует с непосредственным (контактным) взаимодействием. Значительному изменению соотношения «цифрового» и «контактного» в социотехнической реальности способствовало появление мобильных устройств в начале 2010-х годов [Androutsopoulos, 2021, p. 708]. Как отмечает Я. Андруцопулос, на смену категории компьютерно-опосредованной коммуникации (computer-mediated communication) сегодня приходят рабочая категория цифрового (опосредованного) взаимодействия, или взаимодействия в цифровой среде (digitally mediated interaction), и феномен «полимедиа», позволяющие подчеркнуть конвергенцию, включенность технологий в практики общения [Ibid., p. 708—709].

Понимание перевода как коммуникативного элемента деятельности в определённой ситуации [Прунч, 2015, с. 162], его инструментального характера в предметной деятельности коммуникантов [Сдобников, 2022б, с. 67], определившее развитие функциональных направлений в переводоведении, сегодня вновь отодвигает фронт науки о переводе от собственно лингвистической парадигмы в сторону новой междисциплинарности.

Одной из ключевых проблем теории перевода становится научное объяснение взаимодействия широкого и сложно поддающегося систематизации набора факторов, определяющих функционирование субъекта переводческой деятельности [Львовская, 2018, с. 101]. Как отмечала З. Д. Львовская, в данном наборе факторов с момента получения заказа на перевод присутствует и переменная величина, которая «имеет большое значение, но, как правило, недооценивается», — это «условия работы» переводчика [Там же, с. 112].

Цифровизация изменила среду, в которой существуют переводчики, что в свою очередь определило изменения в практике переводческой деятель-

ности [Сдобников, 2022a] и когнитивной деятельности субъекта перевода [Чистова, 2021]. Акцент на условиях, в которых протекает процесс перевода, или, точнее, на переводчике, работающем в данных условиях, выходит на первый план при рассмотрении перевода как технологически опосредованного [Jiménez-Crespo, 2020] и производственного процесса [Княжева и др., 2019]. Идея о ситуативной обусловленности перевода-процесса, системной включённости переводчика-субъекта в окружающую среду сегодня звучит в ключевых работах российского и зарубежного переводоведения.

В данной статье мы затронем причины и последствия «поворота к материальному» [Littau, 2015], который во многом определяется обращением к положениям перформативно- или социологически-ориентированных теорий перевода [Wolf, 2017], с одной стороны, а также рассмотрением перевода как вида человеко-машинного взаимодействия (human-computer interaction, HCI) [Jiménez-Crespo, 2020], с другой. Предполагаем, что, применяя положения акторно-сетевой теории (АСТ) и интерпретационный потенциал концепции распределённой когниции для описания детерминант и параметров ситуации перевода, мы будто бы смотрим в широкоугольный объектив: уменьшаем фокусное расстояние и увеличиваем угол обзора. Этот подход позволяет увидеть, как в процессе собственно перевода участвуют люди, предметы и явления, на первый взгляд не имеющие к нему непосредственного отношения. В основании рассуждений лежит представление о функциональной природе перевода как речевой деятельности, о динамичности переводческого события, его включённости в предметную деятельность коммуникантов, чем обусловлено обращение к категории переводческой констелляции М. Я. Цвиллинга [Цвиллинг, 2009]. Примеры, которые мы включили в эту статью, позволяют продемонстрировать, как свойства перевода-результата формируются в динамической, распределённой когнитивной системе, или актор-сети. Цель работы — апробировать подход для описания переводческой констелляции в отделе переводов коммерческого предприятия и определить влияние материальной составляющей на практическую деятельность переводчика.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Обзор подходов в исследованиях условий работы переводчика = Review of Approaches in Translator Workplace Research

Х. Риску, Р. Рогль и Е. Милошевич [Risku et al., 2020] объединяют под одним заголовком — *translation and interpreting workplace research* — три взаимосвязанных исследовательских направления — когнитивное, социологическое и эргономическое, в которых на основе наблюдения особенностей взаимодействия переводчика на рабочем месте реконструируется

объект исследования — социотехнический коллектив, динамический ансамбль — «сборка» людей, предметов и идей (“brains, people and external units” [Risku et al., 2022, p. 41]) (здесь и далее перевод наш. — *Е. К., С. К.*). Теоретическое допущение непосредственной ситуативной и контекстуальной обусловленности процесса перевода неизбежно ведёт к переосмыслению структуры научных проектов, к отказу от сопоставительных исследований лингвистических трансформаций и когнитивных механизмов в себе и для себя в пользу описания свойств реальной переводческой практики [Ibid., p. 46]. Развитие этих идей сегодня можно наблюдать как в российской, так и в зарубежных научных школах.

Первое направление — когнитивное — исходит из роли окружающей среды (situatedness) в принятии переводческих решений. Оно опирается на экстерналистские подходы, такие как когнитивная экология Э. Хатчинса, подчёркивающая распределённый характер мышления [Hollan et al., 2000] (подходы 4E — embodied, embedded, enacted, extended или DEEDS — dynamical, embodied, extended, distributed, situated), и концепция Э. Кларка о человеке как «природном киборге» [Clark, 2001], в свою очередь, вдохновлённые инструментальным методом Л. С. Выготского [Выготский, 1982]. С когнитивно-экологических позиций когнция рассматривается «как процесс и результат функционирования всей когнитивной системы, в которой познающий субъект (КА [когнитивный агент]) является лишь частью, составляющим элементом. Такая когнитивная система включает, помимо КА, материальную и социальную среду, собственную личную историю КА, “привязанную” к определённым временным срезам и пространственным локациям» [Колмогорова, 2019, с. 25]. Мысль о необходимости обращения к реальной переводческой практике и производственным процессам для изучения природы перевода как деятельности поддерживается в экокognитивном [Чистова, 2021; Чистова, 2023], когнитивно-деятельностном подходе [Ремхе и др., 2023], а также при обращении к структурно-функциональному моделированию в контексте коммуникативно-функционального подхода [Княжева и др., 2019].

Второе направление — социологическое. Сетевые подходы, разработанные в русле социологии, позволяют представить переводчика как агента, оказывающего влияние и подвергающегося влиянию различных компонентов сети [Risku et al., 2016]. Как показывают в программной статье Д. Фоларон и Э. Бузелен, наука о переводе находит вдохновение в различных методах описания, трактовки сущности сетей, их компонентов и отношений между этими компонентами [Folaron et al., 2007]. Например, социально-сетевой анализ (social network analysis) позволяет визуализировать структуру сети и отношения внутри неё. Х. Рискю, Р. Рогль и К. Пайн-

Вебер [Risku et al., 2016] на примере трёх кейс-исследований иллюстрируют применимость и потенциал качественного социально-сетевого анализа для описания переводческой деятельности — от принятия заказа до подготовки конечного продукта в определённых условиях с учётом пространственного и временного аспектов (обзор ситуативно-когнитивного подхода школы Х. Рискю см. в [Серебрякова и др., 2021]). На основе наблюдения и интервью авторы изображают сетевую организацию (translation networks) работы переводчика-фрилансера, переводческого отдела в компании, а также сообщества переводчиков-волонтёров. В сети индуктивно выделяются узлы, в качестве которых выступают как люди (или группы людей — отделы, организации), так и неодушевлённые предметы (устройства, платформы, технологии). С помощью стрелок визуализируется принципиальная возможность взаимодействия, его направление и частота. Авторы ставят цель проиллюстрировать сложность сетевой организации переводческой деятельности и показывают, что все описанные примеры формируют комплексные сетевые структуры, в которых переводчик может находиться в разных кластерах, обнаруживать разные степени связности и нагрузки.

Социологическое направление также рассматривается как комплементарное когнитивному направлению, особенно в части обращения к социально-сетевому анализу и АСТ. Так, Х. Рискю и Р. Рогль подчёркивают объединение в интегративных исследованиях (integrative view — авторы опираются на позицию Г. Хансен [Hansen, 2010]) «центростремительных» и «центробежных» исследовательских тенденций: при изучении работы переводчиков на местах (посредством наблюдения, интервью и опросов) происходит сближение социальной практики и когнитивного процесса перевода как объектов исследования [Risku et al., 2022]. Сетевое представление, в свою очередь, подчёркивает единство внутреннего и внешнего, обусловленность когниции характеристиками окружающей среды [Risku et al., 2016].

Таким образом, интеграция первого и второго рассмотренных направлений порождает социокогнитивный подход, подчёркивающий системный характер взаимодействия переводчика и среды. Переводческая деятельность определяется как система [Гарбовский, 2015; Поликарпов, 2017; Ремхе и др., 2023], в которой когнитивная и социальная сущности находятся во взаимосвязи: «Решение переводчика не смогло бы сформироваться изолированно только как реакция на текст оригинала без взаимодействия сознания переводчика с внешней, социальной, средой» [Гарбовский и др., 2018, с. 19]. Так, в диссертационной работе Р. Саннхольма *Translation, Teamwork, and Technology. The Use of Social and Material Scaffolds in the Translation Process* («Перевод, командная работа и технологии. Использование социальных и материальных “строительных лесов” в процессе перевода»)

рассматриваются определяющие процесс перевода материальные и социальные структуры, «строительные леса» окружающей действительности [Sannholm, 2021]. Автор использует метафору строительных лесов, ставшую традиционной для описания инструментов и иных компонентов среды, способствующих когнитивной деятельности [Giere et al., 2003, p. 309].

Третье направление — эргономическое — под иным углом смотрит на тот же комплексный объект исследования, применяя инструментарий эргономики и заимствуя целостный подход исследований человеко-машинного взаимодействия. Так, в понимании Э. Алонсо и Э. Кальво [Alonso et al., 2015] интегративный подход технологичен: авторы рассуждают о множественности задач в индустрии перевода, о главенстве «супер-скопоса» (фрагментированных правил и норм в функциональной системе переводческого процесса), о необходимости отхода от рассмотрения технологий в переводе как артефактов и восприятия их как орудий, инструментов, акторов в процессе принятия решения (*decisive actors*). Авторы опираются на инструментальный метод Л. С. Выготского [Выготский, 1982], противопоставляя «артефакт» (изолированный объект) и «инструмент» (орудие и диктуемый им способ протекания действия). Соответственно, использование технологий рассматривается как инструментальный акт, а сами технологии — как орудие инструментального акта.

2.2. Акторно-сетевая теория и концепция распределённой когниции в теории перевода = Actor-Network Theory and Distributed Cognition in Translation Studies

Одним из ключевых оснований для осмысления человеко-машинного взаимодействия стала концепция распределённой когниции, в которой когнитивные процессы определяются функциональными взаимоотношениями элементов: «...Люди зачастую делают мир умным, чтобы мы могли оставаться в нем умиротворённо глупыми: когниция распределена в культуре» [Коули и др., 2006, с. 134]. В качестве единицы анализа могут выступать малые социотехнические системы, такие как, например, кабина пилота самолёта. «Применяя теорию распределённой когниции, исследователь предполагает, что обнаружит систему, которая динамически самоорганизуется так, чтобы её подсистемы совместно функционировали» для решения когнитивной задачи [Hollan et al., 2000, p. 175].

В АСТ Б. Латура «...понятие сети применимо при любом факте перераспределения действия» [Latour, 2011, p. 797]. Так, действие по запуску космического аппарата «распределено в чрезвычайно комплексной сети, где бюрократические процедуры не уступают по значимости математическим уравнениям и сопромату ... это странное пространство ... сложно описать, а ещё сложнее визуализировать», — отмечает Б. Латур [Ibid.,

р. 797]. Сеть — способ «постановки вопроса» (mode of inquiry); а также то, что исследователю удалось сделать явным с каждым щелчком «счётчика Гейгера» — выбранного метода [Ibid., p. 799]. Нелюбимый Б. Латуром «неуклюжий» термин *актор-сеть* (англ. *actor-network*, фр. *acteur reseau*) [Латур, 2020] задуман как оксюморон, подчёркивающий напряжённость между его составляющими — актором и его сетевой обусловленностью [Law, 1999]. Для Б. Латура «быть актором — значит быть сетью, точнее — обладать сетью», а в термине *network* на первый план выходит *work*, а не *net* [Латур, 2020, с. 181; Latour, 2011, p. 802]. В АСТ отношения между людьми «укреплены, ускорены, модифицированы техникой», и, если вычесть технологии, общество обрушится [Напреенко, 2015, с. 112]. И. В. Напреенко так поясняет концептуальный механизм, заложенный в известном лозунге «вещи тоже действуют»: «Говоря семиотически, инженер совершает переключение своей компетенции, т. е. человеческих способностей, в вещь, подобно тому, как писатель переключает — отдаёт свой голос — героям. Вещь получает возможность действовать» [Напреенко, 2015, с. 112].

На возможность комбинации АСТ и теории распределённой когниции указывают Р. Гьер и Б. Моффатт [Giere et al., 2003]. «В XVI веке внезапно не могло появиться “нового человека”... Идея о том, что попросту рациональная мысль родилась из мрака и хаоса — слишком запутанная гипотеза» [Ibid., p. 308]. Вновь интерпретируя описанные Б. Латуром примеры, Р. Гьер и Б. Моффатт соглашаются с тем, что «человек, способности которого ограничены биологией, научился решать сложные научные задачи благодаря конструированию сложных распределённых когнитивных систем» [Ibid., p. 308]. По их словам, в АСТ и теории распределённой когниции отличаются взгляды на природу внешних ресурсов (external representations). В последней внешние ресурсы — артефакты — «это то, что делает возможность приобретения знания, которое человек или группа людей не были бы способны приобрести без использования инструментов» [Ibid., p. 305].

О возможности комбинации двух подходов в переводоведении рассуждают Х. Риску и Р. Рогль [Risku et al., 2022]. Они отмечают, что АСТ позволяет не просто обозначить комплексность производственных задач, решаемых, например, в бюро переводов, а акцентировать внимание на причине сборки определённой конфигурации, её закрепления и успешного функционирования. Применение теории распределённой когниции, в свою очередь, позволяет отказаться от эссенциалистской трактовки задач и обязанностей переводчика, описать реальное состояние вещей, а также указать на то, как распределяется действие, знание и нагрузка при коллективном решении сложных задач [Risku et al., 2022, p. 45].

С. В. Тюленев отмечает: «Ценность АСТ для переводоведения определяется двумя факторами. Во-первых, появляется возможность рассмотреть переводчиков в одной сети с заказчиками, издателями, редакторами, менеджерами, корректорами, критиками, компьютерами, интернетом, и др. Устные и письменные переводчики становятся частью сетей-проектов или сами создают их и, в терминологии АСТ, “переводят” их в цепочке посредников-актантов. Во-вторых, АСТ позволяет учесть не только людей, но и технологии, такие как САТ-системы и оборудование для устного перевода. Таким образом, перевод рассматривается в широком и наиболее реалистичном контексте» [Tyulenev, 2014, p. 167—168]. Сети эмерджентны, динамичны, агонистичны, при этом хрупки — обращение к инструментарию АСТ открывает новые проблемные области переводоведения: что делает сеть стабильной, насколько обратимы процессы в сети, как одни акторы обеспечивают успех других [Ibid.].

Н. К. Гарбовский и О. И. Костикова также указывают на применимость идей АСТ к моделированию переводческой деятельности и предлагают актантную схему социальной ситуации перевода. Возвращаясь к положениям семиотики А. Греймаса, которая легла в основу теоретической концепции Б. Латура, авторы расширяют схему предметной ситуации и добавляют сирконстанты «пространство» и «время», что позволяет «смоделировать переводческую деятельность как комплексную схему, построенную вокруг субъекта акта перевода — переводчика, в которой он оказывается связанным системными отношениями с предметами и текстами» [Гарбовский и др., 2018, с. 31]. В качестве актантов в схеме выделяются субъект, объект, адресат, адресант, вспомогательные средства — «средства, способствующие деятельности переводчика (средства информации, информационно-коммуникационные технологии, социальные профессиональные сети, технические средства коммуникации и т. п.), доброжелательная критика», а также помехи — «дестабилизирующие факторы (недоброжелательные наблюдатели, неудобство ситуации перевода и пр., недоброжелательная критика и цензура)» [Там же].

Термин *актор* в АСТ используется так же, как в семиотике используется термин *актант* [Каллон, 2017]. Актор-сеть — «то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников», где каждый посредник, актер — это «индивидуализированное событие» [Латур, 2020, с. 302—303]. Интересно заметить параллелизм метафорического представления Б. Латура с представлением взаимодействующих субъектов переводческой ситуации в понимании М. Я. Цвиллинга. По М. Я. Цвиллингу, переводческая констелляция — «конфигурация взаимоотношений между прямыми и косвенными участниками процесса перевода, отражающая влияние их целевых установок на конечный

результат перевода» [Цвиллинг 2009, с. 120]. Позволим себе предположить, что сквозь призму «поворота к материальному» целевая установка в конstellации может быть распространена в сети взаимодействующих субъектов — актор-сети. Переводческая конstellация, в свою очередь, может трактоваться как социотехнический коллектив из людей и объектов. Рассмотрим возможности применяемого комплексного подхода и проиллюстрируем сетевую природу переводческой деятельности на примере переводческого отдела коммерческого предприятия.

2.3. Материал и методы = Material and Methods

В качестве материала нашего поискового исследования выступило пилотное интервью (120 мин.) с переводчиком английского и немецкого языков об опыте работы в переводческом отделе (отделе внешнеэкономической деятельности — ВЭД) малого коммерческого предприятия г. Челябинска, специализирующегося на производстве и продаже оборудования для транспортно-погрузочных работ. При анализе учитывалось ограничение, связанное с ретроспективным характером интервью (переводчик вспоминает о своём опыте работы в 2016 году). Благодаря этому интервью апробирован и скорректирован исследовательский инструментарий проекта.

В процессе сбора, обработки и анализа материала использовался комплекс методов. Итоговый вариант путеводителя для интервьюера включает два компонента: интервью — слушание (hearing interview) [Decuyper et al., 2014] или устный рассказ [Браймен, 2007] с применением приёма медиаграмм [Lexander et al., 2021], а также полуструктурированное интервью с использованием набора вопросов, которые позволили заострить внимание на представляющих интерес для исследователя моментах рассказа. Полученная аудиозапись интервью обработана с помощью средств автоматического распознавания речи, а также скорректирована и размечена вручную двумя исследователями в программе для выполнения качественного анализа Taguette [Rampin et al., 2021]. Тематический и контент-анализ интервью проводился как первый этап визуально- сетевого анализа [Decuyper et al., 2014; Decuyper, 2020], который подразумевает опору на положения АСТ и инструментарий визуализации данных Gephi [Bastian et al., 2009] (использованы алгоритм ForceAtlas2 и инструмент Modularity). При разметке интервью выделялись все потенциальные акторы, оставляющие «след» при взаимодействии с переводчиком, а также факт их взаимодействия — распределения действия между двумя акторами.

В соответствии с выбранным подходом факт влияния цифровых инструментов на деятельность переводчика рассматривается не как условие задачи, не как фиксированная данность, а как предмет исследования: этот фактор выявляется и моделируется.

Агентность¹ различных акторов — одушевлённых и неодушевлённых — определяется при описании процесса взаимодействия. Агентность не предписана и распределяется в актор-сетях, или эмерджентных, динамических сборках (*assemblage*). М. Декёйпере и М. Симонс [Decuypere et al., 2014; Decuypere, 2020] предлагают визуально-сетевой анализ (*visual-network analysis*) как метод качественного исследования, основанный на визуализации актор-сети. Визуализация строится на основе интервью, при проведении которого исследователю рекомендуется «идти за самими акторами» по совету Б. Латура [Латур, 2020, с. 25], не стремиться выявить причины наблюдаемых явлений, а представить их беспристрастное описание. Транскрипт интервью авторы метода рекомендуют рассматривать как топографические данные, полевой дневник. Визуализация акторов позволяет описать кластеры — регионы, формирующие общую композицию сети. На примере деятельности научно-педагогического работника М. Декёйпере и М. Симонс показывают эффект наблюдаемых взаимосвязей, выделяют регионы, формирующие определённые задачи и способы их решения (в терминологии авторов — *operations*), а также выделяют эффект связей. Особый интерес вызывают акторы, оказывающиеся на границе регионов. Предложенный инструмент, на наш взгляд, позволяет по-новому взглянуть и на практику перевода в реальных условиях.

В работах М. Декёйпере и М. Симонса визуализируется один рабочий день специалиста, в нашем случае — история о типичном рабочем дне или одном проекте, в котором принимал участие переводчик. Проект понимался как комплексное действие, направленное на достижение определённого результата в определённый момент времени с установленным бюджетом [Зуб, 2023, с. 15]. Например, это мог быть проект по обучению специалистов на предприятии или по пусконаладке оборудования, подразумевавший устный, письменный перевод или языковое посредничество, где участник выполнял различные задачи — как переводческие, так и организационные. В соответствии с методом медиаграмм, переводчику было предложено в ходе рассказа изобразить на листе бумаги всех участников взаимодействия, о которых вёлся рассказ, а также языки и технологии, задействованные в этом процессе. На этом этапе мы придерживались требования «следовать» за актором, а также интерпретировать полученные данные как «записки наблюдателя» [Decuypere et al., 2014, p. 94].

1 Как и практически каждый исследователь, использующий категорию *agency* в работе на русском языке, мы сделаем оговорку о вариативности перевода этого термина. Сравнивая оригинал и перевод «Пересборки социального» И. Полонской [Латур, 2020], мы видим, что *agency* в зависимости от контекста превращается и в «силу», и в «действие», и в «практику». Термин *agency* важен для исследований человека-машинного взаимодействия и дистанционной коммуникации, он начинает активно применяться и в цифровом переводе. Поэтому калька «агентность», используемая в достаточно широком круге работ, кажется нам уместным решением.

На рис. 2 цвет узлов — результат автоматического определения модулярности графа, то есть выявления в структуре сети блоков или кластеров. Граф «распадается» на несколько частей, которые позволяют рассуждать о разнообразии и возможности описания отдельных «регионов» — производственных задач, в которых переводчик принимает участие.

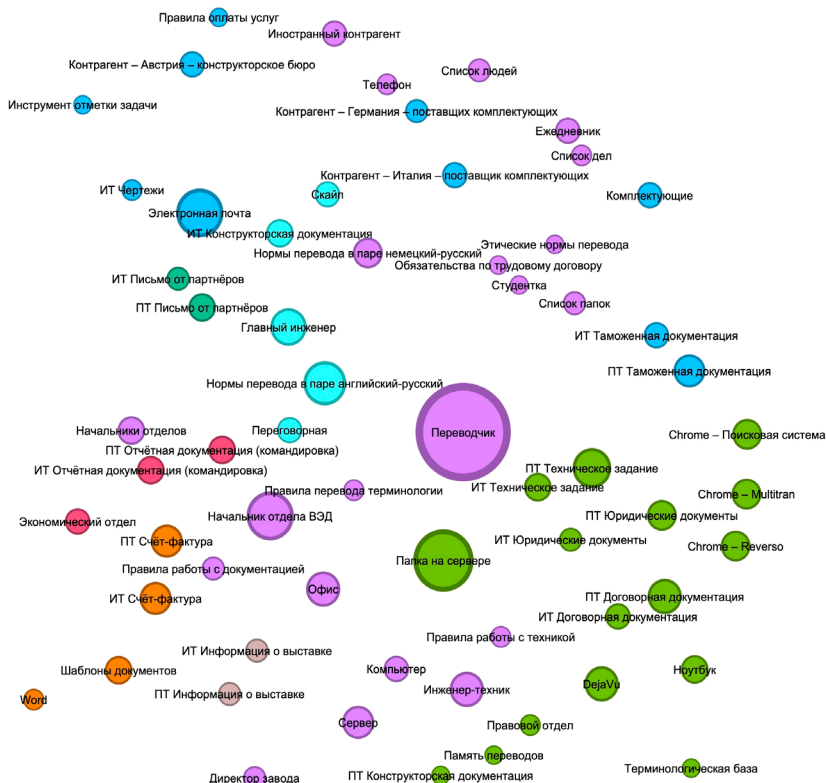

Рис. 2. Кластеры в актор-сети отдела переводов коммерческого предприятия
Fig. 2. Clusters in an actor-network of a translator working at a translation department of a commercial enterprise

Интересно заметить, что автоматически выделенные в сети кластеры отражают высказанную в интервью идею о том, что «желательно было бы разделить все задачи среди двух переводчиков»: первый занимался бы только срочными проектами (переводом переписки, переговоров и необходимой документации), второй взял бы на себя перевод текущей докумен-

тации (внутренняя отчётная документация для оформления зарубежных командировок, объемные технические тексты).

Акторы «Папка на сервере», «Электронная почта» (рис. 1) становятся своеобразными «мостами», ключевыми точками пересечения, способными влиять на решение различных производственных задач. Они не просто опосредуют коммуникацию, но и упорядочивают деятельность всего коллектива, включая переводчика. Так, серверное решение позволяет исключить личный контакт переводчика с представителями других отделов (хотя он возможен, поскольку коллектив работает в открытом офисном пространстве). Структура папок в репозитории на сервере создана руководителем отдела ВЭД для удобства хранения исходных текстов (ИТ), переводов (ПТ) и иных документов, используемых в коммуникации с различными иностранными контрагентами. Создавая этот инструмент, структурируя информацию по папкам, формируя шаблоны документов, а также создавая терминологические базы (ТБ) и память переводов, начальник отдела ВЭД делегирует агентность, что, в конечном счете, направлено на повышение эффективности решения переводческих задач и в целом устранение задачи обучения переводчика, а в дальнейшем — на упрощение контроля качества перевода. Тем не менее, анализируя реальную практику на месте, мы видим, что не всегда описанные технические решения становятся частью переводческого процесса.

Обратимся к примеру перевода электронной корреспонденции в языковой паре немецкий-русский в двух направлениях. Настроенная, устойчивая сеть обеспечивает упрощение производственной цепочки: переводческое задание не формулируется инициатором перевода, оно оказывается распределено в сети. Как отмечает переводчик, если ему на электронную почту приходит копия письма от зарубежного контрагента, то он сразу же начинает выполнение перевода, который в дальнейшем отправляет адресату (например, главному инженеру). На первый взгляд, процесс перевода инициируется самим переводчиком. Однако мы наблюдаем, как интенция делегируется через время и пространство. Целевая установка формируется на основе требований, предъявленных переводчику при устройстве на работу начальником отдела, и предпочтений реципиента — главного инженера, которые оказываются заложены в факте указания электронного адреса переводчика в списке адресатов письма: *«Интервьюер: А мог ли главный инженер просто воспользоваться машинным переводом, чтобы прочитать письмо из ... конструкторского бюро? Переводчик: Да, наверное, он мог, ... он стоял "в копии", но он просто ждал, пока я переведу...»*.

Рассмотрим ситуацию перевода технического задания (ТЗ) с русского языка на английский. Начальник отдела ВЭД по электронной почте получает задачу от главного инженера на перевод ТЗ для отправки в зарубежное

конструкторское бюро. О необходимости выполнить перевод он сообщает переводчику по электронной почте и указывает на наличие ИТ ТЗ в папке на сервере. Переводчик знает, что у него есть возможность очно консультироваться с автором ТЗ — главным инженером по вопросам интерпретации смысла ИТ, а также с начальником отдела ВЭД относительно правил перевода терминологии. Ранее, в период, когда начальник отдела занимал должность переводчика, он вёл ТБ и базы памяти переводов. Создавая проект в Déjà Vu, переводчик подключает имеющуюся ТБ, однако ИТ не содержит совпадений, соответственно, использование ТБ не упрощает задачу, и переводчик обращается к параллельному использованию Déjà Vu на компьютере и браузера Chrome на ноутбуке, выполняя поиск в доступных параллельных текстах. Также в рассматриваемой ситуации в формировании итогового варианта перевода, который будет доставлен реципиенту, как ни странно, непосредственно участвует серверное решение: *«Они [реципиенты текста перевода — итальянский контрагент] для меня как слепая зона. ... Их нашёл мой начальник, и он с ними будет дальше взаимодействовать. ... он так и сказал: через неделю [нужен перевод]. Когда я отредактировала вариант перевода, ... ещё дала себе время почитать, поскольку меня не торопил никто ... а текст уже ... там лежал [в папке на сервере]. ... мне не всё нравилось, я хотела ещё вычитать. И когда я вычитала идеальный текст, ... написала начальнику, что можно отправлять»*. На этот момент начальник отдела отправил контрагенту вариант перевода, который ранее был загружен на сервер, не дожидаясь письма от переводчика.

Описанные примеры подчёркивают сетевую природу каждой отдельной переводческой констелляции и переводческой деятельности в целом, вписанной в общую распределённую когнитивную систему предприятия. Дальнейшая обработка графа позволит выделить значимые операции и очертить «регионы» (например, планирование задач, подготовка перевода, контроль качества перевода, коммуникация и пр.), объединяющие различных акторов.

В качестве перспективы исследования мы рассматриваем систематизацию данных интервью представителей разнопрофильных предприятий Челябинской области, что позволит описать характерные для переводческой экосистемы региона [Новикова и др., 2023] цифровые «сборки» (digital assemblage) [Jarrahi et al., 2022] переводчиков и специалистов по внешнеэкономической деятельности. Эта категория в интерпретации М. Джаррахи и соавторов восходит к «сборкам» АСТ, а также ассамблежу в понимании М. Деланды и обозначает эмерджентный, динамический, при этом относительно стабильный набор входящих в общую информационную инфраструктуру инструментов — артефактов — в совокупности с выделенными

применяемыми возможностями — аффордансами, позволяющий специалисту успешно выполнять профессиональную деятельность. Этот набор будет характерен для представителей определённого рода деятельности, он будет определять их инфраструктурную компетентность.

4. Заключение = Conclusions

Наблюдая результаты применения визуально-сетевого анализа, нельзя не согласиться с мыслью Х. Риска и её коллег о том, что «переводческие сети имеют комплексный характер; даже те, в которых на первый взгляд всего два-три актора. ... все акторы в переводческой сети в какой-то степени зависят друг от друга» [Risku et al., 2016, p. 247], а компетентность современного переводчика строится на умении влиться в систему, встроиться в социотехническую сеть [Risku et al., 2022, p. 45].

Рассмотренные актуальные зарубежные и российские исследования вновь подчёркивают важность классического постулата советской школы переводоведения: «Теория перевода непосредственно связана с переводческой практикой. Любые теоретические концепции должны опираться на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода, обобщать и объяснять эти факты. В свою очередь, научная теория перевода оказывает обратное влияние на переводческую практику, облегчая и обогащая её» [Комиссаров, 2002, с. 109].

Участники нашего проекта — сотрудники предприятий Челябинской области: переводчики, специалисты по внешнеэкономической деятельности, использующие иностранный язык (английский, китайский и немецкий) в рабочем процессе. Проведённое пилотное исследование позволило уточнить подход к проведению интервью, скорректировать характер вопросов, а также апробировать метод визуально-сетевого анализа для выявления структуры и составляющих переводческой деятельности. В русле выбранного комплексного подхода полученные данные могут быть параллельно интерпретированы с позиций АСТ, теории распределённой когниции и функциональной теории перевода.

«Переопределение сути профессии и функций переводчика, базовых компетенций и сути базового обучения переводу» — так российские эксперты форсайт-сессии «Переводчик-2040» обозначили один из актуальных трендов развития отраслевого перевода [Гавриленко, 2021, с. 58]. Разрабатывая данный проект, мы руководствуемся тем, что интервью со специалистами позволят скорректировать учебные программы на факультете лингвистики и перевода Челябинского государственного университета в соответствии с современными реалиями отрасли и требованиями региона. Кроме того, участие в интервью может помочь специалистам ос-

мыслить собственный рабочий процесс и увидеть способы его реорганизации для повышения эффективности. В заключение отметим, что проект в широкой перспективе способствует устойчивому развитию профессии, поскольку акцентирует внимание на многозадачности переводчика и ярко иллюстрирует комплексность процессов при решении производственных задач, в которые включён переводчик-человек.

Заявленный вклад авторов: Краснопеева Е. С. — концепция исследования; подготовка обзора; развитие методологии; написание текста; итоговые выводы. Краева С. С. — разработка структуры интервью; обработка и разметка транскрипта интервью; доработка текста и итоговых выводов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: Ekaterina S. Krasnopeyeva — research concept; review preparation; methodology development; writing the draft; final conclusions. Svetlana S. Kraeva — interview structuring; preparation and tagging of interview transcript; follow-on revision of the text and final conclusions. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Браймен А. Интервью в качественных исследованиях / А. Браймен // Социология власти. — 2007. — № 4. — С. 15—32.
2. Выготский Л. С. Инструментальный метод в психологии / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: в 6-ти т. : Вопросы теории и истории психологии. — Москва : Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 103—108.
3. Гавриленко Н. Н. Форсайт-сессия «Переводчик 2040» / Н. Н. Гавриленко // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2021. — № 4. — С. 49—63. — DOI: 10.15593/2224-9389/2021.4.5.
4. Гарбовский Н. К. Перевод и общество / Н. К. Гарбовский, О. И. Костинова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2018. — № 1. — С. 29—30.
5. Гарбовский Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2015. — № 1. — С. 3—20.
6. Зуб А. Т. Управление проектами : учебник и практикум для вузов / А. Т. Зуб. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 397 с. — ISBN 978-5-534-17500-4.
7. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода : приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё / М. Каллон // Философско-литературный журнал «Логос». — 2017. — № 27 (2). — С. 49—94.
8. Княжева Е. А. Исследование проблемы оценки качества индустриального перевода с использованием метода структурно-функционального моделирования / Е. А. Княжева, А. С. Осикина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. — 2019. — № 1. — С. 46—59. — DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.4.
9. Колмогорова А. В. Лингвистика когнитивная и экологичная : к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследо-

ваниях / А. В. Колмогорова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 3 (18). — С. 19—28. — DOI: 10.17516/2311-3499-065.

10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие / В. Н. Комиссаров. — Москва : ЭТС, 2002. — 424 с. — ISBN 5-93386-030-1.

11. Коули С. Д. Динамика когнитивных процессов и науки о языке / С. Д. Коули, А. В. Кравченко // Вопросы языкознания. — 2006. — № 6. — С. 133—141.

12. Латур Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 384 с. — ISBN 978-5-7598-2141-0.

13. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода / З. Д. Львовская. — Москва : URSS, 2018. — 224 с. — ISBN 978-5-382-01803-4.

14. Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура : как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? / И. В. Напреенко // Социология власти. — 2015. — № 27 (1). — С. 108—121.

15. Новикова Э. Ю. Переводческая экосистема региона : детерминанты, признаки, особенности / Э. Ю. Новикова, О. И. Попова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2023. — № 22 (3). — С. 19—29. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.2.

16. Поликарпов А. М. Интегративное переводоведение : предпосылки возникновения и основные идеи / А. М. Поликарпов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2017. — № 16 (3). — С. 6—17. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1.

17. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Э. Прунч. — Москва : Р. Валент, 2015. — 512 с. — ISBN 978-5-93439-488-3.

18. Ремхе И. Н. Матричная модель кооперативного перевода / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефёдова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2023. — № 22 (3). — С. 30—42. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.3.

19. Сдобников В. В. Меняется ли переводческая парадигма в цифровую эпоху? / В. В. Сдобников // Язык. Культура. Перевод : межкультурная коммуникация в цифровую эпоху : Сборник научных трудов. — Москва : Русайнс, 2022а. — Ч. 1. — С. 25—36. — ISBN 978-5-466-01323-8.

20. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий — переосмысление перевода / В. В. Сдобников // Военно-гуманитарный альманах : Материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. — Москва : Военный университет, 2022б. — С. 60—75. — ISBN 978-5-4369-0094-0.

21. Серебрякова С. В. Ситуативно-когнитивный подход в переводоведении: истоки и эвристический потенциал / С. В. Серебрякова, А. И. Милостивая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2021. — № 20 (3). — С. 18—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.2.

22. Цвиллинг М. Я. Понятие переводческой констелляции / М. Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. — Москва : Восточная книга, 2009. — С. 116—123. — ISBN 978-5-7873-0442-8.

23. Чистова Е. В. Моделирование письменной переводческой деятельности в аспекте когнитивного взаимодействия «человек — среда» / Е. В. Чистова // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2023. — № 2 (54). — С. 82—100. — DOI: 10.31249/chel/2023.02.05.

24. Чистова Е. В. Модель экологичного управления когницией в цифровом переводе / Е. В. Чистова // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2021. — № 3. — С. 46—59.
25. Alonso E. Developing a blueprint for a technology-mediated approach to translation studies / E. Alonso, E. Calvo // Meta. — 2015. — Vol. 60. — № 1. — Pp. 135—157. — DOI: 10.7202/1032403ar.
26. Androutsopoulos J. Polymedia in interaction / J. Androutsopoulos // Pragmatics and Society. — 2021. — Vol. 12. — № 5. — Pp. 707—724. — DOI: 10.1075/ps.21069.int.
27. Bastian M. Gephi : An open source software for exploring and manipulating networks / M. Bastian, S. Heymann, M. Jacomy // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. — 2009. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 361—362. — DOI: 10.13140/2.1.1341.1520.
28. Clark A. Natural-Born Cyborgs? / A. Clark // Cognitive Technology : Instruments of Mind. Lecture Notes in Computer Science. — Berlin, Heidelberg : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2001. — Vol. 2117. — Pp. 17—24. — ISBN 978-3-540-42406-2.
29. Decuyper M. On the composition of academic work in digital times / M. Decuyper, M. Simons // European Educational Research Journal. — 2014. — Vol. 13. — № 1. — Pp. 89—106. — DOI: 10.2304/eerj.2014.13.1.89.
30. Decuyper M. Visual Network Analysis : A qualitative method for researching sociomaterial practice / M. Decuyper // Qualitative Research. — 2020. — Vol. 20. — № 1. — Pp. 73—90. — DOI: 10.1177/1468794118816613.
31. Folaron D. Introduction : Connecting translation and network studies / D. Folaron, H. Buzelin // Meta. — 2007. — Vol. 52. — № 4. — Pp. 605—642. — DOI: 10.7202/017689ar.
32. Giere R. N. Distributed cognition : Where the cognitive and the social merge / R. N. Giere, B. Moffatt // Social Studies of Science. — 2003. — Vol. 33. — № 2. — Pp. 301—310. — DOI: 10.1177/03063127030332017.
33. Hansen G. Integrative description of translation process research / G. Hansen // Translation and Cognition. (American Translators Association Scholarly Monograph Series; № XV). — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2010. — Pp. 189—211. — ISBN 9789027231918.
34. Hollan J. Distributed cognition : Toward a new foundation for human-computer interaction research / J. Hollan, E. Hutchins, D. Kirsh // ACM Transactions on Computer-Human Interaction. — 2000. — Vol. 7. — № 2. — Pp. 174—196. — DOI: 10.1145/353485.353487.
35. Jarrahi M. H. Digital assemblages, information infrastructures, and mobile knowledge work / M. H. Jarrahi, S. Sawyer, I. Erickson // Journal of Information Technology. — 2022. — Vol. 37. — № 3. — Pp. 230—249. — DOI: 10.1177/02683962211050943.
36. Jiménez-Crespo M. A. The “technological turn” in translation studies : Are we there yet? A transversal cross-disciplinary approach / M. A. Jiménez-Crespo // Translation Spaces. — 2020. — Vol. 9. — № 2. — Pp. 314—341. — DOI: 10.1075/ts.19012.jim.
37. Littau K. Translation and the materialities of communication / K. Littau // Translation Studies. — 2015. — Vol. 9. — № 1. — Pp. 82—96. — DOI: 10.1080/14781700.2015.1063449.
38. Latour B. Networks, societies, spheres : Reflections of an actor-network theorist / B. Latour // International Journal of Communication. — 2011. — Vol. 5. — Pp. 796—810.
39. Law J. After ANT : Complexity, naming and topology / J. Law // The sociological review. — 1999. — Vol. 47. — № 1 — Pp. 1—14. — DOI: 10.1111/j.1467-954X.1999.tb034.
40. Lexander K. V. Working with mediagrams : A methodology for collaborative research on mediational repertoires in multilingual families / K. V. Lexander, J. Androutsopoulos //

Journal of Multilingual and Multicultural Development. — 2021. — Vol. 42. — № 1. — Pp. 1—18. — DOI: 10.1080/01434632.2019.1667363.

41. Rampin R. Taguette : Open-source qualitative data analysis / R. Rampin, V. Rampin // Journal of Open Source Software. — 2021. — Vol. 6. — № 68. — P. 3522. — DOI: 10.21105/joss.03522.

42. Risku H. Praxis and process meet halfway : The convergence of sociological and cognitive approaches in translation studies / H. Risku, R. Rogl // Translation & Interpreting. — 2022. — Vol. 14. — № 2. — Pp. 32—49. — DOI: 10.12807/ti.114202.2022.a03.

43. Risku H. Researching workplaces / H. Risku, R. Rogl, J. Milošević // The Bloomsbury Companion to Language Industry Studies. — London : Bloomsbury Academic, 2020. — Pp. 37—62. — ISBN 978-1-3500-2493-9.

44. Risku H. Mutual dependencies : Centrality in translation networks / H. Risku, R. Rogl, C. Pein-Weber // The Journal of Specialised Translation. — 2016. — Vol. 25. — № 1. — Pp. 232—253.

45. Sannholm R. Translation, teamwork, and technology : The use of social and material scaffolds in the translation process : Doctoral dissertation / R. Sannholm. — Stockholm, 2021. — 181 p. — ISBN 978-91-7911-660-6.

46. Tyulenev S. Translation and society : An introduction / S. Tyulenev. — London, New York : Routledge, 2014. — 218 p. — ISBN 978-0-415-72121-9.

47. Wolf M. A “performative turn” in translation studies? Reflections from a sociological perspective / M. Wolf // TranscUlturAl : A Journal of Translation and Cultural Studies. — 2017. — Vol. 9. — № 1. — Pp. 27—44. — DOI: 10.21992/T90D1S.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 24.10.2023.

References

- Alonso, E., Calvo, E. (2015). Developing a blueprint for a technology-mediated approach to translation studies. *Meta*, 60 (1): 135—157. DOI: 10.7202/1032403ar.
- Androutsopoulos, J. (2021). Polymedia in interaction. *Pragmatics and Society*, 12 (5): 707—724. DOI: 10.1075/ps.21069.int.
- Bastian, M., Heymann, S., Jacomy, M. (2009). Gephi: An open source software for exploring and manipulating networks. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 3 (1): 361—362. DOI: 10.13140/2.1.1341.1520.
- Bryman, A. (2007). Interviewing in qualitative research. *Sociology of Power*, 4: 15—32. (In Russ.).
- Callon, M. (2017). Some elements of a sociology of translation: Domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay. “Logos” *Russian Journal of Philosophy and Humanities*, 27 (2): 49—94. (In Russ.).
- Chistova, E. V. (2021). An eco-friendly model of cognitive management in digital translation studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*, 3: 46—59. (In Russ.).
- Chistova, E. V. (2023). Modeling of translation activity in the aspect of cognitive interaction “human – environment”. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 2 (54): 82—100. DOI: 10.31249/chel/2023.02.05. (In Russ.).
- Clark, A. (2001). Natural-Born Cyborgs? In: *Cognitive Technology: Instruments of Mind. Lecture Notes in Computer Science*, 2117. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 17—24. ISBN 978-3-540-42406-2.

- Cowley, S. D., Kravchenko, A. V. (2006). Dynamics of cognitive processes and of linguistics. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language]*, 6: 133—141. (In Russ.).
- Decuyper, M., Simons, M. (2014). On the composition of academic work in digital times. *European Educational Research Journal*, 13 (1): 89—106. DOI: 10.2304/eej.2014.13.1.89.
- Decuyper, M. (2020). Visual Network Analysis: A qualitative method for researching sociomaterial practice. *Qualitative Research*, 20 (1): 73—90. DOI: 10.1177/1468794118816613.
- Folaron, D., Buzelin, H. (2007). Introduction: Connecting translation and network studies. *Meta*, 52 (4): 605—642. DOI: 10.7202/017689ar.
- Garbovsky, N. K. (2015). Sistemological model of translology: transdisciplinarity and the system of scientific knowledge. *Moscow University Translation Studies Bulletin. Series 22, 1*: 3—20. (In Russ.).
- Garbovsky, N. K., Kostikova, O. I. (2018). Translation and society. *Moscow University Translation Studies Bulletin. Series 22, 1*: 29—30. (In Russ.).
- Gavrilenko, N. N. (2021). Foresight session “Translator 2040”. *Perm National Research Polytechnic University Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4: 49—63. DOI: 10.15593/2224-9389/2021.4.5. (In Russ.).
- Giere, R. N., Moffatt, B. (2003). Distributed cognition: Where the cognitive and the social merge. *Social Studies of Science*, 33 (2): 301—310. DOI: 10.1177/03063127030332017.
- Hansen, G. (2010). Integrative description of translation process research. In: *Translation and Cognition. (American Translators Association Scholarly Monograph Series; № XV)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 189—211. ISBN 9789027231918.
- Hollan, J., Hutchins, E., Kirsh, D. (2000). Distributed cognition: Toward a new foundation for human-computer interaction research. *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, 7 (2): 174—196. DOI: 10.1145/353485.353487.
- Jarrahi, M. H., Sawyer, S., Erickson, I. (2022). Digital assemblages, information infrastructures, and mobile knowledge work. *Journal of Information Technology*, 37 (3): 230—249. DOI: 10.1177/02683962211050943.
- Jiménez-Crespo, M. A. (2020). The “technological turn” in translation studies: Are we there yet? A transversal cross-disciplinary approach. *Translation Spaces*, 9 (2): 314—341. DOI: 10.1075/ts.19012.jim.
- Knyazheva, E. A., Osikina, A. S. (2019). Translation quality assessment in translation industry: Case study with the application of structural-functional modeling method. *Perm National Research Polytechnic University Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 1: 46—59. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.4.4. (In Russ.).
- Kolmogorova, A. V. (2019). An ecological view on cognitive linguistics: Perspectives of applying the principles of cognitive ecology in linguistic researches. *Ecology of language and communicative practice*, 3 (18): 19—28. DOI: 10.17516/2311-3499-065. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (2002). *Modern Translation Studies. Textbook*. Moscow: ETS. 424 p. ISBN 5-93386-030-1. (In Russ.).
- Latour, B. (2011). Networks, societies, spheres: Reflections of an actor-network theorist. *International Journal of Communication*, 5: 796—810.
- Latour, B. (2020). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 384 p. ISBN 978-5-7598-2141-0. (In Russ.).

- Law, J. (1999). After ANT: Complexity, naming and topology. *The sociological review*, 47 (1): 1—14. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1999.tb034.
- Lexander, K. V., Androutsopoulos, J. (2021). Working with mediagrams: A methodology for collaborative research on mediational repertoires in multilingual families. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 42 (1): 1—18. DOI: 10.1080/01434632.2019.1667363.
- Littau, K. (2015). Translation and the materialities of communication. *Translation Studies*, 9 (1): 82—96. DOI: 10.1080/14781700.2015.1063449.
- Lvónskaya, Z. D. (2018). *Current Issues in Translation*. Moscow: URSS. 224 p. ISBN 978-5-382-01803-4. (In Russ.).
- Napreenko, I. V. (2015). Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: How to build up a heterogeneous collective of cyborgs and anthropomorphs? *Sociology of Power*, 27 (1): 108—121. (In Russ.).
- Novikova, E. Yu., Popova, O. I. (2023). Translatological Ecosystem of the Region: Determinants, Constituents, Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22 (3): 19—29. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.2. (In Russ.).
- Polikarpov, A. M. (2017). Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 16 (3): 6—17. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.1. (In Russ.).
- Prunč, E. (2015). Lines of Development in Translation Studies From the Asymmetries of Languages to the Asymmetries of Power. Moscow: R. Valent. 512 p. ISBN 978-5-93439-488-3. (In Russ.).
- Rampin, R., Rampin, V. (2021). Taguette: Open-source qualitative data analysis. *Journal of Open Source Software*, 6 (68): P. 3522. DOI: 10.21105/joss.03522.
- Remkhe, I. N., Nefedova, L. A. (2023). Matrix Model of Cooperative Translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 22 (3): 30—42. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.3. (In Russ.).
- Risku, H., Rogl, R., Pein-Weber, C. (2016). Mutual dependencies: Centrality in translation networks. *The Journal of Specialised Translation*, 25 (1): 232—253.
- Risku, H., Rogl, R. (2022). Praxis and process meet halfway: The convergence of sociological and cognitive approaches in translation studies. *Translation & Interpreting*, 14 (2): 32—49. DOI: 10.12807/ti.114202.2022.a03.
- Risku, H., Rogl, R., Milošević, J. (2020). Researching workplaces. In: *The Bloomsbury Companion to Language Industry Studies*. London: Bloomsbury Academic. 37—62. ISBN 978-1-3500-2493-9.
- Sannholm, R. (2021). *Translation, teamwork, and technology: The use of social and material scaffolds in the translation process: Doctoral dissertation*. Stockholm. 181 p. ISBN 978-91-7911-660-6.
- Sdobnikov, V. V. (2022a). Does translation paradigm change in the digital era? In: *Language. Culture. Translation: Intercultural communication in the digital age: A collection of scientific papers, 1*. Moscow: Rusains. 25—36. ISBN 978-5-466-01323-8. (In Russ.).
- Sdobnikov, V. V. (2022b). Reinterpretation of translation categories — reinterpretation of translation. In: *Military-humanitarian almanac: Materials of the XVI Interna-*

- tional Scientific Conference on topical issues of language and communication*. Moscow: Military University. 60—75. ISBN 978-5-4369-0094-0. (In Russ.).
- Serebryakova, S. V., Milostivaya, A. I. (2021). Situated Cognition Approach in Translation Studies: Origins and Heuristic Potential. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 20 (3): 18—28. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.3.2. (In Russ.).
- Tyulenev, S. (2014). *Translation and society: An introduction*. London, New York: Routledge. 218 p. ISBN 978-0-415-72121-9.
- Vygotsky, L. S. (1982). Instrumental method in psychology. In: *Collected works: in 6 volumes: Issues of theory and history of psychology, 1*. Moscow: Pedagogika. 103—108. (In Russ.).
- Wolf, M. (2017). A “performative turn” in translation studies? Reflections from a sociological perspective. *TransculturAl: A Journal of Translation and Cultural Studies*, 9 (1): 27—44. DOI: 10.21992/T90D1S.
- Zub, A. T. (2023). *Project management: workbook and workshop for universities*. Moscow: Yurayt Publishing House. 397 p. ISBN 978-5-534-17500-4. (In Russ.).
- Zwilling, M. Ya. (2009). The concept of translation constellation. In: *About translation and translators. Collection of scientific articles*. Moscow: Vostochnaya Kniga. 116—123. ISBN 978-5-7873-0442-8. (In Russ.).

*The article was submitted 23.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 24.10.2023.*

Информация для цитирования:

Круглова А. В. Перцептивная оценка глубины просодического членения в звучащем стихе (на материале «Евгения Онегина» А. С. Пушкина) / А. В. Круглова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 179—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-179-192.

Kruglova, A. V. (2023). Perception of Prosodic Division Depth in Spoken Poetry (A. S. Pushkin's "Eugene Onegin"). *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 179-192. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-179-192. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-179-192

Перцептивная оценка глубины просодического членения в звучащем стихе (на материале «Евгения Онегина» А. С. Пушкина)

Круглова Анастасия Владимировна
orcid.org/0009-0003-4133-5632
исполнитель гранта;
nastel.kruglof@gmail.com

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01812

Perception of Prosodic Division Depth in Spoken Poetry (A. S. Pushkin's "Eugene Onegin")

Anastasia V. Kruglova
orcid.org/0009-0003-4133-5632
grant participant;
nastel.kruglof@gmail.com

V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01812

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Паузы являются одним из наиболее универсальных маркеров просодического членения в различных языках. Их длительность зависит от ряда факторов: жанра текста, синтаксиса, пунктуации и др. В стихе паузы не только помогают выявить структуру стиха и подчеркнуть разделение его на строки, но также отражают разную степень внутреннего членения в пределах строки. В данной работе представлены результаты перцептивного эксперимента с участием 11 аудиторов, которые оценивали наличие и глубину просодических швов в звучащем русском стихе по 5-балльной шкале, зарекомендовавшей себя в экспериментах, проведенных ранее в прозаических текстах на русском и нидерландском языках. Эксперимент показал, что наивные носители языка успешно идентифицируют паузы в звучащем стихе и согласованно определяют их глубину. Для оценки глубины членения внутри строки аудиторы используют минимальные по силе баллы. Также выявлена корреляция между длительностью физических пауз в речи диктора и уровнем оценки просодических швов аудиторами. Результаты данного исследования восполняют пробел в понимании глубины просодического членения в стихах и подтверждают ранее обнаруженные закономерности распределения пауз в русском стихе.

Ключевые слова:

паузы; просодическое членение; просодический шов; макросегментация; стих; четырехстопный ямб.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Pauses are one of the most universal markers of prosodic division in different languages. Their duration depends on various factors such as genre, syntax, and punctuation. In poetry, pauses not only help reveal the structure of the poem and emphasize its division into lines, but also reflect the varying degree of internal division within a line. This study presents the results of a perceptual experiment involving 11 participants who evaluated the presence and depth of prosodic breaks in spoken Russian poetry using a 5-point scale, which has been proven effective in previous experiments conducted on prose texts in Russian and Dutch. The experiment showed that native speakers successfully identify pauses in spoken poetry and consistently determine their depth. When evaluating the depth of division within a line, participants tended to use the lowest possible score. Additionally, a correlation was found between the duration of physical pauses in the speaker's speech and the level of evaluation of prosodic breaks by the participants. These findings fill a gap in understanding the depth of prosodic division in poetry and confirm previously identified patterns of pause distribution in Russian poetry.

Key words:

Pauses; prosodic division; prosodic seam; macrosegmentation; verse; four-foot iambic.

Перцептивная оценка глубины просодического членения в звучащем стихе (на материале «Евгения Онегина» А. С. Пушкина)

© Круглова А. В., 2023

1. Введение = Introduction

Начиная с 80-х годов XX века в зарубежной и отечественной лингвистике активно исследуется просодическое членение звучащей речи [Price et al., 1991; Wightman et al., 1992; Beckman et al., 1986; Sanderman et al., 1997; Кривнова, 1995; Кривнова и др., 2016]. В фонетике под **просодическим членением** (далее — ПЧ) понимается процесс макросегментации звучащей речи на фонетически оформленные единицы различной протяженности («просодические составляющие»), осуществляемый говорящим с помощью просодических средств (пауз, изменения частоты основного тона, интенсивности, предпаузального удлинения, глоттализации и др.) с опорой на смысловую и синтаксическую структуру текста. Примером просодических составляющих являются фонетические слова, синтагмы и фразы. Границы между этими просодическими единицами называются **просодическими швами** (ПШ). В некоторых случаях сочетание суперсегментных средств создает впечатление сильного шва или разрыва, например, за счет длинной паузы и понижения частоты основного тона. В таком случае говорят, что здесь глубина членения сильнее, чем на соседних швах. В тексте аналогом просодического шва являются словоразделы, а их сегментирующий потенциал, то есть вероятность того, что именно в этой точке текста диктор поставит паузу или близкое по силе членения просодическое явление, зависит от характеристик текста (синтаксической структуры, наличия знаков препинания и др.).

Тот факт, что просодические средства, в том числе паузы, помогают установить различную степень связанности между словами и более крупными синтаксическими единицами в предложении, указывает на иерархический характер просодического членения. Идеи о иерархической природе интонационного членения высказывались ранее Л. В. Щербой, Б. В. Томашевским, С. И. Бернштейном, Р. И. Аванесовым и др., но не получили дальнейшего теоретического осмысления и не проверялись экспериментально на большом материале [Кривнова, 2015]. Иерархия в таком случае

постулируется как на уровне просодических составляющих, с подчинением меньших по размеру синтагм большим, так и на уровне просодических средств, в более явной степени фонетической проявленности границы между составляющими. Из всех средств просодического членения паузы являются самым универсальным и сильным маркером членения, поэтому являются исчерпывающим фонетическим явлением на начальном этапе исследования просодического членения в звучащем стихе.

Настоящая работа является логическим продолжением исследования, посвященного паузам как маркеру просодического членения в звучащем стихе [Kruglova et al., 2019]. Напомним некоторые результаты первого этапа работы: в ходе инструментально-акустического анализа были получены данные о локализации, частоте и длительности пауз во 2-й и 3-й главах «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в исполнении одного непрофессионального диктора. Впервые было статистически доказано, что частота и длительность физических пауз в полноударных строках четырехстопного ямба (Я4) зависят от положения в строке и отражают заложенную в стихе разную глубину членения. Таким образом, функционально паузы не только служат для подчеркивания деления стиха на строки, о чем было известно ранее [Златоустова 1980], но и отражают разную глубину членения внутри строки. Так, наибольшим сегментирующим потенциалом (то есть частотой, с которой диктор ставит длинные паузы на том или ином словоразделе) в порядке убывания обладают словоразделы между 2-м и 3-м, 1-м и 2-м, 3-м и 4-м фонетическими словами. По длительности паузы были разбиты на 6 групп с применением метода К-средних с варьированием числа классов до получения устойчивого результата (табл. 1). Данная процедура позволяет сопоставлять между собой разных дикторов, нивелируя темповые различия. Сравним диапазоны длительности пауз во 2-й и 3-й главах Евгения Онегина: как мы видим, первая группа (П1) состоит из пауз длительностью менее 250 мс. Хотя многие исследователи, начиная с Ф. Голдман-Эйслер [Goldman-Eisler, 1968; Zellner, 1994], исключают такие паузы из анализа в связи с их слабой перцептивной различимостью, мы решили не устанавливать минимальный порог длительности пауз, так как мы можем столкнуться с отличиями от прозы явлениями. Короткие паузы (П2) находятся в диапазоне 236—408 мс; средние паузы (П3), наиболее частотные в речи диктора, не превышают 550 мс; длинные паузы (П4) имеют диапазон длительности 553—728 мс. Менее однородна группа сверхдлинных пауз (П5): заметные расхождения между средним арифметическим и медианой свидетельствуют о незначительном количестве выбросов за счет пауз на границе строф, глав, а также экстралингвистических факторов (перелистывание, усталость и др.).

Таблица 1

Частота и длительность пауз (5 групп)

Паузы	Кол-во (абс. числа)	Среднее, мсек	Медиана, мсек	Минимум, мсек	Максимум, мсек
П1	254	127.4	116.8	33.3	232.9
П2	344	341.6	348.9	235.5	408.1
П3	507	475.6	471.6	409.3	550.3
П4	262	626.3	621.5	552.8	727.9
П5	191	968.7	891.1	729.7	2555.9

Следующим шагом является проведение перцептивного эксперимента для оценки наличия или отсутствия пауз в стихе, а также оценки глубины ПЧ, выраженной целочисленными показателями воспринимаемой длительности пауз носителями русского языка. Проведенные на материале русского [Кривнова, 1995; Кривнова, 2018] и нидерландского языков [de Rijper et al., 1994; Sanderma et al., 1997] эксперименты убедительно доказали, что наивные носители языка не только достаточно согласованно идентифицируют наличие просодических швов по паузам, но также они способны различать несколько градаций глубины членения.

В рамках настоящего перцептивно-фонетического исследования мы хотим ответить на следующие вопросы:

1) Способны ли непрофессиональные аудиторы согласованно определить на слух глубину просодического членения, ориентируясь на наличие и длительность паузы в качестве основного фонетического ключа?

2) Есть ли зависимость между силой выставленной аудитором оценки глубины просодического членения по шкале от 1 до 5 (где «1» — самая короткая, «3» — средняя и «5» — самая продолжительная пауза) и длительностью физической паузы в речи диктора?

3) Каков минимальный порог длительности опознаваемых на слух пауз?

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала мы выбрали текст второй главы «Евгения Онегина» за исключением «Песни девушек» (1755 словоразделов), озвученный женщиной, обладающей навыками выразительного чтения (общая длительность — 21 мин.). Ранее мы уже представили данные о соотношении пауз и синтаксиса, а также о длительности пауз в речи данного диктора в двух главах «Евгения Онегина» [Kruglova et al., 2019]. Принятый в настоящей работе дизайн перцептивного эксперимента по локализации и оценке

пауз позаимствован из работ, выполненных группой ученых под руководством О. Ф. Кривновой [Смирнова, 2017; Кривнова и др., 2018а; Кривнова и др., 2018б], и адаптирован под особенности стихотворного текста.

На первом этапе для удобства оригинальная аудиозапись с прочтением связного стихотворного текста диктором, а также соответствующий текст были нарезаны на фрагменты (всего 181, длительность каждого — 9—12 с) и пронумерованы (001, 002...181). Следуя дизайну эксперимента, на который мы ориентировались, последняя строка в каждом фрагменте должна была повторяться в начале следующего аудиофрагмента. При разбивке текста и аудио на фрагменты мы ориентировались на синтаксическое и ритмическое членение строфы. Так, фрагменты в большинстве случаев представляют собой замкнутые синтаксические периоды (например, двустипшие + следующая стихотворная строка для более точного определения силы паузы в конце замкнутого периода). Из текста убраны все заглавные буквы и пунктуационные знаки. Единственный графический маркер сегментации — деление на строки. В рамках настоящей работы мы не стали проверять «реальность» стихотворной строки как базовой единицы стиха.

Эксперимент проводился в удаленном режиме, и в нем приняли участие 11 аудиторов в возрасте от 18 до 50 лет. Аудиторы получили инструкцию, папку с аудиофайлами и протокол с текстом второй главы Евгения Онегина, разбитым на фрагменты. При разметке протоколов испытуемые должны были ориентироваться на чтение диктора, а не на свои представления о том, где бы они сами поставили паузу. После прослушивания каждого аудиофрагмента не более 3—4 раз аудиторы в документе отмечали паузы в специальных формах (серые поля на каждом словоразделе), при нажатии на которые появлялся выпадающий список с цифровым показателем балла по шкале от 1 до 5 баллов, где: 1 — самая короткая пауза, 2 — чуть более длинная пауза, 3 — средняя по длительности пауза, 4 — более продолжительная пауза, 5 — самая длинная пауза. Пример размеченного фрагмента протокола представлен на рисунке (рис. 1).

Таким образом, перед участниками эксперимента стояли две основные задачи: 1) отметить в электронной форме услышанные в аудио паузы, разрывы или нарушения плавности звучания между соседними словами; 2) вместе с постановкой паузы выбрать в выпадающем списке силу этой паузы по шкале от 1 до 5. Мы остановили свой выбор на 5-балльной шкале оценки ПШ, так как в проведенных ранее исследованиях статистически доказано, что поведенческой устойчивостью обладают шкалы оценивания, включающие в себя не более 5 уровней глубины сегментации [Кривнова и др., 2018а].

При нажатии на подходящий балл в протоколе остается выбранный цифровой показатель. По умолчанию все неотмеченные словоразделы

001	деревня где скучал евгений 2 была прелестный уголок 2 там друг невинных наслаждений 2 благословить бы небо мог 2 господский дом уединенный
002	господский дом уединенный 2 горой от ветров огражденный 1 стоял над речкою 4 вдали 3 пред ним пестрели 1 и цвели 1
003	пред н им пестрели и цвели луга 1 и нивы золотые 2 мелькали села 1 здесь 1 и там
004	мелькали 1 села 2 здесь 1 и там стада бродили по лугам и сени расширял густые 2 огромный 1 запущенный сад 2
005	огромный 1 запущенный 1 сад 2 приют 2 задумчивых дриад 3 почтенный замок был построен

Рис 1. Пример протокола с разметкой ПШ в Я4 «Евгения Онегина»

причислялись к «нулевым», то есть беспаузальным. В общий файл формата Excel заносились отметки аудиторов в двух форматах: отсутствие или наличие паузы (0/1); сила паузы (1—5). Также в общем файле содержится текст «Евгения Онегина», разбитый на фонетические слова, ритмические признаки словоразделов (ритмическая форма, номер стопы, ударность), абсолютная и категориальная длительность пауз. Статистические расчеты велись в программе MS Excel.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Локализация просодических швов в Я4

В эксперименте аудиторам было предложено определить на слух локализацию и силу паузальных просодических швов в озвученных стихах

«Евгения Онегина» по 5-балльной шкале. Сначала рассмотрим частоту и длительность пауз диктора во 2-й главе «Евгения Онегина», на материале которой проводился перцептивный эксперимент (табл. 2).

Таблица 2

Частота физических пауз во второй главе «Евгения Онегина»
(6 категорий длительности)

Паузы	N (абс.числа)
П0	1050
П1	118
П2	181
П3	241
П4	101
П5	63
Итого	1754

В строках дана частота пауз по 6 группам длительности, включая «нулевую». Доля беспаузальных словоразделов составляет 60 %. Внутри строк, в особенности после первого фонетического слова, преобладают «сверхкраткие» паузы (П1), максимальная длительность пауз в этой группе составляет 232 мс. Средняя длительность пауз внутри строки равна 182 мс. Паузы 2—5 групп длительности в основном межстрочные. В целом, у диктора преобладают «средние» паузы в диапазоне 400—550 мс.

Посмотрим, какими баллами пользовались 11 аудиторов для оценки глубины просодических швов (табл. 3), и насколько хорошо им удалось опознать наличие пауз в речи диктора.

Таблица 3

Частота оценок глубины просодических швов (ГПШ)

ГПШ	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
0	1206	1120	990	1074	1024	1052	1147	947	918	1044	904
1	535	159	133	62	95	72	299	266	347	159	176
2	11	416	483	403	376	379	219	397	384	318	381
3	2	47	138	189	240	237	58	128	94	179	250
4	0	10	10	24	16	14	22	9	11	42	36
5	0	2	0	2	3	0	9	7	0	12	7

Римскими цифрами в столбцах обозначены участники эксперимента, а ниже в строках — частота используемых оценок по 6-балльной шкале,

включая «нулевые швы», то есть отсутствие пауз. Согласно полученным данным, аудиторы единогласно (11/11) определили наличие брейка в 64 % случаев. Это не самый высокий результат. При сопоставлении с таблицей 2 видно, что в некоторых разметках испытуемые отметили лишние паузы. Разметка первого аудитора самая anomальная, так как пропущено много пауз и полностью игнорируются баллы 3—5, что может свидетельствовать о небрежной работе. Третий, шестой и девятый аудиторы не использовали 5-й балл.

Для улучшения согласованности оценок была использована описанная О. С. Смирновой методика исключения anomальных оценок [Смирнова, 2017; Кривнова и др., 2018б]. Сначала в MS Excel вычислялась медиана по всем строкам, то есть по баллам от 0 до 5, которые аудиторы выставили по каждому словоразделу в тексте. Аудитор с наибольшей суммой абсолютных величин отклонений от медианы удалялся, медиана пересчитывалась для оставшихся участников эксперимента, и процедура повторялась еще раз. В итоге в дальнейших расчетах не учитывались разметки 1-го, 7-го, 9-го и 11-го аудиторов. После этой коррекции, согласно данным 7 лучших аудиторов, единогласная локализация пауз составила 82 %.

Всего аудиторы локализовали 145 ненулевых просодических швов внутри строки, из них первым баллом отмечены 74 словораздела, вторым баллом — 62, 3-м баллом — 4 словораздела и максимальным баллом 1 словораздел. Этот случай можно исключить из анализа, так как диктор сделал паузу хезитации во время чтения. Третьим баллом аудиторы отметили словоразделы, на которых в оригинальном тексте Евгения Онегина стоят «сильные» знаки препинания (точка, точка с запятой, двоеточие), традиционно ассоциируемые с более продолжительными паузами [Hegedüs, 1953; Vannier et al., 1999]. В целом испытуемые хорошо опознают минимальные по длительности паузы даже внутри стихотворных строк. Так, несмотря на свою небольшую длительность (0,033—0,232 с), было идентифицировано 74 % сверхкоротких пауз.

Соотношение минимальных, средних и максимальных оценок силы пауз меняется на границе строк: первым баллом отмечены только 11 межстрочных словоразделов без знаков препинания, вторым баллом — 437 словоразделов, третьим баллом — 101 случай, четвертым баллом — 7 словоразделов с максимальными по длительности паузами на границе предложений.

3.2. Связь перцептивных оценок глубины просодических швов с длительностью пауз

На следующем этапе проверим гипотезу о том, что сила выставленных носителями просодических швов коррелирует с длительностью пауз.

В связи с тем, что «сверхдлинные» паузы слабо представлены в разметках участников эксперимента, «длинные» и «сверхдлинные» ПШ были объединены в единый балл. Воспринимаемая глубина ПШ в таблице 4 (столбцы ПШ0 — ПШ 4+5) — это рассчитанная по 7 лучшим аудиторам медиана оценок по каждому словоразделу (N=1754).

Таблица 4

Наблюдаемые частоты разметок просодических швов
для 5-ти уровней пауз

Паузы	ПШ 0	ПШ 1	ПШ 2	ПШ 3	ПШ 4+5	Всего
П0	1019	29	2	0	0	1050
П1	31	45	39	3	0	118
П2	2	11	165	3	0	181
П3	0	0	214	27	0	241
П4	0	0	71	30	0	101
П5	0	0	13	42	8	63
Всего	1052	85	504	105	8	1754

Далее в таблице приводятся различные коэффициенты ранговой корреляции и результаты проверки гипотезы независимости для силы просодического шва и категоризированной длительности пауз по критерию χ^2 (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между длительностью пауз (6 категорий)
и глубиной просодических швов (5 категорий)

Хи-квадрат	2597,5	Df=20	P<0,00005	вер ошибки 1-го рода
R Спирмена	0,94		ранговые	
тау Кендалла	0,89		корреляции	
Гамма	0,99			

Проверка гипотезы независимости для категоризированной длительности пауз и силы перцептивно различаемых носителями ПШ по критерию χ^2 указывает на сильную зависимость типа ПШ и длительности пауз при уровне значимости (величине вероятности ошибки 1-го рода) 0,00005. Большое значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена составляет 0,94, что говорит о хорошем согласовании возрастания и убывания глубины ПШ в зависимости от длительности пауз.

4. Заключение = Conclusions

Паузы как средство просодического членения речи давно являются предметом исследований в экспериментальной фонетике. Их акустические характеристики и локализация достаточно хорошо изучены на материале прозаических текстов. Насколько нам известно, глубина просодического членения в стихе, тем более с точки зрения восприятия на слух, подробно и на представительном материале не исследовалась. В настоящей статье мы решили восполнить этот пробел.

Исходя из уже имеющихся в фонетической литературе данных об уровнях просодической организации и приемлемых с точки зрения восприятия шкал оценки просодического членения речи, с одной стороны, и данных о ритмической и синтаксической структуре стихотворной строки, с другой, мы провели эксперимент по локализации и оценке просодических швов в звучащем русском стихе.

1. Мы выяснили что наивные носители языка хорошо идентифицируют паузы в звучащем стихе. При единогласном опознавании наличия или отсутствия пауз всеми 11-ю аудиторами определено правильно 64 % слово-разделов. Отсев аномальных и отклоняющихся аудиторов помог улучшить этот показатель до 82 %. Также обнаружено, что короткие паузы длительностью менее 150 мс не только были услышаны аудиторами, но получили оценки П1-П3, что указывает на необходимость проведения более подробного анализа ритмического, фонетического и синтаксического контекста швов, который бы объяснил выбор более высокой оценки.

2. Обнаруженные ранее в русском стихе закономерности расположения пауз в строках 4-стопного ямба (преобладание сверхкоротких и коротких пауз после первого и реже после третьего слова, коротких и средних пауз в середине строки; средних, длинных и сверхдлинных пауз между строками) нашли подтверждение в разметках аудиторов. Наблюдается прямая зависимость между категоризированной длительностью физических пауз у диктора (по 5 уровням) и уровнем выбранного аудитором брейка по 5-балльной шкале.

3. В дальнейшем было бы интересно подробнее рассмотреть небольшую группу так называемых «мнимых пауз», которые аудиторы, несмотря на отсутствие физической паузы, отметили как брейки. В этих участках аудио эффект паузы может создаваться за счет глоттализации, нетипичного движения тона, замедления темпа или удлинения слогов, что требует проверки.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Златоустова Л. В. О единице ритма стиха и прозы / Л. В. Златоустова // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. — Москва : Изд-во Московского университета, 1980. — С. 61—75.
2. Кривнова О. Ф. Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные) / О. Ф. Кривнова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной международной конференции «Диалог». — Москва : РГГУ, 2015. — Выпуск 14. — Т. 1. — С. 338—351.
3. Кривнова О. Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов в связанном тексте / О. Ф. Кривнова // Проблемы фонетики II. — 1995. — Выпуск 2. — С. 229—238.
4. Кривнова О. Ф. Смысловая значимость просодических швов в тексте / О. Ф. Кривнова // Проблемы фонетики III. — 1999. — Выпуск 3. — С. 247—257.
5. Кривнова О. Ф. Интонационное членение и сегментирующая сила словоразделов в звучащем тексте (данные перцептивного эксперимента) / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, О. С. Смирнова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Фонетика. — 2018. — Выпуск 17. — С. 128—140.
6. Кривнова О. Ф. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка / О. Ф. Кривнова, С. В. Князев, Е. В. Моисеева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. — 2016. — № 4. — С. 7—33.
7. Кривнова О. Ф. База дискурсивных признаков словораздела в устной русской речи : структура, состав и опыт применения / О. Ф. Кривнова, О. С. Смирнова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Москва : РГГУ, 2018. — Т. 17. — С. 363—374.
8. Смирнова О. С. Статистический анализ результатов перцептивного оценивания глубины просодических швов в русском звучащем тексте [Электронный ресурс] / О. С. Смирнова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам международной конференции «Диалог 2017». — 2017. — Режим доступа: www.dialog-21.ru/media/3980/smirnovaos.pdf.
9. Beckman M. E. Intonational Structure in Japanese and English / M. E. Beckman, J. Pierrehumbert // Phonology Yearbook. — 1986. — № 3. — Pp. 255—309.
10. De Pijper, J. R. On the perceptual strength of prosodic boundaries and its relation to suprasegmental cues / J. R. de Pijper, A. A. Sanderman // The Journal of the Acoustical Society of America. — 1994. — № 96. — Pp. 2037—2047. — DOI: 10.1121/1.410145.
11. Goldman-Eisler F. Psycholinguistics : Experiments in Spontaneous Speech / F. Goldman-Eisler. — London and N.Y : Academic Press, 1968. — 169 p.
12. Hegedüs L. On the problem of the pauses of speech / L. Hegedüs // Acta Ling. Acad. Sci. Hung. — 1953. — № 3. — Pp. 1—34.
13. Kruglova A. V. Syntax and Pauses in a Verse Line : Statistical Analysis / A. V. Kruglova // The Quantitative Approaches to Versification 2019 Conference. — Prague : [b. i.], 2019. — Pp. 113—122. — ISBN 978-80-88069-83-6.
14. Price P. J. The use of prosody in syntactic disambiguation / P. J. Price, M. Ostendorf, S. Shattuck-Hufnagel // The Journal of the Acoustical Society of America. — 1991. — № 90 (6). — Pp. 2956—2970. — DOI: 10.1121/1.401770.
15. Sanderman A. A. Prosodic Phrasing and Comprehension / A. A. Sanderman, R. Collier // Language and Speech. — 1997. — № 40 (4). — Pp. 391—409. — DOI: 10.1177/002383099704000405.

16. Vannier G. Pauses location and duration calculated with syntactic dependencies and textual considerations for t.t.s. system / G. Vannier, A. Lacheret-Dujour, J. Vergne // Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic sciences (ICPhSC'99). — 1999. — Pp. 1569—1572.

17. Wightman C. W. Segmental durations in the vicinity of prosodic phrase boundaries / C. W. Wightman, S. Shattuck-Hufnagel, M. Ostendorf // Journal of the Acoustical Society of America. — 1992. — № 92. — Pp. 1707—1717.

18. Zellner B. Pauses and the temporal structure of speech / B. Zellner // Fundamentals of speech synthesis and speech recognition. — Chichester : John Wiley, 1994. — Pp. 41—62.

Статья поступила в редакцию 17.09.2023,
одобрена после рецензирования 18.10.2023,
подготовлена к публикации 24.10.2023.

References

- Beckman, M. E., Pierrehumber, J. (1986). Intonational Structure in Japanese and English. *Phonology Yearbook*, 3: 255—309.
- De Pijper, J. R., Sanderman, A. A. (1994). On the perceptual strength of prosodic boundaries and its relation to suprasegmental cues. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 96: 2037—2047. DOI: 10.1121/1.410145.
- Goldman-Eisler, F. (1968). *Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech*. London and N. Y: Academic Press. 169 p.
- Hegedüs, L. (1953). On the problem of the pauses of speech. *Acta Ling. Acad. Sci. Hung.* 3: 1—34.
- Krivnova, O. F. (2015). Depth of prosodic seams in a sounding text (experimental data). In: *Computational linguistics and intellectual technologies. Materials of the annual international conference "Dialogue", 14 (1)*. Moscow: RSUH. 338—351. (In Russ.).
- Krivnova, O. F., Knyazev, S. V., Smirnova, O. S. (2018). Intonation division and segmenting power of word divisions in a sounding text (perceptual experiment data). *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Phonetics*, 17: 128—140. (In Russ.).
- Krivnova, O. F. (1995). Perceptual and semantic significance of prosodic seams in a coherent text. *Problems of phonetics II*, 2: 229—238. (In Russ.).
- Krivnova, O. F. (1999). Semantic significance of prosodic seams in the text. *Problems of phonetics III*, 3: 247—257. (In Russ.).
- Krivnova, O. F., Knyazev, S. V., Moiseeva, E. V. (2016). Studies of prosodic articulation of a sounding text on the material of the Russian language. *Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology*, 4: 7—33. (In Russ.).
- Krivnova, O. F., Smirnova, O. S. (2018). The base of discursive signs of word division in oral Russian speech: structure, composition and experience of application. In: *Computational linguistics and intellectual technologies*, 17. Moscow: RSUH. 363—374. (In Russ.).
- Kruglova, A. V. (2019). Syntax and Pauses in a Verse Line: Statistical Analysis. In: *The Quantitative Approaches to Versification 2019 Conference*. Prague: [b. i.]. 113—122. ISBN 978-80-88069-83-6.
- Price, P. J., Ostendorf, M., Shattuck-Hufnagel, S. (1991). The use of prosody in syntactic disambiguation. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 90 (6): 2956—2970. DOI: 10.1121/1.401770.

- Sanderman, A. A., R. Collier. (1997). Prosodic Phrasing and Comprehension. *Language and Speech*, 40 (4): 391—409. DOI: 10.1177/002383099704000405.
- Smirnova, O. S. (2017). Statistical Analysis of Perceptive Estimation for Depth of Prosodic Breaks in Russian Spoken Text. In: *Dialog 2017*. Available at : <http://www.dialog-21.ru/media/3980/smirnovaos.pdf>. (In Russ.).
- Vannier, G., Lacheret-Dujour, A., Vergne, J. (1999). Pauses location and duration calculated with syntactic dependencies and textual considerations for t.t.s. system. *Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic sciences (ICPhSC'99)*. 1569—1572.
- Wightman, C. W., Shattuck-Hufnagel, S., Ostendorf, M. (1992). Segmental durations in the vicinity of prosodic phrase boundaries. *Journal of the Acoustical Society of America*, 92: 1707—1717.
- Zellner, B. (1994). Pauses and the temporal structure of speech. In: *Fundamentals of speech synthesis and speech recognition*. Chichester: John Wiley. 41—62.
- Zlatoustova, L. V. (1980). On the unit of rhythm of verse and prose. In: *Topical issues of structural and applied linguistics*. Moscow: Publishing House of Moscow University. 61—75. (In Russ.).

*The article was submitted 17.09.2023;
approved after reviewing 18.10.2023;
accepted for publication 24.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мокиенко В. М. Библиейские фразеологизмы и поговорки в современном социокультурном контексте : к концепции словарной репрезентации / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 193—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2023). Biblical Phraseological Units and Proverbs in Modern Sociocultural Context: Dictionary Representation. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 193-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-193-210

Библиейские фразеологизмы и поговорки в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации

Мокиенко Валерий Михайлович
orcid.org/0000-0002-0264-0576
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра славянской филологии
mokienko40@mail.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна *
orcid.org/0000-0001-9006-9738
доктор филологических наук,
профессор,
старший научный сотрудник,
филологический факультет,
***корреспондирующий автор**
cambala2007@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 23-18-00252, реализуемый
в Санкт-Петербургском
государственном университете,
<https://rscf.ru/project/23-18-00252/>

Biblical Phraseological Units and Proverbs in Modern Sociocultural Context: Dictionary Representation

Valery M. Mokienko
orcid.org/0000-0002-0264-0576
Doctor of Philology, Professor,
Department of Slavic Philology
mokienko40@mail.ru

Tatiana G. Nikitina *
orcid.org/0000-0001-9006-9738
Doctor of Philology, Professor,
senior research scientist,
Faculty of Philology,
***Corresponding author**
cambala2007@yandex.ru

Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-00252,
implemented at St. Petersburg
State University,
<https://rscf.ru/project/23-18-00252/>

© Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы лексикографической разработки библейских паремий и фразеологизмов, которые представлены в словарях исключительно в канонической форме, без учета особенностей их современного функционирования. Цель исследования — разработка концепции словаря, который наряду с традиционными формами отразит структурно-семантические преобразования библеизмов в медиaprостранстве и живой коммуникации. Фразеологизмы и паремии, отобранные в библейских словарях и энциклопедиях, на интернет-форумах, в чатах и блогах (2013—2023 годы), зафиксированные в разговорной речи, стали объектом структурно-семантического, компонентного, контекстуального анализа, предвещающего этап их лексикографирования. Особое внимание при этом уделено трансформационным механизмам фонетической мимикрии и созданным на этой игровой базе шутивными вариантам фразеологизмов и пословиц. В ходе лексикографического моделирования разработаны параметры инновационной словарной статьи, сочетающей элементы, характерные для толкового и аксиологического словарей. Реализация разработанной параметрической модели представлена на материале пословицы «Глаза — зеркало души». Подчеркивается, что предлагаемая лексикографическая концепция позволит отразить затронувшие фонд библеизмов динамические процессы в их социокультурной обусловленности, прогнозировать тенденции в данной сфере, а также использовать словарные материалы в лингводидактических целях.

Ключевые слова:

лексикография; словарная статья; библеизм; трансформы фразеологизмов и пословиц.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores issues related to the lexicographic development of biblical proverbs and phraseological units, which are typically represented in dictionaries solely in their canonical form, without taking into account the peculiarities of their contemporary usage. The aim of the research is to develop a dictionary concept that, alongside traditional forms, reflects the structural and semantic transformations of biblicisms in the media space and live communication. Phraseological units and proverbs, selected from biblical dictionaries and encyclopedias, as well as those documented in internet forums, chats, and blogs (from 2013 to 2023), and recorded in spoken language, have become the subject of structural-semantic, componential, and contextual analysis prior to their lexicographic treatment. Special attention is paid to transformational mechanisms of phonetic mimicry and playful variants of phraseological units and proverbs created on this basis. During lexicographic modeling, parameters for an innovative dictionary entry combining elements characteristic of explanatory and axiological dictionaries have been developed. The implementation of the developed parametric model is demonstrated using the example of the proverb 'Eyes are the mirror of the soul.' It is emphasized that the proposed lexicographic concept will allow for the reflection of dynamic processes affecting the corpus of biblicisms in their sociocultural context, prediction of trends in this field, and utilization of dictionary materials for language teaching purposes.

Key words:

lexicography; dictionary entry; biblical phraseology; transformation of phraseological units and proverbs.

Библейские фразеологизмы и паремии в современном социокультурном контексте: к концепции словарной репрезентации

© Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Результаты современных исследований функционирования библейских фразеологизмов и паремий в медиапространстве и живой речи позволяют сделать несколько важных заключений, определяющих цели и задачи нового лексикографического проекта, представляемого в данной статье.

Библейскими в современных лингвистических исследованиях признаются фразеологические единицы (ФЕ) и паремии, которые восходят к Ветхому и Новому Завету, апокрифическим текстам, легендам на библейские сюжеты, то есть обороты «библейской этимологии» [Федуленкова, 2020; Бакина, 2023] — прямые цитации или аллюзии к библейским текстам через отдельные образы и ситуации [Соловьева, 2018, с. 107]. Они активно используются в устной и письменной речи (прежде всего в медиадискурсе), где реализуют функцию убеждения как культурно маркированные единицы, апеллирующие к базовым нравственным ценностям и обладающие огромной воздействующей силой [Кондратьева и др., 2021, с. 131—132; Бакина, 2023, с. 89].

Представленность наиболее частотных библеизмов в современном интернет-пространстве исчисляется сотнями тысяч и даже миллионами употреблений [Ворожбитова и др., 2007, с. 43—45], а их огромный трансформационный потенциал, который привлекает все большее внимание ученых [Пыстина, 2016; Бакина, 2020; Федуленкова, 2020; Архангельская, 2021], делает эти обороты серьезным инструментом для манипулирования, ценным компонентом изобразительно-выразительного арсенала риторических приемов воздействия на адресата [Ворожбитова и др., 2007, с. 39; Кондратьева и др., 2021, с. 130].

Обосновывая в этой связи актуальность исследования библейских фразеологизмов и паремий, А. Д. Бакина пишет о необходимости обращения в таких исследованиях к нескольким подходам: структурно-семантическому, лингвокогнитивному и когнитивно-дискурсивному, лингвокультурологическому, функциональному [Бакина, 2023, с. 89]. На наш взгляд,

не менее актуальной является и проблематика лексикографической репрезентации ФЕ и паремий, восходящих к Библии. Этот материал представлен в толковых и энциклопедических словарях библеизмов [Библейский словарь, 2000; Грановская, 2003; Дубровина, 2010; Лилич и др., 2010], в тематическом паремиологическом словаре [Вечные истины ..., 2021], учебных лексикографических изданиях [Мокиенко, 2007; Не хлебом единым ..., 2017], двуязычных и многоязычных словарях библейских фразеологизмов и паремий [Федуленкова, 2008; Загот, 2014; Лепта ..., 2019], однако все они представляют библейские ФЕ и паремии в канонической форме, не отражают особенностей их современного функционирования — новых речевых смыслов и преобразований формы. В научных статьях [Карчина, 2014а, 2014б; Кузнецова, 2014; Туркова-Зарайская, 2016; Иванов и др., 2019; Бакина, 2022 и др.] также обсуждается опыт и проблемы лексикографирования исключительно традиционной библейской фразеологии и паремиологических единиц, что, бесспорно, важно с культурно-исторической и лингвокультурологической точек зрения, но не дает представления о реализации коммуникативно-прагматического потенциала библеизмов в современных социокультурных условиях. Все это определило цели и содержание нового масштабного научно-исследовательского проекта лексикографов СПбГУ, посвященного словарной интерпретации библейского наследия восточнославянских языков. Одним из направлений исследования впервые стала разработка концепции словарного отображения русскоязычного фонда библейской фразеологии в его современном состоянии и реализация концепции в словаре с рабочим названием «Библейские пословицы и поговорки в их прошлом и настоящем».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источником материала для инновационного словаря библейских пословиц и поговорок послужили упоминавшиеся выше словари библеизмов, результаты анкетирования школьников и студентов Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Нижнего Новгорода, Пскова, Оренбурга, Петропавловска-Камчатского, записи живой речи, медиатексты и образцы коммуникации пользователей в интернет-чатах, на форумах, в социальных сетях (2013—2023 годы). С учетом данных о представленности библейских фразеологизмов в интернет-коммуникации [Ворожбитова и др., 2007, с. 43—45] и на основе собственных наблюдений мы отобрали для словаря 100 наиболее частотных пословиц и поговорок библейского происхождения (под поговорками традиционно для разработок фразеологического семинара СПбГУ понимаются ФЕ-идиомы, а к пословицам отнесены и крылатые фразы, которые обладают основными признаками пословиц —

логической структурой суждения, назидательностью и обобщающим смыслом).

Концепция словаря, разработка которой является целью исследования, строится с ориентацией на решение культурно-просветительских и лингводидактических задач. Так, о необходимости восполнения культурных лакун, связанных с осмыслением ФЕ библейского происхождения современными носителями языка, не приобщенными к чтению библейских текстов и не знающими библейской символики, пишет В. В. Соловьева [Соловьева, 2018, с. 110]. О. В. Шкуран отмечает некорректное (также по причинам лингвокультурной некомпетентности) или намеренное искажение библейских выражений в средствах массовой информации, их десакрализацию, что «провоцирует деструктивные процессы в формировании языкового вкуса эпохи» [Шкуран, 2020, с. 54]. Проектируемый словарь, включающий описание канонических библейских оборотов и их современных трансформаций, позволит расширить культурологический кругозор читателя, научить его отделять библейско-фразеологические зерна мудрости от плевел некачественного медиатекста. А с паремиологической и фразеологической точек зрения будет ценен тем, что в отличие от имеющихся словарей библейских ФЕ и паремий отразит динамические процессы в данной сфере, наметившиеся тенденции и их социокультурную обусловленность. В данном случае речь не идет о фиксации фактов языковой системы, современные трансформации паремий — это их контекстные индивидуально-авторские преобразования или основанные на языковой игре и создаваемые вне контекста трансформы-шутки («антипословицы»). Их включение в проектируемый словарь продолжит традиции лексикографического описания современных фразеологических трансформаций [Мелерович и др., 1997].

Словарному описанию материала предшествует его компонентный, структурно-семантический, историко-этимологический, контекстуальный анализ. Разработка параметров словарной статьи осуществляется методом лексикографического моделирования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности современного функционирования библейских фразеологизмов

Обобщая отечественный опыт исследования особенностей современного функционирования ФЕ-библейизмов, отметим, что авторы большинства работ, посвященных данной проблематике [Ворожбитова и др., 2007; Рыбалова 2013; Пыстина, 2016; Бакина, 2020; Шкуран, 2020; Архангельская, 2021; Кондратьева и др., 2021; Позднякова, 2022], обращаются к материалам медиадискурса, под которым, как правило, понимается со-

вокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации [Бакина, 2020, с. 6]. Выявляются общие закономерности использования библеизмов авторами таких публикаций. Так, установлено, что в религиозных медийных материалах чаще используется прямая цитация Священного Писания, библейские паремии употребляются в канонической форме, в то время как в светских СМИ, ориентированных на массовую аудиторию, более частотны трансформированные библейские выражения, факты квазичитации и аллюзии [Пыстина, 2016, с. 138—139]. Определен диапазон жанрово-стилевой представленности библейских фразеологизмов в интернет-пространстве: от собственно библейских реминисценций в классической прозе и поэзии до названия фильмов и игр, астрологических прогнозов, уголовной и скандальной хроники [Ворожбитова и др., 2007, с. 45—50]. Доказано, что интегральный компонент семантики и образный потенциал библейских ФЕ позволяют авторам использовать их в медиатекстах определенной тематики, дающих оценку политическим событиям, личностям, государствам и отдельным территориям, документам государственной значимости и т. п. [Кондратьева и др., 2021, с. 132—136]. В качестве основной тенденции в сфере функционирования библейских ФЕ и паремий исследователи отмечают их переосмысление и наложение новых коннотативных характеристик [Шкуран, 2020; Кондратьева и др., 2021]. Это наглядно демонстрируют работы, авторы которых анализируют особенности масс-медийной реализации отдельных библейских выражений: *внести свою лепту, лепта вдовицы* [Позднякова, 2022], *блудный сын* [Рыбалова, 2013], *волк в овечьей шкуре* [Архангельская, 2021], *Не хлебом единым жив человек* [Шкуран, 2020].

Рассматривая трансформации библейских ФЕ в современных контекстах, О. В. Пыстина делает вывод: чем образнее семантика составляющих фразеологизм элементов и членимее его структура, тем разнообразнее виды трансформаций ФЕ [Пыстина, 2016, с. 139]. Добавим к этому и наше наблюдение: трансформационный потенциал ФЕ и паремий-библеизмов, как и других фразеологических и паремиологических единиц, зависит и от звукового облика компонентов фразеологизма. Наличие в русском языке созвучных этим компонентам слов или полностью совпадающих с ними по звучанию, но не сходных семантически, является триггером, запускающим трансформационный механизм «фонетической мимикрии» — основного приема языковой игры, направленной на создание комического эффекта на лексическом и фразеологическом уровне [Андреев, 2009; Бирюков, 2015]. На таких созвучиях построены многочисленные трансформации библеизмов, из которых мы приведем лишь некоторые, зафиксированные нами в интернет-пространстве (2013—2023 годы), чаще — в функции заголовка ме-

диаматериалов, а также в живой речи: Блудный сын, возвращение блудного сына (*сын* → *сыр*): *блудный сыр* — название рубрики о блюдах из сыра, твора на кулинарных сайтах (<https://jewish.ru/ru/cooking/baking>; <https://www.liveinternet.ru/users/drakonn>), *возвращение блудного сыра* — тексты о параллельном импорте сыра из Европы (<https://stillavin.livejournal.com>; <https://m.ok.ru/mymsk>), советы по определению качества купленного сыра (<https://dairynews.today>; <https://kp.ru/daily>); *запретный плод* (*плод* → *плов*): о плове с мясом, который не должны употреблять вегетарианцы (<https://otvet.mail.ru>); о плове, который не рекомендуют диетологи тем, кто хочет похудеть (Запись 2022 года); *Кто не работает, тот не ест* (*кто, тот* → *кот*): *Кот не работает, кот есть* — частотный заголовок подборок веселых фотографий, интернет-мемов с изображением отдыхающих или принимающих пищу котиков (<https://pikabu.ru>; <https://hochu.ua/cat-relax>; <https://vk.com/club221843843>; <https://ru.pinterest.com/pin>); *внести свою лепту* (*лепта* → *ланта*): о внесении лапты в школьную программу физвоспитания: *Ну вот, внесли свою лепту, то есть ланту* — теперь чисто русское выражение — *внести свою ланту* (Запись 2023 года). В такую языковую игру включается и ономастический материал, например, фамилия известного астролога Тамары Глоба: *Тоже мне, Глоба дня!* (Запись 2022 года) — реакция скептически настроенного телезрителя на появление Т. Глобы на экране (< *злоба дня*).

Объектом лексикографической интерпретации должны стать и шуточные преобразования, основанные на многофункциональности компонентов этих оборотов, например, *козел, угол, овца, альфа* и др.: *Во главе угла обычно стоит нашкодивший мальчишка* (<https://www.anekdot.ru>) — имеется в виду угол в комнате, классе как место «отбывания наказания» ребенком. *Вчерашняя овца заблудшая, которая, где вокзал, спрашивала, она не перезвонила тебе?* (Запись 2022 года) — речь идет о девушке, которая плохо ориентировалась в городе (сленговое *овца* — ‘девушка’). *По физкультуре трояк за четверть. Козел отпущения подвёл* (Запись 2021 года) — подразумевается гимнастический снаряд «козел», прыжки через козла. *Если Альфа-банк работает не профессионально, то это уже не Альфа-банк, а Омега-банк?* (<https://otvet.mail.ru>); *Настанет ли «Альфе» омега? Олигарх Михаил Фридман понял, что в России ему больше ничего не светит* (<https://cont.ws/@guga/322131>). Таким образом, в дополнение к конкретизирующим значение оборота контекстам (типа «широка страна моя родная, от иконы до авангарда, от Москвы до Владивостока, от Альфы до Омеги» [Пыстина, 2016, с. 140]) имеются и примеры структурно-семантических трансформаций ФЕ *альфа* и *омега* с использованием первого компонента в функции номенклатурного наименования и формированием отрицательных коннотаций второго компонента.

3.2. Трансформационная парадигма ФЕ-библейзма: предлексико-графическая разработка

Полную парадигму трансформаций библейского фразеологизма, подготовленную к воплощению в словарной статье, представим на примере оборота *глас вопиющего в пустыне*. Употребление оборота в исходном значении ('о тщетном призыве, остающемся без отклика') будут иллюстрировать контексты из Библии: *Он тот, о котором сказал пророк Исайя: «глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему»* (Мф 3, 1-3), художественной литературы: *В годину мрака и печали, как люди русские молчали, глас вопиющего в пустыне один раздался на чужбине* (Н. Огарев. Предисловие к «Колоколу»), медиатекста: *Обращаться куда-то по поводу размера пенсии — «глас вопиющего в пустыне»* (Ведомости, 2020.02.19) и т. п.

Рассматривая функционирование данного оборота в роли газетного заголовка, О. В. Пыстина фиксирует его усечение без изменения значения: «*Глас вопиющего*» — материал в газете «Красное знамя» (2012 год) о тщетных попытках граждан обратиться в администрацию за помощью [Пыстина, 2016, с. 139]. Ср. также в социальной сети: *Глас вопиющего. Ей никто не верил. Она заходила в дома, стучала в окна, взывала к каждому встречному: Спасайтесь! На реакторе беда!* (https://vk.com/wall-51541378_107833). Такие структурные трансформации, не затрагивающие содержательную сторону оборота, в словарной статье будут открывать параметрическую зону преобразований ФЕ, где материал располагается в порядке усложнения структурных видоизменений и смыслового удаления трансформов от исходного библейского фразеологизма.

Так, продолжит словарную статью трансформ, где сокращение пространственного образного компонента *в пустыне* позволяет автору использовать оборот в контексте, отражающем ситуацию «услышанности» гласа вопиющего, когда его призыв становится действенным (в данном случае — при обсуждении путей оптимизации школьных экзаменов): *Филологам: ОГЭ-2020. <...> Спасибо, Надежда Геннадьевна! Не зря прозвучал мой глас вопиющего* (<https://proshkolu.ru/user/alova57>).

В отличие от представленных выше трансформов, где образная структура исходного оборота теряет компонент локализации в пространстве, другие структурно-семантические трансформации конкретизируют образ именно в этом направлении в соответствии с замыслом автора текста, раскрывающего определенную тему, например, рассказывающего о недостатках в работе следственных органов: *Глас вопиющего в пустыне советской следственной практики* (М. Конотопский, <https://modernlib.net>). Помимо такого расширения компонентного состава фразеологизма его

трансформационная авторская адаптация к проблематике материала осуществляется и посредством замены обстоятельственного компонента: *Глас вопиющего в квартире* — рубрика, в которой читатели живого журнала (<https://kinanet.livejournal.com>) обсуждают проблемы семьи, проживающей в небольшой квартире, трудности онлайн-работы из дома. *Глас вопиющего в машине* — заголовок материала об акции протеста автомобилистов против резкого повышения ввозных пошлин на новостном портале «Новосибирск-онлайн» (<https://ngs.ru/text/transport>). Эта же структурная трансформация с современным прочтением компонента *вопиющий* ('кричащий') используется в роли заголовка к подборке «кричалок» (речевок) автомобилистов в социальной сети «ВК»: *Глас вопиющего в машине. Кричалки для тех, кто за рулём. Эй, чудак, разуй глаза, поищи-ка тормоза; Ты зачем летишь мне в зад? Там тебе никто не рад!* (<http://vk.com/wall>).

В следующих шуточных трансформах варьирование компонента *вопиющий* строится на принципе фонетической мимикрии: *поющий, пьющий, непьющий*. Такие фразео-шутки, ставшие неотъемлемой частью современной смеховой культуры, размещаются на развлекательных сайтах и личных страницах пользователей интернета, стремящихся продемонстрировать свой лингвокреативный потенциал в русле современной тенденции к карнавализации общения [Карасик, 2020; Бубнов и др., 2021]: *Глас поющего в пустыне (4 буквы)?* — *Соло* (<https://sinonim.org/sc/>); *Глас пьющего в пустыне* (<https://stihi.ru/>); *Глас непьющего в пустыне* (<http://boris-rodin.ru/>; <https://proza.ru/>). Зафиксирована паронимастическая замена компонента *вопиющий* словосочетанием: *Глас водку пьющего в пустыне* (<http://dooma.ru/comment>), а студенты-германисты усложняют данный трансформ привлечением факта межъязыковой омонимии: *глас* — *glass* (англ. 'стакан'): *Glass водку пьющего в пустыне* (Запись 2023 года).

Трансформы с заменами стержневого компонента ФЕ — *глас* подбираются для компактного представления в следующем блоке словарной статьи. Здесь языковая игра базируется на омофонии *глас* — *глаз*, которая на сайтах анекдотов (<https://www.anekdot.ru/>; <https://subscribe.ru/archive/funny>) снимается в контексте, стилизованном под школьное сочинение: *И только одиноко сверкал глаз вопиющего в пустыне*. Стремление авторов трансформаций к достижению смехового эффекта побуждает их использовать и офтальмологическую тему: *Проверяя зрение офтальмолог вскрикивал: «Глаз вопиющий!»* (<https://humorial.ru/materials>). *Глаз вопиющего в кабинете офтальмолога* (<https://proza.ru/>).

Введение компонента *глаз* в состав ФЕ-библеизма может быть и коммуникативно-прагматически мотивированным, если трансформ употребляется применительно к человеку, который увидел, заметил что-либо

(*глаз* актуализирует новый компонент семантики оборота) и в этой связи чего-то тщетно требует (семантические компоненты исходного значения): *Тут ор* (насмешка. — В. М., Т. Н.) или *я глаз вопиющего в пустыне?!!* — спрашивает участник форума, заметивший, что на его просьбу удалить топик модераторы (намеренно?) не реагируют (<https://eva.ru/static/forums>).

Таким же образом к лексикографированию готовится и паремиологический материал, разработка которого уже в формате словарной статьи будет представлена ниже.

3.3. Параметрическая модель статьи словаря «Библейские пословицы и поговорки в их прошлом и настоящем»

Проектируемый словарь «Библейские пословицы и поговорки в их прошлом и настоящем» можно охарактеризовать как толково-аксиологический лексикографический источник. Словарная статья, которая будет представлена на материале пословицы *Глаза — зеркало души*, включает здесь традиционные и инновационные параметрические зоны. Как и в других словарях библеизмов [Грановская 2003; Дубровина, 2010; Библейский словарь ..., 2011; Вечные истины ..., 2021], статью открывает заголовочная паремия в канонической форме, сопровождаемая пометами, определяющими языковой статус (*Посл.*) и стилевую принадлежность выражения (*Книжн.*). Далее, также в традициях отечественной фразеографии и паремиографии, зона толкования и комментирования раскроет читателю исходное значение и происхождение паремии с цитированием библейского текста, к которому она восходит. В зоне иллюстраций (под знаком //) приводятся примеры использования библейского выражения в исходной форме (контексты из художественной литературы и публицистики XIX — XXI веков). Следующее использование знака (//) отделяет контексты использования выражения в специальных сферах с их указанием (например, в данной статье это практическая психология и реклама косметологических процедур).

В зоне трансформаций (знак **) обычно располагаются те типы преобразований паремии, в которых она зафиксирована в 2013—2023 годах: структурные (без изменения значения), семантические (без изменения формы), а также структурно-семантические трансформации, которые и оказались актуальными для паремии *Глаза — зеркало души*. В первую очередь это функционально-грамматическое преобразование (переход утвердительной формы в отрицательную) и далее — трансформации с лексическими заменами, которые на материале данной паремии строятся по двум структурно-семантическим моделям и последовательно отображаются в статье: *глаза — зеркало (чего)* и *(что) — зеркало души*. При репрезентации трансформов используется подход, принятый в аксиологической лексикографии для канонических паремий [Байрамова, 2011, 2019]: они

группируются под толкованиями-аксиологемами (идеологемами), которые отражают основные пословичные идеи. Ср.: основная идея канонической паремии — «по глазам можно судить о характере, духовном мире человека», аксиологема трансформов: «по глазам можно судить о состоянии здоровья человека», «по форме и расположению ушей, а также по серьгам, украшающим уши, можно судить об интеллекте, духовности, характере человека» и т. п. Такие трансформированные пословицы, как правило, выступают в роли заголовков и оправданы замыслом автора, раскрывающего определенную тему, в которую читателя и вводит эффектное название медиаматериала.

Заключительный блок параметрической зоны трансформаций (под знаком ***) представляет популярный постфольклорный жанр «паремиологического прикола»: такие материалы в большом количестве представлены в «Прикольном словаре» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [Вальтер и др., 2006], они создаются исключительно ради шутки, но, как показывает материал данной словарной статьи, могут использоваться и в рекламных целях.

Представим реализацию параметрической модели словарной статьи в полном объеме.

ГЛАЗА — ЗЕРКАЛО ДУШИ. *Посл. Книжн.* По глазам можно судить о характере, духовном мире человека. <Выражение возникло под влиянием Нового Завета: *Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно* (Мф 6, 22-23) // Если, по пословице: глаза — зеркало души, то у животного это зеркало всегда чисто, какого бы рода характер ни выражало (А. А. Фет. Из деревни, 1868). *Такое смотрение не нужно и вредно на сцене. Глаза — зеркало души. Пустые глаза — зеркало пустой души* (К. С. Станиславский. Работа актёра над собой, 1938). *И глаза у неё карие, добрые. Глаза — зеркало души. Ясные у неё глаза* (П. А. Бессонов. Славик с Гавани, 2014). // О распознавании по глазам характера и эмоций человека в психологической практике: *Не зря говорят, что глаза — зеркало души. Посмотрев в них, можно распознать не только скрытые эмоции человека, но и узнать его характер. О том, как это сделать, рассказали психологи* (<https://www.5-tv.ru>). // В составе рекламных слоганов о наращивании ресниц, коррективке бровей: *Глаза — зеркало души, а брови — их оправа* (<https://mirmov.ru/rubriki>). *Если глаза — зеркало души, то что тогда ресницы?* (<https://www.epochtimes.ru>); ** *Трансф.* По глазам невозможно судить о характере, духовном мире человека: *Глаза — не зеркало души, они лишь средство отраженья* (А. Зайцева, <https://www.beesona.pro>). ** *Трансф.* (в роли заголовка; в составе заголовка). По глазам можно судить о состоянии здоровья человека и отдельных его органов: *Глаза — зерка-*

ло здоровья: изменения в органе зрения являются следствием внутренних проблем (<https://kubnews.ru/>); **Глаза — зеркало печени** (<https://vimeo.com/>); **Глаза — зеркало мозга** (<https://med-practic.com/rus/>). ** Трансф. (в роли заголовка). По форме и расположению ушей, а также по серьгам, украшающим уши, можно судить об интеллекте, духовности, характере человека: **Уши — зеркало души.** Хорошо развитая верхняя часть уха говорит об уме (<https://calories.ru/mater/>); **Уши как зеркало души.** Уши с длинными мочками свидетельствуют о мудрости, духовности и благородстве их обладателя (<https://author.today/>); **Уши — зеркало души.** Кольца в ушах позволяют сказать, что вы яркая требовательная личность (<https://www.kp.ru/daily/>); **Уши — зеркало души.** Что означает одна сережка в левом ухе девушки (<https://kolechki-serezhki.ru/>). ** Трансф. (в роли заголовка). По положению рук, форме кистей, пальцев рук и отпечатков пальцев можно судить об эмоциональном здоровье и психотипе человека: **Руки — зеркало души.** На востоке считают, что в руках есть точки, отвечающие за все органы человека (<https://vasilisart.livejournal.com/>); **Пальцы и кисти рук — зеркало души.** Каждый замечал, что пальцы и кисти рук очень сильно характеризуют человека. Бывает форма рук выразительной и обычной, красивой и безобразной. От чего этого зависит? (<https://teros.org.ru/forum/>). **Отпечатки пальцев — зеркало души человека.** О чем могут рассказать наши пальцы (<https://multiurok.ru/>). ** Трансф. (в роли заголовка). По форме пальцев ног и стопы можно судить о здоровье и характере человека. **Пальцы ног как зеркало души.** По виду ступней можно судить не только о здоровье, но и характере и манере выстраивать отношения. Особого внимания заслуживают пальцы ног (<https://www.liveinternet.ru/>); **Стопа — зеркало души.** О чём могут рассказать ноги? (<https://aif.ru/health/life/>). ** Трансф. (в роли заголовка). По интерьеру квартиры и отдельных ее помещений можно судить о характере хозяина: **Квартира как зеркало души** (<http://text-image.ru/>); **Домашний интерьер как зеркало души** (<https://girnyk.dn.ua/ru/>); **Балкон [как] зеркало души** (<https://tjjaca.ru/>; <https://list-15.net/raznoe/>; <https://cont.ws/>); **Балкон — зеркало души.** Что можно сказать о человеке по его балкону (<https://m.e1.ru/>); **Кухня — зеркало вашей души** (<https://vk.com/wall/>); **Кухня — зеркало души хозяйки** (<http://milyidom.com/publ/>). ** Трансф. (в роли заголовка; в составе заголовка). По типу женской сумки можно судить о характере ее хозяйки: **Сумка как зеркало души: какие секреты она хранит.** **Женская сумка — это не только функциональный аксессуар, но и настоящее зеркало, отражающее нашу индивидуальность и богатство внутреннего мира** (<https://guru.wildberries.ru/>); **Сумка — зеркало души.** Сумка handmade — творческая натура, спортивная сумка — вы активны, легки на подъем (<https://alezar.com/>); **Сумка — зеркало души.** От размера

сумки зависит, сколько человек готов на себя взвалить (<https://kandelabr.com>). *** *Трансф. Шутл.* (в названии премиальной акции — розыгрыша сертификатов продовольственного магазина). **Колбаса** — *зеркало души*. Вставляйте в любую известную пословицу слово КОЛБАСА и пишите свой вариант в комментарии (<https://vk.com/wall>).

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в проектируемом словаре будет реализован комплексный подход к решению поставленной задачи лексикографирования библейских ФЕ и паремий: как в отборе материала (не только канонические пословицы и поговорки, но и их современные трансформации), так и в построении словарной статьи (сочетание параметров толкового и аксиологического словарей). Впервые современные реализации фразеологических и паремиологических библеизмов, в том числе их трансформации, будут представлены системно, с опорой на результаты их комплексного анализа (компонентного, контекстуального, лингвокультурологического) и структурно-семантического моделирования. Теоретическая и практическая значимость проекта определяется комплексом его результатов: детализированная семантизация и историко-этимологическое комментирование традиционных ФЕ и паремий библейского происхождения помогут расширить культурологический кругозор читателя, пробудить или поддержать его интерес к библейскому тексту и фразеологическому наследию Библии; привлечение материала фразеологических и паремиологических трансформаций позволит исследователям наблюдать и прогнозировать социокультурно обусловленные динамические процессы в паремиологическом и фразеологическом фондах языка, а также в лексиконе и культурной памяти носителей языка. В этой связи словарь может стать источником материала для лингводидактических разработок, рекомендаций по культуре речи. Лексикографы же, которые занимаются разработкой языкового материала в его динамике, приглашаются к обсуждению концепции на страницах лингвистических журналов и в формате научных конференций.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Байрамова Л. К. Аксиологический татарско-русский фразеологический словарь / Л. К. Байрамова. — Казань : ФЭН, 2019. — 232 с. — ISBN 978-5-93962-501-2.

2. Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова. — Казань : Центр инновационных технологий, 2011. — 371 с. — ISBN 978-5-93962-501-2.

3. Библийский словарь : энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2011. — 517 с. — ISBN 5-7454-0077-3.

4. Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. — Москва : ОЛМА Медиагрупп ; Санкт-Петербург : Нева, 2006. — 381 с. — ISBN 5-7654-4706-6.

5. Вечные истины. Крылатые фразы, пословицы, поговорки библейского происхождения / Сост. В. Г. Мельников. — Москва : Сибирская Благовонница, 2021. — 332 с. — ISBN 9785001272069.

6. Грановская Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии / Л. М. Грановская. — Москва : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 288 с.

7. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. — Москва : Флинта, 2010. — 808 с. — ISBN 978-5-9765-0028-0.

8. Загот М. Ищите и найдете или англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого / М. Загот. — Москва : Р. Валент, 2014. — 260 с. — ISBN 5-93439-122-4.

9. Лента библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. — Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. — Т. 1. — 334 с ; — Т. 2. — 308 с.

10. Лилич Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов / Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, О. И. Трофимкина. — Москва : АСТ ; Астрель, 2010. — 640 с. — ISBN 978-5-17-064999-0.

11. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи : словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — Москва : Русские словари, 1997. — 863 с. — ISBN 5-89216-014-9.

12. Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений / В. М. Мокиенко. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского уни-та, 2007. — 215 с. — ISBN 5-288-02206-2.

13. Не хлебом единым... Мини-словарь библеизмов для школьников / С. Г. Шулежкова, А. Ю. Аксенова, Д. Э. Борисова, А. С. Еськова и др. — Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2017. — 116 с. — ISBN 978-5-9967-0933-5.

14. Федулёнок Т. Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т. Н. Федулёнок, Е. В. Мартышова, М. Боннемарк. — Архангельск : Поморский университет, 2008. — 167 с. — ISBN 5-7536-0328-9.

Литература

1. Андреев В. К. Специфика лексической номинации в корпоративных языках молодежи (байкеры и байки) / В. К. Андреев // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия : Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. — 2009. — № 7. — С. 121—124.

2. Архангельская А. М. Трансформационный потенциал фразеологического библеизма волк в овечьей шкуре в современной русской речи / А. М. Архангельская // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 462. — С. 5—13. — DOI: 10.17223/15617793/462/1.

3. Бакина А. Д. Да воздастся каждому по трудам его / А. Д. Бакина, Т. Н. Федулёнок // Вестник НГЛУ. — 2020. — № 4 (52). — С. 151—155. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-151-155.

4. Бакина А. Д. Библейская фразеология в политической коммуникации / А. Д. Бакина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 89—96. — DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-3-89-96.
5. Бакина А. Д. Библейские фразеологизмы как объект лексикографии / А. Д. Бакина // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Памяти профессора Ф. А. Литвина. — Орел : ОГУ им. И. С. Тургенева, 2022. — С. 60—68. — ISBN 978-5-9708-1008-8.
6. Бакина А. Д. Функционирование фразеологических единиц библейской этимологии в медийном дискурсе / А. Д. Бакина // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. — 2020. — Т. 16. — № 3 (49). — С. 5—14.
7. Бирюков Н. Г. Молодежный сленг в призме фонетической мимикрии / Н. Г. Бирюков // Преподаватель высшей школы в XXI Веке. Труды Междунар. научно-практич. интернет-конференции. — Ростов-на-Дону : Ростовский государственный университет путей сообщения, 2015. — С. 11—116. — ISBN 978-5-88814-400-8.
8. Бубнов Ю. А. Карнавализация виртуального пространства: компаративистский анализ / Ю. А. Бубнов, М. И. Клепова // *Личность. Культура. Общество*. — 2021. — Т. 23. — № 3 (111). — С. 92—97. — DOI: 10.30936/1606_951X_2021_23_3_92_97.
9. Ворожбитова А. А. Библиеизмы как интертекстуальный оператор в коммуникативном пространстве интернет / А. А. Ворожбитова, М. Б. Зуев // *Лингвориторическая парадигма : теоретические и прикладные аспекты*. — 2007. — № 10. — С. 39—51.
10. Иванов Е. Е. О лексикографическом описании крылатых афоризмов из библейских источников в современном белорусском языке (с эквивалентами библейских афоризмов в русском языке) / Е. Е. Иванов, Д. С. Кравцова // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. — 2019. — № 3 (103). — С. 54—63. — DOI: 10.26293/chgpu.2019.103.3.008.
11. Карасик В. И. Развлекательный дискурс как институциональный вектор общения / В. И. Карасик // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6 : Языкознание*. — 2020. — № 3. — С. 91—103.
12. Карчина Ю. А. К вопросу о специфике лексикографического описания библейской фразеологии в словарях украинского языка / Ю. А. Карчина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2014-а. — № 9—2 (39). — С. 81—84.
13. Карчина Ю. А. Принципы лексикографического описания библиеизмов / Ю. А. Карчина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2014-б. — № 10—1 (40). — С. 98—100.
14. Кондратьева Т. С. Семантико-прагматический потенциал фразеологизмов библейского происхождения (на материале текстов СМИ) / Т. С. Кондратьева, И. П. Назарова // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 130—136.
15. Кузнецова И. В. Русские устойчивые сравнения библейского происхождения как объект фразеографии / И. В. Кузнецова // *Проблемы истории, филологии, культуры*. — 2014. — № 3 (45). — С. 86—88.
16. Позднякова Н. В. Вдовица и ее лепта : судьба одного евангельского выражения в истории русского языка / Н. В. Позднякова // *Гуманитарно-педагогические исследования*. — 2022. — Т. 6. — № 2. — С. 49—53. — DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-2-49-53.
17. Пыстина О. В. Функционирование библиеизмов как прецедентных феноменов в современном медиатексте (на примере региональных СМИ) / О. В. Пыстина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2016. — № 10—3 (64). — С. 137—141.

18. Рыбалова М. И. Евангелизм блудный сын : ассоциативный аспект (на материале ассоциативного эксперимента) / М. И. Рыбалова // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 2. — С. 220—223.

19. Соловьева В. В. Библийская фразеология в языковом сознании современных носителей языка / В. В. Соловьева // Вторые Щеулинские чтения. Мат-лы Всероссийской научной конференции. — Липецк : ЛГПУ, 2018. — С. 106—110. — ISBN 978-5-88526-932-2.

20. Туркова-Зарайская М. О. Словари библеизмов / М. О. Туркова-Зарайская // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2016. — № 2. — С. 337—341.

21. Федулєнкова Т. Н. Развитие вариантности фразеологии библийской этимологии / Т. Н. Федулєнкова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2020. — Т. 6. — № 2. — С. 83—96. — DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-7.

22. Шкуран О. В. Десакрализация библийского фразеологизма. Не хлебом единым жив человек на материале интернет-, медиадискурса / О. В. Шкуран // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2020. — Т. 42. — № 7. — С. 54—63. — DOI: 10.15393/uchz.art.2020.539.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

Bayramova, L. K. (2011). *Axiological phraseological dictionary of the Russian language. Dictionary of Values and anti-values*. Kazan: Center of Innovative Technologies. 37 p. ISBN 978-5-93962-501-2. (In Russ.).

Bayramova, L. K. (2019). *Axiological Tatar-Russian phraseological dictionary*. Kazan: FENG. 232 p. ISBN 978-5-93962-501-2. (In Russ.).

Bible Dictionary: Encyclopedic Dictionary. (2011). St. Petersburg: Bible for All. 517 p. ISBN 5-7454-0077-3. (In Russ.).

Dubrovina, K. N. (2010). *Encyclopedic dictionary of Biblical phraseological units*. Moscow: Flint. 808 p. ISBN 978-5-9765-0028-0. (In Russ.).

Eternal truths. Catch phrases, proverbs, sayings of biblical origin. (2021). Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 332 p. ISBN 9785001272069. (In Russ.).

Fedulenkova, T. N., Martyushova, E. V., Bonnemmark, M. (2008). *English-German-Swedish Dictionary of Biblical Phraseology*. Arkhangelsk: Pomeranian University. 167 p. ISBN 5-7536-0328-9. (In Russ.).

Granovskaya, L. M. (2003). *Dictionary of names and winged expressions from the Bible*. Moscow: LLC "Astrel Publishing House": LLC "AST Publishing House". 288 p. (In Russ.).

Lilich, G. A., Mokienko, V. M., Trofimkina, O. I. (2010). *Explanatory dictionary of Biblical expressions and words*. Moscow: ACT; Astrel. 640 p. ISBN 978-5-17-064999-0. (In Russ.).

Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. (1997). *Phraseological units in Russian speech: dictionary*. Moscow: Russian dictionaries. 863 p. ISBN 5-89216-014-9. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2007). *Let's speak correctly! Dictionary of Biblical winged expressions*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 215 p. ISBN 5-288-02206-2. (In Russ.).

- Not by bread alone... Mini-dictionary of Bible studies for schoolchildren.* (2017). Magnitogorsk: Moscow State Technical University named after G. I. Nosov. 116 p. ISBN 978-5-9967-0933-5. (In Russ.).
- The Contribution of Biblical Wisdom: a Russian-Slavic Dictionary of Biblical expressions and aphorisms with correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian languages: in 2 volumes, 1, 2.* (2019). Mogilev: Kuleshov Moscow State University. 334 p; 308 p. (In Russ.).
- Walter, H., Mokienko, V. M. (2006). *Funny dictionary (anti-theologians and anti-aphorisms)*. Moscow: OLMA Media Group; St. Petersburg: Neva. 381 p. ISBN 5-7654-4706-6. (In Russ.).
- Zagot, M. (2014). *Search and find or English-Russian Dictionary of Biblical studies for everyone*. Moscow: R. Valent. 260 p. ISBN 5-93439-122-4. (In Russ.).

References

- Andreev, V. K. (2009). The specifics of lexical nomination in corporate languages of youth (bikers and bikes). *Bulletin of the Pskov State Pedagogical University. Series: Social-humanitarian and psychological-pedagogical sciences*, 7: 121—124. (In Russ.).
- Arkhangelskaya, A. M. (2021). Transformational potential of the phraseological unit wolf in sheep's clothing in modern Russian speech. *Bulletin of Tomsk State University*, 462: 5—13. DOI: 10.17223/15617793/462/1. (In Russ.).
- Bakina, A. D. (2022). Biblical phraseological units as an object of lexicography. In: *Topical issues of philology and linguodidactics*. Eagle: I. S. Turgenev OSU. 60—68. ISBN 978-5-9708-1008-8. (In Russ.).
- Bakina, A. D. (2023). Biblical phraseology in political communication. Scientific research and development. *Modern communication studies*, 12 (3): 89—96. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-3-89-96. (In Russ.).
- Bakina, A. D. (2020). Functionalization of phraseological units of Biblical etymology in Media Discourse. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 16 / 3 (49): 5—14. (In Russ.).
- Bakina, A. D., Fedulenkova, N. N. (2020). May everyone be rewarded according to his/her works. *Bulletin of the NSU*, 4 (52): 151—155. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-151-155. (In Russ.).
- Biryukov, N. G. (2015). Youth slang in the prism of phonetic mimicry. In: *Teacher of Higher school in the XXI century. Proceedings of the International Scientific and Practical. internet conferences*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Railways. 11—116. ISBN 978-5-88814-400-8. (In Russ.).
- Bubnov, Yu. A., Klepova, M. I. (2021). Carnivalization of virtual space: comparative analysis. *Personality. Culture. Societies*, 23 / 3 (111): 92—97. DOI: 10.30936/1606_951X_2021_23_3_92_97. (In Russ.).
- Fedulenkova, T. N. (2020). The development of variant phraseology of biblical etymology. *Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics*, 6 (2): 83—96. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-7. (In Russ.).
- Ivanov, E. E., Kravtsova, D. S. (2019). On lexicographical description of winged aphorisms from biblical sources in the modern Belarusian language (with equivalents of biblical aphorisms in Russian). *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, 3 (103): 54—63. DOI: 10.26293/chgpu.2019.103.3.008. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2020). Entertaining discourse as an institutional vector of communication. Social sciences and humanities. *Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics*, 3: 91—103. (In Russ.).

- Karchina, Yu. A. (2014a). On the question of the specifics of the lexicographic description of biblical phraseology in dictionaries of the Ukrainian language. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9—2 (39): 81—84. (In Russ.).
- Karchina, Yu. A. (2014-p). Principles of lexicographic description of Biblical texts. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 10—1 (40): 98—100. (In Russ.).
- Kondratieva, T. S., Nazarova, I. P. (2021). Semantic and pragmatic potential of phraseological units of biblical origin (based on media texts). *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 7 (2): 130—136. (In Russ.).
- Kuznetsova, I. V. (2014). Russian stable comparisons of biblical origin as an object of phraseography. *Problems of history, philology, culture*, 3 (45): 86—88. (In Russ.).
- Pozdnyakova, N. V. (2022). The widow and her mite: the fate of one evangelical expression in the history of the Russian language. *Humanitarian and pedagogical research*, 6 (2): 49—53. DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-2-49-53. (In Russ.).
- Pushchina, O. V. (2016). Functionalization of Biblical studies as precedent phenomena in modern media text (on the example of regional media). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 10—3 (64): 137—141. (In Russ.).
- Rybalova, M. I. (2013). Evangelism prodigal son: associative aspect (based on the material of the associative experiment). *Siberian Philological Journal*, 2: 220—223. (In Russ.).
- Shkuro, O. V. (2020). Desacralization of Biblical phraseology. Based on the material of the Internet, media discourse. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 42 (7): 54—63. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.539. (In Russ.).
- Solovyova, V. V. (2018). Biblical phraseology in the linguistic consciousness of modern native speakers. In: *Second-grade readings. Mat-in the All-Russian scientific conference*. Lipetsk: LGPU. 106—110. ISBN 978-5-88526-932-2. (In Russ.).
- Turkova-Zaraiskaya, M. O. (2016). Dictionary of Biblical Studies. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 2: 337—341. (In Russ.).
- Vorozhbitova, A. A., Zuev, M. B. (2007). Bibleism as an intertextual operator in the communicative space of the Internet. *Linguistic paradigm: theoretical and applied aspects*, 10: 39—51. (In Russ.).

*The article was submitted 02.09.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Рябцева Н. К. Межъязыковые соответствия и актуальные проблемы терминографии / Н. К. Рябцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 211—227. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-211-227.

Riabtseva, N. K. (2023). Cross-Linguistic Correspondences and Current Problems in Terminography. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 211-227. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-211-227. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-211-227

Межъязыковые соответствия и актуальные проблемы терминографии

Рябцева Надежда Константиновна

orcid.org/0000-0002-2042-4615

ResearcherID S-7138-2016

Scopus Author ID 55218430500

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела прикладного
языкознания

nadia_riabceva@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Cross-Linguistic Correspondences and Current Problems in Terminography

Nadezhda K. Riabtseva

orcid.org/0000-0002-2042-4615

ResearcherID S-7138-2016

Scopus Author ID 55218430500

Doctor of Philology,
leading research scientist,
Department of Applied Linguistics
nadia_riabceva@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Рябцева Н. К., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье показано, что в свете цифровых технологий современная лексикографическая и терминологическая деятельность включает множество разнообразных аспектов и типов работы и поэтому превращается в автономное и ведущее лингвистическое направление. Особо актуальную проблему при этом занимает «межязыковая терминография» — составление, в частности, двуязычных словарей и цифровых ресурсов по переводу исходно аутентичной англоязычной многокомпонентной и лингвоспецифичной терминологии на родной, в том числе русский, язык. На материале больших корпусных данных, собранных за последние пять лет (свыше 1 млн словоупотреблений) и включающих как ведущие англоязычные журналы и книги по смежным с цифровыми технологиями лингвистическим дисциплинам (Natural Language Processing — NLP), так и соответствующие им русскоязычные издания, содержащие переводы названий, аннотаций и ключевых слов с русского языка на английский, а также на основе анализа работы автоматических систем перевода установлено, что современные англо-русские терминологические словари и системы по автоматической обработке естественного языка нуждаются в принципиальном совершенствовании. Ведущую роль в нем занимает использование лингвистических знаний о межязыковых соответствиях, в том числе относительно «переводческих универсалий», таких, как экспликация, импликация и нормализация.

Ключевые слова:

межязыковая терминография; терминологические модели; лингвоспецифичность; переводческие универсалии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The paper investigates the current development of digital technologies, its terminology, the problems in cross-linguistic terminography and shows that at present terminography becomes an autonomous and leading multi-dimensional linguistic digital discipline. Its most urgent task is to create effective digital terminological resources of cross-linguistic correspondences to authentic extended language-specific and idiomatic digital terminology in English, including its equivalents in Russian. A wide collection of corpus data, compiled for the last five years (over 1 mil. words) out of leading authentic journals and books in English on Natural Language Processing (NLP) and corresponding authentic texts in Russian, provided with translation of titles, abstracts and key words from Russian into English, as well as the analysis of computer translation systems, shows that contemporary English-Russian dictionaries and digital lexicographic resources need serious improvement. It can be based on contemporary linguistic knowledge in cross-linguistic English–Russian and Russian–English correspondences, particularly concerning “translation universals”, such as explication, implication and normalization.

Key words:

cross-linguistic terminography; language-specific terminology patterns; translation universals.

Межъязыковые соответствия и актуальные проблемы терминографии

© Рябцева Н. К., 2023

1. Введение = Introduction

Современный научный и технический язык, и особенно терминология, постоянно изменяются, пополняются новыми понятиями и терминами, развиваются и даже приобретают новые формы и виды. При этом современные цифровые технологии не только помогают создавать новые типы и виды словарей, в том числе и терминологических, но и сами порождают беспрецедентное количество новых терминов, новые многокомпонентные модели их построения, новые способы их передачи на иностранный (в том числе русский) язык и т. д. Причем «цифровая» терминология вызывает самые большие проблемы у электронных переводчиков, которые еще не отказались от дословного перевода.

Так, в известной статье «The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future» [Nielsen, 2013] подчеркивается, что в настоящее время лексикография как самостоятельная лингвистическая деятельность по своей сути может быть отнесена к типу «a branch of reference science» или даже к «information science». Причем лексикографическая и терминологическая деятельность включает такие разнообразные виды работы, как разработка истории словарей, их типология, составление, концептуальное обоснование структуры и содержания, а также удовлетворение потребностей в образовании, особенно в профессиональном, развитие e-lexicography и т. д., и поэтому она уже давно превращается в автономное и ведущее лингвистическое направление. Цифровые технологии также ставят перед современной лексикографией всех типов и видов, особенно терминологической, принципиально новые проблемы: использование корпусных данных и других цифровых инструментов (например, ‘word sketches’ [Kilgariff, 2006] и мн. др.), придание лексикографическим продуктам цифровой формы — превращение их в e-lexicography, превращение обычных словарей в «цифровых ассистентов» для порождения письма и речи на родном и иностранном языке [Nielsen, 2013], совмещение словарей общеупотребительной и терминологической лексики и их единообразное устройство ([Fuertes-Olivera et al., 2020, с. 91, 108; Tarp, 2022, с. 66] и мн. др.). Кроме

того, современная лексикография и терминография нуждаются в новом, «пользовательском» взгляде на их устройство (a user-oriented approach in making dictionaries). При этом особое внимание в настоящее время уделяется лексикографическим и терминологическим средствам, отражающим динамический характер терминологии, которая постоянно изменяется, обновляется и совершенствуется [Fuertes-Olivera, 2022, с. 125—132]. С этой целью, в частности, определяются основные недостатки интернет-словарей и предлагаются способы их устранения.

Так что в свете современных цифровых технологий лексикографическая и терминологическая деятельность включает множество разнообразных аспектов и типов работы и поэтому превращается в автономное, притом ведущее лингвистическое направление. Особую актуальность имеет «межъязыковая терминография» — составление, в частности, двуязычных словарей по переводу исходно аутентичной англоязычной многокомпонентной и лингвоспецифичной терминологии на родной, в том числе русский, язык.

В данной статье используется мировой опыт в области установления и квалификации межъязыковых соответствий, а также демонстрируются разработанные автором принципы установления англо-русских и русско-английских межъязыковых соответствий, их включения в лексикографические и терминологические источники, а также особенности установления межъязыковых терминологических соответствий между русским и английским языками. Они могут быть использованы в разнообразных прикладных и теоретических областях — от преподавания английского языка и перевода с английского языка на русский и обратно до составления качественных лексикографических и терминологических ресурсов и интерпретации эволюционных изменений в грамматических и терминологических системах соответствующих языков.

Статья состоит из введения и трех разделов. В разделе 1 описаны исходные положения (продолжающегося) исследования. В разделе 2 указываются материал и методы исследования, а также раскрывается суть актуальных проблем в установлении межъязыковых соответствий. В разделе 3 показывается эффективный теоретический аппарат решения межъязыковых лексикографических и терминологических соответствий: рассматриваются универсальные переводческие приемы перевода, в том числе и перевода (новой) терминологии, признанные мировым сообществом. Это — экспликация, импликация и нормализация. Демонстрируются также авторские приемы перевода развернутых терминов в области инновационной цифровой обработки естественного языка (Natural Language Processing — NLP). В заключение указываются перспективы дальнейших исследований.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время словарное дело из «производства и издания словарей», особенно терминологических, превращается в организацию специальных лексикографических и терминологических информационных служб, которые приобретают совершенно новые черты: ориентация на определенного пользователя и потому на информационное общество, основанное на знании, и мн. др. При этом они превращаются в информационные инструменты, которые обеспечивают индивидуальную поддержку различным, особенно профессиональным, группам пользователей, нуждающимся в лексикографически (и терминологически) значимой, направленной именно им информации (*lexicographically and terminologically relevant data*), и производят ее «персонализацию» и анализ динамического взаимодействия на поверхностном и глубинном уровне. Это не значит, что уже завтра у нас появятся принципиально новые цифровые лексикографические продукты и терминологические службы, но уже сегодня для этого много делается, особенно специалистами, анализирующими и совершенствующими работу действующих лексикографических и терминологических ресурсов, большинство из которых нуждается в существенной доработке [Huang et al., 2021, с. 77].

В данной статье на материале больших корпусных данных (свыше 1 млн словоупотреблений), собранных (автором) за последние пять лет и включающих как ведущие англоязычные журналы и книги по смежным с цифровыми технологиями лингвистическим дисциплинам, так и русскоязычные издания (книги, журналы, материалы конференций и др.), содержащие переводы названий, аннотаций и ключевых слов с русского языка на английский, а также на основе анализа работы автоматических систем перевода (*Google Translate, Yandex Translate, DeepL, ABBY* и др.) установлено, что современные англо-русские терминологические словари и системы по автоматической обработке естественного языка нуждаются в принципиально новом подходе, ведущую роль в котором занимает использование лингвистических знаний о межязыковых соответствиях. Причем ориентация на внедрение нейросетей в соответствующие процедуры на основе самообучения не обязательно покажет желаемые результаты уже хотя бы потому, что необходимых для выполнения этой задачи текстов, самых современных двужычных, параллельных, пока не существует (ср. [Мифтахова и др., 2019]).

Особое внимание при этом в современной лингвистике уделяется одной из наиболее остро стоящих терминологических проблем — переводу на родной язык и с родного языка многокомпонентных терминов, которые все более активно появляются во всех отраслях знаний и составляют в них более 75 % от всей терминологии, см.: [Пегов, 2018; Пегов, 2019; Каменева, 2019; Станкевич, 2020 и мн. др.]. Назовем их важнейшие черты: появление

исходно в английском языке, их увеличивающаяся точность и «прецизионность» номинации, структурная усложненность и потому в большинстве случаев невозможность их пословного перевода, который используется в современных автоматических переводчиках. Ср. неудачный (под астериском) перевод: *reading-based assessment tasks* — *«задания для оценки на основе чтения» (Yandex Translate: «оценки чего?»), *helpful to make suggestions for reading-based assessment tasks* — «полезно вносить *предложения по задачам оценки, основанным на чтении» (Yandex Translate: «предложения по задачам оценки чего?»), — который полностью затемняет содержание текста. При этом важно, что многокомпонентные лингвоспецифичные и структурно усложненные термины типа *usage-based grammar* используются не только в соответствующих специальных текстах, чаще всего междисциплинарных, но и в аннотациях к ним, а также, что очень показательно, в названиях научных публикаций, выражая их основное содержание. См. примеры (1) — (4) (здесь и далее курсив и все **выделения** примеров мои. — *Н. Р.*):

1) Van Oost, A., Willems, A., De Sutter, G. Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation: A *corpus-based* study of the interaction between normalisation and shining through. *International Journal of Translation*. 2016. 28(1). 7–25.

2) Dunn, J. Exposure and emergence in *usage-based grammar*: computational experiments in 35 languages *Cognitive Linguistics*, vol. 33, no. 4, 2022, 659–699. <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0106>.

3) Stoet, Gijsbert. PsyToolkit: A novel *web-based* method for running online questionnaires and reaction-time experiments. *Teaching of Psychology*. 2017. № 44 (1). 24–31.

4) Barking, M., Backus, A., Mos, M. Individual corpus data predict variation in judgments: testing the *usage-based* nature of mental representations in a language transfer setting *Cognitive Linguistics*, vol. 33, no. 3, 2022, 481–519. <https://doi.org/10.1515/cog-2021-0105>.

Так, в названии и в самой статье (4) использованы, в частности, следующие термины, легко включающие в свой состав дополнительные терминологические компоненты, но отсутствующие в словаре или переведенные (и переводимые) «компьютерными переводчиками» неправильно: *needs-adapted* data presentation (using principles for making dictionaries that provide users with limited amounts of structured data from which useful information can be retrieved); *a commercially driven language tool* (that uses a language module based on statistics and is in the process of using Artificial Intelligence (AI) technologies) (пример из [Fuertes-Olivera et al., 2020, с. 91]). В статьях (1)–(3) (выше) также встречаются сходные модели терминов, которые рассмотрены далее.

При этом весьма сложным и нетривиальным вопросом для современных цифровых «помощников» является передача словосочетаний, для которых пока еще не выработан последовательный и «дружественный» алгоритм описания и перевода. Часто неудовлетворительная работа цифрового лексикографического и терминологического ресурса объясняется низким качеством лексикографического описания словосочетаний разных типов и видов, особенно терминологических, и способов обращения к ним: «a low database quality originating from a poor compilation or storage of the lexicographic data that are presented in the pop-up window on demand» [Huang et al., 2021, с. 78]. Так, в (1)–(4) встречаются аналогичные модели, которые: 1) нельзя перевести пословно, 2) нуждаются в выведении специальных формул их перевода, 3) которые должны соответствовать нормам выражения языка перевода. При этом следует иметь в виду самое важное правило, которое нигде не прописано явным образом: типологические различия между русским и английским языком проявляются, в частности, в гораздо более активно развитой системе деривации (и соответствующих значений) в русском языке, нежели в английском, в том числе в системе адъективной деривации (ср. *network-based threats* — «сетевые угрозы», где компонент *-based* подразумевается, имплицитируется, присутствует в неявном виде). См. «цифровые многокомпонентные» термины на английском языке из публикаций (1)–(4) и их качественный — правильный и точный — перевод на русский язык, который не смогла синтезировать ни одна система машинного (автоматического) перевода и который в неявном (имплицитном) виде содержит «эквивалент» английской лексемы *-based* (и ей подобных):

— *usage-based grammars* — «грамматики **употребления**» (ср. Google Translate: *грамматики **использования**);

— *usage-based linguistics* — «лингвистика **употребления**»;

— *emergence in usage-based grammar* — «**инновации** в грамматике **употребления**»;

— *revealing usage-based variation* — «установление вариаций в **употреблении**»;

— *usage-based assumption* — «**практическое** предположение»;

— *in line with a usage-based approach* — «в соответствии с **практическим** подходом»;

— *(fundamental) assumptions in usage-based approaches to language* — «(исходные) предположения относительно **практического** подхода к языку»;

— *usage-based predictions (do not explain all of the variation)* — «**практические** предположения (не объясняют все разнообразие выражения смысла)»;

— *usage-based nature (of mental representations)* — «**принципы выражения** (ментальных репрезентаций)»;

— *L2-induced changes in the L1 (of Germans)* — «**влияние** второго языка на первый»;

— *(a novel) web-based method (for running online questionnaires)* (Stoet, Gijsbert, 2017) — «(инновационный) **интернет-метод** (проведения интернет-опросов)»;

— *The item-based nature (of children's early syntactic development)* — «ориентация на **образец** (при раннем усвоении синтаксиса языка детьми)».

Приведенные примеры на английском языке и их переводы на русский язык ярко демонстрируют асимметрию англо-русских терминологических и словообразовательных явлений, их инновационный и лингвоспецифичный характер, ведущую роль разрешения многозначности для входящих в исходное выражение компонентов при их переводе, учет сочетаемости в языке перевода и т. д. Таким образом, важной причиной неудачной работы в этом отношении автоматических переводчиков выступает тот факт, что в соответствующих двуязычных ресурсах отсутствует учет контекстуального окружения лексикографической единицы (they are not context aware), ее синтаксической функции, позиции данного элемента в коммуникации, возможности омографии, идентификации ее полисемии, «избирательности по отношению к своим синтаксическим (и смысловым) «партнерам» и др. В более широком контексте — отсутствует семантическая и метатекстовая информация о темпоральной, стилистической и т. д. отнесенности текста и его компонентов [Bothma et al., 2022, с. 72].

Так что, «несмотря на международный характер IT-терминологии, механизмы, способы и средства ее формирования в английском и русском языках совсем не одинаковы, что является отражением различных типологических особенностей этих языков» [Станкевич, 2020, с. 8] и совсем не предполагает ее поэлементный и пословный перевод. Терминологи также отмечают, что большинство современных терминов состоит из нескольких компонентов: «Наиболее продуктивным способом терминообразования в современной IT-терминологии является образование многокомпонентных терминологических сочетаний, основу которых составляют термины-ядра, которые могут быть как базовыми, так и принадлежащими к терминологическим системам других наук [Акулинина, 2003, с. 155].

Соответственно, в компьютерной, информационной и цифровой терминологии выделяют два основных типа терминов: термины-лексемы и термины-фраземы. Термины-фраземы («кластеры», см. [Hyland, 2008; Riabtseva, 2022]) правомерно трактовать как наиболее продуктивные единицы номинации, поскольку они обеспечивают однозначность и систем-

ность терминологии, наиболее адекватно отвечают требованиям номинации, наиболее полно передают ряд дифференциальных признаков целостного усложнённого понятия, отражают в своей структуре родовидовые, партитивные и другие парадигматические отношения и т. д. [Бабалова, 2015, с. 6]. В результате многокомпонентные термины-фраземы (кластеры) оказываются лингвоспецифичными, идиоматичными и не поддающимися пословному переводу, они нуждаются в «переводческих преобразованиях», таких как экспликация, импликация (или, по-другому, «симплификация, элиминация и т. п.) и нормализация.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Результаты сравнительного анализа автоматического перевода с английского языка на русский современных многокомпонентных лингвоспецифичных идиоматичных терминов из области цифровой обработки информации на естественном языке (NLP) показывают, что их автоматический перевод нуждается в значительном совершенствовании, а соответствующие операции нуждаются в систематизации. При этом наиболее эффективными приемами их перевода выступают широко признанные переводческие процедуры передачи смысла с одного языка на другой. Это процедуры экспликации, импликации (симплификации) и нормализации.

3.1. Импликация, экспликация и нормализация как переводческие приемы перевода (новой) терминологии = Explication, implication and normalization in translating new terminology

Корпусные исследования в области сопоставления оригинала и перевода свидетельствуют, что перевод и оригинал, независимо от языка оригинала и языка перевода, отличаются друг от друга на лексическом, грамматическом и дискурсивном уровне [Baker, 1993 и мн. др.]. При этом самыми типичными, распространенными и естественными способами перевода с одного языка на другой выступают такие «межязыковые» приемы перевода, как, в первую очередь, добавление (необходимого по смыслу) элемента (которое увеличивает обычно объем перевода по сравнению с оригиналом), а затем элиминация (плеонастического) элемента и «нормализация выражения» — его приведение в соответствие с (грамматическими и др.) нормами языка перевода (см. [Van Oost et al., 2016, с. 7] с последующей библиографией), которое, правда, не всегда достигается в полном объеме. Соответствующие процедуры — экспликация, импликация и нормализация — получили название «переводческих универсалий», которые активно анализируются в различных переводоведческих исследованиях и используются при переводе текстов во всех областях знаний.

3.1.1. Импликация

Процесс импликации при переводе (с исходного английского языка на русский) многокомпонентных лингвоспецифичных идиоматичных терминов из области цифровых технологий по обработке естественного языка был продемонстрирован выше. О том, что в них компонент *-based* обычно оказывается при переводе плеонастическим, говорят еще и многочисленные примеры типа: *microprocessor-based control facilities* — «управляющий вычислительный **микроконтроллер**», *microprocessor-based hardware and software* — «**микросредства** управляющей вычислительной техники» и т. п. Аналогичным образом используются в английском языке (и переводятся, точнее, опускаются при переводе) и такие компоненты, как *(computer)-assisted*, *(computer)-aided*, *(corpus)-oriented*, *(robot)-mediated (communication)*, *(computer)-mediated (discourse)*, *mobile-assisted language learning*, *AI-driven decision making*, *a test-driven development of the lexicographic product*, *iterative processes with test-driven development*, *lexicon-driven approach*, *a lexicography-assisted writing*, *computer-supported collaborative writing*, *goal-oriented design*, *meaning-oriented classification of collocations*, *process-oriented writing support with the digital Writing Aid* и т. п.

3.2. Добавление слова по смыслу: экспликация

Примеры экспликации гораздо более многочисленны и наблюдаются во всех без исключения терминологических областях — во-первых, особо характерны для перевода с английского языка на русский (ввиду общеизвестной компактности и «имплицитности» английского, особенно «научного» языка, см., например, [Halliday, 2006]) — во-вторых, и проявляются в добавлении необходимого по смыслу полнозначного слова, исключающего пословный перевод с одного языка на другой — в-третьих:

- *batch processing* — «пакетный **режим** обработки **данных**»;
- *working software* — «рабочее **программное обеспечение**»;
- *refuelling system* — «система **перегрузки топлива**»;
- *engineered safety features* — «**инженерно-технические** средства безопасности»;
- *oil storage tank* — «станция **приема и перекачки** топлива»;
- *estimating of work performance* — «**составление смет** на производство работ»;
- *hard disk drive* — «накопитель на **жестких магнитных дисках**»;
- *out-of-core instrumentation* — «**вне реакторные контрольно-измерительные приборы**» и т. д.

3.3. Нормализация

Нормализация представляет собой прием перевода, особенно с английского языка на русский, в котором используются как вспомога-

тельные средства языка перевода: предлоги, союзы, порядок слов, изменение числа, падежа, части речи и др., так и собственно лексические: уточнение лексического оформления мысли, лексикализация вспомогательных (служебных) слов или, напротив, грамматикализация лексических значений, принятое в данном языке идиоматичное выражение, не допускающее произвольной замены лексических элементов, и т. д. с целью придания естественного звучания (*native-like*) переведенной на другой язык конструкции, ср.:

— *revealing usage-based variation* — «установление вариаций в употреблении»;

— *human error* — «ошибка персонала»;

— *in-core noise diagnostics* — «внутриреакторная шумовая диагностика»;

— *research and development works* — «научно-исследовательские работы»;

— *resistance temperature transducer* — «термопреобразователь сопротивления».

С нормализацией переводного соответствия часто связано использование характерного, «идиоматичного» для языка перевода выражения, ср.: *IT-based phraseology learning* — *изучение фразеологии на основе ИТ (*Google Translate: неточно, дословно*). Ср. пример «нормализации» выражения: *цифровые технологии изучения фразеологии*; а *lexicography-assisted communication* — «коммуникация *с помощью лексикографии» (*Google Translate: неточно*). Ср. пример «нормализации» выражения: *лексикографическая поддержка коммуникации*.

3.4. Автоматический перевод и моделирование естественного интеллекта: преобразование «продуктов» в «процессы» и обратно

Важнейший и самый надежный способ корректного перевода многокомпонентных лингвоспецифичных и потому идиоматичных терминологических конструкций на другой язык — это их включение в автоматические лексикографические и терминологические ресурсы целиком. Так, в исследовании [Fuertes-Olivera, 2022] на основе этих принципов, а также на основе большой предварительной работы излагаются перспективы создания автоматического словаря, совместимого с технологиями ИИ — с автоматической обработкой естественного языка (Natural Language Processing (NLP), которая носит динамический и модульный характер, отличается параллелизмом, динамичностью и высокой коннективностью, свойственной сознанию человека. В качестве «продуктов» коммуникации он содержит целостные единицы (*holistic entities*), которые являются как словами, так и словосочетаниями, ср. [Bergenholtz et al., 2014]. Они кодируются и вклю-

чаются в словари — с одной стороны, и моделируют «процессы», которые отражают их постоянную эволюцию и адаптацию к текущей коммуникативной ситуации, — с другой. Учет соответствующих свойств в цифровых лексикографических ресурсах при их использовании может значительно облегчить интеллектуальную деятельность человека при восприятии и порождении речи с помощью цифровых устройств, а также работу систем ИИ, если создавать лексикографические продукты, которые моделируют такие свойства естественного интеллекта, как преобразование «продуктов» в «процессы» и обратно.

Самым эффективным способом представления многокомпонентных терминов в словаре является их включение в него в полном составе. Это не только облегчает перевод, но и снимает большое количество разнообразных «сопутствующих» проблем, главная из которых — многозначность лексики и «активная» многозначность терминологии. Так, если одиночные лексемы, особенно терминологические, могут иметь от 6 до 25-ти словарных значений, то их использование в составе устойчивых выражений (словосочетаний, кластеров и т. п.) в речи снижает это количество до 1,25 % [Fuertes-Olivera, 2022, с. 126]. Следовательно, чем более представлен на данном ресурсе контекст употребления данного слова (и особенно термина) и точнее охарактеризованы его связи со смежными понятиями, тем меньшее воздействие оказывают на перевод неоднозначность и многозначность слова, которые разрешаются контекстом, ср. *extended units of meaning* [Rundell, 2018]. И чем более подробно описано количество контекстуально связанных употреблений лексических единиц и их производных в данной базе знаний, на данном лексикографическом ресурсе и т. д., тем эффективнее она разрешает их лексическую и грамматическую неоднозначность.

При этом учет производных заглавного слова способствует явной амплификации цифровых лексикографических ресурсов, особенно связанных с процессами NLP. Представление о словаре как о законченном продукте лексикографии трансформируется в представление о ресурсе, который постоянно обновляется, уточняется и «калибруется» — совершенствуется в качестве базы знаний. Важнейшим источником эмпирического материала при этом выступает Интернет [Fuertes-Olivera, 2022, с. 127] как постоянно обновляемая база данных и обязательный источник новых сведений обо всех лексикографических и терминологических единицах.

4. Заключение = Conclusions

Результаты проведенного исследования показывают следующее.

1. Основные свойства современной англоязычной терминологии, особенно в области цифровых технологий обработки информации на есте-

ственном языке, такие как компактность, динамичность, точность, многокомпонентность, межъязыковая асимметрия, идиоматичность, междисциплинарность и др., требуют специальных процедур формализации и автоматизации подбора их межъязыковых соответствий, в том числе при их переводе на русский язык.

2. Самым простым, эффективным и качественным приемом установления соответствующих межъязыковых соответствий выступает их перевод профессиональными переводчиками и последующее их моделирование, формализация, алгоритмизация и автоматизация перевода, а также их включение в полном составе в двуязычные автоматические словари. При этом следует учитывать их способность к расширению, варьированию, модификации, обновлению и т. д.

3. Как и все информационные ресурсы, лексикографические и терминологические базы данных, банки знаний и лексикографические, терминологические и энциклопедические ресурсы должны подвергаться регулярному обновлению, дополнению и совершенствованию в части описания особенностей, сочетаемости, значения и семантического «окружения» терминов — их синонимов, антонимов, аналогов, переводов на другой язык, особенно на основе обновляемых корпусов специальных интернет-текстов и т. д.

4. Таким образом, современные лексикографы и терминографы все более утверждают в мысли, что благодаря беспрецедентному развитию цифровых технологий лексикография и терминография все более сближаются и разрабатывают общие принципы автоматической обработки естественного языка. Так, общие принципы разработки лексических и терминологических дефиниций: их организации, выявления особенностей и отличительных и общих черт — значительно облегчают и упорядочивают процесс создания лексикографических ресурсов, а также их использования в различных образовательных, исследовательских, коммерческих и прочих цифровых проектах, нацеленных на помощь в создании, понимании, переводе или редактировании текстов на естественном языке, а также в их совмещении с разнообразными ИИ-технологиями. В результате оказывается, что точная типология дефиниций лексических и терминологических единиц и тем самым конвергенция терминографии и лексикографии значительно повышают качество работы электронного ресурса, как одноязычного, так и двуязычного. Установлено, что создание строгих дефиниций возможно и даже необходимо не только для терминологической лексики, как считалось ранее, но и для общеупотребительных лексических единиц, что значительно повышает эффективность работы соответствующего двуязычного ресурса [Fuentes-Olivera et al., 2020, с. 90—110; 257—286].

5. Современный этап развития лингвистики отличается от предыдущего переходом от изучения фонологии, синтаксиса и логической семантики к более тщательному анализу функционирования слов в тексте и в речи: к тому, как они используются. В результате лексикография переместилась в центр лингвистических исследований. В то же время сама лексикография преобразуется из традиционного лингвистического описания в новую междисциплинарную науку, все более активно используя корпусные методы исследования и предоставляя широкому кругу специалистов теоретических и прикладных направлений все более точные лексикографические, терминологические, комбинаторные, межъязыковые, методические, стилистические, методологические, переводческие, культурологические, литературоведческие и т. п. сведения об использовании языка в речи и коммуникации, ср. [Hanks et al., 2016, с. 3]. Особо важную роль в развитии современной лексикографии и терминографии играют цифровые технологии, преобразующие их в принципиально новое направление — «цифровая лексикография и терминография», которая ставит перед собой новые задачи и ищет для них новые решения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Акулинина Т.В. Экстралингвистическая обусловленность особенностей английской терминологии компьютерной информатики [Текст] : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. В. Акулинина. — Омск, 2003. — 160 с.
2. Бабалова Г. Функциональная природа компьютерной терминологии / Г. Бабалова // Инновационная экономика и общество. — 2015. — № 3 (9). — С. 2—7.
3. Каменева Н. А. Анализ лексических особенностей английского и русского языков в сфере информационных технологий / Н. А. Каменева // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — Т. 23. — № 1. — С. 185—199. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-185-199.
4. Мифтахова Р. Г. Машинный перевод. Нейроперевод / Р. Г. Мифтахова, Е. А. Морозкина // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 497—502.
5. Пегов С.В. Терминологическая система атомной энергетики (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / С. В. Пегов. — Тверь, 2018. — 18 с.
6. Пегов С.В. Словарь терминов атомной энергетики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / С. В. Пегов. — Курск, 2017. — 163 с.
7. Станкевич Я. А. Особенности перевода современной ИТ-терминологии с английского языка на русский : сопоставительный анализ / Я. А. Станкевич. — Москва : ВШЭ, 2020. — 71 с.
8. Bergenholtz H. The Ideal Number of Lemmas in an Ideal Accounting Dictionary / H. Bergenholtz, B. Norddahl // Hermes. Journal of Language and Communication in Business. — 2014. — № 53. — Pp. 143—150. — DOI:10.7146/hjlc.v27i53.20988.

9. *Bothma Th. J. D.* Information Needs and Contextualization in the Consultation Process of Dictionaries that are Linked to e-Texts / Th. J. D. Bothma, R. H. Gouws // *Lexikos*. — 2022. — № 32 (2). — Pp. 53—81.

10. *Fuertes-Olivera P. A.* The Mental Lexicon in Lexicography : The Diccionarios Valladolid-Uva / P. A. Fuertes-Olivera // *Lexikos*. — 2022. — № 32. — Pp. 118—140. — DOI: <https://doi.org/10.5788/32-1-1712>.

11. *Fuertes-Olivera P. A.* Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals : The Case of the <i>Diccionarios Valladolid-UVa</i> / P. A. Fuertes-Olivera, M. Esandi-Baztan // *Lexikos*. — 2020. — № 30 (1). — Pp. 90—110. — DOI: <https://doi.org/10.5788/30-1-1598>.

12. *Fuertes-Olivera P. A.* A Window to the Future : Proposal for a Lexicographically-assisted Writing Assistant / P. A. Fuertes-Olivera, S. Tarp // *Lexicographica*. — 2020. — № 36. — Pp. 257—286.

13. *Hanks P.* International Handbook of Modern Lexis and Lexicography / P. Hanks, G-M. de Schryver (Eds). — Springer Berlin, 2016. — 900 p.

14. *Halliday M. A. K.* Language of Science / M. A. K. Halliday. — London : Bloomsbury Academic, 2006. — 243 c.

15. *Hyland K.* Academic clusters : Text patterning in published and postgraduate writing / K. Hyland // *International Journal of Applied Linguistics*. — 2008. — № 18 (1). — Pp. 41—62. — DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2008.00178.x>.

16. *Huang F.* Dictionaries Integrated into English Learning Apps : Critical Comments and Suggestions for Improvement / F. Huang, S. Tarp // *Lexikos*. — 2021. — № 31. — Pp. 68—92.

17. *Kilgariff A.* Word from the Chair / A. Kilgariff // *Dictionary Writing Systems (DWS). Proceedings of the Fourth International Workshop. 5 September 2006*. — Turin : PreEURALEX, 2006. — 57 p.

18. *Nielsen S.* The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future / S. Nielsen // *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. — 2013. — Pp. 355—372. — DOI: [10.5040/9781472541871.ch-018](https://doi.org/10.5040/9781472541871.ch-018).

19. *Riabtseva N. K.* Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective / N. K. Riabtseva // *Nauchnyi dialog*. — 2022. — № 11 (6). — Pp. 123—139. — DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139).

20. *Rundell M.* Searching for Extended Units of Meaning — and What To Do When You Find Them / M. Rundell // *Lexicography*. — 2018. — № 5. — Pp. 5—21. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s40607-018-0042-1>.

21. *Tarp S.* Turning Bilingual Lexicography Upside Down : Improving Quality and Productivity with New Methods and Technology / S. Tarp // *Lexikos*. — 2022. — № 32. — Pp. 66—87.

22. *Van Oost A.* Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation : A corpus-based study of the interaction between normalisation and shining through / A. Van Oost, A. Willems, G. De Sutter // *International Journal of Translation*. — 2016. — № 28 (1). — Pp. 7—25.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

References

- Akulina, T. V. (2003). *Extralinguistic conditionality of the features of the English terminology of computer informatics [Text]*. PhD Diss. Omsk. 160 p. (In Russ.).
- Babalova, G. (2015). Functional nature of computer terminology. *Innovative economy and society*, 3 (9): 2—7. (In Russ.).
- Bergenholtz, H., Norddahl, B. (2014). The Ideal Number of Lemmas in an Ideal Accounting Dictionary. *Hermes. Journal of Language and Communication in Business*, 53: 143—150. DOI:10.7146/hjle.v27i53.20988.
- Bothma, Th. J. D., Gouws, R. H. (2022). Information Needs and Contextualization in the Consultation Process of Dictionaries that are Linked to e-Texts. *Lexikos*, 32 (2): 53—81.
- Fuertes-Olivera, P. A., Tarp, S. (2020). A Window to the Future: Proposal for a Lexicographically-assisted Writing Assistant. *Lexicographica*, 36: 257—286.
- Fuertes-Olivera, P. A., Esandi-Baztan, M. (2020). Integrating Terminological Resources in Dictionary Portals: The Case of the <i>Diccionarios Valladolid-UVa</i>. *Lexikos*, 30 (1): 90—110. DOI: <https://doi.org/10.5788/30-1-1598>.
- Fuertes-Olivera, P. A. (2022). The Mental Lexicon in Lexicography: The Diccionarios Valladolid-Uva. *Lexikos*, 32: 118—140. DOI: <https://doi.org/10.5788/32-1-1712>.
- Halliday, M. A. K. (2006). *Language of Science*. London: Bloomsbury Academic. 243 p.
- Hanks, P., De Schryver, G-M. (2016). *International Handbook of Modern Lexis and Lexicography*. Springer Berlin. 900 p.
- Huang, F., Tarp, S. (2021). Dictionaries Integrated into English Learning Apps: Critical Comments and Suggestions for Improvement. *Lexikos*, 31: 68—92.
- Hyland, K. (2008). Academic clusters: Text patterning in published and postgraduate writing. *International Journal of Applied Linguistics*, 18 (1): 41—62. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2008.00178.x>.
- Kameneva, N. A. (2019). Analysis of lexical features of English and Russian languages in the field of information technology. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1): 185—199. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-185-199. (In Russ.).
- Kilgariff, A. (2006). Word from the Chair. In: *Dictionary Writing Systems (DWS). Proceedings of the Fourth International Workshop. 5 September 2006*. Turin: PreEURALEX. 57 p.
- Miftakhova, R. G., Morozkina, E. A. (2019). Machine translation. Neurotransmission. *Bulletin of Bashkir University*, 24 (2): 497—502. (In Russ.).
- Nielsen, S. (2013). The Future of Dictionaries, Dictionaries of the Future. *The Bloomsbury Companion to Lexicography*. 355—372. DOI: 10.5040/9781472541871.ch-018.
- Pegov, S. V. (2017). *Dictionary of atomic energy terms*. PhD Diss. Kursk. 163 p. (In Russ.).
- Pegov, S. V. (2018). *Terminological system of atomic energy (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Tver. 18 p. (In Russ.).
- Riabtseva, N. K. (2022). Contemporary Terminological Problems in a Cross-linguistic Perspective. *Nauchnyi dialog*, 11 (6): 123—139. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-123-139.
- Rundell, M. (2018). Searching for Extended Units of Meaning — and What To Do When You Find Them. *Lexicography*, 5: 5—21. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40607-018-0042-1>.
- Stankevich, Ya. A. (2020). *Features of the translation of modern IT terminology from English into Russian: comparative analysis*. Moscow: HSE. 71 p. (In Russ.).

- Tarp, S. (2022). Turning Bilingual Lexicography Upside Down: Improving Quality and Productivity with New Methods and Technology. *Lexikos*, 32: 66—87.
- Van Oost, A., Willems, A., De Sutter, G. (2016). Asymmetric syntactic patterns in German-Dutch translation: A corpus-based study of the interaction between normalisation and shining through. *International Journal of Translation*, 28 (1): 7—25.

*The article was submitted 20.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Арсентий Игоревич Бочкарев, канд. филол. наук (Новосибирск)
Данила Алексеевич Сорокин, канд. полит. наук (Москва)
Елена Александровна Баженова, д-р филол. наук (Пермь)
Мария Андреевна Ширинкина, д-р филол. наук (Пермь)

Информация для цитирования:

Баженова Е. А. Медиакоммуникации исполнительной власти : оценка эффективности / Е. А. Баженова, М. А. Ширинкина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 229—244. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-229-244.

Bazhenova, E. A., Shirinkina, M. A. (2023). Media Communications of Executive Power: Assessing Effectiveness. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 229-244. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-229-244. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-229-244

Медиакоммуникации исполнительной власти: оценка эффективности

Баженова Елена Александровна

orcid.org/0000-0003-4580-4128

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры русского языка
и стилистики

bazhenova_e2000@mail.ru

Ширинкина Мария Андреевна *

orcid.org/0000-0002-6951-0653

Researcher ID G-9997-2017

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и стилистики,

*** корреспондирующий автор**

m555a@yandex.ru

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-00171,
<https://rscf.ru/project/23-28-00171/>

Media Communications of Executive Power: Assessing Effectiveness

Elena A. Bazhenova

orcid.org/0000-0003-4580-4128

Doctor of Philology, associate professor,
Professor, Department
of Russian and Stylistics

bazhenova_e2000@mail.ru

Mariya A. Shirinkina *

orcid.org/0000-0002-6951-0653

Researcher ID G-9997-2017

Doctor of Philology, associate professor,
Professor, Department
of Russian and Stylistics,

*** Corresponding author**

m555a@yandex.ru

Perm State University
(Perm, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00171,
<https://rscf.ru/project/23-28-00171/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В рамках исследования медиакommunikации органов исполнительной власти России с гражданами разрабатывается метод оценки эффективности речи. Эмпирическим материалом послужили посты в официальных пабликах Министерства здравоохранения Российской Федерации, Министерства здравоохранения Пермского края и Министерства здравоохранения Свердловской области, размещенные в социальной сети «ВКонтакте». Актуальность исследования обусловлена необходимостью с опорой на верифицируемые данные установить объективные параметры результативности речи. Одним из таких параметров предлагается считать коэффициент вовлеченности пользователей, определяемый посредством онлайн-сервиса Popsters.ru. Новизна исследования связана с интерпретацией эффективности как комплексной характеристики, репрезентированной в реакциях адресата — лайках, комментариях, перепостах. Предложенный в статье алгоритм оценки эффективности медиadiaлога власти с гражданами включает следующие процедуры: определение критериев отбора контента; автоматический анализ материала; формирование рейтинга публикаций; контент-анализ публикаций и выявление их дискурсивно-стилистического своеобразия. Доказано, что на вовлеченность пользователей в коммуникацию с властью оказывают влияние содержательно-тематические, языковые и невербальные параметры текста (вопросно-ответные комплексы, оценочная лексика, проспективные и восклицательные конструкции, рубрикация, смайлы и эмодзи и др.). Разработанная методика может быть использована для оценки эффективности медиadiaлога исполнительной власти с гражданами на других цифровых площадках.

Ключевые слова:

медиакommunikации власти и общества; эффективность речи; речевое воздействие; социальная сеть ВКонтакте; сервис Popsters.ru.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Assessing the Effectiveness of Media Communications of Executive Power: An Analysis of Speeches. This study focuses on developing a method to evaluate the effectiveness of communication between Russian executive authorities and citizens. The empirical data was collected from posts on the official pages of the Ministry of Health of the Russian Federation, Perm Krai Ministry of Health, and Sverdlovsk Oblast Ministry of Health on the social media platform VKontakte. The relevance of this research lies in the need to establish objective measures of speech performance based on verifiable data. One such measure is the engagement coefficient of users, determined through the online service Popsters.ru. The novelty of this study lies in interpreting effectiveness as a complex characteristic represented by the reactions of recipients — likes, comments, and reposts. The proposed algorithm for evaluating the effectiveness of media dialogue between authorities and citizens includes the following procedures: determining criteria for selecting content, automatic analysis of material, ranking publications, content analysis of publications, and identifying their discursive-stylistic features. It has been proven that the engagement of users in communication with authorities is influenced by the content, thematic, linguistic, and non-verbal parameters of the text (question-answer complexes, evaluative vocabulary, prospective and exclamatory constructions, categorization, emojis, etc.). This methodology can be used to assess the effectiveness of media dialogue between executive power and citizens on other digital platforms.

Key words:

Media Communications of Executive Power and Society; Speech Effectiveness; Speech Impact; VKontakte Social Network; Popsters.ru Service.

Медиакоммуникации исполнительной власти: оценка эффективности

© Баженова Е. А., Ширинкина М. А., 2023

1. Введение = Introduction

В современном обществе социальные сети являются законодательно установленным инструментом взаимодействия государства и граждан, который действительно играет огромную роль в установлении контакта между ними. Основной целью ведения органами власти официальных страниц в социальной сети «ВКонтакте» является в соответствии с законодательством РФ «обеспечение доступа пользователей ... к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ, ст. 2, п. 1) [Об обеспечении доступа ..., 2009], что в свою очередь формирует «конструктивно настроенное общественное мнение и положительный имидж власти» [Связи с общественностью ..., 2023, с. 17].

Общение в социальных сетях, с одной стороны, позволяет органам власти оперативно информировать население о своей деятельности, текущих и предстоящих событиях, решении значимых социальных проблем, с другой — обеспечивает обратную связь, предоставляет гражданам возможность оперативно реагировать на информацию, выражать свое мнение и задавать вопросы. Однако для того, чтобы этот диалог был эффективным, специалистам, отвечающим за связи с общественностью, необходимо не только владеть базовыми лингвистическими компетенциями и коммуникативными навыками, но и учитывать особенности общения в социальных сетях [Социальные сети ..., 2021; Мельник и др., 2020; Рослякова, 2022 и др.].

Активно развивающаяся в праксиологически ориентированных отраслях знания технологическая парадигма, нацеленная, во-первых, на интерпретацию любого вида человеческой деятельности как технологии и, во-вторых, на моделирование деятельности инструментами системного подхода, обуславливает актуальность изучения текста как результата речевой деятельности в разных коммуникативных условиях, в том числе в медиадialogе власти и общества. В связи с этим цель предпринятого исследования — с ис-

пользованием функционала онлайн-сервиса Popsters.ru разработать процедуру оценки эффективности постов, размещаемых в официальных пабликах органов исполнительной власти. Подчеркнем, что ресурс Popsters.ru используется для решения лингвистических задач впервые.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблема эффективности общения обсуждается в ряде лингвистических работ [Иссерс, 2009; Кайда, 1989; Кожина, 2000; Паршин, эл. ресурс; Сковородников, 2014; Стернин, 2001, 2012; Ухова, 2012; Шелестюк, 2014; Ширяев, 1996; Шмелева, 2011; Daly, 2023; Terchila, 2022 и др.].

Так, М. Н. Кожина к комплексу способов и условий эффективной речи относит ее содержание (умение выбрать «общие места», топы и убедительные для данной аудитории доводы), хорошее знание социально-психологических характеристик аудитории или конкретного адресата, ситуацию общения (ситуативный контекст) и весь строй речи, включая специальные выразительные средства [Кожина, 2000, с. 402].

По мнению Т. В. Шмелевой, основными параметрами эффективной речи следует считать приемлемое речевое поведение речедателя, оптимальную фактуру (способ материализации содержания речи), точное «попадание» в сферу общения и идеальное воплощение в соответствующий речевой жанр [Шмелева, 2011, с. 87].

На рубеже XX—XXI веков И. А. Стернин обосновывает новую интегральную науку — речевое воздействие, называя ее предметом изучения адекватных способов воздействия на адресата в конкретной коммуникативной ситуации [Стернин, 2001, с. 5]. Под речевым воздействием исследователь понимает «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели» [Стернин, 2001, с. 51]. Основными способами воздействия, по мнению автора, являются доказывание, убеждение, уговаривание, кляненье, внушение, приказ, просьба [Стернин, 2001, с. 59—61].

П. Б. Паршин справедливо подчеркивает, что основная цель речевого воздействия — построение сообщений, обладающих повышенной способностью оказывать влияние на сознание и поведение адресата [Паршин, электронный ресурс].

Е. В. Шелестюк интерпретирует речевое воздействие как сложный психолингвистический процесс, получающий отражение в текстовых категориях аргументативности, суггестивности и императивности. С привлечением экспериментальных методик автором разработана классификация типов и инструментов речевого воздействия (в том числе некорректных) [Шелестюк, 2012].

В работах Л. В. Уховой представлен алгоритм оценки эффективности рекламных текстов и посредством тестирования целевой аудитории выявлены индексы их эффективности [Ухова, 2012]. К доминирующим факторам эффективности коммерческой рекламы исследователь относит способ подачи поликодовой информации, учет адресата, характер аргументации, языковое оформление (в том числе языковую игру, тропы и риторические фигуры), гендерную маркированность текста, а также его креативность.

О. С. Иссерс изучает лингвистические и когнитивные механизмы речевого воздействия, в том числе семантические пресуппозиции, вопросительные конструкции с имплицитной семантикой и опровержение скрытого тезиса. Приемами эффективного использования языковых средств автор считает инверсию, парцелляцию, намеренное нарушение языковых норм, расширение парадигмы слова, употребление идеологически нагруженной лексики, словообразовательную игру, грамматический контраст и др. [Иссерс, 2009].

Таким образом, в лингвистических исследованиях эффективность общения соотносится прежде всего с результативностью речи говорящего / пишущего. Не оспаривая этот тезис, в то же время считаем важным с опорой на верифицируемые данные установить объективные показатели результативности речи. По нашему мнению, одним из таких показателей является реакция адресата на речевой стимул. Очевидно, что эта реакция обусловлена многими факторами и варьируется в зависимости от коммуникативной ситуации. Применительно к диалогу власти и общества в социальных сетях и мессенджерах о реакциях адресата можно судить по лайкам, перепостам и комментариям — специфическим действиям пользователей интернета, предусмотренным разработчиками той или иной платформы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Материал и методология

Современная лингвистическая наука ориентирована на применение точных методов оценки эффективности речи и алгоритмизацию процедуры оценивания. С учетом этого мы воспользовались функционалом онлайн-сервиса Popsters.ru, предназначенного для автоматического анализа эффективности публикаций в социальных сетях с возможностью сравнения полученных результатов. Сервис позволяет формировать систему оценки контента на основе различных параметров.

Для достижения поставленной цели в данной статье рассматривается контент, опубликованный в социальной сети «ВКонтакте» и ограниченный официальными страницами трех органов исполнительной власти: Министерства здравоохранения РФ, Министерства здравоохранения Пермского края и Министерства здравоохранения Свердловской области. Хронологи-

ческий срез публикаций охватывает один месяц (1—31 июля 2023 года). При анализе контента в программе Popsters.ru учитываются следующие показатели: количество публикаций; число подписчиков; коэффициент вовлеченности пользователей; коэффициенты привлекательности, коммуникабельности и видимости постов; активность пользователей по дням недели и времени суток; количество репостов, просмотров, комментариев к постам и многое другое.

Представим результаты первого этапа исследования, в рамках которого учитывался только показатель ERpost — «коэффициент вовлеченности пользователей в публикуемый контент (посты)», отображающий «процент пользователей, которые проявляли активность» по отношению к публикации [Используемые метрики. ER (engagement rate), электронный ресурс].

ERpost рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ERpost} = \frac{(\text{лайки} + \text{репосты} + \text{комментарии})}{\text{кол-во подписчиков}},$$

то есть опирается на такие параметры поста, как количество лайков, репостов и комментариев подписчиков, выразивших реакцию на сообщение. В результате для каждого отдельного поста устанавливается коэффициент вовлеченности, который «позволяет оценивать ... эффективность публикаций», то есть отслеживать, «насколько они интересны ... подписчикам» [Используемые метрики. ER (engagement rate), электронный ресурс].

Мы полагаем, что значение коэффициента вовлеченности обусловлено не только собственно маркетинговыми параметрами поста, например временем размещения в сети, но и его дискурсивно-стилистическими характеристиками, прежде всего конкретным содержанием (темой текста), «вписанным» в конкретную коммуникативную ситуацию [Кожина, 2000, с. 404], а также использованными приемами речевого воздействия на адресата. Именно тематическая направленность информации и ее вербально-визуальная «аранжировка» определяют вовлеченность пользователей соцсети в диалог с представителями власти.

На основе автоматического анализа 265 публикаций Минздрава РФ (73 поста), Минздрава Пермского края (51 пост) и Минздрава Свердловской области (141 пост) был сформирован рейтинг этих публикаций по критерию вовлеченности аудитории. Для дальнейшего дискурсивно-стилистического анализа отобрано по 25 постов, занимающих самые верхние и самые нижние позиции в рейтинге (всего 50 постов). На рис. 1 представлен фрагмент рейтинга, отражающий распределение постов, получивших наибольшее (верхняя часть рисунка) и наименьшее (нижняя часть рисунка) количество откликов.

Рис. 1. Фрагмент рейтинга публикаций по коэффициенту вовлеченности пользователей в публикуемый контент

Следующей процедурой исследования стал дискурсивно-стилистический анализ «топовых» публикаций с целью выявления использованных в них способов речевого воздействия на адресата.

3.2. Дискурсивно-стилистический анализ медиаконтента

Дискурсивно-стилистический подход [Bazhenova et al., 2023] к изучению контента позволяет выявлять приемы вербального и невербального воздействия на адресата в их обусловленности дискурсивными факторами. В коллективной монографии, обобщающей исследования, выполненные в Пермской научной школе функциональной стилистики, под *дискурсивными факторами*, оказывающими влияние на смысловую структуру текста, понимаются сильнодействующие, но не стилиобразующие экстралингвистические факторы коммуникации. Их углубленное изучение «является прерогативой самостоятельного, весьма значимого, наряду с функциональной стилистикой, научного направления — речеведения» [Дискурсивные основания ..., 2023, с. 26]. В медиакommunikации власти и общества одним из важных дискурсивных факторов является тема поста.

По тематическому признаку посты органов здравоохранения распределяются следующим образом:

1. Полезные советы (52 % от общего количества исследованных постов), например: *Что есть в жару?*; *Почему важно проходить диспан-*

серизацию и профосмотры?; Как помочь себе метеочувствительным людям?; Питьевой режим в жару; Как сохранить здоровье мозга?; Ваше утро начинается с кофе?

2. Достижения врачей (47 %), в том числе успешное лечение тяжелых больных и проведение уникальных операций, портреты лучших врачей и победителей профессиональных конкурсов. Приведем примеры развернутых заголовков к таким публикациям (лидов): *Детские хирурги-онкологи впервые в своей практике всего через пять проколов удалили метастазы легких с двух сторон; Врачи еще трех свердловских больниц начали проводить тромбоэкстракцию пациентам с инсультом; Победителем Всероссийского конкурса «Врач года 2023» стала пермский врач-инфекционист Марина Зернина.*

3. Другие темы (1 %): направления государственной политики в здравоохранении, работа студенческих медицинских отрядов, профориентационные материалы и др.: *Михаил Мурашко рассказал депутатам о реализации государственной политики в сфере охраны здоровья; Студенческий медицинский отряд УГМУ «Пульс»: даешь летний трудовой семестр.*

Как видим, наибольшим спросом у интернет-подписчиков пользуются посты с медицинскими рекомендациями, а также материалы очеркового характера об известных врачах и медсестрах.

Тематика постов из нижней части рейтинга касается, в частности, международного сотрудничества России в области здравоохранения и темпов вакцинации; строительства, капитального ремонта и оснащения учреждений здравоохранения; открытий и достижений в медицине; вопросов медицинского образования и конкурса в медицинские вузы; перечня услуг Минздрава на сайте «Госуслуги» и вакансий. Посты с этой тематикой вызвали лишь единичные реакции пользователей. Между тем приведенные в них сведения отражают социально значимые аспекты деятельности высших органов управления здравоохранением, причем во многих постах содержатся количественные показатели, подтверждающие результативность деятельности министерства.

С нашей точки зрения, низкая степень вовлеченности граждан в коммуникацию с министерством здравоохранения свидетельствует, с одной стороны, о гражданской пассивности населения и несформированной потребности россиян в конструктивном диалоге с властью. С другой стороны, безразличие граждан к деятельности органа государственного управления обусловлено качеством контента — формализованной подачей содержания и обезличенностью текста в виде сухого изложения информации «из официальных источников». Для того чтобы в социальных сетях состоялась обратная связь, публикуемый материал должен быть или проблемным, или

привлекательным по оформлению, или затрагивающим интересы и нужды отдельного человека. На низкую востребованность контента также оказывает влияние сезонный фактор: официальная информация в стиле канцелярских отчетов и сухие факты из области медицинской науки не входят в набор летних трендов для соцсети. Приведем ряд примеров.

Так, низкий показатель привлекательности (9 тыс. просмотров; 32 лайка; 7 репостов; коэффициент вовлеченности — 0,0263; седьмая позиция снизу в рейтинге вовлеченности) имеет пост из паблика Минздрава РФ от 26 июля 2023 года о «технологии переноса жизнеспособных клеточных сфероидов при помощи лазерного биопринтера». Перегруженность специальной терминологией (*сфероиды, лазерно-индуцированный перенос, LIFT-биопечать, биофабрикация органов и тканей, межклеточное взаимодействие* и др.), неадаптированность текста к аудитории соцсетей, неясность содержания и отсутствие занимательности, неочевидность пользы научного открытия для обычного человека, неинформативность фотографий — всем этим объясняется отсутствие интереса подписчиков к данному медиаконтенту.

Противоположный пример — пост-рекомендация из паблика Минздрава Свердловской области от 5 июля 2023 года (13 558 просмотров; 128 лайков; 61 репост; коэффициент вовлеченности — 1,558; седьмая позиция сверху в сформированном рейтинге), в которой в занимательной форме даются «полезные советы» о том, какие продукты следует употреблять в жару. Тема этого поста последовательно, начиная с заголовка, эксплицируется номинативной цепочкой (*еда, пища, соль, жидкость, кофеин, горячее, напитки*), которая служит композиционно-смысловым каркасом публикации, отвечая ожиданиям адресата. В сильную позицию текста — заголовочный комплекс — вынесена вопросительная конструкция, создающая эффект ожидания и заставляющая прочитать публикацию до конца, чтобы получить ответ на поставленный вопрос.

МЕНЮ В ЖАРУ ☀️
? ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ 😓 ?

Удержанию внимания читателя способствуют вопросно-ответная форма построения текста, четкое структурирование информации, доступная для понимания лексика, а также невербальные средства воздействия: выделение заглавными буквами заголовочного комплекса, цветовая гамма, пространственно-композиционное расположение материала, смайлы и эмодзи, яркая фотография, создающая позитивный фон публикации. Все использованные средства настраивают адресата на легкость восприятия полезной информации (что весьма важно при общении в социальных

сетях), притягивают внимание аудитории и в конечном счете укрепляют имидж министерства здравоохранения как социального института, нацеленного на заботу о гражданах.

Дискурсивно-стилистический анализ 25 лучших постов позволил выявить наиболее часто используемые приемы привлечения внимания аудитории — вербальные и невербальные.

Так, в текстах постов применяются следующие лексические средства, призванные воздействовать на аудиторию:

- позитивно окрашенная оценочная лексика: *нужный, интересный, важный, лучший, главный, успешно*;
- лексика с семантикой новизны: *впервые, первыми* (что-то сделали);
- разговорные слова: *доктор* (ср. номенклатурное наименование, которое используется в правовых актах: *врач-терапевт участковый*), *уральцы* (в отличие от официальных номинаций *граждане, население*), *ребята*;
- антонимия: *Мелкие батарейки могут приводить к большим трагедиям*;
- лексические повторы: *Уникальные люди в уникальной профессии*;
- объяснение терминированного понятия не строгой формально-логической дефиницией, а посредством указания на известные неспециалисту признаки этого понятия, например: *Если в воде плавают утки или другие птицы, это может привести к «зуду купальщиков». Опасность в циркариях — паразитах, которые живут на клювах уток*.

Из средств экспрессивного синтаксиса отметим следующие:

— предложения с неосложненной структурой, благодаря которой научная информация подается в доступной и компактной языковой форме, например: *Кофе — это природный энергетик. Если вы пьете кофе регулярно, он способен разогнать метаболизм на 10 % и помочь удерживать вес. Особенно если не только пить кофе, а еще и трудиться в спортзале*;

— использование в заголовочных комплексах высказываний, требующих семантического восполнения: *КАК ПРОВЕСТИ СЕРДЕЧНО-ЛЁГЧНУЮ РЕАНИМАЦИЮ ВЗРОСЛОМУ ЧЕЛОВЕКУ?; ПУСТЬ ЭТО ВАМ НЕ ПРИГОДИТСЯ! ЭКСТРЕННАЯ ПОМОЩЬ РЕБЕНКУ!; ПОДУМАЙТЕ ОБ ЭТОМ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ КУПАТЬСЯ В РЕКЕ ИЛИ ОЗЕРЕ!*; *Мы решили рассказать о врачах..; Читайте подробнее в..; Знакомьтесь 🤗 #ЛицаМинздраваСО*. Приведенные вопросительные и проспективные конструкции не только привлекают, но и удерживают внимание адресата, побуждая его дочитать текст до конца. Подобные заголовки «окрашивают» пост непринужденной тональностью, благодаря которой информация персонализируется и воспринимается читателем как адресованная лично ему;

— восклицательные предложения с побудительной модальностью, например: *Оставайтесь здоровыми, радуйтесь жизни!; Наслаждайтесь летом!; Делитесь с друзьями! Сохраняйте на своей странице! Предлагайте свои темы в комментариях;*

— использование тире как «более энергичного и экспрессивного знака» [Баженова, 2023, с. 678] на месте нормативного двоеточия: *КАК СЕБЕ ПОМОЧЬ? больше **спать** — в преддверие неблагоприятных для вас погодных явлений спите больше — не менее 7—8 часов в сутки...*

На привлечение и удержание внимания пользователей соцсети «ВКонтакте» нацелены разнообразные невербальные средства воздействия, в частности:

— рубрикация текста с маркированием небольших, законченных по смыслу фрагментов;

— недопустимые в официальной коммуникации сетевые инструменты — смайлы и эмодзи (❤️, 🍷, 🍷, 🍷), создающие у адресата ощущение неформального персонального общения;

— инфографика и удобный для восприятия карточный способ членения информации, позволяющий акцентировать внимание на главных сведениях;

— «живые» сюжетные фотографии, которые усиливают интерес к публикации.

Помимо вышесказанного, на рост коэффициента вовлеченности оказывают влияние следующие факторы: актуальность информации для жителей конкретного региона, сезонная востребованность (или невостребованность) информации, освещение тех направлений деятельности органа власти, которые имеют отношение к личным нуждам граждан.

В лингвостилистическом плане «цифровые» тексты минздрава характеризуются контаминацией признаков официально-деловой и разговорной речи. Наиболее явно эта контаминация проявляется в сочетании стандартизованных и экспрессивных конструкций, а также в соединении точности, эксплицированной медицинскими терминами, и разговорности, эксплицированной бытовой лексикой.

Большую роль в создании привлекательности контента играют тональность и тематика поста. Примечательно, что, несмотря на сопряженность медицинской информации с болезнями, в постах не эксплуатируется страх смерти (именно на эту психологическую мишень часто направлена социальная реклама и реклама лекарств), а поддерживается позитивная и жизнеутверждающая тональность, создается оптимистический настрой, транслируется уверенность в излечении любой, даже самой опасной болезни. Например: *Детские хирурги-онкологи, впервые*

в своей практике, всего через пять проколов удалили метастазы в легких с двух сторон.

Важный фактор привлекательности поста — диалогичность. Ее ярким средством является персонификация адресата, к которому представитель власти обращается в измененной социальной роли, то есть не в качестве чиновника министерства, а в качестве личного врача и опытного наставника, заинтересованного в укреплении здоровья читателя. Напротив, публикации, составленные по шаблону официального отчета, либо не вызывают интереса, либо не оказывают воздействия на аудиторию.

Низкий коэффициент вовлеченности показывают недоработанные, неотредактированные, невычитанные тексты. Проиллюстрируем подобный «отрицательный материал» двумя фрагментами: *И этот фактор вызывает особую озабоченность медицинского сообщества, поскольку в большинстве случаев эти причины устранимы и, кроме того, отличаются относительно низким возрастом смерти; Сегодня в России реализована одна из самых широких в мире программа неонатального скрининга — новорожденных обследуют на более 40 заболеваний.*

В целом, на привлекательность контента наибольшее влияние оказывают тема и тональность публикации. Подписчикам неинтересны тексты, написанные в тональности делового отчета о том, что не имеет прямого отношения к их личным интересам. Вовлеченности в контент способствует интимизированная тональность речи, приемы неформального, заинтересованного общения, отсутствие в тексте непонятных слов и канцелярских клише.

4. Заключение = Conclusions

Обобщая вышесказанное, схематично представим процедуру оценки эффективности медиакommunikации власти и общества в социальных сетях.

1. Определение параметров отбора медиаконтента (паблик или канал органа исполнительной власти, социальная сеть или мессенджер, период размещения публикаций).
2. Автоматический анализ отобранного контента посредством сервиса Popsters.ru и установление коэффициента вовлеченности пользователей (ERpost).
3. Формирование рейтинга публикаций по показателю ERpost.
4. Тематический анализ постов с учетом соответствия темы и содержания сезонным трендам и потребностям аудитории.
5. Дискурсивно-стилистический анализ постов с целью выявления вербальных и невербальных средств воздействия на адресата.

6. Комплексная оценка эффективности медиакommunikации органа власти с населением на конкретной интернет-площадке.

Проведенное исследование показало тесную связь коэффициента вовлеченности как с содержательно-тематическими, так и с языковыми параметрами текста и отдельными речевыми приемами. Этот вывод важен для развития теории речевого воздействия применительно к цифровому диалогу власти и общества.

В практическом плане автоматизированный анализ воздействующего потенциала постов, основанный на объективных количественных данных, открывает возможности для выявления принципов, приемов и технологий эффективной медиакommunikации власти и общества в социальных сетях и мессенджерах. Предложенная в статье методика может быть использована для оценки медиаконтента других органов исполнительной власти.

Установленные в исследовании закономерности, несомненно, требуют дальнейшего изучения на более широком материале. Подчеркнем, что перед лингвистами стоит задача не только описания языковых механизмов и технологий речевого воздействия, но и обучения специалистов органов власти, отвечающих за коммуникацию с гражданами. При этом важно, чтобы в качестве материала анализа были использованы тексты не только с высоким коэффициентом вовлеченности, но и с низкой или нулевой реакцией, так как «отрицательный речевой материал» полезен в методическом и дидактическом отношении.

Комплексная оценка эффективности речевых технологий, применяемых в сфере цифрового общения, позволит сформировать основу для разработки теории и практики эффективного медиадialogа власти и общества с учетом дискурсивных условий конкретной коммуникативной ситуации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Министерство здравоохранения РФ.* Официальная страница в «ВК» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/minzdravru> (дата обращения 21.08.2023).
2. *Министерство здравоохранения Пермского края.* Официальная страница в «ВК» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/minzdrav_permkrai (дата обращения 22.08.2023).
3. *Министерство здравоохранения Свердловской области.* Официальная страница в «ВК» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/minzdravso> (дата обращения 22.08.2023).

Литература

1. *Баженова Е. А.* Пунктуация в медиатексте : аттрактивность vs норма? / Е. А. Баженова // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа : материалы VII Междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня — 1 июля 2023 г.). — Санкт-Петербург : Медианапир, 2023. — Выпуск 10. — С. 675—679.
2. *Дискурсивные основания речеведения : научный текст — новое знание — перевод / под общ. ред. М. П. Котуровой.* — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. — 300 с. — ISBN 978-5-7944-3950-2.
3. *Используемые метрики.* ER (engagement rate) [Электронный ресурс] // Popsters — статистика и аналитика контента социальных сетей. — Режим доступа : https://popsters.ru/app/faq/#met_er (дата обращения 06.08.2023).
4. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — ISBN 978-5-9765-0766-1.
5. *Кайда Л. Г.* Эффективность публицистического текста / Л. Г. Кайда. — Москва : Изд-во МГУ, 1989. — 182 с.
6. *Кожина М. Н.* Стилистика и риторика в их соотношении / М. Н. Кожина // Stylistyka—IX. — 2000. — С. 389—415.
7. *Мельник Н. В.* Стратегии формирования имиджа региона (контент-анализ официальной страницы С. Е. Цивилева в социальной сети «ВКонтакте») / Н. В. Мельник, Д. М. Герасимчук // Филология и человек. — 2020. — № 3. — С. 45—59. — DOI: 10.14258/filichel(2020)3-04.
8. *Паршин П. Б.* Речевое воздействие [Электронный ресурс] / П. Б. Паршин // Кругосвет : универсальная научно-популярная энциклопедия. — Режим доступа : https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVOE_VOZDESTVIE.html (дата обращения 06.08.2023).
9. *Рослякова М. В.* Социальные сети в деятельности органов исполнительной власти : адаптация к новым способам взаимодействия / М. В. Рослякова // Социодинамика. — 2022. — № 7. — С. 42—56. — DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467.
10. *Связи с общественностью в органах власти / В. А. Ачкасова [и др.].* — Москва : Юрайт, 2023. — 163 с. — ISBN 978-5-534-07448-2.
11. *Сковородников А. П.* Эффективность речи / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — 881 с. — ISBN 978-5-7638-2675-4.
12. *Социальные сети : комплексный лингвистический анализ : в 2-х томах.* — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. — Т. 1. — 430 с. — ISBN 978-5-8353-2776-8.
13. *Стернин И. А.* Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 2001. — 227 с. — ISBN 5-86937-036-9.
14. *Стернин И. А.* Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. — Воронеж : Издательство Воронежского университета, 2012. — 178 с. — ISBN 978-5-88242-751-0.
15. *Ухова Л. В.* Эффективность рекламного текста / Л. В. Ухова. — Ярославль : Издательство ЯГПУ, 2012. — 393 с. — ISBN 978-5-87555-848-1.
16. *Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Федеральный закон Российской Федерации от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022).* — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/?Yscld=ll0nqyizz4356557726 (дата обращения 07.08.2023).

17. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие : онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2014. — 344 с. — ISBN 978-5-9765-2032-5.
18. Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи и эффективность общения. — Москва : Наука, 1996. — С. 7—39. — ISBN 5-02-011236-4.
19. Шмелева Т. В. Эффективная речь с позиций речеведения / Т. В. Шмелева // Речевое общение : специализированный вестник. — 2011. — Выпуск 12 (20). — С. 77—90.
20. Bazhenova E. A. A Discursive and Stylistic Analysis of Digital Communications in Public Administration : Stating a Problem / E. A. Bazhenova, M. A. Shirinkina // Review of Business and Economics Studies. — 2023. — Vol. 11. — № 1. — Pp. 8—12. — DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-8-12.
21. Daly J. A. Ground Rules for Effective Leadership Communication / J. A. Daly // New Leadership Communication. — Inspire Your Horizon. Springer, Cham, 2023. — Pp. 137—146. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34314-8_10.
22. Terchila S. The Power of Effective Communication. Strategies, Techniques and Changes In Business Communication / S. Terchila // Revista Economica, Lucian Blaga University of Sibiu, Faculty of Economic Sciences. — 2022. — Vol. 74 (4). — Pp. 100—108. — DOI: 10.56043/reveco-2022-0041.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 23.10.2023.

Material resources

- Ministry of Health of the Perm Region. The official page in "VK".* Available at: https://vk.com/minzdrav_permkrai (accessed 22.08.2023). (In Russ.).
- Ministry of Health of the Sverdlovsk region. The official page in "VK".* Available at: <https://vk.com/minzdravso> (accessed 22.08.2023). (In Russ.).
- The Ministry of Health of the Russian Federation. The official page in "VK".* Available at: <https://vk.com/minzdravru> (accessed 21.08.2023). (In Russ.).

References

- Bazhenova, E. A., Shirinkina, M. A. (2023). A Discursive and Stylistic Analysis of Digital Communications in Public Administration: Stating a Problem. *Review of Business and Economics Studies*, 11 (1): 8—12. DOI: 10.26794/2308-944X-2023-11-1-8-12.
- Bazhenova, E. A. (2023). Punctuation in media text: attractiveness vs norm? In: *Media linguistics. Language in the coordinates of mass media: materials of the VII International Scientific Conference (St. Petersburg, June 28 — July 1, 2023)*, 10. St. Petersburg: Mediapapir. 675—679. (In Russ.).
- Daly, J. A. (2023). Ground Rules for Effective Leadership Communication. *New Leadership Communication. Inspire Your Horizon. Springer, Cham*. 137—146. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34314-8_10.
- Discursive foundations of speech: scientific text — new knowledge — translation.* (2023). Perm: Perm State National Research University. 300 p. ISBN 978-5-7944-3950-2. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2009). *Speech impact*. Moscow: Flint: Nauka. 224 p. ISBN 978-5-9765-0766-1. (In Russ.).

- Kaida, L. G. (1989). *Effectiveness of journalistic text*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 182 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (2000). Stylistics and rhetoric in their relation. *Stylistyka—IX*. 389—415. (In Russ.).
- Melnik, N. V., Gerasimchuk, D. M. (2020). Strategies for the formation of the image of the region (content analysis of the official page of S. E. Tsivilev in the social network “VKontakte”. *Philology and man*, 3: 45—59. DOI: 10.14258/filichel(2020)3-04. (In Russ.).
- On ensuring access to information on the activities of state bodies and local self-government bodies. *Federal Law of the Russian Federation № 8-FZ of 09.02.2009 (as amended on 14.07.2022)*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/?Ysclid=ll0nqyizz4356557726 (accessed 07.08.2023). (In Russ.).
- Parshin, P. B. Speech impact. *Circumnavigation: universal popular science encyclopedia*. Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RE-CHEVOE_VOZDESTVIE.html (accessed 06.08.2023). (In Russ.).
- Public relations in government*. (2023). Moscow: Yurayt. 163 p. ISBN 978-5-534-07448-2. (In Russ.).
- Roslyakova, M. V. (2022). Social networks in the activities of executive authorities: adaptation to new ways of interaction. *Sociodynamics*, 7: 42—56. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.7.38467. (In Russ.).
- Shelestyuk, E. V. (2014). *Speech impact: ontology and research methodology*. Moscow: FLINT: Nauka. 344 p. ISBN 978-5-9765-2032-5. (In Russ.).
- Shiryayev, E. N. (1996). Culture of speech as a special theoretical discipline. In: *Culture of Russian speech and the effectiveness of communication*. Moscow: Nauka. 7—39. ISBN 5-02-011236-4. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (2011). Effective speech from the standpoint of speech. *Speech communication: a specialized bulletin*, 12 (20): 77—90. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2014). Efficiency of speech. In: *Effective speech communication (basic competencies): Dictionary-reference. Electronic edition*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 881 p. ISBN 978-5-7638-2675-4. (In Russ.).
- Social networks: complex linguistic analysis: in 2 volumes, 1*. (2021). Kemerovo: Kemerovo State University. 430 p. ISBN 978-5-8353-2776-8. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2012). *Fundamentals of speech influence*. Voronezh: Voronezh University Press. 178 p. ISBN 978-5-88242-751-0. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2001). *Introduction to speech influence*. Voronezh: Voronezh University Press. 227 p. ISBN 5-86937-036-9. (In Russ.).
- Terchila, S. (2022). The Power of Effective Communication. *Strategies, Techniques and Changes In Business Communication. Revista Economica, Lucian Blaga University of Sibiu, Faculty of Economic Sciences*, 74 (4): 100—108. DOI: 10.56043/reveco-2022-0041.
- Ukhova, L. V. (2012). *Effectiveness of the advertising text*. Yaroslavl: YAGPU Publishing House. 393 p. ISBN 978-5-87555-848-1. (In Russ.).
- Used metrics. ER (engagement rate). *Popsters — statistics and analytics of social network content*. Available at: https://popsters.ru/app/faq/#met_er (accessed 06.08.2023). (In Russ.).

*The article was submitted 22.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 23.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бочкарев А. И. Бесплезность как основная утилитарная антиценность современного комического дискурса англоязычной лингвокультуры / А. И. Бочкарев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 245—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-245-261.

Bochkarev, A. I. (2023). Uselessness as Main Utilitarian Antivalue of Contemporary Comedic Discourse in English Linguistic Culture. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 245-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-245-261. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-245-261

Бесплезность как основная утилитарная антиценность современного комического дискурса англоязычной лингвокультуры

Бочкарев Арсентий Игоревич

orcid.org/0000-0003-3869-2797

Scopus AuthorID: 57205475245

кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой
иностраннных языков
технических факультетов
arsentiy_87@mail.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Uselessness as Main Utilitarian Antivalue of Contemporary Comedic Discourse in English Linguistic Culture

Arsentiy I. Bochkarev

orcid.org/0000-0003-3869-2797

Scopus AuthorID: 57205475245

PhD in Philology,
Head of the Department
of Foreign Languages
of Technical Faculties
arsentiy_87@mail.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Бочкарев А. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности комической объективации концепта USELESSNESS в современном англоязычном комическом дискурсе. Данный концепт впервые рассматривается в качестве основной утилитарной антиценности комического дискурса. Применяется аксиологический подход. Были проанализированы записи и скрипты более 70 выпусков стендап-концертов, более 500 эпизодов различных ситкомов и 60 выпусков различных юмористических передач. Определено, что в рамках комического дискурса концепт USELESSNESS является социально ориентированным антиценностным концептом. Отмечено, что основными высмеиваемыми социокультурными характеристиками являются профессиональные характеристики. Установлено, что проявление бесполезности в англоязычном комическом дискурсе оценивается отрицательно либо автором произведения, либо его положительными персонажами. К основным высмеиваемым характеристикам антиценностного концепта USELESSNESS относятся невыполнение нужных действий (неумение выполнить простые / основные действия и низкое качество выполняемых действий) и выполнение ненужных действий (действия, не приносящие какой-либо пользы; сопутствующие действия, приносящие вред). Определено, что чаще других высмеиваются полицейские, политики, врачи, военные, юристы и преподаватели. К основным языковым средствам выражения концепта USELESSNESS относятся гипербола, парадокс и антитеза.

Ключевые слова:

аксиологическая лингвистика; концептосфера комического; утилитаризм; антиценности; концепт USELESSNESS; стендап; ситкомы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study examines the features of the comedic objectification of the concept of USELESSNESS in contemporary English-language comedic discourse. This concept is considered for the first time as the main utilitarian antivalence in comedic discourse, using an axiological approach. The analysis includes recordings and scripts of over 70 stand-up comedy performances, more than 500 episodes of various sitcoms, and 60 episodes of different humorous shows. It is determined that within comedic discourse, the concept of USELESSNESS is a socially-oriented antivalence concept. It is noted that the main satirized socio-cultural characteristics are professional traits. It is established that the manifestation of uselessness in English-language comedic discourse is evaluated negatively either by the author of the work or by its positive characters. The main ridiculed characteristics of the antivalence concept of USELESSNESS include failure to perform necessary actions (inability to perform simple / basic actions and low quality of performed actions) and performance of unnecessary actions (actions that bring no benefit; accompanying actions that cause harm). It is determined that police officers, politicians, doctors, military personnel, lawyers, and teachers are most frequently ridiculed. The main linguistic means for expressing the concept of USELESSNESS include hyperbole, paradox, and antithesis.

Key words:

axiological linguistics; the conceptual sphere of comedy; utilitarianism; antivalues; concept USELESSNESS; stand-up comedy; sitcoms.

Бесполезность как основная утилитарная антиценность современного комического дискурса англоязычной лингвокультуры

© Бочкарев А. И., 2023

1. Введение = Introduction

В своей работе мы изучаем аксиологическую концептосферу комического, которая состоит из соответствующих ценностей и антиценностей. Ценности выражаются преимущественно в оценках [Карасик, 2019, с. 7], которые представляют собой особые когнитивные акты, устанавливающие «отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова, 1988, с. 45]. Выделяют пять основных областей бытования и выведения ценностей (истины, прекрасного, этики, удовольствия, практической пользы) [Серебrenникова, 2011, с. 29].

На сегодняшний день наиболее изучены этические ценности и антиценности. На основании анализа различных направлений философии, религии, политики и образования выделяют такие основополагающие этические ценности, как мудрость, мужество, гуманизм, справедливость, умеренность и трансцендентность [Peterson et al., 2004]. В свою очередь, этические антиценности обычно соотносят с семью смертными грехам (похоть, чревоугодие, гнев, жадность, зависть, лень, гордыня) [Davis, 2008, с. 560]. Также довольно подробно изучена основная концептуальная оппозиция области прекрасного 'beauty — ugliness' [Арская, 2001; Eco, 2007; Negel, 1975].

В то же время утилитарная система ценностей до сих пор не получила должного внимания. В определенной степени в работах по исследованию практической аксиологии изучаются именно ценности [Гуревич, 2001; Осипова, 2011]. В свою очередь, **антиценности** практической области практически не исследуются.

Изучение утилитарных ценностей и антиценностей особенно актуально в настоящее время, так как практическая область ценностей выходит на первый план в различных культурах [Гуревич, 2001; Марьянчик, 2013].

Одним из факторов, способствующим переориентации от гуманистических ценностей к утилитарным, является массовизация культуры [Осипова, 2011, с. 22]. Кроме того, многие исследователи отмечают влияние протестантизма как на данный переход в целом [Гуревич, 2001, с. 6], так и на изменение аксиологического статуса отдельных ценностей в рамках объединенной ценностной картины мира англоязычной лингвокультуры [Кудряшова 2007, с. 12].

Актуальность данной работы предопределена тем, что в ней впервые подробно изучается такая важная утилитарная антиценность, как бесполезность. Она рассматривается в рамках комического дискурса.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным научным направлением, разрабатывающим систему утилитарных ценностей, является утилитаризм. В его рамках принцип полезности рассматривается как высшее счастье и благо [Бентам, 1998, с. 9]. Полезность определенных поступков может оцениваться через их «способность приводить к таким последствиям, которые в наибольшей степени максимизируют совокупную или среднюю полезность» [Осипова, 2011, с. 25].

Несмотря на то, что область удовольствия выделяется в качестве отдельной ценностной системы, в рамках утилитаризма удовольствие изначально выделялось в качестве одной из основных ценностей [Бентам 1998]. Отмечается, что в настоящее время роль категории удовольствия в утилитаризме начинает значительно уменьшаться [Осипова, 2011, с. 24], при этом в рамках утилитаризма выделяется такое направление, как гедонистический утилитаризм, где удовольствие продолжает играть определяющую роль [Brandt, 1992; Tannsjo, 1998].

Утилитаризм (в том числе, пусть и в меньшей степени, гедонистический утилитаризм) стремится объединить этическую и утилитарную системы ценностей. Так, помимо принципов удовольствия и полезности в основе утилитаризма лежат такие этические принципы, как принцип справедливости (счастье для большего количества людей) [Бентам 1998; Милль, 2013] и принцип безопасности [Милль, 2013, с. 203—205]. Подобная интеграция этической системы ценностей в утилитарную привела к тому, что многие философы критикуют утилитаризм с точки зрения его морального содержания, то есть с точки зрения этической системы ценностей [Прокофьев, 2019]. Так, критики утилитаризма ставят перед утилитаристами следующие этические вопросы: возможно ли «осуждение невиновного человека ради предотвращения массовых беспорядков, убийство врачом одного пациента ради спасения многих с помощью пересадки его органов и т. д.» [Прокофьев, 2019, с. 207]. В свою очередь, если не пытаться

сы объединить утилитарную и этическую системы ценностей в одну, то на данные вопросы можно ответить. Во-первых, все вышеперечисленные случаи оцениваются отрицательно в рамках этической системы ценностей. Во-вторых, в рамках утилитарной системы ценностей приведенные случаи следует оценивать положительно для данного общества в целом. В-третьих, полезность может рассматриваться с точки зрения отдельного индивида, при этом определенное действие может приносить пользу большому количеству людей, но оцениваться отрицательно с точки зрения конкретного человека, если оно приносит ему вред, и наоборот. Таким образом, утилитарная система ценностей, в отличие от этической, может рассматриваться на двух уровнях: индивидуальном и общественном.

И если полезность является основной ценностью утилитарной ценностной системы, то логично предположить, что основной антиценностью данной системы является бесполезность.

В современных англоязычных словарях даются следующие определения слова *uselessness*: ‘the fact of not doing or achieving what is needed or wanted’ [OALD] (факт невыполнения или достижения того, что необходимо или хочется) (здесь и далее перевод наш. — А. Б.). Дополнительные семы можно найти в определениях соответствующего прилагательного *useless*: ‘useless activities are not effective in achieving the purpose that they were intended to achieve’ [MD] (бесполезные действия не эффективны для достижения той цели, для которой они были предназначены).

Соответственно, можно выделить следующие основные характеристики концепта USELESSNESS: 1) отсутствие работы по достижению цели; 2) отсутствие результата; 3) необходимость в результате; 4) изначальная соотносительность деятеля и действия.

Во многих проанализированных нами примерах помимо состояния «факт несовершенства или недостижения того, что необходимо или желательно» реализовывалось состояние «факт совершенства или достижения того, что не является необходимым или желаемым». На наш взгляд, для обозначения совокупности двух вышеназванных состояний слово *uselessness* подходит лучше всего, так как одно значение содержится в самом определении данного слова, а второе значение можно вывести из этого определения, а именно: человек не выполняет того, что необходимо, так как занят выполнением того, что не является необходимым. В большинстве случаев необходимые действия имплицитны, и их можно представить в виде совокупности всех необходимых действий, из которых человек сам может выбрать нужные действия.

Следует также отметить, что существует определенная связь между такими явлениями, как бесполезность и лень. В основе обеих характеристик

лежит невыполнение необходимых действий. Для англоязычной лингвокультуры понятие лени менее актуально по сравнению с русской лингвокультурой, место лени занимает представление о ненужной и бессмысленной работе [Королевская, 2012, с. 9], так как в англоязычной лингвокультуре в фокусе внимания находится само действие, а не субъект действия, то есть оцениваются прежде всего такие параметры, как энергичность, продолжительность, результативность и бесполезность деятельности [Королевская, 2012, с. 19].

В рамках комического дискурса довольно подробно были изучены такие антиценности, как глупость [Бочкарев, 2022; Attardo, 1994], похоть [Raskin, 1985; Lloyd, 2011], негативный эскапизм [Кулинич, 2004] и непривлекательность [Бахтин 1990]. Среди высмеиваемых социокультурных характеристик пристальное внимание было уделено исследованию этнических [Кулинич, 2004; Raskin, 1985] и профессиональных [Сычев, 2003; Raskin, 1985] характеристик человека. При этом для комического тема бесполезности не является новой. Например, бесполезность аристократии в английском обществе является одним из основных высмеиваемых предметов в романах П. Г. Вудхауза про Дживса и Вустера. Более того, дихотомия «полезный / умный слуга — бесполезный / глупый господин» в течение долгого времени актуализировалась в комическом дискурсе разных лингвокультур [Шабунина, 2016, с. 47—49], при этом следует отметить, что бесполезность далеко не всегда обусловлена глупостью человека. Несмотря на высмеивание стереотипной бесполезности представителей различных социальных классов, концепт USELESSNESS не исследовался как отдельное явление в рамках комического дискурса.

Для исследования особенностей актуализации антиценностного концепта USELESSNESS в рамках комического дискурса применяется аксиологический подход, который состоит из следующих основных шагов: 1) определение реакции аудитории на реплики, в которых актуализируется соответствующий концепт; 2) выявление высмеиваемых характеристик рассматриваемого концепта на основе исследования теоретического и практического материала; 3) анализ реплик, выражающих оценку автором текста или героями произведения соответствующего явления; 4) выявление основных языковых средств актуализации рассматриваемого концепта; 5) установление особенностей актуализации соответствующего концепта при высмеивании социокультурных характеристик человека.

В данной работе в качестве практического материала мы использовали записи и скрипты более 70 выпусков стендап-комедий, 500 эпизодов различных ситуационных комедий и 60 выпусков различных юмористических передач. Полужирным курсивом выделены фрагменты, которые сопровождался смехом зрителей или закадровым смехом. В основе отбора при-

меров для данной статьи лежат два параметра: 1) повторяемость соответствующих шуток, 2) интенсивность реакции зрителей на эти шутки. Таким образом, мы приводим те примеры, которые либо повторялись у разных авторов в различной вариации, либо вызывали интенсивный смех зрителей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Концепт USELESSNESS является социально ориентированным антиценностным концептом. В отличие от большинства других антиценностных концептов рассматриваемый концепт довольно редко актуализируется в комическом дискурсе вне социокультурных характеристик человека, то есть высмеивается не сам человек, а его этнические, профессиональные, гендерные характеристики. Основными высмеиваемыми социокультурными характеристиками человека в рамках актуализации концепта USELESSNESS в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры являются профессиональные характеристики. Как отмечалось выше, осмеянию подлежат ненужные выполненные действия и нужные невыполненные действия.

3.1. Высмеивание невыполнения нужных действий

Высмеивание невыполнения нужных действий осуществляется через идею неумения выполнить простые / основные действия и через апелляцию к низкому качеству выполняемых действий.

Эти две смысловые позиции могут реализовываться в рамках одного контекста. Комбинация данных характеристик часто приводит к увольнению работника:

Evelyn: I was gonna have him put up fliers, but I didn't trust him with a staple gun. Alan: How much are you paying him? Evelyn: Obviously too much, look at him.... Jake: I can't believe Grandma fired me. Alan: Well, buddy, the labor market's very competitive these days (Two and a Half Men. Pie Hole, Herb) (Эвелин: Я хотела поручить ему развешивание объявлений, но побоялась давать степлер. Алан: А сколько ты ему платишь? Эвелин: Судя по всему, слишком много. Взгляни на него ... Джейк: Не могу поверить, что бабушка меня уволила. Алан: Да, на рынке труда теперь большая конкуренция).

Анализируемые высказывания сопровождаются исключительно закадровым смехом. Комический эффект основан на гиперболизации бесполезности объекта осмеяния: неумение обращаться со степлером (*didn't trust him with a staple gun*) в подростковом возрасте и неспособность выполнять простую работу (ходить с баннером о продаже недвижимости) за минимальное вознаграждение (*How much are you paying him? — Obviously too much*). Данная бесполезность получает отрицательную оценку от героев произведения на протяжении всего эпизода ситкома через негативную характеристику объекта осмеяния (сравнение его с обезьяной), ироничную

характеристику действий объекта осмеяния (*the birth of a career*) и упоминание о последующем увольнении объекта осмеяния.

Основными высмеиваемыми профессиональными группами в рамках актуализации концепта USELESSNESS через идею невыполнения нужных действий являются полицейские, политики, врачи, военные.

Осмеяние полиции обычно осуществляется через упоминание факта неумения раскрыть очевидные преступления:

Tupac was gunned down on the Las Vegas Strip after a Mike Tyson fight. Now how many witnesses do you need to see some shit before you arrest somebody? Shit. More people saw Tupac get shot than the last episode of Seinfeld (Ch. Rock. Never Scared) (Тупака застрелили на Лас Вегас Стрип после боя Майка Тайсона. Сколько нужно свидетелей, которые своими глазами видели преступление, перед тем, как арестовать кого-то? Блин. Выстрел в Тупака видело больше людей, чем последнюю серию «Сайнфелда»).

Анализируемые высказывания помимо смеха зрителей сопровождаются аплодисментами. В первом случае комический эффект основан на гиперболизации бесполезности (неумение найти убийцу при наличии огромного числа свидетелей). Во втором случае, помимо гиперболизации бесполезности, комический эффект реализуется посредством сравнения двух множеств (зрителей сериала и свидетелей гибели человека), предложенного субъектом комического (количество людей, видевших убийство знаменитого рэпера, превышает количество людей, смотревших новый эпизод популярного сериала). Отрицательная оценка бесполезности выражается через констатацию факта невыполнения профессиональных обязанностей (*don't arrest anybody that kills rappers*).

Бесполезность политиков обычно реализуется через отсутствие у них какого-либо важного качества. Например, одной из необходимых характеристик высокопоставленных политиков является их известность, так как полезные и значимые действия должны приносить определенную известность. Если высокопоставленного политика мало кто знает, это, в частности, говорит о его бесполезности (низком качестве выполняемых им действий):

What a bunch of nobodies we're left with. Is this a roast or the republican primaries? (Roast of Charlie Sheen) (Что за кучка незнакомых лиц собралась здесь. Это прожарка или выборы у республиканцев?).

Анализируемые высказывания помимо смеха зрителей сопровождаются аплодисментами. В основе комического эффекта лежит также гиперболизация бесполезности (неизвестность всех ведущих республиканских политиков). Кроме того, комический эффект реализуется при помощи проведенной параллели: юмористическое шоу «прожарка» сравнивается с выборами делегатов на партийном съезде (*Is this a roast or the republican*

primaries?). По мнению субъекта комического, на данном шоу точно так же, как и на республиканском партийном съезде, присутствуют только неизвестные люди (*a bunch of nobodies*).

Бесполезность врачей зачастую актуализируется при помощи концептов STUPIDITY (отсутствие знаний в своей области) и INSINCERITY (обман пациента). В подобных случаях лечение либо не изменяет изначальную ситуацию, либо ее ухудшает:

They're just lying to people. "No, no, it looks great. Looks great. Put a little ice on it, we'll see you in a couple of weeks. All right, take it easy. Jesus Christ! What the fuck happened? We followed every step. Did we miss something? Oh, hey, hey, hey! Oh, here's your keys. Here's your keys. There you go, there you go. Almost didn't recognize you, you look so young (B. Burr. You People Are All the Same) (Они просто лгут людям. «Нет-нет, отлично выглядите. Отлично выглядите. Приложите немного льда, увидимся через пару недель. Ладно, не переживайте. Господи! Что, черт возьми, произошло? Мы все делали в правильном порядке. Мы что-то упустили? О, привет, привет, привет! Вот Ваши ключи. Вот Ваши ключи. Вот так, вот так. Практически не узнали Вас, Вы выглядите так молодо).

Рассматриваемые высказывания сопровождаются исключительно смехом зрителей. В анализируемом примере концепт USELESSNESS сначала актуализируется через отсылку к категории «глупость»: врачи не знают, что является причиной неудачной пластической операции. Затем врачи обманывают пациента. Так, по их словам, пациент стал выглядеть моложе. Хотя в дальнейшем они признают, что операция произвела противоположный эффект. Комический эффект основан преимущественно на антитезе: признание факта удачной операции при разговоре с пациентом (*Looks great; Almost didn't recognize you, you look so young*) — признание факта неудачной операции при разговоре врача с врачом (*What the fuck happened?; Did we miss something?*). Отрицательная оценка бесполезности пластических хирургов выражается через призыв субъекта комического не делать подобные операции (*Let somebody else go in there*). Также, по мнению субъекта комического, подобные операции делают человека менее привлекательным (*Like you just lost a fight three days ago*).

Высмеивание бесполезности военных обычно осуществляется через упоминание о неспособности выполнить определенное действие:

And did you get bin Laden? Almost. We got four of his number threes (R. Williams. Weapons of Self Destruction) (А Вы поймали бен Ладена? Почти. Мы взяли его помощников).

Рассматриваемые высказывания помимо смеха сопровождаются небольшим количеством аплодисментов. Выполненные военными действия

не компенсируют невыполнения главного действия. Так, американские военные поймали четырех второстепенных помощников бен Ладена, но не поймали его самого. Комический эффект основан на парадоксе: преступника можно поймать или не поймать, невозможно его почти поймать.

3.2. Высмеивание выполнения ненужных действий

Существует два типа высмеиваемых ненужных действий в рамках актуализации концепта USELESSNESS: действия, которые не приносят никакой пользы; сопутствующие действия человека во время выполнения основных действий, которые приносят вред.

Профессиональные действия, которые не приносят пользы, обычно связаны с самими профессиями, при этом профессия может оказывать отрицательное влияние непосредственно на работников:

Why don't we update some of these terms that we use in the tech world, like "e-mail"? Why is the word "mail" even in "e-mail"? Is there any similarity between e-mail and whatever the hell is going on in the Postal Service?... I cannot understand how a 21st-century information system based on licking, walking, and a random number of pennies... is struggling to compete (J. Seinfeld. 23 Hours to Kill) (Почему бы нам не обновить некоторые термины, которые мы используем в мире технологий, например, «электронная почта»? Почему слово «почта» вообще присутствует в словосочетании «электронная почта»? Есть ли какое-то сходство между электронной почтой и тем, что, черт возьми, происходит в Почтовой службе США?... Я не могу понять, как информационная система 21-го века, основанная на облизывании, ходьбе и случайном количестве монет... изо всех сил пытается с кем-то конкурировать).

Смех сопровождается незначительным количеством аплодисментов. В приведенном примере концепт USELESSNESS актуализируется через категорию «глупость», так как, по мнению субъекта комического, бесполезность почты в современном мире очевидна, при этом комический эффект основан на проявлении остроумия субъектом комического через обнаружение абсурдности в привычных вещах (*a 21st-century information system based on licking, walking, and a random number of pennies*). Отрицательная оценка бесполезности почтовых работников выражается через отрицательную характеристику их внешнего вида (*in embarrassing shorts and jackets with meaningless patches*), эмоционального состояния (*emotional meltdown; He's all freaked out, rings under his eyes, no shave, pullin' all-nighters*) и финансового положения (*financial meltdown; If it ends up you got some money left over, buy yourself some pants and a real car*). Также отрицательную оценку получает и сама почтовая система (*their business model from 1630 isn't working anymore*).

В случае параллельной реализации двух действий вред от сопутствующих действий обычно превышает пользу от выполненного действия:

Randy: Just want you to know, we are making good progress on this new project. You gentlemen keep talking, I will answer that. Marshall Eriksen's office. Yeah, I can get that for you. Just a second (accidentally flipping the food box on Marshall¹) (How I Met Your Mother. Canning Randy) (Рэнди: Кстати говоря, в этом новом проекте мы очень преуспели. Господа, не отвлекайтесь, я отвечу. Кабинет Маршалла Эриксона. Да, я могу Вам с этим помочь. Одну минуту (случайно переворачивает коробку с едой на Маршалла)).

Действие объекта осмеяния сопровождается закадровым смехом. Объект осмеяния отвечает на телефонный звонок, на который без проблем мог ответить его начальник, при этом объект осмеяния пачкает костюм своего начальника, опрокинув на него ланч-бокс. В приведенном примере концепт USELESSNESS выражается через непреднамеренную жестокость, а именно: неумышленное причинение страданий через конкретное действие. Следует отметить, что на протяжении всего эпизода объект осмеяния осуществляет вредные действия (многократно уничтожает в шредере важные документы, опрокидывает еду на своего начальника и т. д.). Бесполезность данного работника получается соответствующую негативную оценку на протяжении всего эпизода ситкома (*You should fire him; the guy was a disaster; He was an embarrassment; You should have fired him a year ago*).

К основным высмеиваемым профессиональным группами в рамках актуализации концепта USELESSNESS через идею невыполнения нужных действий относятся полицейские, юристы, преподаватели.

Основным ненужным высмеиваемым действием полицейских является совершение ими преступления (причинение вреда во время выполнения профессиональных обязанностей):

Now I should tell you, this Black man is literally an actual giant. And he is a strong dude. And when he shows up to them restaurants they see that big giant Black dude they say "You can't come in here." And they call the police. And then every installment of the book the police come, and they always shoot him (D. Chappelle. The Closer). (И вот что я вам еще скажу, этот чернокожий мужик буквально настоящий великан. Он — силач. И когда он появляется в ресторане, они видят этого чернокожего здоровяка и говорят: «Тебе нельзя сюда заходить». И они вызывают полицию. И во всех частях книги приезжает полиция, и они расстреливают его).

Анализируемое высказывание сопровождается исключительно смехом зрителей. Комический эффект основан на антитезе: отсутствие необходи-

1 Описание действия отсутствует в скрипте, действие описано автором статьи.

мости убивать человека (желаемое действие человека — посещение ресторана) и факт убийства (убийство человека за то, что он хочет посетить ресторан). Отрицательная оценка бесполезности выражается через констатацию отсутствия желания у полицейских разобраться в ситуации (*when the police shows up they're not going to care who called 'em*).

В юридическом сегменте при актуализации концепта USELESSNESS основным предметом осмеяния является ненужность выполнения действий по работе с документами:

Marshall: All right, guys, I have to go. I have a big meaningless stack of paperwork that I have to get off my desk to make room for tomorrow's big meaningless stack of paperwork. But it's all worth it, you know, 'cause at least I know I'm making the world a... place (How I Met Your Mother. Garbage Island) (Маршалл: Ладно, ребята, я должен идти. Мне предстоит разобрать кучу ненужных бумажек, чтобы очистить стол для новой партии таких же ненужных бумажек. Но оно того стоит, не так ли. Ведь я делаю этот мир ... таким же).

Анализируемые высказывания сопровождаются исключительно закадровым смехом. Комический эффект основан на гиперболизации бесполезности работы юриста через многократное подчеркивание отрицательной оценки работы (*meaningless stack of paperwork*) и констатацию отсутствия возможности положительно оценить результат работы (*making the world a ... place*). Отрицательная оценка данной деятельности дается самим деятелем (*a corporate stooge; be stuck at GNB*).

Высмеиваемой характеристикой образовательной системы является не востребуемость определенных профессий, которым обучают в университетах:

What have I got? Fifteen years ago, I barely graduated from an Art History degree. Fifteen years ago. Art History. Fifteen — They were dead then. They're just deader (H. Gadsby. Nanette) (Что у меня есть? Пятнадцать лет назад я еле-еле окончила факультет истории искусств. Пятнадцать лет назад. История искусства. Пятнадцать... Тогда они были мертвы. Сейчас они еще мертвее).

Анализируемое высказывание сопровождается исключительно смехом. Комический эффект основан на парадоксе: люди могут быть живыми или мертвыми, они не могут быть мертвее.

4. Заключение = Conclusions

В случае актуализации антиценностного концепта USELESSNESS смеху зрителей зачастую сопутствуют аплодисменты, которые обычно «сопровождают актуализацию ценностей» [Бочкарев, 2023, с. 32]. На наш взгляд, в подобных случаях аплодисменты могут быть связаны как с поддержкой отрицательной оценки субъектом комического проявления бес-

полезности объектом осмеяния, так и с одобрением остроумия субъекта комического. Следует также отметить, что обращение к антиценностному концепту USELESSNESS в проанализированных нами случаях не вызывает неодобрительных возгласов со стороны зрителей. В свою очередь, крайнее проявление этических антиценностей зачастую помимо смеха одной части аудитории сопровождается неодобрительными возгласами другой части аудитории. Можно предположить, что актуализация утилитарных антиценностей вызывает меньше негативных эмоций по сравнению с акцентировкой этических антиценностей.

В тех случаях, когда бесполезность получает выраженную вербальную оценку в тексте, она всегда оценивается отрицательно либо через характеристику самого действия или состояния, либо через характеристику деятеля.

В комическом дискурсе антиценностный концепт USELESSNESS манифестируется через идею невыполнения нужных действий или выполнения ненужных действий. Высмеивание невыполнения нужных действий реализуется через апелляцию к неумению выполнить простые / основные действия и к низкому качеству выполняемых действий. К ненужным выполненным действиям относятся: действия, которые не приносят никакой пользы; сопутствующие действия человека во время выполнения основных действий, которые приносят вред.

Среди профессиональных групп, которые чаще других высмеиваются в рамках актуализации антиценностного концепта USELESSNESS через идею невыполнения нужных действий, можно выделить полицейских (неумение раскрывать преступления), политиков (отсутствие известности), врачей (совершение врачебной ошибки) и военных (неспособность устранить противника). В рамках актуализации концепта USELESSNESS через идею невыполнения нужных действий чаще всего высмеиваются полицейские (совершение преступлений), юристы (работа с документами) и преподаватели (обучение невостребованным специальностям).

К основным языковым средствам выражения антиценностного концепта USELESSNESS в рамках комического дискурса относятся гипербола, парадокс и антитеза, при этом зачастую комический эффект создается за счет конструирования остроумного сравнения.

Анализ практического материала также показал, что бесполезность эквивалентна глупости прежде всего в тех случаях, когда либо у объекта осмеяния отсутствуют знания для выполнения своих обязанностей, либо объект осмеяния не может осознать очевидную бесполезность своих действий.

Источники и принятые сокращения

1. *Burr B.* You People Are All the Same [Electronic resource] / B. Burr. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2017/05/24/bill-burr-people-2012-full-transcript/> (accessed 13.09.2023).
2. *Chappelle D.* The Closer [Electronic resource] / D. Chappelle. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dave-chappelle-the-closer-transcript/> (accessed 13.09.2023).
3. *Gadsby H.* Nanette [Electronic resource] / H. Gadsby. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/hannah-gadsby-nanette-transcript/> (accessed 13.09.2023).
4. *How I Met Your Mother.* Canning Randy [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-6/episode-7-Canning_Randy (accessed 13.09.2023).
5. *How I Met Your Mother.* Garbage Island [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-6/episode-17-Garbage_Island (accessed 13.09.2023).
6. MD — *Macmillan Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 13.09.2023).
7. OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary* [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 13.09.2023).
8. *Roast of Charlie Sheen* [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/movie/Comedy_Central_Roast_of_Charlie_Sheen-1985970 (accessed 13.09.2023).
9. *Rock Ch.* Never Scared [Electronic resource] / Ch. Rock. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript/> (accessed 13.09.2023).
10. *Seinfeld J.* 23 Hours to Kill [Electronic resource] / J. Seinfeld. — Access mode : <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jerry-seinfeld-23-hours-to-kill-transcript/> (accessed 13.09.2023).
11. *Two and a Half Men.* Pie Hole, Herb [Electronic resource]. — Access mode : https://sublikescript.com/series/Two_and_a_Half_Men-369179/season-6/episode-2-Pie_Hole_Herb (accessed 13.09.2023).
12. *Williams R.* Weapons of Self Destruction [Electronic resource] / R. Williams. — Access mode: <https://scrapsfromtheloft.com/2019/04/30/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/> (accessed 13.09.2023).

Литература

1. *Арская М. А.* Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное / безобразное) и ее онтология в современном немецком языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / М. А. Арская. — Иркутск, 2001. — 24 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с.
3. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.
4. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 415 с. — ISBN 5-86004-166-7.
5. *Бочкарев А. И.* Комические характеристики ценностного концепта «глупость» в англосаксонской лингвокультуре на материале стендап-комедий / А. И. Бочкарев // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 80. — С. 30—44. — DOI: 10.17223/19986645/80/2.
6. *Бочкарев А. И.* Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений / А. И. Бочкарев // Вопросы психо-

лингвистики. — 2023. — № 1 (55). — С. 24—35. — DOI: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35.

7. Гуревич П. С. Философия человека / П. С. Гуревич. — Москва : РАН Институт философии, 2001. — Ч. 2. — 209 с.

8. Карасик В. И. Языковая спираль : ценности, знаки, мотивы / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2019. — 424 с. — ISBN 978-5-94244-062-6.

9. Королевская Е. М. Фразеологическая репрезентация предикатной характеристики обобщенного субъекта в русском, чешском и английском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. М. Королевская. — Волгоград, 2012. — 22 с.

10. Кудряшова О. М. Художественное воплощение концепта «гордость» в романах Джейн Остен : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / О. М. Кудряшова. — Нижний Новгород, 2007. — 20 с.

11. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) / М. А. Кулинич. — Самара : Изд-во СГПУ, 2004. — 263 с. — ISBN 5-8428-0451-4.

12. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста / В. А. Марьянчик. — Москва : URSS, 2013. — 272 с. — ISBN 978-5-397-03976-5.

13. Милль Дж. С. Утилитаризм / Дж. С. Милль. — Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2013. — 240 с.

14. Осипова Ю. В. Утилитарные ценности в контексте современной культуры : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 09.00.13 / Ю. В. Осипова. — Ростов-на-Дону, 2011. — 38 с.

15. Прокофьев А. Утилитаризм / А. Прокофьев // Философская антропология. — 2019. — № 5 (2). — С. 192—215. — DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-2-192-215>.

16. Серебренникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов. — Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. — С. 27—40. — ISBN 978-5-98421-117-8.

17. Сычев А. А. Природа смеха или Философия комического / А. А. Сычев. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2003. — 176 с. — ISBN 5-7103-0910-9.

18. Шабунина Э. В. Природа комического в романах П. Г. Вудхауза о Дживсе и Вустере : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Э. В. Шабунина. — Санкт-Петербург, 2016. — 316 с.

19. Attardo S. Linguistic Theories of Humor / S. Attardo. — New York : Mouton de Gruyter, 1994. — 426 p.

20. Brandt R. B. Morality, Utilitarianism, and Rights / R. B. Brandt. — New York : Cambridge University Press, 1992. — 393 p.

21. Davis D. Communication and humor / D. Davis // The Primer of Humor Research. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. — Pp. 543—568. — DOI: 10.1515/9783110198492.543.

22. Eco U. On Ugliness / U. Eco. — London : The Random House Group Limited, 2007. — 455 p.

23. Hegel G. W. F. Hegel's Aesthetics : Lectures on Fine Art / G. W. F. Hegel. — New York : Oxford University Press, 1975. — Vol. 1. — 611 p.

24. Lloyd M. Miss Grimshaw and the White Elephant : Categorism in a risqué humor competition / M. Lloyd // Humor. — 2011. — № 24 (1). — Pp. 63—86. — DOI: 10.1515/humr.2011.004.

25. Peterson C. Character strengths and virtues : A handbook and classification / C. Peterson, M. E. Seligman. — New York : Oxford University Press, 2004. — 800 p.

26. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor / V. Raskin. — Boston : D. Reidel Publishing Company, 1985. — 284 p.

27. Tannsjo T. Hedonistic Utilitarianism / T. Tannsjo. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 1998. — 185 p.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023,
одобрена после рецензирования 18.10.2023,
подготовлена к публикации 24.10.2023.

Material resources

- Burr, B. *You People Are All the Same*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/05/24/bill-burr-people-2012-full-transcript/> (accessed 13.09.2023).
- Chappelle, D. *The Closer*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dave-chappelle-the-closer-transcript/> (accessed 13.09.2023).
- Gadsby, H. *Nanette*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/hannah-gadsby-nanette-transcript/> (accessed 13.09.2023).
- How, I *Met Your Mother. Canning Randy*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-6/episode-7-Canning_Randy (accessed 13.09.2023).
- How, I *Met Your Mother. Garbage Island*. Available at: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-6/episode-17-Garbage_Island (accessed 13.09.2023).
- MD — *Macmillan Dictionary*. Available at: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 13.09.2023).
- OALD — *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com> (accessed 13.09.2023).
- Roast of Charlie Sheen*. Available at: https://sublikescript.com/movie/Comedy_Central_Roast_of_Charlie_Sheen-1985970 (accessed 13.09.2023).
- Rock, Ch. *Never Scared*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/19/chris-rock-never-scared-2004-full-transcript/> (accessed 13.09.2023).
- Seinfeld, J. *23 Hours to Kill*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/jerry-seinfeld-23-hours-to-kill-transcript/> (accessed 13.09.2023).
- Two and a Half Men. Pie Hole, Herb*. Available at: https://sublikescript.com/series/Two_and_a_Half_Men-369179/season-6/episode-2-Pie_Hole_Herb (accessed 13.09.2023).
- Williams, R. *Weapons of Self Destruction*. Available at: <https://scrapsfromtheloft.com/2019/04/30/robin-williams-weapons-of-self-destruction-transcript/> (accessed 13.09.2023).

References

- Arskaya, M. A. (2001). *Semantic category of aesthetic evaluation (beautiful / ugly) and its ontology in modern German*. Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 24 p. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact*. Moscow: Nauka. 341 p. (In Russ.).
- Attardo, S. (1994). *Linguistic Theories of Humor*. New York: Mouton de Gruyter. 426 p.
- Bakhtin, M. M. (1990). *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Fiction. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).
- Bentham, I. (1998). *Introduction to the Foundation of morality and legislation*. Moscow: ROSSPEN. 415 p. ISBN 5-86004-166-7. (In Russ.).
- Bochkarev, A. I. (2022). Comic characteristics of the value concept "stupidity" in Anglo-Saxon linguoculture on the material of stand-up comedies. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 80: 30—44. DOI: 10.17223/19986645/80/2. (In Russ.).

- Bochkarev, A. I. (2023). Emotional reaction of the audience as a way of assessing the comic and value statuses of various phenomena. *Questions of psycholinguistics*, 1 (55): 24—35. DOI: 10.30982/2077-5911-2023-55-1-24-35. (In Russ.).
- Brandt, R. B. (1992). *Morality, Utilitarianism, and Rights*. New York: Cambridge University Press. 393 p.
- Davis, D. (2008). Communication and humor. In: *The Primer of Humor Research*. Berlin: Mouton de Gruyter. 543—568. DOI: 10.1515/9783110198492.543.
- Eco, U. (2007). *On Ugliness*. London: The Random House Group Limited. 455 p.
- Gurevich, P. S. (2001). *Philosophy of Man*, 2. Moscow: RAS Institute of Philosophy. 209 p. (In Russ.).
- Hegel, G. W. F. (1975). *Hegel's Aesthetics: Lectures on Fine Art, I*. New York: Oxford University Press. 611 p.
- Karasik, V. I. (2019). *Language spiral: values, signs, motives*. Moscow: Gnosis. 424 p. ISBN 978-5-94244-062-6. (In Russ.).
- Korolevskaya, E. M. (2012). *Phraseological representation of predicate characteristics of a common subject in Russian, Czech and English*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 22 p. (In Russ.).
- Kudryashova, O. M. (2007). *Artistic embodiment of the concept of "pride" in the novels of Jane Austen*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 20 p. (In Russ.).
- Kulinich, M. A. (2004). *Linguoculturology of humor (based on the material of the English language)*. Samara: Publishing House of the SSPU. 263 p. ISBN 5-8428-0451-4. (In Russ.).
- Lloyd, M. (2011). Miss Grimshaw and the White Elephant: Categorism in a risque humor competition. *Humor*, 24 (1): 63—86. DOI: 10.1515/humr.2011.004.
- Maryanchik, V. A. (2013). *Axiological and evaluative nature of the media-political text*. Moscow: URSS. 272 p. ISBN 978-5-397-03976-5. (In Russ.).
- Mill, J. S. (2013). *Utilitarianism*. Rostov-on-Don: Don Publishing House. 240 p. (In Russ.).
- Osipova, Yu. V. (2011). *Utilitarian values in the context of modern culture*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 38 p. (In Russ.).
- Peterson, C., Seligman, M. E. (2004). *Character strengths and virtues: A handbook and classification*. New York: Oxford University Press. 800 p.
- Prokofiev, A. (2019). Utilitarianism. *Philosophical Anthropology*, 5 (2): 192—215. DOI: <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2019-5-2-192-215>. (In Russ.).
- Raskin, V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston: D. Reidel Publishing Company. 284 p.
- Serebrennikova, E. F. (2011). Key concepts of axiological analysis. In: *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings*. Moscow: THESAURUS. 27—40. ISBN 978-5-98421-117-8. (In Russ.).
- Shabunina, E. V. (2016). *The Nature of the comic in P. G. Wodehouse's novels about Jeeves and Wooster*. PhD Diss. St. Petersburg. 316 p. (In Russ.).
- Sychev, A. A. (2003). *The nature of laughter or the Philosophy of the comic*. Saransk: Mordovian University Press. 176 p. ISBN 5-7103-0910-9. (In Russ.).
- Tannsjo, T. (1998). *Hedonistic Utilitarianism*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 185 p.

*The article was submitted 13.09.2023;
approved after reviewing 18.10.2023;
accepted for publication 24.10.2023.*

Информация для цитирования:

Сорокин Д. А. Полиязычие как феномен общественного телерадиовещания (по материалам македонского холдинга MRT) / Д. А. Сорокин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 262—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-262-275.

Sorokin, D. A. (2023). Multilingualism as a Phenomenon of Public Broadcasting (Macedonian Holding MRT). *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 262-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-262-275. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-262-275

Полиязычие как феномен общественного телерадиовещания (по материалам македонского холдинга MRT)

Сорокин Данила Алексеевич^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6792-4409

¹ кандидат политических наук,
доцент кафедры журналистики
и телевизионных технологий;

² докторант
sorokin-da@rguk.ru

¹ Российский государственный
университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
(Москва, Россия)

² Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

Multilingualism as a Phenomenon of Public Broadcasting (Macedonian Holding MRT)

Danila A. Sorokin^{1,2}

orcid.org/0000-0001-6792-4409

¹ PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department of Journalism
and Television Technologies;

² Doctoral degree seeker
sorokin-da@rguk.ru

¹ The Kosygin State
University of Russia
(Moscow, Russia)

² A. S. Griboyedov
Moscow University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию общественного вещания Республики Северная Македония. Ключевым в работе структур общественного телерадиовещания является репрезентация гражданского общества. Несмотря на обилие научной литературы по данной теме, сохраняется исследовательский интерес к выявлению особенностей той или иной системы общественного вещания. В статье анализируется деятельность телерадиовещательного холдинга Республики Северная Македония — MRT. Материалом для анализа выступил производимый MRT телевизионный и радиоконтент. В статье представлены итоги мониторинга информационного и неинформационного вещания каналов MRT (то есть имеющего образовательный и развлекательный компонент). В результате проведенного контент-анализа эфирной сетки определена специфика деятельности холдинга MRT: общественный вещатель Северной Македонии транслирует теле- и радиoprogramмы на 9 языках для всех этносов, представленных на территории страны. Автор приходит к выводу о том, что полиязычие придает MRT определенную эксклюзивность, а этническим меньшинствам предоставляется возможность не только «потребления» теле- и радиоконтента на родном языке, но и репрезентации в полиэтническом македонском обществе.

Ключевые слова:

общественное вещание; Северная Македония; телевидение; радио; телерадиовещание; Македонска Радио Телевизија.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article focuses on the study of public broadcasting in the Republic of North Macedonia. The key structure of public broadcasting is the representation of civil society. Despite the abundance of scientific literature on this topic, there is still research interest in identifying the characteristics of different public broadcasting systems. The article analyzes the activities of the Macedonian Holding MRT, which produces television and radio content. The results of monitoring the informational and non-informational broadcasting of MRT channels (including educational and entertainment components) are presented in the article. Through content analysis of the broadcasting schedule, the specific activities of MRT are determined: the public broadcaster of North Macedonia broadcasts television and radio programs in 9 languages for all ethnic groups represented in the country. The author concludes that multilingualism gives MRT a certain exclusivity, and ethnic minorities are provided with the opportunity not only to consume television and radio content in their native language but also to be represented in the multiethnic Macedonian society.

Key words:

public broadcasting; North Macedonia; television; radio; broadcasting; Macedonian Radio Television.

Полиязычие как феномен общественного телерадиовещания (по материалам македонского холдинга MRT)

© Сорокин Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

Общественное телерадиовещание (ОТРВ) представляет собой определенный феномен в медиаиндустрии. С одной стороны, он характеризует высокий уровень демократизации, так как общественное радио и телевидение функционируют, основываясь на принципах государственного невмешательства в вещательную политику, а соответственно, на управлении и контроле со стороны коллегиальных систем, отражающих в некоторой степени конструкцию гражданского общества. С другой стороны, ОТРВ служит индикатором развитости медиасистемы отдельного государства. Находясь в конкурентной борьбе с коммерческими телерадиохолдингами, общественное вещание должно удерживать и медиапозиции, и аудиторию, руководствуясь принципами географической доступности, удовлетворения интересов представителей всех групп общества и развития национальной идентичности и культуры [Вартанова, 2003].

Дефинируя феномен *общественного вещания* ученые указывают на его *особую социальную форму*, отличающуюся и от государственного, и от частного вещания; на *исключительные задачи* — «вести свою деятельность независимо от экономической и политической власти... независимо и от институтов государства, и от бизнеса»; и на *обязанности* — в независимости от количества составляющих элементов (в структуру общественного вещания могут входить как телекомпании и радиостанции, так и спутниковые каналы, Интернет сайты, а также любые другие электронные средства массовой информации и коммуникации) — *служения обществу* [Григорьева, 2012; Колыванов, 2006].

В современных реалиях нет континента, где не было бы представлено ОТРВ. Зародившись столетие назад в Великобритании, система общественного вещания, пережив свой «расцвет» в середине XX века, «покорила» Северную и Южную Америку, Австралию, страны Азии.

Однако наибольшее количество подобных вещателей, именуемых в иностранной литературе *public service broadcast (PSB)*, находится в Ев-

ропе. Не вдаваясь в рассуждения о причинах сложившегося положения, отметим, что, к примеру, из государств (географически) северной и южной Европы ОТРВ присутствует в каждом, так же как и на территории Балканского полуострова.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Стоит констатировать, что проблематика общественного вещания вызывает серьезный исследовательский интерес, о чем свидетельствует значительное количество статей и монографий, опубликованных российскими и зарубежными авторами.

Во время подготовки данного материала были изучены работы зарубежных ученых, в которых дается определение «общественному вещанию» и предлагается хронологическая составляющая его развития, выделяются отдельные временные периоды, такие как монополия, либерализация, конкуренция [Donders, 2012; Cushion, 2015].

Значительное количество работ зарубежных исследователей посвящено анализу общественного вещания Англии как основоположницы этой системы, в которых рассматривается роль public service broadcast (PSB) — одного из элементов развития медиасистемы государства и демократических его трансформаций [Madge, 1989; Tunstall, 2010]. Некоторые авторы сосредоточивают свое внимание на изучении организационно-правовых особенностей функционирования PSB. Так, в монографии группы европейских ученых из университетов Мадрида, Кракова, Антверпена, Цюриха и др. фиксируются данные, полученные в ходе эмпирического исследования общественного вещания во Франции, Италии, Польше, Швеции, Германии и Испании. Исследователи указывают на существенные различия в нормативно-правовых основах деятельности общественных вещателей, их управлении и финансировании, ценностных установках. Подобные вопросы становления и эволюции вещательных компаний (только уже) Австралии, Америки и Новой Зеландии освещаются в монографии одной из исследовательниц университета Мельбурна. В книге обобщается опыт работы указанных PSB, определяются факторы, опасные для развития общественного вещания в цифровую эпоху и предлагаются современные решения модернизации public service broadcast с учетом новых технологий и требований времени [Arriaza Ibarra et al., 2015; Debrett, 2010].

Проблемные вопросы становления и функционирования различных моделей общественного вещания и их специфики изучаются также и российскими учеными. Целый пласт научных работ посвящен анализу и поиску пути развития общественного телевидения нашей страны. Кроме того, отечественные исследователи концентрируют внимание на public service

broadcast (PSB) некоторых европейских государств, таких как Великобритания, Германия, Франция, Греция, Бельгия и др., некоторые из проблемных тем становятся предметом диссертационных исследований [Григорьева, 2011; Васильева, 2013; Мальцева, 2013; Шариков, 2018].

Вместе с тем анализу деятельности ОТРВ балканских стран, где, как уже было отмечено, общественное вещание достаточно широко распространено, не уделяется столь пристального внимания. По крайней мере, в процессе подготовки этого материала встречались лишь фрагментированные данные о функционировании public service broadcast на территории какого-либо из балканских государств, что не являлось основной темой публикации, а служило лишь дополнительной информацией, характеризующей медиасистему, в то время как выявление страноведческих особенностей общественных вещателей видится одним из существенных элементов в исследовании их отличительных черт.

В рамках данной статьи сконцентрируем внимание на специфике македонского общественного вещания, представленного в стране холдингом MRT — Македонска Радио Телевизија. Стоит особо отметить, что российскими исследователями феномен македонского ОТРВ почти не изучался, тогда как медиасистема (как нам представляется) является одним из маркеров / индикаторов в определении тенденций развития общественных отношений, политической системы и государства в целом, наравне с языком и литературой, культурой и историей, экономикой и торговлей, международными отношениями и т. д. Обозначенные вопросы в преломлении к современной Македонии изучаются и анализируются российскими учеными из университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Воронежа, Саратова и др. Думается, что представленный материал даст возможность определить специфику македонского общественного телерадиовещания и станет вкладом в исследование как македонской проблематики, так и вопросов деятельности систем ОТРВ.

Одним из применяемых методов при подготовке статьи стал контент-анализ сетки вещания холдинга MRT (Македонска Радио Телевизија), который предполагал определение общего количества часов вещания, процентного соотношения неинформационного и информационного вещания. Стоит отметить, что в журналистской практике принято классифицировать контент исходя из его функциональных особенностей и влияния на аудиторию. Так, условно, вся производимая и выдаваемая в эфир информация подразделяется на «новостную», по сути, являющуюся воплощением информационной функции журналистской деятельности, и «неновостную», претворяющую в жизнь функции просвещения и развлечения.

Кроме того, были проанализированы тематика и жанр программ неинформационного характера; дана оценка вещания по временным интер-

валам (timeslot). Подобная диагностика эфирной сетки необходима для определения степени сбалансированности эфира, установления количества, положения по сетке и слотам, а также характера программ с этнокомпонентом.

При подготовке статьи были изучены публикации государственных организаций, нормативные акты, документы и статистические данные по вопросам телерадиовещания Республики Северная Македония, а также статьи македонских исследователей, в которых анализируются вопросы становления и функционирования медиасистемы, деятельность MRT как ключевого элемента информационного поля страны [Micova, 2012, с. 131—149; Micova, 2014, с. 31—46; Spasovska, 2015, с. 275—292; Tuneva, 2021, с. 1991—221].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Языковая специфика вещания холдинга MRT

Современная Македония — государство на юге балканского полуострова, численность его населения составляет около 2 млн человек, однако небольшое, с точки зрения географии и народонаселения, государство этнически неоднородно. Согласно переписи населения, проведенной Государственным статистическим управлением в 2021 году, из общего числа проживающих в Македонии 54,21 % назвали себя македонцами, 29,52 % — албанцами, 3,98 % — турками, 2,34 % — цыганами, 1,18 % — сербами, 0,87 % — боснийцами и 0,44 % — влахами [Census of Population...]. Представители почти всех перечисленных этнических групп в той или иной степени отстаивают свои коллективные права и борются за возможность быть представленными во всех общественных сферах жизни македонского государства. В данном контексте средства массовой информации исключением не являются.

Македонска Радио Телевизија (mrt.com.mk) — общественная телерадиовещательная служба, главные виды деятельности которой — производство контента и трансляция радио- и телепрограмм. Основы современного холдинга MRT были заложены еще в 1944 году выходом в эфир первой радиопрограммы на македонском языке (стоит особо отметить, что до 1945 года македонский язык не был кодифицирован). Спустя 20 лет, в 1964 году на нём же началось и регулярное пятидневное телевидение в вечернем двухчасовом таймслоте югославского телевидения. Именно оно считается «прародителем» MRT. С выходом Македонии из состава Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) радиотелевизионная станция стала осуществлять свою независимую деятельность и самостоятельно формировать сетку вещания [Ивановска, 2016,

с. 28—30]. В настоящее время MRT состоит из 8 телевизионных (MTV) и 3 радиоканалов (MR), вещающих на всю страну и предлагающих зрителям и слушателям разножанровые и политематические программы на нескольких языках.

На македонском языке ведут трансляции телеканалы: MTV-1, который представляет смешанный контент из информационно-политических, познавательных и развлекательных программ; MTV-3 — предназначенный для трансляции музыкальных программ и передач о культуре и спорте; и MTV-5, сосредоточивающий образовательно-развлекательный контент для детей и подростков. Кроме того, трансляции на македонском языке ведут два радиоканала со смешанным контентом — это MR-1 и MR-2.

На албанском языке идут передачи канала MTV-2, а MTV-4 предлагает зрителю телепрограммы в разных временных интервалах (timeslot) на турецком, сербском, владшском, босанском и цыганском языках. На этих же языках, а также на болгарском и греческом в разных временных интервалах вещает и радиоканал MR-3. Стоит отметить, что в систему холдинга MRT входит и такой сервис, как Собраниски канал (Парламентское телевидение) — канал с политическим контентом, освещающий деятельность законодательного органа власти, и MRT Sat и SAT2, вещающие на территории Европы на родном языке для македонцев, проживающих за границей.

Обзор теле- и радиопрограмм каналов холдинга MRT и соответствующих эфирных документов показал 24-часовое вещание на македонском языке и фрагментированное — на языках этнических меньшинств. Так, объем трансляций программ собственного производства для немакедоноязычных каналов составляет: 14,5 часов ежедневно для албанского теле- и 17 часов ежедневного вещания для радиоканала; 2,5 часа ежедневного выхода турецких программ на телевидении и 5 часов на радио; по 30 минут на теле- и радиоканалах три раза в неделю для программ, идущих в эфир на владшском, сербском, босанском и языке романи.

3.2. Особенности телевизионного и радиоконтента вещателя

Анализ сетки вещания, в независимости от языка трансляции, дает возможность констатировать, что в фокусе MRT насущные проблемы македонского общества, обсуждаемые в ток-шоу по политической и международной проблематике, в сюжетах о социальных и экономических проблемах социума, в информационных выпусках. Последние, несмотря на то, что присутствуют в вещательной картине дня постоянно, не дисбалансируют ее.

К примеру, на македоноязычном телеканале MTV-1, так же, как и на албаноязычном MTV-2, в эфир выходят утренние, дневные и вечерние ежедневные информационные выпуски, составляющие в общей сложности ориентировочно 2,5 часа вещания и 1,5 соответственно. Информационные

получасовые программы на турецком языке выходят в эфир ежедневно по будням в фиксированное время, в то время как аналогичные телепрограммы на других нетитульных языках не имеют четкой эфирной «привязки». В данном случае, вероятно, иноязычной редакции дается временной интервал (timeslot), который она заполняет исходя из актуальности материалов и потребности аудитории, так как в сетке вещания в одно время могут значиться и информационная программа, и, к примеру, сюжет об истории этого народа. В отличие от радиозфира, где для иноязычных программ фиксируется определенное время, по сетке они следуют друг за другом. Так, в 18:30 начинается выпуск новостей на языке романи, в 19:00 следует на влашском, далее, в 19:30 на сербском, и замыкает информационный блок программа на босанском языке, выходящая в эфир в 20:00.

В независимости от канала радиослушателям и телезрителям предлагаются очерки и репортажи о культуре и искусстве того или иного этноса, о науке и творчестве, истории и современности Македонии, трансляции документальных фильмов и бесед, цикловые программы, дневники фестивалей и т. п. Так, среди теле- и радиопрограмм находим: «Песни на мојата душа» («Песни моей души») — телерадиошоу с приглашенными гостями, посвященное македонским национальным традиционным песням и танцам; «Албанските народни приказни» («Албанские народные сказки») — переложение эпических произведений албанского этноса в кинематографическом или мультипликационном формате; «Одјек од Цивилното Општество» («Эхо гражданского общества») — телепрограмма на турецком языке в жанре ток-шоу, где обсуждаются проблемные точки и перспективы взаимоотношений Македонии и Турции; «Нашето Јазично богатство» («Наше языковое богатство») — просветительская передача на языке романи, позиционирующая языковые нормы и стандарты; и др. Некоторые программы демонстрируют успешные примеры инкорпорации представителей этнических меньшинства в македонский социум. В качестве примера можно привести годовой цикл «портретов» — «Ромски приказни во Македонија», то есть истории профессионального успеха македонских цыган [Извештај..., 2023, с. 34—45].

Стоит отметить, что особое место в сетке вещания каналов MRT занимают программы для детей и подростков. Несмотря на рост популярности в молодежной среде (как и во всем мире) интернет-платформ, телевизионные и радиоканалы холдинга производят и регулярно размещают в эфире образовательный и развлекательный контент для соответствующих групп населения на понятном им, нетитульном языке.

Так, на нерегулярной основе транслируются программы собственного производства на влашском, сербском, босанском и языке романи. На

последнем, к примеру, выходит ежегодная детская новогодняя телепрограмма, а также дважды в месяц получасовые телеспектакли «Во детскиот свет» («В мире детства») — как экранизация цыганских народных сказок с комментариями ведущего. Подобного жанра передачи находим и в телепрограмме для зрительской аудитории, владеющей владшким языком. Несколько реже, чем на романи, один раз в два месяца в получасовом слоте на нем (владшском языке) выходит в эфир программа «Во царството на деца-та» («Детское царство»).

Для турецкой и албанской этноязыковых групп подобный вид контента «выходит» на регулярной основе. С четкой привязкой к сетке вещания на канале MTV-4 трижды в неделю в утренние часы в будни в эфир выходят 15-минутные выпуски «Нашата Бајка» («Наша сказка») на турецком языке. Также в утренние часы, только уже на телеканале MTV-2 дважды в течение недели юным зрителям предлагаются и программы на албанском языке: «Енциклопедија за деца» («Энциклопедия для детей») и «Погрешно или правилно» («Правильно — неправильно»). В данном случае, в отличие от примеров телевизионного контента на владшском, цыганском, турецком и других языках, зрители смотрят передачи, имеющие не только развлекательно-познавательный, но и образовательный компонент [Извештај..., 2023, с. 34—45].

Стоит акцентировать, что во время мониторинга сетки вещания программ на языках нетитульных народов было обнаружено, что все они ориентированы на аудиторию дошкольного и младшего школьного возраста, в то время как для старшей аудитории, подростковой, программ почти не выпускается. Вместе с тем запрос на телевизионный контент для данной возрастной группы есть, подтверждением этому может стать, к примеру, высокая популярность проекта «Дајте музика» («Дайте / Подарите музыку»). Реализуемое несколько телевизионных сезонов на македонском языке музыкально-игровое шоу стало своего рода сиквелом одной из первых успешных музыкальных развлекательных программ телевидения независимой Македонии. В холдинге MRT программа дважды становилась обладателем первого приза национальной премии в области телевидения как самая популярная программа для молодежи.

Как видим, анализ программной сетки MRT и приведенные примеры показывают, что вещательная политика холдинга сосредоточена на производстве и трансляции программ в интересах всех членов общества без какой-либо дискриминации по этническому признаку, на воспитании уважения культурной самобытности народов Македонии и просвещении в духе общемакедонского национального единства и общественного диалога. Это, в свою очередь, является практическим воплощением как в идеологическом, так и в нормативном плане законодательно зафиксированной политики ма-

кедонского государства, ориентированной на межэтническое гармоничное сосуществование в рамках одной страны, и удовлетворяет запросы общества на доступность качественной информации [Zuta, 2015, с. 56—58].

4. Заключение = Conclusions

Вещательная политика MRT (Македонска Радио Телевизија) дает возможность как исследователям, так и представителям профессионального сообщества обоснованно заявлять о его непохожести на другие public service broadcast, своего рода уникальности, проявляющейся в ежедневной трансляции программ собственного производства на 9 разных языках [Sekulovski, 2019, с. 173]. Очевидно, что подобный разножанровый, полиязыковой контент, представленный на теле- и радиоканалах MRT, должен быть интересен гражданам Северной Македонии и, соответственно, приводить холдинг к лидерству / первым позициям в рейтингах среди македонских аудиовизуальных СМИ.

Однако цифры демонстрируют иное. Так, согласно данным Агентства аудио- и аудиовизуальных медиауслуг Северной Македонии, Македонское радио располагается на третьем месте среди наиболее прослушиваемых пользователями, так же, как и MTV-1, показывая среднесуточную долю аудитории менее чем в четверть от возможной, в 23 %. Невысокие позиции занимают каналы, вещающие для нетитульных народов: албанский MTV-2 располагается на 22-ой строке рейтинга, а полиязычный MTV-4 — на 68-ой [Податоци..., 2021, с. 67—70]. Стоит отметить, что медиасистема страны достаточно обширна: по результатам последнего мониторинга, она включает более полусотни радиоканалов и порядка 80 телевизионных, несколько десятков печатных изданий и от 150 до 200 цифровых средств массовой информации [Trevska, 2021, р. 6]. Причин подобного расположения в рейтинге для телеканалов MRT можно найти немало. Несмотря на то, что ответ на данный вопрос не является целью настоящей статьи, отметим некоторые: управленческая составляющая (длительное время вокруг MRT идут дискуссии об управляющем совете, редакционной политике, финансировании); техническая составляющая — производимый видеопродукт (вне идеологического поля), вероятнее всего, не удовлетворяет современных запросов на визуализацию и др. Кроме того, невысокие позиции каналов с программами не на македонском языке для нетитульных народов могут объясняться в категориях телесмотрения — численностью данных групп, то есть небольшим, по сравнению с титульным этносом, количеством смотрящих / слушающих, знающих язык трансляции.

Вместе с тем будет справедливо отметить, что по совокупности телесмотрения всех каналов холдинга MRT занимает лидирующие позиции,

собирая ежедневно у экранов и радиоприемников более трети населения страны.

Очевидно, что Македонска Радио Телевизија представляет собой интересный пример общественного телерадиовещания. Думается, что анализ и изучение практик MRT, выпускающего в эфир программы на 9 языках, могут быть полезными и другим полиэтническим балканским обществам.

С одной стороны, вещательная политика MRT отражает идеи мультикультурализма в медиа, когда каждый из этносов, проживающих на территории Северной Македонии, имеет возможность получить информацию по телевидению и радио, кроме государственного, и на родном для себя языке. А с другой, сами по себе ежедневные трансляции программ на языках нетитульных народов Македонии дают возможность констатировать постоянство репрезентации представителей этнических меньшинств страны в македонском общественном пространстве.

Правомерно также будет признать, что подобная система теле- и радиовещания на языках представителей этнических групп, при всех ее существенных достоинствах, «несет» в себе и опасность общественной деструкции. Проявлением последней (при сопутствующих условиях при самом негативном прогнозе) может стать сепарация отдельных этноязыковых общностей и выдвижение ими политических требований, закамуфлированных под вопросы сохранения языковой и культурной самобытности. Стоит отметить, что многие из балканских стран, среди которых и Республика Северная Македония, имеют в некоторой степени печальный подобный опыт (в Македонии это албанско-македонский конфликт 2001 года). Следовательно, достижение, в том числе и в вещательной политике, удобоваримого баланса сил, примером которого может стать вещание холдинга MRT (Македонска Радио Телевизија), становится важным вопросом развития государственности «молодых» балканских республик.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ОТПБ — *Общественное телерадиовещание.*
2. MRT — *Македонска Радио Телевизија* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.mrt.com.mk/> (accessed 01.06.2023).
3. PSB — *Public service broadcast.*

Литература

1. *Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. — Москва : Аспект-Пресс, 2003. — 335 с. — ISBN 5-7567-0298-9.*

2. *Васильева А. В.* Кризис общественного телевидения Франции [Электронный ресурс] / А. В. Васильева // Медиаскоп. — 2013. — № 4. — Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/1397> (дата обращения 06.08.2022).

3. *Григорьева И. В.* Трансформация общественного телевидения в мультимедийной среде (зарубежный опыт) : диссертация кандидата филологических наук : 10.01.10 / И. В. Григорьева. — Москва, 2012. — 185 с.

4. *Григорьева И. В.* Трансформация идеи общественного телевидения в зарубежной медиасреде / И. В. Григорьева // Ученые записки российского государственного социального университета. — 2011. — № 10 (98). — С. 68—72.

5. *Ивановска Р.* Менаџментот на човечки ресурси и реформите во Македонската Радио Телевизија / Р. Ивановска. — Скопје : Макед. книга, 2016. — 131 с.

6. *Извештај* за реализација на програмата за работа на МРТ од 2022 година. — Скопје : Макед. книга, 2023. — 115 с.

7. *Колыванов Е. В.* Современные европейские концепции и модели общественного телевидения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Е. В. Колыванов. — Москва, 2006. — 163 с.

8. *Мальцева Ю. А.* Модель общественно-правового вещания в Германии / Ю. А. Мальцева // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2013. — № 2 (12). — С. 5—8.

9. *Податоци* за досегот на радиостаниците за уделот во вкупната гледаност на телевизиските станици. Агенцијата за аудио и аудиовизуелни медиумски услуги. Годишен извештај. — Скопје : Макед. книга, 2021. — 80 с.

10. *Шариков А. В.* Общественное вещание в Европе : симптомы кризиса / А. В. Шариков, М. К. Клименко // Меди@льманах. — 2018. — № 6 (89). — С. 96—107.

11. *Arriaza Ibara, K.* Public Service Media in Europe : A Comparative Approach / K. Arriaza Ibara, E. Nowak, R. Kuhn. — Abington/New York : Routledge, 2015. — 221 p.

12. *Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of North Macedonia, 2021* — first dataset. Државен завод за статистика [Electronic resource]. — Access mode : https://www.stat.gov.mk/PrikaziSooopstenie_en.aspx?rbtrxt=146 (accessed 10.11.2022).

13. *Debrett M.* Reinventing Public Service Television for the Digital Future / M. Debrett. — UK : Intellect Books, 2010. — 253 p. — ISBN 9781841503219.

14. *Donders K.* From Public Service Broadcasting to Public Service Media / K. Donders // Public Service Media and Policy in Europe. — London : Palgrave Macmillan, 2012. — Pp. 9—24. — ISBN 978-0-230-29096-9.

15. *Madge T.* Public Service Broadcasting and the Public Interest / T. Madge // Reinventing Public Service Communication. Beyond the BBC. — London : Palgrave Macmillan, 1989. — Pp. 145—157. — ISBN 978-0-333-39712-1.

16. *Micova S.* Public Service Broadcasters in South East Europe / S. Micova // Regaining the Initiative for Public Service Media. — Sweden, 2012. — 253 p. — ISBN 978-91-86523-33-6.

17. *Micova S.* Public service broadcasting in Slovenia and Macedonia : creating stars / S. Micova // The Media in Europe's Small Nations. — UK : [b. i.], 2014. — 156 p. — ISBN 9781443854177.

18. *Public Service Broadcasting: Markets and 'Vulnerable Values' in Broadcast and Print Journalism* / S. Coleman, G. Moss., K. Parry // Can the Media Serve Democracy? — London : Palgrave Macmillan, 2015. — Pp. 65—75. — ISBN 978-1-349-50011-6.

19. *Sekulovski D.* Macedonian Radio Television in Need of New Professional Standards / D. Sekulovski // A Pillar of Democracy. Public Service Media in South East Europe. — 2019. — 244 p. — ISBN 978-3-95721-596-3.

20. Spasovska K. Transformation of the public broadcasting systems in Croatia and Macedonia as indicators of democratic transformation / K. Spasovska, I. Imre // Source : International Journal of Digital Television. — 2015. — Vol. 6. — № 3. — Pp. 275—292. — DOI: https://doi.org/10.1386/jdtv.6.3.275_1.

21. Trpevska S. Monitoring media pluralism in the digital era. Country report : The Republic of North Macedonia / S. Trpevska, I. Micevski. — Florence : European University Institute, 2021. — 45 p.

22. Tuneva M. The Media Landscape in North Macedonia in the Decades of Post-Socialist Transition : Changing Times, Persistent Problems / M. Tuneva // Three Decades Later. The Media in South East Europe after 1989. — 2021. — 311 p. — ISBN 978-3-95721-948-0.

23. Tunstall J. The BBC and UK Public Service Broadcasting / J. Tunstall // Reinventing Public Service Communication. — London : Palgrave Macmillan, 2010. — Pp. 145—157. — ISBN 978-1-349-31102-6.

24. Zuta J. Minority Rights in Macedonia — The Right to Use a Minority Language / J. Zuta. — Uppsala : Uppsala Universitet, 2015. — 68 p.

Статья поступила в редакцию 11.07.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

MRT — *Macedonian Radio Television*. Available at: <https://www.mrt.com.mk/> (accessed 01.06.2023). (In Serb.).

OTRV — *Public Broadcasting*. (In Russ.).

PSB — *Public service broadcast*.

References

Arriaza Ibara, K., Nowak, E., Kuhn, R. (2015). *Public Service Media in Europe: A Comparative Approach*. Abington/New York: Routledge. 221 p.

Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of North Macedonia, 2021 — first dataset. Државен завод за статистика. Available at: https://www.stat.gov.mk/PrikaziSoopstenie_en.aspx?rbtxt=146 (accessed 10.11.2022).

Debrett, M. (2010). *Reinventing Public Service Television for the Digital Future*. UK: Intellect Books. 253 p. ISBN 9781841503219.

Donders, K. (2012). From Public Service Broadcasting to Public Service Media. In: *Public Service Media and Policy in Europe*. London: Palgrave Macmillan. 9—24. ISBN 978-0-230-29096-9.

Grigorieva, I. V. (2012). *Transformation of public television in a multimedia environment (foreign experience)*. PhD Diss. Moscow. 185 p. (In Russ.).

Grigorieva, I. V. (2011). Transformation of the idea of public television in the foreign media environment. *Scientific notes of the Russian State Social University*, 10 (98): 68—72. (In Russ.).

Ivanovska, R. (2016). *Menaumentot na chovechki resursi i reformite vo Makedonskata Radio TV*. Skopje: Maked. Book. 131 p. (In Serb.).

Izvestia for the implementation of the program for work on the MRI od 2022 year. (2023). Skopje: Maked. Book. 115 p. (In Serb.).

Kolyvanov, E. V. (2006). *Modern European concepts and models of public television*. PhD Diss. Moscow. 163 p. (In Russ.).

- Madge, T. (1989). Public Service Broadcasting and the Public Interest. In: *Reinventing Public Service Communication. Beyond the BBC*. London: Palgrave Macmillan. 145—157. ISBN 978-0-333-39712-1.
- Maltseva, Yu. A. (2013). Model of public-legal broadcasting in Germany. *Sign: the problematic field of media education*, 2 (12): 5—8. (In Russ.).
- Micova, S. (2012). Public Service Broadcasters in South East Europe. In: *Regaining the Initiative for Public Service Media*. Sweden. 253 p. ISBN 978-91-86523-33-6.
- Micova, S. (2014). Public service broadcasting in Slovenia and Macedonia: creating stars. In: *The Media in Europe's Small Nations*. UK: [b. i.]. 156 p. ISBN 9781443854177.
- Podatotsi for dosegot on the radio station and for udelot in vkupnata gladanost on the TV station. The agency is responsible for audio and audiovisual mediums services. Godishen izvestaj*. (2021). Skopje: Maked. Book. 80 p. (In Serb.).
- Public Service Broadcasting: Markets and 'Vulnerable Values' in Broadcast and Print Journalism. In: *Can the Media Serve Democracy?* London: Palgrave Macmillan. 65—75. ISBN 978-1-349-50011-6.
- Sekulovski, D. (2019). Macedonian Radio Television in Need of New Professional Standards. *A Pillar of Democracy. Public Service Media in South East Europe*. 244 p. ISBN 978-3-95721-596-3.
- Sharikov, A. V., Klimenko, M. K. (2018). Public broadcasting in Europe: symptoms of the crisis. *Copper@llmanah*, 6 (89): 96—107. (In Russ.).
- Spasovska, K., Imre, I. (2015). Transformation of the public broadcasting systems in Croatia and Macedonia as indicators of democratic transformation. *Source: International Journal of Digital Television*, 6 (3): 275—292. DOI: https://doi.org/10.1386/jdtv.6.3.275_1.
- Trpevska, S., Micevski, I. (2021). *Monitoring media pluralism in the digital era. Country report: The Republic of North Macedonia*. Florence: European University Institute. 45 p.
- Tuneva, M. (2021). The Media Landscape in North Macedonia in the Decades of Post-Socialist Transition: Changing Times, Persistent Problems. *Three Decades Later. The Media in South East Europe after 1989*. 311 p. ISBN 978-3-95721-948-0.
- Tunstall, J. (2010). The BBC and UK Public Service Broadcasting. In: *Reinventing Public Service Communication*. London: Palgrave Macmillan. 145—157. ISBN 978-1-349-31102-6.
- Vartanova, E. L. (2003). *Media economics of foreign countries*. Moscow: Aspect-Press. 335 p. ISBN 5-7567-0298-9. (In Russ.).
- Vasilyeva, A. V. (2013). The crisis of public television in France. *Mediascope*, 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1397> (accessed 06.08.2022). (In Russ.).
- Zuta, J. (2015). *Minority Rights in Macedonia — The Right to Use a Minority Language*. Uppsala: Uppsala Universitet. 68 p.

*The article was submitted 11.07.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)

Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)

Мария Михайловна Ожигова, младший научный сотрудник (Москва)

Наталья Владимировна Константинова, канд филол. наук (Новосибирск)

Сахая Даниловна Львова, старший научный сотрудник (Якутск)

Информация для цитирования:

Киселева И. А. М. Ю. Лермонтов и А. А. Вельяминов : история взаимоотношений и взгляд на кавказский вопрос / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 277—292. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-277-292.

Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2023). M. Yu. Lermontov and A. A. Velyaminov: History of Relations and Views on Caucasian Question. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 277-292. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-277-292. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-277-292

М. Ю. Лермонтов и А. А. Вельяминов: история взаимоотношений и взгляд на кавказский вопрос

Киселева Ирина Александровна
orcid.org/0000-0002-9629-0035
доктор филологических наук,
профессор, кафедра русской
и зарубежной литературы
ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна *
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы,
* *корреспондирующий автор*
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ
проект № 22-28-00025

M. Yu. Lermontov and A. A. Velyaminov: History of Relations and Views on Caucasian Question

Irina A. Kiseleva
orcid.org/0000-0002-9629-0035
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova *
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature,
* *Corresponding author*
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе анализа архивных документов и художественных текстов проводится сопоставительный анализ имеющих сходство размышлений поэта М. Ю. Лермонтова и генерала А. А. Вельяминова о русско-кавказских отношениях. История их общения реконструируется посредством выявления свидетельств современников, анализа писем поэта, установления общего круга знакомых. Выдвигается гипотеза их знакомства до 1837 года, когда Лермонтов попадает под его непосредственное командование. Доказывается влияние Вельяминова на раннее творчество Лермонтова. В научный оборот вводится ранее обойденный вниманием в гуманитарной науке очерк А. А. Вельяминова «История Кавказа», представляющий собой развернутую хронику Кавказа от доисторических времен до современности. Обращение к публицистике Вельяминова позволяет представить истоки и развитие кавказской историософии Лермонтова в контексте мессианских идей, актуализированных в обществе 1830-х годов в связи с действиями России на восточных рубежах. Выявляется понимание Лермонтовым и Вельяминовым миротворческой роли Российской Империи. Новые материалы дополняют картину формирования лермонтовского исторического мышления в аспекте видения им русско-кавказских взаимоотношений.

Ключевые слова:

Михаил Лермонтов; генерал Вельяминов; Кавказская война; мессианство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the analysis of archival documents and literary texts, a comparative analysis is conducted of the similar ideas expressed by poet M. Yu. Lermontov and General A. A. Velyaminov regarding Russian-Caucasian relations. Their history of interaction is reconstructed through the identification of contemporary witnesses, analysis of the poet's letters, and determination of their shared circle of acquaintances. The hypothesis is put forward that they were acquainted before 1837, when Lermontov came under Velyaminov's direct command. The influence of Velyaminov on Lermontov's early works is demonstrated. Additionally, an overlooked essay by A. A. Velyaminov entitled "History of the Caucasus" is introduced into scholarly circulation, which provides a detailed chronicle of the Caucasus from prehistoric times to the present day. Through the study of Velyaminov's publicistic works, a better understanding is gained of the origins and development of Lermontov's Caucasian historiography in the context of messianic ideas prevalent in society during the 1830s due to Russia's actions on its eastern borders. The shared belief of both Lermontov and Velyaminov in the peacemaking role of the Russian Empire is revealed. These newly discovered materials contribute to a more comprehensive understanding of the formation of Lermontov's historical thinking in regards to his perception of Russian-Caucasian relations.

Key words:

Mikhail Lermontov; General Velyaminov; Caucasian War; messianism.

М. Ю. Лермонтов и А. А. Вельяминов: история взаимоотношений и взгляд на кавказский вопрос

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2023

1. Введение = Introduction

Социокультурный контекст историософии Лермонтова еще не становился предметом специального научного исследования, хотя отдельные аспекты влияния общественных настроений на становление исторического мышления поэта уже были выявлены в отечественном литературоведении, в том числе и в наших статьях. Предметом предлагаемого исследования является реконструкция исторического мышления Лермонтова и его современников посредством рассмотрения творчества поэта и историко-публицистического сочинения генерала Вельяминова, отражающего политические и религиозные стороны взаимоотношений социокультурных систем России и Кавказа. Взгляды на русско-кавказские отношения, связанные с действиями Российской Империи на ее восточных рубежах, складывались в обществе 1830-х годов под значительным влиянием генерала А. П. Ермолова и отличившихся в кавказской кампании военных, среди которых особое место занимали «Генералы Вельяминовъ, Лиханевичъ, Эммануель, Казаревъ и Казачій Генераль Власовъ» [Вельяминов, 1830, л. 8]. Возможное общение Лермонтова с А. А. Вельяминовым, который «был в глазах горцев первый русский воин после Ермолова» [Торнау, 2008, с. 367], обуславливает интерес к публицистическим сочинениям генерала в аспекте понимания кавказского вопроса в 1830-х годах. Отмечая значительный вклад Вельяминова «в развитие военной науки своего времени» [Сахаров, 2014, с. 596], исследователи без должного внимания оставляли его публицистическое наследие. В частности, в поле зрения исследователей не попадал его очерк «История Кавказа», содержащий параллели в хужоженственном мире Лермонтова.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью настоящей статьи стало выявление общности взглядов на русско-кавказские отношения Лермонтова и генерала Вельяминова, выразившего свою позицию по кавказскому вопросу в очерке «История Кавказа», который до сих пор не становился предметом специального изучения ни

у историков, ни у филологов. Рукописные материалы Вельяминова, посвященные военно-стратегической политике и тактике боевых действий, — «Замечания генерала Вельяминова», «Кавказская оборонительная линия», «Замечания на меморию подполковника Бюрно», «Способ ускорить покорение горцев», «Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27 июля 1832 года», «Корпусному командиру» — были объединены в «Материалы о положении и действиях русских войск на Кавказе и мерах по их активизации» [Вельяминов, 1832—1832] и опубликованы в «Кавказском сборнике» с предисловием скрытого за инициалами Н. Ш. неизвестного автора [Н. Ш., 1883]. В то же время очерк «История Кавказа» Вельяминова оставался без внимания, являясь при этом ценным источником для определения особенностей общественного исторического сознания 1830-х годов и, в частности, восприятия Лермонтовым военной кампании на Кавказе; до сих пор проблема возможного влияния Вельяминова на Лермонтова была поставлена лишь в отношении стихотворения «Бородино» [Попов, 1954].

Относительно знакомства Лермонтова с Вельяминовым существуют лишь отдельные косвенные свидетельства. О службе Лермонтова под начальством генерала известно из переписки самого поэта со своей бабушкой Е. А. Арсеньевой [Лермонтов, 1954—1957, т. VI], а также из писем близкого к нему круга людей — В. Д. Вольховского, А. А. Хастатова, А. И. Философова [Лермонтов, 1941]. Их единичные суждения послужили научной базой для биографических исследований в части, посвященной пребыванию Лермонтова на Кавказе в 1837 году [Мануйлов, 1964; Черейский, 1981; Захаров, 2017]. Ю. Н. Беличенко и А. А. Сахаров находили сходство с Вельяминовым в одном из карандашных портретов военных в «Сценах из Ставропольской жизни» [Беличенко, 2001; Сахаров, 2014]. А. В. Попов выдвинул нуждающуюся в уточнении гипотезу об отражении общения поэта с генералом в стихотворении «Бородино». Однако системная реконструкция возможности общения Лермонтова с Вельяминовым отсутствовала. Вопрос об общности взглядов Лермонтова и Вельяминова на русско-кавказские отношения не затрагивался вовсе, параллели во взглядах поэта и генерала на кавказский вопрос не проводились в исследованиях, значимых для изучения историософии Лермонтова в аспекте кавказской проблематики [Гроссман, 1941; Киселева, 2019; Киселева, 2023; Кошелев, 2014; Лотман, 1985; Семенов, 1939; Ходанен, 2015; Юхнова, 2015]. В то же время выявление общности взглядов Лермонтова и генерала Вельяминова позволяет уточнить развитие историософии поэта в контексте исторического мышления 1830-х годов, оттого вопрос общения двух современников нуждается в целостном освещении. Материалом для выявления общности

взглядов Лермонтова и Вельяминова на кавказский вопрос может служить ранее не опубликованная и не изученная рукопись генерала Вельяминова «История Кавказа», представляющая собой цельное исследование русско-кавказских отношений от древности вплоть до 1830 года. В основе настоящей статьи лежат источниковедческий, культурно-исторический, типологический методы, позволяющие реконструировать историософию Лермонтова и генерала Вельяминова в аспекте русско-кавказских отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фактические основания влияния генерала А. А. Вельяминова на формирование мировидения М. Ю. Лермонтова

В исследованиях, посвященных биографии Лермонтова и его первой поездке в боевую армию на Кавказе, можно встретить лишь разрозненные факты, указывающие на его знакомство с генералом Вельяминовым. Так, И. С. Жиркевич в своих записках подчеркивает дружбу брата бабушки Лермонтова с ним: «Вельяминов и Афанасий Столыпин были приятелями» [Жиркевич, 1874, с. 637]. Контакты Лермонтова с Вельяминовым подтверждают и данные, приведенные А. В. Поповым, пытающимся доказать, что «Бородино» закончено на Кавказе «вскоре после знакомства поэта с А. А. Вельяминовым» [Попов, 1954 с. 40], аргументируя это тем, что в стихотворении отразились реалии Бородинского сражения, которые поэту мог передать сам генерал Вельяминов. Однако версия о том, что «Бородино» оформилось «вскоре после знакомства поэта с А. А. Вельяминовым» на Кавказе [Там же, с. 40], сомнительна. Лермонтов приехал в Ставрополь в конце апреля — первых числах мая 1837 года, тогда как цензурное разрешение на № 6 журнала «Современник», в котором было опубликовано «Бородино», подписано 2 мая 1837 года. Логично, что в подготовленное к печати стихотворение правка вряд ли могла быть внесена. Кроме того, прикомандирование Лермонтова к экспедиционному отряду Вельяминова, пребывавшему с апреля 1837 года на левом берегу Кубани, состоялось только в июле 1837 года, о чем поэт сообщает в письме к Е. А. Арсеньевой от 18 июля того же года: «Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова» [Лермонтов, 1954—1957, т. VI, с. 439]. Стилистика этого письма говорит о том, что генерал Вельяминов был общим знакомым их семьи, сообщение о предстоящей встрече с ним Лермонтов выбирает средством утешения бабушки, сетующей Великому Князю Михаилу Александровичу на разлуку с внуком ввиду постигших его неприятностей, которые «не могли не истощить слабый остаток жизненных сил <...> и не усилить тяжкую болезнь» [Лермонтов, 1941, с. 674]. Это дает основание

говорить о возможности знакомства Лермонтова с Вельяминовым уже до 1837 года. Можно предполагать, что поэт имел общение с Вельяминовым и в то время, когда тот трудился над «Историей Кавказа», а Лермонтов сочинял свои первые кавказские поэмы. Примечательно, что в начале 1830-х годов участниками Закубанского похода Вельяминова были ближайшие родственники Лермонтова: приятельствующий с генералом А. А. Столыпин и А. А. Хастатов, лично попросивший «позволения участвовать в настоящей экспедиции против горцев» [Лермонтов, 1941, с. 674]. Рядом с Вельяминовым находился и «любезный дядюшка» [Лермонтов, 1954—1957, т. VI, с. 442] поэта генерал-майор П. И. Петров, породнившийся с Лермонтовым через Хастатовых и непосредственно руководивший подготовкой приезда Императора Николая I на Кавказ в 1837 году.

Родственники и доброжелатели поэта считали влияние Вельяминова на Лермонтова полезным. Генерал-майор В. Д. Вольховский в письме к А. И. Философову дал точную оценку назначению Лермонтова в действующий отряд генерала Вельяминова: «На первый случай скажу, что он по желанию ген. Петрова, тоже родственника своего, командирован за Кубань, в отряд ген. Вельяминова: два, три месяца экспедиции против горцев могут быть ему бесполезны — это предельно прохладительное средство (calmant), а сверх того лучший способ загладить проступок. Государь так милостив, что ни одно отличие не остается без внимания его» [Лермонтов, 1941, с. 679]. Обращают на себя внимание расставленные Вольховским акценты относительно назначения, которое он верно характеризует и как возможность заслужить милость Императора, и как путь успокоения пылкого нрава, что еще раз подчеркивает здоровую обстановку в отряде Вельяминова, не случайно Ермолов характеризует его как «единственного», кто «мог привести дела в порядок» [Ермолов, 1991, с. 413].

О пребывании Лермонтова на Кавказе в первой половине сентября 1837 года ученые приводят лишь общие сведения: «Лермонтов едет в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд генерала Вельяминова, готовившийся к встрече Николая I» [Мануйлов, 1964, с. 83]. Возможно, что и Лермонтов был свидетелем духоподъемного настроения русской армии, запечатленного в материалах к биографии А. А. Вельяминова, составленных В. Н. Мамышевым и хранящихся в ОР РНБ. Вот как В. Н. Мамышев описывает приветствие Императора войсками: «Кавказцы огласили горы и лѣса Кавказа громогласнымъ неумолкаемымъ “Ура”. И долго начальники не могли унять восторгъ солдатъ. “Вотъ и это со временемъ будетъ Россія!” — сказал Государь, глядя на горы и окружающую мѣстность» [Мамышев, 1870, л. 61—61 об.]. Подобные настроения, вероятно, мог разделять и Лермонтов, называя уже в поэме «Измаил-

Бей» Николая I новым Августом («Настанет час — и новый грозный Рим // Украсит Север Августом другим!») [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 201]] и задавая пафосный риторический вопрос: «Какие степи, горы и моря // Оружью славян сопротивлялись? // И где велению русского царя // Измена и вражда не покорялись?» [Там же, т. III, с. 201].

Дальнейшее пребывание Лермонтова на Кавказе также могло быть не лишено нескольких пересечений с генералом Вельяминовым, отряд которого осенью 1837 года квартировался в Ставрополе. Факт общения Лермонтова с Вельяминовым в 1837 году косвенно подтверждает заведенный генералом в Ставрополе обычай: он «раз навсегда отдал приказание, чтобы все приезжающие в город офицеры, начиная с прапорщика и до генерала включительно, у него обедали ежедневно во время пребывания их в Ставрополе» [Попов, 1954, с. 40—41]. О том, что «в октябре и декабре 1837 во время своих приездов в Ставрополь Лермонтов мог бывать в доме Вельяминова, гостеприимно встречавшего всех офицеров», высказывался и Л. А. Черейский [Черейский, 1981, с. 82]. Анализируя рисунок Лермонтова «Сцены из Ставропольской жизни», Ю. Н. Беличенко писал об изображении на нем Вельяминова [Беличенко, 2001]. Версию о том, что именно прославленный генерал представлен в образе «военного в расстегнутом сюртуке» [Сахаров, 2014, с. 596], аргументировал и А. А. Сахаров. В серии своих кавказских рисунков «Экспедиция на Кавказ» и «Привал на Кавказе» Вельяминова изобразил сокурсник и приятель Лермонтова Н. И. Поливанов в образе «генерала впереди свиты, пересекающего горное ущелье» [Махлевич, 1991, с. 73] и «играющего с охотничьими собаками» [Там же, с. 76]. Круг общих знакомых Лермонтова и Вельяминова можно расширить и доктором Н. В. Мейером, находившимся при генерале вплоть до «последних минут» [Торнау, 2008, с. 160] и «выведенным Лермонтовым в его “Терое нашего времени”» [Там же, с. 267] в образе доктора Вернера.

Таким образом, личное знакомство Лермонтова с Вельяминовым представляется достаточно очевидным. Авторитет генерала и теплота отношений к нему в близкой поэту среде, его великодушное знание Кавказа, признаваемая современниками «громадная память», удерживающая «множество имён и фактов», а также «методический ум», дающий «возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную картину» событий Кавказской войны [Филипсон, 2000, с. 93], позволили ему ярко и основательно представить историю Кавказа. Общение с ним не могло не повлиять на видение поэтом миссии России на Кавказе и смысловую наполненность его художественных образов. Кроме того, близость взглядов Лермонтова и Вельяминова на кавказский вопрос может иметь не только генетический, но и типологический характер.

3.2. Мотивы христианского мессианства Российской Империи в «кавказском тексте» Вельяминова и Лермонтова

Очерк «История Кавказа» представляет собой небольшое по объему, но аргументированное и убедительное сочинение, в котором на первое место выводится противостояние России и Турции, остро выразившееся в «гонении на Кавказских христианъ» [Вельяминов, 1830, л. 2], что и явилось, по мнению Вельяминова, первопричиной развернувшейся продолжительной Кавказской войны. Очерк охватывает значительный временной промежуток и представляет ретроспекцию событий от дальних «неисторических» [Там же, л. 1] времен до первой трети XIX века. В сравнении с известной в обществе 1820—1830-х годов и безусловно знакомой Лермонтову (см.: [Семенов, 1939]) основательной работой историка Кавказа С. М. Броневского «Новейшая географическая и историческая известия о Кавказе» (Москва: В типографии С. Селивановского, 1823), ставившего перед собой задачу представить «общее и сокращенное понятие о собранных уже материалах въ систематическомъ видѣ», что было «нужнымъ для русскихъ офицеровъ» [Броневский, 1823, т. 1, с. 8—9], очерк генерала Вельяминова сконцентрирован на объяснении как исторических, так и собственно духовных причин Кавказской войны. Вельяминов обращается уже к первым векам распространения христианства на Кавказе, когда можно было констатировать акцентировать ранний «рѣшительный перевесъ на Кавказѣ Грековъ» [Там же, л. 2], который впоследствии Византия не смогла поддерживать в должной мере, и миссия сохранения христианства на Кавказе перешла к Российской Империи.

А. С. Пушкин в черновиках «Путешествия в Арзрум» отмечал: «Черкесы очень недавно приняли магом<етанскую> веру (и еще сохранили много христианских преданий)» [Пушкин, 1937—1959, т. VIII, кн. 2, с. 1005]. Намек на недостаточную укорененность мусульманства на Кавказе содержится и в поэме Лермонтова «Аул Бастунджи», где Акбулат резко отвечает мулле на его призыв к войне против русских: «Молись себе пророку, злой мулла, // И не мешайся так в дела чужие» [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 262]. Очевидно, поэт понимал, что ислам «в полноте не определяет кавказское сознание в его время и часто воспринимается не в бытийственном, а во внешне ритуальном образе» [Киселева, 2023, с. 303]. При этом, конечно, в лермонтовской поэме перед нами появляется типично романтический герой, противопоставляющий свои страсти и свою личную жизнь установлениям среды — так же, как и герой его более поздней поэмы «Измаил-Бей», получивший русское воспитание и решившийся защищать «не родной аул», то есть не общественные устои, а «родные скалы», нечто природное и свободное по своей сути. Сородичи героя презирают его по-

сле смерти за «белый крест на ленте полосатой» [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 224], что может означать и принятие им христианства, распространенного ранее на территории Кавказа. Возможно, что именно Вельяминов во многом сформировал представления Лермонтова о духовном противостоянии магометан и русских, которые поэт преломлял через призму своих романтических представлений о личной свободе и ценности единения с природой. Имплицитно линия противостояния ислама и христианства на Кавказе заявлена Лермонтовым уже в «Черкесах», где наряду с изображением мира горцев с их клятвой «Магометом» приносить русским «смерть или мученье» [Там же, с. 10] присутствует мотив мирной жизни христиан на Кавказе, приметами которой являются «заутрень в граде дальний звон» [Там же, с. 11] и соборья народа, который «идет из церкви» [Там же]. В «Черкесах» этот христианский мир выступает как органичный для кавказского пространства, но подлежащий защите.

В своих поздних поэмах Лермонтов вводит и исторический контекст взаимодействия России и Кавказа. В «Мцыри» поэт вспоминает исторический эпизод вхождения Грузии под покровительство России: «Как, удручен своим венцом, // Такой-то царь, в такой-то год, // Вручал России свой народ» [Там же, т. IV, с. 148]. Предпосылки и само событие подробно описаны у Вельяминова: «В 1785 году грузинский царь Ираклий торжественнымъ актомъ призналъ надъ собою власть верховную Россійскихъ Императоровъ» [Вельяминов, 1830, л. 5-об]. Вельяминов останавливается и на том, как Екатерина II «включила Кавказъ въ театръ войны, которую вела тогда с Турціей» [Там же, л. 5-об], и какие последствия и отражения в настоящем это событие имело. Вельяминов справедливо сообщает, что «новое приобретѣніе поставило Россійское Правительство въ необходимость содержания постоянно за Кавказомъ отрядъ войскъ, котораго положеніе тамъ было довольно сложно» [Там же, л. 6-об], но, несмотря на это, признает необходимость усилий для удержания Россией своего влияния на Кавказе. «Великая дѣятельность нужна была въ этомъ дѣлѣ» [Там же, л. 8-об], — пишет генерал, констатируя преобладание России к Византии в охранительной по отношению к христианству роли. Мессианский пафос очерка проявляется в словах Вельяминова о том, что «многіе жители Кавказской страны продолжали смотреть на Россію как на самую надежную для себя покровительницу» [Там же, л. 3-об]. Эта же мысль в жизнеутверждающем образе содержится и в поэме Лермонтова «Мцыри»: «И божья благодать сошла // На Грузію! Она цвѣла // С тех пор в тени своих садов, // Не опасая врагов, // За гранью дружеских штыков» [Лермонтов, 1954—1957, т. IV, с. 149]).

В своем очерке Вельяминов акцентирует не только историческое и культурное влияние Турции на Кавказе, проявляющееся в распростра-

нении магометанства («Порты овладѣли умами Горцевъ, и магометанская религія продолжила быстро распространяться» [Вельяминов, 1830, л. 5]), но и возбуждаемые Турцией агрессивные настроения против христиан, в частности в конце XVIII века, когда, по свидетельству также и Пушкина, горцы «были увлечены деятельным фанатизмом магометанских миссионеров, между прочим Мансуром» [Пушкин, 1937—1959, т. VIII, кн. 2, с. 1045]. О нем пишет и Вельяминов: «...простой пастухъ, по имени Шейхъ-Мансуръ, который обходя долины Кавказа, проповѣдовалъ Коранъ и возбуждалъ Горцевъ противъ иновѣрцевъ» [Вельяминов, 1830, л. 5]. При этом Вельяминов констатирует усиление враждебности именно с активизацией проповеди ислама: «Съ того времени Кавказскіе Горцы стали питать фантастическую ненависть къ Русскимъ» [Там же, л. 5], — тогда как ранее «Черкессы и Пятигорскіе Кабардинцы жили на Терекѣ въ добромъ согласіи съ поселившимися тамъ Казаками» [Там же, л. 3-об]. «Чеченцы, — продолжает Вельяминов, — находившіеся прежде в дружественныхъ отношеніяхъ съ Казаками, начали производить непрерывные набѣги на ихъ земли» [Там же, л. 5]. Именно об этом пишет Лермонтов и в своих кавказских поэмах, и в «Герое нашего времени», и в знаменитой «Казачьей колыбельной песне», где возникает устрашающий образ чеченца, который «точит свой кинжал» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 140].

Мессианские настроения в «кавказском тексте» Лермонтова и Вельяминова связаны с пониманием ответственности Российской Империи, в которой христианство имело государствообразующую роль, за судьбу христианских народов, находящихся под угрозой утраты культурной идентичности при активной политике Османской Империи.

3.3. Гуманистический пафос «кавказского текста» Лермонтова и Вельяминова

В изложении истории Кавказа генералом Вельяминовым затрагиваются и духовные, и собственно нравственные аспекты вмешательства Турции и Персии в порядок жизни местного населения Кавказа. В частности, генерал указывает на «непомѣрное распространѣніе торговли невольниками» [Вельяминов, 1830, л. 4], приведшее к тому, что христианские народы, «кромя притѣсненій со стороны турокъ и персовъ, которымъ продолжали они непрѣстанно подвергаться» [Там же, л. 4], были подвержены «еще и давленію Горцѣвъ» [Там же, л. 4], совершавших разбойничьи набеги в целях получения наживы, в том числе через обращение христианских пленников в невольников.

Мотив невольничества становится сюжетообразующим и в «Кавказском пленнике» Пушкина, и в «Кавказском пленнике» Лермонтова, однако его жесткая модальность несколько смягчается романтической любовной

историей. Образ влюбленной черкешенки становится основным объединяющим символом и в лермонтовском «Кавказском пленнике» Лермонтова, и в «Кавказском пленнике» Пушкина. Любовь в представлении Пушкина и Лермонтова не имеет границ, она есть начало объединяющее, власть которого сильнее любых преград, силу чувства одинаково могут испытывать и горцы, и русские, а результатом вражды становится гибель чистого создания — прекрасной черкешенки. В восхищении Пушкина и Лермонтова красотой Кавказа, силой духа и доблестью населяющих его народов чувствуется надежда на безопасную гармоничную жизнь. Значимо, что Лермонтов в качестве эпиграфа к рукописи «Черкесов» берет цитату из пушкинской поэмы, акцентируя тем самым надежду на то, что «Подобно племени Батыя, // Изменит прадедам Кавказ: // Забудет брани вещий глас, // Оставит стрелы боевые...» [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 14].

Кавказская война имела в общественном сознании 1830-х годов и романтический ореол, связанный как с возможностью проявления героизма, так и с освоением экзотического пространства с его особым климатом, ландшафтом, и встречей с обществом горцев с их почти первобытным племенным устроением. Героико-романтический пафос присущ даже отдельным стихам трагического стихотворения Лермонтова «Валерик». При изображении реалий военного столкновения под Гихами и душевного опустошения от участия в ужасе смертоубийства, когда «Резались жестоко // Как звери, молча, с грудью грудь» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 171], Лермонтов передает и ностальгические настроения русских кавказцев, вспоминающих, «как при Ермолове ходили в Чечню, в Аварию, к горам» [Там же, с. 168]. Учитывая общее настроение «Валерика», проникнутого желанием душевного покоя и снижением градуса вражды горцев и русских, следует полагать, что возникающий образ генерала Ермолова оценивается поэтом в его роли умиротворяющего, приводящих к кровопролитиям бунтов. Важным для поэта оказывается его внутренняя сопричастность к этим походам, что обуславливает использование в «Валерике» разговорных синтаксических конструкций, определяемых «личным характером» [Поташова, 2023, с. 185] общения поэта с участниками ермоловских походов и отсылающих к стилю стихотворения «Бородино», в котором беседа с героем войны выполняет формообразующую роль. Как и в «Бородино», противостояние сторон лишено личностной вражды, но определяется неизбежными обстоятельствами. Но если в «Бородино» акцент делается на исполнении Божьей воли, то в «Валерике» поэтическая рефлексия представлена в аспекте осознания тщетности любых действий, вступающих в противоречие с Высшим Промыслом, понимание которого метафорически может быть передано лишь состоянием недоступных для человеческих

стоп горных вершин и ясного неба, под которым «места много всем» [Лермонтов, 1954—1957, т. II, с. 172].

При всей романтической военной героике в кавказском творчестве Лермонтова всегда проходила линия желания мирного сосуществования горцев и русских. Эти же надежды высказывает и генерал Вельяминов. Свой очерк он подытоживает рассказом об усмирении мятежа генералом Ермоловым в «долинах Аргуна и Сунжи» [Вельяминов, 1830, л. 8-об] и изложением последующих событий: «лезгины спѣшили покориться, ханъ Аварскій и вольныя общества Акушинцева снова присягнули Россіи» [Там же, л. 8-об]. Вельяминов делает акцент на том, что последующие командующие русскими войсками на Кавказе также способствовали «водворенію тишины и порядка между Кавказскими жителями, покорившимися Россіи и усмирению непокоренныхъ» [Там же, л. 9]. Свою деятельность Вельяминов скромно скрывает под выражением: «Такие самые дѣла и продолжаютъ дѣлать его преѣмники» [Там же, л. 9-об]. На этой же ноте заканчивает и Лермонтов свою первую кавказскую поэму «Черкесы»: «Близ стана русский часовой; // Везде господствует покой» [Лермонтов, 1954—1957, т. III, с. 15].

Гуманистический пафос «кавказского текста» Лермонтова и Вельяминова связан с пониманием миротворческой роли Российской Империи на Кавказе. Охранительная роль России по отношению к кавказским народам определяется как ее интересами спокойствия на своих восточных границах, так и пониманием духовной ответственности за единомышленников, лишившихся поддержки Византии в результате экспансии Турции.

4. Заключение = Conclusions

Кавказское творчество Лермонтова являет собой диалектику историко-философских воззрений поэта в связи с осмыслением им феномена русской государственности и «восточного вопроса» в аспекте русско-кавказского диалога. Формирование кавказской историософии Лермонтова происходило под значительным влиянием героев войны 1812 года и участников кавказских походов из круга генерала А. П. Ермолова, где особое место занимал А. А. Вельяминов, друзьями которого были родственники Лермонтова А. А. Столыпин и П. И. Петров. Возможность личных встреч Лермонтова с Вельяминовым, их общий круг общения дают почву для сближений как типологического, так и генетического характера в отношении кавказских текстов каждого из них и их трактовок кавказского вопроса. Свои взгляды генерал Вельяминов наиболее объемно изложил в очерке «История Кавказа», который представляет собой не только развернутую, богатую важными подробностями хронику, но и размышления над причинами обострения отношений между русскими и горцами на

различных этапах истории. Рефлексия Вельяминова и Лермонтова кавказских событий сходится в понимании охранительного по отношению к христианской культуре характера миссии России на Кавказе и стабилизирующей миротворческой роли русских в связи с активизацией турецкой экспансии и распространением ислама. Но вместе с развитием идеи противостояния христианской традиции и магометанства Лермонтов и Вельяминов понимают необходимость установления мирных отношений, отвечающих идее человеколюбия и культуре взаимодействия. И у Лермонтова, и у Вельяминова явно прослеживается мысль о необходимости установления благоприятных условий для мира на Кавказе и спокойствия на восточной границе Российской Империи.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Броневский С. М.* Новейшая географическая и историческая известия о Кавказе : в 2-х т. / С. М. Броневский. — Москва : В типографии С. Селивановского, 1823.
2. *Вельяминов А. А.* История Кавказа [Рукопись] : очерк, начало / А. А. Вельяминов. — [Б. м.], 1830-е — 10 [1 ч.] л. — НИОР РГБ. — Ф. 178.1 к. 11148 ед. 10.
3. *Вельяминов А. А.* Материалы о положении и действиях русских войск на Кавказе и мерах по их активизации [Рукопись писарская] / А. А. Вельяминов. — 1832—1833. — 79 [1 ч.] л. — НИОР РГБ. — Ф. 178.1 К. 11148, ед. 11.
4. *Ермолов А. П.* Записки. 1798—1826 гг. / А. П. Ермолов. — Москва : Высшая школа, 1991. — 463 с.
5. *Жиркевич И. С.* Записки Ивана Степановича Жиркевича / И. С. Жиркевич // Русская старина. — 1874. — Т. XII. — С. 642—664.
6. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения : В 6-ти томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1954—1957.
7. *Мамышев В. Н.* Вельяминов А. А. Биография его. Материалы к биографическим работам. [Рукопись] / В. Н. Мамышев. — [Б. м.], 1870. — ОР РНБ. Ф. 608. ед. 2912.
8. *Н. Ш.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны / Материалы о положении и действиях русских войск на Кавказе и мерах по их активизации // Кавказский сборник. — 1883. — Т. VII. — С. 1—157.
9. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937 : В 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937—1959.
10. *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания русского офицера / Ф. Ф. Торнау. — Москва : АИРО-XX, 2008. — 456 с. — ISBN 5-887-35-093-8.
11. *Филипсон Г. И.* Воспоминания. 1837—1847 / Г. И. Филипсон // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. — Санкт-Петербург : Звезда, 2000. — 683, [2] с. — ISBN 5-94214-001-4.

Литература

1. Беличенко Ю. Н. Лета Лермонтова : документальное повествование о биографии великого поэта, ее загадках и темных местах / Ю. Н. Беличенко. — Москва : Московские учебники и картолитография, 2001. — 351 с. — ISBN 5-7853-0219-5.
2. Гроссман Л. П. Лермонтов и культуры Востока / Л. П. Гроссман // М. Ю. Лермонтов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1941. — С. 673—744.
3. Дурылин С. Н. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. — Москва : Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. — 260 с.
4. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества Михаила Юрьевича Лермонтова / В. А. Захаров. — Москва : Центрполиграф, 2017. — 798 с. — ISBN 978-5-227-07253-5.
5. Киселева И. А. Кавказский мир в контексте размышлений М. Ю. Лермонтова о человеке и судьбах истории / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 294—309. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309.
6. Киселева И. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте / И. А. Киселева, К. А. Поташова, Е. А. Сеченых // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 264—279. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.
7. Кошелев В. А. Восток — Север : Кавказ / В. А. Кошелев // В книге : М. Ю. Лермонтов : Историческая мифология. Исследования и материалы. — Великий Новгород-Тверь : Издательство Марины Батасовой, 2014. — С. 207—273. — ISBN 978-5-903728-76-3.
8. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. — Ленинград : Наука, 1985. — С. 5—22.
9. Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова / В. А. Мануйлов. — Москва-Ленинград : Наука, 1964. — 198 с.
10. Махлевич Я. Л. «И Эльбрус на юге...» / Я. Л. Махлевич. — Москва : Советская Россия, 1991. — 184 с. — ISBN 5-268-00913-3.
11. Попов А. В. Лермонтов на Кавказе / А. В. Попов. — Ставрополь : Кн. изд-во, 1954. — 223 с.
12. Поташова К. А. Батальная поэтика М. Ю. Лермонтова / К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 176—195. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183.
13. Сахаров А. А. Вельяминов Алексей Александрович / А. А. Сахаров // М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. — Москва : Индрик, 2014. — С. 595—597. — ISBN 978-5-91674-311-1.
14. Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе / Л. П. Семенов. — Пятигорск : Орджоникидзевское краев. изд-во, 1939. — 224 с.
15. Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 47—57. — DOI: 10.17223/18137083/53/6.
16. Черейский Л. А. Вельяминов / Л. А. Черейский // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : Советская Энциклопедия, 1981. — С. 82.
17. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1—1. — С. 1127.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

- Bronevsky, S. M. (1823). *The latest geographical and historical news about the Caucasus: in 2 volumes*. Moscow: In the printing house of S. Selivanovskago. (In Russ.).
- Ermolov, A. P. (1991). *Notes. 1798—1826*. Moscow: Higher School. 463 p. (In Russ.).
- Lermontov, M. Y. (1954—1957). *Works: In 6 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Mamyshev, V. N. (1870). *Velyaminov, A. A. His biography. Materials for biographical works. [Manuscript]*. [B. M.]. OR RNB. F. 608. unit 2912. (In Russ.).
- N. S. (1883). General Velyaminov and his significance for the history of the Caucasian War. Materials on the situation and actions of Russian troops in the Caucasus and measures to activate them. *Caucasian Collection, VII*: 1—157. (In Russ.).
- Philipson, G. I. (2000). Memoirs. 1837—1847. In: *The Siege of the Caucasus. Memoirs of participants of the Caucasian war of the XIX century*. Saint Petersburg: Zvezda. 683, [2] p. ISBN 5-94214-001-4. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1937—1959). *Complete works, 1837—1937: In 16 volumes*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tornau, F. F. (2008). *Memoirs of a Russian officer*. Moscow: AIRO-XX. 456 p. ISBN 5-887-35-093-8. (In Russ.).
- Velyaminov, A. A. (1830s). *History of the Caucasus [Manuscript]: essay, beginning*. [B. M.]. 10 [1 h.] l. R&D RSL. F. 178.1 K. 11148 units 10. (In Russ.).
- Velyaminov, A. A. (1832—1833). *Materials on the situation and actions of Russian troops in the Caucasus and measures to activate them [Pisarskaya manuscript]*. 79 [1 h.] l. Research Institute of RSL. F. 178.1 K. 11148, unit 11. (In Russ.).
- Zhirkevich, I. S. (1874). Notes of Ivan Stepanovich Zhirkevich. *Russian antiquity, XII*: 642—664. (In Russ.).

References

- Belichenko, Yu. N. (2001). *Leta Lermontova: a documentary narrative about the biography of the great poet, its riddles and dark places*. Moscow: Moscow textbooks and cartolithography. 351 p. ISBN 5-7853-0219-5. (In Russ.).
- Chereisky, L. A. (1981). Velyaminov. In: *Lermontov Encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 82. (In Russ.).
- Durylin, S. N. (1940). “Hero of our time” M. Y. Lermontov. Moscow: Educational and Pedagogical Publishing House of the People’s Commissariat of the RSFSR. 260 p. (In Russ.).
- Grossman, L. P. (1941). Lermontov and cultures of the East. In: *M. Yu. Lermontov*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 673—744. (In Russ.).
- Khodanenko, L. A. (2015). The cultural concept “Caucasus” and its text—forming role in the works of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov. *Siberian Philological Journal*, 4: 47—57. DOI: 10.17223/18137083/53/6. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2023). Caucasus in Context: M. Yu. Lermontov’s Reflections on Man and Fate of History. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 294—309. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-294-309> (In Russ.).
- Kiselyova, I. A., Potashova, K. A., Sechenych, E. A. Creative History of M. Yu. Lermontov’s Poem “Dispute” (1841) in Cultural and Historical Context. *Nauchnyi dialog*, 10: 264—279. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-264-279>. (In Russ.).

- Koshelev, V. A. (2014). East — North: Caucasus. In: *In the book: M. Y. Lermontov: Historical mythology. Research and materials*. Veliky Novgorod-Tver: Marina Batasova Publishing House. 207—273. ISBN 978-5-903728-76-3. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1985). The problem of East and West in the work of the late Lermontov. In: *The Lermontov Collection*. Leningrad: Nauka. 5—22. (In Russ.).
- Makhlevich, Ya. L. (1991). “*And Elbrus in the south ...*”. Moscow: Soviet Russia. 184 p. ISBN 5-268-00913-3. (In Russ.).
- Manuilov, V. A. (1964). *Chronicle of the life and work of M. Y. Lermontov*. Moscow-Leningrad: Nauka. 198 p. (In Russ.).
- Popov, A. V. (1954). *Lermontov in the Caucasus*. Stavropol: Publishing house. 223 p. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2023). Battle poetics of M. Y. Lermontov. *Problems of historical poetics*, 21 (2): 176—195. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12183. (In Russ.).
- Sakharov, A. A. (2014). Velyaminov Alexey Alexandrovich. In: *M. Yu. Lermontov. Encyclopedic dictionary*. Moscow: Indrik. 595—597. ISBN 978-5-91674-311-1. (In Russ.).
- Semenov, L. P. (1939). *Lermontov in the Caucasus*. Pyatigorsk: Ordzhonikidze region. publishing house. 224 p. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2015). Essay “Caucasian” in the context of the work of M. Y. Lermontov. *Modern problems of science and education*, 1—1: P. 1127. (In Russ.).
- Zakharov, V. A. (2017). *Chronicle of the life and work of Mikhail Yuryevich Lermontov*. Moscow: Tsentrpoligraf. 798 p. ISBN 978-5-227-07253-5. (In Russ.).

*The article was submitted 12.09.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Константинова Н. В. Специфика авторской стратегии в женских тревелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Свербеевой) / Н. В. Константинова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 293—310. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-293-310.

Konstantinova, N. V. (2023). Specificity of Authorial Strategy in 19th Century Women's Travelogues: A Study of E. A. Sverbeeva's Travel Diary. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 293-310. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-293-310. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-293-310

Специфика авторской стратегии в женских тревелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Свербеевой)

**Константинова
Наталья Владимировна**
orcid.org/0000-0002-7329-9977
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русской
и зарубежной литературы, теории
литературы и методики обучения
литературе
scribe2@yandex.ru

Новосибирский государственный
педагогический университет
(Новосибирск, Россия)

Specificity of Authorial Strategy in 19th Century Women's Travelogues: A Study of E. A. Sverbeeva's Travel Diary

Natalia V. Konstantinova
orcid.org/0000-0002-7329-9977
PhD in Philology,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
Literary Theory, and Literature
Teaching Methodology
scribe2@yandex.ru

Novosibirsk State
Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению феномена женского письма и специфики его репрезентации в жанре травелога. Впервые изучается «Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год» в контексте эволюции женского документального травелога XIX века в аспекте проблемы автора. Установлено, что путевой дневник Е. А. Свербеевой выражает основные тенденции эволюции «женского письма» в 30-е годы XIX века. Выявлено, что дневник Екатерины Александровны демонстрирует сосредоточенность на Я, на способах самовыражения, самоанализа и самопознания. При этом Я — это четко выраженное женское Я, что проявляется и в отборе объектов реальной действительности для описания путешествия, и в способах их характеристики. В качестве индивидуальной авторской стратегии можно выделить и сочетание элементов личного дневника и путевого, в то время как чаще всего путешественницы дифференцировали эти варианты записей, даже обозначая в тексте путевого дневника его принципиальное отличие от личного. Анализ биографической основы дневника и способов выражения Я в структуре повествования позволяет выявить сочетание разных точек зрения — светской дамы, «чувствительной героини», матери, замужней женщины, что отражает основные тенденции развития «женского письма» в историко-литературном процессе XIX века.

Ключевые слова:

авторская стратегия; травелог; женское письмо; путевой дневник; субъект повествования.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the interpretation of the phenomenon of women's writing and its representation in the genre of travelogue. For the first time, the 'Diary of E. A. Sverbeeva for 1833' is studied in the context of the evolution of women's documentary travelogue in the 19th century, focusing on the issue of authorship. It is established that E. A. Sverbeeva's travel diary expresses the main tendencies of the evolution of 'women's writing' in the 1830s. It is revealed that Ekaterina Alexandrovna's diary demonstrates a focus on the self, on modes of self-expression, self-analysis, and self-discovery. At the same time, the self is clearly expressed as a feminine self, which is manifested in the selection of objects from real life for describing the journey and in the ways they are characterized. As an individual authorial strategy, a combination of elements of a personal diary and a travelogue can be identified, while more often female travelers differentiated these types of entries, even designating the fundamental difference between them in the text of the travel diary. The analysis of the biographical basis of the diary and the ways in which the self is expressed in the narrative structure allows for the identification of a combination of different perspectives — that of a society lady, a 'sensitive heroine,' a mother, a married woman — reflecting the main tendencies in the development of 'women's writing' in the historical-literary process of the 19th century.

Key words:

Authorial strategy; travelogue; women's writing; travel diary; narrative subject.

Специфика авторской стратегии в женских травелогах XIX века (на материале путевого дневника Е. А. Свербеевой)

© Константинова Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Феномену женского письма в современном литературоведении все чаще уделяется внимание. В связи с этим активно разрабатываются гендерные исследования, в которых наблюдается интерес к интерпретации «женской литературы» в целом, специфики творчества отдельных, наиболее популярных писательниц XIX века, выявляются отличительные характеристики дискурса и поэтики произведений, особенности и приметы женского творчества.

В качестве объектов изучения учеными выбираются не только художественные произведения (романы, повести), но и автобиографическая проза (письма, дневники, мемуары). Именно в таких текстах обнаруживаются важные особенности женского письма и способы выражения женского сознания. Так, в одной из своих работ, посвященных женскому письму, И. Л. Савкина отмечает: «Автодокументальные жанры — письма, дневники, воспоминания и т. п. — это своего рода разговоры с зеркалом, со своим другим Я, отчужденным и возвращенным себе. Женщины пишут, осуществляясь в акте письма; увидев себя в зеркале и Зазеркалье автотекста, они воссоздают себя, утверждая: “я есть, я пишу, значит — существую”» [Савкина, 2007, с. 2].

На наш взгляд, обращение к анализу дневника является продуктивным и актуальным способом изучения феномена женского письма, так как позволяет акцентировать внимание на выявлении специфики авторской стратегии, способов моделирования Я в процессе самоописания. Вопрос о том, как выражается Я в женском дневнике, является дискуссионным в современных научных исследованиях. Во-первых, в целом в процессе анализа любых документальных (автодокументальных) текстов обсуждается, как соотносится субъект повествования с автором, насколько идентичны автор, чье имя обозначает реальную личность, и повествователь / рассказчик. Во-вторых, речь идет о способах создания идентичности, самоконцепции личности, версии своей жизни, своего Я в текстах такого рода. В-третьих,

выявляются причины, факторы, которые влияют на формирование модели субъекта повествования в дневнике. Как показывают результаты некоторых исследований, именно анализ способов выражения Я в женском дневнике позволяет ответить на эти вопросы. Так, И. Л. Савкина полемизирует с М. Ю. Михеевым, фиксируя расхождения, связанные с интерпретацией субъекта дневникового письма. По мнению Михеева, этот субъект является готовым, фиксированным; его идентичность существует до начала акта письма. Автор дневника лишь «документирует свою идентичность, непрерывность своего Я» [Михеев, 2007, с. 16]. Позиция исследовательницы женских дневников заключается в том, что в процессе письма происходит постоянное, непрерывное моделирование Я, субъект повествования представлен в процессе, в связи с чем дневник воспринимается не как способ самоописания, а как «средство самописания» [Савкина, 2007, с. 16].

Принципиально поддерживая точку зрения И. Л. Савкиной, обратим внимание на специфику женского путевого дневника, который крайне редко становится объектом исследования в аспекте проблемы автора, в то время как именно травелог в большей степени сосредоточен на личности путешественника, способах выражения Я в процессе восприятия нового пространства. Соответственно, *актуальность* осмысления феномена женского письма и специфики его репрезентации в жанре травелога очевидна и обусловлена необходимостью его целостного изучения в историко-литературном контексте.

Объект нашего исследования — женские травелоги XIX века (на примере путевых дневников); **предмет** — специфика авторской стратегии, способы выражения Я в структуре повествования женского путевого дневника. В связи с актуализацией интереса отечественной гуманитаристики к феномену женского письма [Белова, 2016; Вьолле, Гречаная, 2006; Куприянов, 2002; Лежен, 2006; Михайлова, 2011; Михеев, 2007; Пензина, 2009; Попова, 2020; Савкина, 2007, 2008; Стефко, 2010; Строганова, 2002, 2019; Шатохина, 2019; Шоре, 1999, 2000] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается не только обширный пласт женской художественной литературы, но требуют детального изучения способы репрезентации женского Я в автодокументальной прозе. *Научная новизна* настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые целостный анализ женского путевого дневника в аспекте проблемы автора позволит, во-первых, расширить научное представление о своеобразии женского письма в целом; во-вторых, выявить индивидуальные и общие способы моделирования субъекта повествования в документальном травелоге; в-третьих, охарактеризовать приметы женского Я в путевого дневнике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составил путевой дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год, описывающий ее путешествие с мужем Д. Н. Свербеевым и старшим сыном Николаем в Германию и Швейцарию. Текст этого дневника долгое время хранился в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) среди бумаг, принадлежащих родовому архиву Тургеневых, а затем был переведен с французского языка на русский и опубликован С. Р. Долговой. Отмечается, что он был скопирован для А. И. Тургенева и хранился до официальной публикации в его личном архиве. В связи с этими обстоятельствами текст путевого дневника Е. А. Свербеевой впервые становится материалом литературоведческого исследования.

В статье автор использовал следующие *методы исследования*: структурно-семиотический и герменевтико-интерпретационный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание авторских стратегий в документальном травелоге Е. А. Свербеевой.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения феномена «женского письма» в лингвистике, истории, культурологии [Баженова, 2001; Белова, 2016; Куприянов, 2002; Лежен, 2006; Михайлова, 2011; Михеев, 2007; Стефко, 2010], а также литературоведческие работы, в которых рассматриваются не только особенности художественной женской прозы, но и специфика женского Я в автодокументальных жанрах [Гречаная, 2001, 2005; Вьолле, Гречаная, 2006; Пензина, 2009; Попова, 2020; Савкина, 2007, 2008; Строганова, 2002, 2019; Шатохина, 2019, Шоре, 1999, 2000].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы XIX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных женской прозе, феномену женского письма, документальному травелогу. В частности, этот материал может быть использован при изучении эволюции путевой прозы XIX века в контексте историко-литературного процесса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика изображения женского Я в путевых дневниках XIX века. История вопроса

Изучению специфики женского авторского начала в жанре травелога не уделяется особого внимания, так как в большей степени привлекает исследователей романное повествование и поэтические жанры. Однако именно в путевой прозе, на наш взгляд, в большей степени проявляется специфика индивидуально-авторской стратегии, так как личность автора

определяет и выбор объектов реальности, и способы их описания, логику построения маршрута и принципы изображения субъекта повествования.

На этом фоне в аспекте анализа проблемы автора выделяются автодокументальные жанры (дневник, записки, мемуары, письма, семейная хроника и др.), которые демонстрируют различные способы моделирования авторского Я в структуре повествования. При этом исследователи женского творчества придерживаются разных мнений о том, насколько выбор жанра определяется спецификой авторской стратегии. М. Ю. Попова отмечает, что использование автодокументальных жанров «говорит, скорее, не об отличиях жанровых предпочтений писателей-женщин от писателей-мужчин, но, наоборот, о включенности их творчества в общелитературный (в том числе жанровый и стилевой) контекст» [Попова, 2020, с. 26]. По мнению О. В. Пензиной, именно «сопротивление мужскому наставничеству подтверждает факт становления женского письма» [Пензина, 2009, с. 65]. В отдельных случаях указывается, что тенденция активно выражать свое Я становится характерной чертой женской литературы только в конце XIX века, что «проявлялось в отказе женщин авторов от мужских псевдонимов, в пристрастии к жанру повести-дневника, повести, состоящей из писем, к повествованию от первого лица с концентрацией внимания на внутреннем мире героини» [Михайлова, 2011, с. 126]. Однако популярность путевого дневника как способа самовыражения для женщин уже с середины XIX века фиксируется в рассуждениях о том, как отражение и осмысление европейской жизни российскими путешественниками нашло свое воплощение в источниках личного происхождения [Шатохина, 2019, с. 116]. Несмотря на следование определенному чувствительному «коду» эпохи, «карамзинскому канону», «самовыражение» происходило в путевых дневниках зачастую в процессе восприятия «чужого».

Примером исследования, в котором в качестве материала используют тексты одной жанровой формы, является работа А. П. Гречаной, посвященная анализу путевого дневника (в большей степени женского) как формы самосознания. По мнению исследовательницы, «личность автора зачастую скрыта за безличной регистрацией увиденного и то же время намечается как бы пунктиром благодаря отбору того, что представляется достойным внимания, ритму записей, их особой логике, наконец, общей интонации» [Гречаная, 2005, с. 311]. Интересным результатом такого способа исследования является обнаружение конкретных вариантов форм авторского присутствия. В качестве способов авторского самовыражения Е. П. Гречаная выделяет следующие варианты: соотношение форм Я и МЫ, представление своей жизненной позиции, ситуации через описание чужой истории; выражение индивидуально-личного отношения к «чужо-

му» миру через социально ориентированную точку зрения, при этом выбор объектов чужого пространства для описания обусловлен личными политическими, идеологическими убеждениями.

Кроме того, исследователь выделяет факт сохранения в путевых дневниках XIX века тенденции — нежелания говорить «все», характерной для дневников XVIII века. Примечательно, что эта установка проявляется в размышлениях авторов при сопоставлении «обычных» дневников и путевых. В рассуждениях Н. В. Шаховской отмечены различия этих форм: «... путевой дневник не столь интимен, как тот, который ведется при оседлом образе жизни, на родине, когда имеешь дело с личными чувствами и мыслями, источник коих — ваша внутренняя жизнь. Путевой дневник — полностью внешний, в нем описываются только впечатления от внешних объектов» [Гречаная, 2005, с. 319]. Таким образом, анализ динамики форм авторского самовыражения в путевых дневниках XVIII века и первой трети XIX века позволяет сделать вывод о существовании к середине XIX века двух противоположных тенденций — авторского самоограничения и самовыражения. Также отмечается, что акцент на собственной индивидуальности в большей степени усиливается в дневниках молодых девушек, более склонных к самоутверждению в силу предписанных им регламентированных правил поведения.

Безусловно, чаще объектом исследования становится женский дневник личный, в котором отражаются разные способы самопрезентации в зависимости от целей его создания. В качестве предметов изучения — как в русской научной традиции, так и в зарубежной — выступают способы коммуникации, соотношение Я и МЫ, Я и ТЫ в структуре повествования. На этом фоне и выделяются особенности именно женского дневника, на которые важно ориентироваться и в процессе анализа женского путевого дневника. Однако в монографическом исследовании И. Л. Савкиной, посвященном не только дневникам, но и другим автобиографическим жанрам, актуализируются вопросы, позволяющие более подробно изучить процесс авторского моделирования структуры повествования в женском тексте. Там, в частности, выявляется значимость соотношения в женском дневнике не только форм Я и МЫ, но и Я и ТЫ, устанавливается, как моделируется женское Я, какую роль / роли женщина выбирает для себя (определенный социальный тип, культурный феномен, писательский шаблон), как эта роль влияет на построение коммуникации с воображаемым другим, ТЫ, с собой, как тогда строится автокоммуникация. Обнаружение сосредоточенности на процессе создания / анализа / презентации Я в женском дневнике позволяет определить в качестве ключевой цели создания текста самописание, а не самоописание, сосредоточенность на самой деятельности, а не на результате.

3.2. «Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год» как путевой дневник. Биографическая основа

Автором представленного для анализа дневника является Екатерина Александровна Свербеева, рожденная княжна Щербатова (1808—1892). В 1827 году в Москве она выходит замуж за Дмитрия Николаевича Свербеева. Путевой дневник Свербеевой посвящен путешествию в Германию и в Швейцарию в 1833 году с мужем и сыном Николаем, первым ребенком, которому на тот момент было 3 года. Как отмечается С. Р. Долговой, опубликовавшей текст травелога, дневник Свербеева начала вести специально в связи с предстоящим путешествием. Это важное семейное событие отражается и в записках мужа, Д. Н. Свербеева, о чем упоминает Т. В. Медведева в своем научном исследовании о нем [Медведева, 2015]. Указанный факт свидетельствует и о значимости поездки для обоих супругов, и о близости их интересов. Много биографических свидетельств сохранилось о литературном салоне Свербеевых, так называемых «свербеевских пятницах» в доме на Тверском бульваре в Москве, которые стали частью истории русской культуры 40-х годов XIX века. При этом, безусловно, ключевой фигурой в различных изданиях является Дмитрий Николаевич Свербеев, в то время как его жена, Екатерина Александровна, активно общалась, переписывалась с известными писателями того времени: А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским. В дневнике Елизаветы Ивановны Поповой отмечается, что современников в Екатерине Александровне привлекала «прекрасная наружность, вдохновившая восторженные строфы Баратынского и Языкова, ум и образованность, собиравшие вокруг нее лучших представителей современной литературы и науки, приветливый нрав, располагавший к ней всякого» [Попова, 1911, с. 13].

Дневниковые записи Е. А. Свербеевой были написаны по-французски (как и большинство дневников дворянок этого периода), а затем скопированы. Благодаря деятельности Н. Б. Востоковой и С. Р. Долговой, они были найдены в архиве, описаны и впоследствии опубликованы. Кроме того, С. Р. Долгова в комментарии к публикации дневника отмечает, что «публикуемый ниже дневник Е. А. Свербеевой был скопирован для А. И. Тургенева и хранился до настоящего времени непрочитанным в его личном архиве. Назовем его “Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год”» [Долгова, 1999, с. 11].

Таким образом, опираясь на имеющиеся биографические данные, можно сделать вывод о том, что путевой дневник Е. А. Свербеевой имеет в своей основе реальное событие путешествия — поездку из Москвы в Санкт-Петербург, затем в Германию и Швейцарию в 1833 году. Кроме того, имеется и условный адресат путевых записок — А. И. Тургенев, для которого

была сделана копия в виде тетради — дневниковых записей, написанных по-французски. Факт существования путевого дневника Е. А. Свербеевой подтверждается косвенно и при изучении записок Д. Н. Свербеева, что свидетельствует о том, что муж был знаком с записями жены об их совместном путешествии.

3.3. Авторские стратегии в путевом дневнике Е. А. Свербеевой за 1833 год

В определенной степени в структуре повествования путевого дневника А. Е. Свербеевой встречаются особенности, указанные Т. В. Медведевой относительно записок Д. Н. Свербеева: «Встреченные в пути люди становятся для Свербеева опорными точками повествования, едва ли не самым интересным из всего, увиденного в пути. И соблюдая формально порядок повествования от “места к месту”, мемуарист создает параллельно повествование “от человека к человеку”, наполняя рассказ о путешествии живыми персонажами» [Медведева, 2015, с. 37—38]. В этом путевой дневник его жены тоже выделяется, так как она подробно описывает попутчиков, которые у нее вызывают живой интерес. Таким способом уже и проявляется женский подход к выбору объектов описания. Кроме того, что чаще в фокусе ее внимания оказываются все же женские персонажи (известные светские дамы, популярные певицы и актрисы, женщины с необычной судьбой), делается акцент на описании внешнего вида объектов и людей, категории эстетического. Объективная реальность переводится в план субъективный, чувствительный, подробно описывается, какие чувства и переживания вызывают здания, элементы ландшафта, пейзажа, внешние особенности людей. При этом чаще фиксируются контрастные характеристики, сочетание позитивного и негативного, красивого и безобразного, темного и светлого.

Наиболее показательным примером выступает фрагмент, в котором описана Петропавловская крепость: «Мы высадились у *изящного* (здесь и далее курсив наш. — Н. К.) дома Кикина, вид на Неву. Дом находится на набережной — видны Биржа, порт, корабли, из крайних правых окон — Петропавловская крепость, *как черная мысль*, она портит такой *прекрасный вид* на Неву. В течение дня Нева меняет свой облик 3 или 4 раза, *спокойная, она прекрасна*, здесь и там плывут лодки, однако, в день нашего приезда *она была черной*» [Свербеева, 1999, с. 12]. Черный как типичный элемент цветовой характеристики метафоризируется, используется как средство выражения субъективного оценочного эмоционального суждения об объекте пространства. Интересно, что Петропавловская крепость в восприятии путешественницы «портит прекрасный вид» на Неву, которая была черной в этот момент. Оппозиции прекрасное и безобразное, светлое и темное утрачивают свои прежние значения и становятся средством вы-

ражения психологического состояния субъекта повествования в путевом дневнике. Авторское Я выражает себя не только в отборе объектов пространства, но и в способе их описания.

Постоянным, даже нарочито часто повторяющимся эпитетом в характеристике объектов реальности в дневнике Е. А. Свербеевой становится вариант *красивый*. Повышенная частотность использования этого слова манифестирует концентрацию внимания женского сознания на эстетической стороне реальности: все оценивается посредством включенности в оппозицию «красивый — некрасивый». Чаше в качестве объектов такой оценки выступают люди, случайные попутчики или знакомые ранее: «Только в Твери к нам присоединился попутчик, барон Тизенгаузен, *красивый мужчина*, в остальном *личность незначительная*» [Свербеева, 1999, с. 12]; «Встретили Пушкина, пошли вместе с ним, он упрекал нас в пристрастии Москвы к Каратыгину, потом он покинул нас, чтобы искать свою жену, позднее мы встретили ее с Вяземским. *Ее красота поразила меня, никогда еще ее лицо так не поражало меня; на мгновение я остановилась в оцепенении*» [Свербеева, 1999, с. 13]. Эпитет *красивый* часто используется и в повествовании о разных объектах действительности: «В семь часов вечера были с Вяземскими на островах, у решеток Елагина острова играла музыка, много народа, *красивых женщин* <...> Любопытное место эти решетки, *острова красивые*, особенно парк Елагина острова, *дикая красота* Крестовского, дорога в лесу <...> Закончили вечер у Вяземских <...> граф Вильегорский спел несколько *красивых арий*» [Свербеева, 1999, с. 13].

Особое внимание в дневнике Свербеева уделяет описанию своего физического и психологического состояния. В этом отношении выделяются черты «карамзинского канона», которые в большей степени выражаются в стремлении субъекта повествования акцентировать свою чувствительность, повышенную эмоциональную восприимчивость к объектам и событиям реальности. В качестве постоянной «чувствительной доминанты» выявляется состояние тоски, грусти, страдания, которое даже осознается и рефлексировается субъектом в тексте: «Оставалась дома, была больна, сильно *страдала*» [Свербеева, 1999, с. 12]; «Остаток вечера из-за этого я провела *в тихой грусти, мое сердце часто охвачено этим чувством* ...» [Свербеева, 1999, с. 14]; «... мы отплываем, *грустное* прощание, *трудно пережить* этот момент, когда удаляется берег и затихают вдали прощальные крики, у меня было *тяжело на сердце*» [Свербеева, 1999, с. 15]. Благодаря обнаружению (и выражению) такого эмоционального фона, в тексте путевого дневника создается узнаваемый читателем XIX века портрет «чувствительного путешественника», воспринимающего мир сквозь призму литературных шаблонов. Даже противоположное грусти чувство

радости воспринимается и оценивается (комментируется в тексте) в соотношении с ним: «...у почтальона было для меня 2 письма, оба — от маман. Я так разволновалась от радости, что не могла двинуться с места, какое это счастье — известия, это были *мгновения восторга*, весь вечер я была взволнована, *потрясена радостью, как горем*, настоящая *сюита радости*» [Свербеева, 1999, с. 27].

В некоторых случаях женское Я субъекта повествования проявляется в демонстрации чрезмерной чувствительности, экзальтированности в ситуации восприятия объектов реальной действительности. В связи с этим в тексте травелога появляются фрагменты, в которых предметом описания является саморефлексия Я по поводу своего эмоционального состояния. Приведем наиболее показательные примеры: «Я присела на скамейку, чтобы наслаждаться этим видом, таким величественным, и я обрела спокойствие, охватившее *все мое существо*, я не могла вымолвить ни слова, *это было высшее блаженство! Никаким земным языком нельзя было выразить то, что я чувствовала в этот момент*» [Свербеева, 1999, с. 42]; «Неповторимая красота! О, Швейцария! <...> Погода была божественна. *Я впала в состояние полного блаженства*» [Свербеева, 1999, с. 45]. Обращает на себя внимание и степень концентрации в тексте формы Я, что демонстрирует сосредоточенность субъекта повествования на собственной персоне, желание выразить себя, свой внутренний мир. Однако выбор стиля высказывания, лексических единиц свидетельствует о зависимости от литературных шаблонов сентиментальной / романтической традиции.

Несмотря на то, что в путевом дневнике Е. А. Свербеевой неоднократно упоминается факт путешествия ее как молодой женщины с семьей, мужем и сыном, никогда субъект повествования не позиционирует свои отношения с мужем, не подвергаются рефлексии социальная роль замужней женщины, собственные чувства и переживания любовного характера. При этом неоднократно появляются в путевом дневнике описания, репрезентирующие точку зрения матери, а именно реакции на поведение Николеньки, отношение окружающих людей к ее сыном. Ребенок, как правило, представлен со стороны, в ситуации общения с другими людьми, не с матерью. Роль матери же становится своеобразным объектом саморефлексии, способом понять свое отношение к детям в целом, к Николеньке в частности. Детское начало проявляется в женском Я субъекта повествования в том, что она постоянно упоминает о своих близких, маменьке, стремится написать им письмо, ждет с нетерпением ответа: «...у почтальона было для меня 2 письма, *оба — от маман*. Я так разволновалась от радости, что не могла двинуться с места» [Свербеева, 1999, с. 27]. А. В. Белова, исследуя специфику женской эпистолярной культуры XIX века, отмечает ее тесную связь с материнским воспи-

танием и письмом путешественника, что и определяет совмещение разных точек зрения в структуре повествования женского травелога [Белова, 2016]. Роли дочери и путешественницы, совмещаясь в одном контексте, демонстрируют соотнесенность личного и социального.

3.4. Самопрезентация женского Я через описание чужой истории в путевом дневнике Е. А. Свербеевой. Функция роли читательницы

Выявление в путевом дневнике Е. А. Свербеевой элементов «карамзинского канона» позволяет определить способы выражения женского Я через описание чужой — личной или литературной — истории. Как уже было отмечено выше, молодая замужняя женщина не описывает в дневнике свои личные любовные переживания. Отмечается, что этот дневник был создан исключительно для того, чтобы описывать заграничное путешествие в Европу, в связи с чем он строится как объективное подробное ежедневное (указаны даты, дни недели, иногда даже фиксируется точное время события) описание точек маршрута. Однако принцип повествования «от места к месту» является скорее эксплицитным, как дань традиции, а внутри, параллельно, развивается повествование о духовной жизни женского Я, личных впечатлениях, эмоциональных переживаниях, «жизни души» в духе «карамзинского канона». Таким образом, можно утверждать, что дневник Е. А. Свербеевой, претендуя на статус только путевого дневника, все же имплицитно выполняет функцию личного дневника, раскрывающего внутреннюю жизнь субъекта повествования, женского Я.

Отсутствие сведений о личной судьбе (женской истории) компенсируется в дневнике Свербеевой разнообразными описаниями чужих конкретных реальных историй, философскими размышлениями общего характера о женской судьбе в целом. Фактически эти вставные рассказы выполняют функцию зеркала для самоописания (самописания) женского Я в дневнике. Так, многочисленные упоминания о собственных страданиях, связанных со слабым здоровьем, коррелируют в тексте путешественницы с описанием состояния ее близких друзей или новых знакомых: «Я обедала у графини Полье. Мы остались *наедине. Это такая чувствительная женщина, погубленная потерей, своей бесцветной жизнью, слабым здоровьем.* Она страдает и ничего не делает для излечения. Прожить несколько дней меньше, но не думая о мелочах, это не такое уж наказание, чем мучиться, стараясь прожить на несколько мгновений больше отпущенного судьбою срока» [Свербеева, 1999, с. 29]; «Известие о смерти графини Скарятинской меня очень огорчило, его нам передал Киреевский. Она должна была жить, эта женщина, такая благородная, такая счастливая, — *нет, счастье не для этой жизни. Уверенность в этом еще более окрепла во мне*» [Свербеева, 1999, с. 30]. Указанные примеры демонстрируют варианты самопозна-

ния, саморефлексии путешественницы в процессе изучения / осмысления чужих женских историй. Ситуация «наедине» выглядит символической, так как характеризует не только способ взаимодействия Я с ТЫ, но и Я со своим Я, требующим осознания и принятия. Разговор с другим, с ТЫ, в тексте дневника выполняет функцию разговора с собой, воспринимается как зеркало, отражающее собственные интимные переживания, в которых личность убеждается («уверенность в этом еще более окрепла во мне»). Внутренние индивидуальные сомнения женского Я обнаруживаются и укрепляются в момент узнавания их в ТЫ.

Похожий эффект зеркальности выявляется и при анализе фрагментов путевого дневника, в которых путешественница описывает процесс чтения различных литературных произведений. Обращает на себя внимание, во-первых, принцип отбора материала (ЧТО комментируется из текста), во-вторых, оценочность суждений, способ выражения личного отношения к описанной в книге женской судьбе (КАК характеризуется литературный материал). Все литературные сюжеты, которые указаны в тексте дневника, так же, как и реальные, соответствуют сентиментальной традиции, описывают несчастную женскую судьбу, влияние злого рока на жизнь героини. При этом путешественница демонстрирует явную осведомленность о литературном каноне, выступает в роли критика и знатока писательского ремесла: «После прогулки я читала “Инес”, роман подруги госпожи Ермоловой, о прекрасных чувствах. Любовь Инес развивается в борьбе <...> она теряет того, с кем думала соединиться. Эпизод этот дан удачно» [Свербева, 1999, с. 30]. В романе «о прекрасных чувствах» выделяется тип «чувствительной героини» с несчастной женской судьбой. Подобный тип везде фиксируется путешественницей, оценивается то, как автор изображает ее судьбу, душевные страдания. Чаще всего выбираются следующие варианты оценочных суждений: *удачно, точно, ярко* и т. д. Подобные оценки не раскрывают в полной мере личного отношения путешественницы к женским историям. Но в конце дневника появляется иной способ характеристики литературного сюжета о несчастной девушке и ее чувствах: «Утром мы были в Мариенвеке вместе с Марией, читали “Леди Эжени Фoa”. *Справедливые мысли, стиль беседы, начало и конец меня устраивали.* Берта, эта девушка, прекрасная своей природой, предназначенная мужчине, который должен быть ее мужем, избегает его, т. е. *чувствует*, что не будет им любима. *Равнодушие мужа ее убивает.* Она говорит, что ирония в том, что нельзя заглянуть в будущее и узнать сущность человека, не хватает взаимности, *излияний чувств*, что убивает любовь, и она страдает от сознания этого отсутствия связей между ней и тем, кто должен быть ее жизнью» [Свербева, 1999, с. 31]. В этом фрагменте путешественница демонстрирует

личную сопричастность описываемым событиям — *меня устраивали*, то есть «мне были знакомы / узнаваемы мною». Кроме того, позиция автора художественного текста, его точка зрения обозначается как *справедливые мысли*, то есть реальные, правдоподобные. Впервые в дневнике появляется история о замужней женщине с несчастной судьбой, которая страдает от равнодушия мужа. Отмеченный также *стиль беседы* воспроизводит ситуацию диалога читателя с текстом, что и порождает эффект зеркальности, узнавания адресатом собственной судьбы в сюжете о несчастной героине.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав биографическую основу путевого дневника Е. А. Свербеевой, способы выражения Я субъекта повествования, мы пришли к следующим выводам.

«Дневник Е. А. Свербеевой за 1833 год» представляет собой пример женского документального травелога, который выражает основные тенденции эволюции жанра в 30-е годы XIX века. Учитывая традицию дневниковых записей дворянок о путешествии в Европу, подробно проанализированную Е. П. Гречаной на материале женских путевых дневников начала XIX века, можно выделить специфику авторской стратегии в тексте Е. А. Свербеевой. Во-первых, на фоне типичного преобладания в тексте женского путевого дневника формы МЫ (как способа выражения субъекта повествования) дневник Екатерины Александровны демонстрирует сосредоточенность на Я, на способах самовыражения, самоанализа и самопознания. При этом Я — это четко выраженное женское Я, что проявляется и в отборе объектов реальной действительности (женские образы, мода, наиболее эстетические (красивые) элементы пейзажа, архитектуры, истории женской судьбы) для описания путешествия, и в способах их характеристики (преобладает оценочный компонент, выражающий специфику женского мировосприятия). Во-вторых, путевые записи Е. А. Свербеевой представляют собой сочетание элементов личного дневника и путевого, в то время как чаще всего путешественницы дифференцировали эти варианты записей, даже обозначая в тексте путевого дневника его принципиальное отличие от личного (выражая нежелание описывать все, сосредоточившись только на описании впечатлений от внешних объектов чужого пространства). В дневнике Свербеевой, созданном специально для описания путешествия 1833 года с семьей в Европу, выражаются в большей степени внутренние переживания женского Я, а описание внешних объектов выполняет функцию необходимого фона, материала для самоанализа чувств и переживаний. В связи с этим в повествовании о путешествии наблюдаются сочетания возвышенного, сентиментально-романтического

стиля и официально-делового, фактологии и субъективных лирических отступлений, исповедального начала и публичного. В-третьих, путевые записи 1833 года демонстрируют зависимость от «карамзинского канона», что выражается в ориентации субъекта повествования на сентиментальную поэтику в описании впечатлений от путешествия: сосредоточенность на описании «жизни души», повышенная эмоциональность при описании восприятия объектов реальности, наличие вставных историй о несчастной женской судьбе (на примере реальных событий), анализ сентиментальных литературных произведений о перипетиях в жизни женщин, философские размышления о женской доле в процессе самоанализа.

Перспективы исследования видятся в дальнейшем осмыслении специфики авторской стратегии, эволюции «женского письма» в контексте развития документального травелога в историко-литературном процессе XIX века.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Свербеева Е. А.* Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год / Е. А. Свербеева // Долгова С. Р. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 год. — Москва : Мануфактура, 1999. — 46 с.
2. *Дневник Елизаветы Ивановны Поповой.* — Санкт-Петербург, 1911.

Литература

1. *Белова А. В.* Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII—XIX и XX—XXI веков / А. В. Белова // Культура и текст. — 2016. — № 2 (25). — С. 167—185.
2. *Вьолле К.* Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическая практика / К. Вьолле, Е. П. Гречаная // Автобиографическая практика в России и во Франции : сб. статей / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. — Москва : ИМЛИ РАН, 2006. — С. 57—111. — ISBN 5-9208-0262-6.
3. *Гречаная Е. П.* Путевой дневник как форма самосознания / Е. П. Гречаная // Романтизм : вечное странствие. — Москва : Наука, 2005. — С. 307—323.
4. *Гречаная Е. П.* Адресат женских дневников конца XVIII — начала XIX в. и процесс письма / Е. П. Гречаная // Вопросы филологии. — 2001. — № 3. — С. 90—93.
5. *Куприянов П. С.* Русские заграничные путешествия начала XIX в. : национальные представления и проблема национальной самобытности : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / П. С. Куприянов. — Москва, 2002. — 265 с.
6. *Лежен Ф.* «Я» молодых девушек / Ф. Лежен // Автобиографическая практика в России и во Франции : сб. статей / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. — Москва : ИМЛИ РАН, 2006. — С. 13—29. — ISBN 5-9208-0262-6.
7. *Медведева Т. В.* «Депеизация» по-русски : путешествия по Европе в мемуарном наследии Д. Н. Свербеева (1799—1874) / Т. В. Медведева // Русский травелог XVIII—XX веков : коллективная монография. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. — С. 28—48.

8. Михайлова Е. Н. Женское литературное творчество в России XIX века / Е. Н. Михайлова // Международный журнал экспериментального образования. — 2011. — № 8. — С. 126—127.

9. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX—XX) / М. Ю. Михеев. — Москва : Водолей Publishers, 2007. — 264 с.

10. Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века : гендерный аспект авторства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Пензина. — Москва, 2009. — 177 с.

11. Попова М. Ю. Феномен женской прозы в русской литературе 1840—1860-х годов : проблемы изучения / М. Ю. Попова // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : сборник статей молодых ученых. — 2020. — Выпуск 3. — С. 26—30.

12. Русская литература XIX века в гендерном измерении : опыт коллективного исследования. — Тверь : Лилия Принт, 2004. — 161 с.

13. Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30—40-х годов XIX века) / И. Л. Савкина. — Wilhelmshorst : Verlag F. K. Gopfert, 1998. — 223 с.

14. Савкина И. Л. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Л. Савкина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 416 с. — ISBN 5-86793-505-1.

15. Стефко М. С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII — первой четверти XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. С. Стефко. — Москва, 2010. — 245 с.

16. Строганова Е. Н. «Другая» литература : женская проза XIX века : пособие по спецкурсу / Е. Н. Строганова. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. — 18 с.

17. Строганова Е. Н. Классики и современницы : гендерные реалии в истории русской литературы XIX века / Е. Н. Строганова. — Москва : Литфакт, 2019. — 400 с. — ISBN 978-5-9500994-5-8.

18. Фрич Е. Ф. Начало пути Л. Н. Толстого и документальная автобиографическая проза конца XVIII — первой половины XIX века : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Ф. Фрич. — Москва, 1976. — 20 с.

19. Шатохина С. Б. Русские путешественницы в Европе в середине XIX — начале XX вв. / С. Б. Шатохина // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология. — 2019. — № 2. — С. 115—119. — DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-02-115-120.

20. Шоре Э. Женская литература XIX века и литературный канон : К постановке проблемы / Э. Шоре // Пером и прелестью : Женщины в пантеоне русской литературы. — Ополе : Опольский ун-т, 1999. — С. 95—104.

21. Шоре Э. Елена Ган — русская Жорж Санд? / Э. Шоре // Пол. Гендер. Культура : немецкие и русские исследования. — 2000. — Выпуск 2. — С. 171—185.

Статья поступила в редакцию 07.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

Sverbeeva, E. A. (1999). Ekaterina Sverbeeva's diary for 1833. In: Dolgova S. R. *Ekaterina Sverbeeva's diary for 1833*. Moscow: Manufaktura. 46 p. (In Russ.).
The diary of Elizaveta Ivanovna Popova. (1911). St. Petersburg. (In Russ.).

References

- Belova, A. V. (2016). Women's epistolary culture in Russia at the turn of the XVIII—XIX and XX—XXI centuries. *Culture and text*, 2 (25): 167—185. (In Russ.).
- Fritsch, E. F. (1976). *The beginning of the path of L. N. Tolstoy and documentary autobiographical prose of the end of the XVIII — first half of the XIX century*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Grechanaya, E. P. (2001). Addressee of women's diaries of the late XVIII — early XIX century and the process of writing. *Questions of philology*, 3: 90—93. (In Russ.).
- Grechanaya, E. P. (2005). Travel diary as a form of self-consciousness. In: *Romanticism: eternal journey*. Moscow: Nauka. 307—323. (In Russ.).
- Kupriyanov, P. S. (2002). *Russian foreign travels of the beginning of the XIX century: national ideas and the problem of national identity*. PhD Diss. Moscow. 265 p. (In Russ.).
- Lejeune, F. (2006). "I" of young girls. In: *Autobiographical practice in Russia and in France: collection of articles*. Moscow: IMLI RAS. 13—29. ISBN 5-9208-0262-6. (In Russ.).
- Medvedeva, T. V. (2015). "Depeization" in Russian: travels in Europe in the memoir heritage of D. N. Sverbeev (1799—1874). In: *Russian travelogue of the XVIII—XX centuries*. Novosibirsk: Publishing House of NGPU. 28—48. (In Russ.).
- Mikhailova, E. N. (2011). Women's literary creativity in Russia of the XIX century. *International Journal of Experimental Education*, 8: 126—127. (In Russ.).
- Mikheev, M. Yu. (2007). *Diary as an ego-text (Russia, XIX—XX)*. Moscow: Aquarius Publishers. 264 p. (In Russ.).
- Penzina, O. V. (2009). *Women's prose of the second half of the XIX century: the gender aspect of authorship*. PhD Diss. Moscow. 177 p. (In Russ.).
- Popova, M. Yu. (2020). The phenomenon of women's prose in Russian literature of the 1840s—1860s: problems of study. In: *INITIUM. Fiction: the experience of modern reading: a collection of articles by young scientists*, 3: 26—30. (In Russ.).
- Russian literature of the XIX century in the gender dimension: the experience of collective research. (2004). Tver: Lilia Print. 161 p. (In Russ.).
- Russian: Depeization in Russian: Travels in Europe in the memoir heritage of D. N. Sverbeev (1799—1874). In: *Russian Travelogue of the XVIII—XX centuries: collective monograph*. Moscow: IMLI RAS. 13—29. ISBN 5-9208-0262-6. 7.
- Savkina, I. L. (1998). *Provincial women of Russian literature (women's prose of the 30—40s of the XIX century)*. Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert. 223 p. (In Russ.).
- Savkina, I. L. (2007). *Conversations with the mirror and through the looking glass. Autodocumentary women's texts in Russian literature of the first half of the XIX century*. Moscow: New Literary Review. 416 p. ISBN 5-86793-505-1. (In Russ.).
- Shatokhina, S. B. (2019). Russian travelers in Europe in the mid—XIX — early XX centuries. *Bulletin of the Bryansk State University. Historical sciences and archeology*, 2: 115—119. DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-02-115-120. (In Russ.).
- Shore, E. (1999). Women's literature of the XIX century and the literary canon: To the formulation of the problem. In: *By pen and charm: Women in the pantheon of Russian literature*. Opole: Opolsky Univ. 95—104. (In Russ.).
- Shore, E. (2000). Elena Gan — Russian George Sand? *Sex. Gender. Culture: German and Russian studies*, 2: 171—185. (In Russ.).
- Stefko, M. S. (2010). *European journey as a phenomenon of Russian noble culture of the late XVIII — first quarter of the XIX centuries*. PhD Diss. Moscow. 245 p. (In Russ.).

- Stroganova, E. N. (2002). *“Other” literature: women’s prose of the XIX century: a manual for a special course*. Tver: Tver State University. 18 p. (In Russ.).
- Stroganova, E. N. (2019). *Classics and contemporaries: gender realities in the history of Russian literature of the XIX century*. Moscow: Litfakt. 400 p. ISBN 978-5-9500994-5-8. (In Russ.).
- Viollet, K., Grechanaya, E. P. (2006). Diary in Russia at the end of the XVIII — first half of the XIX century as an autobiographical practice. In: *Autobiographical practice in Russia and in France: collection of articles*. Moscow: IMLI RAS. 57—111. ISBN 5-9208-0262-6. (In Russ.).

*The article was submitted 07.09.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

Информация для цитирования:

Львова С. Д. Тропы в олонхо : устойчивость и вариативность / С. Д. Львова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 311—328. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-311-328.

Lvova, S. D. (2023). Tropes in Olonkho: Stability and Variation. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 311-328. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-311-328. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-311-328

**Тропы в олонхо:
устойчивость
и вариативность**

Львова Сахая Даниловна
orcid.org/0000-0003-1311-8609
старший научный сотрудник,
заведующий сектором олонхования
Научно-исследовательского института
Олонхо
lvovasd85@gmail.com

Северо-Восточный
федеральный университет
им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
научно-исследовательского проекта
СВФУ «Эпический памятник
нематериальной культуры якутов:
текстологический, типологический,
когнитивный и историко-
сравнительный аспекты»

**Tropes in Olonkho:
Stability and Variation**

Sakhaya D. Lvova
orcid.org/0000-0003-1311-8609
Senior Researcher, Head of the Sector
“Olonkho Studies”,
Olonkho Research Institute
lvovasd85@gmail.com

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out as part
of the NEFU research project
“Epic monument of the Yakut
intangible culture: textological,
typological, cognitive and
historical-comparative aspects”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена речевым средствам эпической образности якутского эпоса. Исследуется преемственность таких тропов, как эпитет, гипербола, сравнение, метафора и метонимия. В качестве материала исследования привлекаются разновременные записи текстов олонхо. Основное внимание уделяется тропам, зафиксированным в наиболее ранних текстах (1840—1860-е годы): это период наибольшего разнообразия и вариативности тропов. Предлагается классификация тропов по периодам бытования и распространения. Установлено, что в вариациях тропов в диахроническом срезе отмечается демифологизация образа «молочное озеро», а также отражается эволюция артефакта «костяной лук». Автор приходит к выводу о том, что в середине XIX века эпическое искусство олонхо с уже выделившимися региональными традициями располагало высоко развитым арсеналом речевых средств эпической образности. Выдвинуто предположение, что пик взаимовлияния сказителей приходится на период расцвета золотодобывающей промышленности в Бодайбинской резиденции (1870—1900-е годы), так как у многих олонхосутов в биографии есть данные о приисковых работах в Бодайбо, где они встречались с другими выдающимися олонхосутами. После этого периода появляются сходства в использовании тропов в текстах олонхо. Актуальность исследования обусловлена возрастающим в современном российском обществе интересом к этнокультурному многообразию и самобытности народов.

Ключевые слова:

якутский эпос; олонхо; тропы; гипербола; сравнение; эпитет; метафора.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the use of rhetorical devices in the epic imagery of Yakutian epic poetry. The study focuses on the continuity of tropes such as epithet, hyperbole, simile, metaphor, and metonymy, drawing upon various recordings of Olonkho texts from different time periods. The main attention is given to tropes found in the earliest texts (1840-1860s), as this was a period of greatest diversity and variation in their usage. The author proposes a classification of tropes based on their period of usage and spread. It is noted that in the diachronic analysis, there is a demythologization of the image of the “milk lake” and an evolution of the artifact of the “bone bow”. The conclusion is drawn that by the mid-19th century, Yakutian epic art, with its already established regional traditions, possessed a highly developed arsenal of rhetorical devices for epic imagery. It is suggested that the peak of mutual influence among storytellers occurred during the heyday of gold mining in the Bodaiibo residence (1870-1900s), as many Olonkho performers have biographical data indicating their involvement in mining activities in Bodaiibo, where they would have encountered other prominent Olonkho performers. After this period, similarities in the use of tropes can be observed in Olonkho texts. The relevance of this research is driven by the increasing interest in contemporary Russian society towards the ethnocultural diversity and uniqueness of different peoples.

Key words:

Yakutian epic poetry; Olonkho; tropes; hyperbole; simile; epithet; metaphor.

Тропы в олонхо: устойчивость и вариативность

© Львова С. Д., 2023

1. Введение = Introduction

Проблема сохранения этнокультурного многообразия и самобытности народов не теряет своей актуальности в современном российском обществе, что не может не отражаться и в сфере научных исследований. Изучение национальных эпосов, являющихся одним из основных ориентиров в самоидентификации народов, направлено прежде всего на раскрытие их уникалий. И это, в первую очередь, поэтические особенности эпических текстов. Известно, что речевыми средствами художественной выразительности, наиболее освоенными сказителями эпоса, являются эпитеты, гиперболы, сравнения и метафоры. Их изучению всегда уделялось особое внимание [Селиванов, 1977; Кудияров, 2002; Орус-оол, 2001; Санжеева, 2011 и др.]. В настоящее время большинство научных работ по изучению речевых средств олонхо — эпоса якутского народа — носят локальный характер. Речевые средства олонхо в контексте поэтики других тюркских эпосов в общих чертах получили освещение в трудах И. В. Пухова, с установлением некоторых сходств и различий [Пухов, 1973; Пухов, 2004]. Исследования в сопоставительном аспекте — на фоне материалов родственных эпосов — продолжаются и современными учеными: по видам тропов (в особенности сравнений [Прокопьева, 2019; Львова, 2021] и эпитетов [Корякина, 2022; Корякина, 2023]), в составе эпических формул [Борисов, 2020а; Борисов, 2020б], как конструкций, содержащих номинативные единицы, в лингвокультурологическом аспекте [Герасимова, 2023] и т. д. В плане изучения семантики фольклорного слова эпитет в олонхо наиболее основательно был рассмотрен Л. В. Роббек, которая выделила изобразительные, сравнительные и метафорические виды эпитета в функциональном плане и заключила, что «эпитет выступает средством эстетической стилизации, отличительной чертой которого является широта семантики фольклорного слова» [Роббек, 2014, с. 62]. В свете последних тенденций фольклористики и её направленности на междисциплинарность и синергетику интересными представляются работы М. Т. Сатанар по семиотической интерпретации эпитетов мифологических образов олонхо [Сатанар, 2020; Сатанар, 2021; Сатанар, 2022]. Между тем изучение устойчивости и вариативности

конструкций речевых средств внутри системы эпической традиции олонхо остается ограниченным, хотя преобладание некоторых сравнений, метафор и эпитетов часто упоминается при анализе художественно-образительных особенностей олонхо на материале отдельных текстов [Илларионов, 2018] или локальных традиций [Львова, 2020]. Таким образом, можно утверждать, что в якутском эпосоведении еще не проводилось специальное изучение тропов олонхо в диахроническом аспекте. Цель предлагаемой работы — проследить развитие речевых средств образности якутской эпической традиции с выявлением вариантов и элементов импровизации на материале записей олонхо, произведенных в XIX (ранние записи) и XX веках, а также современных эпических текстов (2000-е).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для определения материала исследования был обозначен период — с середины XIX по конец XX веков и составлена хронология, соответствующая важным событиям в истории собирания памятников сказительства олонхо:

1) 1844 год — первая запись фрагмента олонхо («Эриэдэл Бэргэн» А. Ф. Миддендорфа) и 1848 год — первая самозапись олонхо («Эр Соготох» А. Я. Уваровского);

2) 1868 год — первая запись полного текста олонхо («Хаан Дьаргыстай» И. А. Худякова);

3) 1880—1890-е годы — записи олонхо по инициативе Э. К. Пекарского для «Образцов народной литературы якутов» («Удаганки Уолумар и Айгыр», «Басымны Баатыр Эрбэхтэй Бэргэн икки», «Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллуруускай», «Орой Хара аттаах Ого Тулаайах», «Дьулуруйар Ньургун Боотур»);

4) 1921 год — запись текста олонхо в послереволюционное время («Саха Саарын Тойон, Айыы Сандыл Хотун» Г. В. Ксенофонтова со слов П. Л. Колесова);

5) 1940-е годы — массовый сбор фольклорного материала («Кыыс Дэбиллэй», «Биз уола Бэйбэлдьийэ», «Уол Дуолан», «Уол Эр Соготох», «Кёр Буурай»);

6) 1960 год — запись самого объемного текста олонхо («Алаатыр Ала Туйгун»);

7) 1982 год — запись варианта олонхо об одиноком герое («Могучий Эр Соготох»);

8) 2000-е годы — записи олонхо современных сказителей («Уордайа Хаан», «Хаан Дьаргыстай», «Дуулага Баатыр»).

Текст олонхо «Эриэдэл Бэргэн» выбран базовым материалом для изучения речевых средств. Несмотря на то, что запись осуществлена не в пол-

ной мере и часть записана сокращенно в русском переводе, текст представляет большую ценность для изучения поэтики олонхо в целом: начало олонхо записано на языке оригинала, в нем зафиксированы основные речевые средства эпической образности — 13 самостоятельных эпитетов, 3 гиперболы, 14 сравнений, 5 метафор и 1 прием метонимии. Ввиду фрагментарности данного текста дополнительно привлечен текст олонхо «Эр Соготох», записанный четырьмя годами позже. Его автор А. Я. Уваровский был образованным человеком для своего времени, однако он, не имея навыков записи фольклорного текста, допустил некоторые литературные дополнения и редакцию, из-за чего его самозапись на сегодняшний день оценивается больше как авторское произведение. Тем не менее это олонхо имеет каноническую структуру и содержание, его текст заткан традиционными эпическими формулами и позволяет составить достаточно полное представление о художественных достоинствах эпоса олонхо середины XIX века. Последующие тексты послужили разновременными «полями» исследования, на материале которых были изучены их варианты или альтернативы, проанализирована в каждом случае степень устойчивости и импровизационного изменения тропов.

В исследовании применен диахронический подход. Использована традиционная методология текстологического исследования, включающая метод ареальной лингвистики, описательный метод, контекстный анализ и классификацию. Для упрощения и ускорения процесса работы с большим объемом эпических текстов использованы возможности компьютерных текстовых редакторов: сбор данных (примеров речевых средств) осуществлен с помощью автоматизированного поиска, полученные данные систематизированы путем составления электронных баз данных. Основным методом исследования является сравнительный анализ, позволяющий выявить общность и характерные элементы тропов в записях олонхо раннего и позднего периодов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сравнительный анализ речевых средств эпической образности в первых трех записях олонхо («Эриэдэл Бэргэн», «Эр Соготох» и «Хаан Дьаргыстай») и в более поздних текстах позволил выделить **три группы** тропов по периодам бытования и распространения:

3.1. Тропы, функционировавшие до развития отдельных региональных традиций олонхо. ЭПИТЕТЫ: *үрүҥ көмүс балаҕан* ‘серебряный балаган’, *үрүҥ көмүс үрүт* ‘серебряный потолок’; *хара тыа* ‘черный / темный лес’, *куруҥ тыа* ‘выжженный лес’, *итир былыт* ‘перистое облако’, *үрдүк былыт* ‘высокое облако’, *бохсо былыт* ‘вольное

облако', *ыр былыт* 'тощее облако', *тор былыт* 'плотное облако', *хара далай* 'черный водоём', *күөх далай* 'голубой водоем', *алла-булла (кутуруктаах) ат* 'с густым, бугристо-мохнатым хвостом конь', *курбуу-дырбии холун* 'курбуу-дырбии подпруга', *үрдүк халлаан мөбөһүнэ ыгыыр* 'седло, подобное своду высокого неба', *сулумах ох* 'голая стрела'; СРАВНЕНИЯ: *улуу үрэх тобойдонон түспүтүн курдук нырилиир муос саа* 'гремящий костяной лук, похожий на излучину большой речки'; *сир курдук симэн, тах курдук тангын* 'подобно земле нарядись, подобно тайге оденься'; МЕТАФОРЫ: *хаан тангара хантарҕата уун* 'узда, подобная поводу великого неба', *үрүмэтийбэтэх үүт күөл* 'непокрывшееся пенкой молочное озеро'; МЕТОНИМИЯ: *холоонноох* 'равный', *үрүг сүүрүк*, *хара сүүрүк* 'белые бегуны, черные бегуны', *сүүрэр атахтаах, көтөр кынаттаах* 'имеющие быстрые ноги, имеющие летающие крылья'; *ой холо* 'дальняя часть леса-колка'.

Группа содержит общие эпитеты, сравнения, метафоры и метонимии, обнаруженные в первых записях олонхо — «Эриэдэл Бэргэн», «Эр Соготох» и «Хаан Дьаргыстай». Это наиболее «ранние» образцы речевых средств эпической образности в сказительстве олонхо. Они свидетельствуют о развитых художественно-изобразительных средствах в якутском эпосе в середине XIX века, а также говорят о высокой устойчивости эпических формул. Так, эпитет, характеризующий озеро Среднего мира олонхо, образованный посредством метафоризации, с 1844 до 1960-х годов передавался почти в неизменном виде (см. табл. 1).

Таблица 1

Варианты эпитета «молочного озера»
[Variants of the epithet "milky lake"]

1844 год	1848 год	1860-е годы
<i>Үрүмэтийбэтэх үүт күөллээх</i> [ЭБ, 1911, с. 473] — 'Не покрывшееся тонкой пленкой молочное озеро имеет' ¹ .	<i>Үрүмэтийбэт үүт күөллээх</i> [ЭС, 2003, с. 58] — 'Не покрывающееся тонкой пленкой молочное озеро имеет'.	<i>Үс биһиллээх үрүмэдийбэт үүт күөллээх</i> [ХДь, 2016, с. 22] — 'С тремя пере-хватами, не покрываю-щееся тонкой пленкой молочное озеро имеет'.
1941 год	1960 год	2000 год
<i>Үрүмэтийбэт үүт көлүйэлээх</i> [КД, 1993, с. 248] — 'Не покрыва-ющееся тонкой пленкой молочное озерцо имеет'.	<i>Үрүмэртбэт үүт күөллэрдээх</i> [ААТ, 2002, кн. 2, с. 41] — 'Не покры-вающиеся тонкой пленкой молочные озера имеет'.	<i>Үүт көлүйэ буолан күлүмнээбит эбит</i> [ДБ, 2019, с. 146] — 'Молоч-ным озерцом став, забле-стело, оказывается'.

1 Здесь и далее переводы примеров на русский язык осуществлены автором статьи.

Далее, в период угасания эпической традиции образ молочного озера потерял свою актуальность и был заменен в текстах современных сказителей на образ обычного озера: *төбүүрүйбүт түөлбэ күүл* ‘округлое маленькое озеро’ [ДьДь, 2019, с. 102] — в «Дьырыбына Дьырылыатта» 1970 года записи; *элгээн күүл* ‘овальное озеро’ [МЭС, 1996, с. 126] — в «Модун Эр Соготох» 1982 года записи; *төгүрүк түөлбэ күүл* ‘круглое маленькое озеро’, *күлүмүрдээн көстө сытар көмүс мөһүүрү уулаах күтүр улахан күүл* ‘с блистая виднеющейся, серебристо-сверкающей водичей громадно-большое озеро’, *дирин далай төгүрүк түөлбэ күүлэр* ‘глубокие круглые маленькие озера’ [АДь, 2019, с. 30, 65, 181] — в «Айыы Дьурагастай» 2002 года записи и др. Неполный вариант эпитета (*үүт көлүйэ* ‘молочное озерцо’ [ДБ, 2019, с. 146]) сохранился только в тексте «Дуулага Баатыр» сказителя Горного улуса Н. М. Тарасова, записанном в 2000 году.

Сравнение, описывающее богатырский лук, также является ранним элементом. Примеры из олонхо сказителей разных поколений (табл. 2) говорят о том, что до конца XIX века сравнение передавалось в весьма устойчивом виде: объекты и образы сравнения идентичны, небольшая вариация наблюдается только в эпитетах. Далее сравнение стало подвергать-

Таблица 2

Варианты сравнения, описывающего богатырский лук
[Variants of a comparison describing a bogatyr's bow]

1844 год	1860-е годы	1895 год
<i>Улуу үрэх тобойдоон түспүтүн курдук ньирилиир муос саалаах үһү</i> [ЭБ, 1911, с. 473] — ‘Словно великая речка с изгибом потянулась, гремящий костяной лук имеет, оказывается’.	<i>Өннүүс үрэх тобойдуу охтубутун курдук, Дьэрэли муос саалаах</i> [ХДь, 2016, с. 26] — ‘Словно неглубокая длинная речка с изгибом улеглась, гремящий костяной лук имеет’.	<i>Улуу үрэх тобойдоон сытарын курдук Ньирилики муос саалаах</i> [ОХаОТ, 1911, с. 434] — ‘Словно великая речка с изгибом лежит, гремящий костяной лук имеет’.
1938 год	1960 год	2002 год
<i>Улуу өрүс Тоботунан быстыбытын саба Ньирили муос саалаах</i> [УДб, 2010, с. 45] — ‘Величиной с разлом излучины большой реки, гремящий костяной лук имеет’.	<i>Улуу тобой ох саатын Сулбу тардан ылла</i> [ААТ, 2002, кн. 2, с. 94] — ‘Великую излучину-лук своей резко потянув, схватил’.	<i>Улуу үрэх тобойдуу түһэн Сытарын курдук, Тобой сэлэ ох саатын Тонголобор иилиннэ</i> [АДь, 2019, с. 42] — ‘Подобный великой речке, изгибаясь, протянувшейся, излучину-лук свой нацепил на сгиб локтя’.

ся изменением: в олонхо «Уол Дуолан» образ сравнения был заменен на *өрүс* ‘река’, в последующих текстах претерпел трансформацию сам образ сравнения — *муос саа* ‘костяной лук’ превратился в обычный *ох саа* ‘лук’, а в некоторых олонхо богатырский лук стал описываться без привлечения сравнения: *буруолуур муос буочука саатын* ‘свой могучий огнедышащий роговой лук’ [КД, 1993, с. 158], *ньирилиир муос саатын* ‘гудящий свой роговой лук’ [МЭС, 1996, с. 108].

3.2. Тропы, возникшие после выделения отдельных региональных традиций. ЭПИТЕТЫ: *чуо былът* ‘стремительное облако’; *тобус уостаах томторболоох тойон сэргэ* ‘с девятью выемками, с орнаментом томторбо громадная коновязь’, *абыс атахтаах аранас* ‘лабаз на восьми опорах’; *сылластыгас сымыһах* ‘отвислая нижняя губа’; ГИПЕРБОЛЫ: *сэттэ киһи тэбэн туран аспат дьиэлэ, үс киһи олуйан аспат олуура* ‘дверь, которая не поддается семерым, засов, который не под силу троим’, *сэлиилээх ат сиппэт сизлбэт күүрө* ‘загон, который не обежать рысью коню’; СРАВНЕНИЯ: *сир быстыбытын курдук сирэй, хайа хайдыбытын курдук харах* ‘лицо, подобное обрыву (земли), око, подобное расщелине горы’, *ардахтаах алаас сыһыы саба алап-дьалап сырай* ‘заплесневелое широкое невыразительное лицо размером с поляну-алаас’, *эрэдэһиннээх үүн тиэрбэһин курдук харах* ‘глаз, словно крученное кольцо удил’, *харалаа-быт Дьяангы хатыырын саба тимир дэгиэ тынырах* ‘с чернёную янскую косу, крючковатые железные когти’, *арабас сыһыы саба остуол* ‘подобный светло-желтой поляне стол’, *көлүйэ күөл бууһун түөрэйдии хабан ылбыт курдук күндэл көмүс остуол* ‘льду озера көлүйэ, целиком снятому, подобный ярко-блестящий стол’, *өбүрүмэр обус бүдүрүйэ түспүтүн курдук модьобо* ‘порог, словно трехтравый бык споткнулся и упал’; *тойон киһи кинкинэччи кэпсэтэн турарын курдук сэргэ* ‘сэргэ, который похож на стоя громко разговаривающего видного господина’, *буур таньах кыыл дабдайа сизлэн иһэрин курдук лаабыс* ‘подобный бегущему рысью огромному лося-самцу, лабаз’, *кыыс дьахтар сара кыталыгы атабыттан таннары туппута илиилин-атахтын талабааччыа мөхсө турарын курдук ыла-биэрэ, сарбалыйа турар сарадах* ‘вешалка для ружья, напоминающая стерха, пойманного девой за ноги и кидающегося из стороны в сторону’, *бэс чизрбэтин курдук, от хоһуулун курдук санаа* ‘подумать о ком-либо, как о основном черве, как об остатках корма для скота’.

Данная группа условно выделена на основе вариации тропов в текстах «Эриэдэл Бэргэн», «Эр Соготох» и «Хаан Дьаргыстай». Мы говорим об условности, так как для определения арсенала художественных средств, выработанного в период расцвета эпической традиции олонхо и развития отдельных региональных традиций, необходимо изучить все известные

записи олонхо, включая тексты, зафиксированные в 1940-е годы. Состав этой группы требует дальнейшего тщательного анализа и отдельной классификации.

Анализ данных первых трех записей олонхо показал, что четкая преемственная связь прослеживается в первых двух текстах: «Эриэдэл Бэргэн» и «Эр Соготох». В них обнаруживаются сходства не только в сюжете и образах, но и в конкретных эпитетах, гиперболах и сравнениях. Например, в текстах «Эриэдэл Бэргэн» и «Эр Соготох» к богатырскому луку применяется один и тот же эпитет, отсутствующий в тексте «Хаан Дьаргыстай», — *сулуумах* ‘голый / одинокий’ [ЭБ, 1911, с. 474; ЭС, 2003, с. 60], описание двери богатырского жилища одинаково гиперболизируется путем привлечения образа какого-либо множества людей, объединивших свои усилия, чтобы открыть её: *сэттэ киһи тэбэн туран аспат дьыэллээх* ‘с дверью, которую не могут открыть семь человек’ [ЭБ, 1911, с. 473], *алта киһи алчаччы тэбэн туран аһар алтан дьиб дьыэллээх* ‘с медной дверью, которую открывают шесть человек’ [ЭС, 2003, с. 59] и т. д. Однако в тексте «Эриэдэл Бэргэн» обнаружено сравнение, отражающее уничижение богатырского достоинства, которое свойственно олонхо вилюйской традиции: *бэс чиэрбэтин курдук, от ходуулун курдук санаа* ‘подумай (о ком-либо), будто это червь на сосне, остатки корма для скота’ [ЭБ, 1911, с. 474]. Варианты этого сравнения были выявлены в текстах вилюйской традиции, записанных в 1940-е годы: в «Уол Дуолан» (в Сунтарском улусе¹) [УДб, 2012, с. 151], «Уол Эр Соготох» [УЭС, 2012, с. 128—129] (в Нюрбинском улусе), «Көр Буурай» [КБ, 2014, с. 176] (в Верхневилуйском улусе). Это может послужить важным фактом, подтверждающим предположения о том, что это олонхо было записано из уст сказителя вилюйской традиции.

В тексте олонхо «Хаан Дьаргыстай» также обнаружены некоторые общие элементы, однако состав эпитетов, гипербол и сравнений в нем заметно отличается. Вместе с тем указанные отличия также фиксируют особенности региональной традиции. Например, в тексте «Хаан Дьаргыстай» присутствует сравнение богатырского стола со льдиной озера (*көлүг күүл бууһун түөрэйдии хабан ылбыт курдук күндэл көмүс остуоллаах* ‘льдине маленького озера, целиком снятой, подобный ярко-блестящий стол имеет’ [ХДь, 2016, с. 18]), его варианты ранее были обнаружены нами в текстах олонхо северной традиции, записанных в 1940-е годы: в «Кётёр Мюлгюн» (в Момском улусе), «Дугуйа Бёгё» (в Оймяконском), «Лабынгхачаан старик» (в Среднеколымском) [Львова, 2020, с. 207]. В центральной и вилюйской традициях стол богатыря обычно уподобляется широкой равнине или полю.

1 Улус — административно-территориальная единица в Якутии, район.

Варианты, близкие к тропам в тексте «Эр Соготох», отмечены в текстах центральной эпической традиции, записанных в 1880—1990-х годах: «Удаганки Уолумар и Айгыр», «Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллуруускай», «Дьулуруйар Ньургун Боотур». Интересно, что общеизвестные сравнения, описывающие стык краев земли и неба, не встречаются в текстах первых записей олонхо. Они впервые зафиксированы лишь в 1880-е годы — в тексте олонхо «Аландаайы-Куландаайы Кулун Куллуруускай», затем в 1895 году в олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» (самозапись К. Г. Оросина), а далее наблюдаются различные вариации (табл. 3).

3.3. Тропы, не получившие дальнейшего развития (импровизации). ЭПИТЕТЫ: *уостаах (ох)* ‘(стрела) с железным наконечником в форме месяца, рога которого повернуты в сторону полёта стрелы’, *сиксиргээннээх (дьип хаан дьизл)* ‘сотрясающаяся (громадная дверь)’, *лэбиэ (хара былыт)* ‘сплошь (черное облако)’, *күөх (үөрбэ)* ‘голубой / синий / зеленый (шест)’, *най суорун (былыт)* ‘тяжелое плотное (облако)’, *турабаас (былыт)* ‘одинокое / бурое (облако)’, *кыыдааннаах (кыһыл былыт)* ‘с сильным ветром (красное облако)»; СРАВНЕНИЯ: *босхо булгуннаабы ууран кээспит курдук ыгыыр* ‘седло, будто положили оторванный холм’, *былыттан быһа сүүрэн киирбит (курдук) быыс* ‘перегородка, будто прибежавшая из облаков’, *нуутча киһи буор хоруйар күрдьэбин курдук тиис* ‘зубы, словно лопата русского человека, предназначенная для работы с грунтом’, *харыалаах төнгүргэс курдук хардастыгас тиистэр* ‘крючковатые зубы, похожие на выкорчеванные выгоревшие пни»; *тириштэ тиийбэт курдук кыһыыр* ‘прийти в такую ярость, что готов лопнуть’ (досл. «раздуться от гнева так, что кожа уже не растягивается»), *саа эстэрин курдук тымтын-кыһыыр* ‘в приступе ярости, подобном выстрелу из ружья»; МЕТАФОРЫ: *буолах илии* ‘рука — тальниковая ветвь / волок’, *холуода түннүк харах* ‘око — окно с рамой’, *сир липпэтэ тэллэх* ‘постель — торф»; МЕТОНИМИЯ: *имиинир тыыннаах* ‘с теплым дыханием’.

В данную группу включены тропы, обнаруженные в ранних записях, но не выявленные в текстах, записанных после 1900 года. Большинство из них перестали передаваться из уст в уста по причине вхождения в оборот более ярких, запоминающихся образных выражений или вследствие устаревания слов, утраты их значений (*уостаах, сиксиргээннээх, лэбиэ, липпэ, иминиур*). Например, при описании убранства коня наряду с седлом, поводом, уздой и др. потник прежде изображался посредством метафоры с образом *липпэ* ‘торф’, что отмечено в тексте северного олонхо «Хаан Дьаргыстай». Его единственный вариант, но оформленный в виде сравнения, выявлен в тексте олонхо центральной традиции, записанном в 1896 году. В текстах позднего периода схожая метафора обнаружена только в «Алаатыыр Ала

Таблица 3

Варианты сравнения, описывающего край земли
[Variations of the comparison describing the edge of the earth]

1880-е годы	1895 год	1941 год
Сир төбөтө <u>хайыһар тумсун</u> курдук Өрө ханарыйан тахсыбыт, Халлаан <u>маған балаакка</u> курдук <i>Таннары саптан түспүт</i> [АККК, 1911, с. 458] — ‘Край земли, словно носок лыжи, изогнувшись, вверх поднялся, небо, словно белая палатка, низ покрывая, опустилось’.	Киэн халлаан <u>кыыс дьахтар сарыы</u> <u>тимэбин</u> курдук таннары намылыан түстэ; Нэрилиир нэс Нүөттүгэн <u>уолан киһи хайыһарын</u> <u>тумсун</u> курдук <i>өрө матарыйан тахсытыгар</i> [ДьНБ, 1947, с. 190] — ‘Широкое небо, словно ровдужная петелька молодой женщины, вниз обвисая, опустилось; гремучая земная твердь, словно носок лыжи молодого человека, вверх изогнувшись, поднялась’.	<i>Сарыал манган халлаана диэн,</i> <i>Сарыы тангалай курдук,</i> <i>Таннары тардыллан,</i> <i>Тараадыан-тарбанан,</i> <i>Айыллыбыт эбит; <...></i> <i>Дьулусханнаах добун манган халлаана диэн,</i> <i>Тонус киһи туут хайыһарын курдук,</i> <i>Таннары избиллэн түһэн,</i> <i>Дуйданан долгуйан уөскээбит</i> [КД, 1993, с. 72] — ‘Утреннее белое небо его, словно ровдужный тангалай, иначе потянувшись, расширяясь-распространяясь, создалось, оказывается; <...> стремительное бурное белое небо его, словно лыжа-туут тунгусского человека, иначе изогнувшись, опускаясь, лудясь-колыхаясь, появилось’.
1960 год	1982 год	2008 год
<i>Орто туруу дьобул дойду</i> <i>Туут хайыһар тумсун курдук</i> <i>Өрө избэллэн тахсытыгар;</i> <i>Улуу халлаан буоллабына</i> <i>Уйан өтүүк тумсун курдук</i> <i>Умсары дьиптийиэн түһэр</i> <i>Уораһыйар улаатыгар</i> [ААТ, 2002, кн. 2, с. 125] — ‘На подъеме края пятнистой Срединной земли, подобного носку лыж-туут, вверх изогнувшись, за суровой глубиной великого неба, подобной носу некаленного утюга, вниз опускающемуся’.	<i>Дойду баһа,</i> <i>Тонус киһи</i> <i>Туут хайыһарын</i> <i>баһын курдук</i> <i>Таннары хайыастан</i> <i>Тахсар сиригэр кэлэ</i> [МЭС, 1996, с. 120—122] — ‘До окраины страны, подобной носу лыжи-туут тунгусского человека, прогибаясь иначе, вверх поднимающейся, добрался’.	Хоту холоруктаах халлааным, <i>Тонус киһи</i> <i>Туут хайыһарын тумсун курдук</i> <i>Токуруйаан түһэр</i> <i>Туймуутугар кэлэн</i> [УХ, 2019, с. 227] — ‘До края северного вихревого неба, словно носок лыжи, прогибаясь, опускающегося, добравшись’.

Туйгун», но в нем она выполняет совершенно другую функцию — входит в состав эпитета, характеризующего духов водоёмов (табл. 4).

Таблица 4

Варианты метафоры, описывающей потник коня
[Variants of a metaphor describing the horse's sweatband]

1860-е годы	1896 год	1960 год
метафора	сравнение	метафора
<i>Мөнгө халлаан хантарбата үүннээх, үрдүк халлаан мөбөһүнэ ынгыырдаах, сир липпэтэ тэллэхтээх, курбуу-дьирбиш холуннаах буолбут</i> [ХДь, 2016, с. 25] — ‘С уздой — поводом необъятного неба, с седлом — сводом высокого неба, с потником — земляным торфом, с длинной тонкой гибкой подпругой, оказался’.	күөх халлаан мөнгүнүн курдук ынгыырдаахтар, кэтит үтүгэн ликпэтин курдук ботолоохтор [ББЭБ, 1910, с. 282] — ‘Подобные своду синего неба седла имеют, подобные торфу широкой преисподни потники имеют’.	Липпэ күөбэ тэллэхтээх, <i>Сорсу күөбэ суорбаннаах, Обоччу бадараан балабаннаах, Дириг далай иччилэрэ</i> [ААТ, 2002, кн. 1, с. 269] — ‘Имеющие постелью — зелень торфа, имеющие одеялом — зелень селезня, имеющие жилищем-балаганом — болотную грязь, глубоких водоемов духи’.

Состав данной группы также требует дополнительного рассмотрения с привлечением более обширного материала текстов, так как некоторые элементы все же могли сохраниться в поздних текстах. Так, например, в тексте «Хаан Дьаргыстай» была обнаружена метонимия, содержащая архаизм *ой* ‘лес-колок в открытом поле’, а также *хол* в устаревшем значении: *ой холо* ‘дальняя, лучшая часть леса-колка’ [ХДь, 2016, с. 78] (в смысле ‘выдающийся, лучший из лучших’). Использование этого примера метонимии не было выявлено в рассмотренных записях конца XIX и начала XX веков, но она была обнаружена в текстах олонхо «Уол Дуолан» [УДб, 2010, с. 113, 125, 190, 198, 215] (вилюйская традиция) и «Кыыс Дэбилийэ» [КД, 1993, с. 210] (центральная), записанных в 1940-е годы.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, выявленные тропы: эпитеты, гиперболы, сравнения, метафоры и метонимические обороты в текстах ранних записей олонхо (1844, 1848, 1868 годов записи) — их многообразие и вариативность указывают на высокое развитие речевых средств эпической образности в сказительской традиции якутов середины XIX века. При этом рассмотренный материал часто демонстрирует местную специфику, содержит признаки

возможной принадлежности к разным эпическим традициям: «Эриэдэл Бэргэн» — к вилюйской, «Эр Соготох» — к центральной, «Хаан Дьаргыстай» — к северной, что говорит об уже выделившихся региональных традициях эпоса.

Следует отметить, что между региональными традициями олонхо нет четкого разграничения, так как носители этих традиций, олонхосуты, активно взаимодействовали. И, вероятно, пик их взаимовлияния приходится на период расцвета золотодобывающей промышленности в Бодайбинской резиденции (1870—1900-е годы): у многих олонхосутов в биографии есть данные о приисковых работах в Бодайбо, где они встречались с другими выдающимися олонхосутами, участвовали в состязаниях с друг с другом, развивались и обогащали свой эпический репертуар. Одним из показателей, свидетельствующих об этом явлении, является эпическая формула, сформированная сравнениями, описывающими стык неба и земли эпического мира олонхо. Эта формула отсутствует в первых трех записях олонхо и впервые была зафиксирована в 1880-е годы в тексте центральной эпической традиции, а позднее её вариации распространились уже по всей Якутии.

Некоторые тропы, зафиксированные в ранних записях олонхо, сохранились и дошли до текстов современных сказителей. Их вариативность проявляется в различной степени, но основная структура всегда остается устойчивой. Изменению подвергаются в основном эпитеты, что, в некоторых случаях, является следствием трансформации образов. Так, например, в вариациях тропов в диахроническом срезе отмечен процесс демифологизации образа (*үүт күүл* ‘молочное озеро’ > *түүлбэ / элгээн / улахан күүл* ‘круглое / овальное / большое озеро’), а также отражение эволюции реального артефакта в быте народа (*муос саа* ‘костяной лук’ > *ох саа* ‘(стрелковый / для стрельбы стрелами) лук’).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ААТ — *Алексеев Р. П.* Алаатыыр Ала Туйгун : [олонхо] в 3 кн. / [сказитель Р. П. Алексеев]. — Якутск : Бичик, 2002. — Кн. 1. — 354 с. — ISBN 5-7696-1321-1 ; Кн. 2. — 398 с. — ISBN 5-7696-1326-2; Кн. 3. — 490 с. — ISBN 5-7696-1332-7. — (Бога-тыри саха : 21 т. ; т. 1). (на якутском яз.).
2. АДЬ — *Айыы Дьураҕастай* // Айыы Дьураҕастай. Уордайа Хаан : олонхо / П. Е. Решетников. — Якутск : Кытыл, Медиа-холдинг Якутия, 2019. — С. 24—163. — ISBN 978-5-471-00752-9. (на якутском яз.).
3. АККК — *Аландаайы-Куландаайы* Кулун Куллургуускай : [олонхо] // Образцы народной литературы якутов : [в 5 вып.] / собр. Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. Наук, 1911. — Т. 1, выпуск 5, ч. 1. — С. 453—458. (на якутском и русс. яз.).

4. ББЭБ — *Басымньы* Баатыр Эрбэхтэй Бэргэн икки : [олонхо] // Образцы народной литературы якутов : [в 5 вып.] / собр. Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. Наук, 1911. — Т. 1, выпуск 5, ч. 1. — С. 281—310. (на якутском и русс. яз.).
5. БУБ — *Биз уола* Бэйбэлдьийэ : [олонхо] // Кобяйский фольклор / ответственный редактор М. Т. Сатанар. — Якутск : Айар, 2023. — С. 16—136. — ISBN 978-5-7696-5-6676-6. (на якутском яз.).
6. ДБ — *Дуулага* Баатыр // Кюн Эрили. Неспотыкающийся Нюсэр Бөгө. Дуулага Баатыр. Ала Туйгун : олонхо / Н. М. Тарасов. — Якутск : Кытыл, Медиа-холдинг Якутия, 2019. — С. 138—179. — ISBN 978-5-471-00753-6. (на якутском яз.).
7. ДьДь — *Дьырыбына* Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Дьырыбына Дьырылыатта : олонхо / П. П. Ядрихинский. — Якутск : Кёмюёл, 2019. — 512 с. — ISBN 978-5-6042981-0-7. (на якутском и русс. яз.).
8. ДьНБ — *Дьулурыйар* Ньургун Боотур = Ньургун Боотур Стремительный : [олонхо] / текст К. Г. Оросина. — Якутск : Госиздат ЯАССР, 1947. — 409 с. (на якутском и русс. яз.).
9. КБ — *Кёр* Буурай : олонхо / Н. С. Александров. — Якутск : Бичик, 2014. — 336 с. — ISBN 978-5-7696-4284-5. — (Богатыри саха : 21 т. ; т. 13). (на якутском яз.).
10. КД — *Кыыс* Дэбилийэ : якутский героический эпос. — Новосибирск : ВО «Наука», 1993. — 330 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). — ISBN 5-02-029749-6. (на якутском и русс. яз.).
11. МЭС — *Якутский* героический эпос. «Могучий Эр Соготох». — Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. — 440 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). — ISBN 5-02-030900-1. (на якутском и русс. яз.).
12. ОХаОТ — *Орой* Хара аттаах Ого Тулайах : [олонхо] // Образцы народной литературы якутов : [в 5 вып.] / собр. Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. Наук, 1911. — Т. 1, выпуск 5, ч. 1. — С. 427—440. (на якутском и русс. яз.).
13. ССТАХ — *Саха* Саарын Тойон, Айыы Сандыл Хотун : [олонхо] // Священный мир Олонхо / [подготовил к печати В. И. Алексеев и др.]. — Якутск : Медиа-холдинг Якутия, 2010. — С. 62—80. (на якутском яз.).
14. УДб — *Уол* Дуолан бухатыыр : [олонхо] / М. З. Мартынов. — Якутск : Бичик, 2010. — 248 с. — (Богатыри саха : 21 т. ; т. 7). — ISBN 978-5-7696-3193-1. (на якутском яз.).
15. УУА — *Уогаанки* Уолумар и Айгыр : [олонхо] // Олонхо Жулейского наслега. Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. — Якутск : ИГИ-иПМНС СО РАН, 2013. — С. 65—122. (на якутском яз.).
16. УХ — *Уордаа* Хаан // Айыы Дьурабаастай. Уордаа Хаан : олонхо / П. Е. Решетников. — Якутск : Кытыл, Медиа-холдинг Якутия, 2019. — С. 178—382. — ISBN 978-5-471-00752-9. (на якутском яз.).
17. УЭС — *Омуннаах-төлөннөөх* Уол Эр Соготох = Неистовый Эр Соготох : [олонхо] / Н. Г. Тагров. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. — 368 с. — ISBN 978-5-7513-1593-1. (на якутском и русс. яз.).
18. ХДь — *Хаан* Дьаргыстай : олонхо / [зап. И. А. Худяков]. — Якутск : Алаас, 2016. — 232 с. — ISBN 978-5-9908075-1-8. (на якутском яз.).
19. ЭБ — *Эриздэл* Бэргэн : [олонхо] // Образцы народной литературы якутов : [в 5 вып.] / собр. Э. К. Пекарским. — Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. Наук, 1911. — Т. 1, выпуск 5, ч. 1. — С. 473—474. (на якутском и русс. яз.).
20. ЭС — *Эр Соготох* : олонхо // Уваровский А. Я. Ахтыллар = Воспоминания = Erinnerungen / составители : Ю. И. Васильев, Л. В. Жожикова. — Якутск : Бичик, 2003. — С. 58—65. — ISBN 5-7696-1554-0. (на якутском, русс. и немец. яз.).

Литература

1. *Борисов Ю. П.* Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе : сравнительный аспект / Ю. П. Борисов // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 4. — С. 250—260. — DOI: 10.25178/nit.2020.4.17.
2. *Борисов Ю. П.* Универсалии эпических формул в якутском олонхо и шорском эпосе : сравнительный аспект / Ю. П. Борисов // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 255—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-255-271.
3. *Герасимова Л. Н.* Особенности употребления наименований посуды и кухонной утвари в текстах олонхо и тувинских сказаний / Л. Н. Герасимова // Эпосоведение. — 2023. — № 2. — С. 97—106. — DOI: 10.25587/SVFU.2023.72.32.008.
4. *Илларионов В. В.* Олонхо ойуулуур-дүүһүнүүр дэгэтэ (Художественно-изобразительные особенности олонхо) / В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова // Ааттаах Адаам Саар : олонхо / сказитель И. Д. Павлов. — Якутск : Данил-Алмас, 2018. — С. 23—29. — ISBN 978-5-91441-241-5.
5. *Корякина Р. В.* Особенности функционирования одного эпитета в якутском и алтайском эпических текстах / Р. В. Корякина // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 1. — С. 36—47. — DOI: 10.17223/18137083/78/3.
6. *Корякина Р. В.* «Медные» эпитеты в якутском и алтайском эпосах / Р. В. Корякина, С. Н. Павлова // Традиционная культура. — 2023. — Т. 24. — № 2. — С. 22—33. — DOI: 10.26158/TK.2023.24.2.002.
7. *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири / А. В. Кудияров. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — 329 с.
8. *Львова С. Д.* Сравнения в якутском и тувинском эпосах : общее и специфичное / С. Д. Львова // Новые исследования Тувы. — 2021. — № 1. — С. 202—216. — DOI: 10.25178/nit.2021.1.11.
9. *Львова С. Д.* Сравнения в олонхо : устойчивость и трансформации (на материале текстов северной эпической традиции якутов) / С. Д. Львова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219.
10. *Орус-Оол С. М.* Тувинские героические сказания. Текстология, поэтика, стиль / С. М. Орус-Оол. — Москва : Макс Пресс, 2001. — 422 с. — ISBN 5-317-00276-1.
11. *Прокопьева А. К.* Экспликация сравнения в якутском эпосе П. А. Ойунко-го «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и алтайском эпосе А. Г. Калкина «Маадай-Кара» / А. К. Прокопьева, А. М. Захарова // Категория образности в языке : коллективная монография / ответственный редактор С. М. Прокопьева. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2019. — С. 109—124. — ISBN 978-5-7513-2799-6.
12. *Пухов И. В.* Алтайский народный героический эпос / И. В. Пухов // Маадай Кара. Алтайский героический эпос. — Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. — С. 8—60.
13. *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия / И. В. Пухов // Якутский героический эпос — олонхо. Публикация, перевод, теория, типология : избранные статьи. — Якутск : Изд-во СО РАН, Якутский филиал, 2004. — С. 84—141. — ISBN 5-8176-0053-6.
14. *Роббек Л. В.* Эпитетика олонхо / Л. В. Роббек // Лексико-семантические особенности языка якутского героического эпоса олонхо. — Новосибирск : Наука, 2014. — С. 55—62. — ISBN 978-5-02-019249-2.
15. *Санжеева Л. Ц.* Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.09 / Л. Ц. Санжеева. — Улан-Удэ, 2011. — 358 с.

16. Сатанар М. Т. Генезис образа Сээркээн Сэсэна в эпосе олонхо / М. Т. Сатанар // Проблемы исторической поэтики. — 2022. — Т. 20. — № 3. — С. 50—86. — DOI: 10.15393/j9.art.2022.11262.

17. Сатанар М. Т. Семантика мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона в его первооснове (на материалах архаических текстов олонхо) / М. Т. Сатанар // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 266—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-266-285.

18. Сатанар М. Т. К семиотической интерпретации мифологического образа древа Аал Луук мас в эпосе олонхо / М. Т. Сатанар // Oriental Studies. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 1135—1154. — DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154.

19. Селиванов Ф. М. Поэтика былин / Ф. М. Селиванов. — Москва : Издательство Московского университета, 1977. — 128 с.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.

Material resources

AAT — Alekseev, R. P. (2002). *Alaattyar Ala Tuigun: [olonkho] in 3 books*. Yakutsk: Bichik. ISBN 5-7696-1321-1. (In Yakut.).

Ad — Аyyy Gyuraҕастай. (2019). *Аyyy GyuraҕАstай. Wardaya Haan: olonkho*. Yakutsk: Kytyl, Media Holding Yakutia. 24—163. ISBN 978-5-471-00752-9. (In Yakut.).

AKKK — Alandaаyy-Kulandaаyy Kulun Kulluruuskai: [olonkho]. (1911). In: *Samples of Yakut folk literature: [in 5 issues]*. St. Petersburg: Type. Imperat. Acad. Sciences. 453—458. (In Yakut and Russ.).

BBEB — Basymny Baatyr Erbehteі Bergen ikki: [olonkho]. (1911). In: *Samples of Yakut folk literature: [in 5th issue]*. St. Petersburg: Type. Imperat. Acad. Sciences. 281—310. (In Yakut and Russ.).

BUB — Bee uola Beybeldye: [olonkho]. (2023). In: *Kobyai folklore*. Yakutsk: Ayar. 16—136. ISBN 978-5-7696-5-6676-6. (In Yakut.).

DB — Duulaga Baatyr. (2019). Kyun Erili. In: *The unsteady Nyuser Beg. Duulaga Baatyr. Ala Tuigun: olonkho*. Yakutsk: Kytyl, Media Holding Yakutia. 138—179. ISBN 978-5-471-00753-6. (In Yakut.).

DNB — Gyuluruyar Nyurgun Bootur = Nyurgun Bootur the Swift: [olonkho]. (1947). Yakutsk: Gosizdat YAASSR. 409 p. (In Yakut and Russ.).

Dyd — Dyrybyna Gyrylyatta kyys bukhattyр = The girl-hero Gyrybyna Gyrylyatta: olonkho. (2019). Yakutsk: Kemuel. 512 p. ISBN 978-5-6042981-0-7. (In Yakut and Russ.).

EB — Eriedel Bergan: [olonkho]. (1911). In: *Samples of Yakut folk literature: [in issue 5]*. St. Petersburg: Type. Imperat. Acad. Sciences. 473—474. (In Yakut and Russ.).

ES — Er Sogotoh: olonkho. (2003). In: *Uvarovsky A. Ya. Akhtyyilar = Memoirs = Erin-nerungen*. Yakutsk: Bichik. 58—65. ISBN 5-7696-1554-0. (In Yakut, Russ. and Germ.).

KB — Ker Buurai: olonkho. (2014). Yakutsk: Bichik. 336 p. ISBN 978-5-7696-4284-5. (In Yakut.).

KD — Kyys Debiliye: Yakut heroic epic. (1993). Novosibirsk: IN “Science”. 330 p. ISBN 5-02-029749-6. (In Yakut and Russ.).

KHd — Haan Dyargystai: olonkho. (2016). Yakutsk: Alaas. 232 p. ISBN 978-5-9908075-1-8. (in the Yakut language).

- MES — *Yakut heroic epic. "Mighty Er Sogotoh"*. (1996). Novosibirsk: Nauka, Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences. 440 p. ISBN 5-02-030900-1. (In Yakut and Russ.).
- OHaOT — Oroï Hara attaah Ogo Tulaayah: [olonkho]. (1911). In: *Samples of Yakut folk literature: [in issue 5]*. St. Petersburg: Type. Imperat. Acad. Sciences. 427—440. (In Yakut and Russ.).
- STASKH — Sakha Saaryn Toyon, Ayyy Sandyl Khotun: [olonkho]. (2010). In: *The Sacred world of Olonkho*. Yakutsk: Media Holding Yakutia. 62—80. (In Yakut.).
- UDb — *Uol Duolan buhatyr: [olonkho]*. (2010). Yakutsk: Bichik. 248 p. ISBN 978-5-7696-3193-1. (In Yakut.).
- UES — *Omunnah-telenneh Wol Er Sogotoh = Frantic Er Sogotoh: [olonkho]*. (2012). Yakutsk: NEFU Publishing House. 368 p. ISBN 978-5-7513-1593-1. (In Yakut and Russ.).
- UH — Wardaya Haan. (2019). In: *Ayyy Gyuragastay. Wardaya Haan: olonkho*. Yakutsk: Kyttyl, Media Ho lding Yakutia. 178—382. ISBN 978-5-471-00752-9. (in the Yakut language).
- UUA — Udaganki Walumar and Aigyr: [olonkho]. (2013). *Olonkho Zhuleisky nasleg*. Yakutsk: IGiiPMNS SB RAS. 65—122. (In Yakut.).

References

- Borisov, Yu. P. (2020). Parallels of epic formulas in the Yakut Olonkho and Tuvan epos: a comparative aspect. *New studies of Tuva*, 4: 250—260. DOI: 10.25178/nit.2020.4.17. (In Russ.).
- Borisov, Y. P. (2020). Universals of Epic Formulas in the Yakut Olonkho and Shor Epic: Comparative Aspect. *Nauchnyi dialog*, 5: 255—271. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-255-271> (In Russ.).
- Gerasimova, L. N. (2023). Features of the use of names of dishes and kitchen utensils in the texts of Olonkho and Tuvan legends. *Epic studies*, 2: 97—106. DOI: 10.25587/SVFU.2023.72.32.008. (In Russ.).
- Illarionov, V. V., Illarionova, T. V. (2018). olonkho oyuuluur-d'yuhunnuur degete (Artistic and visual features of olonkho). In: *Attaah Adaam Saar: olonkho*. Yakutsk: Danil-Almas. 23—29. ISBN 978-5-91441-241-5. (In Russ.).
- Koryakina, R. V. (2022). Features of functioning of one epithet in Yakut and Altai epic texts. *Siberian Philological Journal*, 1: 36—47. DOI: 10.17223/18137083/78/3. (In Russ.).
- Koryakina, R. V., Pavlova, S. N. (2023). "Copper" epithets in Yakut and Altai Epos. *Traditional culture*, 24 (2): 22—33. DOI: 10.26158/TK.2023.24.2.002. (In Russ.).
- Kudiyarov, A. V. (2002). *Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia*. Moscow: IMLI RAS. 329 p. (In Russ.).
- Lvova, S. D. (2021). Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: general and specific. *New studies of Tuva*, 1: 202—216. DOI: 10.25178/nit.2021.1.11. (In Russ.).
- Lvova, S. D. (2020). Olonkho Comparisons: Stability and Transformations (based on the Texts from the Northern Epic Tradition of the Yakuts). *Nauchnyi dialog*, 4: 203—219. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-203-219> (In Russ.).
- Orus-Ool, S. M. (2001). *Tuvan heroic tales. Textology, poetics, style*. Moscow: Maks Press. 422 p. ISBN 5-317-00276-1. (In Russ.).
- Prokopyeva, A. K., Zakharova, A. M. (2019). Explication of comparison in P. A. Oyunsky's Yakut epic "Gyuluruyar Nyurgun Bootur" and A. G. Kalkin's Altai epic "Maadai-

- Kara". In: *Category of imagery in language: a collective monograph*. Yakutsk: NEFU Publishing House. 109—124. ISBN 978-5-7513-2799-6. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1973). *Altai Folk Heroic Epic*. In; *Maadai Kara. Altai heroic epic*. Moscow: The main editorial office of Oriental Literature of the publishing house "Nauka". 8—60. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004). Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Commonality, similarities, differences. In: *Yakut heroic epic — olonkho. Publication, translation, theory, typology: selected articles*. Yakutsk: Publishing House of SB RAS, Yakut branch. 84—141. ISBN 5-8176-0053-6. (In Russ.).
- Robbek, L. V. (2014). Epitetics of olonkho. In: *Lexico-semantic features of the language of the Yakut heroic epic olonkho*. Novosibirsk: Nauka. 55—62. ISBN 978-5-02-019249-2. (In Russ.).
- Sanzheeva, L. Ts. (2011). *Poetics of folklore text (based on the Buryat epic)*. Doct. Diss. Ulan-Ude. 358 p. (In Russ.).
- Satanar, M. T. (2022). The genesis of the image of Seerkeen Sessen in the epic olonkho. *Problems of historical poetics*, 20 (3): 50—86. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11262. (In Russ.).
- Satanar, M. T. (2021). Semantics of Mythological Image of Yuryung Aiyy Toyon in Its Fundamental Principle (Archaic Texts of Olonkho). *Nauchnyi dialog*, 1 (7): 266—285. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-266-285> (In Russ.).
- Satan, M. T. (2020). To the semiotic interpretation of the mythological image of the Aal Luuk mas tree in the Olonkho epic. *Oriental Studies*, 13 (4): 1135—1154. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154. (In Russ.).
- Selivanov, F. M. (1977). *Poetics of epics*. Moscow: Moscow University Press. 128 p. (In Russ.).

*The article was submitted 22.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

Информация для цитирования:

Ожигова М. М. Концепция Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском и ее влияние на эстетический диалог двух рассказов М. Горького / М. М. Ожигова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 329—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-329-346.

Ozhigova, M. M. (2023). Concept of Friedrich Nietzsche's Apollonian and Dionysian and Its Influence on Aesthetic Dialogue in Two Stories by Maxim Gorky. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 329-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-329-346. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-329-346

Концепция Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском и ее влияние на эстетический диалог двух рассказов М. Горького

Ожигова Мария Михайловна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9631-0446

¹ младший научный сотрудник;

² специалист по учебно-методической
работе кафедры теории литературы;

преподаватель кафедры

теории литературы

ozhigova13.m@gmail.com

¹ Институт мировой литературы

им. А. М. Горького

Российской академии наук

(Москва, Россия)

² Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова

(Москва, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена

при финансовой поддержке

Российского научного фонда,

проект № 23-28-00421

«М. Горький в кругу искусств»

Concept of Friedrich Nietzsche's Apollonian and Dionysian and Its Influence on Aesthetic Dialogue in Two Stories by Maxim Gorky

Maria M. Ozhigova^{1,2}

orcid.org/0000-0002-9631-0446

¹ junior research scientist;

² specialist in educational and
methodological work of the Department

of Literary Theory;

Lecturer at the Department

of Literary Theory

ozhigova13.m@gmail.com

¹ A. M. Gorky Institute
of World Literature

of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

² Lomonosov Moscow
State University

(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number 23-28-00421

“Maxim Gorky in the Circle of Arts”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме реализации концепции аполлонического и дионисийского Ф. Ницше в творчестве М. Горького. Целью исследования является анализ ницшевского влияния на эстетические поиски Горького как раннего, так и более позднего периода его творчества. Материалом исследования стали рассказ «Об одном поэте» 1894 года и текст «Рассказ об одном романе» 1924 года. Новизну исследования составляет рассмотрение своеобразного «диалога» рассказов, между созданием которых проходит около тридцати лет. Предметом анализируемого «диалога» становится эстетический поиск самого Горького, а также влияние на развитие его взглядов концепции Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском. Уделяется внимание последовательному разбору рассказов «Об одном поэте» и «Рассказа об одном романе». Анализ включает в себя оценку степени реализации концепции аполлонического и дионисийского в двух текстах Горького. Показано, что тексты вступают в своеобразный «эстетический диалог». Результатом исследования становится обнаружение в анализируемых текстах Горького прямых цитат из трактата Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Доказано влияние концепции Ницше на взгляды Горького, касающиеся проблемы генезиса творчества, вопросов возможности и необходимости творческого акта.

Ключевые слова:

Максим Горький; Фридрих Ницше; аполлоническое и дионисийское; эстетика; генезис творчества.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the implementation of Friedrich Nietzsche's concept of the Apollonian and Dionysian in the works of M. Gorky. The aim of the study is to analyze the influence of Nietzsche's ideas on Gorky's aesthetic pursuits, both in his early and later works. The primary materials for this research are Gorky's short story "On a Poet" (1894) and his text "Story About a Novel" (1924). The novelty of this study lies in the examination of a unique "dialogue" between these two works, which were written approximately thirty years apart. The focus of this "dialogue" is Gorky's own aesthetic search and the impact of Nietzsche's concept of the Apollonian and Dionysian on his development as a writer. The study provides a thorough analysis of both "On a Poet" and "Story About a Novel", evaluating the extent to which the concept of the Apollonian and Dionysian is realized in these texts. It is shown that these works engage in a sort of "aesthetic dialogue". The results of the study reveal direct quotations from Nietzsche's treatise "The Birth of Tragedy" in Gorky's texts, demonstrating the influence of Nietzsche's ideas on Gorky's views on the genesis of creativity and the questions of possibility and necessity in the creative process.

Key words:

Maxim Gorky; Friedrich Nietzsche; Apollonian and Dionysian; aesthetics; genesis of creativity.

Концепция Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском и ее влияние на эстетический диалог двух рассказов М. Горького

© Ожигова М. М., 2023

1. Введение = Introduction

Воздействие идей Ф. Ницше на мировую литературу колоссально. Влияние этого философа прослеживается и в текстах Максима Горького, познакомившегося с трудами Ницше еще «в нижегородский период...» [Спиридонова, 2022, с. 56] творчества. Изучению данной проблематики посвящены работы таких исследователей, как П. В. Басинский, О. В. Богданова, Р. Т. Певцова, Н. Н. Примочкина, Л. А. Спиридонова и др. [Басинский, 1998; Богданова, 2019; Певцова, 2001; Примочкина, 2022; Спиридонова, 2022]. При этом в ранние годы «...в суждениях молодого М. Горького...» [Певцова, 2001, с. 10] отмечается и некоторая симпатия к немецкому философу. В частности, одним из первых в статье 1898 года на сходство «психологии героев г. Горького» с ницшевской философией [Михайловский, 1997, с. 372] обратил внимание Ник. Михайловский. В то же время «элементы ницшеанства» [Гельрот, 1997, с. 381] в текстах Горького анализировал М. В. Гельрот (1906). Однако очевидно, что взгляды Горького, в том числе и на философию Ницше, менялись с течением времени. Особенно интересно проследить эти изменения на примере концептуального развития эстетики прозы Горького. В этом смысле яркой иллюстрацией такой эволюции эстетических взглядов Максима Горького является реализация концепции аполлонического и дионисийского Ф. Ницше в рассказах М. Горького «Об одном поэте» (1894) и «Рассказ об одном романе» (1924). Следует отметить, что Горький с этой дихотомией, подробно рассмотренной Фридрихом Ницше в работе «Рождение трагедии из духа музыки», был знаком, судя по его ранним письмам: «Подождите читать Спинозу и Ницше — это очень трудно» [Горький, 1997, с. 176]. Вместе с тем впервые о возможности рассмотрения данной дихотомии в творчестве писателя говорил и современник Горького Д. С. Мережковский в своей статье «Не святая Русь» (1916), выделяя «в Бабушке — «дионисовское», в Дедушке — «аполлоновское»» [Мережковский, 1997, с. 851]. Суть же

концепции Ницше заключается в рассмотрении аполлонического и дионисийского начал древнегреческой культуры, являющихся, по мнению Ницше, фундаментальными, оказавшими влияние на дальнейшее развитие культуры всей европейской цивилизации. В этой работе Ницше рассматривает искусство «...как некое противодействие жизни, защиту от жизни...» [Аствацатуров, 2010, с. 46]. При этом и аполлоническое, и дионисийское направления восходят к древним культам, которые были связаны с поклонением богам Аполлону и Дионису. Аполлоническое начало, по Ницше, рационально, оптимистично, связано с «правильным», гармоническим пониманием красоты (пример античной скульптуры), с сублимацией индивидуальности как таковой, изолированностью человека от других. Творчество в аполлоническом понимании ассоциируется Ницше со сновидением. Дионисийское же начало, напротив, связано со стихийностью, буйством, место сна занимает опьянение. Ежегодные вакханалии, посвященные Дионису, и генетически связанное с ними дионисийство в искусстве, в основе своей, по Ницше, берут исток из пессимизма, стремления человека преодолеть тяжелые, трагические явления в реальной, повседневной жизни. «Находить утешение в культе Дионисия для Ницше значит радоваться самому неустройству мирового целого...» [Трубецкой, 2015, с. 49]. Отсюда возникает и различное толкование мифов: либо в аполлоническом, либо в дионисийском понимании.

В отношении рассматриваемых произведений М. Горького мы говорим не о сопоставлении двух текстов между собой, а о своеобразном эстетическом «диалоге» двух произведений. «Диалог» здесь включает не только вопросы о природе и назначении творчества, но и изменения личных эстетических установок Горького. Фоном же для размышлений в обоих случаях становится ницшевская концепция, что мы и проиллюстрируем в статье. Примечательно, что между написанием и публикацией рассказов прошло ровно тридцать лет, что особенно символично в контексте рассмотрения эволюции личной эстетической концепции М. Горького. Кроме того, обращает на себя внимание сходство названий двух текстов, что само по себе наталкивает на мысль о некоторой диалогичности рассказов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования являются два текста Максима Горького. Первый («Об одном поэте») относится к раннему периоду творчества писателя, а второй («Рассказ об одном романе») — к позднему, он был написан Горьким во время его пребывания в Германии. Изучение указанных произведений с эстетических позиций нацелено на то, чтобы установить, как в них реализуется ницшевская концепция аполлонического и диони-

сийского. Для этого к исследованию привлечена работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», а также некоторые статьи, посвященные анализу поэтической стороны научного творчества Ф. Ницше. При анализе текстов используется сравнительный метод, который позволяет не только проиллюстрировать влияние концепции Ницше на поэтику рассказов, но и проследить личную творческую эволюцию Максима Горького. В аналитической части можно увидеть прямые отсылки в произведениях Горького на работу Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». При этом важной частью исследования является выяснение того, как менялась эстетическая позиция Горького в призме влияния на его творчество работы Ф. Ницше.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Рассказ «Об одном поэте» в ракурсе аполлонического и дионисийского

Для начала обратимся к раннему рассказу «Об одном поэте», написанному приблизительно в 1893 году и опубликованному в 1894 году в «Волжском вестнике». В небольшом по объему тексте автор обращается к читателю и рассказывает историю одного поэта, который «...умер от голода, не написав ни одной строчки...» [Горький, 1968, с. 421], после того как у него состоялся разговор с тремя музами. Причина трагической судьбы поэта заключалась в том, что после беседы с музами поэт понял, что он «... не будет справедлив, что ответственность пред самим собой за ошибки по отношению к людям не по силам ему... что ложное учение или совет рождает несчастье» [Горький, 1968, с. 427]. Во многом рассказ отражает личные эстетические поиски раннего Горького, связывавшего искусство прежде всего с ответственностью художника перед миром. Говоря о реализации ницшевской концепции аполлонического и дионисийского в рассказе, следует рассмотреть диалог поэта и трех муз, явившихся к нему «однажды в лунную ночь...» [Горький, 1968, с. 422]. Стоит отметить, что тема искусства и творчества здесь как будто связывается с античной темой, однако Горький по-новому (что мы увидим и в ходе анализа позднего «Рассказа об одном романе») переосмысляет античную мифологию. В целом, использование Горьким в творчестве аллюзий на мифологические сюжеты или хотя бы переосмысления мифов не так очевидно. На наличие в его художественных текстах мифологической символики обращала внимание еще А. А. Тахо-Годи в своих статьях «Мифолого-символическая структура художественной образности раннего Горького» [Тахо-Годи, 1968б] и «Миф и символ в сказке М. Горького “Девушка и смерть”» [Тахо-Годи, 1968а]. Отмечая «субстанциальный характер» [Тахо-Годи, 1968б, с. 39] мифа и символа для античности, Тахо-Годи делала акцент на «функциональном

значении» [Тахо-Годи, 1968а, с. 4] мифа у Горького. При этом она рассматривала архетипический миф о смерти в творчестве Максима Горького без привязки к античной мифологии, в то время как рассматриваемые нами рассказы Горького интересны как раз тем, что косвенно переосмысливают именно античную мифологию.

Три музы, обращающиеся к герою рассказа «Об одном поэте», обезличены и не имеют имен (по крайней мере ни рассказчик, ни сам герой их не называют). Из-за этого трудно соотнести их с традиционными музами, отвечающими за творчество, из античного пантеона: Каллиопой, Эвтерпой, Мельпоменой, Талией, Эрато или Полигимнией. Кроме того, как известно, покровителем муз был бог Аполлон, а потому Горький сознательно избегает какого-либо соотношения с традиционным пантеоном, изначально закладывая в подтекст рассказа ницшевскую дихотомию аполлонического и дионисийского. Здесь стоит отметить, что и сам Ницше отличался «поэтичностью мышления...» [Хубулава, 2010, с. 19], писал стихи. Его поэзия «...неотделима от...идеи дионисийства...» [Попов, 2017, с. 126], а в его прозе много «...музыкального вдохновения» [Там же, с. 141]. При внимательном рассмотрении становится ясно, что Горький создает образ муз, исходя из жанрового деления лирики как рода литературы. Таким образом, музы, являющиеся герою рассказа, олицетворяют собой разные модальности, выражающиеся в различных жанрах лирики. Так, первую из муз можно соотнести с героикой, одами и элегической поэзией. Вторая муза соотносится с идиллическим жанром, а также с любовной лирикой. Третья же муза соотносится с сатирой, с сатирической модальностью, на что прямо указывает упоминание Джонатана Свифта.

Первой на разговор к поэту приходит муза, поклоняющаяся прекрасному и красоте и характеризующая себя как та, у которой «...слова холодны, как солнечные лучи зимой...» [Горький, 1968, с. 423], но «...из них создавали только великие творения» [Горький, 1968, с. 423]. Здесь мы видим отсылку к аполлоническому идеалу прекрасного, характеризующегося рациональностью, правильностью, разумом, гармонией и оптимизмом. Напомним, что сам Ницше, анализируя аполлоническое и дионисийское начало в греческой культуре, говорил о том, что как раз аполлоническое составляющее говорит о начале упадка культуры: «...греки именно во времена своего разложения и слабости становились все оптимистичнее, поверхностнее, все более заражались актерством, а также все пламеннее стремились к логике и логизированию мира...» [Ницше, 2012, с. 14]. Аполлоническое восприятие искусства Ницше называет субъективным, индивидуализирующим, отделяющим индивидов друг от друга и, связывая с оптимизмом, сравнивает его со сном, в то время как дионисийское

выражение в искусстве, проистекая из пессимизма, стремления «...к трагическому мифу, к образам всего страшного, злого, загадочного, губительного, рокового...» [Ницше, 2012, с. 13], олицетворяет молодость культуры, стремление преодолеть трагическое в жизни, силу и энергию. При этом дионисийское связывается не со сном, а с опьянением, растворением индивидуальности в массе, в музыкальном освобождении. Вместе с тем оба начала различаются степенью рациональности: «...рациональное / аполлоническое и иррациональное / дионисийское...» [Шлемова, 2017, с. 111].

Возвращаясь к разговору героя с первой «аполлонической» музой, можно увидеть, что он не принимает ее предложение, отвергая именно эстетическую рациональность аполлонического начала, по его мнению, несовместимую с необходимостью выражения «буйства» реальной жизни: «Довольно мыслить, нужно снова научиться чувствовать! Ибо в жизни нет цельных чувств... Всё разбито и расшатано могучими ударами ума, и слишком много яда подлила в чашу жизни острая, как игла, и, злая, как змея, мысль человека. <...> И жажда жизни исчезает. И нет святого подвига» [Горький, 1968, с. 424]. Здесь в уста поэта вложен упрек не только в рационализме, но и в том, что Ницше называет «*principii individuationis*», то есть в стремлении к индивидуации, изолированию себя от других людей, к которому, по Ницше, тяготеет именно аполлоническая составляющая культуры. Герой Горького, отвергая аполлоническую музу, сам того не осознавая, возражает ей в дионисийском духе: «Я хочу указать зависимость всех от каждого и родство всех со всеми...» [Горький, 1968, с. 424]. Сравним с тем, что Ницше говорит о дионисийских празднествах: «В этих греческих празднествах является как бы сентиментальная тяга природы, словно ей приходится вздыхать о своей раздробленности на индивидуальные создания» [Ницше, 2012, с. 30]. Таким образом, именно в дионисийских мистериях и в дионисийском катарсисе, если мы говорим о греческой трагедии, преодолевалась та раздробленность индивидуальных сознаний, которая была характерна как раз для аполлонического начала в культуре. В то же время Ницше, развивая свою концепцию, затрагивает и тему соотношения субъективного и объективного в художественном творчестве. Так, он описывает механизм, согласно которому древний поэт должен был освободиться от своей субъективности, и сделать это ему помогало как раз сочетание аполлонического и дионисийского в греческой культуре. По Ницше, поэт в древности избавляется от своей субъективности «...в дионисовском процессе: образ, который являет ему теперь его единство с сердцем мира, есть сцена сновидения, воплощающая как изначальный антагонизм и изначальное страдание, так и изначальное наслаждение иллюзией. “Я” лирика раздается, таким образом, из бездн бытия: его “субъективность” ... — одно воображение» [Ницше, 2012, с. 40].

Иначе говоря, теперь, «растворив» субъективное начало в «дионисовском процессе», на втором «этапе» художник создает уже аполлонические образы, однако образы объективные. Тема субъективного и объективного в творчестве возникает и в диалоге главного героя рассказа с первой музой. Так, она говорит поэту: «Смотри на солнце, — оно вечно молодо и ярко светит всюду, куда проникают его лучи, и для него нет ни зла, ни добра... Это называется быть объективным, и в этом высшая справедливость, возможная на земле» [Горький, 1968, с. 423—424]. Эстетическая объективность, о которой говорит первая муза, — аполлоническая, ведь в античности Аполлон олицетворял в том числе и солнце. Однако поэт понимает, что в этой объективности «...нет души» [Горький, 1968, с. 424], нет чувства, нет той дионисийской стадии «опьянения», пройдя через которую художник преобразует свое субъективное начало и без которой, по Ницше, невозможно истинное творчество.

Следующей к поэту приходит вторая муза, которую в жанровом отношении можно соотнести с идиллической и любовной поэзией. Вот как она описывает себя герою: «Мои слова просты, легки, ласковы и так же красивы...<...>. Иногда мои слова остры, как иглы, и, вонзаясь в сердце, заставляют его болеть тоской. Я ими вызову слезы и счастливый смех, — ими я напоминаю о лучшем в жизни. Они звучат, как теплая музыка морских волн в тихую южную ночь, полную мягких теней, ласкающих глаз, полную грез, сладко волнующих душу...» [Горький, 1968, с. 424]. В автохарактеристике музы угадывается прямая отсылка к ницшевскому образу из «Рождения трагедии», возникающему при сравнении дионисийского и аполлонического начал в музыке: «...музыка... как аполлоновское искусство... лишь как прибой волн ритма, пластическая сила которого была разработана для изображения аполлоновских состояний» [Ницше, 2012, с. 30]. Иначе говоря, к поэту вновь явилась муза «аполлонического типа», предлагающая погрузиться, выражаясь словами Ницше, в аполлонический сон: «...я смягчаю и заставляю мечтать о лучшем, чем то, что есть» [Горький, 1968, с. 425]. Как пишет Ницше, «греки знали и ощущали страхи и ужасы существования: чтобы вообще иметь возможность жить, они вынуждены были заслонить себя от них блистающим порождением сновидений...» [Ницше, 1968, с. 32]. Таким образом, по Ницше, аполлоническое начало в искусстве сходно с природой сна, который как бы искажает, создает другую действительность. Однако герой рассказа, выслушав музу, отказывается следовать примеру древних греков, находивших в аполлоническом искусстве спасение от тягот жизни. Предложение музы погрузиться в мечтания вызывает негодование героя, и он уже фактически четко вербализует дионисийскую концепцию творчества: «Мечтать — это не значит жить. <...> Нужны такие

слова, которые бы звучали, как колокол набата, тревожили всё и, сотрясая, толкали вперед. Пусть будет буря чувств и жажда истинной жизни дойдет до бешенства. <...> Пусть отвращение к настоящему будет беспокойной, острой болью и жажда будущего — страстным мучением» [Горький, 1968, с. 425]. Услышав это «требование» поэта, вторая муза уходит, и ей на смену является третья, которую можно ассоциировать с поэтическими жанрами, в которых есть сатира. Третья муза сообщает герою, что ее «... слова — как бичи и иглы терновника» [Горький, 1968, с. 425], а также добавляет, что «нужно бить рабов — может быть, они озлятся и будут гражданами» [Горький, 1968, с. 426]. Интересно, что в образе третьей музы содержится только намек на дионисийское начало, а не прямые отсылки, как это было с двумя предыдущими музами. Так, по описанию музы четко угадывается, что речь идет о колкостях сатиры, которая действует, используя «...строй огненных упреков и ядовитых укулов совести» [Горький, 1968, с. 426], и сама муза даже сравнивает себя с Джонатаном Свифтом. Однако Горький не создает однозначно дионисийский образ, а лишь дает намек, характеризуя музу с помощью игры слов. Читатель по описанию однозначно понимает, что речь идет о сатире как приеме или жанре, однако нельзя не вспомнить, что сатиры как божества или демоны составляли свиту Диониса и были частью дионисийского культа. Кроме того, третья муза связана с дионисийским началом «функционально», ведь если говорить об эффекте уже сатиры как приема, то мы можем говорить как раз о выражении дионисийского. С одной стороны, сатира может вызывать катарсис неистового веселья, если она не направлена на нас. С другой стороны, сатира может причинять и настоящую боль, так как высмеивает слабые стороны как отдельного человека, так и целого государства или общества: «...нужно быть утонченно и разнообразно злым, злым до возбуждения, до ужаса» [Горький, 1968, с. 425]. Таким образом, в виде третьей музы к поэту является своеобразная ипостась «дионисийского» начала, но общение с ней пугает героя и заставляет его погрузиться в раздумья, во время которых он слышит голоса сразу трех муз, которые обращаются к нему: «Нас истязуют, заставляя нас провозглашать низкое — как новое, смешное — как великое, и гадкое — как красивое. Мы — страшное орудие. Нами можно убивать и воскрешать...» [Горький, 1968, с. 426]. В обращении муз к поэту видна ницшевская идея единства аполлонического и дионисийского начал в искусстве, идея того, что гармония художественного произведения зависит от того, насколько в произведении искусства сочетаются оба этих начала. Именно поговорив с музами и услышав их просьбу быть честным в творчестве, поэт понимает, что «... он не будет справедлив, что ответственность пред самим собой за ошибки по отношению к людям не по силам ему, <...> что ложное

учение или совет рождает несчастье» [Горький, 1968, с. 426]. При этом отказ поэта от творчества комментируется в своеобразном авторском послесловии, суть которого заключается в том, что лучше «...молча умереть, чем увеличить ложь жизни и умножить ошибки людей» [Горький, 1968, с. 427]. Таким образом, в своем раннем рассказе «Об одном поэте» Горький иносказательно, следуя за Ницше и используя концепцию аполлонического и дионисийского, говорит о том, что в процессе творчества должны присутствовать оба этих начала. Однако обязательным условием творчества является честность и объективность художника, ведь, как пишет Ницше в «Рождении трагедии», «...мы знаем субъективного художника только как плохого художника...» [Ницше, 2012, с. 39]. При этом сам Горький однозначно отрицает аполлонический рационализм и идеальную красоту, но все же отказывается от целиком дионисийского проявления в творчестве, пытаясь, о чем и говорит Ницше, соединить оба этих начала. Несколько иным образом концепция аполлонического и дионисийского реализуется в другом тексте Горького, созданном в 1924 году и имеющем схожее название: «Рассказ об одном романе».

3.2. «Рассказ об одном романе» в свете концепции об аполлоническом и дионисийском

Текст «Рассказа об одном романе» относится к 1920-м годам, к более позднему периоду творчества М. Горького. Как известно, рассказы этого периода выделяются на фоне всей прозы Горького. На их «экспериментальную поэтику» обращает внимание исследователь Н. Н. Примочкина в книге «Поэтика эксперимента: творчество М. Горького начала 1920-х годов»: «Композиция “Рассказа об одном романе” ...сложна, многослойна и прихотлива» [Примочкина, 2022, с. 193]. Рассказ начинается со сцены, в которой молодая замужняя двадцатисемилетняя женщина, проводив гостей, среди которых был и писатель Антипа Фомин, видит вдалеке в своем саду некоего человека. У героини с незнакомцем завязывается разговор, в ходе которого человек представляется Павлом Волковым, героем неоконченного романа писателя Фомина. Сначала женщина принимает сам разговор за шутку или розыгрыш, однако вскоре и сама начинает сомневаться в реальности происходящего и задумывается, не является ли этот человек действительно вымышленным персонажем писателя Фомина. Заглядывая вперед, сразу скажем, что финал рассказа открыт. Так и остается непонятным, в действительности ли к героине рассказа явился вымышленный персонаж или это была всего лишь галлюцинация. Важен диалог, разворачивающийся между героями, в ходе которого состоялся разговор о творчестве, и вопрос о творении художественных произведений предстал уже в ином свете. Так, персонаж Фомина, Павел Волков, после знакомства с героиней

рассказывает ей о том, как Фомин пишет книги: «Мне кажется, что этот Фомин — сумасшедший! Посмотрели бы вы, как он ведет себя, оставаясь наедине сам с собою! Он наполняет комнату созданиями воображения своего и, окруженный тесной толпою призраков, таких же безумных, как сам он, не знает, что ему делать с ними. Бредовый человек!» [Горький, 1973, с. 353]. Более того, Волков признается, что он и сам не закончен: «...Фомин создал меня и — забыл обо мне. <...>... Фомин...обыкновенный, заносчивый и самонадеянный человек, неумело подражающий богу» [Горький, 1973, с. 352—353]. Однако в ожидании того, когда Фомин допишет его (а он ждал два года), он «...как-то уплотнился...окреп и... по структуре...стал очень близок к реальному существу» [Горький, 1973, с. 349]. «Я почти реален...» [Горький, 1973, с. 349], — говорит Павел Волков. Можно сказать, что через эти признания неоконченного персонажа писателя Фомина мы видим своеобразное переосмысление мифа о творении. И здесь, конечно же, возникает ассоциация с мифом о Пигмалионе. Однако Горький, таким образом иронизируя над писателем Фоминым, ставит под сомнение не только современное искусство, но и сам статус современного писателя как творца. Переосмысляя миф о Пигмалионе, Горький подводит к этому философские основания. Это обоснование проводится двумя способами: во-первых, в тексте в завуалированной форме присутствует «...скрытая полемика...» [Ожигова, 2021, с. 206] с И. Кантом и его взглядами на искусство, рассмотренная нами в статье «Максим Горький и Иммануил Кант: к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 г.)» [Там же]. Во-вторых, рассказ претерпел влияние концепции Ф. Ницше об аполлоническом и дионисийском, что в числе прочего и объясняет выпад в сторону Канта, присутствующий в тексте. Помимо сюжетного сходства с историей о Пигмалионе, сам миф упоминается и в тексте рассказа, что косвенно подтверждает нашу догадку. Однако возникает вопрос, почему же был выбран именно этот миф? Выбор в данном случае связан с тем, что история о Пигмалионе является аполлоническим мифом, рассказывающим о силе абсолютной идеальной красоты, владеть которой не может даже ее создатель, только если над ним не сжалятся боги и не решат оживить прекрасное произведение. По сути, в рассказе миф о Пигмалионе переосмысливается, причем это производится трижды. Во-первых, Горький через персонажа Павла Волкова показывает, что Фомин является творцом. Здесь важно подчеркнуть, что Горький не показывает Фомина абсолютно бесталанным, у него есть воображение, он способен создавать образы, и более того, сила его воображения такова, что эти образы живут, и даже, как можно увидеть по Волкову, «оживают». Другой вопрос, какой творец Фомин и что он представляет собой как художник? И

здесь виден яркий контраст между эталоном Пигмалиона как художника, его творческой силы, веры в свое творение и Фоминым, который может создать образ, имеющий потенциал к раскрытию, однако не способен довести начатое дело до конца. В конечном счете, мы можем сказать, что Фомин творчески «не влюблен» в свое творение, оно ему безразлично, как и множество других образов, которые окружают его «*тесною толпою призраков*» [Горький, 1973, с. 353]. При этом сам образ призраков, окружающих художника, Горький заимствует из работы Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»: «...поэт только тогда и поэт, если видит себя окруженным образами, живущими и действующими перед его глазами...» [Ницше, 2012, с. 55]; или: «...надо только иметь способность постоянно видеть перед собой живую игру и жить непрестанно *окруженным толпою духов* — при этом условии будешь поэтом...» [Ницше, 2012, с. 56]. Однако этого, как показывает Горький, оказывается недостаточно, ведь образ Волкова «материализовался и окреп» сам по себе, без участия Фомина, который два года не работал над ним, в отличие от Пигмалиона, который, изваяв статую, сам попросил богиню Афродиту оживить ее. В то же время аполлоническое начало образа Павла Волкова связано с тем, что Ницше называл «аполлоновским воздействием сна...» [Ницше, 1973, с. 40], ведь восприятие Волкова героиней рассказа часто находится на грани сна, галлюцинации и реальности, что отмечает и сама героиня.

Во-вторых, миф о Пигмалионе проигрывается и на уровне главной героини рассказа. В какой-то момент Волков говорит ей, что она и есть та женщина, которая должна наполнить смыслом его художественное существование, и она начинает верить в то, что перед ней оживший выдуманный персонаж: «Допустимо, — думала женщина, — что предо мною действительно еще не человек, а — начало его, существо, которое я могу закончить, наполнив его тем, что необходимо совершенному человеку. Это — проще того, что сделано Пигмалионом...» [Горький, 1973, с. 358]. И здесь миф о Пигмалионе иронично переосмысливается: героиня, в общем скучная женщина («Есть такие женщины, они всю жизнь чего-то ждут...» [Горький, 1973, с. 340]), начинает верить в свою способность творить, в то, что она может вдохнуть жизнь в другого персонажа — или даже человека (здесь ведется своеобразная игра с читателем, ведь и главная героиня, и Павел Волков — герои вымышленные). При этом, если следовать за мифом, то стоит вспомнить, что именно Афродита оживила статую по просьбе Пигмалиона. Таким образом, героиня здесь «берет на себя» двойную роль. С одной стороны, она начинает думать, что может закончить работу художника, с другой стороны, является прототипом Афродиты, которая и должна вдохнуть в художественное творение жизнь. У героини здесь роль

Афродиты «с дефектом», которая будто бы способна оживить, сделать совершенным Павла Волкова, персонажа Фомина. Конечно же, осуществить это она не может, так как сама является по-своему «незаконченной». В этом парадоксе проявляется своеобразная авторская ирония. Автор выбрал такого персонажа, который абсолютно не способен быть живым: существуют такие люди, которые даже через взгляд художника не могут стать интересными. Мы могли бы сказать, что «материал» в данном случае не поддается художественной обработке. Пигмалион проступает в неумелом писателе Фомине, а героиня становится своеобразной Афродитой, но только без «волшебных» божественных сил, что в итоге понимает даже вымышленный Павел Волков, после чего покидает героиню, оставляя ее одну. Ирония здесь заключается еще и в том, что героиня считает, что может наполнить другого тем, чего не хватает человеку для совершенства, то есть сама будто бы несет в себе это совершенство, как творец, как художник, новый Пигмалион. На самом же деле она всего лишь скукающая женщина без выраженных интересов, об этом читателю говорит и сам автор: «Одной из таких мало приятных женщин и была героиня романа, о котором я рассказываю, потому что не умею написать его так хорошо, как хотел бы» [Горький, 1973, с. 341]. В этой фразе можно увидеть, как миф о Пигмалионе переосмысливается третий раз, уже не на образном уровне, а на уровне взаимодействия читателя и фигуры автора. Ведь и сам автор, выражаясь художественно, «не влюблен» в свое творение, не любит собственного персонажа. Вероятно, поэтому героиня и является такой же «незаконченной», как и явившийся к ней Павел Волков. Здесь возникает своеобразная игра с читателем: то ли персонажи так плохи, что автору уже лучше их не написать (ведь в рассказе нет ни одного, как бы мы сказали, «сильного» персонажа), то ли в этом проявляется авторская ирония, очередная игра с читателем, когда он признается, что «не умеет написать свою героиню так хорошо, как хотел бы» [Горький, 1973, с. 341]. Маска автора, который доводит переименование мифа о Пигмалионе до гротеска, показывая, что ни вымышленный писатель Фомин, ни героиня рассказа, ни даже сам автор (точнее, образ автора) «пигмалионами» не являются и особой творческой силой не обладают. Персонажи настолько скучны, а авторы не обладают силой творения, что ни о какой «тайне творчества» не может идти речь. Таким образом, миф переосмысливается трижды, и во всех случаях в противоположном ключе по сравнению с инвариантом, исходным мифом, а сила аполлонического образа, точнее, само существование аполлонического идеала ставится под сомнение.

Однако, кроме такого «троекратного» переосмысления мифа, античная эстетика проигрывается в рассказе еще на одном уровне. Так, Горький на

уровне сюжета, используя прием «ожившего персонажа», как будто уподобляет свое изложение античному мышлению в контексте того, что герои античного эпоса воспринимались как живые, реальные люди наряду с изображенными богами. В дальнейшем при анализе эпоса и философских трактатов можно увидеть, что античные авторы рассматривают персонажей и их поступки подобно поступкам людей в реальной жизни, не принимая во внимание художественность и вымышленность персонажей. Так, к примеру, Сократ в диалогах Платона разбирает мотивы хитрости в поступках Одиссея с позиций не художественных, а чисто человеческих. То же самое делает и Аристотель в «Никомаховой этике», разбирая мужественность и проявления героизма у людей на примере гомеровского Гектора.

С другой стороны, «античный флёр» проявляется еще и в упоминании Природы, которая, кстати, в тексте рассказа обозначается словом, оформленным на письмо с большой буквы. Так, Павел Волков цитирует, как он говорит, «ненужный афоризм Фомина: «...я не могу думать, что Природа не знает, чего хочет, и, умея создавать всё, создает бесчисленное количество уродливого, лишнего...» [Горький, 1973, с. 358]. Мысль эта в тексте в дальнейшем не развивается, однако ясно, что проводится скрытая параллель с Природой, в подражание которой создаются произведения искусства. Природа не творит ничего лишнего, в то время как бездарный или несознательный автор вполне может сотворить такого персонажа, как Павел Волков, тем самым обрекая собственный вымысел на страдания от несовершенства.

Рассмотрев «Рассказ об одном романе» Горького в ракурсе переосмысления в нем античного мифа о Пигмалионе, мы увидели, что Горький как будто «деконструирует» аполлонический миф. При этом уже явно, в отличие от своего раннего рассказа, где и аполлоническое, и дионисийское отвергались по отдельности и могли рассматриваться только целостно, Горький здесь с эстетических позиций склоняется к необходимости развития дионисийского начала в творчестве. В героях рассказа словно нет жизни: писатель равнодушен к своим героям, главная героиня равнодушна к жизни вообще. Мыслеобразы, создаваемые писателем Фоминым, настолько рациональны, что сами могут рассуждать о себе, но в них нет жизни, внутреннего конфликта, ничего того, что могло хотя бы приблизить их к дионисийскому «опьяненному» началу.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, сравнивая два текста Горького раннего и позднего периода и анализируя особенности реализации в них концепта аполлонического и дионисийского, мы увидели своеобразный «диалог» текстов писа-

теля, между созданием которых прошло тридцать лет. Рассказы сходны по поэтике: имеют похожие названия, связаны с проблемой эстетики, в них явно присутствует автор, обращающийся к своему читателю. В обоих текстах главным смысловым компонентом является «эстетический диалог», а предметом художественного осмысления становится творческая фантазия и сила художника. При этом интересно, что в раннем рассказе поэт отказывается от творчества, понимая, что не выдержит ответственности, что не обладает достаточной силой выразить все то, чего хочет сам, и о чем говорят ему музы. В этом решении автор поддерживает своего героя, однако в позднем тексте 1924 года Горький как будто предлагает посмотреть, что было бы, если бы герой из рассказа 1894 года все-таки не отказался от своих попыток заниматься творчеством. При этом Горький сознательно не приукрашивает образ писателя и иронично переосмысляет античный миф. Писатель Фомин пишет, но от этого страдают его собственные персонажи. Как видно, Фомину не хватает именно того, чего молодой поэт из 1894 года испугался в разговоре с третьей музой: страсти, возможно, даже резкости, аффектов, то есть всего того, что можно было бы хотя бы отдаленно связать с проявлением дионисийского начала. При этом интересно концептуальное эстетическое переосмысление: в рассказе «Об одном поэте» молодой Горький находится в поисках истины («В жизни так много учителей, а учащихся мало, учений много, а истина?») [Горький, 1968, с. 427]) и иронизирует над своим героем, который так и не решается следовать ни аполлоническому, ни дионисийскому началу, а затем и вовсе решает отказаться от творчества. Однако уже в рассказе 1924 года, тоже содержащем иронию по отношению к персонажам, Горький прибегает к развенчанию мифа о прекрасном аполлоническом творении и иронизирует именно над недостатком творческого порыва дионисийского толка. В этом смысле мы не говорим об эволюции самого Горького в сторону дионисийства, а имеем в виду лишь его эстетический ответ самому себе. Здесь речь идет об отказе от ранней декларативности, ультимативности, требующей от художника найти некую истину: «...обновить жизнь... <...> показать путь к истинному счастью...» [Горький, 1968, с. 424]. Теперь, в тексте 1924 года основная интенция тяготеет не к поиску истины, а к поиску красоты, эстетической полноты образа. На первый план выходит жизненность образа, способность художника силой слова влиять на других людей, будить чувства, пусть и не всегда прекрасные, но обязательно сильные. В то же время «Рассказ об одном романе» — это и ответ тому поэту из текста 1894 года. Герой рассказа писатель Фомин, осознав творческую несостоятельность своего текста, в конце принимает решение порвать свой роман, так же, как и юный поэт, решивший сломать перья и навсегда отказаться

от попыток творчества. В этом смысле позиция Горького не менялась: лучше отказаться от творчества сразу, если на это не хватает душевных сил, если нет возможности соединить аполлоническую гармонию и рационализм с дионисийским буйством эмоций и энергией.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Горький М. Полное собрание сочинений : в 24 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1997. — Т. 2. — 480 с. — ISBN 5-02-011167-8.
2. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1968. — Т. 1. — 590 с.
3. Горький М. Полное собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1973. — Т. 17. — 631 с.
4. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. Рождение трагедии. Из наследия 1869—1873 гг. / Ф. Ницше. — Москва : Культурная революция, 2012. — Т. 1. — 416 с. — ISBN 973-5-902764-15-1.

Литература

1. Аствацатуров А. Г. Музыка, рожденная игрой / А. Г. Аствацатуров // Поэтика Ницше. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУСЭ, 2010. — С. 46—76. — ISBN 978-5-228-00329-3.
2. Басинский П. В. Ранний Горький и Ницше : (Мировоззренческие истоки творчества М. Горького 1892-1905 гг.): Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01. / П. В. Басинский ; Лит. ин-т им. А. М. Горького. — Москва, 1998. — 21 с.
3. Богданова О. В. Ницшеанский герой М. Горького («Старуха Изергиль», «На дне») / О. В. Богданова ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2019. — 71 с. — ISBN 978-5-8064-2665-0. — EDN YDNMMX.
4. Гельрот М. В. Ницше и Горький (Элементы ницшеанства в творчестве Горького) / М. В. Гельрот // Максим Горький : pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 381—429. — ISBN 5-88812-014-6.
5. Мережковский Д. С. Не святая Русь / Д. С. Мережковский // Максим Горький : pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 844—856. — ISBN 5-88812-014-6.
6. Михайловский Н. К. О г. Максиме Горьком и его героях / Н. К. Михайловский // Максим Горький : pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 325—380. — ISBN 5-88812-014-6.
7. Ожигова М. М. Максим Горький и Иммануил Кант : к полемике о природе творчества в «Рассказе об одном романе» (Берлин, 1924 г.)» / М. М. Ожигова // Новый филологический вестник. — 2021. — № 2 (61). — С. 198—207.
8. Певцова Р. Т. Максим Горький и Фридрих Ницше / Р. Т. Певцова. — Москва : РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2001. — 65 с. — ISBN 5-8288-0435-9.
9. Попов М. Н. Ницше и музыка / М. Н. Попов // Фридрих Ницше и современность. — Москва : МГПУ, 2017. — С. 134—141. — ISBN 978-5-243-00457-2.

10. Попов М. Н. Ф. Ницше — поэт / М. Н. Попов // Фридрих Ницше и современность. — Москва : МГПУ, 2017. — С. 110—118. — ISBN 978-5-243-00457-2.
11. Примочкина Н. Н. Поэтика эксперимента : творчество М. Горького начала 1920-х гг / Н. Н. Примочкина. — Москва : Директ-Медиа, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-4499-2813-9.
12. Спиридонова Л. А. М. Горький — мыслитель, художник, человек / Л. А. Спиридонова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 432 с. — ISBN 978-5-9208-0697-0.
13. Тахо-Годи А. А. Миф и символ в сказке М. Горького «Девушка и смерть» / А. А. Тахо-Годи // Филологические науки. — 1968а. — № 4. — С. 3—11.
14. Тахо-Годи А. А. Мифолого-символическая структура художественной образности раннего Горького / А. А. Тахо-Годи // Роль М. Горького в развитии Советской и Мировой культуры. — Москва : Издательство Московского университета, 1968б. — С. 39—42.
15. Трубецкой Е. Н. Философия Ницше : критический очерк / Е. Н. Трубецкой. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 168 с. — ISBN 978-5-9710-2304-3.
16. Хубулава Г. Г. Миф и поэтика Фридриха Ницше / Г. Г. Хубулава // Поэтика Ницше. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУСЭ, 2010. — С. 19—35. — ISBN 978-5-228-00329-3.
17. Шлемова Н. А. Идея сверхчеловека и дионисизм Фридриха Ницше / Н. А. Шлемова // Фридрих Ницше и современность. — Москва : МГПУ, 2017. — С. 119—133. — ISBN 978-5-243-00457-2.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023,
одобрена после рецензирования 18.10.2023,
подготовлена к публикации 23.10.2023.

Material resources

- Gorky, M. (1968). *Complete works: in 25 volumes, 1*. Moscow: Nauka. 590 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (1973). *The complete works: in 25 volumes, 17*. Moscow: Nauka. 631 p. (In Russ.).
- Gorky, M. (1997). *The complete works: in 24 volumes, 2*. Moscow: Nauka. 480 p. ISBN 5-02-011167-8. (In Russ.).
- Nietzsche, F. (2012). *The complete works. The birth of tragedy. From the legacy of 1869—1873, 1*. Moscow: Cultural Revolution. 416 p. ISBN 973-5-902764-15-1. (In Russ.).

References

- Astvatsaturov, A. G. (2010). Music born of a game. In: *Nietzsche's Poetics*. St. Petersburg: Publishing House of SPbGUSE. 46—76. ISBN 978-5-228-00329-3. (In Russ.).
- Basinsky, P. V. (1998). *Early Gorky and Nietzsche: (Ideological origins of M. Gorky's work 1892-1905): author's abstract of PhD Diss*. Moscow. 21 p. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V. (2019). *Nietzschean hero M. Gorky ("Old Woman Izergil", "At the Depth")*. St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia. 71 p. ISBN 978-5-8064-2665-0. (In Russ.).
- Gelrot, M. V. (1997). Nietzsche and Gorky (Elements of Nietzscheanism in Gorky's work). In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 381—429. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Hubulava, G. G. (2010). The Myth and Poetics of Friedrich Nietzsche. In: *Nietzsche's Poetics*. St. Petersburg: Publishing House of SPbGUSEC. 19—35. ISBN 978-5-228-00329-3. (In Russ.).

- Merezhkovsky, D. S. (1997). Not holy Russia. In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 844—856. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Mikhailovsky, N. K. (1997). About Maxim Gorky and his heroes. In: *Maxim Gorky: pro et contra*. St. Petersburg: RHGI. 325—380. ISBN 5-88812-014-6. (In Russ.).
- Ozhigova, M. M. (2021). Maxim Gorky and Immanuel Kant: to the polemic about the nature of creativity in the “Story of a Novel (Berlin, 1924)”. *New Philological Bulletin*, 2 (61): 198—207. (In Russ.).
- Pevtsova, R. T. (2001). *Maxim Gorky and Friedrich Nietzsche*. Moscow: Alpha MGOPU. 65 p. ISBN 5-8288-0435-9. (In Russ.).
- Popov, M. N. (2017). F. Nietzsche — poet. In: *Friedrich Nietzsche and Modernity*. Moscow: MSPU. 110—118. ISBN 978-5-243-00457-2. (In Russ.).
- Popov, M. N. (2017). Nietzsche and music. In: *Friedrich Nietzsche and modernity*. Moscow: MSPU. 134—141. ISBN 978-5-243-00457-2. (In Russ.).
- Primochkina, N. N. (2022). *Poetics of experiment: the work of M. Gorky of the early 1920s*. Moscow: Direct-Media. 320 p. ISBN 978-5-4499-2813-9. (In Russ.).
- Shlemova, N. A. (2017). The idea of the superman and the dionysism of Friedrich Nietzsche. In: *Friedrich Nietzsche and modernity*. Moscow: MSPU. 119—133. ISBN 978-5-243-00457-2. (In Russ.).
- Spiridonova, L. A. (2022). *M. Gorky — thinker, artist, man*. Moscow: IMLI RAS. 432 p. ISBN 978-5-9208-0697-0. (In Russ.).
- Tahoe-Godi, A. A. (1968a). Myth and symbol in M. Gorky’s fairy tale “The Girl and death”. *Philological Sciences*, 4: 3—11. (In Russ.).
- Tahoe-Godi, A. A. (1968b). Mythological and symbolic structure of the artistic imagery of early Gorky. In: *The role of M. Gorky in the development of Soviet and World culture*. Moscow: Moscow University Press. 39—42. (In Russ.).
- Trubetskoy, E. N. (2015). *Nietzsche’s Philosophy: a critical essay*. Moscow: LENAND. 168 p. ISBN 978-5-9710-2304-3. (In Russ.).

*The article was submitted 23.08.2023;
approved after reviewing 18.10.2023;
accepted for publication 23.10.2023.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

Азамат Амурович Татаров, канд. истор. наук (Нальчик)
Александр Альбертович Сулейманов, канд. истор. наук (Якутск)
Анатолий Васильевич Антошкин, канд. истор. наук (Стерлитамак)
Анна Борисовна Агафонова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Баатр Викторович Очиров, гл. специалист научного отдела (Элиста)
Вячеслав Валериевич Аксарин, канд. истор. наук (Тобольск)
Дарья Викторовна Якупова, канд. истор. наук (Пенза)
Сергей Алексеевич Баканов, д-р истор. наук (Челябинск)
Татьяна Петровна Нестерова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Эльза Фаилевна Садыкова, канд. пед. наук (Тюмень)

Информация для цитирования:

Агафонова А. Б. Городская повседневность и электрификация в условиях топливных кризисов первой четверти XX века / А. Б. Агафонова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 348—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-348-371.

Agafonova, A. B. (2023). Urban Everyday Life and Electrification in Context of Fuel Crises in First Quarter of 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 348-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-348-371. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-348-371

Городская повседневность и электрификация в условиях топливных кризисов первой четверти XX века

Агафонова Анна Борисовна
orcid.org/0000-0003-3021-4002
WoS ResearcherID: C-1335-2014
Scopus AuthorID: 57218302546
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
лаборатории экологической и
технологической истории
a.b.agafonova@gmail.com

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научного проекта
№ 22-28-01558,
<https://rscf.ru/project/22-28-01558/>

Urban Everyday Life and Electrification in Context of Fuel Crises in First Quarter of 20th Century

Anna B. Agafonova
orcid.org/0000-0003-3021-4002
WoS ResearcherID: C-1335-2014
Scopus AuthorID: 57218302546
PhD in History,
Research Fellow,
Laboratory for Environmental
and Technological History
a.b.agafonova@gmail.com

National Research University
Higher School of Economics
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-28-01558,
<https://rscf.ru/project/22-28-01558/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу социального отклика на появление в городах новых электрических технологий (уличное освещение и трамвай), а также на ограничения в использовании этих технологий в периоды топливных кризисов. Концепции «энергетического перехода» и «поворота к пользователю» составляют методологическую основу исследования. Автор основывается на периодизации Л. Б. Кафенгауза при анализе изменений в снабжении городов электроэнергией. Исследование показало, что новая электрическая инфраструктура была востребована горожанами. Адаптивность электростанций к дефициту топлива позволяла поддерживать электроснабжение городов в кризисные годы. Впервые горожане столкнулись с дефицитом топлива для электростанций в годы Первой мировой и гражданской войн. Топливный кризис 1901—1908 годов остался незамеченным для городского населения, поскольку работа электростанций чаще прерывалась из-за забастовок рабочих, чем из-за недостатка топлива. Освещается разгоревшаяся в Москве в 1909 году общественная дискуссия о допустимости устройства трамвайного движения по Красной площади. Сообщается об обсуждении в периодике того времени явления «трамвайзации литературы»: более половины пассажиров в вагонах трамваев читали газеты, книги. Автором собраны материалы о забастовках рабочих трамвайных депо, о недовольстве пассажиров острыми шпильками в дамских шляпках и о других социальных вопросах, возникавших вследствие электрификации быта горожан указанного периода.

Ключевые слова:

поворот к потребителю; позднеимперский город; советский город; социальная история электрификации; экологическая история; энергетический переход.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the social response to the introduction of new electric technologies (street lighting and trams) in cities, as well as the limitations on their use during periods of fuel crises. The concepts of “energy transition” and “shift towards consumerism” serve as the methodological basis for the study. The author relies on L. B. Kafengauz’s periodization when analyzing changes in cities’ electricity supply. The research shows that the new electric infrastructure was in demand among city dwellers. The adaptability of power plants to fuel shortages allowed for the maintenance of electricity supply during crisis years. For the first time, city residents faced a shortage of fuel for power plants during the First World War and the Civil War. The fuel crisis of 1901-1908 went unnoticed by urban populations, as power plant operations were more often disrupted due to worker strikes than fuel shortages. The article discusses the public debate that erupted in Moscow in 1909 regarding the acceptability of allowing tram traffic on Red Square. It also reports on the discussion in contemporary periodicals of the phenomenon of “tramvayizatsiya literature” (the “tramway-ization” of literature, “the literature for trams”); more than half of the passengers on tram cars were reading newspapers or books. The author has gathered interesting materials on worker strikes at tram depots, dissatisfaction among passengers with sharp hat pins on women’s hats, and other social issues that arose as a result of electrifying city life during the specified period.

Key words:

shift towards consumerism; late imperial city; soviet city; social history of electrification; environmental history; energy transition.

Городская повседневность и электрификация в условиях топливных кризисов первой четверти XX века

© Агафонова А. Б., 2023

1. Введение = Introduction

Развитие электротехники и рост добычи минерального топлива в последней четверти XIX века способствовали электрификации городского хозяйства в 1880—1910-е годы. Электрическое освещение, телеграф, телефон и трамвай становились важным элементом благоустройства. Отечественная и зарубежная историография исследует электрификацию российских и советских городов, главным образом, в рамках исторической урбанистики, истории техники и технологий, а также истории энергетики. В 1920-е годы советские историки разрабатывали методологические подходы к исследованию города и рассматривали электричество как признак новейшей переходной эпохи в мировом урбанизме [Анциферов, 1926; Велихов, 1996]. Исследования советских историков акцентировали внимание на ключевой роли электрификации в развитии промышленности, а также освещали технологические и экономические аспекты реализации проекта ГОЭЛРО [Каменецкий, 1928; Жимерин, 1962; Давыдова, 1966; Флаксерман, 1970]. Одним из первых исследователей истории электрификации городов Российской империи в 1880—1890-е годы является М. О. Каменецкий, который проанализировал причины строительства электростанций, роль иностранного капитала, технологические аспекты и вопросы снабжения топливом первых электростанций [Каменецкий, 1951, с. 30—72]. В 1980—1990-е годы вышел ряд исследований о развитии электрического транспорта в отдельных городах в дореволюционный и советский периоды, где авторы представили анализ муниципальной политики по электрификации транспорта в контексте политических потрясений первой четверти XX века [Годес, 1982; Забелло, 1998; Тархов, 1999]. Современные исследования освещают экономические показатели развития энергетики в Российской империи [Симонов, 2013], влияние электрификации на культурную жизнь и повседневные практики горожан [Никифорова, 2016, 2017], роль предпринимателей, муниципальной и государственной власти в электрификации отдельных городов [Ильин, 2009; Маклюков, 2018]. Среди работ зарубежных исследователей следует выделить монографию по истории электрификации России в 1880—1926 годы Дж. Куперсмита [Coopersmith,

1992] и работу Т. Мюллонтауса о трансфере электрических технологий в Финляндии в конце XIX — начале XX веков [Myllyntaus, 1991].

Научная проблема, на решение которой направлено настоящее исследование, заключается в выявлении и анализе социального отклика на появление новых электрических технологий в городской повседневности, с одной стороны, и на топливные кризисы, которые ограничивали горожан в использовании этих технологий, с другой стороны. Электрификация городов в данной работе рассматривается как результат энергетического перехода, начавшегося во второй половине XIX века и прерванного Первой мировой и гражданской войнами. Обращение к истории развития городской инфраструктуры с точки зрения массового потребителя в переломные исторические и технологические этапы является актуальным и позволяет установить, каким образом общество адаптировалось к новым условиям и переживало кризисные периоды, связанные, в числе прочего, с дефицитом природных ресурсов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено в рамках концепций «энергетического перехода» и «поворота к пользователю». В гуманитарных исследованиях концепция энергетического перехода предполагает анализ изменений в социальных и экономических структурах общества, обусловленных переходом от одной энергетической системы к другой [Bonan, 2020, p. 688]. Данное исследование будет сфокусировано на городском сообществе и отдельных его группах: на органах городского управления, пользователях городской энергетической инфраструктуры и рабочих, обеспечивавших функционирование этой инфраструктуры. Следование концепции «поворота к пользователю» предполагает изучение пользовательского опыта горожан, их впечатлений, проблем и переживаний, связанных с повседневным использованием наиболее доступной широкой массам электрической инфраструктуры: уличного освещения и трамвая.

Исследуемый период охватывает одни из наиболее значимых социально-экономических и политических преобразований государства в XX веке, которые отразились и на энергетической системе страны. Российский и советский экономист Л. Б. Кафенгауз в 1930-е годы выделил ряд периодов в истории дореволюционной и советской промышленности 1880—1920-х годов, связанных с изменениями в топливном балансе страны. По оценке исследователя, соединение Донбасса сетью железных дорог с промышленными центрами в 1890-е годы обусловило возникновение в стране крупной каменноугольной промышленности и способствовало минерализации топливного баланса [Кафенгауз, 1994, с. 22—69]. Одновременно с этим раз-

вивались добыча и использование бакинской и грозненской нефти. Однако уже в 1901—1908 годах Российская империя переживала первый крупный экономический кризис, который затронул и нефтяную промышленность. Л. Б. Кафенгауз связал упадок в нефтяной отрасли с кризисом сбыта нефти, за которым последовало сокращение буровой деятельности и падение производительности скважин [Кафенгауз, 1994, с. 70—122]. Данный кризис существенно замедлил минерализацию топливного баланса. В период предвоенного подъема промышленности в 1909—1914 годы темпы минерализации топливного баланса оставались низкими и сама топливная отрасль отставала от потребностей страны в энергии. Топливный кризис в годы первой мировой войны сопровождался деминерализацией топливного баланса: по данным Л. Б. Кафенгауза, в 1913—1917 годах удельный вес дров вырос в 1,5 раза, также усилилась электрификация производства и возросла выработка электроэнергии [Кафенгауз, 1994, с. 172—213]. Упадок в топливном хозяйстве наблюдался до 1921 года, после чего началось постепенное восстановление энергетической отрасли. Настоящее исследование опирается на периодизацию, предложенную Л. Б. Кафенгаузом, и нацелено на выявление социального отклика на появление в городах новой электрической инфраструктуры и на изменения в работе этой инфраструктуры, обусловленные топливными кризисами в первой четверти XX века. Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати исследуемого периода, эго-документы современников, а также делопроизводственные материалы фондов Хозяйственного департамента МВД и Особого Совещания по топливу Российского государственного исторического архива и фондов Череповецкого центра хранения документации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первые шаги в электрификации городской инфраструктуры

В 1880—1900-е годы городское население проявляло интерес к появлению в городах электрического освещения и к экспериментам с электрификацией общественного транспорта. Появление электрического уличного освещения являлось торжественным событием и привлекало массы горожан на мероприятия по запуску такого освещения на отдельных объектах или улицах [Разные известия, 1880, с. 19]. В 1883 году уличное электрическое освещение впервые появилось в Москве — была освещена площадь у храма Христа Спасителя, в 1886 году первые частные малые электростанции обеспечили уличное освещение в Петербурге, а через год электрическое освещение появилось на улицах Одессы и Царского Села [Каменецкий, 1951, с. 31, 62—63].

В 1880 году петербуржцы с восторгом приняли эксперименты Н. Н. Пироцкого по переводу конно-железных дорог на электрическую

тягу. Зимой 1895 года в Петербурге между Сенатской площадью и Васильевским островом были запущены маленькие вагоны на электрической тяге, а уже через год по льду Невы пошел первый сезонный трамвай [Годес, 1982, с. 25—26]. Горожане отмечали новизну, быстроту, дешевизну и удобство такого транспорта и ратовали за введение трамвайного сообщения в столице на постоянной основе. На востребованность этого общественного транспорта указывали и частные жалобы жителей Витебска на нерегулярность и перебои в движении городского трамвая [Забелло, 1998, с. 26]. Впрочем, жалобы поступали не только со стороны пассажиров: владельцы конно-железных дорог и извозпромышленники выступали против электрификации общественного транспорта. Владельцы конных железных дорог не желали нести существенные расходы по переходу с конной тяги на электричество без получения дополнительной выгоды от такой дорогостоящей модернизации. Они имели долгосрочные контракты с органами городского управления на монопольное предоставление услуг общественного транспорта в столице. На их стороне выступали извозпромышленники, утверждавшие, что «вагон без упряжки» будет пугать лошадей и калечить людей [Годес, 1982, с. 22—23]. Витебские извозчики жаловались, что лошади пугались вагонов, в результате чего опрокидывали повозки, а сами извозчики из-за высокого спроса на трамвай теряли заработок [Забелло, 1998, с. 26]. Подобная конкуренция возникла и между компаниями электрического и газового освещения, последние из которых не желали уступать конкурентам. Главным преимуществом электричества была его дешевизна, благодаря которой оно и вытеснило газовое освещение с рынка. Примечательно, что сторонники как газового, так и электрического освещения в ходе заочных дискуссий обращались к вопросу безопасности для пользователя их типа освещения. Так, представитель одной из газоосветительных фирм К. Зигель полагал, что вред от продуктов горения газа наносится только в случае длительной утечки большого объема газа, тогда как несчастные случаи от соприкосновения с электрическими проводами происходят гораздо чаще [Выгоды..., 1902, с. 2—3]. Выступавший за развитие российской гидроэнергетики инженер В. Ф. Добротворский утверждал, что электрическое освещение гигиенично, оно защищает человека от отравления продуктами горения [Добротворский, 1901, с. 272].

В Петербурге в 1880-х годах владельцам конно-железных дорог и извозпромышленникам на некоторое время удалось повлиять на общественное мнение через прессу, что выразилось в росте «антиэлектрических» настроений среди горожан. На практике претензии извозчиков и владельцев конок не были беспочвенными, поскольку процесс адаптации городского населения и животных к электрическому транспорту сопровож-

ждался частыми авариями, травмами, неосторожным обращением горожан с электрическими проводами [Тархов, 1999, с. 79—80]. Осведомленность горожан об опасности контакта с электрическими проводами находилась на низком уровне, вследствие чего некоторые жители становились жертвами злых шутников, советовавших для понимания принципов трамвайного движения проволокой дотянуться до электрических проводов [Там же]. Вопросы безопасности населения от случайного контакта с электропроводами обсуждались на заседаниях электротехнических обществ и на страницах специализированных журналов, но утвержденных нормативов электротехнической безопасности и лиц, ответственных за их соблюдение, в этот период еще не было [Об опасностях..., 1890, с. 29—32].

3.2. Электрификация, забастовки и топливный кризис 1901—1908 годов

Топливный кризис 1901—1908 годов нашел отражение в прессе: московская газета «Новости дня» писала о полнейшем дровяном кризисе и дефиците угля в Москве в 1906 году [Хроника ..., 1905]. Жители Томска жаловались на позднее включение уличного и домового электрического освещения, полагая, что таким образом электростанция экономила топливо [Местная хроника ..., 1907, с. 2]. Однако остановке трамвайного движения и уличного освещения в городах предшествовал не столько дефицит топлива, сколько забастовки рабочих электростанций и трамвайных депо в годы Первой русской революции. Агитационная работа большевиков способствовала самоорганизации трамвайщиков и рабочих электростанций, которые консолидированно выдвинули традиционные для рабочего движения требования о сокращении продолжительности рабочего дня, повышении заработной платы и улучшении условий труда. В первые дни революции трамвайных служащих Петербурга, как писал В. И. Ленин, «заставили выйти на работу казаки с обнаженными шашками» [Ленин, 1967, с. 226]. В мае 1905 года витебские трамвайщики и работники электростанции объявили забастовку, в результате чего прекратилась подача электроэнергии, движение трамваев остановилось, а город погрузился во мрак [Забелло, 1998, с. 27—28]. Во всероссийской октябрьской стачке рабочие электростанций и трамвайных депо участвовали массово по всей стране, что дезорганизовывало повседневную жизнь горожан. Забастовки продолжались и в последующие годы: так, забастовка трамвайных рабочих в Москве с 22 февраля по 10 марта 1907 года принесла городской управе убытков на 100 000 руб. [Забастовка трамваев ..., 1907, с. 3; Ликвидация забастовки ..., 1907, с. 4]. Соответственно, в годы первого топливного кризиса наиболее острыми являлись не ресурсные проблемы, а социально-экономические, решения которых требовали рабочие электростанций

и трамвайных депо, они выступали консолидированно, регулярно проводили летучки по актуальным вопросам и организовывали профсоюзы.

Несмотря на забастовки, в Москве открывались новые линии городского трамвая, в Петербурге трамвайное движение было запущено на постоянной основе в 1907 году. Эти события по-прежнему вызывали интерес и восторг у публики. В мемуарах Анастасии Цветаевой о ее детстве в Москве трамвай упоминается в качестве диковинки [Цветаева, 2012, с. 54]. Илья Эренбург писал: «Я помню, как пустили первый трамвай — от Савеловского вокзала до Страстной площади; мы стояли ошеломленные перед чудом техники, искры на дуге нас потрясали не менее, чем потрясают теперь людей спутники Земли» [Эренбург, 1990, с. 60—61]. В первый же день движения трамваи Петербурга и Москвы были переполнены, горожане требовали открытия новых линий, а петербургские газеты окрестили трамвай «средством против дефицита» [Годес, 1982, с. 39; От конки..., 1993, с. 186]. Последнее объяснялось доступностью этого вида транспорта для населения и возможностью поддерживать работу общественного транспорта даже в условиях дефицита топлива и нестабильной социально-политической обстановки.

3.3. Изменения в городском облике и в повседневных практиках горожан

В 1909—1914 годах электрическое освещение и трамваи становились всё более востребованными: города расширяли сети уличного освещения и трамвайного движения. В Москве в 1909 году разгорелась общественная дискуссия о допустимости устройства трамвайного движения по Красной площади в связи с расширением транспортной сети в Замоскворечье. В среде городской интеллигенции сформировалось особое общественное антитрамвайное движение, яркими представителями которого являлись В. М. Васнецов, Ф. И. Шехтель, князь Н. С. Щербатов, Н. В. Глоба, Е. В. Барсон [Тархов, 1999, с. 135]. Они считали, что трамвайные столбы и провода портят внешний вид площади и находящихся на ней объектов культурного и исторического наследия. В. М. Васнецов указывал: «Нельзя будет любоваться памятниками (Минину и Пожарскому и собором Василия Блаженного. — *прим. А. А.*), если они будут загромождены трамвайными столбами, будут перепутаны целой сетью “колец” и “петель”, и по площади будут снова везд и вперед вагоны» [Профессор..., 1909, с. 8]. Городское управление, выступавшее за организацию трамвайного движения по Красной площади, нашло поддержку среди владельцев торговых рядов и части интеллигенции. В частности, профессор Московского университета И. В. Цветаев полагал, что интересы населения в данном вопросе являются более приоритетными по сравнению с сохранением облика

города, который постоянно менялся [Профессор..., 1909, с. 5]. По результатам работы специально созданного городским управлением совещания, на котором присутствовали обе оппонирующие стороны, было принято решение открыть трамвайное движение по Красной площади вдоль сквера, прилежавшего к стенам Кремля [Тархов, 1999, с. 136—137]. Борцы за сохранение исторического наследия критиковали недопустимые, с их точки зрения, планировочные решения и в других городах. Так, издание «Старые годы» в 1911 году на своих страницах окрестило «вандализмом» решение тульского городского управления разместить электростанцию на территории старинного Кремля. Авторы считали, что архитектурный ансамбль пострадал от размещения рядом с собором здания станции, грязных служебных помещений и высокой трубы, а городская администрация совершенно бездействовала, несмотря на общественную критику и возмущения [Симонов, 2016, с. 90].

Электрическое освещение и трамваи существенно меняли облик городов. И в прессе, и в художественной литературе авторы отмечали, что «грохотание» трамвая и роскошь магазинных витрин, освещенных электричеством, стали элементами повседневной городской жизни [Вольнов, 1976, с. 242]. При этом трамваи влияли на повседневные практики горожан не только в вопросах дорожной безопасности и пользования общественным транспортом. В 1910 году начала издаваться «Трамвайная московская газета», а уже в 1914 году «Московская газета» писала о «трамвайзации» литературы. Автор этого термина сообщал, что более половины пассажиров в вагонах читают газеты или книги: «трамвай плодит читателей количественно, но убивает их качественно», трамвайизируются как авторы, так и читатели [Соммей, 1914, с. 5]. Трамвай становился элементом студенческих игр и балов-маскарадов [Дневник..., 1912, с. 4].

Дамские шляпы с длинными шпильками или булавками в тесных трамвайных вагонах представляли серьезную опасность для пассажиров. В прессу и органы городского управления поступали жалобы на головные уборы с булавками, «грозившими ежеминутно своими остриями выколоть <...> глаза или поранить лицо» [Бессильный..., 1909, с. 5]. Пассажиры неоднократно требовали введения и строго исполнения обязательных постановлений о запрете для дам ездить в трамваях в таких шляпах [На лету, 1910; О дамских булавках..., 1909]. Кроме того, москвичи выражали недовольство ценами за проезд и решением городской думы об установлении нормы расстояния между трамвайными остановками по примеру европейских городов в 150—200 саж. (275—366 м). По мнению горожан, из-за московского климата и состояния тротуаров такие расстояния между остановками были неприемлемы [Протест..., 1911]. Петербуржцы также

жаловались на дороговизну проезда, в результате чего городская управа рассматривала варианты введения детских трамвайных билетов и льготного тарифа за проезд в утренние часы [Ходатайство..., 1911, с. 4]. Еще одним признаком популярности трамвая было появление постоянных трамвайных «зайцев», которые приносили весьма ощутимые убытки бюджету Петербурга [Обилие..., 1910, с. 4].

В 1909—1914 годах периодически проходили забастовки рабочих трамвайных депо и электростанций, в результате чего оборудование станций и трамвайные вагоны лишались регулярного технического осмотра, что приводило к снижению комфортности поездок и росту аварийности [Забастовки ..., 1913, с. 12; На трамвайных ..., 1912, с. 3]. В мае 1912 года на трамвайных линиях Невского и Литейного проспектов и на Петроградской стороне наблюдались задержки трамваев, в то время как в трамвайных парках находилось более 70 вагонов, непригодных для выхода на маршрут и остававшихся без ремонта из-за длительной забастовки слесарей [К трамвайной..., 1912, с. 4]. Большевицские газеты «Правда» и «Новая жизнь», освещая забастовки трамвайщиков, называли наиболее пострадавшей стороной горожан, поскольку ритм их повседневной жизни был совершенно нарушен отсутствием уличного освещения, водопроводного водоснабжения и регулярных рейсов общественного транспорта из-за забастовок рабочих [Годес, 1982, с. 57; На городском..., 1912, с. 3]. Со страниц «Правды» звучали требования к городской думе обратить внимание на потребности общества в исправной работе городских служб [На городском..., 1912, с. 3].

Москвичи испытывали периодические перебои с трамвайным движением из-за ливней, разливов Яузы и аварий на водопроводе [Наводнение в Москве ..., 1909, с. 4; Наводнение ..., 1914, с. 8]. Аварии, ДТП и стихийные бедствия, влиявшие на работу городских служб, имели место в Витебске, Харькове, Саратове, Одессе и в других городах [Забелло, 1998, с. 26; Беспорядки ..., 1910]. Отключение электроэнергии в Одессе в феврале 1912 года из-за поломки оборудования на электростанции привело к отмене всех балов и большинства зрелищ, закрытию ресторанов, шантанов и иллюзионов, чьи хозяева планировали возмещать понесенные убытки в судебном порядке [Одесса..., 1912]. Электростанция Харькова в июне 1914 года работала нестабильно: жители нагорной части города оставались без уличного освещения с утра и до 5—6 ч вечера, что создавало им неудобства в передвижении [Шалости..., 1914].

Провинциальные города испытывали трудности в расширении электросетей. В начале XX века электрификация промышленности существенно опережала развитие городской электрической инфраструктуры,

в городах промышленные предприятия или железные дороги становились основными потребителями энергии. Рост спроса на электрификацию способствовал распространению в городах небольших электростанций, имевших весьма ограниченные возможности для расширения в будущем. В результате в ряде городов возникали ситуации с приостановкой присоединения новых абонентов к электросети. В Архангельске органы городского управления, предоставив Товариществу «М. П. Подобедов и Ко» неисключительное право на строительство электростанции в 1897 году, способствовали появлению в городе еще двух частных электростанций в 1908 году [РГИА, ф. 1287, оп. 44, д. 29, л. 18, 33—36]. Все три частные электростанции, разграничив зоны обслуживания, к 1913 году оказались не в состоянии подключать к сети новых абонентов или брать на себя работу по упорядочению городского электрического хозяйства и повышать качество обслуживания. Мариупольская электростанция к 1913 году также не могла подключать новых абонентов и расширять сеть без получения займа [На электрической..., 1913].

3.4. Топливный кризис в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны городское население в полной мере ощутило недостаток топлива и иные негативные последствия войны, в результате чего электрическое освещение и общественный транспорт становились менее доступными для горожан. С началом мобилизации вместо ушедших на фронт мужчин на должности трамвайных кондукторов и вагоновожатых впервые стали принимать женщин и студентов, что в ряде случаев приводило к росту аварийности [Забелло, 1998, с. 36; Тархов, 1999, с. 161, 164—165]. В Москве для военнослужащих ввели бесплатный проезд в общественном транспорте, а трамвайные вагоны стали местом сбора пожертвований для раненых [Тархов, 1999, с. 162—164]. В 1915 году города столкнулись с дефицитом оборудования и запчастей для ремонта трамваев и электростанций. До войны на этих предприятиях использовалось зарубежное оборудование, зачастую сами предприятия принадлежали иностранным компаниям, но из-за военных действий поставки были затруднены. Так, в Витебске трамвай, принадлежавший бельгийскому акционерному обществу, уже в 1915 году стал работать на износ из-за невозможности получить необходимые запчасти из Брюсселя [Забелло, 1998, с. 37]. В Москве попытки срочно закупить 100 моторных и 150 прицепных вагонов в Англии, США и Японии не увенчались успехом, так как изготовление вагонов требовало времени, а доставку машин для строительства новой электростанции, заказанных в Швейцарии в середине 1915 года, ожидали в 1916 году [Тархов, 1999, с. 166]. Начало войны способствовало росту антинемецких настроений в обществе и изъятию собственности

у немецких подданных. В 1915—1917 годах были секвестрованы или ликвидированы «Общество электрических предприятий в Берлине», являвшееся поставщиком электроэнергии для Киева, Варшавы и Двинска, «Общество электрического освещения 1886 года», снабжавшее электричеством Петроград, Москву, Киев и Лодзь, акционерные общества «Сименс и Гальске» и «Сименс Шуккерт», а также «Всеобщая компания электричества», поставлявшая электричество в Петроград, Москву, Екатеринбург, Самару, Ташкент, Владивосток, Иркутск, Томск, Харьков, Екатеринославль, Ростов-на-Дону, Одессу, Киев, Псков, Баку [Лор, 2012, с. 39, 79, 89—91]. Активы ликвидированных акционерных обществ распределялись между органами городской власти и государственным казначейством.

Городские электростанции испытывали недостаток топлива в связи с нарушением поставок английского угля, использованием железных дорог для перевозки армии и перенаправлением имевшихся топливных ресурсов на нужды фронта. Городской голова Пскова в ходатайстве о выделении средств на строительство гидроэлектростанции на р. Великой указывал на обезлесение значительной части Псковской губернии из-за предоставления топлива для нужд столицы и Северного фронта, что, в свою очередь, обуславливало дефицит и дороговизну древесного топлива для городской электростанции и трамвая [РГИА, ф. 1287, оп. 44, д. 413, л. 47—47 об.]. Городской голова Петрограда Д. И. Демкин в ходатайстве министру торговли и промышленности о скорейшем снабжении городских предприятий углем и нефтью сообщил, что во избежание сокращения трамвайного движения был позаимствован уголь из запасов городского водопровода [Ходатайство..., 1916, с. 5]. В марте — апреле 1917 года в Москве перестали ходить трамваи из-за забастовки рабочих, при том что дефицит топлива не сказывался на работе транспорта: в январе — феврале 1917 года из-за перебоев в доставке нефти московская электростанция, снабжавшая трамваи электроэнергией, была переведена на уголь [Окунев, 1997, с. 25; Тархов, 1999, с. 169]. В сентябре 1917 года по распоряжению Волжского районного уполномоченного по топливу А. Микулина вступили в силу обязательные постановления о сокращении потребления электроэнергии в Астраханской, Саратовской, Симбирской, Самарской, Казанской губерниях, Уральской и Тургайской областях, а также в Оренбургском и Орском уездах Оренбургской губернии. В соответствии с постановлениями налагался запрет на освещение реклам, вывесок, окон и витрин торговых заведений, наружное освещение театров, кинематографов, магазинов, ресторанов. Театральные и цирковые представления разрешалось начинать не ранее 7 часов вечера, а кинопоказы — не ранее 8 часов вечера, запрещалось пользоваться электричеством на открытых сценах. Театры, цир-

ки, кинематографы, рестораны, кафе, клубы, гостиницы, постоянные дворы должны были сократить на 30 % потребление энергии, а магазины, склады, банки, конторы — на 40 % по сравнению с 1916 годом [РГИА, ф. 92, оп. 1, д. 836, л. 86]. Горожанам позволялось расходовать не более 20 кВт в год на освещение каждой комнаты своего дома. Количество трамвайных остановок сводилось к минимуму, и за счет этого планировалось уменьшить число курсировавших вагонов; время работы трамваев также сокращалось на один час, и прекращалось всякое ночное движение. Городские думы по согласованию с районным уполномоченным по топливу могли вносить изменения в эти постановления при условии нахождения иных способов сокращения расходов электроэнергии и экономии топлива [Там же]. Одним из результатов действия этих постановлений стала сентябрьская забастовка трамвайных служащих в Саратове, в связи с чем заведующему нефтяным отделом Главнефти пришлось обращаться к районному уполномоченному по минеральному топливу с ходатайством «о нежелательности сокращения отпуска топлива электрической станции г. Саратова за счет уменьшения трамвайного движения» [Там же, л. 102].

3.5. Топливный кризис в городском хозяйстве в годы революции и гражданской войны

В годы революции 1917 года и гражданской войны топливное хозяйство находилось в упадке сначала из-за нарушения поставок зарубежных энергоресурсов, а позднее — в связи с разрывом экономических связей между регионами страны. С февраля 1917 года на предприятиях Москвы и Петрограда состоялись сокращения рабочих и имели место приостановки производства из-за дефицита топлива [Сорокин, 1917, с. 1; Стенографические отчеты..., 1917, с. 1640—1641]. Осенью 1917 года дефицит топлива привел к сокращению его лимитов для трамвайной электростанции Москвы на 56 %, следствием чего стала забастовка трамвайщиков, поскольку экономия на топливе вела к сокращению персонала [Тархов, 1999, с. 172—173]. В Петрограде из-за нехватки угля начались перебои в уличном освещении, что благоприятствовало росту числа ночных грабежей на пустынных улицах и площадях [Татищев, 2001, с. 275]. В Москве в 1918 году из-за недостатка топлива периодически частично или полностью прекращалось трамвайное движение. Нерегулярная работа трамваев и сокращение количества вагонов на линиях способствовали переполнению действовавших вагонов, которое наблюдалось и прежде, но в условиях дефицита топлива приобрело еще большие масштабы и обусловило быстрый износ оборудования [Тархов, 1999, с. 178]. Н. Н. Суханов, характеризуя экономическую разруху, отмечал, что если до революции недостаток топлива был вызван кризисом транспорта, разрушенного войной, то после — перебои в работе

транспорта были обусловлены недостатком топлива, из-за чего предстояло «огромное сокращение питания железных дорог, муниципальных предприятий и промышленных центров» [Суханов, 1923, с. 208—209]. В 1919 году с 18 марта по 12 апреля по всей стране не производились пассажирские перевозки железнодорожным транспортом в связи с дефицитом топлива и приоритетным использованием транспорта для доставки продовольствия в Москву и Петроград [Окунев, кн. 1, 1997, с. 262]. Зимой 1919 года московская электростанция, дававшая ток трамваям, вынуждена была перейти с нефти на бурый подмосковный уголь и дрова, а с 1920 года — и на торф [Тархов, 1999, с. 179—181]. Регулярное трамвайное движение в городе было налажено в конце апреля 1919 года, когда прекратились перебои с поставкой дров на электростанцию. К концу года городской трамвай стал основным перевозчиком дров и продовольствия для городских учреждений, поскольку, как пишет С. А. Тархов, в городе практически не осталось лошадей — они были реквизированы армией, съедены или умерли [Там же, с. 180]. Трамвай заменил гужевой и автомобильный транспорт, страдавший от дефицита бензина. Рабочие витебского трамвая, чтобы избежать остановки центральной электростанции, в свободное от работы время заготавливали дрова в ближайшей деревне и на санках возили их на электростанцию, а также конфисковали 300 м³ дров у архиерейского дома, располагавшегося напротив станции [Забелло, 1998, с. 50—51]. Таким образом, топливный кризис обусловил возврат городского хозяйства к использованию растительного топлива, а также способствовал личному участию горожан в поддержании работы электростанций.

В то же время электрификация перестала быть задачей исключительно городских управ или промышленников и стала одним из важнейших элементов государственной политики. В декабре 1918 года был утвержден общий план электрификации страны, ориентированный на использование местных источников топлива и строительства небольших электростанций [Кржижановский, 1933, с. 9; К истории..., 1952, с. 50—53]. Несмотря на сложные экономические условия, города продолжали переходить на использование электрической энергии. К софинансированию строительства привлекали местные предприятия, кооперативы и товарищества: в частности, череповецкие предприятия собрали около 700 тыс. из 2,8 млн руб. на строительство электростанции [Электричество..., 1919, с. 2; К истории..., 1952, с. 467]. Действовавшие электростанции провинциальных городов испытывали трудности с ремонтом и заменой оборудования, а в ряде случаев, как, например, в Царицыне, были уничтожены в ходе гражданской войны [Пругло и др., 2013, с. 64]. В условиях войны местный рынок почти не имел производств, выпускавших продукцию для электрификации, а

с блокадой большевистской России скудные запасы таких товаров быстро исчезали, вследствие чего материалы приходилось закупать небольшими партиями. В эти тяжелые для городского хозяйства годы коммунальные предприятия для поддержания работы существующей инфраструктуры начали использовать бывшее в употреблении оборудование, которое удавалось получить от других производств. В частности, для восстановления трамвайного движения в Царицыне был использован трансформатор со сгоревшего оружейного завода [Там же]. На строящейся электростанции Череповца в качестве генераторов энергии были использованы два бывших в употреблении дизеля и два локомотива, один из которых был получен от Шекснинско-Беломорского Управления [Электричество..., 1919, с. 2].

Примечательным явлением этих лет является распространение самовольных подключений горожан к электростанции, что указывает на популярность электричества как источника энергии и наличие возможности использовать его в быту, прежде всего, для освещения [Электричество, 1920, с. 4; Перерыв..., 1920, с. 3]. Негативным следствием таких подключений становились перегрузки электросетей и перебои с подачей электроэнергии, с которыми комгорхозы боролись путем выявления самовольно подключившихся абонентов сети и привлекали их к суду «за расхищение народного достояния» [Перерыв..., 1920, с. 4; Регистрация..., 1921, с. 4].

3.6. Восстановление электрической инфраструктуры городов в 1920—1930-е годы

В 1920-е годы работа городских электросетей постепенно восстанавливалась, в основном за счет использования наиболее доступных местных энергоресурсов — дров, торфа, бурого угля и пр. В Царицыне восстановили систему энергоснабжения, в Москве расширили трамвайную сеть, в Вологде планировали строить новую, более мощную, электростанцию, которая работала бы на торфе или древесине [Пругло и др., 2013, с. 64; Тархов, 1999, с. 186—192; Соколов, 1977, с. 120—121]. В 1921—1923 годах горожане обращали внимание на гиперинфляцию, которая затронула и цены на проезд в трамваях: А. Н. Бенуа, Н. П. Окунев, К. И. Чуковский и др. в своих дневниках писали о росте цен до сотен и миллионов рублей [Бенуа, 2016, с. 245—249, 434; Чуковский, 2013, с. 116, Окунев, кн. 2., 1997, с. 220]. Только с августа 1921 года по июнь 1922 года цена за проезд одной станции в трамвае возросла с 2000 до 150 000 руб. [Тархов, 1999, с. 191—192, 195].

На работе электростанций продолжали сказываться последствия экономического упадка периода гражданской войны: оборудование, поставленное на станции в эти годы, быстро изнашивалось и часто требовало ремонта. К 1927 году оборудование череповецкой электростанции, работавшей на дровах, было изношено на 50—55 % и на 25 % была изношена

воздушная сеть проводов, в связи с чем в 1926—1927 годах станция работала на 60 % от своей номинальной мощности [ЧЦХД, ф. 702, оп. 1, д. 6, л. 1]. Данное обстоятельство ограничивало возможность расширения сети и увеличение числа абонентов.

Помимо изношенности оборудования на развитие электросетей влияло снабжение топливом. В Москве перебои с поставками топлива наблюдались в начале 1930-х годов [Шитц, 1991, с. 282—284]. Быстрый рост городов на фоне вышеназванных ограничений в энергоснабжении обусловил неравный доступ горожан к удобствам и комфорту, предоставляемым городскими электростанциями. В городах выделялись благоустроенный центр с электрическим уличным освещением, трамвайным движением, водопроводом и неблагоустроенные окраины, жители которых регулярно через прессу жаловались на отсутствие уличного освещения или перебои в электроснабжении [Петухов, 1938, с. 4; Малышев, 1938, с. 3; Электричество, 1923, с. 6; Тархов, 1999, с. 222].

С началом работы Волховской ГЭС и реализацией других масштабных проектов в гидроэнергетике изменилась политика государства в отношении электрификации — стал делаться упор на строительство и эксплуатацию более мощных станций в промышленности и создание единой энергосистемы страны. В городах этот переход осуществлялся при наличии в них или в ближайших районах крупных предприятий, которые имели свои мощные электростанции, а излишки электроэнергии могли направить на городские нужды. В иных случаях городские службы получали электричество от местных малых электростанций, работавших на минеральном или растительном топливе и изношенном оборудовании [Пругло и др., 2013, с. 12, 65; ЧЦХД, ф. 697, оп. 1, д. 65, л. 27].

В 1930-е годы началась борьба с «вредительством» в энергетике СССР [Кржижановский, 1930, с. 5—26], которая затронула и городские электростанции. В Вологде «врагами народа» объявили руководство горсовета, которое не расширяло сети водо- и электроснабжения, а всячески препятствовало их развитию и способствовало созданию целой сети мелких электростанций у отдельных предприятий, следствием чего являлось хищническое расходование топливных ресурсов [Калмыков, 1938, с. 5]. Износ машин на электростанции списывали на вредительскую эксплуатацию оборудования рабочими станции [Там же]. Аналогичные обвинения от горсовета поступали и в адрес руководства череповецкой электростанции, где наблюдалась высокая текучесть квалифицированных кадров. В 1930-е годы руководство станции поощряло рабочих за экономию топлива, внедрило стахановское движение и соревнования, а также начало издавать стенгазету [ЧЦХД, ф. 702, оп. 1, д. 67, л. 74]. При этом если в 1933 году стенгазета публиковала

анонимные жалобы на условия труда, неполадки в работе, а также обвинения коллег в «клеуударничестве», алкоголизме и т. д., то в 1938 году анонимные обращения было запрещено печатать, а количество политической агитации заметно возросло [ЧЦХД, ф. 702, оп. 1, д. 49, 68].

Вместе с тем развитие советской энергетики повышало уровень комфорта для горожан. В Москве началось строительство метрополитена [Тархов, 1999, с. 226], а рост мощностей и выработка электростанциями излишков электроэнергии могла направляться на электрификацию быта. Специалисты в области электрификации коммунального хозяйства В. А. Рубцов и В. П. Чижилов считали электроэнергию основным фактором культурной революции в быту, которая должна вытеснить другие виды энергии из домашнего хозяйства, поскольку каждый электроприбор экономил государству от 50 л керосина в год [Рубцов и др., 1931, с. 7, 26].

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что появление на улицах городов электрического освещения и трамваев находило позитивный отклик у горожан, а потребность в этой инфраструктуре сохранялась у них на протяжении всего исследуемого периода. Удобство и дешевизна играли определяющую роль в растущем спросе на электричество. Однако не менее важными преимуществами оказались «гигиеничность» электричества и способность работать на различных видах топлива. Электрические сети удаляли на некоторое расстояние от конечных потребителей источники выбросов от сжигания топлива, что объясняет отсутствие массовых жалоб населения на загрязнение воздуха от электрической инфраструктуры. Несмотря на то, что широкое использование электричества было связано с переходом на минеральное топливо, в кризисные годы адаптивность электростанций к дефициту определенного вида топлива позволяла поддерживать городское электроснабжение. Топливный кризис 1901—1908 годов горожане не воспринимали как ресурсный кризис: пресса объясняла перерывы в работе городских служб и отсутствие электричества массовыми забастовками рабочих. В годы Первой мировой и гражданской войн изменения в транспортной логистике стали причиной дефицита топлива в городах. Горожане, успевшие привыкнуть к комфорту электрического освещения и доступности трамваев, столкнулись с ограничением доступа к данной инфраструктуре. При этом городские электростанции преодолевали дефицит, переходя на наиболее доступные источники топлива. Возврат к минеральному топливу, в большинстве случаев, был возможен только при строительстве новых более мощных станций, поскольку имевшиеся требовали ремонта и замены оборудования, износившегося за годы войн.

Электрификация изменила облик городов и повседневную жизнь горожан. В полной мере это стало заметно в период предвоенного подъема экономики в 1909—1914 годах. Электрическое освещение продлевало световой день и вносило разнообразие в досуг горожан, трамвай устанавливал требования к внешнему виду пассажиров, менял их практики чтения и коллективных игр. С началом Первой мировой войны существенно возросла социально-значимая роль трамвая как средства перевозки военных, раненых, топлива внутри городов и как места сбора пожертвований для семей военнослужащих. Также стоит отметить, что наиболее активной частью горожан являлись рабочие электростанций и трамвайных депо, от которых зависело исправное функционирование электрической инфраструктуры. В 1905—1918 годах их борьба за лучшие условия труда зачастую становилась главной причиной перерывов в электроснабжении, но в условиях топливного дефицита рабочие старались поддерживать подачу электроэнергии, используя наиболее доступное топливо и оборудование.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бѣнуа А. Н. Дневник. 1918—1924 / А. Н. Бѣнуа. — 3-е изд. — Москва : «Захаров», 2016. — 816 с. — ISBN 978-5-8159-1031-7.
2. *Беспорядки* // Русское слово : [газета]. — 1910. — № 249. — С. 3.
3. *Бессильный протест* // Русское слово : [газета]. — 1909. — № 264. — С. 5.
4. *Вольнов И. Е.* Повесть о днях моей жизни. Крестьянская хроника / И. Е. Вольнов. — Москва : Советская Россия, 1976. — 400 с.
5. *Выгоды* устройства нефтяного или нефте-водяного газового завода для освещения улиц гор. Саратова газокалильными горелками Ауэра. — Москва : Тип.-лит. Ю. Вейнер, 1902. — 8 с.
6. *Дневник* // Одесский листок : [газета]. — 1912. — № 7. — С. 4.
7. *Добротворский В. Ф.* Электропередачи силы порогов Волхова, Наровы, Вуоксы в С.-Петербург / В. Ф. Добротворский // Труды Первого Всероссийского электротехнического съезда. 1899—1900 в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург : Тип. Глав. — С. 269—291.
8. *Забастовка* трамваев // Новое время : [газета]. — 1907. — № 48. — С. 3.
9. *Забастовки* в Петербурге // Петербургский листок : [газета]. — 1913. — № 264. — С. 12.
10. *К истории* плана электрификации Советской страны : Сборник документов и материалов 1918—1920 гг. / под ред. И. А. Гладкова. — Москва : Госполитиздат, 1952. — 591 с.
11. *К трамвайной забастовке* // Правда : [газета]. — 1912. — № 18. — С. 4.
12. *Калмыков А.* Электросвет в Вологде / А. Калмыков // Красный Север : [газета]. — 1938. — № 183. — С. 5.
13. *Кржижановский Г.* Вредительство в энергетике. Доклад на заседании секции техники Комкадемии 19/XI 1930 г. // Плановое хозяйство. — 1930. — № 10—11. — С. 5—26.

14. *Кржижановский Г. М.* Об электрификации / Г. М. Кржижановский // Сочинения. Электроэнергетика. — Москва : Энергоиздат, 1933. — Т. 1. — 628 с.
15. *Ленин В. И.* Революционные дни / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Изд. 5. — Москва : Издательство политической литературы, 1967. — Т. 9. — 580 с.
16. *Ликвидация забастовки* // Новое время : [газета]. — 1907. — № 58. — С. 4.
17. *Малышев И.* На электростанции неблагополучно / И. Малышев // Коммунист : [газета]. — 1938. — № 200. — С. 3.
18. *Местная хроника* // Время : [газета]. — 1907. — № 110. — С. 2.
19. *На городском трамвае* // Правда : [газета]. — 1912. — № 23. — С. 3.
20. *На лету* // Утро России : [газета]. — 1910. — № 192. — С. 4.
21. *На трамвайных линиях* // Правда : [газета]. — 1912. — № 27. — С. 3.
22. *На электрической станции* // Мариупольская жизнь : [газета]. — 1913. — № 1851. — С. 3.
23. *Наводнение* // Русское слово : [газета]. — 1914. — № 21. — С. 8.
24. *Наводнение в Москве* // Петроградская газета : [газета]. — 1909. — № 144. — С. 4.
25. *О дамских булавках на шляпах* // Московские ведомости : [газета]. — 1909. — № 291. — С. 3.
26. *Об опасностях электрического освещения* // Электричество. — 1890. — № 2. — С. 29—32.
27. *Обилие трамвайных «зайцев»* // Петроградская газета : [газета]. — 1910. — № 326. — С. 4.
28. *Одесса впотьмах* // Русское слово : [газета]. — 1912. — № 29. — С. 4.
29. *Окунев Н. П.* Дневник Москвича, 1917—1924 : В 2 книгах / Н. П. Окунев. — Москва : Воениздат, 1997. — Книга 1. — 320 с.
30. *Окунев Н. П.* Дневник Москвича : В 2 книгах / Н. П. Окунев. — Москва : Воениздат, 1997. — Книга 2. — 287 с.
31. *Перерыв в освещении* // Коммунист : [газета]. — 1920. — № 3. — С. 3.
32. *Петухов М.* Забытый район / М. Петухов // Коммунист : [газета]. — 1938. — № 31. — С. 4.
33. *Протест обывателей* // Русское слово : [газета]. — 1911. — № 212. — С. 6.
34. *Профессор И. В. Цветаев и художник В. М. Васнецов о Красной площади* // Русское слово : [газета]. — 1909. — № 210. — С. 5.
35. *Разные известия* // Электричество. — 1880. — № 1. — С. 19.
36. *Регистрация абонентов рабочей линии электростанции* // Коммунист : [газета]. — 1921. — № 175. — С. 4.
37. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 44. Д. 29 ; Ф. 1287. Оп. 44. Д. 413.
38. РГИА — Ф. 92 (Особое совещание по топливу при МТиП (ОСОТОП)). Оп. 1 Д. 836.
39. *Соммей.* Трамвайзация литературы / Соммей // Московская газета : [газета]. — 1914. — № 307. — С. 5.
40. *Сорокин П. А.* Заметки социолога. Распыление революции / П. А. Сорокин // Воля народа : [газета]. — 1917. — № 40. — С. 1.
41. *Стенографические отчеты : заседания 1—25 : 1 ноября 1916 г. — 25 февраля 1917 г. / Гос. дума, четвертый созыв, сессия V.* — Петроград : Государственная типография, 1917. — 1755 с.
42. *Суханов Н. Н.* Записки о революции / Н. Н. Суханов. — Берлин — Петербург — Москва : Издательство З. И. Гржебина, 1923. — Книга 6. — 312 с.

43. *Татищев А. А.* Земли и люди : В гуще переселенческого движения (1906—1921) / А. А. Татищев. — Москва : Русский путь, 2001. — 387 с.
44. *Ходатайство* о трамваях // Петроградский листок : [газета]. — 1916. — № 81. — С. 5.
45. *Ходатайство* обывателей о введении детский трамвайных билетов // Петроградская газета : [газета]. — 1911. — № 184. — С. 4.
46. *Хроника* // Новости дня : [газета]. — 1906. — № 8075. — С. 3.
47. *Цветаева А.* Воспоминания / А. Цветаева. — Москва : Астрель, 2012. — 918 с.
48. ЧЦХД — *Череповецкий* центр хранения документации. Ф. 697 (Управления и организации жилищно-коммунального хозяйства г. Череповца). Оп. 1. Д. 65.
49. ЧЦХД — Ф. 702 (Череповецкая городская электростанция отдела коммунального хозяйства Череповецкого горисполкома). Оп. 1. Д. 49 ; Оп. 1. Д. 6 ; Ф. 702. Оп. 1. Д. 67 ; Оп. 1. Д. 68.
50. *Чуковский К. И.* Собрание сочинений : В 15 т. Дневник (1922—1935) / К. И. Чуковский. — Москва : Агентство ФТМ, Лтд, 2013. — Т. 12. — 656 с.
51. *Шалости* электричества // Южная газета-копейка : [газета]. — 1914. — № 133. — С. 3.
52. *Шитц И. И.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931) / И. И. Шитц. — Paris : YMCA-press, 1991. — 326 с.
53. *Электричество* // Коммунист : [газета]. — 1920. — № 2. — С. 4.
54. *Электричество* // Коммунист : [газета]. — 1923. — № 32. — С. 6.
55. *Электричество* в Череповце // Коммунист : [газета]. — 1919. — № 170. — С. 2.
56. *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь : Воспоминания: том первый / И. Г. Эренбург. — Москва : Советский писатель, 1990. — 640 с.

Литература

1. *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма : опыт комплексного подхода / Н. П. Анциферов. — Ленинград : Сеятель, 1926. — 151 с.
2. *Велихов Л. А.* Основы городского хозяйства / Л. А. Велихов. — Москва : Наука, 1996. — 480 с.
3. *Годес Я. Г.* Этот новый старый трамвай / Я. Г. Годес. — Ленинград : Лениздат, 1982. — 159 с.
4. *Давыдова Л. Г.* Использование электрической энергии в промышленности России (исторический очерк) / Л. Г. Давыдова. — Москва : Наука, 1966. — 197 с.
5. *Дякин В. С.* Германские капиталы в России / В. С. Дякин. — Ленинград : Наука, 1971. — 289 с.
6. *Жимерин Д. Г.* История электрификации СССР / Д. Г. Жимерин. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1962. — 457 с.
7. *Забелло Л. А.* История витебского трамвая / Л. А. Забелло. — Витебск : Витебская областная типография, 1998. — 128 с.
8. *Ильин Ю. А.* Общественное управление и предприниматели на рубеже XIX—XX вв. : к вопросу об электрификации г. Иваново-Вознесенска / Ю. А. Ильин // Вестник Ивановского государственного университета. — 2009. — № 4. — С. 49—66.
9. *Каменецкий И. С.* Гиганты нашей электрификации, Волховстрой и Днепрострой / И. С. Каменецкий. — Москва : Государственное издательство, 1928. — 136 с.
10. *Каменецкий М. О.* Первые русские электростанции / М. О. Каменецкий. — Ленинград : Госэнергоиздат, 1951. — 132 с.

11. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России / Л. Б. Кафенгауз. — Москва : Эпифания, 1994. — 848 с. — ISBN 5-86170-005-2.
12. Лор Э. Русский национализм и Российская империя : Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / Э. Лор. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 304 с. — ISBN 978-5-86793-942-7.
13. Маклюков А. В. Электрификация городской инфраструктуры на дальнем востоке СССР в 1920-е — 1930-е гг. / А. В. Маклюков // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2018. — № 2. — С. 100—112. — DOI: 10.24866/1997-2857/2018-2/100-112.
14. Никифорова Н. В. Культурная история электричества в России XIX века : электрический свет как спектакль и развлечение / Н. В. Никифорова // Вопросы истории естествознания и техники. — 2017. — № 3. — С. 448—469.
15. Никифорова Н. В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации / Н. В. Никифорова // Общество. Среда. Развитие. — 2016. — № 4. — С. 48—55.
16. От конки до трамвая / Сост. Е. Шапилов. — Москва : Лики России, 1993. — 240 с. — ISBN 5-87417-002-2.
17. Пругло Н. В Народный транспорт Царицына — Сталинграда — Волгограда : из прошлого в будущее : к 100-летию трамвая, 50-летию троллейбуса / Н. В. Пругло, О. Г. Заплавнова. — Волгоград : Панорама, 2013. — 432 с. — ISBN 978-5-9666-0121-8.
18. Рубцов В. Электрификация быта / В. Рубцов, В. Чижигов. — Ленинград : ОГИЗ Прибой, 1931. — 63 с.
19. Симонов Н. С. Развитие электроэнергетики Российской империи : предыстория ГОЭЛРО / Н. С. Симонов. — Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 320 с. — ISBN 978-5-91244-175-2.
20. Соколов В. Вологда. История строительства и благоустройства города / В. Соколов. — Архангельск : Северо-западное книжное издательство, 1977. — 159 с.
21. Тархов С. А. История московского трамвая / С. А. Тархов. — Москва : ПОЛТЕКС, 1999. — 356 с.
22. Флаксерман Ю. Н. План ГОЭЛРО в действии (к 50-летию плана ГОЭЛРО) / Ю. Н. Флаксерман. — Москва : «Энергия», 1970. — 65 с.
23. Bonan G. An Alpine Energy Transition : The Piave River from Charcoal to “White Coal” / G. Bonan // Environmental History. — 2020. — № 4. — Pp. 687—710. — DOI: 10.1093/envhis/ema028.
24. Coopersmith J. The Electrification of Russia, 1880—1926 / J. Coopersmith. — Ithaca : Cornell University Press, 1992. — 274 p. — ISBN 978-0-8014-2723-7.
25. Myllyntaus T. Electrifying Finland : The Transfer of a New Technology into a Late Industrialising Economy / T. Myllyntaus. — Helsinki : Macmillan Academic and Professional LTD, 1991. — 407 p.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.

Material resources

About ladie's pins on hats. (1909). *Moskovskie vedomosti: [newspaper]*, 291: P. 3. (In Russ.).
About the dangers of electric lighting. (1890). *Electricity*, 2: 29—32. (In Russ.).

- Abundance of tram “hares”. (1910). *Petrogradskaya gazeta: [newspaper]*, 326: P. 4. (In Russ.).
- At the electric station. (1913). *Mariupol life: [newspaper]*, 1851: P. 3. (In Russ.).
- Benoit, A. N. (2016). *Diary. 1918—1924. 3rd ed.* Moscow: Zakharov. 816 p. ISBN 978-5-8159-1031-7. (In Russ.).
- Break in coverage. (1906). *Communist: [newspaper]*, 3: P. 3. (In Russ.).
- Chronicle. (1906). *News of the day: [newspaper]*, 8075: P. 3. (In Russ.).
- CHTSKHD — *Cherepovets Documentation Storage Center. F. 697 (Management and organization of housing and communal services of Cherepovets). Op. 1. d. 65.* (In Russ.).
- CHTSKHD — *F. 702 (Cherepovets city power plant of the municipal services department of the Cherepovets City Executive Committee). Op. 1. D. 49; Op. 1. D. 6; F. 702. Op. 1. D. 67; Op. 1. D. 68.* (In Russ.).
- Chukovsky, K. I. (2013). *Collected works: In 15 vols. Diary (1922—1935), 12.* Moscow: FTM Agency, Ltd. 656 p. (In Russ.).
- Diary. (1912). *Odessa leaflet: [newspaper]*, 7: P. 4. (In Russ.).
- Dobrotvorsky, V. F. Power transmission of the thresholds of Volkhov, Narov, Vuoksy in St. Petersburg. In: *Proceedings of the First All-Russian Electrotechnical Congress. 1899—1900 in St. Petersburg.* St. Petersburg: Type. Chapters. 269—291. (In Russ.).
- Ehrenburg, I. G. (1990). *People, years, life: Memories: Volume one.* Moscow: Soviet Writer. 640 p. (In Russ.).
- Electricity. (1920). *Communist: [newspaper]*, 2: P. 4. (In Russ.).
- Electricity. (1923). *Communist: [newspaper]*, 32: P. 6. (In Russ.).
- Electricity in Cherepovets. (1919). *Communist: [newspaper]*, 170: P. 2. (In Russ.).
- Flood. (1914). *Russian word: [newspaper]*, 21: P. 8. (In Russ.).
- Flooding in Moscow. (1909). *Petrogradskaya gazeta: [newspaper]*, 144: P. 4. (In Russ.).
- Kalmykov, A. (1938). Electric light in Vologda. *Krasny Sever: [newspaper]*, 183: P. 5. (In Russ.).
- Krzhizhanovsky, G. M. (1933). On electrification. In: *Essays. Electric power industry, 1.* Moscow: Energoizdat. 628 p. (In Russ.).
- Krzhizhanovsky, G. (1930). Wrecking in the energy sector. Report at the meeting of the technical section of the Comacademy 19/XI 1930. *Planned economy, 10—11: 5—26.* (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1967). Revolutionary days. In: *Complete works, 9. Ed. 5.* Moscow: Publishing House of Political Literature. 580 p. (In Russ.).
- Liquidation of the strike. (1907). *Novoye vremya: [newspaper]*, 58: P. 4. (In Russ.).
- Local chronicle. (1907). *Time: [newspaper]*, 110: P. 2. (In Russ.).
- Malyshev, I. (1938). The power plant is dysfunctional. *Communist: [newspaper]*, 200: P. 3. (In Russ.).
- Miscellaneous news. (1880). *Electricity, 1: S. 19.* (In Russ.).
- Odessa in the dark. (1912). *Russian word: [newspaper]*, 29: P. 4. (In Russ.).
- Okunev, N. P. (1997). *Diary of a Muscovite: In 2 books, 2.* Moscow: Voenizdat. 287 p. (In Russ.).
- Okunev, N. P. (1997). *Diary of a Muscovite, 1917—1924: In 2 books, 1.* Moscow: Voenizdat. 320 p. (In Russ.).
- On the city tram. (1912). *Pravda: [newspaper]*, 23: P. 3. (In Russ.).
- On the fly. (1910). *Morning of Russia: [newspaper]*, 192: P. 4. (In Russ.).
- On the history of the electrification plan of the Soviet country: A collection of documents and materials of 1918—1920. (1952). Moscow: Gospolitizdat. 591 p. (In Russ.).
- On tram lines. (1912). *Pravda: [newspaper]*, 27: P. 3. (In Russ.).
- Petition for trams. (1916). *Petrogradsky leaflet: [newspaper]*, 81: P. 5. (In Russ.).

- Petukhov, M. (1938). The Forgotten district. *Communist: [newspaper]*, 31: P. 4. (In Russ.).
- Powerless protest. (1909). *Russian word: [newspaper]*, 264: P. 5. (In Russ.).
- Pranks of electricity. (1914). *Yuzhnaya gazeta-kopeyka: [newspaper]*, 133: P. 3. (In Russ.).
- Professor, I. V. (1990). Tsvetaev and artist V. M. Vasnetsov about Red Square. *Russian word: [newspaper]*, 210: P. 5. (In Russ.).
- Protest of the inhabitants. (1911). *Russian word: [newspaper]*, 212: P. 6. (In Russ.).
- Registration of subscribers of the working line of the power plant. (1921). *Communist: [newspaper]*, 175: P. 4. (In Russ.).
- RGIA — F. 92 (*Special Meeting on Fuel at MTiP (OSOTOP)*). Op. 1 D. 836. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. F. 1287 (*Economic Department of the Ministry of Internal Affairs*). Op. 44. D. 29; F. 1287. Op. 44. D. 413. (In Russ.).
- Riots. (1910). *Russian word: [newspaper]*, 249: P. 3. (In Russ.).
- Shitz, I. I. (1991). *Diary of the "Great Turning point" (March 1928 — August 1931)*. Paris: YMCA-press. 326 p. (In Russ.).
- Somme. (1914). Tramwayization of literature. *Moscow newspaper: [newspaper]*, 307: P. 5. (In Russ.).
- Sorokin, P. A. (1917). Notes of a sociologist. Spraying the revolution. *Will of the People: [newspaper]*, 40: P. 1. (In Russ.).
- Strike of trams. (1907). *Novoe vremya: [newspaper]*, 48: P. 3. (In Russ.).
- Strikes in St. Petersburg. (1913). *Petersburg leaflet: [newspaper]*, 264: P. 12. (In Russ.).
- Sukhanov, N. N. (1923). *Notes on the revolution*, 6. Berlin-Petersburg-Moscow: Publishing House of Z. I. Grzhebin. 312 p. (In Russ.).
- Tatishchev, A. A. (2001). *Lands and people: In the thick of the resettlement movement (1906—1921)*. Moscow: Russian Way. 387 p. (In Russ.).
- The benefits of setting up an oil or oil-water gas plant for lighting the streets of the mountains. Saratov gas-boiler burners Auer*: (1902). Moscow: Type.-lit. Yu. Vener. 8 p. (In Russ.).
- The petition of the townsfolk on the introduction of children's tram tickets. (1911). *Petrogradskaya gazeta: [newspaper]*, 184: P. 4. (In Russ.).
- To the tram strike. (1912). *Pravda: [newspaper]*, 18: P. 4. (In Russ.).
- Tsvetaeva, A. (2012). *Memoirs*. Moscow: Astrel. 918 p. (In Russ.).
- Verbatim reports: Sessions 1—25: November 1, 1916 — February 25, 1917*. (1917). Petrograd: State Printing House. 1755 p. (In Russ.).
- Volnov, I. E. (1976). *The story of the days of my life. Peasant Chronicle*. Moscow: Soviet Russia. 400 p. (In Russ.).

References

- Antsiferov, N. P. (1926). *Ways of studying the city as a social organism: the experience of an integrated approach*. Leningrad: Sower. 151 p. (In Russ.).
- Bonan, G. (2020). An Alpine Energy Transition: The Piave River from Charcoal to "White Coal". *Environmental History*, 4: 687—710. DOI: 10.1093/envhis/ema028.
- Coopersmith, J. (1992). *The Electrification of Russia, 1880—1926*. Ithaca: Cornell University Press. 274 p. ISBN 978-0-8014-2723-7.
- Davydova, L. G. (1966). *The use of electric energy in the industry of Russia (historical essay)*. Moscow: Nauka. 197 p. (In Russ.).
- Dyakin, V. S. (1971). *German capitals in Russia*. Leningrad: Nauka. 289 p. (In Russ.).
- Ent, E. (2012). *Russian Nationalism and the Russian Empire: The Campaign against "enemy subjects" during the First World War*. Moscow: New Literary Review. 304 p. ISBN 978-5-86793-942-7. (In Russ.).

- Flaxerman, Yu. N. (1970). *The GOELRO plan in action (to the 50th anniversary of the GOELRO plan)*. Moscow: "Energy". 65 p. (In Russ.).
- From the tram to the tram.* (1993). Moscow: Faces of Russia. 240 p. ISBN 5-87417-002-2. (In Russ.).
- Godes, Ya. G. (1982). *This new old tram*. Leningrad: Lenizdat. 159 p. (In Russ.).
- Ilyin, Yu. A. (2009). Public administration and entrepreneurs at the turn of the XIX—XX centuries: on the issue of electrification of Ivanovo-Voznesensk. *Bulletin of the Ivanovo State University*, 4: 49—66. (In Russ.).
- Kafengauz, L. B. (1994). *Evolution of industrial production in Russia*. Moscow: Epiphany. 848 p. ISBN 5-86170-005-2. (In Russ.).
- Kamenetsky, I. S. (1928). *Giants of our electrification, Volkhovstroy and Dneprostroy*. Moscow: State Publishing House. 136 p. (In Russ.).
- Kamenetsky, M. O. (1951). *The first Russian power plants*. Leningrad: Gosenergoizdat. 132 p. (In Russ.).
- Maklyukov, A. V. (2018). Electrification of urban infrastructure in the Far East of the USSR in the 1920s — 1930s. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 2: 100—112. DOI: 10.24866/1997-2857/2018-2/100-112. (In Russ.).
- Myllyntaus, T. (1991). *Electrifying Finland: The Transfer of a New Technology into a Late Industrialising Economy*. Helsinki: Macmillan Academic and Professional LTD. 407 p.
- Nikiforova, N. V. (2017). Cultural history of electricity in Russia of the XIX century: electric light as a performance and entertainment. *Questions of the history of natural science and technology*, 3: 448—469. (In Russ.).
- Nikiforova, N. V. (2016). The transformation of electricity from a curiosity into a novelty. *Approaches to the study of the cultural history of electrification. Society. Wednesday. Development*, 4: 48—55. (In Russ.).
- Pruglo, N., Zaplavnova, O. G. (2013). *To the People's Transport of Tsaritsyn — Stalingrad — Volgograd: from the past to the future: to the 100th anniversary of the tram, the 50th anniversary of the trolleybus*. Volgograd: Panorama. 432 p. ISBN 978-5-9666-0121-8. (In Russ.).
- Rubtsov, V., Chizhikov, V. (1931). *Electrification of everyday life*. Leningrad: OGIZ Priboy. 63 p. (In Russ.).
- Simonov, N. S. (2016). *The development of the electric power industry of the Russian Empire: the prehistory of GOELRO*. Moscow: Russian Foundation for Education and Science. 320 p. ISBN 978-5-91244-175-2. (In Russ.).
- Sokolov, V. (1977). *Vologda. The history of construction and improvement of the city*. Arkhangelsk: North-Western Book Publishing House. 159 p. (In Russ.).
- Tarkhov, S. A. (1999). *The history of the Moscow tram*. Moscow: POLTEX. 356 p. (In Russ.).
- Velikhov, L. A. (1996). *Fundamentals of urban economy*. Moscow: Nauka. 480 p. (In Russ.).
- Zabello, L. A. (1998). *The history of the Vitebsk tram*. Vitebsk: Vitebsk Regional Printing House. 128 p. (In Russ.).
- Zhimerin, D. G. (1962). *The history of electrification of the USSR*. Moscow: Publishing House of Socio-economic literature. 457 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.09.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

Информация для цитирования:

Аксарин В. В. Города Западной Сибири в 1930-е годы : социально-экономические показатели / В. В. Аксарин, Э. Ф. Садыкова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 372—394. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-372-394.

Aksarin, V. V., Sadykova, E. F. (2023). Urban Development in Western Siberia during 1930s: Socio-Economic Indicators. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 372-394. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-372-394. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-372-394

Города Западной Сибири в 1930-е годы: социально-экономические показатели

Аксарин Вячеслав Валериевич^{1,2 *}

orcid.org/0000-0003-3461-8258

кандидат исторических наук, доцент,

¹ специалист по экспозиционной
и выставочной деятельности,

² старший научный сотрудник,

*** корреспондирующий автор**

aksarin_80@mail.ru

Садыкова Эльза Фаилевна³

orcid.org/0000-0002-4298-1383

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры

естественнонаучных дисциплин

и методик преподавания

e.f.sadykova@utmn.ru

¹ Тобольский историко-архитектурный
музей-заповедник
(Тобольск, Россия)

² Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

³ Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Urban Development in Western Siberia during 1930s

Vyacheslav V. Aksarin^{1,2 *}

orcid.org/0000-0003-3461-8258

PhD in History, Associate Professor,

¹ specialist in exposition and
exhibition activities,

² Senior Researcher,

*** Corresponding author**

aksarin_80@mail.ru

Elsa F. Sadykova³

orcid.org/0000-0002-4298-1383

PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Natural

Science Disciplines

and Teaching Methodology

e.f.sadykova@utmn.ru

¹ Tobolsk Historical and
Architectural Museum-Reserve
(Tobolsk, Russia)

² Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

³ University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Аксарин В. В., Садыкова Э. Ф., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования выступают города Западной Сибири, объектом — социально-экономические показатели: образование, демография, структура населения, здравоохранение, состояние жилищного фонда и другие. Впервые вводятся в научный оборот документы Российского государственного архива экономики. При написании учитывалось влияние природно-географических и иных условий развития сибирских городов. Применялись историко-сравнительный, историко-типологический, статистический методы исследования, методы графического представления полученных данных. Проведенный сравнительный количественный анализ социально-экономических показателей городов Западной Сибири выявил в них рост численности населения с преобладающей долей женского населения над мужским, усложнение городской инфраструктуры, связанной с увеличением числа медицинских, образовательных учреждений, учреждений науки и культуры. Возросло количество введенных в эксплуатацию жилых домов, хотя уровень их благоустройства оставался еще низким. В городах отмечалось увеличение общей доли промышленных предприятий, в то время как доля крупных предприятий была небольшой, только в Омске и Новосибирске на них приходилось чуть менее 50 %, а среднегодовое число рабочих превышало 20 тыс. чел. Обращение к историческому опыту развития городов Западной Сибири способствует пополнению данных по истории региональной поселенческой системы.

Ключевые слова:

благоустройство; город; жилищный фонд; Западная Сибирь; промышленное предприятие; социальная инфраструктура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of the study is the cities of Western Siberia, with a focus on socio-economic indicators such as education, demographics, population structure, healthcare, and housing conditions. This research introduces documents from the Russian State Archive of Economy into scholarly discourse for the first time. The influence of natural and geographical conditions on the development of Siberian cities was taken into account. Historical-comparative, historical-typological, and statistical research methods were used, as well as graphical representation of the data. A comparative quantitative analysis of the socio-economic indicators of Western Siberian cities revealed an increase in population with a majority of females over males, as well as a complexity of urban infrastructure due to the growth of medical, educational, scientific, and cultural institutions. The number of newly built residential buildings also increased, although their level of improvement remained low. The overall proportion of industrial enterprises in the cities increased, although the share of large enterprises was small, with only Omsk and Novosibirsk having slightly less than 50 % of them, and an average annual workforce exceeding 20,000 people. Examining the historical experience of development in Western Siberian cities contributes to a better understanding of the region's settlement system history.

Key words:

landscaping; city; housing stock; Western Siberia; industrial enterprise; social infrastructure.

Города Западной Сибири в 1930-е годы: социально-экономические показатели

© Аксарин В. В., Садыкова Э. Ф., 2023

1. Введение = Introduction

В последнее время все больше внимания уделяется исследователями вопросам устойчивого социально-экономического развития регионов Российской Федерации. В современных геополитических условиях перед субъектами России стоит сложная задача по развитию приоритетных направлений для роста социально-экономического потенциала своих территорий. Одним из важных аспектов в данном направлении выступает анализ социально-экономических индикаторов как показателей динамики и эффективности развития регионов. Они включают в себя демографию, образование, здравоохранение, состояние жилищного фонда и ряд других аспектов и показывают уровень развития города и региона в целом.

Сегодня одной из интенсивно развивающихся территорий страны в экономическом отношении выступает Западная Сибирь, являющаяся одним из источников углеводородного сырья России, промышленной и сельскохозяйственной площадкой для многих предприятий и производств. Помимо приоритетного развития сектора добычи сырья, в регионе развиваются энергетика, строительство, транспортная инфраструктура и другие отрасли. Благоприятные социально-экономические факторы позволили создать здесь сеть современных городов.

Площадь региона составляет 2 451 100 км². Территория простирается на 2500 км от Северного Ледовитого океана до возвышенностей Казахского мелкосопочника и на 1900 км от Уральских гор до Енисея. Освоение и развитие Западной Сибири шло постепенно. Интенсивное колонизаторское начало возобладаало здесь лишь на протяжении четырех последних веков. С момента вхождения в состав российского государства край пережил несколько этапов заселения, связанных с колонизацией, ссылкой и переселением. Освоение региона сопровождалось формированием поселенческой сети, образованием первых городов.

История становления поселенческой сети в Западной Сибири прошла длительный этап, пик которого пришелся на 1930-е годы. Несмотря на свои природно-географические условия и отличающиеся от европейских районов России производственно-торговые, религиозные, образова-

тельные функции, первые города сыграли большую роль в хозяйственном освоении региона. В этом плане изучение социально-экономических показателей вызывает особый интерес, позволяет исследовать процесс становления и развития городов, их включение в региональную и всероссийскую (всесоюзную) экономическую базу. Проблема сравнительного анализа социально-экономических показателей основных городов Западной Сибири периода 1930-х годов еще не стала предметом углубленного исследования для ученых. В связи с этим существует необходимость всестороннего изучения исторического опыта развития городов: Кемерово, Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени — с целью мониторинга уровня социально-экономического развития, анализа названных показателей для решения проблем современности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель статьи — рассмотреть в исторической ретроспективе социально-экономические показатели городов Западной Сибири по данным Центрального статистического управления.

Для характеристики городов Западной Сибири необходимо: 1) провести анализ их социально-экономических показателей за 1930-е годы; 2) выявить типичное и особенное в их развитии.

Впервые вводимые в научный оборот документы Российского государственного архива экономики, материалы Центрального статистического управления при Совете Министров СССР раскрывают количественные показатели развития городов Западной Сибири.

Авторами использовались общенаучные и специальные методы: историко-сравнительный, историко-типологический, статистический, которые позволили систематизировать и обобщить основные количественные характеристики развития городов Западной Сибири, а также методы графического представления полученных данных. Опора на различные методы способствовала комплексному рассмотрению проблемы.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь в границах городов Кемерово, Новосибирск, Омск, Томск, Тюмень.

Изучению истории сибирских городов, их социально-экономических показателей долгое время уделялось мало внимания. В основном отдельные статистические показатели публиковались в изданиях органов статистики, как, например, в «Обзорах Тобольской губернии» при Тобольском губернском статистическом комитете. Только во второй половине XIX — начале XX веков появляются работы, посвященные отдельным аспектам проблемы. Особо выделим публикации членов Тобольского губернского статистического комитета Е. Анучина [Анучин, 1866], К. М. Голодникова

[Голодников, 1881; Голодников, 1887], Е. В. Кузнецова [Кузнецов, 1870], И. Н. Юшкова [Юшков, 1870]. Вопросам статистических сведений Тобольской губернии уделил внимание В. Ильин [Ильин, 1861].

Исследования регионального характера затрагивали важные аспекты социально-демографического и экономического развития Сибири. Итогом работы ученых стало издание многотомной «Истории Сибири» [История..., 1968].

Интерес представляют работы историко-демографического характера Л. М. Горюшкина [Горюшкин, 1975], В. А. Зверева [Зверев, 1984], В. Н. Кабузана [Кабузан, 1979].

Ряд работ посвящены истории отдельных населенных пунктов Тобольской губернии. Среди них монографии Д. И. Копылова, Ю. П. Прибыльско-го по истории Тобольска [Копылов, 1969], Д. И. Копылова, В. Ю. Князева — Тюмени [Копылов, 1986], М. Ю. Маковецкого, П. С. Череповецкого — Омска [Маковецкий, 2016]. Изучались вопросы демографии Сибири [Гущин, 1995]. Попытка анализа развития региона на протяжении столетия предпринята в труде «Население Западной Сибири в XX веке» [Население..., 1997].

Ряд авторов в своих работах рассмотрели вопросы социально-демографического развития населенных пунктов [Древний..., 1994; Емельянов, 1992; Кружинов, 1994; Панишев, 2010]. Среди них отметим «Очерки истории Тюменской области» [Очерки..., 1994]. Однако авторы, к сожалению, лишь вскользь коснулись данной проблемы.

В исследовательской литературе задачи социально-экономического развития отдельных регионов России на современном этапе изучены достаточно хорошо. На основе данных Росстата авторы рассматривают динамику развития федеральных округов [Герасименко, 2022], отдельных регионов: Омской [Дмитренко, 2020], Рязанской [Буранова, 2022], Свердловской [Голованов, 2022], Томской [Татарникова, 2019] областей, Восточной Сибири [Фомин, 2021], Дальнего Востока [Савич, 2019], Краснодарского [Адаменко, 2021] Ставропольского [Котенев, 2021] краев. Истории городов Западной Сибири посвящены работы В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова [Скубневский..., 2003], Т. В. Бондаренко [Бондаренко, 2012]. Историко-культурные и социально-экономические факторы развития городов Западной Сибири рассматривают Е. Н. Брянцева, Т. В. Доронина, С. Н. Кошкина, М. Ю. Маковецкий, Д. В. Рудаков [Историко-культурные..., 2017], Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман [Красильникова и др., 2021].

В зарубежной историографии вопросы развития городов Западной Сибири рассматриваются с позиции процессов расселения; определяется роль социокультурных трансформаций в расширении сети поселений, устанавливается роль в ней региональных городов; особое внимание уде-

ляется экономическим факторам, например, добыче углеводородного сырья или кооперации [Settlement expansion ..., 2022; At the intersection ..., 2021; Kubes et al., 2022; Evolution ..., 2020; Li Huanhuan et al., 2020; Levochkina et al., 2021; Siberian Development ..., 2020; Vaguet, 2013].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ социально-экономических показателей городов Западной Сибири

Первым городом за Уральскими горами была образована Тюмень. Это произошло в 1586 году на поселении Чинги-Тура. В паспорте города (экономико-статистическом справочнике Центрального управления народохозяйственного учета Госплана СССР) за 1940 год указывается, что современная черта города была утверждена в марте 1938 года, а площадь городских угодий составляла к этому времени 4538,7 га [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 111]. В 1926 году в Тюмени проживало 50340 человек (23 622 муж. и 26 718 жен.), оно возросло до 79 205 (36 999 муж. и 42 206 жен.) в 1939 году. Общая численность работников на 1939 год составляла 25 216 человек, из них в промышленности — 7430 человек, в подготовке кадров — 651 человек, в массовом просвещении — 1309 человек, в здравоохранении — 1774 человека. Сверх общего числа работников в кооперативных артелях трудилось 2373 человека [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 111].

Паспорт Томска сообщает, что город был основан в 1604 году, а современная черта города была утверждена в марте 1929 года, площадь городских угодий на 1938 год составляла 14300,7 га [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 91]. Число жителей города с 1926 года возросло на 52 786 человек, с 92 274 (46 047 муж., 46 227 жен.) до 145 060 (66 678 муж., 78 382 жен.). Общая численность работников в 1939 году составляла 43 771 человек, из них в промышленности — 12 175 человек, в подготовке кадров — 4672 человек, в массовом просвещении — 1920 человек, в здравоохранении — 4917 человека [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 91].

Город Омск возник в 1716 году, официальный статус получил в 1781 году. Черта города была утверждена в апреле 1938 года, площадь городских угодий на 1938 год составляла 20 601 га [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 101]. Число жителей города с 1926 года увеличилось на 127 171 человек с 161 684 человек (79 562 муж., 82 122 жен.) до 288 855 (136 087 муж., 152 768 жен.). Общая численность работников в 1939 году составляла 92 431 человек, из них в промышленности — 24 530 человек, в подготовке кадров — 4266 человек, в массовом просвещении — 3267 человек, в здравоохранении — 6586 человек [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 101].

Щеглово, или Щегловск, как неофициально именовали будущий город Кемерово, возник в 1720 году, а в 1917 году он был утвержден в статусе города. Черта города утверждена в 1932 году. Площадь городских угодий на 1938 год составляла 12 951 га [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 50]. Число жителей города с 1926 года увеличилось на 111 098 человек с 21 726 человек (10 765 муж, 10 961 жен.) до 132 824 (62 880 муж., 69 944 жен.). Общая численность работников на 1939 год составляла 36 993 человека, из них было занято в промышленности — 11 843 человека, в жилищном хозяйстве — 570 человек, в массовом просвещении — 1458 человек, работало в учреждениях здравоохранения — 2331 человек [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 5 1].

Позже всех из рассматриваемых городов в 1893 году была основана Гусевка, или Новая деревня. Именно так неофициально ранее именовался город Новосибирск. Свой статус город обрел в 1903 году под названием Ново-Николаевск (Новониколаевск), был переименован в 1926 году в Новосибирск. Черта города была утверждена в 1930 году. Площадь городских угодий на 1938 год составляла 24 743,2 га [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 71]. С 1926 года число жителей города увеличилось на 285 169 человек со 120 128 человек (59 516 муж., 60 612 жен.) до 405 297 (187 388 муж., 217 909 жен.). Общая численность работников на 1939 год составляла 117 350 человек, из них — 27 011 было занято в промышленности, 3894 — в подготовке кадров, 4224 — в массовом просвещении и 8244 человек работало в учреждениях здравоохранения [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 71].

Рассмотрим основные социально-экономические показатели городов Западной Сибири за 1938—1940 годы. Архивные данные свидетельствуют о росте числа промышленных предприятий. Например, в городе Тюмень произошло увеличение со 125 до 131 в 1940 году, из которых 45 относились к крупным. Основными крупными предприятиями Тюмени были лесозавод «Республиканец», фанерокомбинат, деревообделочный комбинат, овчино-шубный завод, фабрика им. Челюскинцев.

Аналогичный рост промышленных предприятий к 1940 году наблюдался по всем городам (в Томске со 172 до 229; Омске со 167 до 202; Кемерово со 110 до 199; Новосибирске с 513 до 587). В то же время доля крупных предприятий в промышленности не была большой, только в Омске и Новосибирске на них приходилось чуть менее 50 %, а среднегодовое число рабочих превышало 20 тыс. чел. [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 52, 72, 92, 101, 112].

Существенным стимулом социально-экономического развития являлось обеспечение жильем городского населения. Наличие жилья во многом способствовало притоку населения, его трудоустройству и росту числен-

ности. Анализ показателей жилищного фонда Тюмени в 1937—1940 годах свидетельствует о наличии 586 жилых строений и преобладающей доле жилья, находившегося в личной собственности, над обобществленным жилищным фондом, причем этот показатель неуклонно увеличивался — со 147,7 тыс. м² до 155,9 тыс. м² в 1940 году. Уровень благоустройства жилого фонда оставлял желать лучшего, за исключением электроосвещения, обеспеченного на 96 %. В основном к 1940 году жилищный фонд города был обеспечен водопроводом на 25 %, канализацией — на 46 %, центральным отоплением — на 3 %. Аналогичные процессы наблюдались в Омске, где было 2751 жилое строение, а площадь личной застройки возросла с 554,2 до 621,3 тыс. м², и Новосибирске с 4639 жилыми строениями и жильем, находившимся в личной собственности, достигшим 651,9 тыс. м² в 1940 году [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 962, л. 53 об., 73 об., 93 об., 103 об., 113 об.; д. 1045, л. 24].

Схожая ситуация наблюдалась и в остальных городах Западной Сибири. По имеющимся данным, процент благоустроенности жилого фонда по водопроводу в целом варьировался от 23 до 49 % в Омске и Новосибирске, по канализации — от 13,2 в Омске до 46 % в Тюмени, по отоплению — от 3 по Тюмени до 42,2 % по Новосибирску, по электрообеспечению — от 23,9 до 98,2 % по Омску и Новосибирску соответственно [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 962, л. 24].

Рассмотрим состояние здравоохранения. Так, к примеру, за период 1938—1940 годов численность врачей всех специальностей в Тюмени уменьшилась с 90 до 86 человек. Численность среднего медицинского персонала возросла с 411 до 467 человек. Число больничных организаций увеличилось на единицу (с 6 до 7), число амбулаторно-поликлинических учреждений оставалось неизменным (11). В городе работали родильный дом, три здравпункта, детская поликлиника, шесть аптек, 18 детских яслей и четыре молочных кухни [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 58, 78, 98]. Численность врачей всех специальностей по городам Западной Сибири имела тенденцию к увеличению (табл. 1), за исключением Кемерово. Численность среднего медицинского персонала в течение всего изучаемого периода по городам возросла на 30 %. Число больниц увеличилось в среднем на единицу за исключением Томска и Кемерово. Число амбулаторно-поликлинических организаций оставалось неизменным за исключением Томска и Новосибирска.

Показатели системы образования и культуры городов Западной Сибири имели свои различия. Например, в Тюмени за рассматриваемый период сократилось количество дошкольных образовательных учреждений на две единицы, при этом численность воспитанников сократилась с 1445

Таблица 1

Основные показатели здравоохранения городов
Томска, Омска, Кемерово, Новосибирска в 1938—1940 годах*

Показатель	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Томск			
Всех учреждений стационарной помощи (ед.)	13	16	14
В них коек (ед.)	1647	1910	2038
Больниц (без психиатрических) (ед.)	11	14	12
В них коек (ед.)	1567	1830	1958
Родильных домов (ед.)	1	1	1
в них коек (ед.)	80	82	85
Здравпунктов (ед.)	10	6	5
Врачебно амбулаторно-поликлинических учреждений (ед.)	24	26	33
Амбулаторных и детских поликлиник (ед.)	1	1	1
Женских и детских консультаций (ед.)	7	7	7
Рентгенустановок (ед.)	20	22	23
Аптек (ед.)	6	6	6
Автомашин скорой медицинской помощи (ед.)	3	5	6
Детских яслей (ед.)	23	23	20
В них штатных мест (ед.)	1193	1142	1127
Молочных кухонь (ед.)	4	2	3
Врачей (без стоматологов) (чел.)	354	427	487
Среднего медицинского персонала (чел.)	460	1053	1004
Стоматологов (чел.)	20	39	33
Омск			
Всех учреждений стационарной помощи (ед.)	20	21	22
В них коек (ед.)	2107	2453	2547
Больниц (без психиатрических) (ед.)	17	18	19
В них коек (ед.)	1990	2328	2419
Родильных домов (ед.)	3	3	3
В них коек (ед.)	117	125	128
Здравпунктов (ед.)	12	13	17
Врачебно амбулаторно-поликлинических учреждений (ед.)	32	33	33
Амбулаторных и детских поликлиник (ед.)	3	3	3
Женских и детских консультаций (ед.)	6	7	7
Рентгенустановок (ед.)	14	14	16
Аптек (ед.)	15	15	15
Автомашин скорой медицинской помощи (ед.)	4	8	9

Продолжение табл. 1

Показатель	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Детских яслей (ед.)	24	26	30
В них штатных мест (ед.)	1055	1106	1263
Молочных кухонь (ед.)	5	5	5
Врачей (без стоматологов) (чел.)	669	682	684
Среднего медицинского персонала (чел.)	919	927	1215
Стоматологов (чел.)	43	46	52
Кемерово			
Всех учреждений стационарной помощи (ед.)	6	7	6
В них коек (ед.)	949	987	987
Больниц (без психиатрических) (ед.)	6	7	6
В них коек (ед.)	949	987	987
Родильных домов (ед.)	1	1	1
В них коек (ед.)	176	183	180
Здравпунктов (ед.)	5	7	8
Врачебно амбулаторно-поликлинических учреждений (ед.)	21	19	19
Амбулаторных и детских поликлиник (ед.)	1	1	1
Женских и детских консультаций (ед.)	5	5	5
Рентгенустановок (ед.)	3	5	5
Аптек (ед.)	5	5	6
Автомашин скорой медицинской помощи (ед.)	3	3	3
Детских яслей (ед.)	22	23	22
В них штатных мест (ед.)	1073	1151	1288
Молочных кухонь (ед.)	5	5	5
Врачей (без стоматологов) (чел.)	112	110	106
Среднего медицинского персонала (чел.)	539	576	552
Стоматологов (чел.)	8	8	11
Новосибирск			
Всех учреждений стационарной помощи (ед.)	17	18	19
В них коек (ед.)	2453	2629	3090
Больниц (без психиатрических) (ед.)	12	14	15
В них коек (ед.)	2162	2284	2727
Родильных домов (ед.)	2	2	2
В них коек (ед.)	213	217	216
Здравпунктов (ед.)	15	18	19
Врачебно амбулаторно-поликлинических учреждений (ед.)	58	62	56
Амбулаторных и детских поликлиник (ед.)	4	4	7

Окончание табл. 1

Показатель	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Женских и детских консультаций (ед.)	12	13	13
Рентгенустановок (ед.)	28	30	32
Аптек (ед.)	8	8	7
Автомашин скорой медицинской помощи (ед.)	14	18	17
Детских яслей (ед.)	36	40	41
В них штатных мест (ед.)	1989	2485	2915
Молочных кухонь (ед.)	11	11	11
Врачей (без стоматологов) (чел.)	604	576	759
Среднего медицинского персонала (чел.)	1148	1441	1878
Стоматологов (чел.)	39	51	53

*Источник: Извлечено и составлено нами по: [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 58, 78, 98, 108, 118].

до 1277 человек. В городе в 1939 году насчитывалось 26 школ — на две больше, чем в 1937 году. Общая численность школьников за рассматриваемый период, возросла до 14 485 человек (их стало на 1300 человек больше, чем в 1937 году). Действовал один рабфак (157 человек обучающихся в 1939 году против 241 в 1937 году), пять техникумов с общей численностью обучающихся 1515 человек (на 35 человек меньше, чем в 1937 году). Число средних специальных учебных заведений увеличилось на единицу и составило пять с общим числом обучающихся 1515 человек. Численность обучающихся по программам высшего профессионального образования возросла с 397 в 1937 году до 729 человек в 1939 году. В городе осуществляло образовательную деятельность три организации высшего образования. Показатели сферы культуры были более скромными; так, в городе функционировало семь клубов (сократилось на два против 1937 года), 26 библиотек, включая детскую и научную (увеличилось на 10), с общим фондом в 188,3 тыс. книг, в городе работали музей, театр, кинотеатр. Издавалось три газеты: «Красное Знамя», «На новом пути», «Судостроитель» [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 57, 57 об., 77, 77 об.].

Таблица 2 свидетельствует, что наибольшее число дошкольных образовательных учреждений функционировали в городах Омске (63) и Новосибирске (61), а общеобразовательных организаций 87 и 86 соответственно. Число средних профессиональных образовательных организаций преобладало в Томске (24) и Омске (23), а также организаций высшего образования семь и шесть соответственно.

Помимо представленных статистических данных интересны материалы городов Томска, Омска и Новосибирска. В Новосибирске, к примеру, имелось семь научных организаций и станций со 156 научными работниками, а также обсерватория [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 77 об.]. Шесть научных организаций со штатом 135 научных сотрудников работали в Омске [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 107 об.], в Томске 126 научных работников трудились в пяти научных организациях, имелся ботанический сад [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 97 об.]. Наибольшее число газет издавалось в Новосибирске (15) и Омске (11), к примеру, в Омске выходили периодические издания: «Ленинские внучата», «Металлист», «Молодой большевик», «На страже», «Омская железная дорога», «Омский железнодорожник», «Омская правда», «Советский Иртыш», «Стахановец», «Трактородеталь», «Ударник» [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 107 об.].

Таблица 2

Основные показатели сферы образования и культуры городов
Томска, Омска, Кемерово, Новосибирская в 1937—1939 годах*

Показатель	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Томск			
Число детских садов (ед.)	25	33	32
В них мест (ед.)	Нет св.	1555	1710
В них детей (чел.)	1192	1345	1485
Число детских площадок (ед.)	36	9	18
ими охвачено детей (чел.)	1156	250	662
Всего школ (ед.)	40	40	39
В них учащихся (чел.)	22364	23658	23870
Число учителей (чел.)	753	824	789
Рабфаки (ед.)	5	4	4
В них учащихся (чел.)	1219	932	414
Техникумы и другие средние учебные заведения (ед.)	22	23	24
В них учащихся (чел.)	4883	5248	5636
ВУЗы (ед.)	8	8	7
В них учащихся (чел.)	8260	9483	9550
Клубов (ед.)	21	21	19
из них детских (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.
Массовых библиотек (ед.)	24	23	22
В них книг (тыс.)	156,0	171,5	183,4
Детских библиотек (ед.)	2	2	2

Продолжение табл. 2

Показатель	1937 г.	1938 г.	1939 г.
В них книг (тыс.)	6,4	9,5	15,5
Музеев (ед.)	1	1	1
Театров (ед.)	2	2	3
В них мест (ед.)	1128	1128	1128
Кинотеатров	2	2	1
В них мест (ед.)	1260	1260	887
Киноустановок (ед.)	4	4	3
Число научных библиотек (ед.)	10	10	9
В них книг (тыс.)	1311,7	1402,2	1926,7
Число издаваемых газет на конец года (ед.)	4	3	4
разовый тираж их за год (тыс.)	14,9	14,3	15,0
Омск			
Число детских садов (ед.)	58	62	63
В них мест (ед.)	нет св.	нет св.	3635
В них детей (чел.)	2979	2495	3334
Число детских площадок (ед.)	10	36	26
ими охвачено детей (чел.)	399	1784	1295
Всего школ (ед.)	84	87	87
В них учащихся (чел.)	49932	52367	53276
Число учителей (чел.)	1457	1553	1601
Рабфаки (ед.)	5	4	1
В них учащихся (чел.)	1254	804	320
Техникумы и другие средние учебные заведения (ед.)	19	20	23
В них учащихся (чел.)	4364	4585	5377
ВУЗы (ед.)	7	7	6
В них учащихся (чел.)	5679	6047	5719
Клубов (ед.)	20	25	31
из них детских (ед.)	1	1	1
Массовых библиотек (ед.)	11	14	22
В них книг (тыс.)	255,3	451,6	580,3
Детских библиотек (ед.)	нет св.	1	1
В них книг (тыс.)	нет св.	14,7	20,1
Музеев (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.
Театров (ед.)	3	3	3
В них мест (ед.)	907	944	944
Кинотеатров (ед.)	5	6	6

Продолжение табл. 2

Показатель	1937 г.	1938 г.	1939 г.
В них мест (ед.)	2838	3333	3333
Киноустановок (ед.)	17	27	20
Число научных библиотек (ед.)	20	11	11
В них книг (тыс.)	397,2	529,4	545,3
Число издаваемых газет на конец года (ед.)	10	10	11
разовый тираж их за год (тыс.)	144,4	140,7	139,0
Кемерово			
Число детских садов (ед.)	25	27	28
В них мест (ед.)	нет св.	1655	1765
В них детей (чел.)	1182	1219	1444
Число детских площадок (ед.)	9	9	1
ими охвачено детей (чел.)	нет св.	нет св.	нет св.
Всего школ (ед.)	38	36	34
В них учащихся (чел.)	24707	25051	25145
Число учителей (чел.)	696	679	703
Рабфаки (ед.)	2	2	1
В них учащихся (чел.)	228	104	82
Техникумы и другие средние учебные заведения (ед.)	6	6	7
В них учащихся (чел.)	1432	1577	1954
ВУЗы (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.
В них учащихся (чел.)	нет св.	нет св.	нет св.
Клубов (ед.)	9	12	14
из них детских (ед.)	1	1	1
Массовых библиотек (ед.)	4	11	14
В них книг (тыс.)	34,8	82,2	93,5
Детских библиотек (ед.)	1	1	1
В них книг (тыс.)	9,5	7,0	5,8
Музеев (ед.)	1	1	1
Театров (ед.)	1	1	1
В них мест (ед.)	854	854	852
Кинотеатров (ед.)	1	1	1
В них мест (ед.)	1003	926	926
Киноустановок (ед.)	5	7	7
Число научных библиотек (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.
В них книг (тыс.)	нет св.	нет св.	нет св.
Число издаваемых газет на конец года (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.

Окончание табл. 2

Показатель	1937 г.	1938 г.	1939 г.
разовый тираж их за год (тыс.)	нет св.	нет св.	нет св.
Новосибирск			
Число детских садов (ед.)	60	65	61
В них мест (ед.)	нет св.	3613	3678
В них детей (чел.)	2917	3479	3366
Число детских площадок (ед.)	16	33	51
ими охвачено детей (чел.)	967	2089	3525
Всего школ (ед.)	91	92	86
В них учащихся (чел.)	69068	67109	67834
Число учителей (чел.)	1974	2069	2062
Рабфаки (ед.)	1	1	1
В них учащихся (чел.)	161	153	32
Техникумы и другие средние учебные заведения (ед.)	13	13	19
В них учащихся (чел.)	2805	2936	4176
ВУЗы (ед.)	6	6	5
В них учащихся (чел.)	3595	4193	4442
Клубов (ед.)	40	44	51
из них детских (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.
Массовых библиотек (ед.)	50	51	66
В них книг (тыс.)	304	377,6	916,9
Детских библиотек (ед.)	3	3	3
В них книг (тыс.)	32,8	39	41
Музеев (ед.)	нет св.	нет св.	нет св.
Театров (ед.)	4	4	4
В них мест (ед.)	1726	1970	1866
Кинотеатров	6	6	6
В них мест (ед.)	4039	4039	3589
Киноустановок (ед.)	22	17	24
Число научных библиотек (ед.)	16	13	13
В них книг (тыс.)	667,9	915,8	314,7
Число издаваемых газет на конец года (ед.)	15	15	15
разовый тираж их за год (тыс.)	350,8	240,8	188,2

*Источник: Извлечено и составлено нами по: [ГАРФ, ф. 1562, оп. 14, д. 1045, л. 57, 57об., 77, 77 об., 97, 97 об., 107, 107 об., 117, 117 об.].

3.2. Типическое и особенное среди городов Западной Сибири

Одной из важных характеристик, свидетельствующей о степени развития городов исследуемого региона, является величина проживающего в них населения. Как видно из приведенных данных социально-экономических показателей городов Западной Сибири, численность их населения ежегодно возрастала как за счет миграций, так и за счет естественного роста. Во всех городах женское население преобладало над мужским. Доля населения трудоспособного возраста увеличивалась медленно, в общей структуре населения наблюдался слабый рост числа жителей среднего возраста. В основном фиксировался больший процент детей и лиц пенсионного возраста.

Число промышленных предприятий за три года с 1938 по 1940 год возросло в среднем на 30 %, однако доля крупных предприятий в промышленности была небольшой, только в Омске и Новосибирске на них приходилось чуть менее 50 %, а среднегодовое число рабочих превышало 20 тыс. чел.

Возрастающая численность населения в городах требовала решения вопросов социальной-бытовой инфраструктуры: обеспечения жильем, здравоохранения и образования. Число введенных в эксплуатацию жилых домов постепенно увеличивалось, хотя уровень их благоустройства оставался еще низким. Жители испытывали проблемы с отоплением, водопроводом и канализацией, исключением было электроосвещение, обеспеченность которым составляла в среднем 90 %. Численность врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала по городам Западной Сибири в изучаемый период имела тенденцию к увеличению, а число больниц увеличилось в среднем на единицу, за исключением Томска и Кемерово. Число амбулаторно-поликлинических организаций оставалось неизменным, кроме Томска и Новосибирска. Открывались новые школы и детские сады при общем росте количества детей и обучающихся. Число учреждений культуры, таких как театры, кинотеатры, музеи, было неизменным, а среди клубов, библиотек, в том числе научных, наметилось увеличение. В ряде городов появлялись учреждения науки, росло количество периодических изданий.

В целом для городов Западной Сибири была характерна траектория роста социально-экономических показателей.

В то же время на основе анализа данных городов Западной Сибири видна неравномерность в их развитии в территориальном разрезе. Она во многом определялась обеспеченностью ресурсами, исторически сложившейся инфраструктурой, природно-климатическими условиями, удаленностью от центральных регионов страны, менталитетом населения и другими факторами объективного характера. Наряду с этим существенное влияние на развитие городов оказывала разновременность их создания.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ показателей социально-экономического развития городов Западной Сибири в 1930-х годах позволил сформулировать следующие результирующие положения.

1. Города Западной Сибири формировались как новые центры всесоюзного экономического роста, существенное влияние на них оказали исторические, культурные и социальные предпосылки. Необходимо учитывать и наличие среди них изначально существовавших различных административных, организационных и экономических возможностей и перспектив. Раннее появление города в Западной Сибири не всегда гарантировало его быстрый социально-экономический рост.

2. Положительная динамика статистических данных по основным социально-экономическим показателям городов Западной Сибири свидетельствует о том, что на практике сложились опорные центры для индустриального развития, создавались условия для увеличения числа промышленных предприятий, активизации процессов в культурной, образовательной, научной сферах жизнедеятельности общества. Существенный демографический подъем в городах только усиливал необходимость скорейшего решения ряда возникающих проблем, в частности в обеспечении благоустроенным жильем.

Статистика свидетельствует, что в ряду рассматриваемых городов в 1930-е годы по социально-экономическим показателям флагманом выступал Новосибирск, а аутсайдерские позиции занимали Кемерово и Тюмень. Относительно незначительные данные этих городов являлись производными величинами от реализации их потенциала и воздействия совокупности внешних и внутренних факторов. Например, Тюмень, несмотря на то, что город был основан раньше других, отставала по ряду показателей на фоне других городов.

Социальные и экономические данные, характеризующие состояние городов Западной Сибири, показали недостаточно тесную корреляцию между собой, указывая на проблемные точки, которые предстояло преодолевать в будущем.

Таким образом, в городах Западной Сибири имелся ресурсный и кадровый потенциал, прорывное развитие которого пришлось на середину XX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. РГАЭ — *Федеральное* государственное учреждение «Российский государственный архив экономики». Ф. 1562 (Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР).

Литература

1. *Адаменко А. А.* Характеристика социально-экономических показателей жизни населения Краснодарского края / А. А. Адаменко, Н. В. Тимошенко, Т. Е. Хорольская // *Вестник Академии знаний*. — 2021. — № 42 (1). — С. 15—19. — DOI: 10.24412/2304-6139-2021-10872.

2. *Анучин Е.* Материалы для уголовной статистики России : Исследования о проценте ссылаемых в Сибирь / Е. Анучин. — Тобольск : Типография губернского правления, 1866. — 147 с.

3. *Бондаренко Т. В.* Города Западной Сибири, сформировавшиеся как крепости Томск (1604), Бийск (1709), Омск (1716) / Т. В. Бондаренко // *Наука и современность*. — 2012. — № 16—1. — С. 29—50.

4. *Буранова Е. А.* Показатели социально-экономического развития региона / Е. А. Буранова, Д. П. Бирюкова // *Опыт и проблемы реформирования системы менеджмента на современном предприятии : тактика и стратегия*. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2022. — С. 35—39.

5. *Герасименко Н. А.* Динамика показателей социально-экономического развития федеральных округов России / Н. А. Герасименко // *Вестник университета*. — 2022. — № 5. — С. 90—99. — DOI: 10.26425/1816-4277-2022-5-90-99.

6. *Голованов О. А.* Оценка влияния пандемии Covid-19 на тренды социально-экономического развития региона России : кейс Свердловской области / О. А. Голованов, А. Н. Тырсин, Е. В. Васильева // *Journal of Applied Economic Research*. — 2022. — Т. 21. — № 2. — С. 257—281. — DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.2.010.

7. *Голодников К. М.* Город Тобольск и его окрестности : исторический очерк / К. М. Голодников. — Тобольск : губернская типография, 1887. — 140 с.

8. *Голодников К. М.* Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины присоединения Сибири / К. М. Голодников. — Тобольск : губернская типография, 1881. — 181 с.

9. *Горюшкин Л. М.* К характеристике народонаселения Сибири периода империализма / Л. М. Горюшкин // *Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири*. — Новосибирск : Наука, 1975. — С. 74—86.

10. *Гущин Н. Я.* Население Сибири в XX веке : основные тенденции и катаклизмы в развитии / Н. Я. Гущин. — Новосибирск : издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 1995. — 82 с.

11. *Дмитренко Е. А.* Анализ социально-экономических показателей Омской области / Е. А. Дмитренко, А. А. Алекберов // *Актуальные вопросы современной экономики*. — 2020. — № 1. — С. 329—337. — DOI: 10.34755/IROK.2020.25.79.047.

12. *Древний город на Оби : История Сургута (к 400-летию города)* / Н. Н. Баранов, Д. В. Бугров. — Екатеринбург : Тезис, 1994. — 325 с.

13. *Емельянов Н. Ф.* Город Курган (1782—1917). Социально-экономическая история (к 50-летию Курганской области) / Н. Ф. Емельянов. — Курган : Издательство Курганского государственного педагогического института, 1992. — 240 с.

14. *Зверев В. А.* Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX — начало XX вв.) / В. А. Зверев // *Город и деревня Сибири*

в досоветский период. — Новосибирск : издательство Новосибирского национального исследовательского государственного университета, 1984. — С. 103—113.

15. Ильин В. Статистические сведения по Тобольской губернии за 1861 год / В. Ильин // Тобольские губернские ведомости. — 1861. — № 39. — С. 4.

16. *Историко-культурные и социально-экономические факторы развития Сибири и Омской области* / Е. Н. Брянцева, Т. В. Доронина, С. Н. Кошкина, М. Ю. Маковецкий, Д. В. Рудаков // Омский научный вестник. Серия : Общество. История. Современность. — 2017. — № 4. — С. 54—62.

17. *История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5 томах* / под ред. А. П. Окладникова, В. И. Шункова. — Ленинград : Наука, 1968—1969.

18. Кабузан В. Н. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX века (1795—1917) / В. Н. Кабузан // История СССР. — 1979. — № 3. — С. 22—38.

19. Копылов Д. И. Тюмень / Д. И. Копылов, В. Ю. Князев, В. Ф. Ретунский. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1986. — 320 с.

20. Копылов Д. И. Тобольск / Д. И. Копылов, Ю. П. Прибыльский. — Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1969. — 264 с.

21. Котенев А. Д. Динамические характеристики социально-экономического развития России и Ставропольского края / А. Д. Котенев, О. А. Воропинова, А. А. Енина // Вестник Керченского государственного морского технологического университета. — 2021. — № 1. — С. 171—190. — DOI: 10.47404/2619-0605_2021_1_171.

22. Красильникова Е. И. История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни» : политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 428—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448.

23. Кружинов В. М. Тюмень : вехи истории / В. М. Кружинов. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 1994. — 236 с.

24. Кузнецов Е. В. Статистические исследования о пространстве и народонаселении Тобольской губернии / Е. В. Кузнецов // Тобольские губернские ведомости. — 1870. — № 23. — С. 3.

25. Маковецкий М. Ю. 300 лет Омску : великое прошлое, нереализованный потенциал настоящего и возможные траектории будущего развития / М. Ю. Маковецкий, П. С. Череповецкий // Омский научный вестник. Серия : Общество. История. Современность. — 2016. — № 2. — С. 105—109.

26. *Население Западной Сибири в XX в.* / Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 1997. — 169 с.

27. *Очерки истории Тюменской области* / В. М. Кружинов. — Тюмень : ИПП «Тюмень», 1994. — 272 с.

28. Панишев Е. А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861—1913 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. А. Панишев. — Тюмень, 2010. — 23 с.

29. Савич Д. Е. Социально-экономические показатели регионов Дальнего Востока России : основные проблемы и пути решения / Д. Е. Савич, Н. В. Фещенко // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. — 2019. — Т. 2. — С. 347—351.

30. Скубневский В. А. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2003. — 358 с. — ISBN 5-7904-0291-7.

31. Татарникова В. В. Анализ социально-экономического развития Томской области в 2015—2016 гг. / В. В. Татарникова // Модернизация российского общества : новые экономические ориентиры. — Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2019. — С. 373—378.
32. Фомин М. В. Проблемы пространственного развития регионов юга Восточной Сибири : мнение жителей / М. В. Фомин, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов, О. О. Смирнов // Научное обозрение. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2021. — № 6. — С. 66—82. — DOI: 10.26653/2076-4685-2021-6-06.
33. Юшков И. Н. Выводы из статистических таблиц Тобольской губернии за 1869 год / И. Н. Юшков. — Тобольск : Типография губернского правления, 1870. — 27 с.
34. *At the intersection of urbanisation and counterurbanisation in rural space : Microurbanisation in Northern Iceland* / T. Bjarnason, A. Stockdale, I. Shuttleworth, M. Eimermann, M. Shucksmith // Journal of Rural Studies. — 2021. — Vol. 87. — Pp. 404—414. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.09.009>.
35. *Evolution of rural settlement in an inland nonmetropolitan region of China at a time of rapid urbanization : The case of Gongyi* / Li Li, Li Xiaojian, Hai Beibei, Wang Xuefeng, Xu Jiawei // Journal of Rural Studies. — 2020. — Vol. 79. — Pp. 45—56. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.003>.
36. Kubes J. Functional types of suburban settlements around two differently sized Czech cities / J. Kubes, M. Ourednicek // Cities. — 2022. — Vol. 127.
37. Levochkina, N. Analysis of the reasons for the resettlement of Western Siberia in the context of sustainable development / N. Levochkina, A. Zinchenko // SHS Web of Conferences 128, 01005(2021) IFSDR. — 2021. — Vol. 128. — № 6. — DOI:10.1051/shsconf/202112801005.
38. Li Huanhuan, Song Wei. Evolution of rural settlements in the Tongzhou District of Beijing under the new-type urbanization policies / Li Huanhuan, Song Wei // Habitat International. — 2020. — Vol. 101. — DOI: doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102198.
39. *Settlement expansion influenced by socio-cultural changes in western Hunan mountainous areas of China during the eighteenth century* / Li Yikai, Ye Yu, Fang Xiuqi, Zheng Xue, Zhao Zhilong // Journal of Historical Geography. — 2022. — 8 September. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhg.2022.07.010>.
40. *Siberian Development Vector : Based on Cooperation and Interaction* / V. A. Kryukov, B. L. Lavrovskii, V. E. Seliverstov, V. I. Suslov, N. I. Suslov // Studies on Russian Economic Development. — 2020. — Vol. 31. — № 5. — Pp. 495—504. — DOI: 10.1134/S1075700720050111.
41. Vaguet Y. Oil and Gas towns in Western Siberia : past, present and future challenges / Y. Vaguet // Nordregio. — 2013. — WP 6:218. — Pp. 125—132.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.

Material resources

RGAE — Federal State Institution “Russian State Archive of Economics”. F. 1562 (Central Statistical Office under the Council of Ministers of the USSR). (In Russ.).

References

- Adamenko, A. A., Timoshenko, N. V., Khorolskaya, T. E. (2021). Characteristics of socio-economic indicators of the life of the population of the Krasnodar Territory. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 42 (1): 15—19. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-10872. (In Russ.).
- Anuchin, E. (1866). *Materials for criminal statistics of Russia: Studies on the percentage of exiled to Siberia*. Tobolsk: Printing house of the provincial government. 147 p. (In Russ.).
- Bjarnason, T., Stockdale, A., Shuttleworth, I., Eimermann, M., Shucksmith, M. (2021). At the intersection of urbanisation and counterurbanisation in rural space: Microubanisation in Northern Iceland. *Journal of Rural Studies*, 87: 404—414. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.09.009>.
- Bondarenko, T. V. (2012). Cities of Western Siberia, formed as fortresses Tomsk (1604), Biysk (1709), Omsk (1716). *Science and modernity*, 16—1: 29—50. (In Russ.).
- Bryantseva, E. N., Doronina, T. V., Koshkina, S. N., Makovetsky, M. Yu., Rudakov, D. V. (2017). Historical, cultural and socio-economic factors of the development of Siberia and the Omsk region. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 4: 54—62. (In Russ.).
- Buranova, E. A., Biryukova, D. P. (2022). Indicators of socio-economic development of the region. In: *Experience and problems of reforming the management system in a modern enterprise: tactics and strategy*. Penza: Penza State Agrarian University. 35—39. (In Russ.).
- Dmitrenko, E. A., Alekberov, A. A. (2020). Analysis of socio-economic indicators of the Omsk region. *Topical issues of modern economics*, 1: 329—337. DOI: 10.34755/IROK.2020.25.79.047. (In Russ.).
- Emelyanov, N. F. (1992). *Kurgan City (1782—1917). Socio-economic history (to the 50th anniversary of the Kurgan region)*. Kurgan: Publishing house of the Kurgan State Pedagogical Institute. 240 p. (In Russ.).
- Essays on the history of the Tyumen region*. (1994). Tyumen: IPP “Tyumen”. 272 p. (In Russ.).
- Fomin, M. V., Mikryukov, N. Y., Miryazov, T. R., Smirnov, O. O. (2021). Problems of spatial development of the regions of the South of Eastern Siberia: the opinion of residents. *Scientific Review. Series 2: Humanities*, 6: 66—82. DOI: 10.26653/2076-4685-2021-6-06. (In Russ.).
- Gerasimenko, N. A. (2022). Dynamics of indicators of socio-economic development of federal districts of Russia. *Bulletin of the University*, 5: 90—99. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-5-90-99. (In Russ.).
- Golodnikov, K. M. (1887). *The city of Tobolsk and its environs: a historical essay*. Tobolsk: provincial printing house. 140 p. (In Russ.).
- Golodnikov, K. M. (1881). *Tobolsk province on the eve of the 300th anniversary of the annexation of Siberia*. Tobolsk: provincial printing house. 181 p. (In Russ.).
- Golovanov, O. A. Assessment of the impact of the Covid-19 pandemic on the trends of socio-economic development of the Russian region: the case of the Sverdlovsk region. *Journal of Applied Economic Research*, 21 (2): 257—281. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.2.010. (In Russ.).
- Goryushkin, L. M. (1975). To the characteristics of the population of Siberia during the period of imperialism. In: *Questions of the history of socio-economic and cultural life of Siberia*. Novosibirsk: Nauka. 74—86. (In Russ.).

- Gushchin, N. Ya. (1995). *The population of Siberia in the twentieth century: the main trends and cataclysms in development*. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 82 p. (In Russ.).
- Ilyin, V. (1861). Statistical data on the Tobolsk province for 1861. *Tobolsk provincial Gazette*, 39: P. 4. (In Russ.).
- Kabuzan, V. N. (1979). Settlement of Siberia and the Far East at the end of the XVIII — early XX century (1795—1917). *History of the USSR*, 3: 22—38. (In Russ.).
- Kopylov, D. I., Profitable, Yu. P. (1969). *Tobolsk*. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 264 p. (In Russ.).
- Kopylov, D. I., Knyazev, V. Yu., Retunsky, V. F. (1986). *Tyumen*. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 320 p. (In Russ.).
- Kotenev, A. D., Voropinova, O. A., Enina, A. A. (2021). Dynamic characteristics of socio-economic development of Russia and the Stavropol Territory. *Bulletin of the Kerch State Marine Technological University*, 1: 171—190. DOI: 10.47404/2619-0605_2021_1_171. (In Russ.).
- Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2021). History of Cities in Western Siberia in Representations of Journal “Siberian Lights”: Political and Historical Contexts of 1920s — 1940s. *Nauchnyi dialog*, 1 (7): 428—448. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-7-428-448> (In Russ.).
- Kruzhinov, V. M. (1994). *Tyumen: milestones of history*. Yekaterinburg: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 236 p. (In Russ.).
- Kryukov, V. A. (2020). Siberian Development Vector: Based on Cooperation and Interaction. *Studies on Russian Economic Development*, 31 (5): 495—504. DOI: 10.1134/S1075700720050111.
- Kubes, J., Ourednicek, M. (2022). Functional types of suburban settlements around two differently sized Czech cities. *Cities*, 127.
- Kuznetsov, E. V. (1870). Statistical studies on the space and population of the Tobolsk province. *Tobolsk provincial Vedomosti*, 23: P. 3. (In Russ.).
- Li Huanhuan, Song Wei. (2020). Evolution of rural settlements in the Tongzhou District of Beijing under the new-type urbanization policies. *Habitat International*, 101. DOI: doi.org/10.1016/j.habitatint.2020.102198.
- Li Li, Li Xiaojian, Hai Beibei, Wang Xuefeng, Xu Jiawei. (2020). Evolution of rural settlement in an inland nonmetropolitan region of China at a time of rapid urbanization: The case of Gongyi. *Journal of Rural Studies*, 79: 45—56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.003>.
- Li Yikai, Ye Yu, Fang Xiuqi, Zheng Xue, Zhao Zhilong. (2022). Settlement expansion influenced by socio-cultural changes in western Hunan mountainous areas of China during the eighteenth century. *Journal of Historical Geography*. 8 September. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhg.2022.07.010>.
- Levochkina, N., Zinchenko, A. (2021). Analysis of the reasons for the resettlement of Western Siberia in the context of sustainable development. *SHS Web of Conferences* 128, 01005(2021) *IFSDR*, 128 (6). DOI:10.1051/shsconf/202112801005.
- Makovetsky, M. Yu., Cherepovetsky, P. S. (2016). 300 years of Omsk: the great past, the unrealized potential of the present and possible trajectories of future development. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 2: 105—109. (In Russ.).
- Panischev, E. A. (2010). *Socio-demographic development of the Tobolsk province in 1861—1913*. Author's abstract of the PhD Diss. Tyumen. 23 p. (In Russ.).

- Savich, D. E., Feshchenko, N. V. (2019). Socio-economic indicators of the regions of the Russian Far East: the main problems and solutions. *Scientific, technical and economic cooperation of the APR countries in the XXI century*, 2: 347—351. (In Russ.).
- Skubnevsky, V. A., Goncharov, Yu.M. (2003). *Cities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries*. Barnaul: Publishing house of the Altai University. 358 p. ISBN 5-7904-0291-7. (In Russ.).
- Tatarnikova, V. V. (2019). Analysis of the socio-economic development of the Tomsk region in 2015—2016. In: *Modernization of Russian society: new economic guidelines*. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics. 373—378. (In Russ.).
- The ancient city on the Ob: The History of Surgut (to the 400th anniversary of the city)*. (1994). Yekaterinburg: Thesis. 325 p. (In Russ.).
- The History of Siberia from ancient times to the present day in 5 volumes*. (1968—1969). Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- The population of Western Siberia in the twentieth century*. (1997). Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 169 p. (In Russ.).
- Vaguet, Y. (2013). Oil and Gas towns in Western Siberia: past, present and future challenges. *Nordregio*, 6:218: 125—132.
- Yushkov, I. N. (1870). *Conclusions from the statistical tables of the Tobolsk province for 1869*. Tobolsk: Printing house of the provincial government. 27 p. (In Russ.).
- Zverev, V. A. (1984). Features of natural movement of urban and rural population of Siberia (late XIX — early XX centuries). In: *City and village of Siberia in the pre-Soviet period*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University Publishing House. 103—113. (In Russ.).

*The article was submitted 28.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Антошкин А. В. Государственное регулирование торговли в Башкирии в 1945—1953 годах / А. В. Антошкин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 395—412. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-395-412.

Antoshkin, A. V. (2023). State Regulation of Trade in Bashkortostan from 1945 to 1953. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 395-412. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-395-412. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-395-412

Государственное регулирование торговли в Башкирии в 1945—1953 годах

Антошкин Анатолий Васильевич

orcid.org/0000-0003-4901-3454

кандидат исторических наук,

учитель истории,

кафедра общественных наук

aav151284@rambler.ru

Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение
«Гимназия № 2»
(Стерлитамак, Россия)

State Regulation of Trade in Bashkortostan from 1945 to 1953

Anatoly V. Antoshkin

orcid.org/0000-0003-4901-3454

PhD in History,

History Teacher,

Department of Social Sciences

aav151284@rambler.ru

Gymnasium no. 2
(Sterlitamak, Russia)

© Антошкин А. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы регулирования торговли на территории Башкирии в период послевоенного восстановления народного хозяйства. Предпринимается попытка определить степень эффективности механизмов государственного регулирования торговли в условиях плановой экономики Советского Союза. Способность плановой экономики обеспечивать рост объема товарооборота при финансово-хозяйственной деятельности предприятий торговли на бесконкурентной основе и без использования механизма свободного формирования спроса и предложения относится к числу дискуссионных проблем. Источниковой базой статьи послужили документы Национального архива Республики Башкортостан, часть из которых впервые вводится в научный оборот. В результате исследования установлено, что республиканское Министерство торговли основное внимание уделяло росту объемов товарооборота, последовательному изживанию дефицита. Выявлено, что огосударствление потребительской кооперации резко снизило возможности кооперативной демократии, привело к нарушению законных интересов пайщиков. Показаны действия Государственного арбитража в конфликтных отношениях предприятий торговли Башкирии с поставщиками. Определены результаты регулирующих действий Госбанка в вопросах снижения дебиторской задолженности, в повышении платежеспособности предприятий торговли. Делается вывод, что при всех недостатках существующей системы хозяйствования торговые организации Башкирии достигли ощутимых успехов.

Ключевые слова:

торговля; Министерство торговли; потребительская кооперация; Госбанк; Государственный арбитраж; Башкирия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the regulation of trade in the territory of Bashkortostan during the post-war reconstruction of the national economy. An attempt is made to determine the effectiveness of state mechanisms for regulating trade in the conditions of a planned economy in the Soviet Union. The ability of a planned economy to ensure an increase in the volume of trade turnover through financial and economic activities of trade enterprises on a non-competitive basis and without using the mechanism of free demand and supply formation is one of the controversial issues. The source base of the article was documents from the National Archives of the Republic of Bashkortostan, some of which are introduced into scientific circulation for the first time. As a result of the study, it was established that the Republican Ministry of Trade paid primary attention to increasing trade turnover and consistently eliminating deficits. It was revealed that the nationalization of consumer cooperatives sharply reduced the opportunities for cooperative democracy and led to violations of the legitimate interests of shareholders. The actions of the State Arbitration in conflict situations between trade enterprises in Bashkortostan and suppliers are shown. The results of regulatory actions by Gosbank in reducing accounts receivable and increasing the solvency of trade enterprises are determined. It is concluded that despite all the shortcomings of the existing economic system, trade organizations in Bashkortostan have achieved significant success.

Key words:

Trade; Ministry of Trade; consumer cooperatives; Gosbank; State Arbitration; Bashkortostan.

Государственное регулирование торговли в Башкирии в 1945—1953 годах

© Антошкин А. В., 2023

1. Введение = Introduction

Торговля в период послевоенного восстановления народного хозяйства играла огромную роль в экономике тыловых регионов. С одной стороны, от эффективности регулирования торговли зависело удовлетворение спроса городского и сельского населения на продовольствие и промышленные товары. С другой стороны, для успешной работы торговым предприятиям республики было необходимо решить задачи по снижению сверхнормативных товарных запасов, ликвидации дебиторской задолженности, специализации розничной торговой сети. Особой проблемой стало урегулирование договорных отношений с поставщиками. Промышленность в послевоенный период последовательно наращивала поставки различных товаров в торговые системы Башкирии, что весьма быстро привело к затовариванию торговой сети, но не решило проблему товарного дефицита. Кроме того, у потребителей возникали справедливые нарекания к ассортименту и качеству товаров. Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что многие предприятия торговли Башкирии в послевоенный период утратили финансовую устойчивость, имели регулярные просрочки по счетам поставщиков и ссудам Госбанка. В этой связи большое практическое значение приобретал вопрос налаживания эффективного регулирования торговли.

Проблемы государственного регулирования торговли в период с 1945 по 1953 годы во многом были обусловлены неравномерностью процессов восстановления в сфере торговли. Темпы роста товарооборота значительно расходились с темпами восстановления торгово-складской сети. Так, к отмене карточной системы в декабре 1947 года объемы товарооборота уже превзошли довоенный уровень, тогда как количество предприятий розничной торговли было восстановлено только к концу 1950 года, что создавало сложности размещения и реализации возросшей товарной массы.

До смерти И. В. Сталина в развитии торговли имели место тенденции, заложенные четвертой пятилеткой. До 1953 года планы товарооборота в Башкирии последовательно возрастали, но без учета товарного покрытия централизованными фондами. Мобилизовать недостающую товарную массу на месте предприятиям торговли не удавалось. Вместе с тем до

1953 года продолжались процессы финансового оздоровления, постепенно сокращались просрочки предприятий торговли по счетам поставщиков и ссудам Госбанка. Только в 1953 году Бюджетная комиссия Верховного Совета Башкирской АССР признала торговую систему республики финансово устойчивой, а Министерство торговли Башкирской АССР смогло полностью выполнить установленные планы товарооборота.

Исследование механизмов регулирования торговли в крупном национальном регионе Советского Союза позволяет по-новому поставить вопрос об эффективности плановой экономики. В послевоенный период был получен уникальный опыт регулирования торговли в условиях ограничения экономических свобод, отсутствия развитого частного сектора. Торговым организациям надлежало удовлетворять запросы населения в системе хозяйствования, в которой не учитывались функции рынка.

Степень изученности данной темы, на наш взгляд, является недостаточной. Предлагаемая статья, написанная на основе ранее недоступных архивных материалов, послужит новым вкладом в разработку проблемы государственного регулирования торговли в Советской Башкирии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является исследование механизмов государственно-го регулирования торговли на территории Башкирии в период с 1945 по 1953 годы. Источниковой базой статьи послужили документы, извлеченные из фондов Национального архива Республики Башкортостан. Среди них особое место занимают материалы республиканского Министерства торговли, сведения Государственного арбитража при Совете Министров Башкирской АССР и материалы Башкирской конторы Госбанка СССР по регулированию финансово-хозяйственной деятельности предприятий торговли. К исследованию были привлечены доклады Бюджетной комиссии Верховного Совета Башкирской АССР. В процессе написания статьи были использованы материалы собрания Совета Башпотребсоюза, в том числе касающиеся управления низовыми звеньями в глубинных районах республики. В ходе исследования были проанализированы ведомственные справки, сведения и переписка Башкирского обкома ВКП(б) с ЦК ВКП(б) и союзными министерствами по вопросам регулирования торговли.

В период 1945—1953 годов советские экономисты изучали механизмы регулирования торговли с практической точки зрения. На первый план выходили вопросы перевода экономики на мирные рельсы, прорабатывались механизмы перехода от карточной системы к открытой торговле [Любимов, 1945; Москвин, 1948]. Во второй половине 1950—1980-х годов были написаны труды, содержащие материал о разработке торговой политики,

авторы которых стояли на позиции совершенства социалистических принципов хозяйствования [Ломоватский, 1957; Дихтяр, 1965]. В некоторых работах торговля рассматривалась как элемент системы планового управления экономикой [Белоусов, 1983]. В обобщающих работах по истории советской экономики анализировались меры, направленные на оздоровление экономических связей торговли и промышленности, были освещены действия властей по устранению крупных недостатков в управлении торговлей [Виноградов, 1980]. В постсоветское время появились труды, написанные на достаточно широкой источниковой базе, что позволило воссоздать более объективную картину советской торговли, выявить недостатки государственного регулирования. Можно отметить работу Е. Д. Твердюковой, в которой был осуществлен историко-правовой анализ государственного регулирования торговли в СССР [Твердюкова, 2011]. Интерес представляет исследование Д. В. Воронина, посвященное институту государственного арбитража и его влиянию на советскую экономику [Воронин, 2016]. Вопросы развития торговли в исследуемый период поднимались авторами ряда статей [Кузнецова, 2008; Мороз, 2016; Мамяченков и др., 2019].

Отметим, что в региональном измерении историографии развитие торговли в Башкирии не привлекало особого внимания исследователей. В коллективных трудах основательно изучены проблемы, связанные с состоянием торговли, в том числе вопросы потребления, качества питания и благосостояния населения [Иванков, 1966; Масалимов и др., 2003; Кульшарипов и др., 2011]. Однако проблема регулирования торговли должного освещения не получила. Настоящая статья нацелена на устранение части пробелов в историографии советской торговли на примере крупного национального региона.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Регулирование Министерством торговли Башкирской АССР деятельности торговых предприятий

Министерство торговли основное внимание уделяло разработке и проведению мероприятий по выполнению плана товарооборота, содействовало ускорению оборачиваемости и экономному расходованию средств по всем статьям издержек обращения. По мере возможности Министерство торговли контролировало работу сбытовых баз производственных предприятий [НАРБ, ф. Р-976, оп. 5, д. 86, л. 7].

В торговле продовольственными товарами на первом месте стояли вопросы реализации хлеба. Предприятия государственной торговли за послевоенный период стремились отладить механизм бракеража при приемке хлеба на предприятиях хлебопечения и в торговой сети. Данный вопрос

был крайне важен, так как в торговлю регулярно попадал недоброкачественный хлеб. Торговые организации всеми возможными способами вели борьбу за расширение ассортимента хлеба и хлебобулочных изделий, но организовать должного воздействия на хлебопекающие предприятия длительное время не удавалось. Например, в течение 1951 года директор хлебозавода Белорецка Хомяков сам устанавливал ассортимент хлебобулочных изделий и выпускал только то, что требовало минимальных усилий. Хомяков «убедил» руководителей торговых организаций и даже исполком горсовета в том, что хлебозавод не может давать широкого ассортимента, так как он был плохо оснащен и не имел высококачественного сырья. В результате качество хлеба не улучшалось — в торговую сеть поступал хлеб то горелый, то сыропеклый, то просто бесформенный. Нелучайно в Белорецке уральский калач, выпускаемый хлебозаводом, в народе прозвали «лепешкой с дыркой» [НАРБ, ф. Р-976, оп. 5, д. 86, л. 198]. Проблема работы хлебозавода была решена Министерством торговли при содействии обкома ВКП(б), в результате чего директор завода был снят с должности, а торговая сеть наполнилась товаром надлежащего качества.

В торговле послевоенной Башкирии перебои случались довольно часто. К примеру, в четвертом квартале 1950 года Черниковск не использовал 309 тонн муки, а в январе 1951 года — еще 62 тонны. За февраль и март установленный фонд хлеба полностью не был использован, а когда прошла проверка торговли, то черного хлеба не было даже в дежурных магазинах. Для исправления ситуации в Черниковском торге было проведено совещание торговых работников, на которое заведующий городским торговым отделом Купцов не явился. Министерство торговли и горком ВКП(б) не стали терпеть такой работы и 11 апреля сняли Купцова с должности, после чего ситуация стала постепенно исправляться, количество перебоев в торговле снизилось [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 157, л. 144].

Ключевой проблемой для Министерства торговли оставалось выполнение планов товарооборота. Так, план товарооборота 1951 года организациями торговли был выполнен на 94 %. Только в первом квартале было не отоварено фондов на 2200 тыс. руб., в том числе по базе «Главсахар» — 350 тыс. руб., «Главкондитер» — 100 тыс. руб., «Расжирмасло» — 150 тыс. руб., «Рыбсбыт» — 271 тыс. руб. В связи с этим ассортимент рыбы, кондитерских изделий, жиров был крайне неудовлетворительным [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 157, л. 52]. При такой работе баз промышленности Министерство торговли не могло обеспечить выполнение планов товарооборота в полном объеме.

Не лучше обстояли дела с реализацией промышленных товаров. В торговле послевоенной Башкирии было очень мало швейных изделий, особенно

зимних пальто и телогреек, теплого трикотажа, валяной и резиновой обуви, спортивной одежды, шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей. К разряду дефицитных товаров относились также радиоприемники, патефоны, фототовары, кирзовые сапоги, мебель, ковровые и тюлевые изделия. Базы промышленности, как правило, оживляли свою работу только после вмешательства Министерства торговли, причем для достижения большей оперативности был необходим тесный контакт с обкомом партии и Советом министров. Тогда начинался «штурм» по отгрузке товаров. Многие товары, поступая в последних числах месяца, оказывались нереализованными. В результате план товарооборота не выполнялся, а на балансе оставались сверхнормативные товарные остатки. Имели место проблемы в договорных отношениях предприятий торговли с артелями промысловой кооперации. К примеру, в 1951 году Башпромсовет заключил договоры поставки на сумму 2,5 млн руб., в то время как план Министерства торговли исходил из суммы в 3,9 млн руб. Промкооперация фактически отказалась от производства мебели на 600 тыс. руб., лыж на 528 тыс. руб. и прочих лесощепных товаров на 179 тыс. руб. [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 1066, л. 78]. В результате предприятия государственной торговли этих товаров не получили.

Из-за проблем с поставщиками большинство организаций, работавших в 1950 году на уровне выполнения и перевыполнения планов товарооборота, в первом квартале 1951 года резко снизили темпы. Местные торги в первом квартале 1951 года выполнили план только на 86,7 %. Стерлитамакский торг выполнил план на 80 %, Белорецкий торг — на 81,2 %, УРС Уфимской железной дороге — на 89,5 %.

Министерство торговли регулярно разрабатывало мероприятия по сокращению издержек обращения и непланируемых потерь, однако растрачивание государственных средств не прекращалось. Так, за 1950 год местные торги допустили перерасход по издержкам обращения на сумму 2,5 млн руб. и получили непланируемых потерь на сумму свыше 5 млн руб. Необходимо особо подчеркнуть, что некоторые торговые организации допускали перерасход по издержкам обращения при общем невыполнении плана товарооборота [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 157, л. 138].

На особом счету в Министерстве торговли была работа магазинов показательных систем «Главгастронома» и «Главунивермага», которые были призваны стать образцом советской торговли. Между тем материалы проверок свидетельствовали, что работа этих организаций была отягощена множеством недостатков. Имели место факты грубейших нарушений правил торговли. В Уфимском универмаге отдельные работники были уличены в припрятывании товара. В подвальном магазине «Главгастронома» только за вторую половину 1950 года было записано 42 жалобы на обмер,

обвес, обсчет и грубое обращение с покупателями [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 157, л. 140]. Эти предприятия торговли находились под постоянной критикой со стороны Министерства торговли, но кардинальных улучшений в их работе не наблюдалось.

Сложность регулирования торговли в послевоенный период заключалась еще и в том, что после отмены карточной системы в декабре 1947 года планы товарооборота последовательно увеличивались, а цены снижались. Резко изменилась конъюнктура, была сокращена оборачиваемость товаров. На повестке дня стояли вопросы расширения ассортимента, повышения качества товаров, улучшения обслуживания потребителей, соблюдения финансовой дисциплины, экономии в расходовании государственных средств и привлечения товаров из местных источников.

3.2. Особенности регулирования торговли в системе потребительской кооперации Башкирии

В кооперативной торговле в послевоенный период имели место тенденции восстановления кооперативной демократии. В Башкирии были проведены отчетно-выборные кампании, что должно было повысить роль пайщиков в работе потребительской кооперации.

На начало 1947 года в республике числилось 242 убыточных предприятия, а сумма убытка достигла 5 млн 800 тыс. руб. Задолженность пайщиков по паевым взносам на начало 1948 года превышала 28 млн руб. За период отчетно-выборной кампании 1949 года было проведено 4530 участковых собраний с участием 547 тыс. пайщиков, что составило 78,7 %. В 604 сельпо приняли участие 49,5 тыс. уполномоченных. В результате этих собраний вскрылись большие недостатки в работе потребкооперации. Пайщиками была дана неудовлетворительная оценка работе правлений 85 сельпо, что составило 14 %, и 124 ревизионных комиссий сельпо, что составило 20 %. Положительную оценку получили только 32 сельпо, то есть 5,3 %. В результате выборов в органы управления и контроля было снято с должности 180 председателей сельпо [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1295, л. 45].

Одной из важнейших задач организаций потребкооперации после проведения выборов явилось выполнение наказов пайщиков и неуклонное проведение в жизнь требований устава. Справедливыми требованиями пайщиков были вопросы улучшения торговли, насыщения сети магазинов и лавок нужными товарами. Кроме того, в отношении пайщиков, аккуратно уплачивающих свои паевые взносы, должно было действовать преимущественное право при покупке товаров. В то же время многочисленные жалобы неоспоримо доказывают, что большинство сельпо не выполняли наказания пайщиков.

В отличие от государственной торговли потребкооперация Башкирии отличалась большим количеством злоупотреблений, в том числе растрат и

хищений. Без прямого министерского контроля, при минимальном охвате проверками Государственной торговой инспекцией, потребкооперация должна была обходиться главным образом собственными ревизионными комиссиями. Отмечались факты сращивания правлений сельпо и ревизионных комиссий, соучастия ревизоров в злоупотреблениях. Самостоятельно устранить недобросовестных руководителей сельпо пайщикам было не так просто. К примеру, в 1951 году в Башпотребсоюз поступила коллективная жалоба от пайщиков Калувеского сельпо Учалинского района. Пайщики жаловались на регулярные перебои в торговле. Председатель игнорировал запросы пайщиков, на собрания являлся в нетрезвом виде. Авторы письма просили прислать ревизора, да еще «честного» и непьющего, отметив, что «для обычных ревизоров у нашего председателя бочка браги всегда в запасе» [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1375, л. 191]. Обычно в ходе ревизий председатель приглашал ревизоров выпить, после чего ревизии заканчивались, а злоупотребления продолжались.

Местные советские и партийные органы систематически пытались повысить качество работы потребкооперации за счет соцсоревнований. Это давало реальную возможность на время удлинить часы торговли, улучшить санитарное состояние магазинов, снизить количество нарушений принципов советской торговли. Так, в 1951 году в социалистическом соревновании участвовало более 12 тыс. человек, в том числе 7026 работников кооперативной торговли [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1443, л. 15].

В деле регулирования кооперативной торговли на первом месте стояли проблемы товарного дефицита и сверхнормативных товарных остатков. К примеру, в Мелеузовском районе было сверхнормативных остатков на сумму, превышающую миллион рублей. За 1950 год было завезено 4100 кг грузинского чая первого и второго сорта из Чкалова, спроса на который не было. В 1947 году завезли 5 мельниц, в которых район не нуждался. Башпотребсоюз заслал галоши 13—15 номера, но таких великанов в районе не было, и реализовать такой товар не представлялось возможным. В то же время в районе был велик спрос на шорные и железоскобяные товары, но кооперация ими не торговала. За год в кооперативные магазины не поступило ни одного топора и ни одной пилы. На претензии к руководству «Рыбсбыта» районная кооперация получили ответ: «Мы и город полностью обеспечить не можем». Потребкооперация для торговли в районе не получала ни рыбы, ни консервов [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 153, л. 61—62].

Для урегулирования проблем кооперативной торговли в январе 1951 года было созвано совещание работников потребительской кооперации с участием представителей партийных и советских органов. На совещании присутствовали секретарь обкома партии С. А. Вагапов,

председатель правления Центросоюза И. С. Хохлов, председатель Совета Министров БАССР Н. Р. Уразбаев Председатель президиума Верховного Совета БАССР Ф. З. Загафуранов и Министр торговли БАССР И. А. Липатов. На это совещание были также приглашены директора баз промышленности [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 153, л. 1]. В рамках существующих принципов хозяйствования полностью устранить проблемы кооперативной торговли не удалось. В то же время были разработаны и осуществлены мероприятия по выправлению ситуации. Пересматривались товарные остатки, при необходимости давалось разрешение на межрайонные переброски товаров. На низовом уровне кооперация провела товарообменные операции с предприятиями государственной торговли для выравнивания товарных остатков и наилучшего удовлетворения спроса городского и сельского населения. Кроме того, были инициированы аттестации материально-ответственных лиц, приняты меры к улучшению кадровой политики, под контроль партии переходили вопросы повышения квалификации кооперативных работников.

3.3. Роль Госбанка СССР в регулировании финансово-хозяйственной деятельности предприятий торговли Башкирии

Регулирование Госбанком деятельности торговых предприятий осуществлялось в интересах успешного исполнения кредитного и кассового плана. На основе регулярной инспекционной работы Башкирская контора Госбанка вырабатывала директивные решения в вопросах эффективного использования предприятиями торговли как собственных оборотных средств, так и заемных средств. Учитывая, что удельный вес торговой выручки в приходной части кассового плана составлял более 45 %, невыполнение плана товарооборота создавало угрозу невыполнения кассового плана, а следовательно, вело к затруднениям в части обеспечения денежной наличностью потребностей народного хозяйства, выплат заработных плат, выдачи пенсий и пособий [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4765, л. 537].

С целью увеличения поступлений денежной наличности в кассы банка торговые организации были обязаны всемерно развивать торговлю товарами широкого потребления рыночного фонда, ускорять продвижение товаров с баз промышленности и оптовых торговых баз в розничную сеть. Башкирская контора Госбанка через Совет Министров Башкирской АССР имела возможность санкционировать в отдельных случаях межрайонную и межобластную переброску товаров в целях их скорейшей реализации [НАРБ, ф. Р-933, оп. 1, д. 4765, л. 541].

Проверки Госбанком торговых предприятий в послевоенный период регулярно выявляли факты нецелевого использования собственных и привлеченных банковских средств. Проблема роста дебиторской задолженно-

сти в торговых системах обострилась после отмены карточной системы. Так, в потребкооперации вместо планируемого снижения дебиторской задолженности в 1948 году был зафиксирован рост на 4496 тыс. руб.; по состоянию на 1 января 1949 года дебиторская задолженность достигла 16,6 млн руб [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1295, л. 29].

Следует учитывать, что это только официальная дебиторская задолженность, зафиксированная в балансах торговых организаций. Кроме того, имели место массовые случаи скрытой дебиторской задолженности в форме продажи товаров в кредит, отмечались факты незаконного расходования наличных денег из касс.

В послевоенный период кредитные вложения Госбанка в торговый оборот потребкооперации последовательно возрастали. Следовательно, для использования в полной мере предоставляемой государством кредитной помощи от работников потребкооперации требовалось исключительное внимание и повседневная забота об укреплении финансового состояния системы, сохранении и увеличении собственных оборотных средств и ликвидации бесхозяйственности.

Госбанк располагал множеством фактов неудовлетворительной работы отдельных звеньев потребкооперации. К примеру, Зилаирский райпотребсоюз по плану 1950 года должен был получить прибыль в сумме 25 тыс. руб., а в действительности по состоянию на 2 декабря 1950 года был получен убыток в сумме 134 тыс. руб., причем убыточность нарастала из квартала в квартал. Эти убытки являлись прежде всего следствием перерасхода издержек обращения по зарплате, командировочным, процентам за просрочку платежей Госбанку. Если факты бесхозяйственности создавали реальную угрозу снятия торгового предприятия с кредитования, то вышестоящие организации были вынуждены принимать экстренные меры. Как правило, успешно осуществить финансовое оздоровление удавалось за счет установления внешнего управления с последующим подбором новых руководящих кадров [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 153, л. 166].

Отметим, что работа Госбанка также не была лишена недостатков. Так, в письме Башкирского обкома Председателю Правления Госбанка СССР В. Ф. Попову была представлена сложившаяся ситуация с неудовлетворительной работой Госбанка в Черниковске. Город Черниковск являлся крупным промышленным центром Башкирской республики. Территориально город был расположен в радиусе 15—18 км, при этом его промышленность продолжала активно развиваться. Среднемесячная выручка торговых организаций города составляла около 40 млн руб., однако из-за отсутствия транспортных средств отделение Госбанка не инкассировало непосредственным заездом в торговые точки. Вследствие указанных причин работ-

ники торговых организаций были вынуждены нести выручку в объединенную кассу ОРСов и торгоа, находящуюся на расстоянии нескольких километров от торговых точек [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 1066, л. 95].

Вопросы кредитования и капиталовложений имели большое значение для торговли, поэтому на критику Госбанка Министерство торговли и Башпотребсоюз реагировали оперативно и решительно. По результатам обследования предприятий торговли Бюджетной комиссией Верховного Совета Башкирской АССР в 1952 году было констатировано отсутствие фактов снятия с кредитования предприятий торговли.

3.4. Регулирование Госарбитражем СССР взаимоотношений предприятий торговли Башкирии с поставщиками

Государственный арбитраж СССР рассматривал спорные дела социалистического сектора. В период послевоенного восстановления народного хозяйства в производственную и торговую деятельность было вовлечено большое количество новых предприятий. Споры возникали довольно часто, так как новым хозяйствующим субъектам не хватало опыта. Особенностью работы арбитража в условиях советской плановой экономики являлось отсутствие частного сектора, на который санкции могли бы оказать наилучшее стимулирующее действие. В сложившихся принципах хозяйствования санкции взыскивались с одного предприятия в пользу другого в пределах единого социалистического сектора.

Тем не менее для торговых предприятий значение арбитража было чрезвычайно велико, так как руководители промышленных предприятий и сбытовых баз не обеспечивали равномерного и полного завоза товаров в республику и тем самым ставили под угрозу срыва план товарооборота.

Рассмотрим деятельность арбитража на примере государственной торговли. Коммерческая дебиторская задолженность системы Министерства торговли Башкирии по состоянию на 1 января 1948 года составляла 1896 тыс. руб., а на 1 июля 1948 года — 3822 тыс. руб. Столь существенный рост произошел из-за недопоставки крупной партии виноградной водки из артели «Октомбери». Артель выписала в ноябре 1947 года бесхозяйный счет без отгрузки товара и незаконно получила из Госбанка по аккредитиву крупную сумму. Министерство торговли Башкирской АССР передало дело в Куйбышевский областной суд и Госарбитраж СССР. Иск был удовлетворен, но артель оказалась неплатежеспособной, а потому на получение присужденной суммы надежд не было [НАРБ, ф. Р-976, оп. 5, д. 36, л. 103].

В потребительской кооперации Башкирии работа с арбитражем была более успешной. Так, за 1947 год потребкооперация смогла взыскать через Госарбитраж 871,2 тыс. руб. Из этой суммы было получено 435 тыс. руб.

от железной дороги и «Главсоли» за недопоставку соли. За поставку некачественных товаров с поставщиков было получено 46,8 тыс. руб. и за несоблюдение установленного ассортимента товаров — 117 тыс. руб [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1247, л. 42].

За 1949 год по искам Башпотребсоюза было рассмотрено 105 дел на сумму 1960 тыс. руб. По этим искам было взыскано в пользу потребкооперации 1304 тыс. руб. Большие суммы пришлось на отдельных поставщиков. Так, с «Росглавкондитера» было взыскано 260 тыс. руб., с Макаронной фабрики — 69 тыс. руб., с «Глалтабак» — 16 тыс. руб.

Потребкооперация формулировала заказы, согласно которым поставщики были обязаны осуществлять поставки. Иногда крупные дела удавалось выиграть и на районном уровне. Например, Туймазинский райпотребсоюз в 1951 году за нарушение ассортимента хлопчатобумажных тканей предъявил санкцию и через арбитраж получил 66 тыс. руб [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1443, л. 126]. Однако санкции не позволили добиться выполнения договорных обязательств поставщиками в полном объеме.

Предприятия торговли не могли предъявить санкции в случае нарушений правил отгрузки и получения товара. Например, мануфактуру от «Главлегсбыта» торговые предприятия получали кипами, при этом регулярно в каждой кипе не хватало в среднем по 10 метров ткани. В большинстве случаев фабричная упаковка не была нарушена. По закону покупатель был обязан проверять наличие товара при получении, однако поставщик не создавал условия для проверки комплектности товара. В результате недостача падала на торговые предприятия. Представители арбитража на совещаниях работников торговли неоднократно просили тщательно проверять на базах наличие товара, фиксируя это количество в документах. Кроме того, потребкооперация нередко предъявляла иски в неуставленные сроки. Ответственность была установлена в один месяц, а иски предъявлялись порой через два месяца и более.

Следует отметить, что санкции предъявляли и поставщики к предприятиям торговли. Так, за 1949 год против Башпотребсоюза арбитражем было рассмотрено 92 дела на сумму 806 тыс. руб., из которой было взыскано 451 тыс. руб. Большая часть этой суммы была начислена за невозврат поставщикам мешков от сахара и муки, а также стеклотары. Имел место случай несвоевременной оплаты за крупную партию товара «Главлегсбыта» в объеме 7 вагонов [НАРБ, ф. Р-389, оп. 1, д. 1374, л. 255].

Государственный арбитраж сыграл положительную роль в деле укрепления договорных отношений между предприятиями торговли и поставщиками, что в конечном итоге способствовало более полному выполнению планов товарооборота и производственных программ.

3.5. Роль республиканского Совета министров и Башкирского обкома ВКП(б) в вопросе взаимодействия предприятий торговли и промышленности

Ключевой проблемой в деле регулирования торговли оставались отношения торговых систем с промышленностью. Подчиненное положение торговли создавало затруднения, которые выражались главным образом в невозможности оказать давление на промышленность с целью корректировки производственных программ согласно спросу населения. В то же время невыполнение планов производства создавало угрозу срыва планов товарооборота. В такой ситуации государственное вмешательство в деятельность торговых предприятий теряло смысл, первоочередные усилия направлялись на исправление ситуации в промышленности.

Рассмотрим работу органов советской и партийной власти на примере кожевенной и обувной промышленности. В первом квартале 1952 года Стерлитамакский кожевенный завод, обеспечивающий кожевенными товарами три обувных и одну шорно-седельную фабрику Башкирии, начал работать с большими перебоями из-за необеспеченности кожсырьем. Годовая потребность для Стерлитамакского кожевенного завода исчислялась в объеме 200 тыс. штук крупного кожсырья, в то время как фактические ресурсы Башкирской конторы «Заготживсырь» составляли только 175 тыс. штук. При необеспеченности завода сырьем Башкирская контора «Заготживсырь» по указанию своего главка произвела отгрузку в другие области Советского Союза 30 тыс. штук крупных кож первого и второго сорта.

Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что одновременно поставщики, находящиеся за пределами республики, также прекратили отгрузки сырья. Только в июле обувным фабрикам Башкирии Сталинградская база недодала свыше 1 млн квадратных дециметров юфти, а Ставропольским кожевенным заводом из занаряженных 67 тонн жестких кожтоваров не было отгружено ни одного килограмма.

Из-за необеспеченности сырьем крупнейшая в республике Уфимская обувная фабрика находилась в состоянии простоя. Обращение Совета Министров Башкирской АССР к заместителю министра легкой промышленности СССР Д. Г. Костенко с просьбой снять отгрузку крупного кожсырья из республики во втором и третьем квартале 1952 года и по возможности выделить Стерлитамакскому заводу 25 тыс. штук крупных кож за счет плана Башкирского Мясотреста не получило положительного разрешения. Вслед за Советом Министров Первый секретарь Башкирского обкома ВКП(б) С. А. Вагапов 1 июля 1952 года обратился с письмом на имя Министра легкой промышленности СССР А. Н. Косыгина, в котором просьба

Совета Министров Башкирской АССР была продублирована. Но и на это обращение реакции не последовало.

Через месяц ситуация с простым обувных фабрик стала катастрофической, а торговая сеть вообще осталась без кожаных товаров. 9 августа 1952 года от С. А. Вагапова последовало обращение в ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 536, л. 99]. В письме было констатировано, что обувные фабрики и Стерлитамакский кожевенный завод Министерства легкой промышленности Башкирской АССР на протяжении первого полугодия 1952 года находились в исключительно тяжелых условиях работы из-за систематических недопоставок необходимого сырья. Стерлитамакский завод выполнил план за июль только на 64 %, а в августе завод был остановлен, вследствие чего Уфимская обувная фабрика работала с неполной производительностью, производственного плана не выполняла, стояла перед фактом полной остановки и предоставления вынужденного отпуска рабочим. В республике возник острый дефицит кожаной обуви, одежды, шорных изделий. Во избежание дезорганизации работы кожевенных и обувных предприятий республики Башкирский обком ВКП(б) через ЦК ВКП(б) смог обязать Министерство легкой промышленности СССР оказать реальную помощь в обеспечении предприятий кожсырьем [НАРБ, ф. П-122, оп. 32, д. 536, л. 101].

Из данного примера можно сделать вывод о неспособности органов республиканской власти самостоятельно и оперативно исправлять ошибки планирования и управления. Подключившийся к решению проблемы обком ВКП(б) добился положительного результата по истечении длительного времени. Весь второй квартал 1952 года прошел в бюрократических проволочках, которые привели к тяжелым последствиям. Были сорваны производственные программы кожевенных и обувных предприятий, что предопределило невыполнение планов товарооборота торговыми предприятиями государственного и кооперативного сектора.

4. Заключение = Conclusions

По результатам проведенного исследования можно сформулировать несколько выводов. В послевоенный период торговлю Башкирии отличало последовательное увеличение объемов товарооборота. Вместе с тем товарный дефицит приобрел хронический характер, даже несмотря на последовательное увеличение количества продовольственных и промышленных товаров в торгово-складской сети. Неверное планирование, игнорирование особенностей спроса различных категорий населения, неудовлетворительная работа баз промышленности в совокупности привели к росту сверхнормативных остатков в торговле, затовариванию торговых предприятий неходовыми и

некачественными товарами. В системах государственной торговли и потребительской кооперации нарастала дебиторская задолженность, имели место просрочки по платежам поставщикам и по ссудам Госбанка.

Советская плановая экономика не наделила предприятия торговли эффективным механизмом обратной связи, благодаря которому удавалось бы создавать стимулы к расширению и улучшению производства товаров, необходимых населению. В то же время в рамках существующей системы хозяйствования Министерство торговли и Башпотребсоюз многое сделали для совершенствования регулирования торговли, планирования завоза товаров в торговую сеть, были использованы все возможные меры для увеличения объемов розничного товарооборота. Значительную помощь в борьбе за достижение финансовой устойчивости предприятиям торговли оказала Башкирская контора Госбанка СССР, а Государственный арбитраж, реализовав право торговых предприятий на предъявление санкций к поставщикам, способствовал насыщению торговой сети качественными товарами надлежащего ассортимента. Подчиненное положение торговли по отношению к промышленности привело к неспособности оперативно решать назревшие проблемы взаимодействия производства и торговли. Предприятия торговли в своей каждодневной практике исходили из необходимости реализации товаров, которые произвела промышленность, не считаясь со спросом населения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. НАРБ — *Национальный архив Республики Башкортостан*. Ф. Р-976 (Министерство торговли Башкирской АССР). Оп. 5. Д. 36. Л. 103 ; Д. 86. Лл. 7, 198 ; Ф. П-122 (Башкирский обком ВКП(б)). Оп. 32. Д. 153. Лл. 1, 61—62, 166 ; Д. 157. Лл. 52, 138, 140, 144 ; Д. 536. Лл. 99. 101 ; Д. 1066. Лл. 78, 95 ; Ф. Р-389 (Башкирский союз потребительских обществ). Оп. 1. Д. 1247. Л. 42. 1295. Лл. 29, 45. Д. 1374. Л. 255 ; Д. 1375. Л. 191 ; Д. 1443. Лл. 15, 126 ; Ф. Р-933 (Совет Министров Башкирской АССР). Оп. 1. Д. 4765. Лл. 537, 541.

Литература

1. Белоусов Р. А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР / Р. А. Белоусов. — Москва : Мысль, 1983. — 319 с.
2. Воронин Д. В. Развитие института государственного арбитража и его влияние на советскую экономику : союзно-республиканский и региональный аспекты (1922—1991 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Д. В. Воронин. — Томск, 2016. — 533 с.
3. Дихтяр Г. А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма / Г. А. Дихтяр. — Москва : Наука, 1965. — 402 с.

4. *История башкирского народа* / под ред. М. М. Кульшарипова. — Москва : Восточная литература, 2011. — Т. VI. — 376 с. — ISBN 978-5-02-038276-3.

5. *История социалистической экономики СССР. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма 1946 — начало 1960-х гг.* / под ред. В. А. Виноградова. — Москва : Наука, 1980. — Т. 6. — 590 с.

6. Кузнецова Н. В. Снижение розничных цен и материальный уровень жизни населения СССР в 1947—1952 годах / Н. В. Кузнецова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. — 2008. — № 1. — С. 32—42.

7. Ломоватский Е. Г. Управление государственной внутренней торговлей в СССР / Е. Г. Ломоватский, Г. М. Громова. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1957. — 174 с.

8. Любимов А. О ближайших задачах развития товарооборота / А. Любимов // Плановое хозяйство. — 1945. — № 4. — С. 41—53.

9. Мамяченков В. Н. Состояние государственной и кооперативной розничной торговли Свердловской области в 1940-х годах / В. Н. Мамяченков, В. С. Плохотников // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 276—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-276-291.

10. Масалимов С. Г. Село Башкортостана в 1945—2000 годы / С. Г. Масалимов, М. Б. Ямалов, Н. В. Ахмадиева. — Уфа : Восточный университет, 2003. — 255 с.

11. Мороз И. А. Анализ проблем взаимодействия торговли и производства в СССР в 1950—60-е годы / И. А. Мороз // Вестник Брянского государственного университета. — 2016. — № 1. — С. 60—63.

12. Москвин В. От карточной системы снабжения к развернутой советской торговле / В. Москвин // Плановое хозяйство. — 1948. — № 1. — С. 41—53.

13. Москвин В. Советская торговля в третьем году пятилетки / В. Москвин // Большевик. — 1948. — № 15. — С. 30—44.

14. *Очерки по истории Башкирской АССР* / под ред. В. П. Иванкова. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1966. — Т. II. — 643 с.

15. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 328 с.

*Статья поступила в редакцию 28.08.2023,
одобрена после рецензирования 20.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.*

Material resources

NARB — *National Archive of the Republic of Bashkortostan. F. R-976 (Ministry of Trade of the Bashkir ASSR).* (In Russ.).

References

Belousov, R. A. (1983). *Historical experience of planned management of the USSR economy.* Moscow: Mysl. 319 p. (In Russ.).

Dikhtyar, G. A. (1965). *Soviet trade in the period of socialism and the expanded construction of communism.* Moscow: Nauka. 402 p. (In Russ.).

Ivanov, V. P. (ed.). (1966). *Essays on the history of the Bashkir ASSR, II.* Ufa: Bashkir Book Publishing House. 643 p. (In Russ.).

- History of the socialist economy of the USSR. Restoration of the national economy of the USSR. The creation of the economy of developed socialism in 1946 — the beginning of the 1960s*, 6. (1980). Moscow: Nauka. 590 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2008). Reduction of retail prices and material standard of living of the population of the USSR in 1947—1952. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4, 1*: 32—42. (In Russ.).
- Lomovatsky, E. G., Gromova, G. M. (1957). *Management of state internal trade in the USSR*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature. 174 p. (In Russ.).
- Lyubimov, A. (1945). On the immediate tasks of the development of trade turnover. *Planned economy, 4*: 41—53. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N., Plokhotnikov, V. S. (2019). State of State and Cooperative Retail Trade in Sverdlovsk Region in 1940s. *Nauchnyi dialog, 3*: 276—291. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-3-276-291> (In Russ.).
- Masalimov, S. G., Yamalov, M. B., Akhmadieva, N. V. (2003). *Village of Bashkortostan in 1945—2000*. Ufa: Eastern University. 255 p. (In Russ.).
- Moroz, I. A. (2016). Analysis of problems of interaction of trade and production in the USSR in the 1950s—60s. *Bulletin of the Bryansk State University, 1*: 60—63. (In Russ.).
- Moskvin, V. (1948). From the card supply system to the expanded Soviet trade. *Planned economy, 1*: 41—53. (In Russ.).
- Moskvin, V. (1948). Soviet trade in the third year of the five—year plan. *Bolshevik, 15*: 30—44. (In Russ.).
- Kulsharipov, M. M. (ed.). (2011). *The history of the Bashkir people, VI*. Moscow: Oriental Literature. 376 p. ISBN 978-5-02-038276-3. (In Russ.).
- Tverdyukova, E. D. (2011). *State regulation of trade in the USSR (late 1920s — mid —1950s): historical and legal analysis*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 328 p. (In Russ.).
- Voronin, D. V. (2016). *Development of the Institute of state arbitration and its impact on the Soviet economy: Union-republican and regional aspects (1922—1991)*. Doct. Diss. Tomsk. 533 p. (In Russ.).

*The article was submitted 28.08.2023;
approved after reviewing 20.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

Информация для цитирования:

Баканов С. А. Социальная инфраструктура советских предприятий в 1950—1980-е годы : источники и механизмы финансирования (на примере Челябинского тракторного завода) / С. А. Баканов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 413—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-413-437.

Bakanov, S. A. (2023). Social Infrastructure of Soviet Enterprises in the 1950s-1980s: Sources and Mechanisms of Financing (Example of Chelyabinsk Tractor Plant). *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 413-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-413-437. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-413-437

Социальная инфраструктура советских предприятий в 1950 — 1980-е годы: источники и механизмы финансирования (на примере Челябинского тракторного завода)

Баканов Сергей Алексеевич
orcid.org/0000-0002-0746-8912
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории России
и зарубежных стран
bakanov-s@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-20168,
<https://rscf.ru/project/22-28-20168/>

Social Infrastructure of Soviet Enterprises in the 1950s-1980s: Sources and Mechanisms of Financing (Example of Chelyabinsk Tractor Plant)

Sergey A. Bakanov
orcid.org/0000-0002-0746-8912
Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of History
of Russia and Foreign Countries
bakanov-s@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-20168,
<https://rscf.ru/project/22-28-20168/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются источники и механизмы финансирования социальной инфраструктуры Челябинского тракторного завода в 1950—80-е годы. Исследуются архивные данные, а именно: делопроизводственная документация предприятия и его профсоюза. Установлено, что на балансе завода находился обширный имущественный комплекс, включающий жилищный фонд и сеть социально-культурных и спортивных учреждений. Финансирование объектов социальной инфраструктуры советских предприятий представляло собой сложную систему, в которой были задействованы несколько самостоятельных источников. Предприятие осуществляло прямые выплаты из своих фондов экономического стимулирования, оплачивало содержание различных объектов, переданных профсоюзной организации, покрывало убытки системы жилищно-коммунального хозяйства. Кроме того, в финансировании объектов участвовали средства государственного бюджета и бюджета социального страхования, бюджет профсоюзной организации предприятия, целевые субсидии от Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, доходы от самоокупаемой деятельности учреждений культуры и спорта и др. На содержание принадлежащей ему социальной инфраструктуры Челябинский тракторный завод вынужден был направлять до 10 % своей прибыли, в то время как другие источники финансирования приносили сопоставимые объемы.

Ключевые слова:

советская экономика; социальная инфраструктура предприятия; финансирование социальной сферы; фонды экономического стимулирования, профсоюзный бюджет; Челябинский тракторный завод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The Sources and Mechanisms of Financing the Social Infrastructure of the Chelyabinsk Tractor Plant in the 1950s-1980s. This study examines the sources and mechanisms of financing the social infrastructure of the Chelyabinsk Tractor Plant, a large Soviet industrial enterprise, during the period of 1950s-1980s. The research is based on archival documents from the plant and its trade union organization, which are stored in the United State Archive of the Chelyabinsk Region. It was found that the plant had a significant amount of assets, including housing and a network of social, cultural, and sports facilities. Financing the social infrastructure of Soviet enterprises was a complex system that involved multiple independent sources. The plant made direct payments from its economic stimulation funds, covered the maintenance costs of various facilities transferred to the trade union organization, and covered losses from the housing and communal services system. In addition, funding for these facilities also came from the state budget, social insurance budget, trade union organization budget, targeted subsidies from the All-Russian Central Council of Trade Unions, revenues from self-supporting cultural and sports institutions, and others. The Chelyabinsk Tractor Plant was required to allocate up to 10 % of its profits towards maintaining its social infrastructure, while other sources of funding contributed comparable amounts.

Key words:

Soviet economy; enterprise social infrastructure; financing of social sphere; economic stimulation funds; trade union budget; Chelyabinsk Tractor Plant.

Социальная инфраструктура советских предприятий в 1950—1980-е годы: источники и механизмы финансирования (на примере Челябинского тракторного завода)

© Баканов С. А., 2023

1. Введение = Introduction

Промышленные предприятия в СССР были не просто местом трудоустройства части городского населения страны. Они выполняли целый ряд общественных функций, не свойственных предприятиям рыночной экономики. Среди них — обеспечение рабочих и инженерно-технических работников жильем, снабжение рабочих дополнительными товарами и услугами, строительство и содержание объектов социальной инфраструктуры, благоустройство городов и поселков, организация досуга заводчан и членов их семей, вплоть до решения задачи воспитания нового «социалистического» субъекта. По сути, крупные промышленные предприятия брали на себя часть функций социалистического государства.

Особая роль предприятий для жизнеобеспечения всего социума была описана и проанализирована в трудах выдающихся советских и российских социологов и специалистов по социологии труда — О. И. Шкаратана [Шкаратан, 1970], В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова [Здравомыслов и др., 2003], Л. А. Гордона, А. К. Назимовой [Гордон и др., 1985]. В дальнейшем в российской и в зарубежной историографии сложились подходы к изучению этой особой роли советских предприятий, лежащие в русле социальной истории. Как элемент системы мотивации труда объекты социальной инфраструктуры предприятий нашли свое отражение в работах А. К. Соколова [Соколов, 2003], А. М. Маркевича [Маркевич и др., 2005], С. В. Журавлева, М. Ю. Мухина [Журавлев и др., 2004], М. Ван дер Линдена [Ван дер Линден, 2000]. С позиции концепции промышленного патернализма и социальной ответственности бизнеса социальная политика советских предприятий изучалась С. Лефевром [Лефевр, 2008], М. Лебским [Лебский, 2021], Д. Фильцером [Filtzer, 1992], П. Кудюкиным [Кудюкин, 2012], В. В. Даньшиной [Даньшина и др., 2015]. Непосредственно вопросам развития социальной инфраструктуры предприятий и отраслей в отдельные исторические периоды посвящены исследования М. Н. Потемкиной [По-

темкина и др., 2023], Е. А. Ефимовой [Ефимова, 2015], Л. А. Фадеева [Фадеев, 2013], А. Ю. Климанова [Климанов, 2017].

Объединяет все вышеназванные труды пристальное внимание к роли предприятий в реализации советской социальной политики и стимулированию трудовой деятельности граждан. Между тем вне их исследовательского фокуса оставались вопросы экономики самих предприятий. За счет каких источников, с помощью каких механизмов финансировалась вся эта социальная сфера? Насколько обременительными были эти расходы для самих предприятий? Имелись ли механизмы снижения издержек? К сожалению, по данным сюжетам в историографии имеется относительно небольшое число работ. Так, А. В. Сметанин изучил вклад директорских фондов в реализацию социальной политики предприятий [Сметанин, 2018], Б. Л. Алексеев проанализировал роль профсоюзов в решении социальных вопросов [Алексеев, 2004], а Е. В. Буреева исследовала источники финансирования летних лагерей [Буреева, 2021]. Однако каждая из этих работ охватывала лишь отдельные грани проблемы. В связи с этим целью настоящей статьи является комплексное изучение на примере крупного промышленного предприятия (Челябинского тракторного завода) масштабов его социальной инфраструктуры в 1950—80-е годы, а также объемов, источников и механизмов финансирования каждого из ее структурных элементов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой для данной статьи стал комплекс документов одного из крупнейших предприятий советского машиностроения — Челябинского тракторного завода, отложившийся в фонде Р-792 Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). В работе были использованы следующие виды делопроизводственных документов: а) отчеты предприятия по основной деятельности и пояснительные записки к ним за период 1950-х — 1980-х годов, содержащие сведения об итогах работы завода за год, объемах выпущенной продукции, контингенте трудящихся, объемах полученной прибыли; б) сметы общезаводских расходов и финансовые планы предприятия, в которых нашли отражение сведения о планируемых доходах и их источниках, важнейших направлениях расходов, об объемах средств, направляемых в фонды экономического стимулирования предприятия, о структуре расходов этих фондов, а также отчетные данные по предыдущему периоду; в) бюджеты, сметы, штатные расписания и финансовые отчеты заводского комитета профсоюза, в которых присутствует информация по содержанию отдельных инфраструктурных объектов; г) стенограммы заседаний профсоюзных конференций и отчеты правления дворца культуры. Совокупность данных источников позволила

представить социальную инфраструктуру конкретного предприятия как единую систему и использовать при ее анализе историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Челябинский тракторный завод и его социальная инфраструктура

Челябинский тракторный завод (ЧТЗ) был построен в 1929—1933 годы по плану первой пятилетки и уже к 1940 году успел произвести более 100 тыс. тракторов. В годы Великой Отечественной войны на промплощадку завода были эвакуированы производственные мощности Харьковского тракторного и Ленинградского Кировского заводов, объединенное предприятие стало крупнейшим в советской машиностроительной отрасли. Основной продукцией в годы войны были танки и дизельные двигатели. После войны в ассортимент наряду с военной вернулась и гражданская продукция — трактора. До 1958 года предприятие носило название *Кировский завод*, а затем вновь было переименовано в *Челябинский тракторный завод им. В. И. Ленина*. Коллектив завода в послевоенные годы имел численность от 47,4 до 51,2 тыс. человек. Для города Челябинска, превратившегося в 1930—1940-е годы в крупный индустриальный центр, ЧТЗ являлся районообразующим предприятием. Соцгород ЧТЗ был включен в Генеральный план города Челябинска 1935 года, а в 1937 году был образован Тракторозаводский административный район, который к 1959 году насчитывал 127 тыс., а к 1989 году вырос до 172,5 тыс. жителей. В районе имелись и другие промышленные предприятия, но по своим масштабам и по вовлеченности в решение вопросов городского развития они существенно уступали тракторному заводу. До 1957 года жилищное строительство для рабочих завода велось почти исключительно на территории района, но после передачи подрядов на строительство горисполкому часть жилищной площади, передаваемой заводу от единого застройщика, возводилась и в других активно застраиваемых районах Челябинска.

Объекты социально-культурного назначения стали появляться у завода практически одновременно с его строительством. Наряду с жильем для рабочих и инженерно-технических работников (в том числе иностранных) в 1929 году открыт первый здравпункт, в 1931 году построен кинотеатр, в 1934 году — заводской клуб. Во второй половине 1940-х годов большая часть объектов социальной инфраструктуры была реконструирована или построена заново. К 1959 году ЧТЗ имел на своем балансе дворец культуры с кинозалом, театр на 850 мест, сад с летним кинотеатром и читальней, детский парк, клуб на территории завода на 512 мест, 94 красных уголка

в цехах и общежитиях, библиотеку с 9 филиалами, 99 цеховых библиотек и три пионерских лагеря [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2938, л. 103]. Был построен заводской дом отдыха (два одноэтажных, один двухэтажный корпус и две летние дачи, рассчитанные на пребывание 200 человек в летнее время и на 150 человек зимой). У каждого цеха завода имелась собственная база отдыха на одном из уральских озер. К 1981 году к уже имеющимся у предприятия объектам добавились стадион, дворец спорта, лыжная база, гимнастический зал, дом физкультуры, дом юных техников, музей, профилакторий и плавательный бассейн [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1422, л. 46—47].

Для обслуживания коллектива предприятия к середине 1960-х годов работало 23 столовые на 3490 посадочных мест [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2947, л. 95]. К 1986 году их количество выросло до 55 на 8913 посадочных мест при норме обслуживания 8 человек на одно место. Кроме того, на заводе действовало 55 буфетов, а также было установлено 186 автоматов газированной воды и 195 питьевых колонок [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 5176, л. 79].

3.2. Жилищный фонд предприятия, его содержание и благоустройство

Самой крупной и дорогостоящей частью социальной инфраструктуры предприятия был его жилищный комплекс. На 1 января 1960 года жилищный фонд ЧТЗ составлял 612 строений с общей площадью в 437,1 м². В том числе каменных домов — 429 (377,2 тыс. м²), деревянных — 88 (26 тыс. м²), бараков и каркасных домов — 95 (33,7 тыс. м²). Центральным отоплением было оснащено 77 % жилья, водопроводом — 89 %, горячим водоснабжением — 54 %, канализацией — 87 %, газификация района только начиналась [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2938, л. 99].

За три года (1957—59 годы) жилой фонд завода увеличился без учета индивидуального строительства на 91 тыс. м². Но жилищный вопрос продолжал оставаться особо острым. В условиях исключительной скученности на площади от 1,5 до 3 м² на человека продолжали проживать 16,5 тыс. человек, для расселения которых требовалось около 150 тыс. м² жилплощади. Число проживающих в подвалах, кухнях, ванных и тамбурах составляло 1200 человек. Только на расселение этих людей, проживающих в непригодных под жилье помещениях, а также в ветхих бараках, требовалось 90 тыс. м² жилплощади. На начало 1960 года в цехах в очередях на получение жилплощади числилось 6800 человек. Всего с учетом расселения туберкулезных больных и переселения из общежитий молодоженов и матерей-одиночек требовался ввод жилой площади 645 тыс. м² [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2938, л. 100].

В стенограмме профсоюзной конференции 1960 года отмечалось, что введение в эксплуатацию 35,8 тыс. м² жилья позволяет в текущем году полностью закончить расселение всех подвалов, ванных комнат, кухонь,

тамбуров, снести и расселить 11 бараков [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 519, л. 19]. Быстро устаревающий барачный жилищный фонд 1930-х — 1940-х годов постройки должен был заменяться капитальными домами, что должно было разрешить жилищный вопрос. Однако действовавшая в СССР с 1957 года практика массового жилищного строительства приводила к тому, что управления капитального строительства (УКС) предприятий вынуждены были постепенно передавать подряды на жилищное строительство единому заказчику, которым выступал горисполком. Тот, в свою очередь, создавал собственные строительные организации, а затем перераспределял построенное жилье между предприятиями, оставляя часть фонда в своем распоряжении. В итоге, при росте абсолютных показателей темпов строительства жилья в городе, количество жилой площади, выделяемой заводу, оказалось ниже, чем в предыдущие годы. Так, в 1966 году горисполком выделил заводу только 17,3 тыс. м² жилья, а в 1967 году и того меньше — 11 тыс. м², в то время как в 1959 году один только УКС завода построил 19,4 тыс. м², УКС горисполкома — еще 13,2 тыс. м², а еще 12 тыс. м² было построено индивидуальными застройщиками [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2938, л. 98].

В 1969 году обеспеченность трудящихся жильем продолжала оставаться одной из наиболее острых проблем. 6500 семей (27 950 человек) проживали в стесненных условиях (менее 4 м² на человека), 2305 семей (6452 человека) проживали в съёмных квартирах на подселении, 3707 семей (18 525 человек) проживало в собственных каркасно-засыпных строениях внеплановой застройки. Часть этих построек находилось в загазованной зоне, а часть — в зоне подтопления от озера. В неплановых поселках полностью отсутствовали коммунальные удобства и культурно-бытовые учреждения. Официально в очереди на улучшение жилья стояло 8030 семей. В 1969 году было запланировано построить 35 тыс. м² жилья, однако 43 % из них было передано в счет отчислений горисполкому и другим организациям. В результате завод получил для распределения только 19,9 тыс. м² [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2953, л. 106].

В 1976 году жилищный фонд ЧТЗ состоял уже из 549 каменных строений с жилой площадью в 809,8 тыс. м², 73 деревянных домов (19 тыс. м²), 10 каркасных домов (2,2 тыс. м²) и 1 барака (0,4 тыс. м²). Различными видами благоустройства жилой фонд был оборудован на 86—98 % [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 494, л. 94—95]. При этом в очереди на улучшение жилищных условий на 1 января 1977 года находилось 9438 семей [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 4945, л. 94].

Помимо собственно строительства жилищного фонда на предприятие ложилась и солидарная ответственность за его содержание и благоустрой-

ство. Так, в материалах жилищно-бытовой конференции завкома ЧТЗ за 1946 год приводятся конкретные цифры участия завода в благоустройстве территории соцгорода ЧТЗ. Было посажено 5450 деревьев, 5715 кустарников, 300 тыс. цветов, 15 тыс. м² газона, 11 тыс. м² травы, установлено 80 мусорных ящиков, отремонтировано 78 уборных, исправлено 83 тыс. м² дорог и 17 тыс. м² тротуаров. Оборудована поливочная машина и всем дворникам выдана новая форма [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 69, л. 7.]. Подобные по масштабам работы проводились заводом ежегодно, но, к сожалению, в отчеты завкома они попадали не всегда, и уж совсем редко в них встречаются суммы потраченные предприятием на благоустройство и озеленение. В 1966 году заводом было заасфальтировано в районе дорог и тротуаров 21,5 тыс. м², посажено 3,465 деревьев и 22 130 кустарников [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2947, л. 95—96]. В 1967 году было заасфальтировано еще 48,5 тыс. м², установлено 130 садовых диванов, посажено 3300 деревьев и 19,5 тыс. кустарников [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2949, л. 119.]. В 1986 году на благоустройство района было потрачено 238,2 тыс. руб. За счет этих средств было отремонтировано 28,7 тыс. м² дорог и тротуаров, посажено 1236 деревьев, 6340 кустарников и цветов на площади 3,2 тыс. м², посеяно газонов на 31 тыс. м² [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 7411, л. 83—84].

Предприятие вынуждено было заботиться и о логистической инфраструктуре своего соцгорода. Так, за счет завода и при участии его коллектива в 1960 году была пущена троллейбусная линия «ЧТЗ — Первоозерный», связавшая завод с наиболее отдаленными кварталами. Также были благоустроены все автобусные остановки.

Отдельной статьей расходов заводского бюджета, которая нашла отражение и в финансовых планах предприятия, было покрытие убытков от эксплуатации системы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Квартирная плата, взимаемая с квартиросъемщиков, не покрывала фактических убытков, которые год от года нарастали и становились плановыми убытками, по которым предприятие отчитывалось перед министерством в своих отчетах по основной деятельности. Так, в 1966 году эксплуатационные расходы по жилью на 555 тыс. руб. превысили доходы [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2947, л. 92]. В 1976 году фактические убытки ЖКХ составили 1756 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 4945, л. 94.], а к 1986 году они выросли до 4341,3 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 7411, л. 83—84].

3.3. Медицинские учреждения, детские сады и пионерлагеря

С 1930-х и до середины 1960-х годов на балансе предприятия находилась медсанчасть тракторного завода, которая обслуживала не только заводчан и членов их семей, но и всех проживающих в Тракторозаводском районе города Челябинска. В 1959 году ЧТЗ поставил вопрос перед Со-

внутрикомбинатным об оказании необходимой помощи в передаче Горздравотделу зданий, занимаемых медицинскими учреждениями, и об освобождении завода от функций, которые он не должен был выполнять. В письме подчеркивалось: «В Тракторозаводском районе есть и другие предприятия, учреждения и учебные заведения. Масштабы района давно соответствуют масштабам среднего города областного подчинения. Завод же по-прежнему продолжает делить с органами здравоохранения ответственность за состояние медобслуживания всего района, выполняя совершенно не свойственные ему функции и производя затраты, не имеющие отношения к его основной деятельности» [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2938, л. 102].

Передача медсанчасти горисполкому заняла несколько лет, в течение которых завод продолжал ее фактически содержать и даже развивать. Так, в 1963 году силами и средствами завода был расширен туберкулезный диспансер и расширен стационар на 100 коек. К сожалению, рассчитать чистые затраты предприятия на содержание объектов здравоохранения до передачи их в подчинение горисполкома источники не позволяют, но косвенно об их величине можно судить по тем суммам, которые закладывались в бюджет медсанчасти уже после передачи ее на баланс города. Так, в 1966 году бюджет медсанчасти составил 2628 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2955, л. 144], а в 1976 году — 3893 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 4945, л. 97] При этом предприятие продолжило приобретать за свой счет медицинское оборудование и инвентарь для больницы и поликлиники. Так, в 1966 году завод приобрел для медсанчасти медицинского оборудования на 12,4 тыс. руб., в том числе аппарат «искусственная почка» [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2947, л. 96], в 1970 году — на 41,7 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2955, л. 144], а в 1977 году — на 122,2 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 5176, л. 80].

На 1 января 1960 года на балансе ЧТЗ находился 21 детский сад на 2550 мест. На 10-часовом пребывании в них содержалось 493 ребенка, на 12-часовом — 1785 детей, круглосуточно — 165 и на санаторном режиме — 107. При этом в заводском профсоюзном комитете было зарегистрировано 1360 неудовлетворенных заявлений об определении детей в детские сады. Планом капитальных затрат на 1960 год было предусмотрено строительство 5 зданий детских садов на 625 мест. Но и это строительство, как отмечалось в докладе председателя завкома, «способно лишь частично улучшить положение, поскольку за год количество неудовлетворенных заявлений еще вырастет и вновь приблизится к 1000, а отсутствие свободных мест вынуждает часть матерей увольняться с завода, а другую часть — отдавать детей под надзор несоответствующих этому назначению людей» [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2938, л. 100].

На 1 января 1967 года предприятие имело уже 35 детских садов с плановым контингентом детей 4700 человек. При этом в 1966 году было вновь принято в детские сады 2050 детей, но осталось неудовлетворенными еще 2400 заявлений [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2947, л. 94—95]. В 1970 году впервые удалось удовлетворить все заявления в детские сады. Однако, как отмечалось в отчете завкома, 6 садиков были расположены в приспособленных жилых помещениях старых зданий, которые не соответствовали требованиям и нуждались в коренной реконструкции или новом строительстве. В детских учреждениях работало 1117 человек, а 53 штатные единицы были вакантны. Только 390 сотрудников детских учреждений имели среднее или высшее педагогическое образование [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2953, л. 109].

В советской системе хозяйствования детские сады были закреплены за предприятиями и учреждениями, через которые осуществлялось их целевое бюджетное финансирование. То есть предприятия тратили на содержание детских садов не свои средства, а целевые транши из государственного бюджета, а также средства родителей. Финансовое участие предприятия заключалось в выделении капиталовложений на строительство и ремонт зданий, оплате коммунальных счетов и, в отдельных случаях, в приобретении инвентаря. Например, в 1969 году на содержание детских садов поступило из государственного бюджета 1665 тыс. руб. и 585 тыс. руб. составили средства родителей [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 4945, л. 99].

Направления и структуру расходов детских дошкольных учреждений ЧТЗ можно увидеть из сметы 1976 года, которая предусматривала следующие статьи: заработная плата — 1234,2 тыс. руб., начисления на заработную плату — 95,1 тыс. руб., хозяйственные расходы — 315 тыс. руб., учебные пособия и игрушки — 45 тыс. руб., питание — 1032,2 тыс. руб., приобретение жесткого оборудования — 38,7 тыс. руб., приобретение мягкого инвентаря — 74,6 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 4952, л. 89—90]. К этому времени нехватка детских дошкольных учреждений вновь стала острой проблемой. По планам и нормативам в 1977 году их должны были посещать 7025 детей, а фактически посещало 8280. Перегруз превысил 1200 человек. При этом еще 2350 человек ждали своей очереди. Детские дошкольные учреждения испытывали большие затруднения в кадрах. Систематически не доставало нянь, поваров, воспитателей, ясельных групповых сестер. Недокомплект персонала вырос до 250 человек, в том числе 90 воспитателей [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 5176, л. 81—82]. К 1986 году в ведении ЧТЗ находилось уже 59 детских садов, в том числе в Челябинске — 54. Фактически в них содержалось 12 389 детей (на 300 выше нормативов), а в очередях на получение места в детском саду находилось 4520 человек [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 7411, л. 85—90].

В 1988 году содержание детских садов было передано в специально созданный фонд социального развития предприятия, куда поступали целевые средства из государственного бюджета. Средства фонда теперь покрывали абсолютно большую часть расходов детских садов в размере 6450 тыс. руб., а еще 1449 тыс. руб. составляли средства родителей [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 7714, л. 16—17].

Еще одним значимым элементом социальной инфраструктуры предприятия, имевшим смешанное финансирование, были пионерские лагеря. К 1958 году ЧТЗ имел на балансе своей профсоюзной организации четыре пионерских лагеря, в которых за лето оздоровилось 6680 детей. Стоимость путевки зависела от места расположения лагеря, длительности смены и количества иждивенцев в семье работника, приобретающего путевку (обычно от 90 до 186 руб.). 10 % путевок были бесплатными. Доходная часть бюджета пионерлагерей складывалась из следующих источников: средства бюджета государственного социального страхования — 767 тыс. руб., профсоюзный бюджет — 60 тыс. руб., фонд предприятия — 300 тыс. руб., средства родителей — 604 тыс. руб., реализация путевок — 76 тыс. руб., поступление от обслуживающего персонала за питание — 46 тыс. руб. Всего 1933 тыс. руб. (все суммы в данном примере приведены в ценах до денежной реформы 1961 года) [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 683, л. 43—44]. Для сравнения: через 15 лет смета расходов заметно выросла и составила в 1975 году 347 тыс. руб. (в новых ценах), в том числе: 163 тыс. руб. — из бюджета социального страхования, 29 тыс. руб. из профсоюзного бюджета, 28 тыс. — от хозяйственных организаций, 80 тыс. руб. — взносы родителей. Штатное расписание пионерлагерей предусматривало в летний период 179 воспитателей, 10 врачей и 92 единицы административно-хозяйственного персонала [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1073, л. 3].

3.4. Учреждения культуры, парки, библиотеки

Важнейшую роль в формировании социально-культурной среды Тракторозаводского района играли Дворец культуры ЧТЗ и подчиненный ему Театр ЧТЗ. Дворец имел собственное правление, избираемое на профсоюзных конференциях завода, и получал смешанное финансирование из фонда предприятия, из профсоюзного бюджета и из средств, поступающих от самоокупаемой деятельности самого дворца. Структура доходов дворца в 1956 году была следующей: от кино — 1255,4 тыс. руб., от прочих платных мероприятий — 390 тыс. руб., поступления от профсоюза — 300 тыс. руб., прочие — 10,2 тыс. руб. Расходы: культурно-воспитательные мероприятия — 312,8 тыс. руб., зарплата аппарата — 502,1 тыс. руб., хозяйственные и эксплуатационные расходы — 38,2 тыс. руб., приобретение культуринвентаря — 51,3 тыс. руб., расходы кинозала — 91 тыс. руб., прокат

фильмов и налог на киноустановки — 920,8 тыс. руб., зарплата киномехаников и персонала кинозала — 29,7 тыс. руб., премии на весь дворец — 38,3 тыс. руб. Итого — 1984,2 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 431, л. 84, 85] Из приведенных выше цифр видно, что наиболее прибыльным видом деятельности дворца были киносеансы. Даже с учетом всех расходов, связанных с кинопрокатом, дворцу удавалось зарабатывать на кино более 200 тыс. руб. За пределами сметы самого дворца остались расходы, которые были сделаны из фонда предприятия: капитальный ремонт здания и косметический ремонт нескольких классов для занятий, кинозала и изостудии. Кроме того, за счет завода было приобретено 400 стульев, занавески, чехлы и другой инвентарь.

Отчитываясь о результатах своей работы в 1956 году, правление указало на те мероприятия дворца, которые были платными для посетителей: киносеансы, гастроли приезжих артистов, концерты художественной самодеятельности, танцевальные вечера и занятия в некоторых кружках. Так, киноустановки дали за год 1370 сеансов, обслужив 454,5 тыс. зрителей. Силами художественной самодеятельности дворца было проведено 128 концертов и 44 спектакля. При дворце действовали театральная студия, коллектив малых форм, кружок художественного слова, агитбригада, хоровая капелла, хор русской песни, класс сольного пения, танцевальный коллектив со старшим и младшим составами, оркестр народных инструментов, духовой оркестр, эстрадный оркестр, коллектив классического танца, студия живописи и др. Это только для взрослых. В детском секторе были организованы кружки: хоровой, драматический, танцевальный, кукольный, художественного слова, вышивки, народных инструментов, радио, фото, авиамоделирования, духовой оркестр, в которых занимались более 600 детей [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 431, л. 27, 34, 37]. Платными кружками дворца были школа аккордеонистов, школа баянистов, кружки художественной вышивки, кройки и шитья, фотокружок, школа фортепиано и школа балльных танцев. В них занималось 714 человек из 1952, числившихся занимающимися во дворце [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 495, л. 22, 37]. Зарплата руководителя кружка во второй половине 1950-х годов составляла 200—300 руб. в месяц [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 676, л. 77].

В 1962 году по отчету правления дворца культуры план по доходам был перевыполнен за счет платных мероприятий — на 16,9 тыс. руб., прочих поступлений — 5,9 тыс. руб. Общий доход составил 257,5 тыс. руб., и у дворца даже накопился остаток средств в 29 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 585, л. 19]. В последующие годы доходы дворца от самоокупаемой деятельности продолжали увеличиваться, что позволяло не повышать существенно дотацию из профсоюзного бюджета. Так, в 1979 году общий доход дворца до-

стиг 370,8 тыс. руб., из которых дотация завкома составила 160 тыс. руб., а в 1989 году доходы выросли до 417,6 тыс. руб. при дотации от профсоюза — 170 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1293, л. 15; д. 1877, л. 160].

На частичной самоокупаемости находились и принадлежащие ЧТЗ парки. Так, Детский парк им. В. Терешковой в 1986 году имел доходов от аттракционов и проката инвентаря 8 тыс. руб., а заработная плата штатных сотрудников и сезонных рабочих составила 10,8 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1713, л. 43] Разницу покрывал профсоюз. Другой парк — Сад Победы — даже приносил некоторую прибыль. Доходы от танцевальных вечеров, проката детского инвентаря и работы аттракционов в 1986 году составили 22 тыс. руб., а расходы — 18 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1713, л. 47] Однако в этих сметах не учитывались расходы завода на благоустройство территории парков.

Еще одним учреждением с частичным софинансированием от профсоюза являлась заводская газета «За трудовую доблесть». Например, в 1988 году она имела плановый доход от розничной продажи и платных объявлений в размере 51,6 тыс. руб., а общие расходы издания составляли 66,7 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1877, л. 75—76].

Полностью на содержании заводского комитета профсоюза находилась библиотека ЧТЗ. В 1975 году в библиотеке и ее филиалах хранилось 478 тыс. экземпляров книг и было записано 41 тыс. читателей. По нормативам Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) средства на восстановление и пополнение книжного фонда исчислялись из расчета: на одного взрослого читателя — 70 коп. в год, ребенка — 40 коп. В 1975 году на эти нужды было израсходовано 27 тыс. руб. Еще 7 тыс. руб. — это подписка на периодические издания. 7,5 тыс. руб. — переплет и ремонт старых изданий. Зарботная плата сотрудников библиотеки (43 штатные единицы) составила 51,6 тыс. руб. в год [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 63—65].

Также полностью из бюджета завкома финансировался и клуб юных техников. В 1964 году клубом было потрачено 8,6 тыс. руб. на приобретение оборудования, инструментов и материалов, поездки кружковцев на конкурсы, выставки, съезды и экскурсии [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 699, л. 136].

3.5. Учреждения физической культуры и спорта

Отдельной и весьма значимой сферой деятельности советских профсоюзов была организация мероприятий по физической культуре и спорту. Спортивный клуб ЧТЗ на рубеже 1950—1960-х годов насчитывал 25 видов спорта. В секциях занималось 1200 человек взрослых и 700 детей. А всего во всех секциях и командах завода числилось до 18 тыс. человек [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 581, л. 22]. В 1959 году хозяйственные и эксплуатацион-

ные расходы физкультурных сооружений профсоюза составили 77 тыс. руб., заработная плата с начислениями по аппарату физкультурработы составила 290 тыс. руб., на учебно-спортивную работу было потрачено 692,7 тыс. руб., а на приобретение спортивного инвентаря — 100 тыс. руб. Всего по физкультурработе — 1160,2 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 684, л. 144-об.] Проследить источники финансирования физической культуры и спорта позволяет смета за 1961 год добровольного спортивного общества (ДСО) «Труд», организованного при ЧТЗ. Всего поступило средств — 1327 тыс. руб., в том числе: 300 тыс. руб. от завкома ЧТЗ, 91,7 тыс. руб. — из фонда предприятия, 308 тыс. руб. — от платных физкультурных мероприятий, 24,8 тыс. руб. составили членские взносы от членов ДСО [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 687, л. 17—17-об.]. Происхождение еще примерно половины доходов ДСО в отчете не объясняется, но, возможно, они поступали от ВЦСПС или от всесоюзного ДСО «Труд». В 1965 году спортклуб ЧТЗ получил от завкома 118 тыс. руб. и еще 20 тыс. руб. составили поступления от членских взносов членов спортивных обществ и от проведения платных мероприятий (10 тыс. руб.) [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 702, л. 35]. К платным физкультурным мероприятиям относились прокат спортивного инвентаря, продажа билетов на спортивные мероприятия, аренда спортсооружений, работа лыжной базы, плавательного бассейна и водомоторной базы [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1055, л. 10]. Построенный заводом плавательный бассейн «Юбилейный» находился полностью на самоокупаемости. Из 55 тыс. руб. его расходов 38 тыс. покрывала продажа абонементов, а еще 16,7 тыс. приносила аренда и доходы от соревнований [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1293, л. 145].

Предметом особой гордости коллектива предприятия и жителей Челябинска являлась заводская хоккейная команда мастеров, образованная в 1947 году и носившая названия «Дзержинец» (до 1953 года), «Авангард» (до 1958 года) и затем «Трактор». Команда играла в высшей лиге чемпионата СССР, в 1970-е годы становилась бронзовым призером чемпионата и финалистом Кубка СССР, участвовала в международных турнирах. Основными источниками финансирования команды были поступления от продажи билетов на матчи чемпионата и товарищеские матчи, дотация от ДСО «Труд» и дотация от завкома ЧТЗ. Однако в отдельные годы завком вынужден был обращаться за помощью к директору завода, чтобы тот выделил средства из фонда предприятия. Например, в 1956 году заводской комитет профсоюза обратился к директору с просьбой перечислить на расчетный счет команды 25 тыс. руб. в счет сметы по фонду предприятия на покупку спортивного инвентаря [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 676, л. 104].

Структура доходов хоккейной команды и их объем от года к году могли меняться. Так, в 1959 году всего было получено доходов 394 тыс. руб., в том

числе: поступления от игр на первенство СССР составили 161 тыс. руб., поступления от товарищеских игр — 29 тыс. руб., дотация облсовета ДСО «Труд» — 118 тыс. руб., дотация из профбюджета — 86 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 684, л. 32]. В 1960 году получено доходов 520 тыс. руб., в том числе: 226 тыс. руб. поступлений от игр чемпионата, 25 тыс. руб. — от товарищеских игр, 152,3 тыс. руб. — дотация из профбюджета, 16 тыс. руб. — дотация за счет прибылей предприятия, 100 тыс. руб. — дотация за счет фонда предприятия [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 687, л. 43]. В 1972 году доходы команды «Трактор» составили 119,2 тыс. руб. (уже в новых ценах), из которых 89 тыс. принесли поступления от игр первенства СССР и 11 тыс. руб. — товарищеские игры. Завком команду не финансировал. Более того, у команды даже оставались неизрасходованные средства в размере 21 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1055, л. 24]. В 1975 году поступления от игр первенства и Кубка СССР принесли 80 тыс. руб., товарищеские игры — 12,5 тыс. руб., финансирование по профбюджету — 125,4 тыс. руб. Всего — 217,9 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 29].

Расходы команды имели следующие направления в 1959 году: оплата стипендий игрокам — 208 тыс. руб., предсезонные и предигровые сборы — 43 тыс. руб., выезды на игры и проведение игр на своих полях — 89 тыс. руб., приобретение спортивного инвентаря — 52 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 684, л. 32]. Отдельной сметой, утверждаемой председателем завкома, оформлялась поездка команды на игры в Чехословакию. На приобретение сувениров, кубков, вымпелов, подарков завком выделил 8 тыс. руб., а проезд от Москвы до Праги и обратно стоил 15 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 684, л. 208].

В 1975 году уже в новых ценах заработная плата с начислениями составила 57,4 тыс. руб., участие в играх первенства СССР — 24,6 тыс. руб., сборы — 35 тыс. руб., участие в Кубке, в соревнованиях на призы газеты «Советский Спорт» и выезды за рубеж — 14 тыс. руб., социально-бытовые расходы (в основном это премии игрокам) — 35 тыс. руб., приобретение спортивного инвентаря — 19,7 тыс. руб., услуги автотранспорта — 8 тыс. руб., аренда льда — 16,5 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 29]. Так, один только выезд команды с 15 по 28 октября 1975 года обошелся в 8091 руб. Эти расходы включали четыре перелета для 27 человек по маршруту Челябинск — Новосибирск — Ленинград — Рига — Челябинск, гостиницы в городах Новосибирск, Ленинград и Рига, питание, суточные и телеграфные расходы. А с 30 октября по 4 ноября планировался уже следующий выезд в Москву, стоимостью 2527 руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 31].

По статье «Прочие расходы» в 1975 году проходили: оплата телефонно-телеграфных расходов — 300 руб., оплата взноса в Федерацию хоккея

СССР — 1100 руб., приобретение медикаментов — 1500 руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 37.] Кроме того, команда ежегодно приобретала спортивный инвентарь. Например, в том же 1975 году было приобретено 50 пар ботинок, 50 пар коньков, 25 шерстяных костюмов, 25 комплектов формы, 500 шайб и 3000 клюшек [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 36].

В 1981 году доходы команды «Трактор» от игр союзного первенства составили 101 тыс. руб., в то время как расходы превысили 147 тыс. руб. (из них 81,4 тыс. руб. — зарплата, 65,8 тыс. руб. — поощрительные выплаты по результатам игр). Разницу покрывали за счет дотации от ДСО «Труд» и завкома профсоюза [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1423, л. 36]. Кроме того, еще 67,3 тыс. руб. потребовалось на организацию выездных игр и сборов. Эти средства были получены от завода.

Содержание команды мастеров требовало для подготовки кадрового резерва создания собственной хоккейной школы. Ее финансирование осуществлялось через завком, но средствами, поступавшими от ВЦСПС. Так, в 1975 году ДЮСШ по хоккею получила от ВЦСПС 51,2 тыс. руб., потратив из них на приобретение инвентаря 24,8 тыс. руб., на учебно-спортивную работу и массовые мероприятия — 13,7 тыс. руб., на хозяйственно-эксплуатационные расходы и аренду помещений — 3,1 тыс. руб., а на заработную плату сотрудников — 2,7 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1071, л. 50]. Для сравнения: еще одна подшефная заводу ДЮСШ по спортивной гимнастике финансировалась ВЦСПС в примерно сопоставимом объеме 50 тыс. руб. в год, но там 18 тыс. руб. составляла заработная плата [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 62]. К 1979 году хоккейная ДЮСШ расходовала уже 109 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1293, л. 105], а к 1986 году расходы ДЮСШ по хоккею составили 124,3 тыс. руб., почти сравнявшись с расходами команды мастеров (146,7 тыс. руб.) [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1713, л. 71].

3.6. Фонды предприятия и социальная инфраструктура

Основные фонды социалистических предприятий в советской политике экономики разделялись на основные производственные и основные непроизводственные фонды. Объекты социальной инфраструктуры относились к непроизводственной части основных фондов, поэтому их финансирование должно было осуществляться либо в порядке плановых капитальных затрат (когда, например, на строительство детского сада министерство закладывает в смете предприятия целевые средства), либо в порядке использования прибыли предприятия. Большая часть генерируемой предприятием прибыли в советской модели хозяйствования изымалась в бюджет в виде различных отчислений, как то: плата за производственные основные фонды и нормируемые оборотные средства, фиксированные рентные платежи, перечисления свободного остатка прибыли и т. д. Тем не менее с 1936 года

предприятиям было разрешено создавать специальный фонд директора, который формировался за счет перечисления в него от 2 до 4 % плановой прибыли и мог расходоваться на различные нужды: от развития производства и внедрения новой техники до премирования сотрудников, строительства сверхлимитного жилья и проведения социально-культурных мероприятий. Фонд директора не мог превышать 5 % от фонда заработной платы предприятия. В 1955 году фонд директора был переименован в фонд предприятия и к его распределению стали привлекать заводские комитеты профсоюзов. В ходе хозяйственной реформы 1965 года вместо фонда предприятия были образованы фонды экономического стимулирования, к которым относились фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и фонд развития производства. Первые два из них формировались только из прибыли, в то время как в третий помимо прибыли зачислялась и часть амортизационных отчислений. Содержание и развитие социальной инфраструктуры относилось к непосредственной сфере деятельности второго фонда. В 1988 году этот фонд вновь был переименован, на этот раз в фонд социального развития, его размер был существенно увеличен, в том числе за счет поступления в него бюджетных средств.

Смета использования средств фонда предприятия на Челябинском тракторном заводе в 1956 году предусматривала затраты на расширение производства — 2454 тыс. руб., а на культурно-бытовые мероприятия — 2455 тыс. руб., в том числе: 450 тыс. руб. на строительство 10 дач для состава, 375 тыс. руб. — строительство второй очереди пионерского лагеря и закупку в него оборудования, 60 тыс. руб. — строительные работы по детскому парку, 100 тыс. на приобретение медицинского оборудования для диспансера, 210 тыс. руб. на проведение спортивных мероприятия и приобретение спортивного инвентаря, 30 тыс. — на приобретение для детского дома инвентаря и одежды, 12 тыс. руб. — расходы на оформление революционных праздников, 50 тыс. — на приобретение костюмов для дворца культуры [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 676, л. 102].

В 1966 году финансовый план ЧТЗ предусматривал получение доходов в размере 79,9 млн руб. (в новых ценах), в том числе прибыли — 35,6 млн руб. Из полученной прибыли напрямую в бюджет отчислялось 19,9 млн руб., 13,5 млн руб. направлялось на капитальные вложения предприятия, а в фонды экономического стимулирования после всех перераспределений было зачислено 1,6 млн руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2976, л. 33].

В 1981 году ЧТЗ получил доходов на 197,3 млн руб., при этом отчисления в фонды экономического стимулирования были следующими: в фонд материального поощрения — 9,4 млн руб., в фонд социально-культурных

мероприятий и жилищного строительства — 3,5 млн руб., в фонд развития производства — 12,6 млн руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 6216, л. 3—5].

В 1989 году финансовый план по доходам вырос до 418,5 млн руб. В фонды экономического стимулирования передавалась рекордная сумма в 120,8 млн руб., из которых 77,4 млн руб. направлялось на развитие производства. Средства фонда социального развития ЧТЗ достигли 24,8 млн руб., из которых 17,3 млн руб. формировалось из прибыли предприятия, а 7,1 млн руб. ассигновалось из бюджета. Фонд материального поощрения составил 18,8 млн руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 7879, л. 2].

Направления расходования средств фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства можно увидеть из справки за 1979 год. Финансирование капитальных вложений составило 2,3 млн руб. (в том числе жилищное строительство — 2 млн руб.), капитальный и текущий ремонт — 297 тыс. руб. (в том числе ремонт жилья — 243 тыс. руб., ремонт детсадов — 7,7 тыс. руб., ремонт школ — 32,9 тыс. руб.), на культурно-просветительское обслуживание работников предприятия было потрачено 232,9 тыс. руб. (в том числе 46,9 тыс. руб. — приобретение инвентаря для баз отдыха, 7 тыс. руб. — инвентарь для школ, 83,3 тыс. руб. — инвентарь для детсадов, 82,5 тыс. руб. — приобретение медицинского оборудования), 403 тыс. руб. пошло на приобретение путевок и организацию лечебного питания, 109 тыс. руб. на оборудование рабочих столовых, 131,8 тыс. руб. составила дотация на содержание общежитий, 210,2 тыс. руб. — расходы на содержание социально-культурных учреждений, 26,7 тыс. руб. — на приобретение политической литературы, плакатов, портретов и наглядной агитации [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1293, л. 28—31].

Чтобы понять, насколько обременительными были для предприятия его социальные расходы, сравним их с расходами на управление. Так, расходы на командировки сотрудников составили 117 тыс. руб., расходы на содержание автомобилей — 59,5 тыс. руб., расходы на ведомственную охрану — 462 тыс. руб., на вневедомственную охрану — 300 тыс. руб., почтово-телеграфные расходы по отправке закрытой корреспонденции — 54 тыс. руб., междугородняя связь — 89 тыс. руб., городская телефонная связь — 31 тыс. руб., канцелярские расходы — 259 тыс. руб., оплата проезда и отпуска обучающимся в вечерних и заочных учебных заведениях — 345 тыс. руб., командировки по оказанию помощи сельскому хозяйству и заработная плата лицам за время этой помощи — 205 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 5175, л. 2, 15, 21]. Если суммировать все социальные расходы, за вычетом капитального строительства жилья, то затраты ЧТЗ на эту сферу составили 1,7 млн руб., в то время как расходы на управление превысили 1,9 млн руб. Однако если первые финансировались из прибыли

предприятия, то вторые относились к производственным затратам и на них не распространялись ограничения, налагаемые на предприятия в части использования своей прибыли.

К производственным затратам относилось и содержание зданий, помещений, сооружений, садов, парков и пионерлагерей, переданных в бесплатное пользование профсоюзным организациям. Данная статья расходов даже фиксировалась отдельной строкой в отчете предприятия по основной деятельности. Расходы на эти цели по финансовым планам середины 1960-х годов составляли фиксированную сумму в 227 тыс. руб. в год и не были привязаны к общему объему доходов предприятия. Однако фактическое финансирование этой статьи все же было несколько ниже — 193 тыс. руб. в 1965 году и 210 тыс. руб. в 1966 году [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 2976, л. 183—185]. К 1976 году эти расходы выросли до 310 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 4952, л. 4], а к 1986 году — до 605 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 5, д. 7449, л. 4-4-об.].

3.7. Бюджет заводского комитета профсоюза и социальная инфраструктура

Наряду со средствами фонда директора и его производными важнейшую роль в финансировании объектов социальной инфраструктуры предприятия играла заводская профсоюзная организация. Бюджет завкома включал в себя как средства, получаемые за счет членских взносов (этой частью завком мог распоряжаться относительно свободно, но выполняя инструкции ВЦСПС), так и средства, передаваемые из бюджета государственного социального страхования на конкретные цели — оплату больничных листов, пенсии работающим пенсионерам, приобретение путевок в санатории и дома отдыха, лечебное питание и др. Так, в 1955 году по линии социального страхования завком ЧТЗ израсходовал 23,7 млн руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 425, л. 23, 33, 34] В то же время смета расходов собственно завкома была предусмотрена в размере 2,9 млн руб., в том числе на культмассовую работу — 1,1 млн руб., на физкультуру и спорт — 550 тыс. руб., на финансирование дворца культуры — 300 тыс. руб., на материальную помощь членам профсоюза — 655,9 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 425, л. 40, 44]. В 1956 году профсоюз получил от предприятия безвозмездно имущества на сумму 271 тыс. руб., из которых 200 тыс. руб. пошло на инвентарь и форму для спортобщества, а остальное — на костюмы и музыкальные инструменты для дворца культуры [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 676, л. 79]. При этом профсоюз ежеквартально отчитывался о том, на что были потрачены средства, полученные от завода.

Смета расходов профсоюзного бюджета на 1960 год предполагала следующие направления расходов: на культмассовые мероприятия — 3,9 млн

руб., на развитие физкультуры и спорта — 1,3 млн руб., на материальную помощь — 700 тыс. руб., на дотацию пионерлагерям — 70 тыс. руб., на дотацию кассе взаимопомощи — 50 тыс. руб. Всего — 6,1 млн руб. (в ценах до реформы 1961 года) [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 491, л. 38].

Детализацию расходов на культурно-воспитательную работу профкома можно увидеть из справки за 1958 год: зарплата с начислениями руководителям кружков художественной самодеятельности — 59,6 тыс. руб., оформление наглядной агитации в красных уголках цехов — 9 тыс. руб., типографские расходы — 12,5 тыс. руб., возложение венков на могилы погибших воинов и старых большевиков — 2,5 тыс. руб., расходы клуба глухонемых — 1,9 тыс. руб., оформление избирательных участков — 4,3 тыс. руб., услуги транспорта — 5 тыс. руб., прокат кинокартин — 1 тыс. руб., обслуживание конференций и собраний — 20,6 тыс. руб., командировки участников художественной самодеятельности — 2,5 тыс. руб., организация вечера 8 Марта — 30 тыс. руб., обучение неграмотных — 25 тыс. руб., выписка газет и журналов — 63 тыс. руб., фотохроника — 8 тыс. руб., лекции — 34,8 тыс. руб., дотация ДОСААФ — 17,2 тыс. руб., зарплата на содержание детских комнат — 30 тыс. руб., городские пионерлагеря — 7,3 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 684, л. 153—154].

Отчет о выполнении финплана профсоюза на 1965 год демонстрировал, что из общего объема сметы в 1018 тыс. руб. (уже в новых ценах) на культурно-массовую работу было потрачено 173,6 тыс. руб., в том числе на мероприятия среди детей — 70 тыс. руб. Зарплата культработников составила 49 тыс. руб., хозяйственные и эксплуатационные расходы культучреждений — 4,4 тыс. руб., приобретение культинвентаря — 19,8 тыс. руб., приобретение книг для библиотек — 23,5 тыс. руб. На спортивную работу профсоюз израсходовал — 130,5 тыс. руб., из которых 70,8 тыс. руб. было потрачено на учебно-спортивную работу и проведение массовых физкультурных мероприятий, 30,6 тыс. руб. — на заработную плату физкультурникам, 3 тыс. руб. — на эксплуатацию спортсооружений, 25,9 тыс. руб. — на приобретение спортивного инвентаря [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 702, л. 1-об.].

В 1971 году бюджет завкома составил 1100 тыс. руб., из которых членские взносы принесли 506 тыс. руб., остатки средств прошлого года — 315,6 тыс. руб., отчисления от хозоргана — 117,7 тыс. руб., бюджетные средства соцстраха на внешкольную работу — 24 тыс. руб., на содержание ДЮСШ — 51,6 тыс. руб., поступления от платных физкультурных мероприятий — 67,7 тыс. руб. На культурные мероприятия было израсходовано 267 тыс. руб., на физкультуру и спорт — 277,9 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1055, л. 7—7-об.].

На 1975 год бюджет завкома был утвержден в размере 1236 тыс. руб., в том числе на культмассовую работу — 299 тыс. руб., на физкультуру и спорт — 348 тыс. руб. Зарплата по культработникам достигла 104 тыс. руб., а по работникам физкультуры — 94 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1070, л. 2-2-об.]. К 1979 году бюджет вырос до 1913 тыс. руб. (в том числе на культмассовую работу — 390 тыс. руб., на физкультуру и спорт — 603 тыс. руб.). Штат культработников насчитывал 104 человека, а физкультурработников — 102 человека [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1293, л. 1, 1-об.]. К 1986 году профбюджет достиг 1937 тыс. руб., из которых 190 тыс. руб. направлялось на дотацию дворцу культуры, 350 тыс. руб. — на дотацию развития физкультуры и спорта, 170 тыс. руб. — на культурные мероприятия среди детей и подростков. Всего на культмассовую работу — 397 тыс. руб., на физкультуру и спорт — 795 тыс. руб. [ОГАЧО, ф. 792, оп. 7, д. 1713, л. 2—2-об.].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, следует заметить, что финансирование объектов социальной инфраструктуры советских предприятий представляло собой довольно сложную систему, в которой были задействованы несколько самостоятельных источников и акторов. В первую очередь — это само предприятие, осуществляющее прямые выплаты из своих фондов экономического стимулирования, оплачивающее содержание зданий, сооружений, парков и других объектов, переданных профсоюзной организации завода, а также покрывающее убытки системы ЖКХ. Во-вторых — это средства государственного бюджета, выделяемые предприятию министерством на капитальное строительство и ремонт объектов соцкультбыта, на содержание детских садов. В-третьих — это средства бюджета социального страхования, выделяемые профсоюзной организации для организации летнего отдыха учащихся. В-четвертых — это бюджет профсоюзной организации предприятия, пополняемый за счет членских взносов, из которого осуществлялись основные расходы по выплате заработной платы работникам социально-культурной и спортивной сферы. В-пятых — это целевые субсидии от ВЦСПС на содержание спортивных школ. В-шестых — это доходы от самоокупаемой деятельности учреждений культуры и спорта. Наконец, в-седьмых — это средства родителей, оплачивающих питание детей в детских садах, путевки в пионерлагеря и занятия в платных кружках.

Собственные средства ЧТЗ, направляемые на содержание социальной сферы из фондов экономического стимулирования, составляли большую часть исследуемого периода около 4 % от полученной предприятием прибыли (кроме конца 1980-х годов, когда они достигли 9 %). Однако за пределами этого фонда оставались расходы, связанные с содержанием объектов,

переданных профсоюзам, и дотация системе ЖКХ. Например, в 1981 году фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства составил 3,5 млн руб., в то время как эксплуатационные убытки ЖКХ превысили 3 млн руб., а содержание объектов, переданных профсоюзу, превысило 0,5 млн руб. Несмотря на то, что, по бухгалтерской отчетности, эти две последние статьи покрывались не из прибыли, а относились к основным затратам, можно подсчитать, что на финансирование социальной инфраструктуры завод тратил почти 10 % своей имеющейся и потенциальной прибыли, или 3,5 % от всех своих расходов. Кроме того, еще 1,9 млн руб. в том же году на эти же нужды израсходовала профсоюзная организация. Из остальных источников (госбюджет, бюджет соцстраха, субсидия ВЦСПС, самоокупаемая деятельность и средства родителей) было получено еще около 6,5 млн руб. Если скалькулировать, то суммарные расходы на финансирование объектов социальной сферы ЧТЗ из всех источников приблизятся к 16 млн руб.

В 1990—2000-е годы в связи со сменой экономической модели новые собственники тракторного завода в погоне за прибылью примут решение о «санировании балансов», которое приведет к тому, что большая часть социальной инфраструктуры ЧТЗ через механизмы приватизации и муниципализации будет выведена из имущественного комплекса предприятия.

Разумеется, кейс Челябинского тракторного завода не может рассматриваться как универсальный, так как ЧТЗ являлся предприятием-гигантом, способным относительно безболезненно для себя содержать социальную инфраструктуру целого района с населением 120—170 тыс. жителей и активно участвовать в жизни города-миллионника. Однако принципы и механизмы финансирования социальной сферы предприятия все же были общими для всех хозяйствующих субъектов. Советская модель экономики вынуждала предприятия использовать существенную часть генерируемой ими прибыли на нужды социального развития, превращая их в центры не только экономической, но и социально-культурной жизни советского общества.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ОГАЧО — *Объединенный* государственный архив Челябинской области. Ф. 792 (Челябинский тракторный завод). Оп. 5, Д. 2938, Л. 98, 99, 100, 102—103 ; Оп. 5, Д. 2947, Л. 92, 94—96 ; Оп. 5, Д. 2949, Л. 119 ; Оп. 5, Д. 2953, Л. 106, 109 ; Оп. 5, Д. 2955, Л. 144 ; Оп. 5, Д. 2976, Л. 33, 183—185 ; Оп. 5, Д. 4945, Л. 94—95, 97, 99 ; Оп. 5, Д. 4952, Л. 4, 89—90 ; Оп. 5, Д. 5175, Л. 2, 15, 21 ; Оп. 5, Д. 5176, Л. 79—82 ; Оп. 5, Д. 6216, Л. 3—5 ; Оп. 5, Д. 7411, Л. 83—90 ; Оп. 5, Д. 7449, Л. 4—4-об ; Оп. 5, Д. 7714, Л. 16—17 ; Оп. 5,

Д. 7879, Л. 2 ; Оп. 7, Д. 425, Л. 23, 33, 34, 40, 44 ; Оп. 7, Д. 431, Л. 27, 34, 37, 84—85 ; Оп. 7, Д. 491, Л. 38 ; Оп. 7, Д. 519, Л. 19 ; Оп. 7, Д. 581, Л. 22 ; Оп. 7, Д. 585, Л. 19 ; Оп. 7, Д. 676, Л. 77, 79, 102, 104 ; Оп. 7, Д. 683, Л. 43—44 ; Оп. 7, Д. 684, Л. 32, 144-об., 153—154, 208 ; Оп. 7, Д. 687, Л. 17—17-об., 43 ; Оп. 7, Д. 699, Л. 7, 136 ; Оп. 7, Д. 702, Л. 1-об., 35 ; Оп. 7, Д. 1055, Л. 7—7-об., 10, 24 ; Оп. 7, Д. 1070, Л. 2—2-об., 29, 31, 36, 37, 62—65 ; Оп. 7, Д. 1071, Л. 50 ; Оп. 7, Д. 1073, Л. 3 ; Оп. 7, Д. 1293, Л. 1, 1-об., 15, 28—31, 105, 145 ; Оп. 7, Д. 1422, Л. 46—47 ; Оп. 7, Д. 1423, Л. 36 ; Оп. 7, Д. 1713, Л. 2—2-об., 43, 47, 71 ; Оп. 7, Д. 1877, Л. 75—76, 160.

Литература

1. *Алексеев Б. Л.* Профессиональные союзы в решении социальных вопросов, трудящихся в 1920—1998 гг. (на материалах республик Волго-Вятского региона) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Б. Л. Алексеев. — Чебоксары, 2004. — 44 с.
2. *Буреева Е. В.* Источники финансирования летних школьных лагерей в 1960—1970-е гг. / Е. В. Буреева // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. — 2021. — № 8. — С. 96—117.
3. *Ван дер Линден М.* Мотивация труда в российской промышленности : некоторые предварительные суждения / М. Ван дер Линден // Социальная история : ежегодник. — Москва : [б. и.], 2000. — С. 206—216.
4. *Гордон Л. А.* Рабочий класс СССР : тенденции и перспективы социально-экономического развития / Л. А. Гордон, А. К. Назимова. — Москва : Наука, 1985. — 220 с.
5. *Даньшина В. В.* Социальная ответственность промышленных предприятий в СССР / В. В. Даньшина, В. В. Соловьева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия : Экономика. — 2015. — № 3. — С. 67—74.
6. *Ефимова Е. А.* Развитие социальной инфраструктуры газовой промышленности в 1960—1980-е годы / Е. А. Ефимова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2016. — № 3. — С. 94—99.
7. *Журавлев С. В.* Крепость социализма. Повседневность и мотивация труда на советском предприятии 1928—1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 240 с. — ISBN 5-8243-0524-2.
8. *Здравомыслов А. Г.* Человек и его работа в СССР и после. Учебное пособие для вузов / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. — Москва : Аспект Пресс, 2003. — 485 с. — ISBN 5756702865.
9. *Климанов А. Ю.* Из советской истории развития социальной инфраструктуры машиностроительных предприятий во второй половине 1960-х — 1970-е гг. (на примере Станкозавода имени Серго Орджоникидзе) / А. Ю. Климанов // Экономическая история. — 2017. — Т. 13. — № 4. — С. 59—75.
10. *Кудюкин П.* Производственная квазиобщина как центр жизненного мира / П. Кудюкин // СССР. Жизнь после смерти / под ред. И. Глущенко, Б. Кагарлицкого, В. Куренного. — Москва : Изд. дом ВШЭ, 2012. — С. 44—54. — ISBN 978-5-7598-0977-7.
11. *Лебский М.* Рабочий класс СССР. Жизнь в условиях промышленного патернализма / М. Лебский. — Москва : Горизонталь, 2021. — 250 с. — ISBN 978-5-6043030-4-7.
12. *Лефевр С.* Социальная роль предприятий в России : случай патернализма? / С. Лефевр // Мир России. — 2008. — № 3. — С. 149—170.
13. *Маркевич А. М.* «Магнитка близ Садового кольца» : Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. / А. М. Маркевич, А. К. Соколов. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 368 с. — ISBN 5-8243-0583-8.

14. Потемкина М. Н. Социальная инфраструктура предприятия как главный фактор жизнеобеспечения рабочих в военные годы (1941—1945 гг.) / М. Н. Потемкина, Р. С. Жаркынбаева, Е. В. Ануфриева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История, регионоведение, международные отношения. — 2023. — Т. 28. — № 1. — С. 53—64.

15. Сметанин А. В. Директорские фонды советских предприятий (1946—1961 гг.) : ресурс трансформации социального порядка / А. В. Сметанин // Вестник Пермского университета. История. — 2018. — № 2 (41). — С. 145—154.

16. Соколов А. К. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х до конца 1980-х гг. : деградация стимулов к работе / А. К. Соколов // Экономическая история. Ежегодник. — Москва : РОССПЭН, 2003. — С. 100—139.

17. Фадеев Л. А. Развитие социальной сферы машиностроительных предприятий в годы первых пятилеток (источники и методы исследования) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Л. А. Фадеев. — Москва, 2013. — 30 с.

18. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование) / О. И. Шкаратан. — Москва : Мысль, 1970. — 472 с.

19. Filtzer D. Soviet Workers and de-Stalinization : The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relation, 1953—1964 / D. Filtzer. — Cambridge : Cambridge univ. press, 1992. — 318 p. — ISBN 0-521-41899-2.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023,
одобрена после рецензирования 11.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.

Material resources

OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region. F. 792 (Chelyabinsk Tractor Plant).* (In Russ.).

References

Alekseev, B. L. (2004). *Trade unions in solving social issues of workers in 1920—1998. (based on the materials of the republics of the Volga-Vyatka region).* Author's abstract of PhD Diss. Cheboksary. 44 p. (In Russ.).

Bureeva, E. V. (2021). Sources of financing of summer school camps in the 1960s—1970s. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8: History*, 8: 96—117. (In Russ.).

Danshina, V. V., Solovyova, V. V. (2015). Social responsibility of industrial enterprises in the USSR. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 3: 67—74. (In Russ.).

Efimova, E. A. (2016). Development of the social infrastructure of the gas industry in the 1960s—1980s. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 3: 94—99. (In Russ.).

Fadeev, L. A. (2013). *Development of the social sphere of machine-building enterprises during the first five-year plans (sources and research methods).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Filtzer, D. (1992). *Soviet Workers and de-Stalinization: The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relation, 1953—1964.* Cambridge: Cambridge univ. press. 318 p. ISBN 0-521-41899-2.

- Gordon, L. A., Nazimova, A. K. (1985). *The working class of the USSR: trends and prospects of socio-economic development*. Moscow: Nauka. 220 p. (In Russ.).
- Klimanov, A. Yu. (2017). From the Soviet history of the development of the social infrastructure of machine-building enterprises in the second half of the 1960s — 1970s. (on the example of the Sergo Ordzhonikidze Machine Tool Factory). *Economic history*, 13 (4): 59—75. (In Russ.).
- Kudyukin, P. (2012). Production quasi-community as the center of the life world. In: *USSR. Life after death*. Moscow: HSE Publishing House. 44—54. ISBN 978-5-7598-0977-7. (In Russ.).
- Lebsky, M. (2021). *The working class of the USSR. Life in the conditions of industrial paternalism*. Moscow: Horizontal. 250 p. ISBN 978-5-6043030-4-7. (In Russ.).
- Lefevre, S. (2008). The social role of enterprises in Russia: a case of paternalism? *The world of Russia*, 3: 149—170. (In Russ.).
- Markevich, A. M., Sokolov, A. K. (2005). *“Magnitogorsk near the Garden Ring”: Incentives to work at the Moscow plant “Sickle and Hammer”, 1883—2001*. Moscow: ROSSPEN. 368 p. ISBN 5-8243-0583-8. (In Russ.).
- Potemkina, M. N., Zharkynbaeva, R. S., Anufrieva, E. V. (2023). Social infrastructure of the enterprise as the main factor of life support of workers during the war years (1941—1945). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, International relations*, 28 (1): 53—64. (In Russ.).
- Shkaratan, O. I. (1970). *Problems of the social structure of the working class of the USSR (historical and sociological research)*. Moscow: Mysl. 472 p. (In Russ.).
- Smetanin, A. V. (2018). Directorial funds of Soviet enterprises (1946—1961): a resource for the transformation of social order. *Bulletin of Perm University. History*, 2 (41): 145—154. (In Russ.).
- Sokolov, A. K. (2003). Labor policy at Soviet enterprises from the mid-1950s to the late 1980s: degradation of incentives to work. In: *Economic history. Yearbook*. Moscow: ROSSPEN. 100—139. (In Russ.).
- Van der Linden, M. (2000). Motivation of labor in the Russian industry: some preliminary judgments. In: *Social history: yearbook*. Moscow: [B. I.]. 206—216. (In Russ.).
- Zdravomyslov, A. G., Yadov, V. A. (2003). *Man and his work in the USSR and after. Textbook for universities*. Moscow: Aspect Press. 485 p. ISBN 5756702865. (In Russ.).
- Zhuravlev, S. V., Mukhin, M. Yu. (2004). *Fortress of Socialism. Everyday life and motivation of work at the Soviet enterprise 1928—1938*. Moscow: ROSSPEN. 240 p. ISBN 5-8243-0524-2. (In Russ.).

*The article was submitted 29.08.2023;
approved after reviewing 11.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Нестерова Т. П. Эфиопия и великие державы на завершающем этапе итало-эфиопской войны (март — май 1936 года) / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 438—454. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-438-454.

Nesterova, T. P. (2023). Ethiopia and Great Powers in Final Stage of Italo-Ethiopian War (March — May 1936). *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 438-454. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-438-454. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-438-454

Эфиопия и великие державы на завершающем этапе итало-эфиопской войны (март — май 1936 года)

Нестерова Татьяна Петровна
orcid.org/0000-0002-1799-1897
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
зарубежного регионоведения
tpnesterova@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Ethiopia and Great Powers in Final Stage of Italo-Ethiopian War (March — May 1936)

Tatiana P. Nesterova
orcid.org/0000-0002-1799-1897
PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Region Studies
tpnesterova@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Нестерова Т. П., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается политическая ситуация, сложившаяся в международных отношениях после ремилитаризации Рейнской зоны Германией 7 марта 1936 года, а также влияние, оказанное этим событием на развитие событий итало-эфиопской войны в политической и военной сферах. Изучаются опубликованные дипломатические документы Италии, Франции, СССР и Лиги Наций. Доказано, что введение германских войск в Рейнскую зону существенно понизило интерес великих держав к итало-эфиопской войне и выдвинуло на первый план их заинтересованность в «возвращении Италии в Европу», поскольку и Франция, и Великобритания были заинтересованы в привлечении Италии к противостоянию с Германией и защите независимости Австрии. На основании рассмотренных документов сделаны выводы, что Франция и Великобритания стремились к урегулированию конфликта за счет уступок со стороны Эфиопии, так как реалистичный подход к международным отношениям приводил к выводу о невозможности военной победы Эфиопии, тем более что попытки Эфиопии нанести удар по вооруженным силам Италии привели к поражению в битве при Май-Чоу. Взятие столицы Эфиопии Аддис-Абебы и отъезд императора Эфиопии Хайле Селассие I за границу окончательно уничтожили перспективы мирного урегулирования конфликта, несмотря на попытки Эфиопии действовать через структуры Лиги Наций.

Ключевые слова:

Итало-эфиопская война; Лига Наций.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the political situation that emerged in international relations after Germany's remilitarization of the Rhineland on March 7, 1936, and the impact this event had on the development of the Italo-Ethiopian War in both political and military spheres. Published diplomatic documents from Italy, France, the Soviet Union, and the League of Nations are studied. It is argued that the introduction of German troops into the Rhineland significantly diminished the interest of major powers in the Italo-Ethiopian War and brought to the forefront their desire for "Italy's return to Europe," as both France and Britain were interested in involving Italy in countering Germany and protecting Austria's independence. Based on the examined documents, it is concluded that France and Britain sought to resolve the conflict through concessions from Ethiopia, as a realistic approach to international relations led to the belief that Ethiopia could not achieve a military victory, especially after its attempt to strike at Italy's armed forces resulted in defeat at the Battle of Maychew. The capture of Ethiopia's capital Addis Ababa and the exile of Emperor Haile Selassie I effectively destroyed any prospects for a peaceful resolution of the conflict, despite Ethiopia's attempts to act through the structures of the League of Nations.

Key words:

Italo-Ethiopian War; the League of Nations.

Эфиопия и великие державы на завершающем этапе итало-эфиопской войны (март — май 1936 года)

© Нестерова Т. П., 2023

1. Введение = Introduction

Итало-эфиопская война 1935—1936 годов стала важным этапом развития международных отношений в период между двумя мировыми войнами, показав всю уязвимость и нестабильность международной системы, основанной на Уставе Лиги Наций, который подразумевал именно укрепление международной безопасности и стабильности. Реальность оказалась принципиально иной, что стало очевидным с начала 1930-х годов. Санкции, введенные против «агрессоров», не работали, а страны, не желавшие считаться с Уставом Лиги Наций, просто выходили из состава этой международной организации, как это сделали Германия и Япония. Великобритания, Франция и Италия, остававшиеся в составе Лиги Наций, стремились активно использовать эту организацию в своих целях, в частности, Италия пыталась добиться признания справедливости ее нападения на Эфиопию как страну, которая лишь случайно оказалась в составе Лиги Наций, реально же оставаясь отсталой и варварской африканской страной. Франция и Великобритания пытались использовать Италию в качестве одного из возможных противовесов для набирающей силы Германии, поэтому и санкции, введенные Лигой Наций, оставались ограниченными и не имели реального влияния на итальянскую политику и на военные действия в Восточной Африке. С другой стороны, даже эти ограниченные санкции уже вызывали раздражение в Италии, подталкивая ее к сближению с Германией.

На протяжении нескольких месяцев конца 1935 — начала 1936 годов великие державы активно искали компромисс, с помощью которого удалось бы, с одной стороны, урегулировать вопрос об Эфиопии в пользу Италии без ущерба для престижа Лиги Наций, с другой стороны — привлечь Италию к сдерживанию Германии. Коренным образом ситуация изменилась в марте 1936 года, когда Германия ввела войска в демилитаризованную Рейнскую область. Именно действия Германии способствовали желанию великих держав как можно быстрее решить «эфиопскую проблему» и завершить войну в Африке, чтобы активизировать внешнеполитическую деятельность Италии в Европе, прежде всего на германском направлении внешней политики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная статья является продолжением серии авторских публикаций, посвященных дипломатической истории итало-эфиопской войны [Нестерова, 1987; Нестерова, 1989; Нестерова, 1990; Нестерова, 1993; Нестерова, 2004; Нестерова, 2012; Нестерова, 2020а; Нестерова, 2020b; Нестерова, 2021], в которых, среди прочего, дается достаточно полная информация о научной разработанности темы. Возможности для продолжения и углубления исследования итало-эфиопской войны открыли публикации прежде закрытых дипломатических документов Франции, Италии, Германии и других стран. Значительный интерес также представляют публикации документов, вышедшие в свет непосредственно в период рассматриваемых исторических событий [Weltgeschichte..., 1937], а также опубликованная итальянцами подневная летопись итало-эфиопской войны [L'Italia in Etiopia..., 1936].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ремилитаризация Рейнской зоны и итало-эфиопская война

7 марта 1936 года германские войска вступили в демилитаризованную Рейнскую зону, а Гитлер объявил об отказе от Локарнского договора. «Французы смущены и дезориентированы», — записал в дневнике представитель Италии в Лиге Наций барон Помпео Алоизи [Aloisi, 1957, p. 357]. «Французам следовало бы немедленно привести вооруженные силы в боевую готовность и ответить на вызов Гитлера. Этот шаг, как нам теперь известно, заставил бы генеральный штаб отступить, вывести войска из Рейнской зоны и избавиться от Гитлера», — писал в своих воспоминаниях британский дипломат Леонард Эмери. «Французское правительство не хотело ничего предпринимать, пока английское правительство не пойдет на решительные меры. — комментировал Эмери далее. — Напрасно Фланден обращался с призывами к Болдуину ... Английское общественное мнение не может одновременно интересоваться двумя вопросами». Эмери отмечал, что английское общественное мнение «с мучительным беспокойством» следило за итало-эфиопской войной. Из-за колебаний Франции в вопросе о нефтяных санкциях, а также вследствие подписания франко-советского договора (что расценивалось как «окружение Германии») симпатии английских консерваторов были на стороне Германии. Фланден призвал к установлению санкций против Германии и предложил даже привлечь к осуществлению политики антигерманских санкций Италию (что было бы поистине «чем-то совершенно нелогичным», — комментировал Эмери) [Эмери, 1960, с. 421—422].

С политической точки зрения оккупация Германией Рейнской зоны означала, что эфиопская война выиграна Италией. Дальнейшие деба-

ты в Лиге Наций превратились в чисто формальное действие. Вопрос об итальянской агрессии против Эфиопии по отношению к европейским событиям отошел далеко на второй план. Уже 7 марта 1936 года министр иностранных дел Франции Пьер Этьен Фланден в беседе с советским полпредом в Париже В. Потемкиным отметил, что «и в самом деле стоило бы пойти на известные уступки Италии в отношении западных областей Абиссинии» [ДВП, 1974, с. 127]. В этот же день посол Италии в Париже Витторио Черрути сообщал в Рим, что ситуация в Женеве стала меняться в пользу Италии [DDI, 1992, р. 451]. «Итальянское общественное мнение после периода обескураженности вновь настроилось на успех в Африке и считает, что денонсация Локарно Германией нанесла смертельный удар санкциям. Несмотря на трудности в экономике, в Италии господствует оптимизм: денонсация Локарнского пакта значительно усиливает итальянский фактор в Европе. Отказ от политики санкций — обязательный элемент достижения франко-итальянской солидарности, необходимой для установления продолжительного мира в Европе», — писал 10 марта посол Франции в Италии граф Шарль де Шамбрэн П. Э. Фландену [DDF, 1963, р. 490—491]. В этот же день посол Италии В. Черрути сообщал в Рим, что, по мнению Фландена, в Женеве можно будет поставить вопрос об антиитальянских санкциях [DDI, 1992, р. 478]. «Политика санкций бессмысленна и неэффективна. Италия выиграла войну в Эфиопии, несмотря на санкции», — сообщал П. Э. Фландену Ш. де Шамбрэн итоги беседы с послами Германии и Румынии 14 марта [DDF, 1963, р. 558].

16 марта в беседе с Ш. де Шамбрэном П. Алоизи отметил, что перспективы франко-итальянского сотрудничества достаточно широки, возможны взаимные консультации, переговоры между генеральными штабами, Италия может оказывать Франции поддержку, но при условии, что французское правительство поддержит борьбу Италии против санкций [Aloisi, 1957, р. 359].

17 марта в Женеве открылась чрезвычайная 91-я сессия Совета Лиги Наций, главным вопросом которой был вопрос о введении германских войск в Рейнскую зону и денонсации Германией Локарнского пакта. 18 марта глава итальянской делегации на 91-й сессии Совета Лиги Наций Дино Гранди выступил с речью, в которой заявил о необходимости совместных миротворческих усилий всех европейских стран, но отметил, что для этого требуется отмена всех наложенных на Италию ограничений и санкций [Weltgeschichte..., 1937, S. 214—216]. Одним из решений 91-й сессии Совета Лиги Наций было окончательное закрытие вопроса о введении нефтяных санкций по отношению к Италии [LNOJ, 1936, № 4, р. 523]. Вместо вопроса о санкциях Комитет 13-ти вновь выдвинул идею прямых ита-

ло-эфиопских переговоров под эгидой Лиги Наций [Aloisi, 1957, p. 360]. В ответном выступлении представителя Эфиопии в Лиге Наций Уольде Мариама 20 марта 1936 года прозвучало, что единственная возможность воздействовать на Италию — введение нефтяных санкций, а переговоры в рамках Лиги Наций возможны только при условии полного прекращения Италией военных действий и отвода итальянских войск за международно-признанные границы Эфиопии [Weltgeschichte..., 1937, S. 220—222].

К этому времени германский посланник в Вене Ф. фон Папен пришел к выводу, что итало-эфиопская война создала благоприятные условия для «решения австрийской проблемы» [Papen, 1952, p. 383]. Чтобы воспрепятствовать этому, Италия сочла необходимым принять меры: 23 марта 1936 года в Риме были подписаны «дополнительные протоколы», согласно которым правительства Италии, Австрии и Венгрии взяли обязательства «не предпринимать никаких важных политических переговоров, касающихся Дунайского вопроса, с правительством какого-либо третьего государства без предварительно установленного контакта с двумя другими правительствами, с которыми были подписаны Римские протоколы от 17 марта 1934 г.» [Итало-австро-венгерская..., 1936, с. 161; Шихов, 1966, с. 192—200]. Используя заинтересованность Франции в сотрудничестве с Италией после ремилитаризации Рейнской зоны, итальянское правительство усилило нажим на Францию. «Муссолини считает, что Франция должна быть заинтересована в сотрудничестве с Италией. Полная отмена санкций может привести даже к возрождению фронта Стрезы», — писал Ш. де Шамбрэн П. Э. Фландену 27 марта [DDF, 1963, p. 688—689]. Государственный секретарь Италии по иностранным делам Фульвио Сувич инструктировал итальянского посла в Париже В. Черрути о необходимости усиления давления на государства, которые ввели антиитальянские санкции, ссылаясь именно на необходимость возрождения «франта Стрезы» [DDI, 1992, p. 608]. «Для возрождения Стрезы необходимы полная отмена санкций и согласие негуса на мирные предложения, выдвигаемые Муссолини», — сообщал Ш. де Шамбрэн 29 марта [DDF, 1963, p. 700—701]. Позднее Муссолини неоднократно информировал Лондон и Париж о возможности восстановления «фронта Стрезы», но Великобритания не реагировала на эти предложения [DDF, 1964, p. 61, 113]. Возобновленные в конце марта в Афинах итало-эфиопские переговоры (велись через грека на эфиопской службе А. Зерваса и Черулли) зашли в очередной тупик: в качестве основы для мирных переговоров Италия предложила превращение Эфиопии в подмандатную территорию Италии с выплатой Хайле Селассие I субсидии в 300 млн лир. Эфиопская сторона прервала переговоры [Sbacchi, 1986, p. 29].

Британское правительство по-прежнему относилось к итальянским действиям достаточно настороженно. В Великобритании ширилась анти-итальянская кампания, в рамках которой Италию обвиняли в бомбардировках эфиопских городов [DDI, 1992, р. 617]. В палате общин продолжал дебатироваться вопрос о возможности введения санкций на нефть [DDF, 1964, р. 710]. Муссолини пытался использовать французское правительство для оказания давления на Англию — с тем, чтобы Англия оказала в свою очередь давление на императора Эфиопии [DDF, 1964, р. 715]. Однако судьба войны решилась 31 марта — 2 апреля на эритрейском фронте: в генеральном сражении при Май-Чоу эфиопская армия, которой командовал сам император, была разбита. Дорога на Аддис-Абебу была открыта [L'Italia in Etiopia, 1936, р. 95—97; Цыпкин, 1989, с. 178—179].

3.2. Военное поражение Эфиопии и великие державы

Уже в начале апреля 1936 года основные европейские державы стали искать пути к завершению итало-эфиопского конфликта, мешающего решать более актуальные проблемы Европейского континента. 5 апреля 1936 года нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов направил телеграмму советскому полпреду в Италии Б. Е. Штейну, в которой отмечалось, что, хотя об отмене или одностороннем отказе от санкций против Италии речи пока не идет, но «мы всегда рады будем улучшению отношений с Италией», так как определяющим моментом должно быть отношение к германской агрессии [ДВП, 1974, с. 219]. Сходную позицию занимали и правительства Франции и Великобритании.

8 апреля 1936 года Комитет 13-ти вновь поднял вопрос о проведении мирных переговоров между Италией и Эфиопией. Инициатором обсуждения был министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. Его поддержал П. Э. Фланден, но Италия уже потеряла всякую заинтересованность в переговорах с Эфиопией [Villari, 1943, р. 255—256]. Мало того, уже 9 апреля Комитет 13-ти вынужден был рассмотреть эфиопскую жалобу на Францию, задержавшую эфиопские военные грузы в порту Джибути. Комитет принял решение, что данная проблема находится вне его компетенции [Laurens, 1968, р. 348].

9 апреля французский представитель при Совете Лиги Наций Массигли сообщил Фландену о беседе с Алоизи, в которой итальянский дипломат снова подчеркнул: чтобы добиться восстановления «фронта Стрезы», Франция должна окончательно закрыть эфиопский вопрос [DDF, 1964, р. 92; DDI, 1994, р. 676—677].

11 апреля Муссолини, Бадольо и Лессона выдвинули новые «мирные предложения», которые, по их мнению, должны были стать основой для переговоров, точнее — «негус должен принять эти условия, если он дей-

ствительно желает мира». Вся территория Эфиопии делилась на три зоны: первая (Харэр, Огаден, Сидамо, Бале, Борана, Бегемдыр, Тигре, Данакиль, Ашанги) аннексировалась Италией безоговорочно. Вторая зона (юго-западные провинции) сохраняла формальный суверенитет императора Эфиопии, но оккупировалась итальянцами и на нее распространялся мандат «С» по типу мандата на Ирак или Марокко. Третья зона (амхарские провинции) оставалась «под полным суверенитетом негуса под контролем Италии» (при этом Хайле Селассие I оставался титулярным императором Эфиопии и управлял провинцией Шоа, Годжам переходил под управление раса Хайлю Тэкле Хайманота), эфиопская армия полностью распускалась, в стратегически важных точках размещались итальянские гарнизоны [DDF, 1964, р. 109; DDI, 1964, р. 692—693]. Одновременно Муссолини усилил давление на Францию, подчеркивая, что время не терпит и для восстановления «фронта Стрезы» необходимо скорейшее решение «эфиопской проблемы» [DDF, 1964, р. 113].

14 апреля генеральный секретарь Лиги Наций Ж. Авеноль направил генеральному секретарю французского МИДа А. Леже письмо, в котором дал подробную характеристику положения вокруг итало-эфиопской войны. «Эфиопский вопрос — ключ к положению в Европе, — писал Авеноль. — Италия может оказать решающее влияние на дальнейшее развитие европейских событий. Санкции ничего не дали, и перспектива их дальнейшего сохранения приведет к развалу Лиги Наций и изоляции Франции. Поэтому особенно важно оказать соответствующее влияние на Англию» [DDF, 1964, р. 121—122; DDI, 1994, р. 694]. Среди английского руководства в этот период возникли определенные расхождения по поводу решения «проблемы»: если А. Иден, выступая в палате общин 6 апреля, вновь говорил о возможности введения санкций на нефть, чтобы оказать давление на итальянское правительство, вынудить его приостановить военные операции и перейти к мирным переговорам, то Р. Ванситтарт в качестве важнейшего направления политики назвал возобновление «фронта Стрезы» и тем самым приблизился к французской точке зрения [DDF, 1964, р. 123]. Но и 20 апреля Иден продолжал осуждать Италию и требовать продолжения политики санкций (хотя о нефтяных санкциях речь уже не велась) [Эмери, 1960, с. 423].

Тем временем в Эфиопии решался вопрос о дальнейшем сопротивлении итальянцам. Значительная группа эфиопской аристократии во главе с Такээле Уольдэ Хауарьятом и Хыруй Уольдэ Сыллассе стояли за переезд императора в г. Горе, поскольку сдача Аддис-Абебы была неминуема, и за продолжение войны партизанскими методами [Бартницкий, 1976, с. 510]. При этом предполагалась возможность оборонительных боев в районе Аддис-Абебы. Другая группа эфиопского руководства стояла за выезд императора

из страны и продолжение борьбы дипломатическими методами в Лиге Наций [Ягья, 1978, с. 112—113]. Окончательное решение вопроса оставалось за императором. Выслушав все доводы, Хайле Селассие I принял решение оставаться в Эфиопии, поскольку даже в самые тяжелые для страны времена войны с Харэрсским эмиратом в XVI веке, когда практически вся Эфиопия была захвачена врагами, император оставался в стране и боролся с врагом [Ягья, 1978, с. 113]. В этой ситуации в вопрос о выезде императора из страны вмешались иностранцы. Для Италии было крайне выгодно, чтобы Хайле Селассие I покинул Эфиопию: без бегства императора говорить о покорении Эфиопии было бы невозможно. Вероятно, поэтому в середине апреля 1936 года к переговорам, которые вели А. Зервос и Э. Черулли в Афинах, подключился американский бизнесмен Ф. У. Риккет, уже давно связанный с Эфиопией [Нестерова, 1988, с. 71—73]. Он ездил в Рим, где встречался с заместителем министра колоний А. Лессоней, в Хартум, в Джибути, где с ним беседовал бывший посланник Эфиопии в Италии Афэуорк Гэбре Иясу, наконец, в Александрию, где встретился с патриархом коптской церкви Иоанном XIX и с британским представителем в Египте Э. Кольсоном. Кольсон и Риккет разработали план выезда Хайле Селассие I из Эфиопии [Баег, 1976, р. 252] и сумели убедить императора последовать этому плану. Совет Короны большинством голосов (21 из 24) согласился с мнением императора о необходимости выезда в Европу [Ягья, 1978, с. 113].

Италия была удовлетворена той поддержкой, которую оказывала ей в этот период Франция. Однако Ш. де Шамбрэн отмечал, что продолжают развиваться и итало-германские контакты [DDF, 1964, р. 135]. Со своей стороны французское правительство попыталось еще раз убедить англичан в нецелесообразности сохранения санкций в условиях, когда итальянские войска находились у ворот Аддис-Абебы [DDF, 1964, р. 138—139]. В свою очередь Италия выразила готовность дать Франции гарантии в случае германского нападения на нее и активизировать сотрудничество по вопросу об Австрии и вообще о Центральной Европе — взамен помощи в деле «урегулирования» в Восточной Африке [DDI, 1994, р. 721; DDF, 1964, р. 148—149].

20 апреля в Женеве вновь развернулись дебаты вокруг выдвинутых Италией мирных предложений. Алоизи подчеркнул, что только такие условия могут стать основой для дальнейших переговоров, Италия от своих позиций не откажется [DDF, 1964, р. 166]. Слова итальянского представителя были подкреплены наступлением итальянских войск на Аддис-Абебу [L'Italia in Etiopia ..., 1936, р. 105—106]. Итальянцы многократно приводили различные «доказательства» ведения Эфиопией войны запрещенными средствами, требовали разбирательства [LNOJ, 1936, № 6, р. 579], но реальная суть итальянских демаршей сводилась к выигрышу времени:

предполагалось, что после взятия Аддис-Абебы разговоры о мире просто потеряют смысл.

Только британский министр иностранных дел Э. Иден продолжал говорить о возможности не только сохранения, но и расширения санкций. Другие страны — члены Лиги Наций — фактически уже признали итальянскую победу: их представители один за другим делали заявления о «традиционной дружбе своих стран с Италией» [DDF, 1964, р. 167]. Дипломатическая борьба вокруг Эфиопии явно шла к завершению. Итогом работы 91-й сессии Совета Лиги Наций стали резолюции, предложенные французской и испанской делегациями: вопрос о расширении санкций больше не ставился, а странам-членам Лиги Наций была фактически предоставлена возможность самостоятельного решения вопроса об отмене антиитальянских санкций [LNOJ, 1936, № 4, р. 377—393; DDF, 1964, р. 168].

22 апреля Хайле Селассие I запросил правительство Англии о возможности предоставления убежища ему и его семье. Великобритания немедленно дала свое согласие [Eschetou Mengesha, 1975, р. 464].

23 апреля Ш. де Шамбрэн сообщал П. Э. Фландену о готовности Италии сотрудничать с Францией в рамках Лиги Наций ради укрепления мира в Европе [DDF, 1964, р. 174—175]. Британское правительство в этот момент сделало еще один запрос Италии — о необходимости конкретизировать условия для заключения мира с Эфиопией: Э. Иден в беседе с французским политиком, представителем Франции в Женеве О. А. Ж. Поль-Бонкурм заметил, что отказаться от переговоров и просто признать итальянскую победу означает сильно пошатнуть авторитет Лиги Наций [DDF, 1964, р. 175]. Франция со своей стороны продолжала попытки просто склонить Англию к прямой поддержке итальянской политики, видя в перспективе возрождение «фронта Стрезы». Французский посол в Лондоне Ш. Корбен заявил в беседе с британским дипломатом Р. Ванситтартом, что Франция понимает: итальянцы ведут агрессивную войну нецивилизованными средствами, однако «мы обязаны использовать итальянский фактор» ради укрепления стабильности в Европе [DDF, 1964, р. 180].

В британских газетах в этот период широко распространилась версия, что Италия стремится быстрее завершить свой африканский поход, поскольку ее экономика не выдерживает военного бремени [DDF, 1964, р. 181]. В самой Италии это мнение не разделялось. Успешное наступление армии генерала Родольфо Грациани на Харэр вызвало новую вспышку шовинизма. «Дальнейшие переговоры о мире не будут иметь смысла — здесь все уверены в скорой и полной победе над Эфиопией», — писал Ш. де Шамбрэн П. Э. Фландену 24 апреля [DDF, 1964, р. 187]. 29 апреля в Риме обсуждался вопрос о возвращении части экспедиционной армии в Италию [DDF, 1964, р. 208—209].

30 апреля британский посланник в Аддис-Абебе Бартон сообщал Идену: «Император только что прислал своего секретаря, который проинформировал меня, что после полудня Его Величество созвал министров и знать и объявил им о том, что покидает Эфиопию с семьей и что передает руководство делами Совету Министров» [Eschetou Mengesha, 1975, p. 468]. Премьер-министром Эфиопии был назначен рас Имру Хайле Сыллассе. Резиденция Временного Правительства Эфиопии была перенесена в г. Горе [Eschetou Mengesha, 1975, p. 467]. 2 мая император с семьей и немногочисленной свитой выехал поездом в Джибути. Впервые за 3000 лет император Эфиопии покидал свою страну — «покидал поле боя ради относительной безопасности и комфорта заграничного изгнания» [Victory Day, 1977, p. 27].

Отъезд императора удивил даже Муссолини. Английский посол в Риме Э. Дрэммонд сообщал 5 мая Идену ответ дуче на английский запрос о продолжении мирных переговоров с Эфиопией: «Бегство императора создало новую и всецело неожиданную ситуацию. С кем сейчас, когда нет императора, устанавливать мир? Наилучшим выходом, как представляется, было бы самым быстрым образом утвердить власть Италии над всей Абиссинией» [Eschetou Mengesha, 1975, p. 468]. Уже 2 мая Ф. Сувич заявил, что вступление итальянских войск в Аддис-Абебу станет моментом провозглашения аннексии Абиссинии [DDF, 1964, p. 233]. 5 мая дуче выступил с балкона палаццо Венеция с речью «Эфиопия — итальянская!» [Mussolini, 1936, p. 99—100]. В этот день итальянские войска вступили в Аддис-Абебу, а маршал Пьетро Бадольо в обращении к народам Эфиопии провозгласил наступление периода мира, справедливости и процветания [L'Italia in Etiopia, 1936, p. 187].

3.3. Вопрос об Эфиопии в международных отношениях после падения Аддис-Абебы

9 мая в Риме был опубликован декрет короля Виктора Эммануила III об аннексии Эфиопии. I статья декрета гласила: «Территории и народы, входившие в состав Эфиопской Империи, переходят под полный и неограниченный суверенитет Итальянского Королевства. Титул Императора Эфиопии получает для себя и своих наследников Король Италии» [Mussolini, 1936, p. 121]. «Своей кровью итальянский народ создал империю», — прокомментировал эту статью декрета Муссолини [Mussolini, 1936, p. 119].

В этот же день итальянский посол в Париже довел текст декрета до сведения французского правительства. При этом посол В. Черрути высказал мнение своего правительства, что после бегства императора центральную власть в Эфиопии восстановить нельзя и аннексия — единственный путь для умиротворения страны. Предложения Фландена превратить Эфиопию в подобие Французского Марокко, где сохраняется ограниченный суверенитет султана, были отвергнуты как нереальные [DDF, 1964, p. 287].

Это было связано еще и с расколом эфиопских патриотов: одни сохранили верность императору Хайле Селассие I, другие считали его трусом, добровольно отказавшимся от престола, причем часть последних пыталась посадить на престол лиджа Йоханныса Иясу, одного из сыновей императора Иясу V (1913—1916), некоторые даже выступали за республиканскую форму правления [Historical dictionary ..., 1981, p. 106].

«Я высказал Муссолини пожелание, чтобы Италия скорее заняла место в европейской политике», — сообщил Ш. де Шамбрэн о беседе с Муссолини 7 мая [DDF, 1964, p. 264]. Фактически речь шла о том, что Франция уже была готова признать аннексию Эфиопии. Однако юридическому признанию аннексии на этом этапе мешали как позиция Англии, так и прежние решения Лиги Наций. Франция считала необходимым скорейшую ликвидацию антиитальянских санкций, важной задачей французской дипломатии на данном этапе было убедить в необходимости отмены санкций других членов Лиги Наций.

Противоположную позицию занял СССР. После официального сообщения об аннексии Эфиопии, сделанного итальянским послом в СССР Пьетро Ароне де Валентино, заместитель наркома иностранных дел И. Крестинский заявил, что отношение правительства СССР к этому акту итальянского правительства будет определено позднее [ДВП, 1974, с. 259—260]. В беседе с советским полпредом в Праге французский посланник де Ла Круа вынужден был заметить, что советские дипломаты — «роялисты в большей степени, чем негус»: сам император Эфиопии оставил свою страну, а СССР по-прежнему говорит о необходимости борьбы с агрессией [DDF, 1964, p. 271].

Особое место в беседе П. Э. Фландена и В. Черрути занял вопрос о форме аннексии с точки зрения международного права. Италия должна сохранить свой авторитет в международном сообществе, соблюдая принятые правовые нормы, отметил Фланден. В ответ на заявление Черрути, что Италия полностью гарантирует соблюдение французских интересов в Эфиопии, Фланден заметил, что существует большая разница между французскими интересами в Эфиопии и в Итальянской Восточной Африке. В принципе, интересы эти ограничены железной дорогой Джибути — Аддис-Абеба, но в итальянской Восточной Африке нет гарантии, что не будет создана конкурирующая железнодорожная сеть. Главным же, с точки зрения Фландена, оставался вопрос об урегулировании итало-эфиопского конфликта через Лигу Наций с уважением мирового общественного мнения. После этого В. Черрути отметил, что для французского правительства было бы возможно провести через Лигу Наций решение о признании полной аннексии Эфиопии Италией, что позволило бы координировать усилия

обеих стран в Центральной Европе [DDF, 1964, p. 288]. С аналогичным призывом обратился к Ш. де Шамбрёну Ф. Сувич, отметивший: важнейшей проблемой для урегулирования остается позиция Англии [DDF, 1964, p. 291—292]. Но и в британском правительстве стал постепенно преобладать прагматический подход к ситуации: в беседе с советским полпредом в Великобритании И. Майским постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт отмечал, что «для борьбы с той главной опасностью, которая угрожает миру в Европе, (т. е. с Германией) очень важно содействие Италии», но в то же время подчеркивал, что форма аннексии Эфиопии оказалась неприемлемой для Великобритании: с точки зрения британского правительства, одержав военную победу, Муссолини следовало бы «облечь завершение абиссинской кампании в такую форму, чтобы оно было хотя бы в какой-либо мере приемлемо для Лиги Наций и для общественного мнения Великобритании» [ДВП, 1974, с. 265].

4. Заключение = Conclusions

Рейнский кризис 1936 года оказал решающее воздействие на завершение итало-эфиопской войны в дипломатическом отношении. Чувствуя падение международного интереса к событиям в Эфиопии, император Хайле Селассие I решил попытаться добиться военной победы (вспоминая об успехе эфиопской армии в битве при Адуа в 1896 году), но императорская армия потерпела решающее поражение при Май-Чоу. Сочетание дипломатических и военных факторов привело к краху Эфиопской империи и взятию столицы Аддис-Абебы (хотя реально война в Эфиопии продолжалась под руководством регента раса Имру Хайле Сылласе еще более года).

Было очевидно, что практически для всех великих держав реальный интерес состоял в скорейшем завершении Италией военных действий в Эфиопии, поскольку это могло бы привести Италию к активизации ее участия в европейских политических процессах. Франция и Великобритания продолжали рассчитывать, что Италия, «вернувшись в Европу», займет позиции, аналогичные тем, которые она занимала в 1934 году, и будет готова выступить против «германской агрессии» в Европе. Однако этого не произошло: политика санкций и осуждения подталкивали Италию к сближению с Германией, что и произошло уже в 1936 году, подробнее см.: [Нестерова, 2021]. Политика санкций показала свою неэффективность и привела к результатам, противоположным желаемым.

Источники и принятые сокращения

1. ДВП — *Документы внешней политики СССР*. (1 января — 31 декабря 1936 г.). — Москва : Политиздат, 1974. — Т. 19. — 823 с.
2. *Итало-австро-венгерская конференция в Риме : Протоколы, подписанные 23 марта 1936 г. // Мировое хозяйство и мировая политика*. — 1936. — № 5. — С. 160—163.
3. *Эмери Л.* Моя политическая жизнь / Л. Эмери. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. — 685 с.
4. Aloisi P. Journal (25 juillet 1932 — 14 juin 1936) / P. Aloisi. — Paris : Plon, 1957. — 392 p.
5. DDF — *Documents diplomatiques français 1932—1939*. Sér. 2 (1936—1939). Paris : Imprimerie nationale. — Т. 1 (1 janvier — 31 mars 1936). 1963. — 756 p ; Т. 2 (1 avril — 18 juillet 1936). 1964. — 763 p.
6. DDI — *I Documenti diplomatici italiani*. Serie 8 (1935—1939). T. 3 (1 gennaio — 9 maggio 1936). — Roma: Istituto poligrafico e zecca dello Stato, 1992. — 1072 p.
7. LNOJ — *League of Nations Official Journal*. 1936.
8. *L'Italia in Etopia : dal Mareb ad Addis Abeba*. Roma : Edizioni di Novissima, XIV e.f. (1936). — 188 p.
9. *Mussolini B.* Scritti e discorsi / B. Mussolini. — Milano : A. Mondadori ed., 1936. — Т. 10. — 224 p.
10. *Papen F. von.* The Memoirs / F. von Papen. — London : Andre Deutsch Publisher, 1952. — 563 p.
11. *Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten*. 1935/1936. Internationale Politik / Hrsg. W. Frauendienst. — Essen : Essener Verlagsanstalt, 1937. — Bd. 3. — 491 S.
12. *Victory Day*. Addis Abeba, 1977. — 402 p.

Литература

1. *Бартницкий А.* История Эфиопии / А. Бартницкий, И. Мантель-Нечко. — Москва : Прогресс, 1976. — 592 с.
2. *Нестерова Т. П.* Влияние эфиопского кризиса на политику Франции в странах Дунайского бассейна и Юго-Восточной Европы / Т. П. Нестерова // *Международные отношения накануне и в годы второй мировой войны*. — Екатеринбург : УрГУ, 1993. — С. 46—49.
3. *Нестерова Т. П.* Итало-эфиопская война как фактор дестабилизации международных отношений в Европе / Т. П. Нестерова // *Уральский вестник международных исследований*. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. — Выпуск 2. — С. 87—92.
4. *Нестерова Т. П.* Итальянская агрессия против Эфиопии и позиция Франции (1932—1936) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Т. П. Нестерова. — Свердловск : УрГУ, 1990. — 18 с.
5. *Нестерова Т. П.* Концессия Риккета в Эфиопии / Т. П. Нестерова // *Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке*. — Свердловск : УрГУ, 1988. — С. 62—73.
6. *Нестерова Т. П.* Пропаганда в войне : итальянский опыт 1930-х — 1940-х гг. / Т. П. Нестерова // *Bakı Slavyan Universiteti Elmi əsərlər. İctimai-siyasi elmlər seriyası*. — Bakı : [b. i.], 2012. — S. 60—73.
7. *Нестерова Т. П.* Франко-итальянские отношения в период фашистской агрессии против Эфиопии (январь-март 1936) / Т. П. Нестерова // *Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время*. — Свердловск : УрГУ, 1989. — С. 65—77.

8. *Нестерова Т. П.* Франко-итальянские отношения накануне фашистской агрессии против Эфиопии (март-май 1935) / Т. П. Нестерова // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. — Свердловск : УрГУ, 1987. — С. 108—120.
9. *Нестерова Т. П.* Франция и начало итало-эфиопского конфликта (вторая половина 1934 года) / Т. П. Нестерова // *Annali d'Italia*. — 2020b. — № 12. — Рр. 41—45.
10. *Нестерова Т. П.* Франция и попытка урегулирования итало-эфиопского конфликта в конце 1935 года : план Хора — Лавалья / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2020a. — № 8. — С. 398—411. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-398-411>.
11. *Нестерова Т. П.* Франция, Италия и дипломатическое завершение итало-эфиопской войны в Лиге Наций (май — июль 1936 года) / Т. П. Нестерова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 400—413. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-400-41/>.
12. *Цыпкин Г. В.* История Эфиопии в новое и новейшее время / Г. В. Цыпкин, В. С. Ягья. — Москва : Наука, 1989. — 405 с.
13. *Шихов В. И.* Второй римский протокол / В. И. Шихов // Сборник докладов и сообщений по новой и новейшей истории на 2-й научной сессии вузов Уральского экономического района. — Пермь : [б. и.], 1966. — С. 192—200.
14. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время / В. С. Ягья — Москва : Наука, 1978. — 327 с.
15. *Baer G. W.* Test Case : Italy, Ethiopia and the League of Nations / G. W. Baer. — Stanford (Cal) : Stanford University Press, 1976. — 368 p.
16. *Eschetou Mengesha M. A.* Die Aussenpolitik der äthiopischen Regierung während der italo-äthiopischen Krise und das Versagen des Volkerbundes, 1933—1936 / M. A. Eschetou Mengesha. — Bonn : [b. i.], 1975. — 561 S.
17. *Historical dictionary of Ethiopia* / C. Prouti, D. H. Shinn et al. — Metuchen (NY) : Scarecrow Press, 1981. — 436 p.
18. *Laurens F. D.* France and Italo-Ethiopian Crisis 1935—1936 / F. D. Laurens. — Paris : Mouton, 1968. — 432 p.
19. *Sbacchi A.* Ethiopia under Mussolini : Fascism and the Colonial Experience / A. Sbacchi. — London : Zed Books, 1986. — 262 p.
20. *Villari L.* Storia diplomatica dell conflitto italo-etiopico / L. Villari. — Bologna : Zanichelli ed., 1943. — 306 p.

*Статья поступила в редакцию 05.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.*

Material resources

- Aloisi, P. (1957). *Journal (25 juillet 1932 — 14 juin 1936)*. Paris: Plon. 392 p. (In Frenc.).
- DDF — *Documents diplomatiques français 1932—1939. Sér. 2 (1936—1939), 1, 2.* (1963, 1964). Paris: Imprimerie nationale. (In Frenc.).
- DDI — *I Documenti diplomatici italiani. Seria 8 (1935—1939), 3 (1 gennaio — 9 maggio 1936)*. (1992). Roma: Istituto poligrafico e zecca dello Stato. 1072 p. (In Ital.).
- DVP — *Documents of the USSR foreign policy. (January 1 — December 31, 1936), 19.* (1974). Moscow: Politizdat. 823 p. (In Russ.).
- Emery, L. (1960). *My political life*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 685 p. (In Russ.).

- Italo-Austro-Hungarian Conference in Rome: Protocols signed on March 23, 1936. (1936). *World economy and World politics*, 5: 160—163. (In Russ.).
- L'Italia in Etiopia: dal Mareb ad Addis Abeba*. (1936). Roma: Edizioni di Novissima, XIV e.f. 188 p. (In Franc.).
- LNOJ — *League of Nations Official Journal*. (1936).
- Mussolini, B. (1936). *Scritti e discorsi*, 10. Milano: A. Mondadori ed. 224 p. (In Franc.).
- Papen, F. von. (1952). *The Memoirs*. London: Andre Deutsch Publisher. 563 p.
- Victory Day*. (1977). Addis Abeba. 402 p.
- Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. 1935/1936. Internationale Politik*, 3. (1937). Essen: Essener Verlagsanstalt. 491 S. (In Germ.).

References

- Baer, G. W. (1976). *Test Case: Italy, Ethiopia and the League of Nations*. Stanford (Cal): Stanford University Press. 368 p.
- Bartnitsky, A., Mantel-Nechko, I. (1976). *History of Ethiopia*. Moscow: Progress. 592 p. (In Russ.).
- Eschetou Mengesha, M. A. (1975). *Die Aussenpolitik der äthiopischen Regierung während der italo-äthiopischen Krise und das Versagen des Volkerbundes, 1933—1936*. Bonn: [b. i.]. 561 S. (In Germ.).
- Historical dictionary of Ethiopia*. (1981). Metuchen (NY): Scarecrow Press. 436 p. (In Germ.).
- Laurens, F. D. (1968). *France and Italo-Ethiopian Crisis 1935—1936*. Paris: Mouton. 432 p. (In Franc.).
- Nesterova, T. P. (1987). Franco-Italian relations on the eve of fascist aggression against Ethiopia (March-May 1935). In: *Politics of the Great Powers in the Balkans and the Middle East in modern times*. Sverdlovsk: USU. 108—120. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (1988). The Rickett Concession in Ethiopia. In: *International relations in the Balkans and the Middle East*. Sverdlovsk: USU. 62—73. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (1989). Franco-Italian relations during the Fascist aggression against Ethiopia (January-March 1936). In: *Politics of the Great Powers in Central Europe, the Balkans and the Middle East in modern times*. Sverdlovsk: USU. 65—77. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (1990). *Italian aggression against Ethiopia and the position of France (1932—1936)*. Author's abstract of PhD Diss. Sverdlovsk: USU. 18 p. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (1993). The impact of the Ethiopian crisis on French policy in the countries of the Danube basin and South-Eastern Europe. In: *International relations on the eve and during the Second World War*. Yekaterinburg: USU. 46—49. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (2004). Italo-Ethiopian war as a factor of destabilization of international relations in Europe. In: *Ural Bulletin of International Studies*, 2. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta. 87—92. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (2012). Propaganda in war: the Italian experience of the 1930s — 1940s. In: *Bakı Slavyan Universiteti Elmi əsərlər. İctimai-siyasi elmlər seriyası*. Bakı: [b. i.]. 60—73. (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (2020a). France and Attempt to Resolve the Italo-Ethiopian Conflict in Late 1935: the Hoare—Laval Plan. *Nauchnyi dialog*, 8: 398—411. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-398-411> (In Russ.).
- Nesterova, T. P. (2020b). France and the beginning of the Italo-Ethiopian conflict (the second half of 1934). *Annali d'Italia*, 12: 41—45. (In Russ.).

- Nesterova, T. P. (2021). France, Italy and Diplomatic End of Italo-Ethiopian War in League of Nations (May—July 1936). *Nauchnyi dialog*, 8: 400—413. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-400-413> (In Russ.).
- Sbacchi, A. (1986). *Ethiopia under Mussolini: Fascism and the Colonial Experience*. London: Zed Books. 262 p.
- Shikhov, V. I. (1966). The Second Roman Protocol. In: *Collection of reports and messages on new and modern history at the 2nd scientific session of universities of the Ural Economic District*. Perm: [b. i.]. 192—200. (In Russ.).
- Tsyarkin, G. V., Yagya, V. S. (1989). *History of Ethiopia in modern and modern times*. Moscow: Nauka. 405 p. (In Russ.).
- Villari, L. (1943). *Storia diplomatica dell conflitto italo-etioipico*. Bologna: Zanichelli ed. 306 p. (In Ital.).
- Yagya, V. S. (1978). *Ethiopia in modern times*. Moscow: Nauka. 327 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

Информация для цитирования:

Очиров Б. В. Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века / Б. В. Очиров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 455—471. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-455-471.

Ochirov, B. V. (2023). Population of Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during Transition to Settled Life in Second Half of 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 455-471. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-455-471. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-455-471

Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века

Очиров Баатр Викторович
orcid.org/0000-0002-3471-8008
главный специалист
научного отдела
ochirov.baatr@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-18-20019
«Между Востоком и Западом:
цивилизационно-культурное развитие
калмыцкого кочевого общества
в составе дореволюционной России»

Population of Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during Transition to Settled Life in Second Half of 19th Century

Baatr V. Ochirov
orcid.org/0000-0002-3471-8008
chief specialist
of the scientific department
ochirov.baatr@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-18-20019
“Between East and West:
civilizational and cultural development
of the Kalmyk nomadic society
within pre-revolutionary Russia”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится анализ экономического состояния калмыцкого общества в Большедербетовском улусе Калмыкии в условиях интенсивного процесса перехода к оседлости (на оседлый образ жизни). Процесс перехода на оседлость определил важные структурные изменения хозяйственного уклада номадов. Автором проводится сравнительная характеристика изменений в ведении животноводства калмыками Большедербетовского улуса во второй половине XIX века. Рассматривается процесс постепенного развития земледелия в калмыцком обществе. Основной вывод данной статьи заключается в том, что на всем протяжении второй половины XIX века шло постепенное обеднение кочевого калмыцкого населения, которое было вызвано изменениями их традиционного уклада жизни, сокращением территориального пространства для выпаса скота — важной хозяйственной культуры номадов. Постепенно основная масса кочевников-простолудинов переходила в разряд сельскохозяйственного пролетариата и стала источником дешевой рабочей силы в регионе. Расширение общероссийского рынка и включение в него региона степного Предкавказья, освоение крестьянами степных территорий, активная политика царского правительства в отношении к кочевникам и их перехода на оседлость определила структурные изменения хозяйственного и общественного уклада номадов.

Ключевые слова:

калмыки; Большедербетовский улус; хозяйство; переход к оседлости; динамика животноводства; земледелие; крестьянская колонизация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the economic state of Kalmyk society in the Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during the intensive process of transition to settled life. This transition led to significant structural changes in the economic system of nomads. The author provides a comparative analysis of the changes in animal husbandry practices among the Kalmyks in the Bolshederbetovskii Ulus during the second half of the 19th century. The gradual development of agriculture in Kalmyk society is also examined. The main conclusion of this article is that throughout the second half of the 19th century, there was a gradual impoverishment of the nomadic Kalmyk population due to changes in their traditional way of life and a decrease in available grazing land, which was a crucial aspect of their economy. As a result, the majority of ordinary nomads became part of the rural proletariat and served as a source of cheap labor in the region. The expansion of the all-Russian market and the inclusion of the steppe regions of the North Caucasus, as well as the settlement of peasants on these lands, along with the active policies of the Tsarist government towards nomads and transition to settled life, shaped significant structural changes in the economic and social structure of nomadic society.

Key words:

Kalmyks; Bolshederbetovskii Ulus; economy; transition to settled life; dynamics of animal husbandry; agriculture; peasant colonization.

Население Большедербетовского улуса Калмыкии в условиях перехода к оседлости во второй половине XIX века

© Очиров Б. В., 2023

1. Введение = Introduction

Во второй половине XIX века регион степного Предкавказья входил в новую фазу освоения. С одной стороны, этому способствовала правительственная программа, направленная на привлечение кочевников к оседлости, с другой — масштабная колонизация крестьянами степных регионов. Калмыки Большедербетовского улуса были непосредственным объектом российской администрации по привлечению к оседлости и главным субъектом, с кем вступали в тесный контакт крестьяне-переселенцы. Процесс перехода на оседлость для калмыков определил их будущее социально-экономическое развитие. В экономическом плане переход к оседлости кочевников привел к трансформации их хозяйства. Калмыки стали заниматься земледелием, садоводством и огородничеством. Претерпела изменения также традиционная отрасль хозяйства — животноводство. В связи с этим целью данной статьи является анализ динамики хозяйственного развития калмыков Большедербетовского улуса в условиях интенсивного перехода на оседлость.

Фрагментарная освещенность данной проблемы определила актуальность исследования. В литературе дореволюционного периода стоит отметить работы [Дуброва, 1892; Бентковский, 1879; Воробьев, 1909; Фарфаровский, 1908], в которых представлены личные наблюдения авторов о жизни и быте большедербетовских калмыков. В советский период экономическое положение калмыков Большедербетовского улуса исследовалось в трудах [Лебединский, 1925; Пальмов, 1925; Бурчинова, 1971; Ташнинов, 1973]. В работах первых двух авторов, написанных в 1920-е годы, преобладало влияние дореволюционной школы и опора на приоритет исторических фактов. Л. С. Бурчинова и Н. Ш. Ташнинов ввели в научный оборот новые опубликованные и архивные материалы, что позволило значительно обогатить содержание их исследований.

На современном этапе исследователи все больше стремятся к новому пониманию исторического развития калмыцкого общества на основе цивилизационного подхода. Вопросами экономического развития региона

занимались А. Н. Команджаев, И. В. Лиджиева, Е. Н. Бадмаева, И. В. Нахаева [Команджаев, 1999; Лиджиева, 2017; Бадмаева, 2016; Нахаева, 2000]. Можно отметить также фундаментальный коллективный труд «История Калмыкии» в трех томах [История Калмыкии..., 2009].

Изучение поставленного вопроса требует комплексного подхода с учетом уникальности и многогранности калмыцкого общества в исследуемый период. В связи с этим на современном этапе усиливается необходимость специальных исследований по данной проблеме.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализ экономического состояния населения Большедербетовского улуса проводился на основе опубликованных и неопубликованных источников. К числу первых относятся «Обзоры Ставропольской губернии», «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии», ко вторым — делопроизводственные источники из фондов Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия.

«Обзоры Ставропольской губернии» представляли собой ежегодные статистические отчеты о Ставропольской губернии в целом. В них также помещалась информация о кочевниках и территории кочующих инородцев, куда и входил Большедербетовский улус. В рамках данной работы особую ценность для нас представляли таблицы, систематизирующие сведения о численности скота, «посевах и урожае хлебов».

В «Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии» входили статьи ученых, общественных деятелей, являвшихся современниками исследуемых событий, данные о жизни в губернии, а также отдельным приложением выделялись количественные характеристики Ставрополя, в которых находили отражение сведения о кочевниках.

К числу неопубликованных источников, из которых нами были извлечены сведения о социально-экономическом состоянии Большедербетовского улуса, относятся фонд И-21 «Большедербетовское улусное управление» Национального архива Республики Калмыкия, а также фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии» в Государственном архиве Ставропольского края. Представленные в них ежегодные отчеты открывают нам важную информацию о многих показателях состояния Большедербетовского улуса. Это позволило нам проследить общую тенденцию экономического состояния улуса на протяжении второй половины XIX века.

Исследование осуществлялось на основе метода системного анализа, компаративном методе, принципах историзма в рамках цивилизационного и междисциплинарного подходов.

Системный анализ материала в сочетании с компаративным методом исследования позволил выстроить динамику экономического состояния населения Большедербетовского улуса, провести сравнительно-историческую характеристику экономического положения кочевого хозяйства в разные десятилетия второй половины XIX — начала XX веков. Соблюдение принципов историзма позволило рассмотреть исследуемые явления в историческом движении, а междисциплинарный подход расширил исследуемое поле событий и обеспечил более глубокое понимание исторических событий, происходивших в Большедербетовском улусе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Геоэкономическое состояние Большедербетовского улуса во второй половине XIX века

В обзоре Ставропольской губернии за 1881 год зафиксированы причины, по которым инородцы губернии (калмыки, ногайцы, туркмены) не могли и иногда не желали переходить на оседлый образ жизни. Вот как это виделось авторам обзора: «Физические и топографические условия природы везде обуславливали экономическую деятельность и самые способы жизни народов. Условия эти создали особенную форму быта кочующих в Ставропольской губернии инородцев. Если по этому у инородцев преобладает скотоводственная культура, требующая кочевой жизни, то это обуславливается прежде всего естественными и топографическими условиями страны, которые, главным образом, парализуют развитие между ними оседлой жизни и земледелия. Вследствие таких причин, оседлая жизнь между инородцами чрезвычайно туго развивается. Значительно преобладающее большинство инородцев, все еще не ведет кочевую жизнь, в полном значении слова, и это лучшая, более достаточная часть населения. Принимают душевой надел беднейшие» [Обзор..., 1882, с. 58] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Написанная в 1881 году данная заметка отчасти подтверждала причины, по которым номады не собирались расставаться с кочевым образом жизни. Однако, как показала история, неизбежный процесс включения региона степного Предкавказья в орбиту российского политического и социально-экономического пространства предопределил общественное развитие кочевых народов данного региона в сторону их постепенного перехода к оседлости, несмотря на «физические и топографические условия природы».

К моменту перехода Большедербетовского улуса под управление ставропольского губернатора в 1859 году площадь улуса составляла 872 323 десятины земли. Население улуса составляло чуть более 5100 человек [История Калмыкии..., 2009, с. 520] — цифра достаточно условная,

так как подсчет велся покибиточно. По данным А. А. Лебединского, в расчете на одного человека приходилось 170 десятин земли.

Так совпало, что после передачи улуса в состав Ставропольской губернии, немного позже, в 1861 году в России состоялась крестьянская реформа, которая привела к отмене крепостного права в стране. Данное событие и активизация правительственной политики по заселению степей стали катализатором постепенного освоения степных пространств Большедербетовского улуса крестьянами-переселенцами.

По приведенным Н. Львовским данным можно отметить, что границы улуса на протяжении второй половины XIX века значительно сократились. Если в 1861 году территория улуса составляла 600 000 дес., то в 1872 году калмыцкое население улуса занимало площадь в 373 161 дес. [Львовский, 2022, с. 33]. В 1881 году общая площадь улуса составляла 313 106 дес., из которых 226 744 было отведено для оседлых поселений, 78 166 оставалось в общем пользовании кочевников и 8 196 дес. были отмежеваны к казенным соляным озерам [Обзор..., 1882, с. 57]. Уже в 1891 году территория улуса составляла 289 835 дес.

С сокращением территориального пространства Большедербетовского улуса и обострением земельного вопроса была связана организация оброчных статей, представлявших собой казенное имущество, которое передавалось частным лицам за определенную плату. В начале XX века Ф. И. Воробьев в своей работе, рассматривая географическое положение и топографию улуса, писал, что оброчные статьи до 40 тыс. десятин занимали в основной своей массе северную часть улуса, простираясь по берегу Большого Лимана реки Западного Маныча. Также к западной стороне улуса примыкала площадь в 10 тыс. дес., и остальные оброчные статьи были разбросаны по всему улусу. Автор также отмечает, что данные оброчные статьи были образованы из участков умерших без потомства зайсангов [Воробьев, 1909, с. 3—4]. Таким образом, пространства арендных земель, в размере 53 тыс. десятин земли, к началу XX века представляли собой последствия тех разграничительных мер в земельных отношениях, которые проводились на протяжении второй половины XIX века.

Стремительное сокращение земельного пространства Большедербетовского улуса было вызвано несколькими причинами. Во-первых, это земельное размежевание 1871—1873 годов: территория улуса была разделена по родам. Согласно этому размежеванию каждый род получал закрепленную за ним территорию. Эти земли предлагалось использовать под пашни, сенокосы, пастбища. Местные власти разрешали сдавать их в аренду, однако вводился запрет на их продажу [История Калмыкии..., 2009, с. 520—521]. Современник этих событий Я. П. Дуброва отмечает, что

данная земельная программа имела серьезные последствия для калмыков улуса, заставившая их изменить свой образ жизни [Дуброва, 1892, с. 190].

Другой причиной сокращения земель улуса стало отмежевание 272 323 десятин земли ногайцам Ставропольской губернии. Дополнительной и не менее важной причиной уменьшения земельного фонда улуса стала колонизация крестьянами степей Предкавказья. Нарезка переселенцам сопровождалась с согласия российской администрации, видевшей в этом условие приобщения калмыков к оседлости. Причем это не было единоразовым событием, отмежевание земель продолжалось на протяжении второй половины XIX века. Постепенно крестьянин-переселенец становился крупным арендатором земель улуса.

Такое сокращение земель стало вызовом для калмыков Большедербетовского улуса. Не имея возможности свободного кочевания по улусу, местное население стало заниматься возведением небольших построек. Вышеназванное размежевание 1871—1872 годов наделяло простолюдинов 30 дес., представителей местной аристократии — 1500 дес. земли. Для нойонов и зайсангов такое количество земли позволило сдавать их в аренду.

3.2. Изменения в животноводстве Большедербетовского улуса

Сокращение земли и прикрепление простолюдинов к территории своего рода пагубно влияли на традиционную систему хозяйствования. Кочевое животноводство калмыков в этот период наглядно демонстрировало общую тенденцию сокращения. С 1860 по 1890 годы общее поголовье в стадах Большедербетовского улуса уменьшилось с 157 860 до 48 397 голов [История Калмыкии..., 2009, с. 521].

Если в 1863 году на общее население в 6316 чел. [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 86, л. 128] приходилось 41 717 голов овец, то в 1893 году поголовье овец составляло 34 778 при численности населения в 11 765 чел. («Ведомость о численности скотоводства») [Обзор..., 1894]. Обращает на себя внимание изменение качественного состава овец. Если в 1863 году все поголовье овец относилось к калмыцкой породе, то таблица за 1893 год показывает вышеуказанное количество овец в следующем составе: 28 713 овец калмыцкой породы, 5957 тонкорунных овец, 108 смешанной калмыцкой и ногайской пород [Там же]. Изменение состава пород овец демонстрирует неизбежное изменение характера ведения овцеводства. На протяжении последней четверти XIX века в хозяйстве калмыков идет рост породы тонкорунных овец.

Более существенную разницу в поголовье можно увидеть, если сравнить 1863 и 1881 годы — 41 717 и 12 178 соответственно («Ведомость о численности скотоводства») [Обзор..., 1882]. В целом на протяжении 80—90-х годов XIX века общая динамика поголовья овец, несмотря на падеж, будет расти, демонстрируя адаптацию ведения хозяйства в рамках

оседлых поселений. В 1868 году в улусе насчитывалось 54 600 простых пород овец [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 83, л. 24], в 1900 году поголовье овец составляло 40 404 ед., из которых 31 918 были калмыцкой и волошских пород, 274 — смешанной калмыцкой и ногайской пород и 8212 тонкорунных. Для сравнения: в этот же год поголовье в Трухменском приставстве — 93 788 голов, в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве — 47 875 голов. Причем у ногайцев количество тонкорунных составляло 1000, а у туркмен не было вовсе. А вот у арендаторов на территории кочующих инородцев числилось 324 475 голов, среди которых 284 065 составляли тонкорунные овцы («Ведомость о численности скотоводства») [Обзор..., 1901]. Как мы видим, калмыцкие хозяйства по примеру крестьян-арендаторов постепенно вводили в хозяйство породы тонкорунных овец. Уже в 1904 году, по данным отчета, насчитывалось 31564 голов простых овец и 74 794 голов тонкорунных [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 188, л. 18—19].

Однако распределение тонкорунных овец по родам было различным. По данным за 1911 год, наибольшее количество овец данной породы было в Икичносовом, Абганер-Гаханкиновом, 2 Икитуктуновом, Будульчине-ровом, Хаджинкиновом, 1 Багатуктуновом, Бюдермис-Кюбетовом аймаках, пос. Князе-Михайловском. Общая численность поголовья тонкорунных овец составляла — 30 960 голов. В 1 Икитуктуновом, Цорос-Шеретовом, Тарачинеровом, 2 Багатуктуновом, Багабуруловом породы данных овец отсутствовали [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 282, л. 217—219].

Несмотря на введение тонкорунной породы овец, хозяйства Большедербетовского улуса столкнулись с сокращением численности мериносов. Причиной такого спада, по мнению А. Н. Команджаева, стало то, что Большедербетовский улус, входящий в зону Предкавказья, был более чувствителен к колебаниям всероссийского аграрного рынка [Команджаев, 1999, с. 104].

Весьма неутешительные результаты наличия овец в хозяйствах калмыков представлял И. В. Бентковский. По данным за 1875 год, количество овец в улусе составляло 16 798 голов. Однако распределение по родам было неравномерным. 1036 из 1389 кибиток не имели овец, или почти 75 % всего населения улуса. Среди оставшихся кибиток наличие скота распределялось следующим образом (табл. 1):

Единственным крупным овцеводом был зайсанг Багатуктунова рода Намджинов [Бентковский, 1876, с. 39].

Изменения затронули коневодство, где также наблюдалось сокращение поголовья. К примеру, в 1865 году в калмыцком хозяйстве числилось 6230 голов лошадей [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 74, л. 12], в 1881 году — 2614, в 1893—1827 лошадей. По сравнению с численностью овец, численность

Таблица 1

Неравномерное распределение овец в хозяйстве калмыков
Большедербетовского улуса в 1875 году
(по данным источника [Бентковский, 1876, с. 39])

Количество кибиток	Количество овец
99	1—10
183	11—50
39	51—500
18	101—200
13	201—500
1	501—1000

лошадей сократилось почти в 3 раза. Даже к началу XX века численность лошадей уже не достигнет уровня середины XIX века. В 1904 году их численность составляла 3742 голов [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 188, л. 18—19].

По данным за 1875 год, в улусе состояло 1389 кибиток, среди которых 424 кибитки вовсе не имели лошадей, 720 — 1 лошадь, 148 — 2 лошади, 38 — 3 лошади, 24 — от 4 до 10 лошадей, 5 — от 11 до 20 лошадей, 20 — от 21 до 50 лошадей, 8 — от 51 до 100 лошадей, 2 — от 101 до 200 лошадей и 1 кибитка имела в наличии свыше 300 лошадей [Бентковский, 1876, с. 21].

Помимо падения функциональной значимости лошадей в условиях перехода к оседлости спад количества лошадей объяснялся также отсутствием спроса со стороны государства. И. В. Бентковский в 1868 году в своей статье отмечал что ремонтерам (поставщикам лошадей для кавалерии) запрещалось покупать в кавалерийские полки лошадей «калмыцких заводов» [Бентковский, 1868, с. 119]. Этот же автор уже в 1876 году, приводя данные по табунному коневодству Ставропольской губернии, при перечислении табунладельцев и численности лошадей Большедербетовского улуса отмечал, что «в ремонт лошади не покупаются» [Бентковский, 1876, с. 18]. Как следствие, основные возможности сбыта лошадей представлялись калмыкам через местные рынки и ярмарки. Средняя стоимость мерина составляла 50 руб., матки от 30 до 60 руб., жеребца от 50 до 90 руб. [Бентковский, 1876, с. 18].

Разведение рогатого скота (рабочий вол, дойная корова, гулевой и мелкий скот) кочевниками служило индикатором степени освоения земледелия. Здесь стоит отметить, что по данному показателю распределение количества рогатого скота по родам улуса было неравномерным. В 1875 году в Большедербетовском улусе из 1389 кибиток число не имеющих рабочих

волов составляло 1094 кибиток, или 78,8 % [Бентковский, 1876, с. 29]. Калмыки Тарачинерова и Абганерова родов в составе 49 кибиток не имели не одной пары рабочих волов. Калмыки Шеретова рода (5 кибиток) и Будулчинерова рода (58 кибиток) имели лишь по одной паре. Икитуктунов род во главе с зайсангом Лапином Опогиновым в составе 74 кибиток содержал 124 пары волов, Багатуктунов род зайсанга Намжинова (199 кибиток) имел 118 пар волов [Бентковский, 1876, с. 30].

Наряду с сокращением у калмыков поголовья скота происходили изменения в повидовом составе стада. Традиционное кочевое животноводство калмыков состояло в разведении лошадей, верблюдов и овец. Как отмечал И. В. Бентковский, «только лошадь даст возможность делать стремительные набеги и дальние переходы, только верблюд давал тогда единственные средства к передвижению необходимых, хоть и несложных тяжестей, только эти животные, вместе взятые, могли обеспечить вполне потребности жизни невзыскательных номадов» [Бентковский, 1868, с. 114]. Данный тип ведения хозяйства постепенно стал терять актуальность, требуя от калмыков приобщения к разведению новых видов животных и пород скота в рамках стационарных жилищ.

Сокращение поголовья скота стало причиной массового обеднения простолюдинов. Сокращение поголовья скота у кочевников было равноценным процессу обезземеливания крестьянина-земледельца. Большая часть населения, в распоряжении которого было небольшое количество скота или его не было вовсе, была вынуждена прибегать к наемной работе в селах и городах Ставропольской губернии. С получением земли в результате размежевания 1871—1873 годов простолюдины смогли сдавать ее в аренду, получая при этом минимальную сумму. По словам А. А. Лебединского, причиной сокращения поголовья скота у калмыков были суровые природные условия: гололедицы, снежные зимы и сильные бури. Эпизоотии также были причиной массового падежа скота. Кроме того, обеднение скотом было вызвано существующим социально-экономическим строем, эксплуатацией калмыков крестьянами-переселенцами [Лебединский, 1925, № 2, с. 121].

3.3. Развитие земледелия у калмыков Большедербетовского улуса

Таким образом, большая часть калмыков-простолюдинов, лишившись своего основного источника пропитания и не имея возможности продолжать разведение скота, устраивались на наемную работу.

Однако в сложившихся обстоятельствах, характеризующихся нуждой в пропитании и поиском новой хозяйственной деятельности, калмыки нашли и другой выход — занятие земледелием. В отчетах Главного пристава кочующих народов, начиная с 1860-х годов, постепенно появляется

информация о посеве и сборе урожаев кочевыми народами. Можно согласиться с точкой зрения А. А. Лебединского, что «не с ветра было навеяно у калмыка желание поселиться оседло, связанное с мыслью о занятии земледелием»; в среде простолюдинов оно было вызвано таким фактором, как массовое обеднение скотом [Лебединский, 1925, № 2, с. 122—123].

В приведенных за 1869 год данных об оседлых поселениях инородцев Ставропольской губернии отмечалось, что из всех кочующих народов губернии калмыки не имели оседлых поселений. Исключением было немногочисленное число зайсангов, которые получили в надел значительные участки казенной земли [Сборник ..., 1869, Отдел II, с. 97]. К числу таких относился Лапин Опогинов, в котором местная российская администрация видела направляющую силу, ведущую калмыцкое общество к оседлости. В 1860-е годы, получив в надел 11 тыс. десятин земли, он «изъявил готовность поселиться вместе со своими однохотонцами» [Ланко, 1868, с. 78].

Заниматься земледелием калмыки стали постепенно, расширяя объемы распаханых земель, увеличивая число земледельческих культур. В 1868 году зайсанг Лапин Опогинов с его аймачными калмыками на отведенных ему землях на урочище Хагин Сала произвели посев ярового хлеба, распахав 20 десятин из 11 100 десятин, выделенных им под оседлость, и сняли урожай: было посеяно 8 четвертей зерна, собрано — 100 четвертей [НАРК, ф. И-21, оп. 1, д. 83, л. 21]. Земли, отведенные под оседлость зайсангу Лапину Опогинову, по всей вероятности, предоставлялись под гарантии посева зерновых. Одновременно с ним предусматривалось перевести на оседлость его калмыков-простолюдинов.

Современник исследуемого периода, бывший главным приставом кочующих народов в губернии, П. Ланко отмечал, что садоводство и огородничество составляли одно из успешнейших и наиболее практических средств в деле приобщения калмыков к оседлой жизни [Ланко, 1868, с. 76]. Также этот автор указывал, что калмыки, видя «действительную пользу для себя от этих нововведений», в 1866 году составили общественный приговор о выделении из их капитала 1500 руб. серебром для разведения общественного сада и огорода. Другой общественный приговор предоставлял 1000 руб. серебром для закупки земледельческого оборудования и найма русских работников, «чтобы последние приспособили бы их научить пахать землю» [Ланко, 1868, с. 78].

Таким образом, при поддержке местной администрации и учрежденного общественного капитала калмыки Большедербетовского улуса активно вовлекались в земледельческую деятельность.

О динамике перехода калмыков к оседлости свидетельствовал рост числа стационарных построек. В 1860 году, согласно отчету, в улусе

имелось 6 домов, 1 хурул, 9 цац (буддийских ступ) и также 6 хурулов, помещавшихся в кибитках [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 40, л. 15—15 об]. В 1881 году в улусе было 69 домов, в основном принадлежавших духовенству и зайсангам. В 1900 году в Большедербетовском улусе насчитывалось 5 культовых сооружений (церкви и хурулы), 11 деревянных домов, 955 домов из земляного кирпича, 5 мельниц и 1539 других различных помещений. Итого в улусе числилось 2510 построек [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 165, л. 19—20]. Такое многократное увеличение построек свидетельствовало об интенсивности данного процесса, особенно ускорившегося с 1880—1900 годов.

Возрастающая роль земледелия в степях Большедербетовского улуса подтверждается сведениями об увеличившихся объемах посевов и сборов урожая и о разнообразии возделываемых сельскохозяйственных культур в 1880—1900-х годах (табл. 2).

Таблица 2

Объемы посевов и сборов урожая в 1881 и 1904 годах (составлено по источнику: Обзор Ставропольской губернии за 1881, ведомость о посеве и урожае хлебов [НА РК, ф. И-21, оп. 1, д. 188, л. 16—17])

	1881 г.	1904 г.
ПОСЕЯНО ЧЕТВЕРЕЙ		
Озимая пшеница	184	22836
Рожь	—	1141
Яровая пшеница	8	11172
Овес	6	3763
Ячмень	—	3212
Просо	2	961
Горчица	—	254
Лен	25	172
СОБРАНО ЧЕТВЕРТЕЙ		
Озимая пшеница	1761	87049
Рожь	—	4009
Яровая пшеница	54	46648
Овес	31	14775
Ячмень	—	21657
Просо	25	2057
Горчица	—	508
Лен	180	182

Такие большие объемы посевов и сборов урожая в 1904 году были связаны с тем, что в статистику, помимо калмыцкого хозяйства, также включались хозяйства крестьян-поселенцев и арендаторов. Вышеуказанные цифры также свидетельствуют о значительных земельных угодьях, отданных под посевы.

С момента размежевания земель Большедеребетовского улуса в начале 1870-х годов на законных основаниях крестьяне могли получать в аренду земли улуса. Начиная с этого периода фиксируется неуклонный рост поголовья скота и посевных площадей у поселившихся в степях арендаторов. Например, крестьянами в 1878 году было посеяно 95 четвертей и собрана 331 четверть озимой пшеницы [Лебединский, 1925, № 3, с. 53]. Соответственно, в 1890 году (неурожайный год для губернии) это соотношение было следующим — 2067 и 1238. Площадь обработки земли арендаторами в 1890 году составила 8608 дес. земли, калмыками — 2453 дес. [Там же, с. 57].

Таким образом, крестьяне, став основными арендаторами калмыцких земель, смогли многократно увеличить свои земельные наделы, на которых выращивали хлеб и содержали скот. Объемы посевов, произведенных калмыками, уступали таковым у арендаторов по причине отсутствия навыков и технических инструментов. В 1890-е годы в Багабуруловом роде калмыками было засеяно 696 дес., а русскими крестьянами 2553 дес., калмыками под озимые хлеба было засеяно 216 дес., под яровые — 480 дес., арендаторами под озимые — 990 дес., под яровые — 696 дес. Рост посевных площадей крестьянских хозяйств обуславливался также низкими арендными ценами, которые варьировались от 30 коп. до 2 руб. 50 коп. [Лебединский, 1925, № 3, с. 62].

Таким образом, возможность за низкую плату арендовать калмыцкие земли позволила крестьянам активно осваивать степные просторы Большедеребетовского улуса. Наличие сельскохозяйственной техники, большой опыт разведения зерновых культуры дали им огромное преимущество по сравнению с калмыками. С другой стороны, последние, стесненные в своих владениях, лишаясь поголовья, слабо адаптировались к новым условиям, это требовало времени. Отсутствие навыков земледелия, которое не компенсировалось даже близким соседством с крестьянами, делало малоэффективным распашку земель и посев хлебов. Это было причиной того, что большая часть калмыцких простолудинов передавала свои земли в аренду, по большей части на невыгодных условиях. Лишь богатый калмык или крепкий середняк мог позволить себе выгодный посев и сбор урожая.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, представленный обзор экономического положения калмыков позволяет судить о том, что на протяжении второй половины

XIX века происходила постепенная пауперизация кочевого населения, вызванная изменениями их традиционного уклада жизни, сокращением территориального пространства для скотоводства — важнейшей хозяйственной отрасли кочевников. Постепенно основная масса кочевников-простолюдинов переходила в разряд сельскохозяйственного пролетариата и стала источником дешевой рабочей силы в регионе.

Расширение общероссийского рынка и включение в него региона степного Предкавказья, формирование торговой буржуазии, освоение крестьянами степных территорий, активная политика царского правительства в отношении кочевников по переходу их к оседлости определили структурные изменения хозяйственного и общественного уклада жизни кочевников.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — *Государственный архив* Ставропольского края. Ф. 249. (Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии). Ф. 249. Оп. 2. Д. 86. Л. 128 ; Ф. 249. Оп. 2. Д. 40. Л. 15—15 об.
2. НА РК — *Национальный архив* Республики Калмыкия. Ф. И-21. (Большедербетовское улусное управление). Ф. И-21. Оп. 1. Д. 74. Л. 12 ; Ф. И-21. Д. 83. Л. 21, 24 ; Ф. И-21. Д. 165. Л. 19—20 ; Ф. И-21. Д. 188. Л. 16—17, 18—19 ; Ф. И-21. Д. 282. Л. 217—219.

Литература

1. *Бадмаева Е. Н.* Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX — первой половине XX вв. / Е. Н. Бадмаева // *Былые годы.* — 2016. — № 4. — С. 1173—1181.
2. *Бентковский И. В.* Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? / И. В. Бентковский // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / под. ред. Н. Н. Черномырдина. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1., Отдел 1. — С. 105—112.
3. *Бентковский И. В.* Одна из причин задерживающих развитие коннозаводства в Большедербетовском улусе / И. В. Бентковский // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / под. ред. Н. Н. Черномырдина. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1., Отдел 1. — С. 113—122.
4. *Бентковский И. В.* Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году / И. В. Бентковский // *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / под. ред. И. В. Бентковского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1876. — Выпуск 7, Отдел 1. — С. 1—42.
5. *Бентковский И. В.* Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии / И. В. Бентковский. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1879. — 62 с.

6. Бурчинова Л. С. Источники и литература об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма в России (вторая половина XIX в.) / Л. С. Бурчинова. — Элиста : КНИИЯЛИ, 1971. — 47 с.
7. Воробьев Ф. И. Очерк Большедербетовского улуса. Природа и хозяйство на свободных калмыцких землях / Ф. И. Воробьев. — Ставрополь-Кавказский : Типо-Литография Т. М. Тимофеева, 1909. — 60 с.
8. Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года / Я. П. Дуброва. — Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1898. — 239 с.
9. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. — Элиста : ГУ «Издательский дом Герел», 2009. — Т. 1. — 751 с.
10. Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века : исторический опыт и современность / А. Н. Команджаев. — Элиста : АПП «Джангар», 1999. — 262 с.
11. Ланко П. З. Отрывки из записок о калмыках Большедербетовского улуса / П. З. Ланко // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н. Н. Черныярского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1868. — Выпуск 1., Отдел 1. — С. 73—81.
12. Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века : социально-экономический очерк / А. А. Лебединский // Калмыцкая область. — 1925. — № 2. — С. 99—123.
13. Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века : социально-экономический очерк / А. А. Лебединский // Калмыцкая область. — 1925. — № 3. — С. 52—69.
14. Лиджиева И. В. Торги по продаже права аренды земельных участков в Большедербетовском улусе : практические особенности / И. В. Лиджиева // Magna Adsurgit : Historia Studiorum. — 2017. — № 2. — С. 14—21.
15. Львовский Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии : монография — 2-е изд. / Н. В. Львовский. — Элиста : КалмНЦ РАН, 2022. — 156 с. — ISBN 978-5-906881-93-9.
16. Нахаева И. В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / И. В. Нахаева. — Ставрополь, 2000. — 299 с.
17. Обзор Ставропольской губернии за 1881. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1882. — 69 с.
18. Обзор Ставропольской губернии за 1893. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1894. — 46 с.
19. Обзор Ставропольской губернии за 1900. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1901. — 39 с.
20. Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь / Н. Н. Пальмов // Калмыцкая область. — 1925. — № 2. — С. 124—145.
21. Пальмов Н. Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь / Н. Н. Пальмов // Калмыцкая область. — 1925. — № 3. — С. 70—108.
22. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под ред. Н. Н. Черныярского. — Ставрополь : Тип. Губернского правления, 1869. — Выпуск 2., Отдел 2. — С. 97—108.

23. Ташнинов Н. Ш. Большедербетовский улус в конце XVIII — начале XX вв. / Н. Ш. Ташнинов // Этнографический вестник. — Элиста : КНИИЯЛИ, 1973. — Выпуск 3. — С. 144—172.

24. Фарфоровский С. В. Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии / С. В. Фарфоровский. — Ставрополь : [Б. и.], 1908. — 42 с.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023,
одобрена после рецензирования 22.10.2023,
подготовлена к публикации 26.10.2023.

Material resources

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory*. F. 249. (*Office of the chief bailiff of the nomadic peoples of the Stavropol province*). F. 249. Op. 2. d. 86. L. 128; F. 249. Op. 2. D. 40. L. 15—15 vol. (In Russ.).

ON RK — *National Archive of the Republic of Kalmykia*. F. I-21. (*Bolshederbetovsky ulus management*). F. I-21. Op. 1. D. 74. L. 12; F. I-21. D. 83. L. 21, 24; F. I-21. D. 165. L. 19—20; F. I-21. D. 188. L. 16—17, 18—19; F. I-21. D. 282. L. 217—219. (In Russ.).

References

Badmaeva, E. N. (2016). Peasants-migrants from small—land regions of Russia in Kalmykia in the XIX — first half of the XX centuries. *Bygone years*, 4: 1173—1181. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1876). Materials for statistics of the economic state of the Stavropol province in 1875. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 7 (1). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 1—42. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1868). One of the reasons delaying the development of horse breeding in Bolshederbetovsky ulus. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 1 (1). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 113—122. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1879). *Review of horse breeding in the North Caucasus in its former and current state*. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial Government. 62 p. (In Russ.).

Bentkovsky, I. V. (1868). Do the waters and steppes of Bolshederbetovsky ulus correspond to the conditions of colonization of the Kalmyks? In: *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 1 (1). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 105—112. (In Russ.).

Burchinova, L. S. (1971). *Sources and literature on the economic development of Kalmykia during the period of the establishment of capitalism in Russia (the second half of the XIX century)*. Elista: KNIYALI. 47 p. (In Russ.).

Collection of statistical information about the Stavropol province, 2 (2). (1869). Stavropol: Type. of the Provincial Government. 97—108. (In Russ.).

Dubrova, Ya. P. (1898). *The life of the Kalmyks of the Stavropol province before the publication of the law of 1892*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University. 239 p. (In Russ.).

Farforovsky, S. V. (1908). *Semi-nomadic peoples of the North Caucasus (experience of historical and cultural monograph)*. *Kalmyks of Stavropol province*. Stavropol: [b. i.]. 42 p. (In Russ.).

- Komandzhaev, A. N. (1999). *Economy and social relations in Kalmykia at the end of the XIX — beginning of the XX century: historical experience and modernity*. Elista: APP “Dzhangar”. 262 p. (In Russ.).
- Lanko, P. Z. (1868). Excerpts from notes on the Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus. In: *Collection of statistical information about the Stavropol province, 1 (1)*. Stavropol: Type. of the Provincial Government. 73—81. (In Russ.).
- Lebedinsky, A. A. (1925). Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the XIX century: socio-economic essay. *Kalmyk region*, 2: 99—123. (In Russ.).
- Lebedinsky, A. A. (1925). Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the XIX century: socio-economic essay. *Kalmyk region*, 3: 52—69. (In Russ.).
- Lidzhieva, I. V. (2017). Auctions for the sale of the right to lease land plots in Bolshederbetovskiy ulus: practical features. *Magna Adurgit: Historia Studiorum*, 2: 14—21. (In Russ.).
- Lvovsky, N. V. (2022). *Kalmyks of Bolshederbetovskiy ulus of Stavropol province: monograph — 2nd ed.* Elista: KalmSC RAS. 156 p. ISBN 978-5-906881-93-9. (In Russ.).
- Nakhaeva, I. V. (2000). *Social stratification among nomadic peoples of the steppe Pre—Caucasus in the XIX — early XX century*. PhD Diss. Stavropol. 299 p. (In Russ.).
- Palmov, N. N. (1925). Settlement of Kalmyks and Russian immigration to the Kalmyk steppe. *Kalmyk region*, 2: 124—145. (In Russ.).
- Palmov, N. N. (1925). Settlement of the Kalmyks and Russian immigration to the Kalmyk steppe. *Kalmyk region*, 3: 70—108. (In Russ.).
- Review of Stavropol province for 1893*. (1894). Stavropol: Printing house of Stavropol Provincial Government. 46 p. (In Russ.).
- Review of Stavropol province for 1900*. (1901). Stavropol: Printing house of Stavropol Provincial Government. 39 p. (In Russ.).
- Review of the Stavropol province for 1881*. (1882). Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 69 p. (In Russ.).
- Tashninov, N. S. (1973). Bolshederbetovskiy ulus at the end of the XVIII — early XX centuries. In: *Ethnographic Bulletin*, 3. Elista: KNIYALI. 144—172. (In Russ.).
- The history of Kalmykia from ancient times to the present day: in 3 volumes, 1*. (2009). Elista: GU “Publishing House Gerel”. 751 p. (In Russ.).
- Vorobyov, F. I. (1909). *An essay of Bolshederbetovskiy ulus. Nature and economy on the free Kalmyk lands*. Stavropol-Kavkazsky: Typo-Lithography by T. M. Timofeev. 60 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.09.2023;
approved after reviewing 22.10.2023;
accepted for publication 26.10.2023.*

Информация для цитирования:

Сулейманов А. А. Якутские комплексные экспедиции Академии наук СССР и исследование арктических районов Якутии в 1950-е годы / А. А. Сулейманов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 472—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-472-490.

Suleymanov, A. A. (2023). Yakutsk Complex Expeditions of USSR Academy of Sciences and Study of Arctic Regions in Yakutia in 1950s. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 472-490. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-472-490. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-472-490

Якутские комплексные экспедиции Академии наук СССР и исследование арктических районов Якутии в 1950-е годы

Сулейманов Александр Альбертович
orcid.org/0000-0001-8746-258X
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра арктических исследований
alexas1306@gmail.com

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов
Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Автор выражает благодарность
ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН
за возможность проведения
исследований на научном оборудовании
Центра № 13 ЦКП.21.0016

Yakutsk Complex Expeditions of USSR Academy of Sciences and Study of Arctic Regions in Yakutia in 1950s

Alexander A. Suleymanov
orcid.org/0000-0001-8746-258X
PhD in History, senior research scientist,
Arctic Research Center
alexas1306@gmail.com

The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch of the Russian
Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The author expresses gratitude
to the Center for Shared Use
of the Federal Research Center
“Yakut Scientific Center
of the Siberian Branch of the RAS”
for the opportunity to conduct
research using the scientific equipment
at Center No. 13 CKP.21.0016

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью статьи является реконструкция истории научного изучения арктических районов Якутии в рамках двух крупных исследовательских инициатив, проводившихся в регионе в течение 1950—1958 годов: Якутской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил и Якутской комплексной экспедиции Якутского филиала Академии наук СССР. Исследование опирается, главным образом, на анализ комплекса выявленного автором документального материала из фондов архивов Москвы и Якутска, а также на сведения, почерпнутые из научной литературы, имеющей отношение к рассматриваемой проблематике. Проведенная работа позволила установить персональный состав отрядов экспедиций, принимавших участие в научном познании арктических районов Якутии, географию осуществленных изысканий, их основные направления и результаты, а также определить ключевые особенности. Отмечено, что работы в рамках Якутской комплексной экспедиции 1950—1955 годов в Арктике носили в большей степени аналитический характер и базировались на материалах, собранных в предыдущие периоды. Исследования участников Якутской комплексной экспедиции 1956—1958 годов были посвящены аккумулярованию оригинального полевого материала. Изыскания в рамках данной экспедиции при этом, как установлено, проводились исключительно в интересах создания алмазодобывающей промышленности.

Ключевые слова:

Арктика; Якутия; Академия наук СССР; экспедиционная деятельность; промышленное развитие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of the article is to reconstruct the history of scientific research in the Arctic regions of Yakutia within the framework of two major research initiatives conducted in the region from 1950 to 1958: the Yakutsk Complex Expedition of the Council for the Study of Productive Forces and the Yakutsk Complex Expedition of the Yakut Branch of the USSR Academy of Sciences. The study is primarily based on the analysis of documentary material collected by the author from Moscow and Yakutsk archives, as well as information gleaned from scientific literature related to the subject matter. The work allowed for the identification of the personnel involved in the expeditions, the geography of the conducted research, their main directions and results, as well as the key features. It is noted that the work carried out within the Yakutsk Complex Expedition from 1950 to 1955 in the Arctic region was primarily analytical in nature and based on materials collected in previous periods. The research conducted by participants of the Yakutsk Complex Expedition from 1956 to 1958 focused on accumulating original field material. It was established that the research within this expedition was solely carried out in the interests of diamond mining industry development.

Key words:

Arctic; Yakutia; USSR Academy of Sciences; expedition activities; industrial development.

Якутские комплексные экспедиции Академии наук СССР и исследование арктических районов Якутии в 1950-е годы

© Сулейманов А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В Российской Арктике в настоящее время производится порядка 15—20 % ВВП страны. Здесь добываются газ, нефть, алмазы, никель и другие полезные ископаемые. При этом значительная часть месторождений этих природных ресурсов, вероятно, остается еще не разведанной. Через арктические акватории и порты пролегает один из перспективных транспортных коридоров, значение которого для России усиливается в связи с глобальными климатическими трансформациями и санкционным давлением, — Северный морской путь. Очевидно, что эффективное развитие региона является важной составляющей успешного будущего нашей страны.

Одной из актуальных задач, стоящих в связи с этим перед российским научным сообществом, является интеллектуальное обеспечение развития ареала, в том числе на основе учета уникального многовекового отечественного опыта, накопленного при освоении северных пространств. Одной из интересных страниц данного опыта, содержащего в себе не только примеры выбора грамотных подходов и амбициозных действий, но и, как кажется, некоторое число ошибочных решений, является советская эпоха, характеризовавшаяся рывком в Арктику, бурным индустриальным развитием северных территорий. В Якутии фундаментальные основы для этого рывка были заложены в 1950—1960-е годы. Тогда же фактически оказалась сформулирована и та модель, в рамках которой происходило освоение и развитие Якутии вплоть до конца советского периода отечественной истории. В свою очередь, одной из интересных страниц указанного периода является организация и реализация крупных академических инициатив — Якутских комплексных экспедиций 1950—1955 и 1956—1958 годов.

Актуальность разработки темы обусловлена также сложившейся историографической ситуацией. В настоящее время отдельные ее сюжеты представлены только в монографическом исследовании автора данной статьи, посвященном истории проведения в арктических районах Якутии в течение 1950—1980-х годов изысканий социогуманитарной направленности [Сулейманов, 2021, с. 23—26], а также в статье Ю. Н. Ермолаевой «Из истории трех якутских академических экспедиций», где были емко

охарактеризованы основные направления и итоги Якутских комплексных экспедиций 1950—1955 и 1956—1958 годов. При этом Ю. Н. Ермолаева локализовала первую из названных экспедиций в южной Якутии, вторую — в западной [Ермолаева, 2016]. Подобные выводы не случайны, так как действительно основной фокус исследований в рамках данных академических инициатив был сосредоточен в этих пределах. Вместе с тем, как будет показано далее, определенная часть работ была посвящена и арктическим районам Якутии.

Учитывая все отмеченное, целевой установкой данной статьи является реконструкция истории проведения академических Якутских комплексных экспедиций 1950—1955 и 1956—1958 годов в той части, где они были направлены на научное изучение арктических районов Якутии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для достижения заявленной цели привлечен спектр источникового материала, представленного прежде всего документами из фондов Архива Российской академии наук (РАН), Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, Национального архива Республики Саха (Якутия), Российского государственного архива экономики, а также сведениями из имеющей отношение к рассматриваемой проблематике научной литературы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Якутская комплексная экспедиция СОПС АН СССР 1950—1955 годов

Предваряя анализ заявленной проблематики, необходимо отметить, что в Якутии к рассматриваемому периоду уже проводилась комплексная академическая экспедиция. В течение 1925—1930 годов в регионе работали отряды ставшей крупнейшей для своего времени Якутской комплексной экспедиции Академии наук (АН) СССР. В ее организации принимали участие 16 академиков и 9 членов-корреспондентов АН СССР [Ермолаева, 2001, с. 35—51]. Ученые тогда осуществили изыскания в различных уголках Якутии, значительное внимание уделив арктическим районам. При этом исследовательские работы носили действительно комплексный характер: участники экспедиции рассмотрели широкий круг вопросов — от состояния здоровья и медицинского обслуживания местного населения, его традиционной культуры до описания почв, выяснения судоходности рек региона и поисков месторождений полезных ископаемых [Виттербург, 2008; Ширина, 2016].

В 1930—1940-е годы в силу ряда обстоятельств каких-либо значительных по масштабам комплексных академических экспедиций в Якутии, не-

смотря на неоднократные попытки их инициировать, а также серьезный интерес научного сообщества к обоснованию возможности создания металлургической промышленности в бассейне Алдана, не проводилось [Судейманов, 2018].

В конце 1948 года руководство Якутской научно-исследовательской базы (ЯНИИБ) АН СССР обратилось в Президиум Академии наук СССР с просьбой об организации на территории Якутии новой комплексной экспедиции. Одновременно аналогичное представление в вышестоящие органы было направлено Якутским областным комитетом КПСС. 16 июля 1949 году в свет вышло распоряжение Совета Министров СССР, в котором Академии наук СССР поручалось рассмотреть вопрос об организации с 1950 года «комплексной экспедиции по всестороннему изучению производительных сил Якутской АССР» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 4, д. 374, л. 4]. Деятельность Якутской комплексной экспедиции Совета по изучению производительных сил (ЯКЭ СОПС) АН СССР в соответствии с решением Президиума Академии наук СССР началась 28 февраля 1950 года [Ермолаева, 2016, с. 8].

При создании перед экспедицией ставились следующие задачи: проведение геологических исследований, изучение минерально-сырьевых ресурсов, природно-климатических условий и экономики с целью выявления перспектив развития металлургической промышленности в Якутии; анализ нефтегазового потенциала; формулирование оптимальных направлений и характера дальнейших геологоразведочных работ на малоизученных территориях региона; определение путей развития сельского и лесного хозяйства, рыбного и охотничьего промыслов; экономическое обоснование комплексного развития районов, примыкающих к намечаемым транспортным магистралям [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 9]. Все это должно было позволить разработать по результатам изысканий перспективную схему экономического развития Якутии [АРАН, ф. 174, оп. 28, д. 6, д. 66—67]. Общее руководство ЯКЭ СОПС АН СССР осуществляли академики И. П. Бардин, В. С. Немчинов, Д. С. Коржинский и В. А. Обручев [Ермолаева, 2016, с. 8].

В 1950 году в соответствии с решением Бюро Президиума СОПС АН СССР в рамках Якутской комплексной экспедиции должны были работать 18 отрядов, из которых 3: северный пушно-промысловый, северный рыбопромысловый, северный географический — в арктических районах Якутии [РГАЭ, ф. 399, оп. 1, д. 1361, л. 43—45].

На настоящий момент, к сожалению, не удалось найти сведений о судьбе рыбопромыслового отряда. Два остальных отряда, пусть и под несколько другими названиями, действительно были созданы. Однако, на-

пример, пушно-промысловый отряд, ставший «Янско-Индигирским», по факту из-за требований Управления по делам охотничьего хозяйства при Совете министров Якутской АССР был вынужден проводить в 1950 году исследования не в арктическом Саккырырском районе, как это намечалось изначально, а в расположенном в бассейне Алдана Томпонском районе.

Исследования проходили в течение сентября — декабря 1950 года под руководством Н. И. Ча (директор Якутского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла) с помощью набранных на месте охоторганизатора РайПО П. П. Варламова (охоттехник экспедиции), инструктора РК ВКП(б), В. А. Нестерова (коллектор), а также В. Турантаева (проводник). Изыскания были посвящены изучению мест обитания черношапочного тарбагана и горного барана [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2186, л. 1—19].

В итоге работы в рамках ЯКЭ СОПС АН СССР относительно арктических районов Якутии предполагали не проведение самостоятельных полевых исследований, а аналитический обзор аккумулированных к тому времени материалов по затрагивающей интересы экспедиции проблематике. Так, руководитель лесного отряда ЯКЭ СОПС АН СССР к.с.-х.н. Л. К. Поздняков (Институт леса АН СССР) в течение 1950—1951 годов подготовил на основе результатов исследований, проведенных им в 1940—1947 годах в Верхоянском районе, научный отчет о состоянии леса и лесного хозяйства в бассейне среднего течения Яны. Исследователь охарактеризовал физико-географические условия района, их влияние на лесную растительность, рассмотрел взаимосвязь леса и микроклимата, леса и почвы и т. д. В работе была представлена подробная характеристика единственной лесообразующей породы бассейна Яны — даурской лиственницы. Л. К. Поздняков составил описание важнейших типов леса и их значения для лесного хозяйства. Впервые для Якутии ученый привел опытные таблицы хода роста древостоев даурской лиственницы. Кроме того, он рассмотрел проблемы лесных пожаров, условия возобновления гарей, водоохранные и защитные функции лесов. На этой основе автор выработал рекомендации для обеспечения возобновления лесов и очистки лесосек [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2203, л. 2—369].

Параллельно ученый секретарь ЯКЭ СОПС АН СССР Н. В. Дмитриев составил научный отчет Усть-Ленского географического отряда экспедиции за 1950—1951 годы «Дельта р. Лены и ее отображение на карте масштаба 1:100000». В отчете были обобщены аккумулированные на тот момент научным сообществом данные, касающиеся поиска решений транспортной проблемы морского выхода из Лены. В связи с этим Н. В. Дмитриев отмечал важность исследуемого района: «Здесь, в срединной части

великой арктической трассы Северного морского пути, почти в равном удалении от Мурманска и от портов Камчатки, расположен важнейший перевалочный, распределительный порт Советской Арктики — Тикси; именно здесь стык западного и восточного отрезков морской трассы, преимущественное место встречи караванов морских судов...». При этом вплоть до 1941 года «дельта в целом не была положена на карту сколько-нибудь удовлетворительной точности», за исключением Быковской и Оленекской протоки [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2242, л. 3—4].

В работе была представлена сжатая физико-географическая характеристика дельты Лены, включая данные по климату, «вечной мерзлоте», сведения об островах и протоках, их динамике, об особенностях рельефа, растительности, о встречающихся типах ландшафта, их происхождении и развитии, а также материалы по населению, быту и экономике ареала [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2242, л. 7—61]. В основу составления карты дельты легли материалы масштабных аэрофотосъемочных и картографических работ, проводившихся в 1939 году Главным управлением геодезии и картографии при СНК СССР, а также дополнительных летно-съемочных изысканий на неохваченном участке в нижнем течении Лены, осуществленных в 1941 году Ленской полярной экспедицией. Сама карта в масштабе 1:100000 была составлена с помощью применения стереофотограмметрического метода [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2242, л. 6—9].

В 1955 году И. А. Фельдман (Главсевморпуть, Ленгипроарктикпроект) подготовил для ЯКЭ СОПС АН СССР отчет «Современный и перспективный грузооборот по рекам Северо-Востока СССР и Северному морскому пути». В работе был осуществлен анализ текущего состояния и потенциала снабжения Якутии по крупнейшим северным рекам через арктические моря. В связи с этим автор представил сведения о грузообороте водного транспорта в регионе, показал трансформации, произошедшие в данном отношении после ввода в эксплуатацию железной дороги до станции Тайшет в Иркутской области, что привело к существенному снижению значения Севморпути. Одновременно с этим И. А. Фельдман проследил динамику морского завоза и вывоза грузов в населенные пункты, расположенные в бассейнах рек Яны, Индигирки и Колымы. Кроме того, автор отчета подготовил среднесрочный прогноз, касающийся определения потребностей северо-восточных территорий страны в товарах народного потребления, сырьевых ресурсах и стройматериалах, объемов пассажироперевозок по рекам, включая расчет себестоимости перевозок, количества и типов требующихся для их осуществления транспортных средств [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2650, л. 3—50].

В 1955 году развернутую экономико-географическую характеристику арктических и северных районов Якутии осуществил Г. И. Граник (СОПС

АН СССР). Ученый на основе изучения статистических данных и материалов проектных организаций Арктикпроект и Гипроарктикпроект определил основные виды деятельности населения названных районов, привел данные по важнейшим производственным показателям местных хозяйств и предприятий, оценочные сведения по запасам разведанных месторождений полезных ископаемых. В отчете были представлены также материалы, характеризующие существующие грузооборот и логистику. В данном контексте Г. И. Граник предложил комплекс мер, необходимых для их развития [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2634, л. 1—169].

В том же 1955 году по запросу ЯКЭ СОПС АН СССР аналитический отчет о состоянии и перспективах добычи олова в бассейне Яны подготовил к.г.н. Н. А. Утенков (СОПС АН СССР). Ученый определил текущие масштабы добычи этого полезного ископаемого, основные проблемные моменты в данном процессе (неэффективное управление Далыстром, логистические проблемы, дороговизна электроэнергии, рост импорта олова из КНР, закрытый статус территорий добычи и невозможность проведения изысканий специалистами АН СССР), а также пути исправления сложившейся ситуации (переподчинение, реорганизация системы администрирования, развитие инфраструктуры и интеллектуальное сопровождение со стороны академических учреждений) [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 1084, л. 1—5].

1955 год стал последним в работе Якутской комплексной экспедиции СОПС АН СССР. К этому времени в изысканиях приняли участие представители 16 научно-исследовательских учреждений из системы Академии наук СССР: Якутского филиала (ЯФ АН СССР, создан в 1949 году на основе ЯНИИБ АН СССР); институтов Геологических наук, Географии, Горючих ископаемых, Леса, Металлургии, Мерзлотоведения, Нефти, Почвенного, Химии, Экономики, Энергетического; Уральского филиала АН СССР; лаборатории Геологии докембрия и Геологии угля; Геологического музея им. А. П. Карпинского. Изыскания выполнялись в тесном контакте с неакадемическими исследовательскими структурами и производственными учреждениями: Якутским геологическим управлением, Амакинской геологической экспедиций, Ленинградском горным институтом и др. Ключевой географической локализацией изысканий участников ЯКЭ СОПС АН СССР при этом стал бассейн Алдана. К примеру, в 1952 году в составе экспедиции проводили изыскания 36 отрядов, 16 из них — в Алданском горнопромышленном районе. Основным итогом ЯКЭ СОПС АН СССР стало выявление в южной Якутии крупных месторождений железных руд, а главное — коксующихся углей [НА РС(Я), ф. Р-52, оп. 34, д. 118, л. 1—150]. Именно вокруг последних в советский период сформировался Южно-Якутский территориально-производственный комплекс с центром

в г. Нерюнгри, ставшим со временем вторым по численности жителей населенным пунктом региона [Ноговицын, 2010, с. 24].

В данном отношении примечательно, что в итоговом отчете ЯКЭ СОПС АН СССР, в котором рассматривались основные результаты исследований, фигурировали южные, центральные и западные географические группы районов Якутии, а арктические не были представлены [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 2655, л. 1—163].

Следует отметить, что подобное положение дел стало причиной недовольства региональных властей. В частности, в письме секретаря Якутского обкома КПСС С. 3. Борисова Президенту АН СССР академику А. Н. Несмеянову, отправленном в августе 1955 года, отмечалась «острая необходимость в наиболее полном осуществлении» Президиумом Академии наук СССР постановления Совета Министров СССР от 28 июня 1951 года № 2716-1302. В данном документе шла речь о необходимости «объединения всех научно-исследовательских работ, проводимых в Якутской АССР учреждениями Академии наук в Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР». В письме отмечалось, что ЯКЭ СОПС АН СССР «не в полной мере решала поставленную задачу», так как ее исследования были сосредоточены в центральной и южной Якутии. По этой причине изысканиями не был охвачен «весь комплекс жизненно важных для республики научных исследований в других ее районах, в особенности Севера и Северо-Востока ЯАССР» [РГАЭ, ф. 399, оп. 1, д. 1556, л. 1—2].

3.2. Якутская комплексная экспедиция ЯФ АН СССР 1956—1958 годов

Исправлению ситуации, несмотря на то, что работа новой академической Якутской комплексной экспедиции началась уже в 1956 году, данное обращение, однако, способствовало мало.

Как отмечалось, в рамках ЯКЭ СОПС АН СССР определенное внимание исследователи уделили работам в западной Якутии, где в 1954 году была найдена первая в Советском Союзе кимберлитовая трубка — «Зарница». Понимание масштабов открытия поставило на повестку вопрос о целесообразности многостороннего научного изучения как вопросов, связанных с непосредственным становлением алмазодобычи, так и спектра проблем, решение которых могло способствовать формированию в регионе нового промышленного кластера, включая, например, развитие сельского хозяйства в целях обеспечения потребностей привлекаемых для индустриального освоения специалистов и членов их семей, а также в более широком отношении — повышению качества жизни местного населения.

Президиум АН СССР принял решение не прекращать комплексную экспедиционную деятельность в Якутии и организовать с 1956 года оче-

редные междисциплинарные изыскания. При этом руководство экспедицией поручалось уже Якутскому филиалу АН СССР. Начальником ЯКЭ ЯФ АН СССР был назначен д.г.-м.н. Л. Н. Леонтьев (СОПС АН СССР). Наряду с Якутским филиалом деятельное участие в организации экспедиции принимали Геологический музей им. А. П. Карпинского, Институт горного дела и Институт леса АН СССР. В 1956 году в рамках экспедиции работало 24 отряда, в 1957 году — 25, в 1958 году — 31 [Ермолаева, 2016, с. 10]. Часть из этих отрядов, как будет показано далее, осуществляли изыскания в арктических районах Якутии.

Летом 1956 года в рамках Якутской комплексной экспедиции ЯФ АН СССР в Жиганском районе проводили исследования участники литологического отряда Лаборатории геологии угля АН СССР (г. Ленинград). В состав отряда входили сотрудники этой лаборатории: Г. П. Дубарь (начальник отряда), Н. В. Иванов (геолог), Г. Л. Сцепинская (углехимик) и Н. Г. Ким (ст. коллектор). Целью изысканий являлось изучение стратиграфии и литологии угленосных отложений, а также особенностей угленакопления в пределах Жиганского бурогольного месторождения.

Для достижения указанной целевой установки исследователи в течение полутора месяцев занимались детальным описанием керна скважин, пробуренных в Жиганском районе в 1954—1955 годах, а также изучением разреза в естественных обнажениях по р. Лене. Из керна девяти скважин и из обнажений были отобраны образцы угля для углпетрографических исследований, химического анализа, анализа на редкие элементы, пробы околоугольных пород из угольных пластов на спорово-пыльцевой анализ, а также образцы вмещающих пород для минералогического и петрографического изучения [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 41, л. 6—7].

Проведенные участниками отряда полевые изыскания и последующая камеральная обработка полученных материалов позволили составить непрерывный стратиграфический разрез мезозойских отложений, включая угленосные. Исследователи определили особенности генезиса угленосного комплекса Жиганского района и на этой основе подготовили оценку перспектив угленосности изученного ареала [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 41, л. 21—90]. Кроме того, был установлен химический состав и свойства, количественное содержание рассеянного органического вещества в породах каменного угля [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 60, л. 4—18].

В 1956 году на совещании представителей Якутской комплексной экспедиции ЯФ АН СССР, Восточной геофизической экспедиции и Амакинской экспедиции Министерства геологии и охраны недр СССР было принято решение о проведении изысканий по геолого-петрографическому изучению центральной части Анабарского щита — куполообразного

выступа древнего фундамента Сибирской платформы, расположенного на севере Среднесибирского плоскогорья и примыкающего с севера к обнаруженным залежам алмазов.

Восточная геофизическая экспедиция отвечала за осуществление аэромагнитной и аэронавигационной съемки. Для выполнения наземной части исследований в составе ЯКЭ под общим научным руководством Л. Н. Леонтьева было организовано два отряда: Западный и Восточный [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 42, л. 3—5].

В состав Западного отряда входили: начальник, аспирант Ленинградского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (ЛГПИ) Ю. К. Митюнин, геолог, м.н.с. ЯФ АН СССР В. В. Закруткин, ст. коллектор, студент геологического факультета Молотовского государственного университета им. А. М. Горького (г. Молотов / Пермь) Е. Ф. Зайков и коллектор-геофизик, студент того же факультета В. К. Ленских. Задачей участников отряда являлось составление разреза в центральной и юго-восточной частях Анабарского щита по р. Большая Куонамка от устья р. Далдын до устья р. Хатырык в масштабе 1:100000 [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 67, л. 1—3].

18 июля 1956 года В. В. Закруткин и Е. Ф. Зайков отправились с задачей проведения попутных геологических наблюдений в сопровождении двух оленеводов, имена которых, к сожалению, не упомянуты в отчете, на 30 оленях со снаряжением, полученным на базе ЯКЭ в Нюрбе, по маршруту: п. Оленек — р. Кеняда — устье р. Далдын. Начальник отряда Ю. К. Митюнин и коллектор-геофизик В. К. Ленских с оставшейся частью снаряжения 1 августа были переброшены на самолете ПО-2 в устье р. Далдын. Далее исследователи действовали следующим образом: Ю. К. Митюнин проводил геологические изыскания по правому берегу Большой Куонамки, В. В. Закруткин — по левому. Ю. К. Митюнин совместно с Е. Ф. Зайковым при этом одновременно выполнял шлиховое опробование отложений (систематическая промывка проб рыхлых отложений для поиска коренных и россыпных полезных ископаемых). В. В. Ленских осуществлял отбор образцов пород с определением на месте их плотности. Полевые работы были завершены 1 сентября, 12 сентября участники отряда прибыли в Оленек, а через 5 дней — в Нюрбу [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 67, л. 1—2].

Из-за истощенности оленей и невозможности пройти исследуемые реки на лодках изысканиями была охвачена сравнительно узкая полоса в 5—7 км вдоль Большой Куонамки. При этом протяженность выполненных участками отряда геологических маршрутов составила 350 км. В ходе полевых работ исследователи отобрали 350 образцов горных пород, произвели 22 мономинеральные пробы, получили 80 шлихов [Архив ЯНЦ СО

РАН, ф. 1, оп. 5, д. 67, л. 6—7]. Камеральная обработка аккумулярованных материалов осуществлялась в г. Ленинграде Ю. К. Митюниным и лаборантом ЯФ АН СССР Б. Г. Лутцем.

Восточный отряд под руководством д.г.-м.н., проф. А. А. Каденского занимался составлением разреза в юго-восточной части Анабарского щита по р. Большая Куонамка от устья р. Хатырык до его восточных границ. В ходе изысканий выполнялись контрольные разрезы по рр. Аччыгай Хапчаан, Хапчаан, а также водоразделу рр. Большая Куонамка и Хатырык. Кроме того, на обратном пути участники отряда провели маршрутные наблюдения по р. Токур и нижнему течению р. Кеняда.

Общая протяженность проделанного геологами маршрута составила порядка 400 км. В процессе его выполнения было изучено 250 обнажений, отобрано 550 образцов горных пород, осуществлены отбор и 12 химических анализов минералов и горных пород, взято 45 шлиховых проб, а также 2 образца слюд. Одновременно производились определения плотности встреченных горных пород [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 42, л. 4—7].

В следующем, 1957 году исследования были продолжены при некотором изменении наименования отрядов и географии работ. 1-й стратиграфо-петрографический отряд Якутской комплексной экспедиции ЯФ АН СССР проводил изыскания в западной части Анабарского щита. В состав отряда входили: Б. Г. Лутц (начальник), Ю. К. Митюнин, ст. лаборанты ЯФ АН СССР Г. В. Зольников и П. Ли Чу Пак, а также рабочие И. Г. Шангареев и В. И. Рыбкин. В задачи участников отряда входило составление геологического разреза западной части Анабарского щита от р. Далдын до его западной границы общей протяженностью 160 км в масштабе 1:100000, а также изучение анортозитов (магматическая горная порода) щита, Краевого и Маганского гранитных массивов.

10 мая участники отряда вылетели из Якутска в Оленек. В Оленеке их ждали 4 оленевода с 60 оленями. Прodelав в условиях весенней распутицы переход в 200 км, исследователи в начале июня достигли р. Большая Куонамка и приступили к работе. Составление разреза обеспечивалось проведением 4—6 параллельных геологических маршрутов поперек простиранья горных пород по водоразделам рек и ручьям. Помимо основного маршрута Ю. К. Митюнин совершил маршруты по рр. Каялах и Арга-Са-ла. В пределах Краевого и Маганского гранитных массивов была проведена площадная съемка в масштабе 1:100000 [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 109, л. 4—5].

2-й стратиграфо-петрографический отряд ЯКЭ ЯФ АН СССР проводил исследования по составлению разреза южной части Анабарского щита в бассейне р. Кеняда в следующем составе: к.г.-м.н. М. И. Каденская (начальник),

коллекторы, студенты Якутского госуниверситета Андреев, И. Л. Хорошев, а также студент ЛГПИ В. Н. Петухов. Изысканиями отряда были охвачены: правобережные притоки Кеняды, бассейн р. Будьурхай, район Харапских сопков, нижнее течение р. Балаганнах, верхнее течение рр. Харап, Усумуун, Дьегес, Сербиян [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 77, л. 2].

Проведенные работы позволили получить комплекс сведений, характеризующих геологическую историю исследованного ареала, выявить ряд особенностей строения и состава горных пород, а также обнаружить залежи некоторых полезных ископаемых, включая магнетитовый кварцит, гематит, молибден, калийную руду, определить перспективные места для поиска монацита, торита и ортита [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 109, л. 72—73; Закруткин, 1959; 1960; 1973; Каденский, 1961].

В течение полевых сезонов 1956—1958 годов в рамках ЯКЭ ЯФ АН СССР проводились исследования, направленные на изучение флоры и лесного хозяйства территорий Якутии, прилегающих к району алмазодобычи, включая арктические — Оленекский и Жиганский.

Так, в 1957 году м.н.с. Института биологии ЯФ АН СССР В. И. Иванова в качестве геоботаника экономико-производственного отряда ЯКЭ ЯФ АН СССР, которым руководил к.э.н. Г. В. Наумов (с.н.с. ЯФ АН СССР), выполнила рекогносцировочные изыскания в среднем течении р. Оленек. Исследователь в составе отряда с 17 июля по 2 сентября прошла 900-километровый маршрут на лодках от п. Оленек вниз по течению до устья р. Беректе. В этот период ей было сделано 56 геоботанических описаний растительности и собрано около 800 листов гербария. Эти материалы позволили В. И. Ивановой установить важнейшие особенности флоры исследованного ареала, господствующие древесную растительность и кустарники, а также травянистые растения. Исследовательница соотнесла типы древесной растительности с особенностями вмещающих ландшафтов, определила среднюю высоту деревьев и их диаметр [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 3, оп. 1, д. 334б, л. 1—39].

В 1958 году в Жиганском районе в рамках разработки темы «Изучение рельефа и материнских пород почвенного и растительного покрова бассейна Вилюя с целью природного районирования и разработки мероприятий по повышению производительности сельскохозяйственных угодий для сельскохозяйственного районирования» проводили исследования участники почвенно-геоботанического отряда № 3 ЯКЭ ЯФ АН СССР. В их задачи входило изучение почв и растительности ареала, составление почвенной и геоботанической карт в масштабе 1:1000000. Отряд включал: научных сотрудников Института биологии ЯФ АН СССР почвовед Л. В. Тетерину (начальник), геоботаника Л. А. Добрецову, а также студента-практиканта Н. Петрова и двух рабочих.

Исследования проводились в течение 15 июня — 2 сентября. Изначально предполагалось, что они будут включать два маршрута. Первый общей протяженностью 600 км должен был проходить по правобережью Лены: с. Кыстатыам — р. Неменгде — Верхоянские горы — р. Соболах-Маян — с. Кастатыам. Второй маршрут, который планировалось преодолеть после выполнения первого, по плану охватил бы левобережье р. Лены: п. Жиганск — с. Конара — р. Линде — с. Баханай — п. Жиганск. Его протяженность должна была составить 450—500 км. Однако по причине неблагоприятных метеоусловий, начавшегося в отряде падежа оленей и ввиду отказа руководства местного колхоза от выдачи новых из-за начавшейся в районе эпидемии копытки второй маршрут исследователями выполнен не был [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 3, оп. 3, д. 82, л. 117—121].

В ходе изысканий участники отряда сделали 62 почвенных разреза, произвели 64 геоботанических описания, а также собрали гербарий на 45 листах, включающий 75 видов мхов, 45 видов лишайников и 65 видов высших растений. В совокупности с данными исследований, проведенных на левобережье Лены в полевой сезон следующего года уже вне рамок ЯКЭ ЯФ АН СССР, полученные материалы позволили определить типы и характеристики почв, а также проследить особенности их генезиса [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 3, оп. 3, д. 82, л. 118—122]. В частности, было установлено, что на тех равнинных территориях Жиганского района, которые не подвергались оледенению, существуют почвы, несущие в себе реликтовые черты. Одновременно осуществленные полевые работы и последующая камеральная обработка аккумулированных материалов дали возможность определить степень плодородия местных почв [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 3, оп. 3, д. 88, л. 21—23]. Кроме того, Л. А. Добрецова подготовила описание растительного покрова исследованного ареала, географии произрастания растений, проследила ее зависимость от рельефа местности и почв [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 3, оп. 1, д. 382, л. 11—71].

В течение полевых сезонов 1956—1958 годов в рамках ЯКЭ ЯФ АН СССР велись работы по теме «Леса и лесное хозяйство Вилюйских районов ЯАССР». Ее научными руководителями являлись И. П. Щербаков и Л. К. Поздняков (Институт леса АН СССР). Разработка темы включала исследования м.н.с. Института биологии ЯФ АН СССР Б. В. Чугунова в Жиганском и Оленекском районах Якутии, состоявшиеся в 1958 году. По результатам изысканий ученый подготовил общую характеристику лесов в верховьях Муны и на участке западнее п. Жиганск, включающую определение типового состава, особенностей произрастания деревьев в зависимости от условий местности, их среднего возраста, максимального и среднего диаметров, типичных форм стволов и др. Б. В. Чугунов составил

также картосхему размещения наиболее производительных древостоев обследованных территорий [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 3, оп. 3, д. 326, л. 1—17].

В 1958 году в рамках Якутской комплексной экспедиции ЯФ АН СССР осуществлялись исследования для составления лоцманских карт р. Оленек на участках от р. Арга-Салаа до с. Сухана и от с. Сухана до устья Оленека. Полевые работы проводились в летний сезон совместно с Якутским управлением Гидрометслужбы (ЯУГМС) и Ленским бассейновым управлением водных путей (БУП). Изыскания осуществлялись по единой программе, составленной на основе действовавшего на тот момент «Руководства по рекогносцировочному обследованию рек» с более детальным освещением особо трудных перекатов. Промеры глубин производили специалисты ЯУГМС и Ленского БУП. По их результатам под руководством заместителя начальника Якутской комплексной экспедиции Б. В. Белинского лаборантами отдела экономики ЯФ АН СССР А. Я. Алексеевым и А. Ф. Винокуровым была составлена лоцманская карта Оленька на участке р. Арга-Салаа — с. Сухана в масштабе 1:25000, включавшая 54 листа основной карты и 4 листа с планами перекатов. Карту второго участка в аналогичном масштабе составили сотрудники Ленского БУП [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 1, оп. 5, д. 117, л. 2—97].

В 1958 году исследования в рамках ЯКЭ ЯФ АН СССР были прекращены по причине «досрочного завершения изучения проблемы “Комплексное развитие производительных сил Западной Якутии в связи с развитием алмазодобывающей промышленности”» [Ермолаева, 2016, с. 10]. Последняя стала ядром формирования Западно-Якутского территориально-производственного комплекса с центром в новом городе Мирный, который сейчас является третьим по численности жителей населенным пунктом региона [Ноговицын, 2010, с. 25].

Вместе с тем в связи с отмеченным досрочным завершением работы ЯКЭ ЯФ АН СССР представляет интерес выступление Г. В. Наумова, прозвучавшее на Якутском региональном совещании Восточно-Сибирской конференции по развитию производительных сил (Якутск, 2—13 августа 1958 года), в рамках которого анализировались итоги двух рассмотренных комплексных экспедиций. Ученый отметил, что работы ЯКЭ ЯФ АН СССР «планировались на 5 лет и предусматривали обширную программу исследований природных условий, ресурсов, народонаселения и т. д. с тем, чтобы дать развернутый доклад» с обоснованными рекомендациями по всем отраслям хозяйства. Однако «в связи со спешным созданием алмазодобывающей промышленности работы экспедиции были сокращены до 3 лет и неизбежно привязаны к созданию титульных предприятий по добыче алмазов». Экспедиция в результате «превратилась в лучшем случае

в подсобный отдел проектного института и вынуждена исходить из чисто ведомственных интересов создания одной отрасли» [РГАЭ, ф. 399, оп. 2, д. 782, л. 106—107].

Речь в данном выступлении, как и в рассмотренном выше письме С. З. Борисова, по сути шла об одном и том же — критике ресурсного подхода к освоению Якутии, в рамках которого регион выступал фактически сырьевым придатком страны. Определялось это как проблемно — игнорированием интересов не связанных с добычей полезных ископаемых отраслей, так и географически — концентрацией усилий на территориях промышленного освоения. В соответствии с реализацией этого подхода в исследовательской практике ученые фокусировались на интеллектуальном сопровождении индустриального развития Якутии. Подобный дисбаланс, имевшие место случаи отсутствия учета интересов коренного населения (показательно в этом отношении, например, замечание известного советского этнографа Б. О. Долгих в отношении ситуации в соседней с Якутией Магаданской области в 1950-е годы: «работают вместе два пильщика — русский и коряк, и первый получает вдвое больше» [АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 955, л. 25]) стали важными факторами формирования у его части специфического отношения к специалистам, привлекаемым из других регионов Советского Союза для обеспечения индустриальных проектов кадрами, выразившегося, в частности, в пренебрежительных определениях «временщики» и «длиннорублевщики». В период ослабления позиций общесоюзного центра при распаде СССР и обострения межнациональных отношений в стране отмеченный фактор являлся одним из основных аргументов сторонников суверенизации Якутии.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в рамках рассмотренных академических комплексных экспедиций приоритетное внимание ученых уделялось работам в южной и западной Якутии. Тем не менее часть исследований была посвящена арктическим районам. Изыскания ЯКЭ СОПС АН СССР 1950—1955 годов в этом отношении носили скорее аналитический характер и были выполнены на основе материалов, собранных в Заполярной Якутии ранее. Важнейшее место при этом занимала транспортная проблематика. Исследования участников ЯКЭ ЯФ АН СССР 1956—1958 годов в интересующем нас ареале, напротив, были полевыми. Изыскания в рамках данной экспедиции проводились исключительно в интересах создания алмазодобывающей промышленности. В этой связи в арктических районах Якутии были изучены: залежи угля для потенциального обеспечения отопления необходимых объектов инфраструктуры; плодородие почв для определения возможно-

стей удовлетворения потребностей привлекаемого для индустриализации населения в сельскохозяйственной продукции; лесное хозяйство в целях выяснения перспектив его использования при строительстве производственных и жилых сооружений. Одновременно велись поиски возможных путей снабжения зарождающейся алмазодобывающей промышленности, включающие изучение северных рек в качестве транспортных артерий.

Обращает на себя внимание отсутствие в рамках рассмотренных комплексных академических инициатив изысканий по поиску путей для гармоничного встраивания в индустриальные процессы проживающих в Якутии аборигенных этносов Арктики. Данное обстоятельство вызвало критику со стороны региональных властей и научного сообщества. Вместе с тем концентрация исследовательских усилий на поисках решения проблем по обеспечению развития угольной и алмазной промышленности способствовала формированию в Якутии двух крупных индустриальных районов, которые и в настоящее время оказывают существенную поддержку экономике и населению региона.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 142 (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР/РАН) ; Ф. 174 (Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР).
2. Архив ЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Ф. 1 (Аппарат Президиума Якутского филиала СО АН СССР) ; Ф. 3 (Институт биологии Якутского филиала СО АН СССР).
3. НА РС (Я) — *Национальный архив* Республики Саха (Якутия). Ф. Р-52 (Совет Народных Комиссаров Якутской АССР ; Совет Министров Якутской АССР).
4. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 399 (Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР).

Литература

1. *Виттенбург Е. П.* Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925—1930 гг.). Организация и методика работы / Е. П. Виттенбург. — Якутск : Бичик, 2008. — 191 с. — ISBN 978-5-7696-2885-6.
2. *Ермолаева Ю. Н.* Из истории трех Якутских академических экспедиций / Ю. Н. Ермолаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : История. Политология. Право. — 2016. — № 1. — С. 6—12.
3. *Ермолаева Ю. Н.* Якутская комплексная экспедиция 1925—1930 гг. : развитие науки в Якутии / Ю. Н. Ермолаева. — Новосибирск : Наука, 2001. — 162 с. — ISBN 5-02-032290-3.
4. *Закруткин В. В.* Анабарский щит. Записки геолога / В. В. Закруткин. — Ростов-на-Дону : Ростовское книжное изд-во, 1973. — 220 с.

5. *Закруткин В. В.* Гранитоиды юго-восточной части Анабарского щита / В. В. Закруткин // *Материалы первой научной конференции аспирантов.* — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1959. — С. 48—49.

6. *Закруткин В. В.* Основные породы чарнокитового ряда юго-восточной и центральной частей Анабарского щита / В. В. Закруткин // *Материалы второй научной конференции аспирантов.* — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1960. — С. 83—87.

7. *Каденский А. А.* Геология и петрология южной части Анабарского щита / А. А. Каденский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1961. — 198 с.

8. *Ноговицын Р. Р.* Территориально-производственные комплексы как основа развития минерально-сырьевой базы региона на примере Республики Саха (Якутия) / Р. Р. Ноговицын, Н. С. Батугина, В. Р. Кычкин // *Региональная экономика : теория и практика.* — 2010. — № 17. — С. 22—27.

9. *Сулейманов А. А.* Академия наук СССР и исследование арктических районов Якутии в конце 1940-х — 1991 гг. Книга первая : социогуманитарные направления / А. А. Сулейманов. — Новосибирск : Наука, 2021. — 348 с. — ISBN 978-5-02-041485-3.

10. *Сулейманов А. А.* Деятельность Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР в Якутии в 30-е — 40-е гг. XX в. / А. А. Сулейманов // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России.* — 2018. — № 1 (13). — С. 44—47.

11. *Ширина Д. А.* Отечественная академия наук и Якутская комплексная экспедиция / Д. А. Ширина // *Академические исследования в Якутии : "территория историка" : сборник статей, посвященных юбилею профессора Д. А. Шириной.* — Якутск : Алаас, 2016. — С. 144—150. — ISBN 978-5-9905260-8-2.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023,
одобрена после рецензирования 07.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.*

Material resources

ARAN — *Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 142 (N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the USSR Academy of Sciences/RAS); F. 174 (Council for the Study of Productive Forces of the USSR Academy of Sciences).* (In Russ.).

Archive of the YANC SB RAS — *Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. F. 1 (Apparatus of the Presidium of the Yakut Branch of the SB of the USSR Academy of Sciences); F. 3 (Institute of Biology of the Yakut branch of the SB of the USSR Academy of Sciences).* (In Russ.).

ON the RS (I) — *The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). F. R-52 (Council of People's Commissars of the Yakut ASSR; Council of Ministers of the Yakut ASSR).* (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 399 (Council for the Study of Productive Forces under the USSR State Planning Committee).* (In Russ.).

References

Ermolaeva, Yu. N. (2016). From the history of three Yakut academic expeditions. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov. Series: History. Political science. Right, 1:* 6—12. (In Russ.).

- Ermolaeva, Yu. N. (2001). *The Yakut complex expedition of 1925—1930: the development of science in Yakutia*. Novosibirsk: Nauka. 162 p. ISBN 5-02-032290-3. (In Russ.).
- Kadensky, A. A. (1961). *Geology and petrology of the southern part of the Anabar shield*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 198 p. (In Russ.).
- Nogovitsyn, R. R., Batugina, N. S., Kychkin, V. R. (2010). Territorial production complexes as a basis for the development of the mineral resource base of the region on the example of the Republic of Sakha (Yakutia). *Regional economy: theory and practice*, 17: 22—27. (In Russ.).
- Shiroka, D. A. (2016). The National Academy of Sciences and the Yakut complex expedition. In: *Academic research in Yakutia: "territory of the historian": a collection of articles dedicated to the anniversary of Professor D. A. Shiroka*. Yakutsk: Alaas. 144—150. ISBN 978-5-9905260-8-2. (In Russ.).
- Suleymanov, A. A. (2021). *Academy of Sciences of the USSR and the study of the Arctic regions of Yakutia in the late 1940s — 1991. The first book: socio-humanitarian directions*. Novosibirsk: Nauka. 348 p. ISBN 978-5-02-041485-3. (In Russ.).
- Suleymanov, A. A. (2018). Activity of the Council for the study of productive forces of the USSR Academy of Sciences in Yakutia in the 30s — 40s of the XX century. *Traditional national—cultural and spiritual values as the foundation of innovative development of Russia*, 1 (13): 44—47. (In Russ.).
- Wittenburg, E. P. (2008). *Commission of the Academy of Sciences for the study of the productive forces of the Yakut ASSR (1925—1930). Organization and methodology of work*. Yakutsk: Bichik. 191 p. ISBN 978-5-7696-2885-6. (In Russ.).
- Zakrutkin, V. V. (1973). *Anabar shield. Notes of a geologist*. Rostov-on-Don: Rostov Book Publishing house. 220 p. (In Russ.).
- Zakrutkin, V. V. (1959). Granitoids of the southeastern part of the Anabar shield. In: *Materials of the first scientific conference of graduate students*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University. 48—49. (In Russ.).
- Zakrutkin, V. V. (1960). The main rocks of the charnokite series of the southeastern and central parts of the Anabar shield. In: *Materials of the second scientific conference of graduate students*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University. 83—87. (In Russ.).

*The article was submitted 11.08.2023;
approved after reviewing 07.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Татаров А. А. Газета «Газават» и проблема Северного Кавказа в пропаганде нацистской Германии в 1943—1944 годах / А. А. Татаров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 491—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-491-508.

Tatarov, A. A. (2023). Newspaper 'Gazavat' and Issue of North Caucasus in Nazi Germany's Propaganda in 1943-1944. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 491-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-491-508. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-491-508

Газета «Газават» и проблема Северного Кавказа в пропаганде нацистской Германии в 1943—1944 годах

Татаров Азамат Амурович
orcid.org/0000-0003-3626-3913
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
traveller9090@mail.ru

Кабардино-Балкарский
государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ,
проект № 23-28-00326
«Великая Отечественная война:
боевые действия, тыл, власть, социум.
Региональный аспект: на материалах
Северного Кавказа»

Newspaper 'Gazavat' and Issue of North Caucasus in Nazi Germany's Propaganda in 1943-1944

Azamat A. Tatarov
orcid.org/0000-0003-3626-3913
PhD in History, Associate Professor
Department of General History
traveller9090@mail.ru

Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00326
“The Great Patriotic War: Military
Operations, Rear, Power, Society.
Regional Aspect: Based on the Materials
of the North Caucasus”

© Татаров А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Газета «Газават» рассматривается в статье как источник печатной пропаганды нацистской Германии среди горцев Северного Кавказа в национальных формированиях вермахта. В отечественной и зарубежной историографии материалы «Газавата» малоизучены и недостаточно введены в научный оборот. Цель статьи заключается в анализе статей «Газавата» за 1943–1944 годы для выявления содержания специализированной пропаганды Германии, ориентированной на народы Северного Кавказа. На основе методов контент-анализа и тематического анализа автор выделяет четыре тематических блока: национальная история, политическое будущее, боевой дух и религия. Проведенное исследование показало, что Германия использовала продуманные политические технологии для манипуляции реальными издержками интеграции Северного Кавказа в Российскую империю и СССР. Выход в свет газеты «Газават» для северокавказских частей вермахта состоялся со значительным запозданием. Специализированная пропаганда была нацелена на конвертацию традиционных институтов, национальных надежд, исторических травм горцев в повестку возмездия советскому режиму. При этом была реализована комбинация потенциала и экспертных знаний горских эмигрантов, немецких политических и военных акторов.

Ключевые слова:

Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Германия; Северный Кавказ; пропаганда; газета *Газават*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The newspaper 'Gazavat' is considered in the article as a source of printed propaganda by Nazi Germany among the mountain peoples of the North Caucasus in the national formations of the Wehrmacht. In Russian and foreign historiography, the materials of 'Gazavat' have been poorly studied and insufficiently introduced into scientific circulation. The aim of the article is to analyze the articles of 'Gazavat' for 1943–1944 in order to identify the content of Germany's specialized propaganda aimed at the peoples of the North Caucasus. Based on content analysis and thematic analysis methods, the author identifies four thematic blocks: national history, political future, fighting spirit, and religion. The conducted research showed that Germany used well-thought-out political technologies to manipulate the real costs of integrating the North Caucasus into the Russian Empire and the USSR. The release of the newspaper 'Gazavat' for North Caucasus units of the Wehrmacht was significantly delayed. The specialized propaganda was aimed at converting traditional institutions, national hopes, and historical traumas of the mountain peoples into a call for retribution against the Soviet regime. At the same time, a combination of the potential and expert knowledge of mountain emigrants, German political and military actors was implemented.

Key words:

Second World War; Great Patriotic War; Germany; North Caucasus; propaganda; newspaper *Gazavat*.

УДК 94(47).084.8+32.019.5(430)“1943/1944”

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Газета «Газават» и проблема Северного Кавказа в пропаганде нацистской Германии в 1943—1944 годах

© Татаров А. А., 2023

1. Введение = Introduction

В годы Великой Отечественной войны (далее — ВОВ) Германия целенаправленно стремилась вовлечь народы Северного Кавказа в антисоветскую деятельность, в том числе в форме национальных формирований вермахта. Данные замыслы не принесли желаемых плодов, а коллаборационизм затронул незначительную часть северокавказских горцев и в целом советских граждан, которые в основной массе участвовали в борьбе с нацизмом. Но это не отменяет необходимость изучения специализированных политических технологий Германии и раскрытия исторического опыта, актуального для современной российской политики по выработке стратегии действий в информационной войне и противодействию рискам дезинтеграции общества. В частности, это применимо к газете «Газават», которая выходила в 1943—1944 годах в Берлине на русском и ряде северокавказских языков и была ориентирована на пропаганду среди легионеров-горцев в вермахте¹.

Несмотря на то, что проблема нацистской политики и пропаганды в северокавказских формированиях вермахта периода ВОВ нашла широкое отражение в отечественных и зарубежных исследованиях, такой уникальный источник печатной пропаганды, как газета «Газават», рассматривается в немногих из них. Е. М. Малышева видит в «Газавате» составную часть коллаборационистской деятельности Северокавказского комитета, состоящего из горцев-эмигрантов с антисоветскими взглядами в Берлине [Малышева, 2019, с. 102]. Е. И. Журавлев и С. И. Линец — элемент политики по антисоветской мобилизации мусульман [Журавлев, 2009, с. 138—139; Линец, 2009, с. 388—389], М. В. Хорольская — продукт трансформации пропаганды на фоне отступления немцев с Северного Кавказа [Хорольская, 2018, с. 50].

¹ Азербайджанский, Грузинский, Армянский, Северокавказский и другие восточные (как их принято называть) легионы вермахта были созданы преимущественно из числа военнопленных. Термин легион служит собирательным обозначением для разного рода формирований, в основном пехотных батальонов.

Художественные произведения, имевшие место быть на страницах «Газавата», рассмотрены в тематическом исследовании А. М. Муртазалиева, Р. С. Башировой, М. Н. Набигулаевой на примере поэзии аварских легионеров [Муртазалиев и др., 2020].

О. В. Романько подчеркивает, что газеты национальных легионов находились под контролем национальных комитетов лишь номинально, а фактическое руководство осуществлял Отдел пропаганды вермахта [Романько, 2004, с. 146—147]. И. В. Грибков подмечает то, что в коллаборационистских изданиях внимательно относились к художественному оформлению «шапки»: в случае «Газавата» символическими изображениями являлись горы и восходящее солнце [Грибков, 2016, с. 125].

В англоязычной и немецкой (западногерманской) историографии имелись выгодные стартовые возможности для введения в научный оборот текстов «Газавата». Обширный фонд номеров газеты после войны остался в Западной Германии, и, в отличие от отечественных историков, зарубежные коллеги не были скованы строгими политико-идеологическими ограничениями до 1990-х годов. Потому неудивительно, что они не только упоминают факт существования газеты, но и ссылаются на ее русскоязычные тексты [Hoffmann, 1976, S. 185, 189; Hoffmann, 1991, S. 517, 520—521; Motadel, 2014, p. 290—300].

Несмотря на накопленный научный задел, для комплексного понимания места рассматриваемой газеты в нацистской пропаганде в северокавказских формированиях вермахта требуется проведение специального исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Первый выпуск газеты «Газават» состоялся в марте 1943 года, когда уже не первый месяц в составе вермахта действовало несколько северокавказских батальонов, сформированных, как и другие национальные соединения, преимущественно из советских военнопленных. Казалось бы, немецкие политехнологи имели ресурсы для своевременной организации печатной пропаганды на горских языках. Однако отношение немцев к военнопленным уроженцам Кавказа изначально было крайне негативным, если учесть то, что в первый год войны в лагерях умерло около половины из них [Müller, 2007, S. 229; Мамулия, 2011, с. 300]. На фазе комплектации и боевого применения национальных формирований вермахта немцы столкнулись с тем, что легионеры-кавказцы в основном владели только своими родными языками [Müller, 2007, S. 234—235].

Запуску проекта северокавказской пропагандистской газеты предшествовала актуализация проблемы Кавказа накануне и в период военной

кампании Германии на юге СССР. В 1942—1943 годах рейхсминистерство оккупированных восточных территорий А. Розенберга, объединившее крупных специалистов советским национальностям, стало играть ведущую роль в вопросах сотрудничества с кавказской эмиграцией и политики в национальных легионах [Гилязов, 2009, с. 213—214]. А. Розенберг в докладе «Вопрос о Кавказских воинских частях» (28 марта 1942 года) отмечал необходимость участия кавказских формирований вермахта в битве за Кавказ для политического воздействия на население [ГАРФ, ф. 7445, оп. 2, д. 99, л. 208]. На этот фронт были направлены свыше десятка закавказских и три северокавказских батальона [Мамулия, 2011, с. 301—302].

Но в условиях жесткой конкуренции за контроль над восточной политикой и расхождений позиций немецких ведомств и акторов многие идеи и предложения остались на бумаге. К тому же в 1943 году заметно усилились рост дезертирства и падение дисциплины в «добровольческих» батальонах — только за этот год на сторону СССР перешло около 250 тыс. чел. [РГАСПИ, ф. 625, оп. 1. д. 45, л. 955]. Снижение доверия А. Гитлера к эксперименту с национальными формированиями вылилось в их переброску с линии фронта в тыл с осени 1943 года, в том числе на оборонительную линию Атлантического вала во Франции. Но и после этого негативная для немцев динамика сохранялась, особенно после высадки англо-американских войск в Нормандию. Так, в августе 1944 года 203 «добровольца» дезертировали из 800-го северокавказского батальона в районе французского Бреста [Дробязко, 2004, с. 226].

Запоздалость мер в случае с «Газаватом» была связана с определёнными логистическими сложностями. Ведь, в отличие от коллаборационистской прессы с мононациональной аудиторией, единая северокавказская газета должна была охватить представителей различных языковых групп. Хотя в 1940 году А. Розенберг считал перспективным использование латиницы в текстах, предназначенных для советских граждан [Trial ..., 1947, р. 581], выбор латинской графики для национальных выпусков «Газавата» оказался наиболее приемлемым вариантом¹.

Содержание газеты «Газават» было политически ангажированным и типичным для коллаборационистской прессы. Помимо сводок от германского военного командования и переведённых с немецкого статей, взятых из таких изданий, как *Völkischer Beobachter*, *Deutsche Allgemeine Zeitung*, *Das Reich* [Motadel, 2014, р. 290], газета содержала разнообразный познавательный контент — от информации о барометрах и вакцинации до притч о мулле

1 Кириллица была введена в автономиях Северного Кавказа лишь во второй половине 1930-х годов, поэтому значительная часть легионеров, не говоря уже об эмигрантах в составе Северокавказского комитета в Берлине, все еще придерживалась латиницы.

Наср-эд-дине и литературных произведений самих легионеров. Авторы статей либо сохраняли анонимность, либо использовали псевдонимы.

Помимо еженедельных русскоязычных выпусков с октября 1943 года выходили номера под названием «Qazavat» на осетинском, чеченском и ингушском, карачаево-балкарском, кумыкском, а позднее аварском и кабардино-черкесском языках.

На основе тематического анализа и контент-анализа автор выделяет четыре тематических блока: национальная история, политическое будущее в контексте сотрудничества с Германией, боевой дух северокавказских легионеров и их религиозные практики. Пунктуация и орфография названий статей и цитат из газеты сохранены. Данные на кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках переведены на русский язык.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Тема национальной истории

Исторические обзоры «Газавата» выстраивали критическую картину истории и общей судьбы народов Кавказа. В одной из статей перечислялись организаторы борьбы с Российской империей на Северном и Южном Кавказе: Джавад-хан, князь Александр Грузинский, имам Шамиль. Общность истории обосновывалась примерами совместной борьбы народов Кавказа против Ирана, Византии и других внешних противников [Братья ..., 1944, с. 1].

Авторы статей играли на чувствах коллективной травмы. В обзоре по родственным друг другу адыгам, абхазам и абазинам перечислялись итоги войны с Российской империей: «исчезли с лица земли многие издревле населенные пункты», «разрушены культурные памятники прошлого», «во многих случаях исчезли и целые этнические единицы, будучи подняты с насиженных веками мест и двинуты в неведомую для них даль, в жуткую неизвестность изгнания» [Расселение ..., 1943, с. 7].

В другой статье трагедия адыгов раскрывалась так: «Большинство адыгейцев находится в странах Ближнего Востока, будучи вытеснено российским царизмом, а часть поселена на левом берегу Кубани в болотистых, малярийных местах, где народ вымирал от ужасных климатических условий» [Призыв ..., 1943, с. 7].

Концепция свободного Кавказа ссылалась на досоветские республики (включая Горскую республику¹), которые оказались «на штыках московских палачей» [Великая ..., 1943, с. 2] и флаги которых были спущены

1 Независимое государственное образование Северном Кавказе в 1918—1921 годах, объединившее горские народы в конфедерацию.

усилиями «обманутых большевиками русских красноармейцев» [Октябрьская ..., 1943, с. 1].

Сам советский период рисовался исключительно в отрицательных тонах, несмотря на то, что модернизация на Северном Кавказе имела и очевидные положительные стороны. В одной из статей перечислялись «средства уничтожения адыгейцев»: «смешение одного народа с другим», раскулачивание, «непосильные налоги, конфискация имущества и выселение в Сибирь», «колхозное ярмо». При это немцы изображались освободителями Северного Кавказа, при которых «народ чувствовал себя легко и свободно», а «семьи бежавших коммунистов ... пользовались всеми правами, как и все остальное население» [Призыв ..., 1943, с. 7].

В статье «Замученная родина» оценивалась советская репрессивная политика 1930-х годов, в ходе которой «[т]олько за один 1937 год по Северному Кавказу было арестовано 46 000 человек, из коих было расстреляно не менее 25 %». В неоправданной борьбе с «буржуазными националистами» и «врагами народа» обвинялись не только руководство страны и органы НКВД, но и отдельные региональные политические фигуры. Так, о первом секретаре Кабардино-Балкарского обкома Б. Э. Калмыкове говорилось: «Человек он был, безусловно, умный и способный. Беда в том, что весь его ум и вся его способность были направлены не в пользу народа, из которого он вышел» [Замученная ..., 1943, с. 3].

В контексте адыгского вопроса советская власть воспринималась как преграда на пути реабилитации. В статье на кабардино-черкесском языке адыгов-легионеров убеждали в том, что «[л]учше воевать с шашкой за свободу, чем ждать смерти в подвалах НКВД» [Боевой ..., 1944, с. 1].

В спекулятивном духе затрагивались события периода ВОВ, в частности этнические депортации. Последние преподносились как ответная «тотальная зачистка» национальных автономий [Сталин ..., 1944, с. 1]. В одной из статей утверждалось, что с отступлением немцев на Северном Кавказе якобы началось массовое «партизанское движение», после чего советское правительство пошло на крайние меры и переселило несколько народов, к числу которых автор приписал и кабардинцев [Антибольшевистские ..., 1944, с. 1].

3.2. Тема политического будущего

Идея «освободительной борьбы немцев и народов Кавказа» [Надежды ..., 1944, с. 1] в той или иной формулировке проходила красной нитью через многие материалы «Газавата». Будь то описание участия немцев в праздничных мероприятиях или тактических учениях, либо демонстрация доверия Германии легионерам, всюду декларировались решающие события борьбы горских народов за независимость и связь всех их надежд

с успехами вермахта. В опубликованной в «Газавате» речи председателя Северокавказского комитета отмечалось, что горцы «при поддержке и благосклонном покровительстве германского народа» получили возможность «построить новую жизнь без капитализма, без коммунизма и без колхозов», сохранить традиции и нравы [На выпускном ..., 1944, с. 2].

В целях интеграции легионеров использовались различные приёмы. В статье со ссылкой на «главу расово-политического отдела НСДАП» В. Гросса читателей убеждали в том, что Германия, «борясь за расовую чистоту своей нации, никогда не задевала расовую честь и чистоту других народов, кроме иудеев» [Германская ..., 1943, с. 2].

Другой пропагандистский прием заключался в публикации речей германских политиков, создававших образ сочувствия Германии судьбам народов Кавказа. В частности, в одном из январских номеров 1944 года приводился текст доклада А. Розенберга, в котором говорилось «о гордых горцах Кавказа, покоренных жестокой силой» [Свобода ..., 1944, с. 1].

Авторы статей «Газавата» не всегда обозначали созвучные цели по политическому будущему. В одном случае планировалось возрождение «на развалинах советского тыла» и возвращение прав «на свободную и славную жизнь в Независимом Кавказском Государстве» [Думы ..., 1943, с. 7], в другом — «создание Новой Европы, в которой достойное место займет независимый и национальный Северный Кавказ» [За Газават ... 1943, с. 8]. Последний сценарий был непосредственно связан с прецедентами XVIII—XX веков: первое объединение горцев в «мансуровских границах»¹, Имамат Шамиля и Горская республика [На волнах ..., 1944, с. 1].

И все же в контексте будущего в «Газавате» приоритет отдавался не созданию независимого Северного Кавказа или возрождению Горской республики, а модели общекавказской конфедерации. В начале ноября 1943 года на Азербайджанском национальном конгрессе в Берлине, где в качестве гостей присутствовали северокавказские легионеры, говорилось о создании «единого, независимого и свободного Кавказа» [Конгресс ..., 1943, с. 2]. Председатель Северокавказского комитета в своем выступлении заявил, что как показала история, «народы Кавказа могут существовать только при условии их тесного единения, обнимающего вопросы обороны, внешней политики и общей экономики» [За единение ..., 1943, с. 4]. О видении прочной связи между народами Закавказья и горцами говорили другие его слова: «Сыны Северного Кавказа разделят с вами (народами Закавказья. — А. Т.) предстоящие трудности в борьбе за общий национальный идеал» [За единение ..., 1943, с. 4].

1 Речь идет о первом имаме Северного Кавказа, возглавившем борьбу с Российской империей в конце XVIII века.

Важным союзником в достижении политических целей рассматривались казаки. Для демонстрации доброжелательности отношений с казаками публиковались обращения к горцам от «руководителя Казачьего Национального Движения» В. Глазкова. Последний, поздравляя отличившихся в боях у Перекопа легионеров, отмечал, что «кавказские добровольцы возродили легендарную славу своих гордых и свободолюбивых предков» [Главному редактору ..., 1943, с. 1]. В другом обращении В. Глазков призывал создать единый фронт борьбы за свободу [Горцы ..., 1944, с. 5].

Другим измерением политической борьбы был ревизионизм итогов Кавказской войны. Одна из наиболее проработанных линий связана с адыгским (черкесским) вопросом. Адыгейцы, кабардинцы и черкесы рассматривались как единый народ, расселённый от «берегов Черного моря до г. Моздок» [Призыв ..., 1943, с. 7]. Наибольшее внимание уделялось западным адыгам, составившим основную часть мухаджиров¹ в ходе Кавказской войны. Авторы статей по адыгскому вопросу призывали верить в возвращение исконных жителей на исторические земли Северо-Западного Кавказа: «Они не забыли свой язык, обычаи и никогда не оставляют заветную мечту: при первой же возможности вернуться на родину отцов ... [В] скором времени эта мечта дождется своего осуществления к нашему общему благополучию» [Расселение ..., 1943, с. 7].

3.3. Тема боевого духа

Ряд статей «Газавата» посвящен проблеме повседневности и боеспособности северокавказских соединений вермахта. Учитывая то, что в сентябре 1943 года А. Гитлер распорядился передислоцировать восточные формирования с советско-германского фронта на запад для службы в тылу, авторы статей переместили внимание на повседневную жизнь в лагерях подготовки. Немногочисленные известия об участии северокавказских и в целом кавказских частей в боевых действиях попадали сразу на передовицу. В частности, были опубликованы выдержки из сводки Верховного главнокомандования вермахта от 17 ноября 1943 года, в котором упоминались два кавказских батальона, участвовавшие в обороне Перекопского перевалка [Поздравление ..., 1943, с. 1]. Если учесть, что об этой сводке в газете вспоминали даже в июне 1944 года [Доблестные ..., 1944, с. 1], становится понятно, что у пропагандистов было немного аргументов для обоснования фактической боеспособности легионеров.

Особенно заметной перестройка тактики пропаганды стала после открития второго фронта западными союзниками СССР. На фоне новых обстоятельств северокавказских легионеров, располагавшихся во Франции,

1 Одно из принятых обозначений переселения части горского населения на территорию Османской империи.

убеждали в том, что теперь вместо «дикой дивизии»¹ противнику предстоит иметь дело с «железным корпусом кавказских воинов» [Кавказ ..., 1944, с. 2]. В другой статье отмечалось: «[Н]а Атлантическом вале решается судьба не только германского народа, но и судьба нашего родного Кавказа» [Наша борьба ..., 1944, с. 1].

Те или иные элементы нарушения дисциплины в северокавказских частях связывались с «прямым наследием большевистской морали» [За кавказский ..., 1944, с. 1], а «советский метод подготовки командного состава» назывался причиной нехватки военно-технических знаний [Овладеть ..., 1944, с. 1]. Более того, «происки большевистских агентов НКВД в вермахте», судя по материалам газеты, подрывали воинскую дисциплину легионеров [Тайные ..., 1944, с. 1]. Негативное отношение к советской власти основывалось «не на личных обидах, а на всеобщем возмущении за обиды и поругание ... национальной души, ... национальной морали» [На штурм ..., 1944, с. 1].

Сообщения о немецких зверствах в отношении военнопленных назывались «большевистским враньем», так как легионеры получали «действительную заботу со стороны своих начальников немцев» [Большевистское ..., 1943, с. 7].

На страницах газеты отражены меры по укреплению политического положения. В северокавказских частях регулярно слушались лекции, посвященные Кавказской войне и критике советской политики [Мои впечатления ..., 1944, с. 5]. Помимо этого, часть легионеров проходила спецкурсы пропагандистов-агитаторов в Германии. В статье за январь 1944 года описывался вечер награждения выпускников курсов, на котором присутствовали представители рейхсминистерства восточных оккупированных территорий, Северокавказского комитета и немецкие офицеры. Приводимые выдержки из их речей были наполнены идеей сотрудничества Германии и Кавказа. Как и многие другие описываемые в «Газавате» мероприятия, выпускной вечер закончился национальными танцами [На выпускном ..., 1944, с. 2].

В другой статье описывался юбилейный вечер в честь годовщины издания «Газавата», прошедший в Потсдаме 4 марта 1944 года. С речью выступил генерал Р. фон Хайгендорф², отметивший, что «[с]воей борьбой

1 Кавалерийская дивизия из представителей кавказских народов в составе российской армии, принимавшая участие в военных действиях на восточном фронте Первой мировой войны.

2 Командир добровольческих формирований при верховном командовании вермахта, впоследствии — командующий 162-й туркменской дивизии вермахта.

плечом к плечу с германскими солдатами северо-кавказцы добиваются счастливой жизни своему народу и для себя» [Юбилейный ..., 1944, с. 1].

В «Призыве легионера к легионерам-адыгейцам» подчеркивался вклад командира одного из батальонов, капитана Ф. Купанека, в поддержание боевого духа, в основе которого лежала «взаимная выручка бойцом бойца, группой группы» [Призыв ..., 1943, с. 7].

В статье «Думы командира» отмечалось: «В Добровольческих кавказских соединениях бьется сердце Кавказа ... Служба в Добровольческих частях представляется не как принуждение, а как почетная и необходимая часть жизни кавказцев ... Решающее значение придается правильному выращиванию национальных войсковых кадров». Упоминался командир одного из северокавказских батальонов, 29-летний обер-лейтенант Лергес, который проявил себя «доктором-психологом» и пользовался «заслуженным уважением всех». Далее отмечалось: «Добровольцы батальона хорошо удовлетворены духовно и материально ... Что можно сравнить с первоклассными солдатскими столовыми в каждом городе, станции и деревне, с магазинами, полностью обеспечивающими солдат и командиров? Здесь вы не увидите такой картины, чтобы раненые бойцы голодали ... как это имеет место быть в красной армии» [Думы ..., 1943, с. 7]. Во время празднования Ураза-байрам в октябре 1943 года бойцам батальона выдали новое обмундирование.

В другой статье, также посвященной батальону Лергеса, рассматривались тактические учения и отмечалось: «Торжественный марш северокавказских горных орлов вызвал восхищение среди сотен немецких офицеров». После завершения учений бойцам раздали три номера «Газавата», и состоялось застолье, на котором было объявлено, что «батальон скоро получит самостоятельную, конкретную боевую задачу» [Мы готовы ..., 1943, с. 4].

Повседневные практики зачастую носили состязательный характер, причем иногда между представителями разных национальных соединений. В июле 1943 года в Крыму проходили соревнования по борьбе, на которых призовые места заняли бойцы Карачаевского национального эскадрона. Победитель «в короткое время положил на землю девятнадцать человек отборнейших борцов, среди которых были трое известных чемпионов Крыма», и получил премию в 20 тыс. рублей [Первое место ..., 1943, с. 8].

3.4. Тема религии

Военно-политическое руководство нацистской Германии было заинтересовано в мобилизации мусульман в борьбе с СССР. Оккупация Северного Кавказа 1942—1943 годов сопровождалась политикой возрождения ислама и тщательно организованными праздниками Ураза-байрам и Курбан-байрам.

В «Газавате» мусульмане на стороне Германии рассматривались как участники священной войны против неверных¹. Обеспечение немцами религиозной свободы в национальных частях вермахта противопоставлялось советской «безбожной» политике. В одной из статей отмечалось: «Несмотря на то, что они (мусульмане Северокавказского легиона. — *А. Т.*) находятся в условиях газавата, они держат уразу, каждый день совершают положенное число намазов» [Мусульмане ..., 1943, с. 7].

Мусульманские праздники входили в спектр особых политических интересов. В октябре и декабре 1942 года на оккупированном Северном Кавказе при участии солидных по составу немецких делегаций было организовано празднование Ураза-байрам и Курбан-байрам. В 1943 году легионеры-горцы «со стороны германских властей встретили полную поддержку и понимание» в период празднования завершения поста. В одном из лагерей подготовки состоялся намаз «с участием штатного эфенди», затем праздничная трапеза, к которой присоединились лагерное начальство и другие немецкие гости. После обеда состоялись кавказские танцы, а закончился праздник «традиционной лихой кавказской джигитовкой» [Празднование ..., 1943, с. 8].

В декабре 1943 года в Северокавказском легионе праздновался Курбан-байрам. В одной из статей, приуроченных к празднику, подчеркивалось, что именно благодаря Германии горцы вернули религиозную свободу после «25 лет под игом иудо-большевизма». Напоминалось о том, как праздники вернулись в жизнь мусульман в подконтрольной немцам части Северного Кавказа в 1942 году. Автор отмечал: «Несмотря на то, что мы находимся на военном положении, нам даны все условия для встречи этого великого праздника (Курбан-байрам. — *А. Т.*)» [Курбан-байрам ..., 1943, с. 2].

В «Газавате» вопросы истории и особенностей ислама рассмотрены в привычном для газеты антироссийском и антисоветском ключе. При этом подчеркивалась связь религии и духа борьбы за свободу. Так, автор одной из статей, размышляя о деятельности имамов Мансура, Гази-Мухаммада, Гамзат-Бека и Шамиля, отмечал: «Тарикатисты² ... составляли орден, воюющий не за религиозные, а за национальные идеалы — “воюющий” в буквальном значении этого слова. Этот факт составляет основную разницу между тарикатистским учением на Северном Кавказе и тарикатистским учением вообще» [Тарикатское ..., 1943, с. 7].

1 Зеркальным ответом были советские практики призыва к священной войне горцев-мусульман против нацистов.

2 Тарикат — школа, идейное объединение в суфизме, одном из направлений ислама, распространенном на Северо-Восточном Кавказе.

В газете нашла отражение деятельность муфтия Иерусалима Мухамада Амин аль-Хусейни, неоднократно посещавшего лагеря подготовки мусульманских формирований вермахта и СС¹. В ноябре 1943 года в «Газавате» опубликовали речь муфтия, в которой он заявлял: «Германия также борется против врага, который подавлял арабов и магометан. Наша дружба с Германией основана на общности интересов» [Речь ..., 1943, с. 2].

4. Заключение = Conclusions

Следует помнить, что газета «Газават», будучи составным элементом нацистской пропаганды, не представляет собой источник объективных данных. Попытки редакции и авторов статей связать национальную историю, институты и политические перспективы горских народов с антисемитизмом или панисламизмом отражали стремление нацистской Германии интегрировать все возможные ресурсы на фронте борьбы с антигитлеровской коалицией.

Национальная история транслировалась с обращением к травмам прошлого народов Кавказа — мухаджирство, гибель государственных образований в начале 1920-х годов, политические репрессии 1920—1930-х годов, депортация некоторых горских народов в 1943—1944 годы. Пропагандисты стремились увязать все эти драматические страницы истории с надеждами на реабилитацию в случае успеха Германии.

Политическое будущее, в каких бы измерениях оно ни преподносилось, неизменно связывалось с Германией. Немцы в материалах «Газавата» выступали единственными союзниками в решении таких вопросов, как создание кавказского государства и возвращение горцев-мухаджиров на исторические земли.

Одна из основных тематических линий «Газавата» касалась вопросов солидарности и боевого духа легионеров. Но незначительность участия северокавказских батальонов в боевых действиях в 1943—1944 годах лишила пропаганду основного символического капитала.

Исламский вопрос был представлен через призму таких политико-пропагандистских приемов, как критика советской антирелигиозной политики, внушение идеи об уважении немцев к мусульманским обрядам и праздникам, вовлечение легионеров в глобальное исламское сообщество под эгидой дружбы с Германией.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

1 Как отмечает Д. Мотадель, аль-Хусейни пытался позиционировать себя прежде всего как арабский националист и защитник палестинских мусульман, в то время как немцы пытались его презентовать как религиозного актора и панисламиста [Motadel, 2014, p. 44].

Источники и принятые сокращения

1. *Антибольшевистские партизаны в горах Кавказа* // Газават : [газета]. — 1944. — № 19 (62). — С. 1.
2. *Боевой путь адыгов* // Qazavat (На каб.-черк. яз.) : [газета]. — 1944. — № 17 (55). — С. 1.
3. *Большевистское вранье о «немецких зверствах» и действительность* // Газават : [газета]. — 1943. — № 38. — С. 7.
4. *Братья кавказцы!* // Газават : [газета]. — 1944. — № 7 (50). — С. 1.
5. *Великая война и малые народы* // Газават : [газета]. — 1943. — № 38. — С. 2.
6. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 7445 (Международный военный трибунал для главных немецких преступников (Нюрнбергский процесс)). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 208.
7. *Германская расовая политика не затрагивает честь других народов* // Газават : [газета]. — 1943. — № 36. — С. 2.
8. *Главному редактору газеты «Газават»* // Газават : [газета]. — 1943. — № 41—42. — С. 1.
9. *Горцы и казаки* // Газават : [газета]. — 1944. — № 15 (68). — С. 5.
10. *Доблестные кавказские добровольцы* // Газават : [газета]. — 1944. — № 26 (69). — С. 1.
11. *Думы командира* // Газават : [газета]. — 1943. — № 38. — С. 7.
12. *За Газават!* // Газават : [газета]. — 1943. — № 38. — С. 8.
13. *За единение народов Кавказа* // Газават : [газета]. — 1943. — № 41—42. — С. 4.
14. *За кавказский намус* // Газават : [газета]. — 1944. — № 6 (49). — С. 1.
15. *Замученная родина* // Газават : [газета]. — 1943. — № 43. — С. 3.
16. *Кавказ на Атлантике* // Газават : [газета]. — 1944. — № 4 (47). — С. 2.
17. *Конгресс единения кавказских народов* // Газават : [газета]. — 1943. — № 39. — С. 2.
18. *Курбан-байрам* // Газават : [газета]. — 1943. — № 43. — С. 2.
19. *Мои впечатления о Германии* // Газават : [газета]. — 1944. — № 15 (58). — С. 5.
20. *Мусульмане убеждены, что победа Германии даст им свободу вероисповедания* // Газават : [газета]. — 1943. — № 37. — С. 7.
21. *Мы готовы* // Газават : [газета]. — 1943. — № 41—42. — С. 4.
22. *На волнах священной войны* // Газават : [газета]. — 1944. — № 10 (53). — С. 1.
23. *На выпускном вечере у северокавказских легионеров* // Газават : [газета]. — 1944. — № 5 (48). — С. 2.
24. *На штурм плутократов!* // Газават : [газета]. — 1944. — № 25 (68). — С. 1.
25. *Надежды Кавказа* // Qazavat (На кар.-балк. яз.). — 1944 : [газета]. — № 14 (52). — С. 1.
26. *Наша борьба на Атлантике — борьба за Кавказ* // Газават : [газета]. — 1944. — № 26 (69). — С. 1.
27. *Овладесть мастерством военного искусства* // Газават : [газета]. — 1944. — № 5 (48). — С. 1.
28. *Октябрьская революция и сталинская контрреволюция* // Газават : [газета]. — 1943. — № 39. — С. 1.
29. *Первое место занял Карачай* // Газават : [газета]. — 1943. — № 38. — С. 8.
30. *Поздравление командира полка* // Газават : [газета]. — 1943. — № 41—42. — С. 1.
31. *Празднование Байрама* // Газават : [газета]. — 1943. — № 36. — С. 8.
32. *Призыв легионера к легионерам-адыгейцам* // Газават : [газета]. — 1943. — № 36. — С. 7.

33. *Расселение* западных Адыге и Азег (Абхазо-Абазин) перед эмиграцией 1864 года // Газават : [газета]. — 1943. — № 36. — С. 7.
34. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 625 (Письма в адрес П. К. Пономаренко, докладные записки, копии донесений и другие документы). Ф. 625. Оп. 1. Д. 45. Л. 955.
35. *Речь* Великого Муфтия 2-го ноября 1943 г. // Газават : [газета]. — 1943. — № 39. — С. 2.
36. *Свобода духа* // Газават : [газета]. — 1944. — № 5 (48). — С. 1—2.
37. *Сталин* решил истребить всех горцев // Газават : [газета]. — 1944. — № 21 (64). — С. 1.
38. *Тайные агенты* НКВД // Qazavat (На кар.-балк. яз.) : [газета]. — 1944. — № 12 (50). — С. 1.
39. *Тарикатское* учение на Северном Кавказе // Газават : [газета]. — 1943. — № 37. — С. 7.
40. *Юбилейный* вечер газаватистов // Газават : [газета]. — 1944. — № 11—12 (54—55). — С. 1.

Литература

1. *Гилязов И. А.* Легион «Идель-Урал» / И. А. Гилязов. — Москва : Вече, 2009. — 304 с. — ISBN 978-5-9533-4272-8.
2. *Грибков И. В.* Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.) : источниковедческое исследование : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / И. В. Грибков. — Москва, 2016. — 262 с.
3. *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 гг. / С. И. Дробязко. — Москва : Эксмо, 2004. — 608 с. — ISBN 5-699-07992-0.
4. *Журавлев Е. И.* Коллаборационизм, немецкий «Новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1942—1943 гг.) / Е. И. Журавлев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. — 2009. — Выпуск 1. — С. 135—141.
5. *Линец С. И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации : состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.) / С. И. Линец. — Пятигорск : ПГЛУ, 2009. — 529 с. — ISBN 5-87872-236-4.
6. *Малышева Е. М.* Мифологизация личности как инструмент искажения исторической правды : Султан Клыч-Гирей / Е. М. Малышева // Культурное наследие России. — 2019. — № 4 (27). — С. 100—106. — DOI: 10.34685/NI.2019.27.4.0014.
7. *Мамулия Г.* Грузинский легион вермахта / Г. Мамулия. — Москва : Вече, 2011. — 416 с. — ISBN 978-5-9533-4057-1.
8. *Муртазалиев А. М.* «Если спросить меня, в чем счастье...» (идеология и поэтика поэзии аварских легионеров) / А. М. Муртазалиев, Р. С. Баширова, М. Н. Набигулаева // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 4 (83). — С. 334—337. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00780.
9. *Романько О. В.* Мусульманские легионы во Второй мировой войне / О. В. Романько. — Москва : АСТ, 2004. — 312 с. — ISBN 5-17-019816-7.
10. *Хорольская М. В.* Нацистская пропагандистская работа среди населения Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / М. В. Хорольская // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. — 2018. — № 2. — С. 45—55.

11. *Hoffmann J.* Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer / J. Hoffmann. — Freiburg : Rombach Verlag, 1976. — 197 s. — ISBN-10 37930017.

12. *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43 : Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion / J. Hoffmann. — Freiburg : Rombach Verlag, 1991. — 534 S. — ISBN-10 3793001946.

13. *Motadel D.* Islam and Nazi Germany's War / D. Motadel. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2014. — 512 p. — ISBN-10 9780674724600.

14. *Müller R.-D.* An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus». 1941—1945 / R.-D. Müller. — Berlin : Christoph Links Verlag, 2007. — 280 s. — ISBN-10 3861534487.

15. *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal.* 14 November 1945 — 1 October 1946 : in 42 Volumes. — Nuremberg : [b. i.], 1947. — Vol. 26. — 705 p.

Статья поступила в редакцию 19.08.2023,
одобрена после рецензирования 08.10.2023,
подготовлена к публикации 20.10.2023.

Material resources

Anniversary evening of gazavatistov. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 11—12 (54—55): P. 1. (In Russ.).

Anti-Bolshevik partisans in the Caucasus mountains. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 19 (62): P. 1. (In Russ.).

At the graduation party of the North Caucasian legionnaires. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 5 (48): P. 2. (In Russ.).

Bolshevik lies about “German atrocities” and reality. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 38: P. 7. (In Russ.).

Caucasian brothers! (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 7 (50): P. 1. (In Russ.).

Celebration of Bayram. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 36: P. 8. (In Russ.).

Commander's Thoughts. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 38: P. 7. (In Russ.).

Congratulations to the commander of the regiment. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 41—42: P. 1. (In Russ.).

Congress of the Unity of the Caucasian peoples. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 39: P. 2. (In Russ.).

Eid al-Adha. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 43: P. 2. (In Russ.).

For Gazavat! (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 38: P. 8. (In Russ.).

For the unity of the peoples of the Caucasus. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 41—42: P. 4. (In Russ.).

Freedom of the spirit. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 5 (48): 1—2. (In Russ.).

GARF — State Archive of the Russian Federation. F. 7445 (International Military Tribunal for the Main German Criminals (Nuremberg Trial)). F. 7445. Op. 2. D. 99. L. 208. (In Russ.).

German racial policy does not affect the honor of other peoples. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 36: P. 2. (In Russ.).

Karachai took the first place. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 38: P. 8. (In Russ.).

Mountaineers and Cossacks. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 15 (68): P. 5. (In Russ.).

Muslims are convinced that the victory of Germany will give them freedom of religion. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 37: P. 7. (In Russ.).

- My impressions of Germany. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 15 (58): P. 5. (In Russ.).
- On the assault of the plutocrats! (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 25 (68): P. 1. (In Russ.).
- On the waves of the holy war. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 10 (53): P. 1. (In Russ.).
- Our struggle in the Atlantic is the struggle for the Caucasus. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 26 (69): P. 1. (In Russ.).
- RGASPI — Russian State Archive of Socio-Political History. F. 625 (Letters to P. K. Ponomarenko, memos, copies of reports and other documents). F. 625. Op. 1. d. 45. L. 955. (In Russ.).
- Secret agents of the NKVD. (1944). *Qazavat (In kar.-balk. yaz.): [newspaper]*, 12 (50): P. 1. (In Russ.).
- Settlement of western Adyge and Azega (Abkhazo-Abaza) before emigration in 1864. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 36: P. 7. (In Russ.).
- Speech of the Great Mufti on November 2, 1943. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 39: P. 2. (In Russ.).
- Stalin decided to exterminate all mountaineers. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 21 (64): P. 1. (In Russ.).
- Tariqa teaching in the North Caucasus. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 37: P. 7. (In Russ.).
- The call of a legionnaire to the legionnaires-Adygeans. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 36: P. 7. (In Russ.).
- The Caucasus on the Atlantic. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 4 (47): P. 2. (In Russ.).
- The fighting path of the Adygs. (1944). *Qazavat (In kab.-Cherk. yaz.): [newspaper]*, 17 (55): P. 1. (In Russ.).
- The Great War and small nations. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 38: P. 2. (In Russ.).
- The Hopes of the Caucasus. (1944). *Qazavat (In Kar.-balk. yaz.)*, 14 (52): P. 1. (In Russ.).
- The October Revolution and the Stalinist counter-revolution. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 39: P. 1. (In Russ.).
- The tortured motherland. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 43: P. 3. (In Russ.).
- To master the mastery of military art. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 5 (48): P. 1. (In Russ.).
- To the editor-in-chief of the Gazavat newspaper. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 41—42: P. 1. (In Russ.).
- Valiant Caucasian volunteers. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 26 (69): P. 1. (In Russ.).
- We are ready. (1943). *Gazavat: [newspaper]*, 41—42: P. 4. (In Russ.).
- Za kavkazskiy namus. (1944). *Gazavat: [newspaper]*, 6 (49): P. 1. (In Russ.).

References

- Droblyazko, S. I. (2004). *Under the banners of the enemy. Anti-Soviet formations in the German Armed Forces 1941—1945*. Moscow: Eksmo. 608 p. ISBN 5-699-07992-0. (In Russ.).
- Gilyazov, I. A. (2009). *Legion "Idel-Ural"*. Moscow: Veche. 304 p. ISBN 978-5-9533-4272-8. (In Russ.).
- Gribkov, I. V. (2016). *Newspapers in the occupied territory of the USSR in Russian during the Great Patriotic War (1941—1944): source research*. PhD Diss. Moscow. 262 p. (In Russ.).
- Hoffmann, J. (1976). *Die Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer*. Freiburg: Rombach Verlag. 197 s. ISBN-10 37930017. (In Germ.).
- Hoffmann, J. (1991). *Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion*. Freiburg: Rombach Verlag. 534 S. ISBN-10 3793001946. (In Germ.).

- Khorolskaya, M. V. (2018). Nazi propaganda work among the population of the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Locus: people, society, cultures, meanings*, 2: 45—55. (In Russ.).
- Linets, S. I. (2009). *The North Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: the state and features of development (July 1942 — October 1943)*. Pyatigorsk: PGLU. 529 p. ISBN 5-87872-236-4. (In Russ.).
- Malysheva, E. M. (2019). Mythologization of personality as an instrument of distortion of historical truth: Sultan Klych-Giray. *Cultural heritage of Russia*, 4 (27): 100—106. DOI: 10.34685/HI.2019.27.4.0014. (In Russ.).
- Mamulia, G. (2011). *Georgian Legion of the Wehrmacht*. Moscow: Veche. 416 p. ISBN 978-5-9533-4057-1. (In Russ.).
- Motadel, D. (2014). *Islam and Nazi Germany's War*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 512 p. ISBN-10 9780674724600.
- Müller, R.-D. (2007). *An der Seite der Wehrmacht: Hitlers ausländische Helfer beim «Kreuzzug gegen den Bolschewismus». 1941—1945*. Berlin: Christoph Links Verlag. 280 s. ISBN-10 3861534487. (In Germ.).
- Murtazaliev, A. M., Bashirova, R. S., Nabigulaeva, M. N. (2020). “If you ask me what happiness is...” (ideology and poetics of poetry of Avar legionnaires). *The world of science, culture, education*, 4 (83): 334—337. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00780. (In Russ.).
- Romanko, O. V. (2004). *Muslim legions in the Second World War*. Moscow: AST. 312 p. ISBN 5-17-019816-7. (In Russ.).
- Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. 14 November 1945 — 1 October 1946: in 42 Volumes*, 26. (1947). Nuremberg: [b. i.]. 705 p.
- Zhuravlev, E. I. (2009). Collaboration, the German “New Order” and the religious question in the South of Russia during the occupation (1942—1943). *Bulletin of the St. Petersburg University. Series 2: History*, 1: 135—141. (In Russ.).

*The article was submitted 19.08.2023;
approved after reviewing 08.10.2023;
accepted for publication 20.10.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 12(8), 2023]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Якупова Д. В. Пензенские «Агит-окна» в культурном наследии Великой Отечественной войны / Д. В. Якупова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 8. — С. 509—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-509-528.

Yakupova, D. V. (2023). Penza's "Agit-Windows" in Cultural Legacy of Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 12 (8): 509-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-509-528. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-509-528

Пензенские «Агит-окна» в культурном наследии Великой Отечественной войны

Якупова Дарья Викторовна
orcid.org/0000-0002-2013-4327
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «История России
и методика преподавания истории»
bubnova90@mail.ru

Пензенский
государственный университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при грантовой поддержке ректора
Пензенского государственного
университета

Penza's "Agit-Windows" in Cultural Legacy of Great Patriotic War

Daria V. Yakupova
orcid.org/0000-0002-2013-4327
PhD in History,
Associate Professor,
"Russian History and Methods
of Teaching History" Department
bubnova90@mail.ru

Penza State University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried
out with grant support
from the rector
of Penza State University

© Якупова Д. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена творческой деятельности пензенской мастерской плаката «Агит-окно» — провинциального аналога «Окна ТАСС» по созданию военно-оборонных крупноформатных тиражных изданий периода Великой Отечественной войны. Впервые вводятся в научный оборот архивные документы. Описываются творческие практики группы художников, организовавших в Пензе выпуск агитационных материалов. Охарактеризовано культурное взаимодействие художественной интеллигенции на уровне «союзный центр — провинция». Высоко оценена роль наследия пензенской художественной школы в деле создания и развития жанра военно-оборонного плаката, а также вклад в работу издательства тех художников, которые были эвакуированы в Пензу в годы войны. Автор останавливается на описании содержательной части изданных в Пензе плакатов «Агит-окно», предпринимает попытку их классификации и дифференциации от иных художественных практик. На основе анализа сохранившихся оригиналов плакатов прослеживается сюжетная и художественная эволюция пензенских «Агит-окно» через изобразительные особенности и способы их создания. Автор приходит к выводу, что, несмотря на циклические периоды ликвидации и восстановления, пензенская мастерская военно-оборонных плакатов сохранила эксклюзивный почерк и способствовала созданию ярких образцов сатирической и патриотической графики.

Ключевые слова:

СССР; Пензенская область; Великая Отечественная война; плакат; Союз художников; творческая интеллигенция; Агит-окно.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the creative activities of the Penza poster workshop “Agit-Window” — a provincial equivalent of the “TASS Window” for creating large-format mass publications during the period of the Great Patriotic War. For the first time, archival documents are introduced into scientific circulation. The creative practices of the group of artists who organized the production of agitational materials in Penza are described. The cultural interaction of the artistic intelligentsia at the level of “union center — province” is characterized. The role of the heritage of the Penza art school in the creation and development of the genre of military-defense posters is highly appreciated, as well as the contribution of those artists who were evacuated to Penza during the war. The author focuses on describing the content of the posters “Agit-Window” published in Penza, attempts to classify and differentiate them from other artistic practices. Based on an analysis of surviving original posters, the narrative and artistic evolution of Penza’s “Agit-Window” is traced through its visual features and methods of creation. The author concludes that despite cyclical periods of liquidation and restoration, the Penza workshop for military-defense posters maintained its distinctive style and contributed to the creation of vivid examples of satirical and patriotic graphics.

Key words:

USSR; Penza region; Great Patriotic War; poster; Union of Artists; creative intelligentsia; Agit-Window.

Пензенские «Агит-окна» в культурном наследии Великой Отечественной войны

© Якупова Д. В., 2023

1. Введение = Introduction

Изучение с научных позиций наглядно-агитационной работы тыла как наиболее массового средства информационно-психологического воздействия выступает сегодня актуальным направлением. По итогам исследования темы истории культуры Пензенской области в годы Великой Отечественной войны представляет особый научный интерес процесс создания и распространения незаурядных плакатов «Окна ТАСС» и их провинциального пензенского аналога — «Агит-окно», который сегодня остается малоизученным [Якупова, 2023]. Еще в 1942 году Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин отметил: «Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо “Окон ТАСС”». Может быть, эти плакаты не будут фигурировать на выставках, не займут специальных залов в Третьяковской галерее, но историки мимо них не пройдут, как не пройдут мимо “Окон РОСТА” при изучении Октябрьской революции. И серьезный историк, и будущий художник, касаясь эпохи Отечественной войны, обратятся к этому материалу» [РГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 1095, л. 4—5].

Предмет работы исходит из современного развития исторического знания и представляет собой изучение провинциального культурного наследия через формат анализа изобразительных источников — военно-оборонных плакатов. В частности, на основе изучения тематического и стилистического спектра агитационных плакатов в статье ставится цель реконструкции целостной картины становления и развития в период Великой Отечественной войны уникального явления в истории провинциального искусства Пензенской области — деятельности издательства «Агит-окно».

Новизной исследования выступает подход, при котором творческий путь мастерской «Агит-окно» прослеживается через призму функционирования союзного проекта «Окна ТАСС», где успешно работали представители пензенской художественной школы.

Научная проблема исходит из необходимости на основе изучения широкого комплекса источников установить точную дату выхода в свет первых пензенских плакатов «Агит-окно», пофамильный список художников,

работавших над созданием плакатов, проанализировать творческий путь и вклад авторского коллектива в создание креативных материалов, а также проследить деятельность властных структур Пензенской области по оказанию содействия в реализации наглядно-агитационной работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На всесоюзном уровне агитационная деятельность ТАСС в 1941—1945 годах неоднократно становилась объектом исследования в исторических работах в рамках изучения советской пропаганды. Наиболее предметно тема получила освещение в работах В. А. Масленникова [Масленников, 2007], А. Я. Лившина, И. Б. Орлова [Советская пропаганда..., 2007]. Довольно точную и содержательную формулировку понятию «Окна ТАСС» и провинциальным «окнам» приводит Е. П. Максименко, характеризуя данное творческое явление как «литературно-художественный агитационный проект времён Великой Отечественной войны» [Максименко, 2013, с. 16].

В последнее время становится больше публикаций об осмыслении агитационно-наглядной работы в годы войны на региональном уровне: в Томске [Федосов, 2015], блокадном Ленинграде [Бахтияров, 2018], Магнитогорске [Чернова, 2023], городах Поволжья [Голуб и др., 2002]. Так, в диссертации О. К. Ефименко «Художественная интеллигенция Верхней Волги накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1939 — май 1945 года» описывается общественно-политическая и социально-культурная деятельность художественной интеллигенции Верхневолжского региона [Ефименко, 2012].

В историко-краеведческой литературе Пензенского региона актуальных и обобщающих работ по изучению создания и развития издательства военного плаката в годы войны не обнаружено. Данную тему наиболее подробно описывали О. М. Савин [Савин, 2005] и В. А. Мочалов, который собрал воспоминания непосредственных участников мастерской «Агит-окно» [Пензенские «агитокна» ..., 2000, л. 1—6]. Исторические сборники и партийные издания Пензенской области также упоминали о творческом наследии пензенской художественной школы и «Агит-окнах» [Пензенская область..., 1957; Очерки..., 1983]. Но, несмотря на важность данных работ, отметим, что их источниковая база ограничивается региональным уровнем материалов, что снижает их актуальность.

Косвенно деятельность пензенской мастерской плаката «Агит-окно» описывали Н. А. Фадеева [Фадеева, 2005], Л. А. Королева [Королева, 2018], Н. И. Забродина [Забродина, 2012], С. Н. Кузичкин [Кузичкин, 2015]. Вместе с тем отдельного изучения на примере Пензенской области данное явление ни в исторической, ни в культурологической научной литературе не получило.

В связи с этим в рамках исследования был дополнительно проанализирован пласт выявленных архивных материалов, отложившийся в фонде «Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза при Совете Министров СССР (ТАСС)» Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ]. Содержащиеся в документах сведения позволяют составить представление о создании и деятельности союзной мастерской «Окна ТАСС» («Отчет о работе редакции военно-оборонного плаката «Окна ТАСС» за 18 месяцев войны, июнь 1941 — декабрь 1942», «Переписка по вопросам планирования и финансирования редакции “Окна ТАСС”, за 1941, 1942, 1943, 1944 и 1945 гг.»).

Материалы фондов Российского государственного архива литературы и искусства дают возможность изучить значимые документы, касающиеся вопроса функционирования мастерских плакатов как на союзном уровне, так и в регионах СССР («Стенограмма заседания президиума Оргкомитета по обсуждению работы художников “Окна ТАСС”, 28 августа 1942», «Стенограмма беседы М. И. Калинина с художниками, работающими в окнах “ТАСС”», «О работе редакции “Окна ТАСС”. Политическое агитационное значение “Окон ТАСС”. Доклад на заседании партбюро ТАСС») [РГАЛИ].

Материал, посвященный созданию и развитию пензенской мастерской плаката «Агит-окно», обобщен и исследован по фондам Государственного архива Пензенской области [ГАПО], а также Пензенского государственного краеведческого музея, где сегодня находятся на хранении оригиналы плакатов.

Для достижения целей исследования проведен исторический анализ периодической печати («Сталинское знамя»), активно освещавшей агитационную работу в Пензенской области в годы войны. В целях дополнения и уточнения данных привлекаются записи воспоминаний представителей художественной интеллигенции, непосредственной участвовавших в деятельности издательства «Агит-окно».

В числе исто-источников анализируются оригиналы созданных в Пензе агитационных плакатов, впервые проведено исследование и количественное описание сохранившихся на сегодняшний день работ издательства «Агит-окно», что позволило установить их авторов, структуру издания и провести сравнение с союзным проектом «Окна ТАСС».

Исследование носит междисциплинарный характер и основывается на принципах историзма и объективности. Методологический аппарат включает набор научных подходов, позволяющих проанализировать выбранные источники в дискурсе современного исторического знания: историко-антропологический, конкретно-исторический, историко-типологический методы, а также сравнительно-сопоставительный анализ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Инициатива создания первых военных оборонных плакатов в СССР и в Пензенской области

С началом войны важной государственной задачей выступала агитационно-пропагандистская деятельность, направленная на моделирование новой военной ментальности советских людей и борьбу с внешней экспансией на фронте и в тылу.

Как отмечается в архивных материалах, идея создания агитационных «окон» была выдвинута оргкомитетом Союза художников СССР в первые дни начала войны и планировалась к реализации в рамках сетевой структуры данного творческого объединения. «Перед нами встал целый ряд трудностей, которые нам самим было трудно преодолевать, <...> мы посоветовались в ЦК и нам порекомендовали обратиться в ТАСС», — отмечал 19 декабря 1942 года председатель Оргкомитета Союза художников СССР А. М. Герасимов на встрече с М. И. Калининым [РГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 1095, л. 8—9].

По указанию Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) в 1941 году приступило к выпуску военно-оборонных плакатов «Окна ТАСС», которые создавались бригадой высококвалифицированных художников и литераторов [ГАРФ, ф. 4459, оп. 9, д. 61, л. 151]. Ежедневное издание состояло из двух плакатов с политической карикатурой при тираже в 150 экземпляров и одной большой картины (панно) народно-героического характера с копиями в количестве 10 экземпляров [Там же]. После этого «Окна ТАСС» постепенно стали выходить в своеобразном формате в Куйбышеве, Ленинграде, Горьком, Молотове, Кирове, Иркутске, Новосибирске, Свердловске, Казани, Чебоксарах, Саратове, Пензе, Туле, Чите, Ташкенте, Фрунзе, Тбилиси и др. городах [Там же, оп. 11, д. 1249, л. 1—2].

Великая Отечественная война потребовала разработки наглядной агитации перестройки работы задействованных в этом художников: часть из них ушла на фронт, а оставшиеся стали активно работать в тылу [Пензенская область..., 1957, с. 540]. Художники в кратчайшие сроки приступили к созданию ярких плакатов, образно и достаточно точно отражавших ключевые события войны, боевые призывы и чаяния советского народа. Как показало исследование, после выхода 27 июня 1941 года первого выпуска в рамках проекта «Окна ТАСС» в областных и городских центрах СССР стали издаваться аналогичные структуры: «Агит-окна» (в Пензе и Саратове) или «Окна сатиры» (в Казани и Чистополе). Так, первый номер «Агит-окно» в Саратове вышел 3 июля, а в Пензе — 15 октября 1941 года [Сталинское знамя, 1941, 26 октября].

Отметим, что уже с первых дней войны в Пензе проводилась активная агитационная деятельность, широкое распространение получили наглядные агитационные материалы. В областном центре было расклеено более 9 тыс. лозунгов и одной тыс. плакатов, которые не были унифицированы, они создавались, как правило, работниками домов культуры [ГАПО, ф. р. 148, оп. 1, д. 501, л. 52].

В целях оптимизации и содержательного контроля изо-работы, согласно архивным сведениям, в Пензе 23 сентября 1941 года на условиях полного хозрасчета была организована мастерская плаката «Агит-окно». При активном содействии пензенского отделения Союза художников СССР и редакции газеты «Сталинское знамя» в Пензе в доме № 25 по улице Московская при товариществе «Художник» была учреждена редколлегия, а также стартовали первые работы по творческому поиску [Там же, д. 390, л. 157]. В творческий коллектив вошли художник П. И. Котов, журналист Ф. М. Дворянов, председатель областного Союза художников Н. Я. Евстигнеев и др. Так пензенскими художниками было положено начало одному из самых ярких направлений в эстетической культуре периода Великой Отечественной войны — созданию агитационных плакатных «окон».

В опубликованной краеведческой литературе пензенские «Агит-окна» характеризуются как антифашистские агитационные плакаты, выпускавшиеся по инициативе профессора живописи П. И. Котова при участии местных художников. Однако это не полностью соответствует действительности. В автобиографическом очерке П. И. Котов вспоминал: «В сентябре 1941 года я эвакуировался с семьей в Пензу. Объединив вокруг себя местных художников, я организовал работу по выпуску “Окон ТАСС”» [Мастера советского..., 1951, с. 259]. Но фактически пензенская мастерская «Агит-окно» не была официальным отделением проекта «Окна ТАСС». При редакции Телеграфного агентства Союза ССР официально существовали только Куйбышевское и Ташкентское отделения, которые к декабрю 1942 года были ликвидированы [ГАРФ, ф. 4459, оп. 11, д. 1249, л. 4]. «Сейчас по всему Союзу там, где только имеются художники, везде организованы такие агитационные «окна», и на местах они совершенно независимы от ТАСС, их продукцию, обыкновенно, редактирует облисполком или райком. Нам сюда присылают оригиналы, и мы беспристрастно должны сказать, что по качеству они не уступают нашим», — отмечал Председатель Оргкомитета Союза художников СССР А. М. Герасимов [РГАЛИ, ф. 962, оп. 3, д. 1095, л. 8].

3.2. Наследие пензенской художественной школы в издательстве военно-оборонных плакатов

Исследование показало, что не только в Пензе, но и на союзном уровне пензенская художественная школа громко заявляла о себе в рамках созда-

ния военно-оборонных плакатов. Так, в центральном издательстве «Окна ТАСС» одними из первых стали публиковаться работы Г. К. Савицкого — выпускника Пензенского художественного училища. В 1941 году им были подготовлены плакаты «№ 4. «Поимка диверсанта, разрушающего железнодорожный путь (панно)», «№ 16. «Кавалерийская атака (панно)», «4 (№ 33) Народ слушает вождя» [ГАРФ, ф. 4459, оп. 9, д. 62, л. 5—7]. Сегодня в архивах хранятся и другие работы Г. К. Савицкого в рамках военно-оборонной тематики периода Великой Отечественной войны: наброски плакатов «Окна ТАСС», обложек и иллюстраций к журналам «Красноармеец» и «Пограничник» [РГАЛИ, ф. 2612, оп. 1, д. 77, л. 1—49]. В 1942 году его патриотическая деятельность была отмечена знаком лауреата Сталинской премии [Савин, 2005, с. 176].

Отметим, что созданные на территории Пензенской области «Агит-окна» не были простым копированием сюжетной линии произведений союзной мастерской «Окна ТАСС». Более 40 плакатных работ, сохранившихся в Государственном архиве Пензенской области и Пензенском государственном краеведческом музее, свидетельствуют о том, что художники, работавшие в Пензе, находили своеобразные колористические решения и уникальные формы отражения образа врага в сочетании с индивидуализированным литературным сопровождением. Таким образом, можно говорить о пензенских «Агит-окнах» как о провинциальном творческом явлении, имеющем свои характерные черты, в том числе эксклюзивный почерк наследия художественной школы имени К. А. Савицкого. Так, к оформлению «Агит-окон» с сентября 1941 года были привлечены талантливые художники в лице преподавателей Пензенского художественного училища — выпускники Ленинградского высшего художественного института Н. К. Краснов, А. И. Постнов и А. Г. Вавилин. Кроме того, в коллектив входили художники Г. А. Бочканов, Н. Я. Евстигнеев, М. И. Козицин, скульптор А. М. Сперанский, график Б. И. Лебедев, мастера трафарета Н. А. Алентьев и А. П. Баринов-Ельцов [ГАПО, ф. р. 2356, оп. 1, д. 91, л. 11—17].

Значительно повысилась культура военно-оборонного плаката за счет сотрудничества с писательским сообществом. Как правило, на «Агит-окнах» фигурировали не только изображения и лозунги, но и поэтические строки. Так, литературный текст для первого и второго номеров пензенских «агит-окон» был разработан К. И. Постновой (рис. 1), поэтом М. И. Инюшкиным, эвакуированным в Пензу писателем Я. М. Тайц [Сталинское знамя, 1941, № 241, 12 октября, с. 4.]. Позже текст для наглядной агитации готовил и поэт М. М. Пратусевич.

В начальный период войны плакаты имели ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, им было свойственно гротесковое и

Рис. 1. Агит-окно № 1 (24) «Гоним фрицев мы от Дона...»
[НСБ ГАПО, 311-Б, л. 1]

сатирическое изображение событий [Голуб и др., 2002]. Каждый номер пензенских «Агит-окон», вышедших в 1941 году, имел шесть тематических плакатов, оформленных со специфической маркировкой «Агит-окно» и порядковым номером (рис. 2).

Отметим, что плакаты создавались вручную по многоцветному трафарету и получались яркими, информативными, но недолговечными. Для проведения организованного сбыта и распространения «Агит-окон» местными властями было рекомендовано организациям и предприятиям Пензы

Рис. 2. Агит-окно №19 «Кто они» (панно)
[НСБ ГАПО, 313-Б, л. 1]

произвести предварительную подписку на плакаты при стоимости одного экземпляра 20 руб. [ГАПО, ф. р. 148, оп. 1, д. 390, л. 157]. Предполагалось выпускать три номера «Агит-окон» в месяц при тираже каждого в 200—300 экземпляров [Там же]. Для подготовки издания агитационных материалов редакцией газеты «Сталинское знамя» до конца 1941 года было выделено 180 кг бумаги.

Традиционно изданные выпуски «Агит-окон» в Пензенской области размещались в парках и других общественных местах, где были организованы витрины и вывешивались свежие номера центральных и местных газет. В документах Пензенского архива отмечается, что в 1941 году «около агит-окна наблюдали десятки зрителей» [Там же, д. 501, л. 52], и это подчёркивает эмоциональный отклик населения на новые подходы к наглядной агитации.

Деятельность художников Пензы по созданию «Агит-окон», выполнявшая важные идеологические функции, безусловно, нуждалась в материальной поддержке. В январе 1942 года исполнительным комитетом Пензенского облисполкома была утверждена смета на выпуск «Агит-окон»

в 1942 году по доходам и расходам в сумме 144 тыс. руб. [Там же, ф. р. 2038, оп. 1, д. 580, л. 326]. С одной стороны, финансирование свидетельствовало о заинтересованности местной власти в выпуске пропагандистских плакатов, с другой — ярко демонстрировало высокий уровень расходов и рост тиражей. Так, с 1942 года пензенские живописцы на постоянной основе организовывали в колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях области так называемые «витрины последних известий», что требовало дополнительных затрат [Очерки..., 1983, с. 291]. Кроме того, к 1942 году в Пензенской области действовали уже около 2 тыс. щитов для размещения злободневных, острых карикатур и «Агит-окон», которые нужно было наполнять и обновлять [Там же, ф. р. 148, оп. 1, д. 175, л. 95].

3.3. Распад первого коллектива мастерской «Агит-окно» и возрождение издательства военно-оборонных плакатов в Пензе

В целях оптимизации изготовления художественных окон в феврале-марте 1942 года при отделе по делам искусств Пензенского облисполкома было образовано новое одноименное хозрасчетное издательство «Агит-окно» [Там же, ф. р. 2355, оп. 1, д. 24, л. 18]. Его директором назначили А. И. Постнова, возглавлявшего в то время Пензенское отделение Союза художников. «Было радостно осознавать, что наш труд помогает народу в тяжелые дни. Плакаты мы выпускали с год. Отдельные художники поработали на славу и сделали много хороших листов», — вспоминал Алексей Иванович [Пензенские «агитокна» ..., 2000, л. 4].

Но к 1942 году в Пензу в нарастающем количестве стала поступать из союзного центра и Куйбышева готовая печатная продукция мастерской «Окна ТАСС» и другая наглядная агитация. Деятельность пензенского издательства «Агит-окно» по производству плакатной агитации трафаретным способом становилась нерентабельной.

На фоне возросших возможностей издательства областной газеты «Сталинское знамя» 23 мая 1942 года было принято решение о целесообразности передачи издательства «Агит-окно» и перевода сотрудников в структуру типографии [Фадеева, 2005, с. 80]. В ходе такой оптимизации тиражи плакатов возросли с 200 до 3—5 тыс. экземпляров, что было связано с использованием новых возможностей тиражей за счет литографирования. «За последние месяцы наше издательство реконструировало свои литографские цеха и приспособило их для выпуска художественных плакатов. Выпущено свыше 20 плакатов и агитокон», — отмечал редактор издательства «Сталинское знамя» Н. И. Страхов [Там же, л. 4].

В 1942 году на страницах газеты «Сталинское знамя» отмечалось, что коллектив пензенских художников и писателей регулярно выпускает «Агит-окна», а красочные рисунки и злободневные тексты агитплакатов

продолжали призывать советских людей направлять все усилия на разгром врага и помощь фронту (рис. 3) [Сталинское знамя, 1942, 7 марта, № 56].

Пензенские «Агит-окна», вышедшие в 1941—1942 годах, получили высокую оценку в столичной печати и докладе на заседании президиума Оргкомитета Союза советских художников по обсуждению работы художников «Окна ТАСС» [РГАЛИ, ф. 3189, оп. 1, д. 136, л. 18]. Деятельность пензенских авторов оборонных плакатов вписана в летопись культурного наследия России и упоминается в XIII томе «История русского искусства» под редакцией академика И. Э. Грабаря [История русского искусства..., 1964, с. 26].

Рис. 3. Агит-окно «Мартышка и бинокль (басня)»
[НСБ ГАПО, 306-Б, л. 1]

Исследование показало, что на фоне убытия в 1942 году в Москву инициатора мастерской «Агит-окно» П. И. Котова образованный им коллектив художников постепенно отошел от их производства. Издательство в Пензе креативных художественных образов в форме плаката стало переживать циклические периоды ликвидации и восстановления. Так, после некоторого перерыва (ликвидировано 17 августа 1942 года) оборонные плакаты вновь стали создаваться по решению Пензенского обкома ВКП (б) «О возобновлении издания агит-окон». Уже с 20 октября 1943 года в месяц при пензенской областной газете «Сталинское знамя» посредством литографирования печаталось по три плаката «Агит-окно» тиражом 200 экземпляров каждый [Фадеева, 2005, с. 80]. Новые плакаты стали формироваться графиком, художественным редактором газеты «Сталинское знамя» Б. И. Лебедевым. За год силами местных художников было издано 18 номеров плакатов «Агит-окно» общим тиражом 22 тыс. экземпляров [ГАПО, ф. р. 148, оп. 1, д. 959, л. 15, 65].

Стоит отметить, что в периодических номерах пензенской областной газеты «Сталинского знамени» «Агит-окна» не публиковались. В содержании номеров газеты с 1941 по 1945 годы традиционно печатались патриотические рисунки за авторством Б. И. Лебедева. В 1944 году в газете размещались работы из альбома «Смерть немецким захватчикам», подготовленного к изданию редакцией газеты «Сталинское знамя». Находили отклик актуальные политические, культурные и повседневные темы войны и тыла в карикатурах Б. Лебедева [Сталинское знамя, 1941, 12 сентября, № 215, с. 1; там же, 1941, 5 октября, № 235, с. 1], В. Васильева [Там же, 1942, 18 декабря, № 297, с. 2], М. Краснопольского [Там же, 1941, 16 октября, № 244, с. 4]. Интересной, но эпизодической (всего 4 выпуска в 1942 году) стала газетная рубрика «Стенд огрехов» (художник Б. Курган) с карикатурой и саркастическим содержанием, высмеивавшим промахи на производстве и колхозах [Там же, 1942, 15 мая, № 113].

В июне 1944 года начальник отдела по делам искусств Пензенского облисполкома К. В. Королев в своем отчете отмечал, что в его подчинении вновь действовало хозрасчетное издательство «Агит-окно» [ГАПО, ф. р. 2038, оп. 1, д. 898, л. 8]. Так, в 1944 году в Пензе прошли три творческих выставки, на которых было отмечено высокое качество работы мастеров-художников. Большое внимание уделялось наглядной изобразительной агитации: «Агит-окнам», плакатам, оформлению улиц и площадей [Там же, ф. р. 2355, оп. 1, д. 16, л. 6].

3.4. Содержание пензенских плакатов «Агит-окно» и их роль в агитационной работе

Критерии разграничения вариантов военно-оборонного плаката («Окна ТАСС», «Агит-окно» или «агит-плакат») документально не уста-

новлены. Поэтому в рамках данного исследования мы условно разделим «Агит-окна» и иные агитационные изобразительные материалы военных лет, издававшихся пензенскими художниками.

Заведующий редакцией военно-оборонного плаката «Окна ТАСС» Н. Ф. Денисовский выделял следующие характерные черты окна-плаката: «соединение изобразительного текста с чисто литературным текстом, преимущественно стихотворным, причем момент изобразительный присутствует, как правило, монументально, что безусловно делает плакат более интересным и вместе с тем придает ему определенную направленность — дает ему точный адрес назначения — улицу» [ГАРФ, ф. 4459, оп. 11, д. 1249, л. 3].

Как уже отмечалось выше, пензенские «агит-окна» имели уникальную структуру отдельного плаката: номер выпуска, символическую надпись «Агит-окно», изображение и текст (лозунг и / или стихи), — а также определенный способ производства и технологию, что соответствовало образцу московского первоисточника «Окна ТАСС» (рис. 4).

Рис. 4. Агит-окно № 19. «Молодец против овец...»
[НСБ ГАПО, 314-Б, л. 1]

Другие же, не менее значимые по своему тематическому содержанию и смыслу, агитационные плакаты военного времени такими отличительными чертами не обладали.

Несмотря на издание целой серии плакатов в издательстве «Сталинское знамя», у данных материалов уже не было идентификации и отсутствовал год издания и дата. Из-за этого сегодня практически утрачена возможность восстановить хронологию выхода «Агит-окон» в свет, провести глубокое исследование влияния временного фактора на изменение их содержания в период 1941—1945 годов.

Проведенный анализ сохранившегося культурного наследия деятельности пензенских «Агит-окон» позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, время не щадит материальные объекты культуры и искусства, что приводит к утрате художественных образов военно-оборонных плакатов, созданных пензенским коллективом художников в годы войны. В Государственном архиве Пензенской области сохранилось порядка 23 плакатных «окон», в Пензенском государственном краеведческом музее — 17 работ, а в Пензенской государственной картинной галерее им. К. А. Савицкого — 15. Вместе с тем на уровне региона отсутствует альбомное издание репродукций «Агит-окон», что увеличивает риск их утраты.

Во-вторых, оборонные плакаты «Агит-окна» 1941—1942 годов выпуска, благодаря деятельности профессора П. И. Котова, в своей визуальной части были наиболее близки к классическому проекту «Окна ТАСС». С момента присоединения мастерской «Агит-окно» к типографии «Сталинское знамя» и возобновления работы по созданию плакатов заголовков «Агит-окно» исчезает, меняется структура и текстово-графическая композиция, утрачивается их последний идентификатор — номерной порядок. При этом выраженная соотносительность с жанром военно-оборонного плаката сохранялась. По итогам проведенного анализа установлено, что из числа сохранившихся сегодня выпусков «Агит-окон» 16 листов созданы за авторством Н. К. Краснова, 10 — А. М. Сперанского, 8 — Г. А. Бочканова, 5 — П. И. Котова, в 7 — автор обозначен словом «редколлегия», а на 9 плакатах художник не указан.

В выпусках «Агит-окон» красной нитью проводится идея преемственности между событиями эпохи создания плакатов и историческими победами Российского государства («Агит-окно» № 1 (24)), что выступало важной моральной предпосылкой к Победе и продолжению славных военных традиций, приумножению ратных подвигов предков и усилению мобилизационной дисциплины (рис. 5).

В текстах плакатов прослеживается гражданская направленность через призыв к борьбе, восславление любви к Родине, выражение стремления отомстить за страдания, причинённые советскому народу: «...Мы Родину любим, и с ней мы готовы любые страдания и жертвы нести, но день

Рис. 5. Агит-окно №1 (24)
[НСБ ГАПО, 312-Б, л. 1]

приближается грозный, суровый, за все наши жертвы врагам отомстим» [НСБ ГАПО, 285-Б, л. 1—2].

Это полностью отвечало вызовам времени и решениям высшего руководства страны в русле агитационно-пропагандистской деятельности: каждый советский человек должен был понимать, что в войне решалась судьба Советского государства.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование — важный этап в деле изучения культуры отдельного тылового региона в период военных действий и создания целостной летописи деятельности, которую творческий союз художников самоотверженно выполнял, несмотря на все сложности.

Инициированная на союзном уровне работа творческой мастерской по созданию плакатов в Пензе в годы войны пережила несколько циклических периодов: из-за недостатка ресурсов и нерентабельности деятельность художественно-литературного коллектива время от времени сворачивалась и заново воссоздавалась. Это наложило свой отпечаток на системную работу по выпуску плакатных листов: происходила смена коллектива, менялись изобразительные подходы, внедрялись новые способы тиражирования выпусков «Агит-окон».

Исследование показало, что деятельность властных структур Пензенской области по оказанию содействия в реализации наглядно-агитационной работы в рамках проекта «Агит-окно» более исходила из указаний высших органов власти и инициативой не отмечалась. Возможно, именно по этой причине организация мастерской «Агит-окно» стала активной лишь в октябре 1941, то есть на несколько месяцев позже соседних регионов Среднего Поволжья. Вместе с тем благодаря подвижничеству целой плеяды художников, работавших и эвакуированных в годы войны в город Пензу, организация творческой работы была довольно быстро налажена, а плакаты заняли почетное место в витринах городов и районных центров области.

Военно-оборонные плакаты пензенской мастерской «Агит-окна» сегодня представляют собой не только исторический источник для изучения объектов искусства, выступавших средством мобилизации населения и формирования патриотизма в хронике Великой Отечественной войны, но и собственно как предмет искусства. Листы плакатных «окон», создававшиеся в экстремальной обстановке на фоне всеобщей мобилизации ресурсов, воплощают в себе колоритные образцы сатирической и патриотической графики военной эпохи. В этой связи в настоящее время необходима работа по сохранению культурного наследия: от цифровизации сохранившихся оригиналов выпусков «Агит-окон» до выпуска альбомных изданий с репродукциями.

Безусловно, в рамках дальнейшей разработки темы важно с исторических позиций завершить обобщение биографических данных о мастерах-художниках, поэтах и писателях, которые участвовали в создании плакатов «Агит-окна». Научный интерес представляет и восстановление сведений об истории создания и местах экспонирования отдельных агитационных листов. Завершение данных задач к 80-летию юбилею Победы стало бы одним из важнейших этапов сохранения культурного наследия регионального уровня периода Великой Отечественной войны.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАПО — *Государственный* архив Пензенской области.
2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации.
3. НСБ ГАПО — *Научно-справочная* библиотека Государственного архива Пензенской области.
4. ПГКМ — *Пензенский* государственный краеведческий музей.
5. РГАЛИ — *Российский* государственный архив литературы и искусства.
6. Сталинское знамя : [газета]. — Орган Пензенского обкома ВКП (б). — Пенза. — 1939—1956.
7. ТАСС — *Телеграфное* агентство Советского Союза.
8. Пензенские «агитокна» (Рукопись авт. : Мочалов В. А., 17 января 2000 года) // Пензенский государственный краеведческий музей (ПГКМ), ф. н/а, № 671/7, л. 1—6.
9. Пензенская область за сорок лет советской власти, 1917—1957. — Пенза : Пенз. кн. изд-во, 1957. — 544 с.
10. Очерки истории Пензенской организации КПСС. — Саратов : [б. и.], 1983. — 503 с.

Литература

1. Афонский С. А. Наличие и характер архетипов в искусстве русского плаката, созданного в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. / С. А. Афонский // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. — 2016. — № 3 (87). — С. 159—169. — DOI: 10.21686/2413-2829-2016-3-159-169.
2. Бахтияров Р. А. Плакаты «Окна ТАСС» в художественной жизни Ленинграда периода Великой Отечественной войны. Истоки и особенности образного решения / Р. А. Бахтияров. — Санкт-Петербург : Астерион, 2018. — 62 с. — ISBN 978-5-00045-580-7.
3. Голуб Ю. Г. Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима / Ю. Г. Голуб, Д. Б. Барinov. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. — 187 с. — ISBN 5-292-02922-X.
4. Ефименко О. К. Художественная интеллигенция Верхней Волги накануне и в годы Великой Отечественной войны : 1939 — май 1945 г. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. К. Ефименко. — Иваново, 2012. — 191 с.
5. Забродина Н. И. Хроника культурной жизни Пензенского края. XVIII—XX вв. [Электронный ресурс] / Н. И. Забродина. — Пенза : Пензенская ОБДЮ, 2012. — Режим доступа : https://dl.liblermont.ru/DL/September_17/Hronika_kulturnoy_zhizni_Penzenskogo_kraya_18-20vv.pdf (дата обращения 20.07.2023).
6. Королева Л. А. Агитация и пропаганда в СССР в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам Пензенской области) / Л. А. Королева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3 (47). — С. 90—97. — DOI: 10.21685/2072-3024-2018-3-9.
7. Кузичкин С. Н. Пензенские правители / С. Н. Кузичкин. — Пенза : [б. и.], 2015. — 64 с.
8. Максименко Е. П. «Даже тротуары покрывались изображениями крыш и окон...». Прифронтовая Москва 1941 года в фотографиях военных корреспондентов / Е. П. Максименко // Военно-исторический журнал. — 2023. — № 5. — С. 16—27.
9. Масленников В. А. Окна ТАСС. 1941—1945 / В. А. Масленников. — Москва : Контакт-Культура, 2007. — 127 с. — ISBN 978-5-93882-034-0.
10. Мастера советского изобразительного искусства. Произведения и автобиограф. Очерки / Сост. П. М. Сысоев и В. А. Шквариков. — Москва : [б. и.], 1951. — 604 с.

11. Савин О. М. Пензенское художественное... : страницы истории старейшего учебного заведения России / О. М. Савин. — Пенза : [б. и.], 2005. — 598 с.
12. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны : «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. : А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 2015. — Т. 2. — 397 с. — ISBN 978-5-8243-2014-5.
13. *Фадеева Н. А. Издательская деятельность типо-литографии «Сталинское знамя» в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* / Н. А. Фадеева // Великая Победа : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (21—22 апр. 2005 г.). — Пенза : [б. и.], 2005. — С. 76—82.
14. Федосов Е. А. Советский плакат времен Великой Отечественной войны : общенациональный и региональный аспекты / Е. А. Федосов, К. А. Конев // Русин. — 2015. — № 2 (40). — С. 189—209. — DOI: 10.17223/18572685/40/12.
15. Чернова Н. В. Смеховые практики в годы Великой Отечественной войны в газете «Магнитогорский рабочий» / Н. В. Чернова, Н. Н. Макарова // Новейшая история России. — 2023. — Выпуск 13. — № 1. — С. 172—184. — DOI: 10.21638/SPBU24.2023.110.
16. Якупова Д. В. Социокультурное пространство Пензенской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) / Д. В. Якупова // Исторический журнал : научные исследования. — 2023. — № 4. — С. 156—172. — DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.40990.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2023,
одобрена после рецензирования 09.10.2023,
подготовлена к публикации 25.10.2023.*

Material resources

- Essays on the history of the Penza organization of the CPSU.* (1983). Saratov: [b. i.]. 503 p. (In Russ.).
- GAPO — *The State Archive of the Penza region.* (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).
- NSB GAPO — *Scientific Reference Library of the State Archive of the Penza region.* (In Russ.).
- Penza “agitokna” (Manuscript author: Mochalov, V. A., January 17, 2000). *Penza State Museum of Local Lore (PGKM), f. n/a, № 671/7, l. 1—6.* (In Russ.).
- Penza region for forty years of Soviet power, 1917—1957.* (1957). Penza: Penza. kn. publishing house. 544 p. (In Russ.).
- PGKM — *Penza State Museum of Local Lore.* (In Russ.).
- RGALI — *Russian State Archive of Literature and Art.* (In Russ.).
- Stalin’s banner: [newspaper]. (1939—1956). *Organ of the Penza Regional Committee of the CPSU (b).* Penza. (In Russ.).
- TASS — *Telegraph Agency of the Soviet Union.* (In Russ.).

References

- Afonsky, S. A. (2016). The presence and nature of archetypes in the art of the Russian poster created during the Great Patriotic War of 1941—1945. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 3 (87): 159—169. DOI: 10.21686/2413-2829-2016-3-159-169. (In Russ.).

- Bakhtiyarov, R. A. (2018). *Posters "Windows of TASS" in the artistic life of Leningrad during the Great Patriotic War. The origins and features of the figurative solution*. St. Petersburg: Asterion. 62 p. ISBN 978-5-00045-580-7. (In Russ.).
- Chernova, N. V., Makarova, N. N. (2023). Laughing practices during the Great Patriotic War in the newspaper Magnitogorsk Worker. *The modern history of Russia*, 13 (1): 172—184. DOI: 10.21638/SPBU24.2023.110. (In Russ.).
- Efimenko, O. K. (2012). *Artistic intelligentsia of the Upper Volga on the eve and during the Great Patriotic War: 1939 — May 1945*. PhD Diss. Ivanovo. 191 p. (In Russ.).
- Fadeeva, N. A. (2005). Publishing activity of the type-lithography "Stalin's Banner" during the Great Patriotic War of 1941—1945. In: *The Great Victory: materials of the region. scientific-practical conf., dedicated. 60th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War (April 21—22, 2005)*. Penza: [b. i.]. 76—82. (In Russ.).
- Fedosov, E. A., Konev, K. A. (2015). Soviet poster of the Great Patriotic War: national and regional aspects. *Rusin*, 2 (40): 189—209. DOI: 10.17223/18572685/40/12. (In Russ.).
- Golub, Yu. G., Barinov, D. B. (2002). *The fate of the Russian artistic intelligentsia in the conditions of the Stalinist regime*. Saratov: Sarat Publishing House. Unita. 187 p. ISBN 5-292-02922-X. (In Russ.).
- Koroleva, L. A. (2018). Agitation and propaganda in the USSR in the initial period of the Great Patriotic War (based on the materials of the Penza region). *News of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 3 (47): 90—97. DOI: 10.21685/2072-3024-2018-3-9. (In Russ.).
- Kuzichkin, S. N. (2015). *Penza rulers*. Penza: [b. i.]. 64 p. (In Russ.).
- Maksimenko, E. P. (2023). "Even sidewalks were covered with images of roofs and windows ...". Frontline Moscow 1941 in photographs of war correspondents. *Military-historical journal*, 5: 16—27. (In Russ.).
- Maslennikov, V. A. (2007). *Windows TASS. 1941—1945*. Moscow: Kontakt-Kultura. 127 p. ISBN 978-5-93882-034-0. (In Russ.).
- Masters of Soviet fine art. Works and autobiography. Essays*. (1951). Moscow: [B. I.]. 604 p. (In Russ.).
- Savin, O. M. (2005). *Penza art ...: pages of the history of the oldest educational institution in Russia*. Penza: [B. I.]. 598 p. (In Russ.).
- Soviet propaganda during the Great Patriotic War: "communication of persuasion" and mobilization mechanisms*, 2. (2015). Moscow: ROSSPEN. 397 p. ISBN 978-5-8243-2014-5. (In Russ.).
- Yakupova, D. V. (2023). Socio-cultural space of the Penza region during the Great Patriotic War (1941—1945). *Historical Journal: scientific research*, 4: 156—172. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.40990. (In Russ.).
- Zabrodina, N. I. (2012). *Chronicle of the cultural life of the Penza region. XVIII—XX centuries*. Penza: Penza OBDU. Available at: https://dl.liblermont.ru/DL/September_17/Hronika_kulturnoy_zhizni_Penzenskogo_kraya_18-20vv.pdf (accessed 20.07.2023). (In Russ.).

*The article was submitted 24.08.2023;
approved after reviewing 09.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года. Язык публикации — русский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web.
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, л. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
<https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G. Hedges* : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alekseeva, L. M., Mishlanova, S. L.</i> Mobility of Contemporary Terminology	9
<i>Alekseyeva, M. L., Salo, V. E.</i> Typology of Metaphor Transfer Techniques (German Translation of A. I. Solzhenitsyn's 'The Gulag Archipelago')	28
<i>Barmina, E. A., Skidan, O. G.</i> Speech Portrait of a Mentally Unhealthy Character as a Translation Problem	47
<i>Vinogradov, S. N., Fokina, V. O.</i> Orienting Role of Terminology in Context of Its Scientific-Popular Conceptualization	65
<i>Golev, N. D.</i> Macro-Modeling Linguistic Variability: Expanding the Boundaries of Linguistic Variation Studies (A Comprehensive Review of Russian Linguists' Works).....	86
<i>Gorban, O. A.</i> Report in Documentary Communication in Southern Region of Russia during First Half of 18th Century	126
<i>Ioanesyan, E. R.</i> Illocutionary Indicators: A Comparative-Typological Perspective.....	143
<i>Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S.</i> Network Nature of Translation Constellations: Translation Department at a Regional Commercial Enterprise	156
<i>Kruglova, A. V.</i> Perception of Prosodic Division Depth in Spoken Poetry (A. S. Pushkin's "Eugene Onegin").....	179
<i>Mokienko, V. M., Nikitina, T. G.</i> Biblical Phraseological Units and Proverbs in Modern Sociocultural Context: Dictionary Representation.....	193
<i>Riabtseva, N. K.</i> Cross-Linguistic Correspondences and Current Problems in Terminography	211

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Bazhenova, E. A., Shirinkina, M. A.</i> Media Communications of Executive Power: Assessing Effectiveness	229
<i>Bochkarev, A. I.</i> Uselessness as Main Utilitarian Antivalue of Contemporary Comedic Discourse in English Linguistic Culture.....	245
<i>Sorokin, D. A.</i> Multilingualism as a Phenomenon of Public Broadcasting (Macedonian Holding MRT).....	262

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Kiseleva, I. A., Potashova, K. A.</i> M. Yu. Lermontov and A. A. Velyaminov: History of Relations and Views on Caucasian Question.....	277
<i>Konstantinova, N. V.</i> Specificity of Authorial Strategy in 19th Century Women's Travelogues: A Study of E. A. Sverbeeva's Travel Diary	293

<i>Lvova, S. D.</i> Tropes in Olonkho: Stability and Variation.....	311
<i>Ozhigova, M. M.</i> Concept of Friedrich Nietzsche's Apollonian and Dionysian and Its Influence on Aesthetic Dialogue in Two Stories by Maxim Gorky	329

HISTORY

<i>Agafonova, A. B.</i> Urban Everyday Life and Electrification in Context of Fuel Crises in First Quarter of 20th Century.....	348
<i>Aksarin, V. V., Sadykova, E. F.</i> Urban Development in Western Siberia during 1930s: Socio-Economic Indicators.....	372
<i>Antoshkin, A. V.</i> State Regulation of Trade in Bashkortostan from 1945 to 1953	395
<i>Bakanov, S. A.</i> Social Infrastructure of Soviet Enterprises in the 1950s-1980s: Sources and Mechanisms of Financing (Example of Chelyabinsk Tractor Plant).....	413
<i>Nesterova, T. P.</i> Ethiopia and Great Powers in Final Stage of Italo-Ethiopian War (March — May 1936).	438
<i>Ochirov, B. V.</i> Population of Bolshederbetovskii Ulus of Kalmykia during Transition to Settled Life in Second Half of 19th Century	455
<i>Suleymanov, A. A.</i> Yakutsk Complex Expeditions of USSR Academy of Sciences and Study of Arctic Regions in Yakutia in 1950s	472
<i>Tatarov, A. A.</i> Newspaper 'Gazavat' and Issue of North Caucasus in Nazi Germany's Propaganda in 1943-1944	491
<i>Yakupova, D. V.</i> Penza's "Agit-Windows" in Cultural Legacy of Great Patriotic War	509
TO AUTHORS.....	529

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru**.

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 12, выпуск 8, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 8, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 27.10.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 32,19. Тираж 500 экз. Заказ 27/10-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена

